

В. Н. А В Т О К Р А Т О В

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
АРХИВОВЕДЕНИЯ

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

В. Н. А В Т О К Р А Т О В

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
АРХИВОВЕДЕНИЯ**

МОСКВА
2001

УДК 930.25
ББК 79.3
А 22

Составитель Т.И. Хорхордина

Художник М. Гуров

ISBN 5-7281-0349-9

© Автократов В.Н. (наследники), 2001
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2001
© Хорхордина Т.И., автор вступительной
статьи, составитель, 2001

По складу своего научного дарования и профессиональной работы Владимир Николаевич Автократов был ярко выраженным архивистом-теоретиком. Его отличали обширная эрудиция, способность синтезировать огромный объем фактов и острота научной мысли. Все это позволяет ему по праву занять выдающееся место в истории науки и уникальное – среди архивоведов. Надо учесть, что на протяжении более семидесяти лет (с 20-х и вплоть до начала 90-х годов) термины “архивист” и “теоретик” были разделены невидимым, но жестким барьером идеологизированных штампов и вненаучной эмпирики. Во многом такое положение было вызвано тем, что десятилетиями оставался невостребованным научный задел архивоведов конца XIX – начала XX в., когда было впервые обозначено понимание сущности архивного фонда ретроспективной информации как целостного организма, результата естественноисторического процесса непрерывного развития, самоорганизации, протяженного существования во времени и пространстве, в рамках которого сама “смерть” (т. е. утрата документом-“эмбрионом” своего первоначального, оперативного предназначения и укладка его в качестве “единицы хранения” в картонные коробки) знаменовала собой не смерть, а своеобразное продолжение жизни в качественно новом измерении. Автократову-теоретику для воссоздания науки об архивах потребовалось вычленить из непрерывно меняющегося поля эмпирической архивистики достаточно абстрактные и устойчивые во времени модели и закономерности. Начав с попытки использования идей информатики и принципа системности с целью повышения информационной отдачи источников, складированных в центральных государственных архивохранилищах, он пришел к созданию оригинальной общей теории архивоведения, ядром которой является научная система взглядов на объективность законов, действующих в процессе фондообразования. Таким образом, он первым наметил путь к тому, чтобы покончить с самоизоляцией архивоведения в отечественной и мировой системе научного знания.

К сожалению, эта заслуга ученого при его жизни не была понята и оценена в достаточной степени. Очевидно, действительно, “большое видится на расстоянии”. Настоящая публикация основных трудов В.Н. Авто-

кратова призвана вернуть к жизни его творческое наследие и дать возможность современному читателю самому разобраться в существе его научных открытий.

В мире В.Н. Автократова

Владимир Николаевич Автократов родился 17 августа 1922 г. в Москве и почти всю свою жизнь провел в самом ее центре, в районе Тверских-Ямских улиц.

В “личных листах по учету кадров”, которые ему пришлось в течение всей жизни заполнять не один раз, в графе “социальное происхождение” он, начиная со студенческих лет, неизменно писал: “из мещан”. На последующие вездливые вопросы анкеты, по пунктам а) “бывшее сословие (звание) родителей до Октябрьской революции” и б) “после Октябрьской революции” он отвечал: а) “учащиеся”, б) “служащие”¹.

Расшифруем эти записи. Отец Владимира Николаевича – Николай Васильевич Автократов (1894–1961) – несколько десятков лет проработал на предприятиях и в учреждениях системы цветной металлургии, был научным сотрудником НИИ “Цветметзолото”. Однако тайной страстью Николая Васильевича было писательство. В разных журналах он напечатал несколько приключенческих рассказов, а когда в свет вышла его книжечка для детей “Серая скала” (Детгиз, 1950 г.), счастливее Николая Васильевича не было на свете человека. В личном фонде В.Н. Автократова хранится “Послужной список прапорщика армейской пехоты Автократова Николая Васильевича” времен гражданской войны и «Заявка Н.В. Автократова в Воениздат об издании его книги “Страница из Корана”». (1947–1960)².

Мама – Антонина Ивановна Автократова (Алонзова) – несколько лет работала в Архивном управлении МИД, где участвовала в подготовке к изданию сборников дипломатических документов. Затем многие годы преподавала французский язык в Военной академии им. М.В. Фрунзе, написала лично и участвовала в написании нескольких учебных и учебно-методических пособий.

Сразу же после начала войны только что окончивший московскую школу № 183 Володя Автократов был эвакуирован вместе с родителями и проектным институтом, в котором работал отец, в Кировскую область (г. Халтурин). Там он недолго был учеником мастера. Весной 1942 г. прямо из Халтурина 19-летний юноша был призван в ряды Красной Армии и почти два месяца (май–июнь) служил под Москвой простым красноармейцем в 130-й отдельной роте связи. В письмах домой он об этом не писал, но в автобиографиях отмечал факт службы рядовым неукоснительно. Свое двадцатилетие он встретил уже курсантом Калининского военного училища технических войск. Наибольшим испытанием для него была медицинская комиссия, которой внушали большие подозрения его горячие заверения в том, что “с сердцем” у него никогда не было и нет никаких проблем. Как рассказал он в письме папе и маме, «врач покачал головой,

но написал "годен"». Правда, позже его все равно забраковал окулист – зрение у юного любителя чтения было испорчено порядочно. Отправленный в карантин, неудачливый очкарик выучил наизусть шесть строчек букв из таблицы для проверки зрения и лихо отрапортовал их на окончательной проверке. Он все-таки добился своего – был зачислен слушателем в 16-ю учебную роту. "Лучшего для меня нет и быть не может. Обо мне не беспокойтесь. Питание здесь хорошее", – успокаивал он своих родителей³. Теперь самым трудным для этого интеллигентного юноши оказывается выработать зычный, "как иерихонская труба", командирский голос. Не скрывая наивного удивления, он пишет "милой мамочке", что здесь неправильный, но громкий и четко доложенный ответ оценивается выше, чем правильный, но "тихий и вялый". Он старательно учится "вытравливать в себе жалость и снисхождение к слабостям", а беспокоится только об одном – "как я поступлю, когда у меня будут подчиненные люди раза в 2 старше меня". И в том же письме обещает маме, что "не будет делать вредных и ненужных жестокостей". Как бы то ни было, новоиспеченный офицер в звании "техник-лейтенант" прибыл в действующую армию в канун нового, 1944 г. Воевал на 2-м Прибалтийском и на 1-м Белорусском фронтах, был командиром взвода дегазации 186-й отдельной роты химической защиты 207-й стрелковой дивизии. Освобождал Варшаву, участвовал во взятии Берлина. Много лет спустя очень гордился нагрудным значком ветерана 3-й Ударной армии.

Интересно, что в письмах с фронта он обязательно рассказывал папе и маме о книгах, которые ему удалось достать и прочитать. Так, в сентябре 1944 г. он сообщает родителям, что ему попался один том "Истории Костомарова", а в нем "эпоха Алексея Михайловича и другие знакомые мне события освещаются интересно, но не так, как я знал их". В марте 1945 г. он удивляется "старинному сборнику нравоучений о поведении в обществе", потому что, оказывается, "дама должна спускаться по лестнице на одну ступеньку ниже мужчины".

После Дня Победы, вплоть до осени 1945 г., Автократов проходил службу при химическом отделе штаба Группы советских оккупационных войск в Германии, затем был направлен на курсы усовершенствования офицеров пехоты Западно-Сибирского военного округа. Хотел ли он продолжения военной карьеры? Скорее нет, чем да. Во всяком случае, в одном из писем с фронта он написал: "Иногда думаю, может быть, мне остаться в армии пожизненно, пойти в академию. Тогда нужно уже сейчас добиваться повышения, быть на хорошем счету у начальства. В душе меня это все не устраивает"⁴. Вопрос решился сам собой: в конце ноября 1945 г. медицинская комиссия, неумолимая в условиях послевоенного времени, постановила уволить лейтенанта В.Н. Автократова из рядов Красной Армии и снять с воинского учета по состоянию здоровья – специалисты зафиксировали у него комбинированный порок сердца в стадии неустойчивой компенсации. Так закончилась его военная карьера.

В Москву он вернулся для того, чтобы продолжить учебу. Сначала сдал документы в Педагогический институт иностранных языков, и даже проучился там до весны 1946 г. на подготовительном отделении. Но уже

в сентябре все того же первого послевоенного года Автократов делает окончательный и, очевидно, главный выбор в своей жизни – он решает поступить в Московский государственный историко-архивный институт.

Как и все недавние фронтовики, вряд ли он полностью отдавал себе отчет в том, кого готовит этот вуз. Наверное, все-таки, как и подавляющее большинство абитуриентов, его притягивало слово “исторический”, а не “архивный” – потому что недавнему фронтовику, еще донашивавшему китель, галифе и хромовые офицерские сапоги, было не под силу представить себе в завале пыльных папок с замусоленными ленточными завязками.

Как бы то ни было, новая жизнь началась с того, что по адресу местопроживания Автократова в Москве пришел вызов для сдачи экзаменов, в котором предписывалось, помимо всего прочего, явиться в Московский государственный историко-архивный институт, имея при себе “продукты на два дня, карточки на получение хлеба и продуктов, а также одеяло, простынь и наволочку”.

С преподавателями и профессорами студенту Автократову повезло с первого курса. Его первым научным руководителем стал заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин профессор Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959), от дружбы с которым он не откажется даже после страшного погрома на кафедре ВИД в 1949 г., когда за “низкопоклонство перед Западом” Андреева уволили из института, а на его место “для ликвидации вредных последствий андреевщины” пришел бывший армейский политработник майор В.И. Самойлов. Студент 3-го курса Автократов, недавно (8 июля того же, 1949 г.) принятый в ряды членов КПСС, не отрекается от учителя. Более того, он пишет ему, фактически изгнанному из института и из столицы по политическому обвинению, теплые письма в Ленинград, спрашивает у него совета по разным учебным и житейским вопросам, зачитывает друзьям и сокурсникам его ответы⁵. Судя по содержанию ответных писем А.И. Андреева, студент сообщает опальному учителю подробности о студенческой жизни, о заседаниях Ученого совета МГИАИ. Александр Игнатьевич благодарит ученика за моральную поддержку и добрые чувства. Чтобы оценить этот мужественный поступок Автократова, нужно иметь в виду, что студенты – недавние фронтовики в институте были на особом счету. За редчайшими исключениями, они умели дружить и не умели предавать. В итоге Владимир Николаевич предпочел остаться самим собой, все тем же интеллигентным учеником своих высокообразованных родителей. Он лишь еще напряженнее работает над начатым при Андрееве дипломным исследованием так называемой “Хрущовской” Степенной книги XVII в.

В его зачетной книжке – преимущественно отличные оценки, за которыми следуют подписи Н.В. Бржостовской, Н.П. Ерошкина, В.Е. Иллерицкого, И.Л. Маяковского, А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова, Л.В. Черепнина, М.Н. Черноморского и других профессоров и преподавателей, которые составили славу и гордость института. Достойным итогом студенческих лет стали 34 экзамена, которые он сдал на “отлично”. И только несколько дисциплин он сдал на “хорошо” (политэкономия, основы марксизма-ленинизма, новая история и некоторые другие)⁶. Студенческие

годы завершились вручением ему диплома с отличием, которым ему была присвоена квалификация *историка-архивиста*.

Отметим, что основная часть его дипломной работы и выводы из нее были введены в широкий научный оборот⁷. Кроме того, он принял активное участие в подготовке к изданию “Актów феодального землевладения и хозяйства”, написал квалифицированный комментарий к Правосудью митрополичью (обосновав новую датировку памятника), составил капитальный указатель к очень сложному тексту Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в. Практически все эти труды были изданы⁸. Его новый научный руководитель Александр Александрович Зимин позднее написал, что в них “чувствуется андреевская закваска”.

Впрочем, о совместной работе В.Н. Автократова и А.А. Зимина стоит написать отдельно.

А.А. Зимин (1920–1980) сменил А.И. Андреева в качестве научного руководителя дипломной работы Автократова совсем не случайно. Всего на два года старше Владимира Николаевича, почти его ровесник, но уже достаточно известный исследователь, он читает в институте спецкурс “Приемы анализа актового материала феодально-крепостнической эпохи”, который слушает Автократов. Он знает, что первым открыл самобытный исследовательский талант Зимина Сергей Владимирович Бахрушин, но вряд ли догадывается, как трудно было затем Льву Владимировичу Черепнину и Александру Игнатьевичу Андрееву уговорить директора института Д.С. Бабурина – в нарушение всех формальностей – пригласить в феврале 1947 г. на должность преподавателя кафедры ВИД еще не защитившего кандидатскую диссертацию молодого сотрудника Академии наук Зимина. (Кстати, вскоре Бабурина тоже снимут с должности директора “как не обеспечившего руководство”.) Бесспорно одно – студент Автократов смог оценить прямую преемственность отношения к науке у Андреева и Зимина⁹.

Теперь и мы можем судить об этом.

“А.И. Андреев не только сам был слугою ее величества науки, но и стремился, чтобы все остальные были достойны находиться в ее храме”. Так вспоминал о нем А.А. Зимин в своих воспоминаниях.

“Храм науки. Воспоминания о прожитом” – не случайно именно так сформулировал А.А. Зимин один из вариантов названия для своих записей мемуарного характера. Именно такое название, звучавшее столь несовременно в трудные для отечественной истории 70-е годы, но столь созвучное настроениям и мировоззрению историков дореволюционной поры, отвечало духу его “школы” в стенах МГИАИ. Он сам писал об этом предельно четко, хотя и не без внутренней самоиронии: “В подавляющем большинстве мои ученики – беспросветные, безнадёжные идеалисты. Ко мне они шли не за лаврами (как к А.Л. Сидорову¹⁰), а чтобы выпить сполна дурманящую чашу познания, стать сопричастными тому, что сделано было их пращурами... К тому же работенка в моем семинаре была трудной, а характер у преподавателя скверный. Нужно вкалывать. Не каждый на это способен... Ни реальных перспектив, ни голубой жизни я предложить не мог. И все же ребята шли ко мне – и какие! Истинные труженики, озаренные влюбленностью в историю...”

Далее следует характеристика Владимира Николаевича Автократова, который первым (вместе со Светланой Арамовной Левиной¹¹) защитил диплом у А.А. Зимина в 1951 г.: "Их учителями сначала были А.И. Андреев и Л.В. Черепнин, распрощавшиеся с институтом в конце 40-х годов... Уже в студенческие годы Владимир Николаевич отличался скрупулезностью исследования и острым взглядом. Фронтвик, он работал у меня как вполне сложившийся ученый... В его работе чувствовалась андreeвская закуска. Владимир Николаевич – настоящий архивист. Позднее, уже в бытность зам. начальника ЦГВИА, он защитил у меня тонкую диссертацию, основанную на глубокой проработке отрывочного материала о Военном приказе Петра I, существовавшем на переломе в истории центрального правительственного аппарата того времени"¹².

Эту выписку из еще не опубликованных в то время воспоминаний вдова А.А. Зимина – кандидат исторических наук Валентина Григорьевна Зимина – подарила на похоронах В.Н. Автократова 7 декабря 1992 г. Марии Игоревне Автократовой¹³, с которой Владимир Николаевич связал свою жизнь еще в стенах МГИАИ и с которой прошагал рука об руку до самой кончины. Именно Марии Игоревне история отечественной культуры обязана тем, что сегодня в ГАРФ хранится профессионально разобраный и описанный ею личный фонд Владимира Николаевича, составляющий более двух тысяч единиц хранения.

Впрочем, хотя полностью воспоминания Зимина еще не опубликованы (сам автор наложил на них ограничительное вето), оценка Автократова не заканчивается приведенной выше его характеристикой как историка-исследователя.

Для нас представляет особый интерес характеристика, которую дал Зимин его деятельности на архивном поприще: "В 1966 г. создан был Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). Во главе его поставлен был Курантов А.П.¹⁴ Автократов же стал мозговым центром института. Он, безусловно, сейчас самый мыслящий теоретик архивного дела. С самозабвенной увлеченностью создал он новую систему архивоведения как науки, построенную на применении математических подходов и теории информации. Она совершенно недоступна для современных зубров архивного дела, попахивает иноземщиной и если даже не будет принята, то войдет в историю науки".

Эту запись Зимин сделал, судя по содержанию, в конце 70-х годов (точная датировка в воспоминаниях отсутствует)¹⁵. Поскольку велись они только "для себя" (не случайно Александр Александрович в качестве еще одного варианта названия для своих мемуарных записей предлагал: "Недодуманные мысли. Этюды и воспоминания"), в них содержатся некоторые резкие характеристики отдельных лиц, которые публикаторы, уважая волю автора, не хотели предавать гласности. Однако, убирая в приведенной цитате нелестный эпитет, они несколько исказили смысл слов Зимина – речь в данном случае шла не о том, что директором ВНИИДАД в 1966 г. был назначен Курантов (на самом деле первым директором института стал Андрей Спиридонович Малитиков, с которым Автократов работал достаточно плодотворно в должности ученого секретаря). Очевид-

но, Зимин имеет в виду деятельность Автократова на посту заместителя директора по научной части, когда сменивший Малитикова А.П. Курантов при личной профессиональной некомпетентности в области архивоведения выступал, тем не менее, в качестве “автора”, соавтора, редактора и главного редактора практически всех публикаций, которые готовились в институте самим Автократовым или его единомышленниками.

Дело не в личностях, или, вернее, не только в них. Главное в словах Зимина – это острота и “хирургическая” точность, с которой он определил сущность коллизии, сложившейся между “зубрами архивного дела” и “новой системой архивоведения как науки”, предложенной Автократовым. Более того. Даже сегодня, спустя 20 с лишним лет, можно лишь поражаться точности не только диагноза, но и прогноза, сделанного Александром Александровичем.

Действительно, нельзя сказать, что “система Автократова” была принята в архивном мире. Об этом говорит хотя бы то, что только в канун XXI столетия предпринимается первое издание основных трудов Автократова, адресованное относительно широкому кругу читателей. При жизни автора не вышло ни одной монографии, ни одного книжного издания с его именем на обложке. А главное, остался как бы незамеченным его фундаментальный труд “Теоретические исследования некоторых проблем современного архивоведения” объемом около полутысячи страниц машинописного текста, который был благополучно депонирован в 1982 г. в ЦОСИФ ВНИИДАД. В личном фонде Автократова сохранился план-проспект книги с аналогичным названием и препроводительное письмо директора ВНИИДАД А.И. Чугунова, датированные 1988 годом. На этом все и кончилось.

Фактом является и то, что “система Автократова”, о которой писал Зимин, действительно “вошла в историю науки”, поскольку начиная с 70-х годов и вплоть до сегодняшнего дня без ссылок на разрозненные статьи Автократова не выходит ни один серьезный труд в области отечественного архивоведения. Более того. Ценность его научного наследия постоянно возрастает, поскольку архивное строительство и осознанное управление архивным делом в новой России, как показывает опыт последних лет, нельзя осуществлять без опоры на прочный теоретический фундамент, а именно его и подвел под науку об архивах В.Н. Автократов.

Таков парадокс или, если хотите, феномен Автократова, неразрывно связанный с той эпохой, с тем миром, в котором он жил.

Таков был результат борьбы между рыцарскими представлениями о сущности поиска научной Истины, которой Владимир Николаевич был предан всю жизнь, и конъюнктурщиной, политиканством, мелкотемьем, которые пронизывали живой организм истории и теории архивного дела в условиях монопольного контроля партийно-государственного аппарата над всеми сферами духовной жизни общества, включая науку.

Попробуем разобраться более детально в том, что же нового внес В.Н. Автократов в архивоведение. Это тем более необходимо, что даже многие из тех “зубров”, которые работали рядом с ним и вроде бы даже читали все его статьи сразу после их выхода в свет, сегодня задаются тем

же вопросом: а действительно, что же нового в той “системе”, которую одним из первых разглядел разве что Зимин?

В.Н. Автократов и наука об архивах

На первый взгляд, представляется необъяснимым тот крутой поворот, который сделал в своей научной биографии блестящий историк, обратившись после защиты кандидатской диссертации в 1964 г. о Военном приказе времен Петра I¹⁶ к исследованию теоретических проблем архивного дела. Вряд ли это можно объяснить только субъективным стремлением углубить свои профессиональные знания, хотя, поступив после окончания института на работу в ЦГВИА в качестве научного сотрудника, а затем, в 1964–1966 гг., находясь в должности заместителя директора ЦГВИА, он, несомненно, испытывал в этом необходимость. В конце концов, сотни выпускников МГИАИ испытывали (и испытывают) аналогичные потребности, но теоретиками из них становятся только единицы. А такими теоретиками, как Автократов, – практически никто.

Очевидно, ответ кроется в уникальном совпадении субъективных интересов ученого, изначально “запрограммированного” на решение самых сложных, запутанных, а еще вернее – “запущенных” задач, и объективных потребностей государства, общества и, наконец, науки на определенном этапе их развития.

Иначе говоря, Автократов оказался в нужное время и на нужном месте.

В самом деле, в период с конца 60-х до начала 80-х годов в нашей стране удивительным образом повторилась специфическая ситуация, которая в исторической ретроспективе напоминала ту, которая складывалась с середины XIX в. (“эпоха Калачова”) и просуществовала вплоть до конца 20-х годов XX столетия (“эпоха реформ”).

Характерной чертой, объединяющей эти два отрезка времени, было то, что именно тогда особенно активно “люди, представлявшие профессию историка-архивиста, пытались осмыслить и донести до сведения общественности, властных структур понимание того, что такое архивный документ, архив и каково должно быть к ним отношение”¹⁷.

Мы целиком и полностью разделяем мнение руководителя Федеральной архивной службы, члена-корреспондента РАН Владимира Петровича Козлова о том, что “именно это составляет главную проблему российского архивного дела”. Пожалуй, можно сделать единственное уточнение – названная главная проблема относится не столько к “архивному делу” (поскольку такой термин несколько расплывчат), сколько к отечественной науке об архивах.

Владимир Николаевич Автократов – крупнейший представитель ученых-архивоведов 70–80-х годов, который посвятил весь свой талант ученого, все свои силы осмысливанию фундаментальных вопросов архивоведения и попыткам “донести до сведения общественности, властных структур” (если использовать удачное выражение В.П. Козлова) не только практическую, но и чисто научную важность этой работы.

Тяга к занятиям теорией проявилась у него очень рано. Еще в феврале 1954 г. недавний выпускник МГИАИ, сотрудник ЦГВИА В.Н. Автократов направляет на имя "начальника Центрального архивного управления МВД СССР подполковника Б.И. Мусатова" докладную записку на восьми листах, которую открывает резкая и знаменательная для дальнейшей биографии Автократова фраза: «Значительным недостатком современного состояния архивного дела является слабая разработка научно-теоретических вопросов. Это объясняется тем, что ... в стенах ЦАУ вообще нет научно-исследовательского центра, где самостоятельно разрабатывались бы актуальные проблемы теории... Более того, препятствием в развитии творческой мысли является и сугубо утилитарный взгляд некоторых архивистов об ограниченности задач наших научных кадров созданием хороших условий для хранения документальных материалов, предпосылок для использования их (использование при этом понимается весьма поверхностно, только как выявление и копирование материалов по заданной теме) и наведением справок... Целое поколение архивистов воспиталось на разработке и практическом претворении в жизнь ряда важнейших проблем архивного дела (вопросы фондирования, экспертизы, описания документов и т. д.). Эта работа потребовала – и сейчас еще требует – колоссального труда сравнительно незначительной армии архивистов, и этот труд увенчался успехом: в основном документальные материалы в госархивах описаны и приведены в порядок. Однако, строго говоря, проделанная работа не может считаться научной работой, так как в ней громадное место занимает техническая сторона дела. Поэтому, проводя научно-техническую обработку документальных материалов, сотрудники развивали у себя с годами профессиональные навыки, но не росли в деле повышения своего исследовательского уровня. В той же мере и руководящий состав госархивов учился руководить комплексами мероприятий, но не получил опыта в руководстве исследовательской работой. Большое отрицательное значение имела откровенная погоня за перевыполнением плана в **количественных** (здесь и далее по тексту все кавычки и подчеркивания принадлежат автору. – Т. Х.) показателях, давление, оказывавшееся на сотрудников в смысле "повышения", "перевыполнения" "норм" обработки дел и другие явления, сама суть которых исключает какой бы то ни было **научный** подход к работе **научных** сотрудников. Таким образом, громадный труд, вложенный в мероприятия по приведению документальных материалов в порядок, создал наряду с положительными результатами результат отрицательный, незаметный на первый взгляд. Он заключается в выработке у целого ряда архивных работников упрощенного и ненаучного взгляда на специфику архивного дела... Нет ясного представления о том, что проблема "усиления использования" может быть решена только тогда, когда вся наша работа поднимется на новую, высшую ступень, когда мы привлечем сюда новые методы аналитического исследования, то есть тогда, когда мы **принципиально** по-новому взглянем на сущность нашей деятельности». Далее Автократов предлагает перечень конкретных задач "научно-исследовательского отдела ЦАУ" (так в тексте. – Т. Х.), расписывает его структуру, штаты и т. д. В заключение он пишет: "Запи-

ска составлена в очень короткий срок, поэтому в ней не нашлось места для развернутой аргументации основных мыслей автора. Все же представляется, что главное направление этого документа достаточно ясно и что есть основания надеяться, что его содержание сможет пробудить некоторый интерес”.

Надо ли говорить, что надежды Автократова не оправдались?

Ровно через месяц он получил из ГАУ официальный ответ, подписанный заместителем начальника по научно-методической работе И.С. Назиным. В нем говорилось: “Тов. Автократов В.Н.! Рассмотрев изложенное в Вашей докладной записке от 9 февраля с.г. предложение о создании научно-исследовательского отдела, руководство ЦАУ МВД СССР (так в тексте! – Т.Х.) нашло, что выделение научной работы из всех подразделений Управления в один отдел не может способствовать выполнению задач Управления”. После двух демагогических фраз о том, что эти задачи состоят в том, чтобы “поднять творческую активность всех архивистов и сделать научным их подход к любому виду архивной работы”, следовал приговор: “Ваше предложение... идет вразрез с решением этих задач”¹⁸.

Так окончился первый раунд попытки Автократова пробить глухую оборону “зубров” из числа тех, кто держал в своих руках судьбы архивов и архивистов тоже. Заметим, что Назин¹⁹ был далеко не худшим из них. Ветеран отечественного архивного дела В.В. Цаплин так охарактеризовал его спустя много лет: “И.С. Назин был, пожалуй, одним из наиболее способных архивистов 40-х и 50-х годов. Но его сломал <начальник ГАУ МВД СССР> В.Д. Стыров, а затем подмял под себя <начальник архивного главка в более позднее время> Г.А. Белов. Оба они пользовались его советами, выдавая их за свои мысли. Постепенно Назин становился осторожным (порой излишне осторожным), но тем не менее до конца жизни он пользовался заслуженным уважением большинства сотрудников Главархива”²⁰.

Вот с такими “уважающими друг друга зубрами” и начал борьбу Автократов.

Мы привели почти полностью его ранний, никогда не публиковавшийся документ начала 50-х годов потому, что он представляет собой практически научный манифест ученого. В сущности, затем во всех своих теоретических работах он будет как бы досказывать недосказанное, давать все более развернутую аргументацию своих мыслей. Правда, тон его работ станет академическим, он научится сдерживать свои эмоции. Но общий вектор его исследований – доказать, что:

а) архивы как целостный феномен являются результатом проявления в человеческой деятельности объективно действующего, естественноисторического закона фондообразования;

б) ценность архивного документа заключается в нем самом, она не зависит “от спроса на информацию конкретных потребителей, а соотносится с информационными потребностями всего общества, в том числе еще не известными в данное время”²¹.

В сложной системе теоретических взглядов Автократова каждый историк, архивист, каждый специалист и просто вдумчивый читатель найдет

что-то, отвечающее его собственному представлению о главном, самом существенном в науке об архивах. Но все-таки системообразующим элементом в его "общей теории архивоведения", с нашей точки зрения, является именно подход к процессу фондообразования как к частному проявлению причинно-следственных связей в бесконечной истории самопознания человека и его отношений с окружающей природной средой (Автократов это называл "специфической формой проявления принципа историзма"), а также определение документа как отдельного неотъемлемого звена в непрерывной цепи формирования целостного организма в виде архивного фонда (Автократов считал это имманентным свойством архивоведческой категории "принцип происхождения") – в отличие от искусственно создаваемого человеком инварианта, разновидности нежизнеспособной структуры типа коллекции документов.

В этом контексте стержнем "системы Автократова" является глубокая мысль, которая формулировалась им несколько раз и каждый раз оставалась незамеченной "зубрами" архивного дела. Впервые не только в отечественном, но и, по существу, в мировом архивоведении он научно обосновал следующий новаторский вывод:

«Общая теория архивоведения рассматривает **фонд** как генетически и структурно целостный источник потенциальной ретроспективной информации. Процессу **фондообразования**, включающему складывание органической структуры фонда, присущи черты **естественноисторического процесса**... На современном уровне развития архивоведения и источниковедения можно утверждать, что в общем случае документы не только легче описываются в том окружении, в котором они возникли, но и точнее, полнее и шире **интерпретируются**. Из этого следует, что "упорядоченные множества" документов, оставляемых на постоянное хранение, должны максимально приближаться к историческим структурам документов, и если это условие выдерживается..., результаты их исследования <потребителями> приобретают достаточную степень доказательности"»²².

Сегодня отчетливо видна близость этой системы взглядов с генетической теорией жизни саморазвивающегося по объективным законам, имманентно присущим реальной субстанции, биологического организма. Но во времена написания Автократовым докторской диссертации, т. е. в 70–80-е годы, отечественные ученые (и Владимир Николаевич в том числе) в силу объективных обстоятельств развития науки на данном историческом этапе предпочитали использовать понятийный аппарат информатики и кибернетики.

В каком-то смысле противостояние системы архивоведческих взглядов Автократова и сторонников традиционной, идеологизированной "теории и практики архивного дела" весьма напоминает ситуацию противостояния "школы Кольцова-Вавилова" и "лысенковщины" в биогенетике, или физиков, стоящих на релятивистских позициях, с механицистами.

Более того. Никто из пишущих труды, связанные с историографией архивоведения, не обратил внимания на тот факт, что Автократов разрабатывал теоретические и методологические основы новой науки об архивах в условиях, когда только что (в 1971 г.) был завершен разгром сектора

“по разработке вопросов методологии истории” в Институте истории Академии наук СССР, который начался в 1968 г. Чтобы представить себе научный потенциал расформированного и подвергнутого погромной критике на страницах партийной печати по прямому указанию ЦК КПСС (в лице члена Политбюро, председателя Комитета партийного контроля А.Я. Пельше и заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезникова), назову только несколько имен сотрудников сектора и активных участников обсуждения. М.Я. Гефтер – заведующий сектором и руководитель семинара по общим методологическим проблемам, С.О. Шмидт – руководитель творческой группы по теоретическому источниковедению, В.С. Библер – организатор и руководитель философского семинара “Диалог культур”, Б.Ф. Поршнев и М.А. Барг – соответственно руководители семинаров по социальной психологии и по проблемам структурного анализа и типологии, а также Л.М. Баткин, Л.Н. Гумилев, А.Я. Гуревич, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.А. Курносов, Б.Г. Литвак (кстати, сокурсник Автократова по МГИИ), А.М. Некрич, Е.Э. Печуро, Н.Н. Покровский, Г.С. Померанц и другие²³.

Кроме того, в марте 1973 г. на специальном совещании в Отделе науки ЦК КПСС был завершен разгром так называемого нового направления в советской исторической науке (К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев, В.В. Адамов, А.М. Анфимов, И.Ф. Гиндин и др.)²⁴.

Примеры можно дополнить, хотя и без этого суть “проблемной ситуации”, я думаю, достаточно ясна. Только до архивоведения волна открытого противостояния подлинной науки и ее подобия докатилась с небольшим опозданием. Да и окончилась она, по существу, ничем. Автократов остался при своем мнении. Очевидно, просто еще не пришло время для осознания значения его “системы”. А может быть, власти придерживающиеся сочли борьбу вокруг нее слишком “периферийной”, не заслуживающей особого внимания, и потому все обошлось без оргвыводов.

Но не случайно именно философская основа автократовской трактовки объекта и предмета науки об архивах, методологические принципы его исследований и новое толкование роли и места архивоведения в обществе были изначально отвергнуты тогдашними столпами идеологизированной псевдонауки, хотя и на инстинктивном, рефлекторном уровне. Они попросту не могли (а в особо запущенных случаях и не хотели) даже попытаться понять логику рассуждений Автократова. Ведь это означало бы начать сомневаться в том, в чем сомневаться было нельзя категорически, потому что все уже жестко зафиксировано в тисках самой махровой, пещерной эмпирики, без особенных теоретических рассуждений обслуживающей запросы партийно-государственных органов власти. Владимир Николаевич писал об этом, пользуясь эзоповским языком: «“Обыденный практицизм” заслоняет глубокий научный смысл архивной деятельности»²⁵.

В самом деле, разве не о попытке поставить на более высокий, недосягаемый для властей, уровень науку об архивах (а, соответственно, и взглянуть совершенно по-другому на роль и место архивов в обществе) **объективно** свидетельствует заключительная – *ключевая!* – фраза из глав-

ного теоретического труда Автократова, которую мы впервые *полностью*, т. е. в ее *первоначальном виде* восстанавливаем в настоящем издании:

“Признание исследуемой дисциплины исторической не означает, что ее по-прежнему следует считать вспомогательной дисциплиной исторической науки. Обладая развитым понятийным аппаратом и сложной теоретической структурой, она выступает как относительно самостоятельная область исторического знания и познания. В числе ее задач обеспечение запросов исторической науки – важнейшая, но не единственная ее задача. Однако объект, предмет и методология архивоведения историчны”.

Выделенные курсивом фразы исключены из “канонического”, т. е. представленного в ВАК, экземпляра докторской диссертации.

Именно противостоянием взглядов на самую суть науки об архивах объясняется резкая критика, которая обрушилась на Автократова сразу же после опубликования им в “Археографическом ежегоднике за 1969 год” (этот выпуск вышел в свет в конце 1971 г.) статьи²⁶.

В МГИАИ для обсуждения (точнее, *осуждения*) этой статьи были проведены заседания специализированных кафедр (документоведения и государственного делопроизводства ТиПАД, ИОАД, археографии и НТА), Ученого совета и участников семинара “Ленинская методология документоведения и архивоведения”, которым руководило бюро в составе профессора М.С. Селезнева (руководитель), доцентов В.И. Вяликова, Я.З. Лившица и Н.А. Орловой. В заседаниях участвовали не только профессоры, доценты, преподаватели и аспиранты МГИАИ, но также “научные сотрудники ГАУ при СМ СССР и РСФСР, ВНИИДАД, госархивов гор. Москвы”.

Тон практически всем заседаниям и собраниям задавал проректор по научной работе профессор М.С. Селезнев. Он призывал подвергнуть статью “широкому обсуждению в свете партийных постановлений и решений по идеологическим вопросам”. Докладчики (в частности, В.М. Хевролина) единодушно отмечали, что “Археографический ежегодник” слабо освещает “героическую борьбу народа под руководством Коммунистической партии по созданию основ коммунизма”, зато предоставляет страницы Автократову, который дошел до утверждения, что “методика безразлична к мировоззренческим позициям метода, который она обслуживает”. Как указывалось в одном из отчетов, “докладчик отметил несостоятельность данного утверждения, подчеркнув при этом определяющую роль марксистско-ленинской методологии в отношении методики работы с источником”. Другие выступающие также называли статью “ошибочной и путаной”, обвиняя автора в попытке “оторвать практическую (методическую) сторону архивоведения от марксистско-ленинской теории познания, от методологии”. Преподаватель МГИАИ П.С. Преображенская заявила, что корни ошибок Автократова заключаются в том, что он слишком прямолинейно перенес некоторые положения из информатики в область архивоведения, и утверждала, что “нельзя говорить о бесклассовости конкретных методов исторического и источниковедческого исследования”. В качестве положительного примера такого рода исследований на одном из заседаний методологического семинара было проведено заслушивание доклада доцента В.А. Цикулина “Первичная классификация документов в свете марксистско-ленинской теории познания”. Давались указания, что

“необходимо подчеркивать качественное различие методики советского архивоведения от буржуазной, так как методологические основы их различны”.

Участники одного из заседаний заодно заклеили А.Д. Степанского, который был единственным из 16 участников, кто “не согласился с отрицательной оценкой статьи Автократова, высказав мнение, что она написана с учетом логики научного познания”, а также С.О. Шмидта, который отстаивал право редакции публиковать даже спорные статьи, если они посвящены малоразработанной проблеме²⁷. Это был не единственный эпизод прямого столкновения “системы Автократова” с “зубрами”. Но в дальнейшем он просто уходит на “другое” поле.

В стенах ВНИИДАД Владимир Николаевич продолжает упорную работу над созданием общей и частных теорий архивоведения, публикуя практически в каждом томе “Трудов ВНИИДАД”, а также в академическом журнале “Вопросы истории” и ведомственном “Советские архивы” фундаментальные статьи по теоретическим основам науки об архивах, которые позднее войдут в переработанном виде в его докторскую диссертацию. Он ограничивает круг своих исследований только госархивами, но постепенно накапливает материал для работ по гораздо более широкому диапазону проблем. Пока М.С. Селезнев²⁸ и его единомышленники воевали в стенах МГИАИ за чистоту марксистско-ленинской теории и практики архивного дела, В.Н. Автократов приступил к сбору документальных материалов по истории архивоведческой мысли в России и за рубежом, которые к концу его жизни составят в личном фонде около пятидесяти объемистых папок с выписками по самой различной тематике: Русское архивное дело в XVI–XVII веках (ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1. Д. 157), Русское архивное дело в XVIII веке (Там же. Д. 158), Русское архивоведение до революции – в трех частях (Там же. Д. 159), далее следуют 10 папок с выписками и копиями документальных материалов по теории и истории отечественного архивного дела, начиная с папки “Союз российских архивных деятелей” в четырех частях и “Архивное дело в конце 1917–1918 гг.” в пяти частях, к которым примыкают три отдельные папки под названием “К истории централизации архивного дела в России: мысли, выписки, копии, конспекты”, и заканчивая папкой “Архивное дело в 1943 г.” (Там же. Д. 159–168, а также 178, 182, 186–188, 215). В отдельную папку он откладывает материалы по архивоведческим проблемам (Там же. Д. 176, в трех частях), подготовительные материалы на тему “Все о фонде” (Там же. Д. 179, в двух частях, и Д. 182). Кроме того, Автократов собирает выписки и копии материалов по темам: “Психологические вопросы творчества, полезность архивных конференций, стимул, интерес исследователя” (Там же. Д. 207, в двух частях), “Время: социальное, историческое и др.” (Там же. Д. 212), “Партийность в науке. Аксиология” (Там же. Д. 295). В отдельные папки он складывает публикации и архивные документы по персоналиям архивных деятелей (Там же. Д. 215, в семи частях), причем в отдельные папки выделяет материалы по Г.С. Габееву, Б.И. Анфилову, А.С. Лаппо-Данилевскому, В.В. Максакову, М.С. Ольминскому, В.В. Адоратскому, А.В. Луначарскому, М.Н. Покровскому (две папки), В.Н. Сторожеву, Д.Б. Рязанову, М.К. Соколовскому, Я.Н. Ждановичу,

Б.Л. Модзалевскому, М.С. Вишневскому (Там же. Д. 217–226). Отдельную папку составили переводы статей по архивному делу из зарубежных изданий, в том числе сделанные самим Автократовым (Там же. Д. 246).

Можно только гадать, во что бы мог вылиться этот титанический подготовительный труд, если бы судьба отвела автору хоть немного больше жизни. И еще, если бы ему не пришлось отвлекаться на административную деятельность во ВНИИДАД, на редактирование и подготовку к печати чужих рукописей и всякого рода методических правил, инструкций, рабочих планов и т. д.

Присутствие Владимира Николаевича в стенах МГИАИ в последние годы ограничивалось работой в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии. Ни разу он не вышел на кафедру для прямого общения со студентами. Говоря в более широком смысле, он вообще был лишен широкой аудитории читателей, поскольку ни одна из попыток издать монографию или отдельную книгу (а он, как уже отмечалось, предпринимал их неоднократно, с 1966 по 1988 г.) так и не увенчалась успехом. Будем считать, что публикацией наиболее весомых и новаторских трудов Автократова по теории и истории архивного дела в России (сам Владимир Николаевич считал, что архивоведение как целостная наука существует только в неразрывном единстве обеих его ипостасей) мы в какой-то степени восполняем этот пробел.

В заключение несколько слов о принципах подготовки к печати рукописи В.Н. Автократова “Теоретические проблемы отечественного архивоведения”, которыми руководствовался составитель настоящего сборника. В моем распоряжении находилось несколько вариантов данной работы. За основу был принят “канонический”, представленный в ВАК текст диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук под названием “Теоретические проблемы советского архивоведения (1960–1970-е гг.)”. Изучение протоколов обсуждения рукописи на заседаниях специальных кафедр МГИАИ, а также отзывов официальных оппонентов, докторов исторических наук В.З. Дробижеева, Л.А. Гольденберга, В.А. Дьякова, О.М. Медушевской, Института истории АН СССР (за подписями д.и.н. В.И. Буганова и д.и.н. Г.А. Трукана), ГАУ при ЦМ СССР (подписано: “член Коллегии, начальник отдела научно-исследовательской и методической работы Главархива, к.и.н. А.В. Елпатьевский”) и особенно личных пометок Автократова, которые он делал в ходе обсуждения работы (в том числе и по телефону в разговорах с Л.Г. Сырченко, Э.И. Ханпира и др.), позволило сделать минимальную правку, убрав навязанные, несвойственные Владимиру Николаевичу как ученому идеологизированные понятия и пассажи. В основном речь идет о принципе “партийности” в архивоведении (только в Заклучении единственный раз у Автократова проскользнуло словосочетание “коммунистическая партийность”), которую автор везде концептуально отождествляет с принципом научной объективности. Кроме того, Владимир Николаевич в своей диссертации значительно превзошел хронологические рамки, указанные в заголовке оригинала, рассматривая отечественное архивоведение в непрерывном историческом континууме. Поэтому мы сочли возможным дать публикуемой рабо-

те другое, более “объемное” название. И, наконец, во Введении и Заключение были сняты дежурные цитаты из материалов очередного съезда КПСС и выступлений Л.И. Брежнева, поскольку они были обязательными атрибутами для прохождения диссертации через Специализированный совет МГИАИ (его ученым секретарем был М.С. Селезнев, который как раз не только подсказывал, но и навязывал Автократову необходимые цитаты из работ классиков марксизма-ленинизма по любым вопросам архивного дела), а также через ВАК. Желаящие могут прочитать их в автореферате диссертации, предназначенном, как известно, для специфического круга читателей, не заинтересованного, как правило, в следовании за всеми деталями научного поиска. Эти внешние напластования составляют немногим более двух-трех машинописных листов в общей сложности при общем объеме диссертации в 400 с лишним страниц. Снимались эти декоративные вставки совершенно безболезненно для смысла исследования.

Статья “Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в.” впервые была опубликована в Археографическом ежегоднике за 1981 год (М., 1982. С. 3–12), статья “Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.)” – в “Отечественных архивах”. 1993. № 3. С. 9–35; № 4. С. 3–27.

И, наконец, последнее. Хочется выразить особую благодарность вдове Владимира Николаевича Автократова – Марии Игоревне и коллективу ГАРФ в лице главного хранителя личных фондов архива Николая Степановича Зелова за помощь, оказанную при подготовке к изданию работ Автократова – подлинного рыцаря Истины, классика отечественной науки об архивах. Эта книга не могла бы состояться без поддержки проректора по научной работе РГГУ Ларисы Николаевны Простоволосовой, которая на протяжении многих лет восстанавливает подлинную историю науки и возвращает к жизни незаслуженно забытые имена ее деятелей.

Т.И. Хорхордина

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1. Д. 140.
- ² Там же. Д. 264.
- ³ См. публикацию Ю.Б. Живцова и Н.С. Зелова “В.Н. Автократов: письма военных лет (к 75-летию ученого)” // Отечественные архивы. 1997. № 4. В журнальную подборку вошло только 18 писем Автократова родителям из около 250 писем с фронта, которые хранятся в ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1. Д. 147. Здесь же (Д. 151) находятся его интереснейшие воспоминания о войне, с которыми он выступил во ВНИИДАД в 1985 г.
- ⁴ “В.Н. Автократов: письма военных лет”. С. 53 (письмо № 4, от 25 мая 1944 г.).
- ⁵ Письма А.И. Андреева В.Н. Автократову, датируемые периодом с 19 июля 1949 по 16 декабря 1951 г., общим количеством 8 ед.хр. находятся в личном фонде В.Н. Автократова (ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1. Д. 142).

- ⁶ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1. Д. 128.
- ⁷Автократов В.Н. "Речь Ивана Грозного 1550 года" как политический памфлет конца XVII века // Тр. ОДРЛ. 1955. Т. XI. С. 255–279.
- ⁸См.: Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2 (совместно с С.А. Левиной и Э.И. Шифман); Памятники русского права. М., 1955. Вып. III. С. 421–432, 438–459; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов. М.; Л., 1950. С. 249–454.
- ⁹"Мы не увидим плоды наших посевов. Но они будут..." (Из воспоминаний А.А. Зимина) / Публикация В.Г. Зиминной // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 58.
- ¹⁰Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966) – доктор исторических наук, выпускник Института красной профессуры. В 1948–1952 гг. – проректор по учебной и научной работе гуманитарных факультетов МГУ, в 1953–1959 гг. – директор Института истории СССР АН СССР.
- ¹¹С.А. Левина более 30 лет проработала научным редактором издательства "Наука", где выпустила 145 книг по проблемам феодализма. Занималась и самостоятельной исследовательской работой.
- ¹²Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 64–65. А.А. Зимин имеет в виду работу В.Н. Автократа "Управление вооруженными силами России в начале XVIII в.". (См. одноименный автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1964.)
- ¹³Вся жизнь и научная деятельность Заслуженного деятеля культуры РСФСР М.И. Автократовой неразрывно связана с отечественным архивным делом. Она была сокурсницей Владимира Николаевича. После окончания института в августе 1951 г. пришла на работу в Центральный государственный архив древних актов (ныне: РГАДА), затем с 1955 по 1969 г. работала в аппарате Главархива СССР. С марта 1969 г. и до самого ухода на пенсию в течение почти двадцати лет возглавляла коллектив РГАДА.
- ¹⁴Курантов Александр Павлович (1922–1998), кандидат философских наук. В 1973–1986 гг. был директором ВНИИДАД. В цитируемой нами журнальной публикации воспоминаний А.А. Зимина опущена нелестная характеристика Курантова как специалиста в области архивного дела.
- ¹⁵На конверте, в котором хранится цитируемая выписка, рукой М.И. Автократовой помечено: "Передано В.Г. Зиминной во время похорон Володи. 07.12.92". И далее: «Из воспоминаний А.А. Зимина "Размышления о прожитом", писавшихся в 1979 году». См.: ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1. Д. 143.
- ¹⁶См.: Автократов В.Н. Управление вооруженными силами России в начале XVIII века (по материалам Приказа военных дел): Автореф. дис. канд. ист. наук. Научный руководитель доктор исторических наук А.А. Зимин. Работа выполнена при кафедре Истории государственных учреждений МГИИИ. Офиц. оппоненты: д-р ист. наук Л.Г. Бескровный, канд. ист. наук Н.П. Ерошкин. М., 1964.
- ¹⁷Козлов В.П. Архивная служба России и российская государственность: опыт 80 лет // Отечественные архивы. 1998. № 6. С. 16.
- ¹⁸ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 2. Д. 17.

- ¹⁹ Назин Иван Сергеевич (1906–1978). Один из первых выпускников МГИАИ. С 1936 по 1974 г. – на руководящих должностях в аппарате руководства системой архивных учреждений СССР. Автор более 100 научных работ и методических пособий.
- ²⁰ Цаплин В.В. Послевоенные руководители советского архивного дела: их влияние на его развитие (впечатления архивиста) // Отечественные архивы. 1995. № 5. С. 21.
- Кстати, здесь же дана и характеристика зрелого Автократова, любопытная тем, что сохраняет нюансы отношения к нему в архивном главке: “В.Н. Автократов. Умный консерватор. Такие характеры необходимы, так как только с их помощью создается стабильность в теории, методике и практике. Но в его консерватизме ощущалась все же излишняя тяжесть, проявлявшаяся в переоценке прошлого” (Там же).
- ²¹ Цит. по: ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1. Д. 8. Л. 381, 384 и др.
- ²² Автократов В.Н. Фондирование и учет документов (О двух частных теориях архивоведения) // Тр. ВНИИДАД. М., 1978. Т. VII. Ч. 1. С. 8–70.
- ²³ Неретина С.С. История с методологией истории // Вопр. философии. 1990. № 9. С. 149–163; см. также: Она же. История с методологией, или Конец истории // Век XX и мир. 1996. № 1. С. 120–161.
- ²⁴ Поликарпов В.В. “Новое направление” 50–70-х гг.: последняя дискуссия советских историков // Россия XX век. Советская историография. М., 1996. Кн. 2. С. 349–400.
- ²⁵ См.: Автократов В.Н. Структура современного архивоведения как научной дисциплины // Материалы Всесоюзной научной конференции “Архивы СССР периода развитого социалистического общества”. М., 1979. Ч. 1. С. 79.
- ²⁶ Автократов В.Н. К вопросу о методологии архивоведения // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 22–35.
- ²⁷ Цит. по: Сорокин В.В. Обсуждение проблем документоведения, архивоведения и археографии на расширенном заседании кафедр МГИАИ // Тр. МГИАИ. М., 1975. Т. 31. Вып. 1; Вяликов В.И., Лившиц Я.З. Обсуждение проблем документоведения, архивоведения и археографии в методологическом семинаре МГИАИ в 1971/72 уч. году // Там же. Кстати, опубликованный сразу же второй выпуск “Трудов” был целиком посвящен разоблачению буржуазного архивоведения.
- ²⁸ Селезнев Михаил Степанович (1915–1998). Выпускник исторического факультета МГУ, участник Великой Отечественной войны от первого до последнего ее дня. В 1950 г. окончил заочную аспирантуру МГИАИ, защитил кандидатскую диссертацию и приступил к преподавательской деятельности. В 1951–1955 гг. преподавал архивоведческие дисциплины в Народном университете Китайской Народной Республики, участвовал там в создании факультета архивного дела. После возвращения из КНР возглавил созданную им самим кафедру археографии. Заведовал кафедрой почти 30 лет. Свыше 16 лет был проректором по научной и учебной работе. В 1971 г. ему присвоено звание профессора без защиты докторской диссертации. Всего им опубликовано около 170 работ.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
АРХИВОВЕДЕНИЯ**

Введение

В области общественных наук есть немало работ философов, которые предпочитают доказывать доказанное, вместо того чтобы осмысливать новые явления жизни. Между тем наука должна быть постоянным “возмутителем спокойствия”, показывая, на каких участках наметились застой и отставание, где современный уровень знаний дает возможность двигаться вперед быстрее, успешней. Это требует от исследователей, работающих во всех областях науки, глубокого осмысления возникающих проблем и поиска новых теоретических и практических решений. Сказанное важно и для архивоведения, которое, являясь прикладной научной дисциплиной, располагает своей теоретической частью, значение которой неуклонно увеличивается.

Перерастание “эмпирической” стадии архивоведения с ее сравнительно несложным понятийным аппаратом в “теоретическую” стадию началось в нашей стране с установок декрета “О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР”¹. Данный процесс характеризуется развитием проблемных направлений и увеличением многообразия форм архивоведческого знания, расширением понятийного аппарата, углублением его содержания, что позволяет теперь полнее и глубже осваивать ту область действительности, которую изучает архивоведение. Способность к более глубокому и полному отражению действительности обеспечивается способностью науки сделать предмет исследования собственным аппаратом понятий, его содержание, что в наиболее развитых формах свойственно теоретической стадии. Именно такую способность проявило современное архивоведение.

На развитие всякой науки оказывают влияние два рода побудительных факторов: “внешние” по отношению к ним и “внутренние”. Они хорошо просматриваются и на архивоведческом материале. “Внешние” проявляются в повышении требований к архивоведению со стороны практики архивного дела (требований отрасли к отраслевой науке), которые в свою очередь стимулируются возрастанием и усложнением требований общества к Государственной архивной

службе на выдачу документной ретроспективной информации. К началу 80-х годов в 627 государственных архивах (и их филиалах) с постоянным составом материалов сосредоточено около 190 млн дел. Этот объем с каждым годом увеличивается. Кроме того, в 2570 государственных архивах с переменным составом ежегодно находится 25–26 млн единиц хранения. В тех и других работает 21 тыс. человек², из которых 11 тыс. являются специалистами с высшим образованием. Около 100 тыс. человек работают в 236 тыс. ведомственных архивах, где находится 36 млн дел, подлежащих передаче на государственное хранение по истечении установленных сроков. Непрерывное возрастание количества документов, возникающих в сфере управления, выступает мощным внешним стимулом развития архивоведческой теории, которая должна решать, в числе других, сложную проблему: какую часть этих документов следует сохранить навсегда и от чего отказаться.

“Внутренние” (внутридисциплинарные) факторы выражаются в стремлении архивоведения к более глубокому выяснению своих собственных основ. Они обуславливаются быстрым увеличением архивоведческого знания и усложнением его структуры, возникновением в рамках архивоведения частных теорий, более четким размежеванием в его составе собственно теории и методических вопросов, постановкой сложных задач, ранее не выдвигавшихся (или решающихся теперь в свете новых установок). При этом происходит поглощение научного материала из других областей науки. Архивоведческая мысль, получив определенный толчок такого рода, далее движется во многом самостоятельно. В результате появляются новые методы, совершенствуется понятийный аппарат архивоведения.

Предварительным условием анализа теоретической проблематики архивоведения является выяснение вопросов о соотношении теории архивоведения с практикой архивного дела и о понятии самого архивоведения. Известно, что независимо от принадлежности наук и научных дисциплин к разным областям знания они характеризуются как “фундаментальные” или “прикладные”. Первые исследуют наиболее общую теоретическую проблематику и непосредственно не связаны с последующим практическим применением достигнутых результатов. Вторые стремятся к применению полученных результатов в производстве. Такими считаются, например, технические науки, развивающиеся на стыке естествознания и инженерной практики. От технических отличаются общественные прикладные науки, являющиеся посредствующими звеньями между фундаментальными общественными науками и практикой общественной жизни или обслуживающие процесс познания³. Говоря об архивоведении как о прикладной дисциплине, следует уточнить эти положения. Оно одновременно обеспечивает практические информационные потребности общества и обслуживает процесс исторического познания. Но делает то и другое не непосредственно, а через

практику архивного дела. Обращенность к практике выражает главную прикладную черту архивоведения, причем сама богатая практика архивистов выступает необходимым источником теории, во многом определяет ее развитие и придает ей определенную самостоятельность – в пределах предмета и задач архивоведения.

Вместе с тем практику нельзя абсолютизировать; она настолько же абсолютна, насколько и относительна. Чтобы критерий практики был безошибочен, необходимо ее соединение с познанием. Сама же практика, будучи основой мышления, его целью и критерием истины, все же не является частью теоретического знания. Необходимо избегать упрощенного понимания их соотношения, т. е. поскольку практика не является теоретической деятельностью, ее нельзя сводить к познанию. Поступать так, писал известный современный философ П.В. Копнин, “значит допускать грубую ошибку, подменять материальную, практическую деятельность теоретическим мышлением”⁴. Это относится и к архивоведению, которому, как и всякой научной дисциплине, свойствен исследовательский, поисковый характер. Архивная же практика ритмична, тяготеет к повторяющимся апробированным, типовым решениям.

Тем не менее основная часть архивной практики справедливо считается научной. Во-первых, она не просто применяет типовые решения, а всякий раз выбирает те из них, которые наиболее отвечают характеру эмпирического материала, с которым встречается в том или ином случае, а это требует изучения материала. Во-вторых, сам этот материал, его информационные качества в определенном смысле всегда индивидуально неповторимы, и работа с ним требует научно-профессионального мастерства. В-третьих, апробированные научные решения могут эффективно применяться, если соотнесены с научными положениями более высокого порядка (например, принципами архивоведения, критериями). В научной архивной практике “типовое” – это все же не просто нечто монотонно повторяющееся, не поточная линия переработки информации. Научная практика связана с размышлением, выработкой решений, хотя они и вводятся в рамки требований теоретического порядка.

Такая взаимосвязь существует потому, что теория и практика соединяются методической деятельностью архивистов, имеющей двойственное содержание. С одной стороны, в ее рамках накапливаются повторяющиеся стороны архивной практики, осуществляется первичное обобщение накопленных эмпирических знаний, передающихся затем для дальнейшего анализа на вышестоящий уровень теории. Само же теоретическое знание не вытекает непосредственно из эмпирического. С другой стороны, методическая деятельность обеспечивает внедрение теоретического знания в практику. Для этого создаются рекомендации, правила, инструкции и другие нормативные разработки, которые являются, так сказать, “схемами производственной практики”, включающими необходимый запас теоретических установок. Иначе говоря, архивовед-

ческая методика выступает как важная форма исследовательской работы архивистов.

До начала 1960-х годов архивисты подчас не различали теорию и методику. Это вызвало специальное разъяснение в одной из редакционных статей “Вопросов архивоведения”. Там говорилось, что «неправильно мыслят те архивисты, которые сводят теорию до уровня методики, задачи которой заключаются в установлении наиболее целесообразных методов и приемов текущей работы. Теория должна решать главные научные проблемы, создавать необходимый научный “задел”, без которого не может развиваться ни одна область знаний». Вместе с тем, писалось далее, “зачастую не осознается служебная роль методики по отношению к теории, то, что методика – посредствующее звено между теорией и практикой. Если теория разрабатывает принципы, то методика идет по пути их воплощения в жизнь, внедрения в практику”⁵.

Цитируемое в печати было полезным, но теперь можно глубже рассмотреть вопрос о методике. Во-первых, существует различие между научными методами архивоведения как способами получения нового достоверного знания и методикой как техническим приемом. Во-вторых, методика не только способствует реализации теоретических требований, но и является источником теории. В-третьих, в архивоведении термин “методика” употребляется в нескольких значениях. Прежде всего именно как технический прием, как “микрометод” (например, методика определения хронологических границ фонда). Методикой называют также совокупность подчиненных общей цели установок по работе с документами (методика розыска необнаруженных дел), т. е. то, что мы называли “схемами производственной практики”. Наконец, методика – это сама охарактеризованная “методическая деятельность”.

Еще одна сторона соотношения теории и практики – вопрос понятий об архивоведении и об архивном деле.

Смысл и конечная цель существования архивов и всей государственной архивной службы – обеспечение общества необходимой ему документной ретроспективной информацией. Эта цель достигается путем реализации общественных и внутриотраслевых функций архивного дела. Если в самом сжатом виде определить основные общественные функции архивов, то следует назвать две такие функции: хранение необходимой обществу ретроспективной информации и обеспечение общественных потребностей в этой информации. Но помимо них и как их необходимое условие, у архивного дела есть внутриотраслевые функции. Всего, с нашей точки зрения, существует пять функций архивного дела, включая названные выше: 1) накопление документной ретроспективной информации в пределах Государственного архивного фонда; 2) ее “упорядочение” (или организация) в этих же пределах; 3) ее хранение; 4) ее поиск; 5) организация ее использования, направленная на удовлетворение потребностей общества в ретроспективной информации.

Наиболее сложна функция хранения*, поскольку работы архивистов в этой области опираются на методы разной научной природы. В ней выделяются две подфункции: 1) сооружение архивных зданий и их техническое оснащение; 2) обеспечение сохранности документов путем применения как естественнонаучных и технических средств, методов, так и методов архивоведения. Задачи, решаемые с помощью естественнонаучных методов, преследуют цель обеспечения физической сохранности документов. Применяющиеся параллельно архивоведческие методы позволяют решать задачи “обеспечения наличия” документов, что в определенной мере способствует и обеспечению их физической сохранности. Это: а) учет документов (связанный и с функциями накопления и “упорядочения”); б) контроль фактического наличия и состояния документов, топографирование и т. д.; в) организация порядка доступа к документам, их выдачи из хранилищ и возвращения на место**.

Связь функций архивного дела с предметом архивоведения не простая. Неточно было бы говорить – каковы функции и задачи архивного дела, таков и предмет архивоведения как научной дисциплины. Если “архивное дело” – отрасль государственной деятельности, направленная на реализацию охарактеризованных функций и на организацию в этих целях самой архивной службы, то архивоведение только на первый взгляд выступает как область научного знания, обслуживающая все вместе взятое архивное дело. Можно выделить три группы вопросов, подвергающихся рассмотрению архивистов: изучение проблем, непосредственно связанных с архивами и архивными документами как с “информационными объектами”; обращение к архивам как к “объектам управления”; обращение к архивам и документам с естественнонаучных и технологических позиций.

Первая (информационная) сторона представлена проблематикой, обеспечивающей функции накопления, упорядочения, поиска и организации использования документов, а также части функции хранения, относящейся к вопросам “обеспечения наличия” документов. Вторая сторона включает научно-организационные вопросы управления архивным делом. Третья занимается вопросами сооружения архивных зданий, определения оптимальных физико-химических режимов хранения документов, их биологической защиты, реставрации, т. е. обеспечивает иную часть функции хранения.

Охватывает ли архивоведение весь этот диапазон? Если рассматривать его как внутренне целостную область науки, а не как сумму

* Ряд важных вопросов этого порядка рассмотрен в некоторых работах⁶.

** Помимо названных функций архивного дела существует группа функций, обеспечивающих управление Государственной архивной службой. Среди них: организация отрасли и процессов управления ею; планирование и прогнозирование ее развития; управление трудовыми и финансовыми ресурсами и капитальным строительством. В научной литературе такого рода функции принято называть “типовыми управленческими функциями”.

различных по научной природе знаний, то станет ясным, что оно включает не всю проблематику, связанную с архивами и архивными документами, а лишь ту, что обращена к ее профилирующим сторонам – информационной и управляющей (в смысле вопросов управления архивным делом). Третья сторона, о которой говорилось, представлена инженерными разработками и исследованиями естественнонаучного характера. Работы в этой области, начавшиеся еще до Великой Отечественной войны, были обобщены в учебном пособии П.Я. Мизина и Н.А. Церевитинова⁷. Они принесли определенные результаты, создав предпосылки формирования естественнонаучной теории архивного дела, объединяющие прикладные разделы физики, химии и биологии.

Следовательно, есть основания отказаться от стремления охватить понятием об архивоведении все научные вопросы архивного дела и не настаивать на буквальном понимании формулировки: “Архивоведение – научная дисциплина, изучающая и разрабатывающая теоретические, методические и организационные вопросы архивного дела и его историю”^{8*}. Близко по основному содержанию определение проекта международного словаря архивной терминологии: “Комплексная научная дисциплина, разрабатывающая теоретические, правовые и методические основы архивного дела”¹⁰. Но, во-первых, эта новейшая дефиниция исключила из задач архивоведения изучение истории архивного дела, с чем нельзя согласиться. Во-вторых, налицо прежняя излишне широкая трактовка архивоведения, которая, с нашей точки зрения, не охватывает “комплексно” всю отраслевую науку архивистов, разрабатывая лишь ту часть ее вопросов, которая обращена к “информационным объектам”, а также к “объектам управления”. Под “объектами управления” обычно понимаются архивные учреждения, составляющие Государственную архивную службу, и ведомственные архивы. Поэтому в широком смысле объектом управления является все архивное дело в стране. Проблематика, включая указанные вопросы, составляет обособленную часть архивоведения и в данной работе не рассматривается**.

* Эта формулировка почти дословно воспроизведена терминологическим стандартом⁹. Однако нормализованные определения не обладают значением “истины в последней инстанции”.

** Ограничимся ее краткой характеристикой. Она опирается на фундаментальные архивоведческие категории, принцип централизации архивного дела, на положения государственоведения, науки о социальном управлении, экономики труда, науковедения и т. д. В многообразии форм управления архивным делом выделяются аспекты¹¹: научно-организационный, главная особенность которого в использовании методов прямого воздействия, в том числе административного, на учреждения Государственной архивной службы и опосредованного на ведомственные архивы; научно-исследовательский, выражающийся в воздействии на коллективы архивистов, представляющие архивные учреждения, с помощью теоретико-методических положений по работе с документами; научно-информационный, заключающийся в обеспечении специалистов отрасли информацией, облегчающей принятие административных и научных решений. В основе это отраслевая информа-

Существует закономерность: чем большей зрелости достигает та или иная область научного знания, тем пристальней ее интерес к своим внутренним основам. На уровне зрелой науки предметом изучения “становится... и сам процесс познания и его компоненты”¹⁵. Естественно и обратное. Чем менее развита научная дисциплина, тем эмпиричнее она. Таким было русское дореволюционное архивоведение, рассматривавшееся его представителями как простая сумма всех профессиональных знаний, которыми должен был располагать образованный архивист¹⁶. Оно включало (у разных авторов с некоторыми разночтениями) историю архивов и учреждений, документы которых хранились в архивах, историю архивного законодательства (все это обобщно называли “архивоведением”), а также вопросы физической сохранности, классификации, описания, отбора документов к уничтожению и другие “практические” сведения (“архивоведение”)*. Н.В. Калачов, автор первого в России курса архивоведения, включал в него и дипломатику. Точнее, для него архивоведение по существу было частью дипломатики**.

В конце XIX в. из архивоведения была выделена дипломатика. В остальном сохранялась прежняя традиция, продолженная в некоторых работах, которые были опубликованы в послереволюционные годы²⁰. Такой подход импонировал ученым, работавшим в сфере архивоведческого образования. В новой трактовке он прозвучал в работах, опубликованных позже. Так, Ш.К. Чхетия определял архивоведение как “комплексное понятие”, включающее собственно архивоведческие вопросы (история архивов, архивного дела и архивоведения, методика и техника архивного дела) и археографию²¹.

Однако задачи развивающейся практики архивного строительства и вытекающая из них необходимость специализации научного знания об архивах, архивных документах, фондообразователях и о публикационной работе требовали преодоления прежнего взгляда.

тика¹². Перечисленные выше аспекты взаимосвязаны, но только научно-организационный составляет предмет собственно управления архивным делом. Его первое направление – научная организация архивного дела¹³. Второе направление – прогнозирование развития архивного дела и отраслевой науки. Оно представлено работами А.С. Малитикова, В.П. Козлова, С.Л. Макаровой, Р.А. Симонова, Н.И. Стяжкина и других. Третье направление – научная организация труда архивистов: вопросы экономики архивного дела, планирования, координации деятельности архивных учреждений, отчетности, внедрения научных разработок и управления кадрами¹⁴.

* Таким образом выделялись историческая и методико-практическая (с элементами теории) части архивоведения. Достаточно четко эту линию провел Д.Я. Самоквасов¹⁷. Зрительно термины различались просто: архивоведение писалось через “ять”, архивоведение – с “е”. Традиция подобного деления продолжалась до начала 1940-х годов, когда И.Ф. Колесников уже отличал архивоведение “в тесном смысле слова” (история архивов и архивного дела) от архивоведения как теории и практики архивного дела¹⁸.

** Из 23 лекций курса архивоведения, прочитанного Н.В. Калачовым, 17 были посвящены “подробному обозрению старинных актов всевозможных родов и видов, с какими приходится иметь дело архивисту”¹⁹.

Уже в 1920–1930-е годы из архивоведения выделилась археография (как теория и методика публикации документов). Резко возросло значение истории государственных учреждений, но никто уже не считает, что история учреждений – часть архивоведения. Отдельно стали рассматриваться вопросы проектирования и устройства архивохранилищ. В МГИАИ, ЦНИЛ ГАУ СССР и других научных учреждениях началась разработка вопросов естественнонаучной теории архивного дела, ускорившаяся с созданием ВНИИДАД (1966 г.).

Процесс дифференциации архивоведения продолжается. Обособливаются его специализированные разделы, охватывающие вопросы работы с научно-технической и кинофотофоновидеодокументацией. На наших глазах они формируются в отраслевые субдисциплины со своими методами и понятиями. Вместе с естественнонаучной теорией архивного дела они входят в группу научных дисциплин архивного цикла, в которой центральное место занимает “собственно архивоведение”, являющееся предметом данного исследования. Наличие такой группы отмечал А.И. Гуковский, писавший, что существует “целый комплекс специальных дисциплин, связанных со всей постановкой архивного дела”, что это “совокупность научных и практических дисциплин”²².

Дифференциация происходит и в рамках собственно архивоведения. Но здесь этот процесс развивается путем внутридисциплинарной структуризации, путем оформления частных архивоведческих теорий. Одновременно заявляет о себе противоположная интегративная тенденция. Налицо усиление связей архивоведения с источниковедением, выражающееся в стремлении осмыслить и освоить общую в ряде случаев “теоретическую подоснову” обеих дисциплин. Это позволяет говорить об “архивном источниковедении”, которое сейчас лучше всего просматривается на материале архивоведческой экспертизы*, уже признающей источниковедением частью своей теории²⁴. Однако и теоретические вопросы классификации, фондирования документов, их описания и поиска также включают источниковедческий подход, что подтверждает мысль О.М. Медушевской о наличии многосложной источниковедческо-архивоведческой отрасли исторической науки, о взаимопроникновении этих дисциплин²⁵ и по ряду позиций поддерживается другими учеными²⁶.

В 1960-х годах архивоведение начало осваивать современные общенаучные подходы (информационный, системный, функциональный и др.), опирающиеся на общенаучные же понятия нового типа – например, “информация”, “система”, – находящиеся как бы между философскими категориями и частнонаучными понятиями, обслуживающими отдельные конкретные науки (или группы наук). Одновременно стало ощущаться нарастающее влияние понятий,

* В другом смысле термин “архивное источниковедение” (как источниковедение истории архивов) применяет С.О. Шмидт²³.

сформулированных новыми информационными дисциплинами*. Их освоение сопровождается в ряде случаев переосмыслением, в результате которого возникают новые трактовки и терминообразования. Прежде далекие понятия становятся близкими и включаются в понятийный аппарат архивоведения²⁸. Такого рода явления – общая тенденция современной науки, отмечающей, что терминологические трудности являются “показателями трудностей содержательного порядка”, а попытки искусственного ограничения сферы применения общенаучных понятий способны лишь нанести вред развитию науки и методологически несостоятельны²⁹.

Особенностью развития архивоведения является и то, что в течение многих лет обобщение и осмысление накопленного знания происходило в основном в рамках учебной литературы для архивистов, в которой теоретические вопросы излагались сообразно читательской аудитории, на которую они рассчитаны. Возникает вопрос о соотношении архивоведения как научной дисциплины с учебными архивоведческими курсами. Показательны взгляды К.Г. Митяева, писавшего: «Было время, когда архивоведение включало вспомогательные исторические дисциплины, проблемы теории и практики архивного дела, археографию. Теперь в понятие “архивоведение”, “архивоведческие дисциплины” чаще всего включают две дисциплины: историю и организацию, теорию и практику архивного дела»³⁰.

Мысль о том, что структура архивоведения аналогична сумме учебных курсов, устойчива у авторов, связанных с преподавательской деятельностью. Так, в работе К.И. Рудельсон и ее соавторов говорится, что в архивоведении сложилось несколько направлений, имеющих тенденцию стать самостоятельными дисциплинами: теория и практика архивного дела, история и организация архивного дела, технология хранения документов, научная организация труда и экономика архивного дела и др.^{31**} Это правильно, если имеется в виду структура учебных дисциплин. Но нельзя, с нашей точки зрения, считать, скажем, историю и организацию архивного дела самостоятельной (отдельной) научной дисциплиной.

Некоторые авторы, например Г.М. Горфейн и Л.Е. Шепелев, высказывали мнение, что архивоведение – только предмет преподавания, “учебный курс, объединяющий связанные между собой положения ряда дисциплин”, изучающихся в качестве самостоятельных курсов. “Важнейшие из этих дисциплин – история и современная организация архивов, теория и практика архивного дела, делопроизводство и документоведение, археография”³². Приведенные слова – не обмолвка. Авторы не имели в виду того, что помимо учебной есть еще и научная дисциплина “архивоведение”. Шепелев считал,

* Не следует забывать, что сами понятия информатики явились обобщением понятий традиционных дисциплин, в том числе архивоведения²⁷.

** В том же смысле трактует вопрос учебник по теории и практике архивного дела³².

что такой научной дисциплины по существу нет, просто архивисты используют в своих целях источниковедение, историю учреждений и другие самостоятельные дисциплины. Предметом же архивоведения являются только общие проблемы архивного дела, принципы его организации, “основы архивного дела”³⁴. Однако в более поздней работе Шепелев уточнил свои взгляды, отметив, что архивоведение “имеет свои сложные задачи” – главным образом собирание, хранение и описание источников³⁵.

Соотношение понятий научной и учебной дисциплин точнее вырисовывается в свете трактовки “познания” и “знания” как двух сторон науки. Познание выступает как процесс накопления фактов науки, описания изучаемых явлений, открытия законов, формулирования теорий, разработки методов и т. д. Знание – это то, что стало фактами науки. Являясь необходимым компонентом познания, оно составляет основу обучения³⁶. В науке “на первом плане стоит отношение познающего общественного сознания к *никому* еще не познанному объекту, в учебном же курсе – отношение познающего индивидуального сознания к познанным наукой явлениям, к выработанным ею приемам анализа”³⁷. Нельзя полностью отождествлять научную дисциплину с учебной, как и противопоставлять их, поскольку в основе они содержат одно и то же знание. Само же преподавание требует особого рода обобщения и не является “чем-то внешним по отношению к собственно научной деятельности”³⁸. Это верно, поскольку преподавательская работа обычно совмещается с исследовательской, что позволяет при подготовке учебного курса разрабатывать неизученные вопросы, делать новые обобщения и т. д.

Важно заметить и другое. Архивоведение долгое время ассоциировалось с архивным делом и считалось вспомогательной исторической дисциплиной. Эта точка зрения проникла в русскую историографию накануне первой мировой войны в работах Вен.М. Хвостова, а затем В.И. Пичеты, А.М. Большакова³⁹ и других авторов, не замечавших сложности и самостоятельности задач архивоведения (“архивного дела”). Попытки же более глубокого подхода, выразившиеся в признании архивоведения “вполне самостоятельной отраслью исторического знания”⁴⁰, широкой поддержки не получили. Правда, И.Л. Маяковский сформулировал в 1918 г. два важных положения: “Русское архивное дело есть наука; ...как наука оно должно в своих пределах обладать самодовлеющим значением, а не быть только в лучшем случае *ancilla historiae* (служанкой истории), в худшем же слугою канцелярии”. “Самодовлеющее” у И.Л. Маяковского – обладающее внутренней самостоятельностью: “Необходимо стремиться к тому, чтобы эта наука в своих пределах имела не только свои методы, но и определенную область, задачи изучения”^{41*}.

* В рецензии на эту работу С.К. Богоявленский отметил неправильность выражения “архивное дело есть наука”⁴².

Однако в последующие годы И.Л. Маяковский и другие авторы называли архивоведение вспомогательной исторической дисциплиной⁴³.

Единства взглядов здесь нет. А.И. Гуковский, например, говорил об известной относительности прежнего понимания. Историки, по его словам, могут лишь “условно считать” некоторые аспекты архивоведения вспомогательной исторической дисциплиной, основная задача которой – разрабатывать справочный аппарат и “сделать первоисточники доступными для исследователя”. Определеннее высказался А.А. Зимин. Имея в виду процесс становления вспомогательных исторических дисциплин, он выразил уверенность, что архивоведение уже нельзя относить к их числу, что оно стало самостоятельной специальной дисциплиной⁴⁴. Примерно такие же заключения в 1960-е годы стали звучать в среде архивистов⁴⁵. Задачи архивной деятельности стали рассматриваться значительно шире обслуживания исторической науки, из чего вытекают соответствующие выводы.

Указанная тенденция знакома и зарубежной литературе, подчеркивающей, что западноевропейские архивы, испытывавшие в первой половине XIX в. сильное влияние исторического романтизма, являлись тогда исключительно “житницей истории”, что в конечном счете привело к радикальному разрыву между учреждениями и историческими архивами; ныне же они стремятся вновь “влиться” в государственную машину и обслуживать администрацию⁴⁶. В этой связи симптоматично утверждение французских архивистов об изменении понятия архивистики, считавшейся долгое время «просто вспомогательной исторической дисциплиной, в той же мере как дипломатика и палеография... Она даже выглядела рядом с ними “бедной родственницей”». Но ход событий изменил их концепцию. “Все очевиднее становилась органическая преемственность процесса, превращающего административное досье в архивный материал”. Возникла необходимость тесного сотрудничества архивистов со службами, в которых возникают будущие архивы, в связи с чем изменяются основы профессии архивиста и создается фундамент современной архивистики⁴⁷.

Вопрос, однако, не в том, должны ли архивы обслуживать практические потребности общества или ограничиться обслуживанием исторической науки (так его в наше время никто не ставит), а в том, на какой теоретической базе основывается архивная деятельность. Такая постановка вопроса выводит его на формулирование самого понятия об архивоведении. Этот вопрос стоял и перед авторами отечественного “краткого словаря архивной терминологии” (1968 г.), которые после определенных колебаний лишили понятие архивоведения его старых атрибутов – “вспомогательный” и “исторический” (определение приводилось выше). Такой же подход характерен, как отмечалось, и проекту словаря 1979 г. Несомненно, в обоих случаях важную роль сыграл фактор расширения сферы использования ар-

живных документов. К сожалению, авторы дефиниций не попытались отнести архивоведение к какому-либо классу наук. Вопрос остался открытым. В связи с этим уместно спросить, не лежит ли историзм в основе всякого использования архивных документов? Так можно считать по двум причинам.

Во-первых, потребители ретроспективной информации, даже не будучи по специальности историками, выступают тем не менее в качестве историков изучаемых объектов прошлой действительности: рассматривают их в развитии и поэтому действуют согласно логике исторического познания, даже не обязательно сознавая это.

Во-вторых, по самой своей сути исторично любое, даже самое элементарное привлечение ретроспективного элемента – включая осуществляемое не в исследовательских целях, т. е. когда не преследуется задача научного воспроизведения исторического события или отдельного факта.

Но самое важное и главное состоит в исторической природе самой архивной информационной среды, складывающейся на основе генетически связанных комплексов документов, на базе естественноисторической (фондовой) их классификации. Поэтому использование архивной информации приносит наибольший эффект, если потребитель учитывает ее историзм. Следовательно, не имеет определяющего значения, каким целям служат архивы: историческому познанию или общественной практике, или обоим целям одновременно, как это имеет место на самом деле. Важно, что их информационная служба “исполняется исторично”^{*}.

Б.М. Кедров отмечал, что, определяя классификационные характеристики любой науки, необходимо ответить на три главных вопроса: что познается? как познается? для чего познается? Ответ на первый исходит из характеристики объекта и предмета познания; на второй – из характера применяемых познавательных средств, из методов познания; на третий – из целевого признака, практической значимости получаемых результатов⁴⁸. В данной работе автор стремится разносторонне аргументировать положения в пользу посылки об исторической природе архивоведения. Являясь дисциплиной информационной по характеру решаемых задач (по целевому признаку), оно исторично по объекту и предмету изучения

^{*} Указанный методологический момент не всегда учитывается. Вот пример характерного обмена мнениями во время обсуждения доклада о методологических вопросах архивоведения, с которым выступил автор этих строк на Ученом совете ВНИИДАД. Один из участников обсуждения говорил, что “источки представлений об историческом характере архивоведения лежат в нашем историческом образовании. Мы таким видим архивоведение. Но на самом деле оно значительно шире... Мы все этим грешим, потому что мы историки, мы так подготовлены”. Он доказывал свою мысль тем, что архив историй болезней содержит научную, а не историческую информацию. Ему возражал другой выступавший: в медицинском архиве хранятся документы по *историям* болезней, имеющие интерес для истории медицины. Таким образом, оба выступавших рассматривали вопрос, чему служит архивоведение, а не как служит.

(“что познается?”) и по методологическому признаку (“как познается?”). Оно исторично по этим двум признакам, а не потому, что широко обслуживает определенную стадию работы историков-исследователей.

Думается, выдвинутые здесь посылки отвечают известному в науке положению о том, что “не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным”. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование – это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге⁴⁹. В архивоведении истинный путь – это историзм. Вместе с тем нельзя забывать большой роли, которую играют в современном архивоведении и другие новые научные подходы, накладывающие отпечаток на состав и содержание его понятийного аппарата, на применяемые им методы. Но только историзм сводит различные стороны архивоведческого знания в единое теоретическое построение.

Сказанное позволяет предложить следующее определение: архивоведение – историческая научная дисциплина, изучающая теорию и методику работы с архивными документами и организационные вопросы архивного дела, а также его историю. Поскольку архивоведение классифицировано здесь как историческая дисциплина, нет необходимости подчеркивать в определении, что в задачи архивоведения не входит разработка инженерно-технических и естественно-научных вопросов архивного дела.

* * *

Данная работа не ставит целью выявить все существующие и существовавшие в современном отечественном архивоведении взгляды по всем обсуждающимся в ней вопросам. Но основные работы, ставящие теоретические вопросы, учтены, а некоторые из них привлекаются постоянно. В первую очередь это работы К.Г. Митяева, К.И. Рудельсон, Ф.И. Долгих, А.В. Елпатьевского, Н.А. Орловой, Л.Е. Шепелева. Их научный авторитет не освобождает автора от необходимости в определенных случаях не соглашаться с ними или уточнять выдвигаемые положения. Большое значение для данного исследования имеют труды источниковедов, особенно тех, проблематика которых в чем-то существенном близка архивоведению, а также исследования в области теории и методологии исторического познания (Л.В. Черепнин, И.Д. Ковальченко, В.А. Дьяков, А.А. Зимин, С.О. Шмидт, О.М. Медушевская, Б.Г. Литвак, Е.И. Каменцева, А.Т. Николаева, С.М. Каштанов, Л. Пушкарев, М.Н. Черноморский, Г.М. Иванов). К ним примыкают труды А.И. Михайлова, А.Д. Урсула, Г.Г. Воробьева и других ученых теоретико-информационного и документалистского направлений.

Избранный в качестве способа исследования, историографический анализ входит составной частью всех глав данной работы. Но

она не ставит задачи выявить все точки зрения по всем обсуждающимся вопросам. Ограничимся характеристикой лишь некоторых наиболее важных источников.

В 1920-е годы важнейшей задачей теории архивоведения было выяснение содержания основополагающих понятий. Выступая на I Всероссийской конференции архивных деятелей (1921 г.), А.И. Андреев отмечал, что декрет 1 июня 1918 г. и изданные в его развитие распоряжения внесли “в архивную жизнь ряд неизвестных дотоле понятий”, в толковании которых “незаметно согласия, и чем дальше развивалась работа, тем больше ощущалась необходимость хотя бы в предварительном истолковании этих терминов, введенных в нашу практику”⁵⁰. Существенным достижением явились результаты терминологической дискуссии 1925 г. на I съезде архивных деятелей РСФСР. Наиболее важной была формулировка понятия архивного фонда (доклад Б.И. Анфилова), выдержавшая испытание в полемике с Г.А. Князевым и А.И. Андреевым. В те же годы началась разработка теоретических основ важных проблем архивоведения. Развивалось содержание принципа недробимости фонда (Я.Н. Жданович, М.К. Любавский). Формировались представления об архивном описании (С.Н. Валк, И.А. Голубцов) и отборе документов для хранения и уничтожения (С.К. Богоявленский). Высказывалась поддержка принципа централизации архивного дела и анализировались вопросы взаимоотношений со сферой управления и ведомственными архивами (И.А. Голубцов, Н.В. Русинов, Б.И. Анфилов)⁵¹. Политический и научно-организационный аспекты архивного строительства разрабатывались М.Н. Покровским и В.В. Максаковым⁵², а также В.В. Адоратским⁵³.

К концу 1920-х годов относится попытка теоретического осмысления архивоведения, принадлежавшая Н.Ф. Бельчикову, интересная теперь как достойный внимания факт истории научной мысли. Бельчиков называл архивоведение “археографией”. Ее главной теоретической задачей он считал изучение закономерности социального генезиса фонда, включая генезис структуры и состава документов. Архивный фонд – “сгусток социальной жизни прошлого, познать эту жизнь через этот сгусток, ... – задача археографа”⁵⁴. В работе высказывались обоснованные положения об историзме мышления археографа-архивиста, теоретических аспектах принципа централизации, важности восстановления первоначального построения фондов, если оно нарушено, и др. В то же время ей были присущи элементы схематизма. Например, проводилась мысль, что “археографии” нет необходимости разрабатывать свои методы исследования, а достаточно овладеть современным “методом-мировоззрением”⁵⁵. В ряде случаев Бельчикову не хватало аргументации и конкретизации выдвигаемых установок, отсутствовали определения важных понятий.

Результаты, достигнутые в 1920-е годы, явились научным заделом, опираясь на который развивалось архивоведение 1930-х –

1950-х годов. Хотя это время разделяет Великая Отечественная война, она лишь задержала, но не нарушила общей тенденции данного этапа развития архивоведческой мысли: ее направленности на разработку и совершенствование инструкций и правил по всем основным видам архивной работы. Теоретические положения вырабатывались часто в процессе подготовки нормативных материалов. Заметные успехи были достигнуты в вопросах учета документов, их описания и внутрифондовой систематизации. Н.А. Фомин объединил решение этих трех вопросов в рамках целостного подхода, что имеет непреходящее теоретическое, а не только методическое значение⁵⁶. Тогда же появились статьи, закладывающие основы методики подготовки путеводителей по архивам⁵⁷. В этой связи возросла роль проблемы правильного определения фондовой принадлежности документов. Если основными теоретическими достижениями 1920-х годов явилась выработка понятия архивного фонда и принципа его недробимости, а понятие фондообразователя было только названо, то фундаментальным достижением 1930-х годов стало открытие содержания понятия самостоятельного фондообразователя.

В вопросе отбора документов для хранения и уничтожения, наряду с прежним направлением, отдающим приоритет непосредственной оценке содержания, развивалось в постановочном плане новое, представленное работами Б.И. Анфилова, пропагандировавшими опередившую свое время идею “активного комплектования” на базе развитой системы перечней и включавшую (с некоторыми оговорками) предложение отказаться от фондов учреждений, не решающих сколько-нибудь значительных вопросов.

Обобщение накопленного знания в 1930–1950-е годы осуществлялось в форме учебных пособий: работы Г.А. Князева, К.Г. Митяева и коллективное пособие, изданное в 1958 г. Главархивом СССР⁵⁸. В руководстве Князева описывались содержание и приемы выполнения основных архивных работ. Особенно сложными автор считал систематизацию и описание документов и уделял им большее внимание, чем, скажем, вопросам учета, организации использования, выделения документов, не подлежащих хранению. В собранном виде были представлены определения важнейших понятий и их трактовка (по результатам терминологической дискуссии 1925 г.). В основном это и была теоретическая часть книги, сохранившая историографический интерес. Книга Митяева, на которой воспитано целое поколение архивистов, долгое время была единственной обобщающей работой и рассматривалась фактически как монография. С позиций научной объективности и историзма она излагала теоретический и установочно-нормативный материал по вопросам “общего документоведения”, комплектования, экспертизы ценности, учета и описания документов, раскрывала авторскую концепцию их классификации. В меньшей степени рассматривалась организация их использования. Кроме того, освещались взгляды русских дореволюционных и отчасти зарубежных архивистов по ряду вопросов. Посо-

бие 1958 г. предназначалось для повышения квалификации работников архивных учреждений. Оно уточнило ряд практических положений. В частности, глубже, чем у Митяева, характеризовались вопросы организации использования документов. Вышел также ряд пособий МГИАИ по отдельным вопросам учебного курса МГИАИ (М.Н. Шобухов, Н.А. Орлова, К.И. Рудельсон, Н.А. Ковальчук и др.).

Защищенные в 1940–1950-х годах кандидатские архивоведческие диссертации в основном рассматривали вопросы истории и научной организации архивного дела (Н.А. Алявдина-Ковальчук, Н.В. Бржостовская, В.И. Вяликов, И.Н. Владимирцев, Г.А. Дремينا, Ю.Ф. Кононов, А.А. Кузин, Н.А. Орлова, В.Ф. Кутьев и др.). Теоретические вопросы анализировались в диссертациях М.Ф. Петровской, К.И. Рудельсон, М.Н. Шобухова (его работа имела ретроспективный аспект).

В первой половине и середине 1950-х годов было широко распространено мнение, что главные вопросы архивоведения в основе уже решены. Как писал В.В. Максаков, за предшествующие годы архивного строительства разработаны “важнейшие теоретические положения”: о единстве Государственного архивного фонда, принципах его организации, комплектования и построения Центрального фондового каталога, о систематизации и научной экспертизе документов, методах их описания, организации использования и т. д.⁵⁹ Но Максаков был не во всем прав. Его оценка состояния архивоведения оказалась завышенной. Она, как позднее заметил А.В. Елпатьевский, не означает, “что все названные вопросы были в то время решены”. Действительно, уже через несколько лет начался пересмотр принципиальных положений экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов, выяснилась недостаточность разработки вопросов архивного описания. Научный анализ вопросов организации использования документов в 1950-х годах только начинался, а само это дело было поставлено неудовлетворительно, что подчеркивалось постановлением Совета Министров СССР “О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств” от 7 февраля 1956 г. Следующее правительственное постановление от 25 июля 1963 г. прямо указывало на плохую разработку научных основ архивоведения⁶⁰.

Конец 1950-х – начало 1960-х годов открывают новый этап развития архивоведения. Ему свойственно не только продолжение, но и переосмысление прежних результатов, решение более сложных задач и в силу этого укрепление теоретической связи с источниковедением, освоение междисциплинарных подходов, получивших всеобщее развитие в науке эпохи научно-технической революции. Произошли изменения в диссертационной тематике. Исследователи обратились в основном к вопросам экспертизы и комплектования государственных архивов, в меньшей степени – к вопросам форми-

рования научно-справочного аппарата. Докторская диссертация К.И. Рудельсон (единственная в архивоведении) посвящена вопросам классификации документной информации Государственного архивного фонда⁶¹.

Учебных пособий по тематике вузовской программы в 70–80-е годы издано меньше, чем в 1950-е годы (Н.А. Ковальчук, Н.А. Орлова, Л.Г. Сырченко и др.), что можно объяснить появлением учебников “Теория и практика архивного дела в СССР” (1966 и 1980 гг.)⁶². Сохраняя преемственность научного знания, авторы учебников широко обобщили материал, необходимый для освоения основ профессии историка-архивиста. Теоретические вопросы освещены во всех разделах учебников, часто в форме характеристик понятийного аппарата, придающих смысл излагаемым методическим установкам. В целом это соответствует требованиям, предъявляемым учебной литературе. Недостатком издания 1966 г. рецензенты считали то, что авторы не дали “внутренней классификации” теоретических и практических вопросов, не выделили тех, которые носят теоретический характер и в дальнейшем могли бы “составить основу серьезного научного исследования”, и других, касающихся методики или практики (Ю.Ф. Кононов, И.С. Назин), а также перегруженность методических положений пересказом инструктивных указаний (Н.Р. Прокопенко)⁶³. Второе издание освободилось от сухости изложения. Что касается усиления самостоятельности рассмотрения теории, то это пожелание представляется нам в чем-то чрезмерным, не отвечающим характеру учебной литературы, ее дидактическим целям. На наш взгляд, авторы поступили правильно, ограничившись в этой части расширением круга объясняемых понятий, обновлением ряда определений. (См. также⁶⁴.)

Опубликованы также монография К.И. Рудельсон о документных классификациях и коллективное исследование по вопросам экспертизы ценности и комплектования государственных архивов⁶⁵. В книгах А.Г. Митюкова по истории архивного строительства на Украине и Н.В. Бржостовской (с участием Б.С. Илизарова) по всеобщей истории архивного дела включен и материал о формировании теоретической мысли в области архивоведения⁶⁶. Особенной формой научного обобщения явились терминологические работы: словарь 1968 г., терминологический стандарт 1970 г., проекты словаря архивной терминологии социалистических стран. Был проведен ряд обсуждений важных вопросов, материалы которых опубликованы. В “Вопросах архивоведения”, “Советских архивах”, “Трудах” МГИАИ и ВНИИДАД, “Археографическом ежегоднике” и других изданиях помещено много статей и сообщений, но их подавляющая часть посвящена частным вопросам или опубликована в порядке обмена опытом. К сожалению, современное архивоведение почти не знает обобщающих работ типа энциклопедических статей. Ни одно издание “Большой советской энциклопедии” не имеет статьи об архивоведении, а статьи под названием “Архивы” (“Архив”)

не употребляют самого слова “архивоведение”. “Советская историческая энциклопедия”, упоминая архивоведение в ряду вспомогательных исторических дисциплин⁶⁷, каждой из них посвящает отдельные статьи, но исключает при этом архивоведение*.

Таким образом, при большом и постоянно растущем объеме архивоведческой литературы в ней недостаточно исследуются концептуальные, теоретико-методологические вопросы. Кроме того, тематика литературы распределяется весьма неравномерно. Активнее всего рассматриваются вопросы экспертизы ценности и комплектования, что связано с развитием установок Главархива СССР принимать на государственное хранение только документы сравнительно узкого круга учреждений. Обсуждение сразу приобрело полемический характер, вызванный критическим отношением к этому ряду авторов. В.А. Кондратьев видел недостатки нового подхода в его обусловленности организационно-практической стороной дела и высказался за хранение в государственных архивах по-прежнему материалов всех учреждений (хотя и не всех их документов). М.С. Селезнев подверг критике зарождавшийся функциональный анализ, говоря, что он абсолютизирован⁷⁰. В этих работах верно отражен факт, что перестройка комплектования была теоретически подготовлена не вполне достаточно. Но, бесспорно, ее основные положения, в том числе ориентация на функциональный анализ, были правильными. Что же касается организационно-практического фактора, явившегося мотивом перестройки комплектования, то в этом, конечно, не недостаток, а достоинство новых взглядов: научная мысль архивистов учла сложившуюся обстановку и повернулась лицом к действительности. Критические замечания, сделанные в 1960-е годы и позже (М.С. Селезнев, М.Н. Черноморский, Н.А. Орлова, С.П. Люшин и др.), стимулировали развитие теории и методики вопроса, показывая его недоработки и необходимость дополнительной аргументации⁷¹.

Первая широкая апробация новых установок имела место на научных конференциях 1964 г., где центральными по данной проблеме были доклады А.В. Елпатьевского, Т.Г. Коленкиной, В.В. Цаплина, А.Д. Степанского, а также заслушан ряд других⁷². В 1974 г. состоялась конференция, специально посвященная этой проблеме и продвигавшая ее изучение (В.М. Мамонов, Н.М. Шепукова, В.В. Цаплин, З.П. Иноземцева и др.), в том числе с позиций источниковедения: Н.А. Орлова и М.Н. Черноморский, Б.Г. Литвак и др.^{73**}

* Статья Г.А. Белова и В.В. Максакова “Архивы” в СИЭ употребляет слово “архивоведение” лишь в таком контексте: в журнале “Исторический архив” публикуются “исторические источники, а также статьи по вопросам архивоведения, археографии и другим вспомогательным историческим дисциплинам”⁶⁸. Краткие статьи, специально посвященные архивоведению, есть в украинских энциклопедиях⁶⁹.

** См. также работу С.П. Люшина⁷⁴, в которой рассматривается вопрос о судьбе фондов однотипных организаций “низового звена”, особенно документов, отра-

После 1974 г. опубликован ряд новых работ⁷⁵, в том числе доклады, прочитанные на юбилейной конференции 1978 г.⁷⁶, а также защищены кандидатские диссертации. Интерес диссертантов направлялся на изучение вопросов ценности отраслевой документации: нефтяной промышленности (К.Ф. Нефедова), учреждений сельского хозяйства (А.Е. Акиншина), потребительской кооперации (Л.И. Брагина), местных органов государственного управления (Н.Н. Коннова), учреждений Госкомиздата (М.П. Жукова) и Минстройматериалов (В.Р. Клейн) и др. Комплекс документации по машиностроению с этих позиций исследовала Т.Н. Мусатова, а вопросы выборочного отбора документов однотипных фондообразователей, а именно школ, – Т.Ф. Авраменко*. Эти диссертации уточняют и обогащают наши представления о ценности разных групп документов. Как и в опубликованных работах, в них обращается внимание на имеющиеся недостатки в постановке комплектования, показываются новые пути и средства их преодоления, необходимость дальнейшего анализа конкретных вопросов. В целом научная мысль и практика в этой области развивалась под знаком установок Главархива СССР о комплектовании государственных архивов только высокоинформативными документами.

Однако ряд самых важных сторон, составляющих основу проблемы, остался не исследованным: к ним, в частности, относятся: теоретическая природа научно-исторической ценности документов, анализ понятий постоянной ценности и конкретной полезности информации, соотношение историко-научного и информационного подходов в теории экспертизы. Нет теоретической трактовки связи явлений уплотнения информации в восходящих документопотоках и возрастания ее ценности. Не завершен анализ роли фактора происхождения документов в теории экспертизы, ценности документов, соотношения формально-видовых свойств документов с их содержательными признаками. Недостаточно исследован круг понятий, критериев и методов теории архивоведения.

В проблематике формирования научно-справочного аппарата с начала 1960-х годов большое внимание уделялось вопросам каталогизации документов и сведений о них, классификации и индексации каталогизируемого материала, а затем – построению систем архивных справочников⁷⁹. Теоретическое обобщение классифика-

жающих развитие духовных потребностей трудящихся, их бытовых условий и др. От взгляда Люшина не ускользнул факт, что эта сторона жизни плохо документируется в материалах низовых промышленных предприятий, совхозов и колхозов, богатых статистическими данными, но бедных показом роли конкретных людей. Отмечая необходимость корректировки порядка отбора документов, нужных для изучения местной истории, автор подчеркнул важность внесения ясности в вопросы выборочного приема фондов однотипных учреждений, в частности школ.

* См. также диссертацию Л.Н. Крюковой (1973 г.) об экспертизе ценности кинодокументов⁷⁷. В 1982 г. защищены кандидатские диссертации Е.М. Буровой, З.П. Иноземцевой, А.Г. Черешни⁷⁸.

ционных схем государственных архивов дано в названных выше докторской диссертации и монографии К.И. Рудельсон.

Во второй половине 1960-х и в 1970-х годах системный подход к проблеме научно-справочного аппарата получает широкое развитие⁸⁰. Его важной стороной стала, в частности, разработка вопросов дифференцированного описания документов. Начали изучаться вопросы механизированного, а затем автоматизированного архивного поиска. Большую роль в развитии проблематики сыграли совещания-семинары 1975 и 1977 гг. (например, доклады К.В. Крестовской о месте научно-справочного аппарата в системе архивного дела, Т.Н. Долгоруковой – о задачах развития системы научно-справочного аппарата исторических архивов)⁸¹, а также доклады А.В. Елпатьевского, И.В. Волковой и других авторов на Всесоюзной конференции 1978 г., углублявшие системный подход к научно-справочному аппарату в рамках общей проблемы научно-информационной деятельности государственных архивов⁸². Защищенные кандидатские диссертации были посвящены вопросам преемственности научно-справочного аппарата ведомственных и государственных архивов (Р.Н. Ефименко), методике подготовки путеводителей (Ч.В. Хунг), вопросам развития научно-справочного аппарата центральных государственных архивов (В.А. Лебедев), анализу научно-справочных изданий о составе и содержании документов (В.В. Елпатьевская). Диссертация Е.С. Романова была посвящена механизированному архивному поиску (технические науки). Теоретическому осмыслению вопросов собственно описания уделялось явно недостаточное внимание. Остались в тени такие важные аспекты проблемы, как: анализ метода информационного анализа и синтеза с точки зрения “внешней” источниковедческой критики, терминографическая основа метода, проблема надежности описания, анализ причин потерь информации.

Скупое рассматривались вопросы фондирования и внутрифондовой систематизации документов, основа которых была заложена в 1930-е годы. Появились только уточнения в содержании нормативных разработок, нескольких статей⁸³, материалов совещания по вопросам фондирования и учета⁸⁴ и учебной литературы. Теоретическое рассмотрение проблемы осталось незавершенным. Более того, в 1960-е годы было утеряно имевшее прежде понимание того, что пофондовая и внутрифондовая систематизация – единая предметная область. Этот вопрос требует рассмотрения с точки зрения “целого” и “частного”, в известной степени – “формы” и “содержания”, вызывает необходимость анализа особого рода логических единиц теории фондирования – так называемых признаков, играющих роль научных понятий. Остались теоретически недоработанными вопросы формирования объединенных архивных фондов, в том числе условий, позволяющих формировать их в государственных архивах.

Архивный поиск как самостоятельная теоретическая проблема мало изучался архивоведением, хотя рассмотрен в работах Л.Е. Ше-

пелева и в плане источниковедческой эвристики в кандидатской диссертации Н.И. Ходаковского. Имели место попытки сравнения результатов поиска, выполненного с применением архивных справочников разных типов и видов. В целом же здесь целый круг нерешенных вопросов: развитие информационной потребности в стимул поисковой деятельности, процедура поиска как процесс сопоставления информационных образов, учет фактора закономерности распределения информации в Государственном архивном фонде, идея “перекрестного поиска”, психологические аспекты поиска, анализ достоинств личного поиска и т. д.

Вопросы организации использования архивных документов рассматривались на совещаниях по вопросам информационной деятельности архивов и на научных конференциях: широко, охватывая все направления и формы использования, – в порядке обмена опытом, значительно реже – в обобщающем плане (Л.Н. Кривошеин, Н.А. Ковальчук, С.П. Люшин, Л.И. Панин и В.В. Хмелева, Е.Ф. Шорохов и др.). Теоретические аспекты проблемы исследованы совершенно недостаточно. Изучаются структура и динамика запросов⁸⁵, но не анализируется содержание важнейших понятий. Нет ответа, пожалуй, на самые главные вопросы теории: что такое использование ретроспективной информации как информационное явление? каковы природа и типы эффективности использования? как сказывается фактор старения информации в сфере использования?

Основополагающие понятия и принципы архивоведения, группирующиеся вокруг понятия архивного фонда, принято рассматривать в свете вопросов классификации, группировки документов. Неоднократно обсуждавшиеся, эти единицы знания еще не рассматривались как теоретическое ядро архивоведения, не проанализированы в свете причинно-следственных отношений, в рамках научной концепции, признающей фондообразование естественноисторическим процессом. Особенно необходимо это теперь, в условиях нарастающей интеграции научного знания, вовлечения в архивоведение понятий и представлений новых информационных наук, способных в случае недооценки роли историзма привести к нарушению “методологического баланса” архивоведения.

Остаются нерассмотренными или только намеченными вопросы о роли и теоретической природе источниковедческого и других научных подходов в архивоведении. Нет анализа объекта и предмета этой дисциплины; отсутствует ее собранная методологическая характеристика. В современной науке высшей формой организации знания является научная теория. Однако, за исключением проблематики экспертизы ценности документов, названные выше теоретические вопросы фондирования, описания, традиционного архивного поиска, организации использования архивных документов не рассматривались как частные архивоведческие теории соответствующих проблем. Не сформулирована и общая теория архивоведения.

Таким образом, в современном отечественном архивоведении, несмотря на большие успехи, достигнутые в разработке важнейшей научной проблематики, налицо ряд существенных неизученных или недостаточно изученных вопросов. До сих пор нет исследования монографического типа, охватывающего всю основную теоретическую проблематику данной дисциплины.

Коротко остановимся на некоторых обобщающих зарубежных трудах. В основном они принадлежат к работам двух типов: монографическим исследованиям и методическим руководствам. Монографические исследования особенно свойственны старой немецкой школе. Они посвящены главным образом теории архивоведения и истории архивов (Archivwissenschaft или Archivkunde, т. е. архивная наука). Методикоприкладные вопросы (Archivwesen, что близко к понятию архивного дела или организации архивной работы) освещаются обычно в правилах и инструкциях. Подобное деление было известно, как отмечалось, и русской литературе: архивовѣдение и архивовѣдѣние. Руководства методического характера присущи так называемой архивистике, т. е. области методического и практического знания, опирающейся на некоторую сумму теоретических установок. Ведущие начало от книги голландских архивистов 1898 г.^{86*}, они представлены работами Р.Ф. Фурнье, Х. Дженкинсона, Э. Казановы⁸⁸ и др.

Из новых методических руководств 70-х годов наиболее содержательной является книга эрудированных французских авторов, стремившихся, по их словам, “сбалансировать теоретические установки и описание практики”⁸⁹. Но теоретический аспект не получил в нем глубокого развития. В основном книга обобщает нормативно-правовые положения, относящиеся к архивной работе, и методико-практические вопросы, что отражает характерные признаки французской архивной школы, ориентированной на описание широкого круга работ с архивным материалом, а не теоретическое исследование природы предмета. Это не значит, что у французских архивистов нет теории. Французская архивистика выросла на теоретических положениях, выработанных ею в XIX в., в которые входят, в частности, понятие архивного фонда и принцип уважения к фонду (французская версия принципа происхождения)⁹⁰. Они вписываются в нормативные требования и соблюдаются неукоснительно. Так, нарушение целостности фонда, замечает Е.В. Старостин, “рассматривается как профессиональное преступление архивиста”^{91**}.

Американская архивистика не имеет глубоких исторических корней. Большую роль в ее становлении сыграли книги Т.Р. Шелленберга, изданные после второй мировой войны. Поставив задачу

* В 1905 г. книга издана в Германии, в 1908 г. – в Италии, в 1910 г. – во Франции, в 1940 г. – в США. На русском языке ее содержание подробно изложено по французскому изданию в статье И.А. Голубцова⁸⁷.

** Критический анализ методологии французских архивистов по вопросам истории архивов см.⁹².

преодолеть примитивные взгляды, распространенные в среде американских архивистов (под прямым влиянием библиотечного дела), и поднять незрелую американскую архивистику до европейского уровня, Шелленберг изучил и обобщил все представлявшееся ему полезным для этой цели. Особенно настойчиво он стремился внедрить принцип происхождения, ранее совершенно чуждый архивистам США как не отвечавший установкам американского прагматизма, рассматривавшего исторические факты любого рода (а значит, и документы, и документные классификации) с точки зрения их пригодности для заранее заданных конкретных целей. В книгах “Современные архивы” и “Управление архивами”, предназначенных стать руководящим материалом для практиков, Шелленберг обстоятельно рассмотрел технику работы с архивными документами, но теоретические положения глубоко не проанализировал^{93*}. Как справедливо отмечает Ф.Дж. Бурк (США), внимательное чтение работ Шелленберга дает представление о глубине мышления и личном вкладе их автора в осмысление научной архивной работы, но в целом показывает, что они не содержат ничего, что можно было бы назвать подлинной архивной теорией. Книга “Современные архивы”, продолжает Бурк, не формулирует концепций, а лишь излагает европейские взгляды и американский опыт⁹⁵.

Немецким трудам, наоборот, свойствен большой интерес к теории. Книга умершего в годы второй мировой войны А. Бреннеке (в обработке В. Лееша, издание 1953 г.) явилась попыткой исследования архивоведения как научной дисциплины, а не изложением руководящих указаний по практическим вопросам архивной работы⁹⁶. В ней рассмотрены сложные проблемы: природа архивного материала в сопоставлении с библиотечным, типология архивов с точки зрения условий их образования и внутренней архитектоники, содержание научных понятий, и особенно – анализ возникновения, развития и теоретического смысла принципа происхождения, преимуществ классификации документов по фондам, по сравнению с логическими классификационными схемами. Самая большая часть книги посвящена истории архивного дела в Германии и других странах, хотя о русских дореволюционных и тем более послереволюционных архивах (текст Лееша) содержится лишь беглое упоминание. Книга Бреннеке остается полезной, поскольку охватила большой фактический материал, излагает ряд концепций, развивавшихся разными авторами, но в основном немецкими, показывая истоки и генезис принципа происхождения. Она может рассматриваться как определенное достижение немецкого архивоведения.

Многотомный труд И. Папритца является обработкой лекций, читавшихся автором в течение 20 лет в Марбургской архивной школе. Тем не менее это не учебник, а исследование монографического типа⁹⁷. В изданных томах рассматриваются общие положения

* Критику взглядов Т.Р. Шелленберга см.⁹⁴.

архивной науки и ее основные понятия, вопросы работы с документами в канцеляриях и регистратурах, а также учение об упорядочении документов в архивах. При анализе концептуальных положений Папритц сосредоточился на понятии архивного фонда и определении принципов его целостности, типологии фондов, фонирования и содержании принципа происхождения. Выполненная с учетом многих точек зрения, существующих в западной архивоведческой литературе, эта работа не содержит, однако, свежих выводов. В ней не сформулированы новые понятия и нет оригинальных трактовок уже известных положений. Обобщение Папритцом теоретического знания не вывело немецкую архивную науку на более высокий уровень развития.

* * *

Высказанные соображения и изложенный историографический материал показывают актуальность постановки задачи – рассмотреть в рамках монографического исследования основные теоретические проблемы современного отечественного архивоведения: его объект, предмет, методологические характеристики, наиболее важные связи с другими областями науки, проблемную структуру архивоведения, сформулировать положения его общей теории и частных теорий, непосредственно связанных с реализацией специфических функций архивного дела. Подобного рода теоретико-методологическая задача еще не решалась. Она предполагает постоянное внимание анализу понятийного аппарата и методов архивоведения, как с точки зрения углубления и теоретической перепроверки полученных ранее научных положений, имеющих принципиальное значение для архивоведения – с целью их подтверждения в свете достижений современной науки, критики или повышения уровня теоретической достоверности, так и в плане разработки новых понятий и взглядов, углубляющих наше понимание природы предмета и расширяющих исследовательские возможности архивоведения. Это также является характеристикой новизны решаемой задачи.

При отсутствии монографических работ по большинству проблем архивоведения особенную важность приобретают теоретические статьи в научных изданиях и доклады на конференциях и совещаниях, излагающие взгляды компетентных авторов, формулирующие новые идеи или имеющие историографический характер. К сожалению, таких работ сравнительно мало. При использовании учебной литературы требуется учитывать, что она, широко и собранно излагая научный материал, освещает главным образом уже достаточно устоявшиеся взгляды, хотя в ряде случаев включает и новые исследовательские трактовки.

В архивных материалах (документы Главархива СССР, относящиеся к постановке научно-исследовательской работы, и материалы Ученого совета ВНИИДАД) широко представлены проекты методи-

ческих рекомендаций и пособий, справки о ходе их разработки, доклады и их тезисы, протоколы обсуждений, отражающие оценку обсуждавшихся материалов. Вместе с тем автор принимал во внимание, что значительная часть этих материалов опубликована в виде рекомендаций и пособий, в статьях, а также освещена в обзорных сообщениях о состоявшихся обсуждениях. Учитывая характер данной работы, архивные документы следует рассматривать в контексте опубликованных материалов, поскольку в большинстве случаев они просто являются их начальными вариантами.

Сформулированная задача определяет построение работы.

В 1-й главе излагается выработанная автором концепция объекта и предмета архивоведения, дается методологическая характеристика этой дисциплины и рассматриваются ее связи с другими областями науки. Последующие пять глав посвящены вопросам общей теории, образующей теоретическое ядро архивоведения (2-я глава), и частным архивоведческим теориям, обеспечивающим реализацию соответствующих функций архивного дела: теории экспертизы ценности документов (3-я глава), теории фондирования (4-я глава), теорий архивного описания и традиционного поиска (5-я глава), теории использования архивных документов (6-я глава). В основном материал этих глав раскрывает проблемно-содержательную структуру архивоведения.

Однако необходимо указать вопросы, исключенные из рассмотрения. Так, опускаются разработанные автором теоретические вопросы архивного учета и вопросы, связанные с проблемой особой ценности и уникальности документов, а также материал о типологии архивных фондов и коллекций*. Постоянно обращаясь к вопросам архивной классификации, автор считает эту проблему глубоко изученной, останавливаясь лишь (во 2-й главе) на характеристике понимания архивоведением предмета классификации. Вопросы истории архивного дела и развития архивоведческой мысли являются важнейшей частью архивоведения. Однако, поскольку задачей данной работы является исследование теоретических проблем *современного* архивоведения, автор не касается вопроса о генезисе понятия фонда, ограничиваясь (во 2-й и частично в 3-й главах) анализом отдельных моментов его развития.

Скупое рассматриваются заслуживающие самостоятельного исследования специфические вопросы архивоведения документов личного происхождения. Ограничения, связанные с характером объекта архивоведческого познания, уже отмечены. Они вызваны обособлением специализированных разделов архивоведения, выделением отраслевых субдисциплин: архивоведения научно-технической документации и архивоведения кинофотофоноvideодокументации. Теоретическая трактовка этих вопросов предлагается в разделе, посвященном объекту архивоведческого познания.

* Эти материалы опубликованы⁹⁸.

- ¹ Декрет СНК РСФСР "О реорганизации и централизации архивного дела", 1 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 383–385.
- ² Долгих Ф.И. О задачах архивных учреждений в свете решений XXVI съезда КПСС // Советские архивы. 1981. № 3. С. 9.
- ³ Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. О классификации общественных наук // Вопр. философии. 1964. № 11. С. 15–26; Платоменко Л.Н. Специфика общественных наук и характер их связи с производством // Философские исследования. Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического ин-та, 1968. Т. 365.
- ⁴ Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования / Редкол. Б.М. Кедров и др. М., 1973. С. 149.
- ⁵ Автократов В.Н., Кондратьев В.А., Кривошеин Л.Н. Некоторые вопросы развития советского архивоведения // Вопр. архивоведения. 1963. № 2. С. 4.
- ⁶ Крестовская К.В. Проблемы обеспечения сохранности документов Государственного архивного фонда СССР на современном этапе // Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 2. С. 401–409; Крестовская К.В., Соколова И.С. Проблемы обеспечения сохранности документов Государственного архивного фонда СССР // Советские архивы. 1981. № 2. С. 11–13 и др.
- ⁷ Мизин П.Я., Церевитинов Н.А. Технология хранения документальных материалов: Учеб. пособие / Под ред. И.Л. Маяковского. М., Главархив СССР, МГИАИ, 1950. 268 с.
- ⁸ Краткий словарь архивной терминологии / Редкол. И.С. Назин (гл.) и др.; сост.: В.Н. Автократов, Т.В. Батаева и др. М.; Л.: ВНИИДАД, МГИАИ, 1968. С. 18.
- ⁹ ГОСТ 16487–70. Делопроизводство и архивное дело: Термины и определения. Введ. 01.07.71 – 8 с. – Группа ТО2.
- ¹⁰ Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. Проект. Вып. 1. [3-е изд., перераб.]. М., 1979. С. 10.
- ¹¹ Курантов А.П. Прогресс науки в управлении архивами: Доклад VIII Международному конгрессу архивов. Б.и., М., 1976. 142 с.
- ¹² Автократов В.Н., Кузьмин С.И. Об информационном обслуживании архивных учреждений // Советские архивы. 1968. № 1. С. 50–56; Блоштейн Е.А. Основные направления совершенствования отраслевой системы научно-технической информации в области документоведения и архивного дела // Роль научных исследований в совершенствовании работы архивных учреждений в свете решений XXV съезда КПСС: Кр. тез. выступлений на Уч. совете [ВНИИДАД], посвященном 10-летию ин-та (январь, 1977 г.). М., 1977. С. 75–88; За повышение эффективности пропаганды передового опыта работы архивных учреждений: Материалы научно-практич. семинара руководителей РСНТИ и служб НТИ архивных учреждений / Редкол.: В.Н. Автократов, Е.А. Блоштейн, А.П. Курантов и др. М., 1981. 118 с.; Илизаров Б.С. Отраслевая система научно-технической информации по документоведению и архивному делу // Советские архивы. 1981. № 3. С. 20–29 и др.

- ¹³ Арутюнов А.О. Обеспечение сохранности и использование документов государственных архивов Армянской ССР // Советские архивы. 1977. № 6. С. 49–53; Ваганов Ф.М. В.И. Ленин и архивное дело // Советские архивы. 1982. № 2. С. 9–19; Он же. Программа дальнейшего развития архивного дела в СССР // Советские архивы. 1981. № 1. С. 10–19; Вайс М.Л., Мирзабаев А.А. Архивное дело в Узбекской ССР (1924–1974 гг.) // Советские архивы. 1974. № 6. С. 20–26; Варрки Б.В. Архивное дело в Эстонской ССР // Советские архивы. 1975. № 6. С. 46–51; Вонсавичус Б.К. Совершенствование деятельности делопроизводственных и архивных служб учреждений, организаций и предприятий Литовской ССР // Советские архивы. 1980. № 2. С. 67–70; Всесоюзное социалистическое соревнование коллективов учреждений системы Главархива СССР // Советские архивы. 1982. № 2. С. 3–8; Головкин А.В. Осуществление ленинских принципов развития архивного дела в Туркменской ССР // Материалы Всесоюзной научной конференции “Архивы СССР периода развитого социалистического общества”. М., 1979. Ч. 1. С. 150–154; Добровская А.В. Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР как научное учреждение // Роль научных исследований в совершенствовании работы архивных учреждений в свете решений XXV съезда КПСС. Кр. тез. выступлений на Уч. совете [ВНИИДАД], посвящ. 10-летию ин-та (январь 1977 г.). М., 1977. С. 89–98; Долгих Ф.И. Архивные учреждения СССР – к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции // Советские архивы. 1977. № 5. С. 4–14; Он же. Взаимосвязь и преемственность в работе государственных и ведомственных архивов: Материалы к докладу на VII Междун. конгрессе архивов. М.: Б.и., 1972. 56 с.; Он же. О ходе выполнения Пятилетнего плана развития архивного дела в СССР в 1981 г. и мерах по обеспечению плана в 1982 г. // Советские архивы. 1982. № 4. С. 3–11; Он же. Основные проблемы архивного дела в условиях развитого социалистического общества // Советские архивы. 1978. № 1. С. 4–14; Он же. Основы архивной службы в СССР и повышения ее роли в условиях развитого социалистического общества // Архивное дело в СССР / Тр. ВНИИДАД. М., 1980. Т. 12. С. 3–14; Он же. Повышение научного уровня работы – необходимое условие совершенствования архивного дела // Советские архивы. 1973. № 2. С. 3–11; Он же. Работу архивных учреждений страны – на уровень новых задач // Советские архивы. 1980. № 4. С. 16–25; Елпатьевский А.В. Развитие научных исследований в области архивоведения и документоведения, их организация и проблематика // Из опыта организации научно-исследовательской работы в архивных учреждениях. М., 1980. С. 5–28; Манелашвили А.А. Архивам советской Грузии – 60 лет // Советские архивы. 1981. № 5. С. 17–22; Плешаков С.Т., Добровская А.В., Каптелов Б.И. Перспективы развития ЦГАОР СССР как общесоюзного научно-методического центра // Советские архивы. 1980. № 5. С. 14–22; Прокопенко А.С. Задачи государственной инспекции архивов на современном этапе // Советские архивы. 1981. № 4. С. 16–20; Пше-

- ничный А.П. Работа архивных учреждений с министерствами и ведомствами // Советские архивы. 1980. № 2. С. 36–42; Рамазанова Б.Р. Осуществление ленинских принципов организации архивной службы в Казахстане // Советские архивы. 1978. № 5. С. 20–27; Сидорова В.А., Шаронов Ф.И. Центральный государственный архив РСФСР (1957–1977 гг.) // Советские архивы. 1977. № 6. С. 40–48.
- 14 Ваганов Ф.М., Жильцов В.В. Работу с кадрами – на уровень современных задач // Советские архивы. 1982. № 1. С. 3–11. Дербина В.Е., Крайская З.В., Фирсов И.Н. Организация производственной работы в архивном отделе, государственном архиве и архиве действующего учреждения / Под ред. К.И. Рудельсон. М.: МГИАИ, 1959. 90 с.; Из опыта организации научно-исследовательской работы в архивных учреждениях страны: [Сб. статей] / Отв. ред. А.В. Елпатьевский. М.: Главархив СССР, 1980. 113 с.; Окунева Р.А. Ленинские принципы организации труда и внедрения НОТ в архивных учреждениях // Тр. МГИАИ. М., 1975. Т. 31. Вып. 2. С. 40–52; Организация внедрения научных разработок ВНИИДАД в области архивоведения и обеспечения сохранности документов в центральных государственных архивах СССР: Материалы семинара (26–27 апр. 1979 г., Москва) / Редкол.: А.П. Курантов, В.Н. Автократов и др. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1980. 155 с.; Терещенко Л.С. Внедрение нормативных разработок по труду в государственных архивах // Организация внедрения научных разработок ВНИИДАД в области архивоведения и обеспечения сохранности документов в центральных государственных архивах СССР: Материалы семинара (26–27 апр. 1979 г., Москва). М., 1980. С. 58–62; Он же. Разработка вопросов экономики архивного дела // Роль научных исследований в совершенствовании работы архивных учреждений в свете решений XXV съезда КПСС: Кр. тез. выступлений на Уч. совете [ВНИИДАД], посвящ. 10-летию ин-та (январь 1977 г.). М., 1977. С. 32–36.
- 15 Горский Д.П. Опережающий характер отражения действительности на уровне человеческого познания // Практика и познание. М., 1973. С. 63.
- 16 Андреевский И.Е. Наука об архивах: Лекции, читанные в С.-Петербургском археологическом ин-те... в 1885/6–1886/7 гг. [СПб.: Литогр. Гробовой [1887]. 124 с.; Архивоведение, или Наука об архивах // Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 2 (3). С. 253–254; Воронов А.П. Архивоведение: Конспект лекций, читанных в С.-Петербургском археологическом ин-те. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1901. 51 с.; Колесников И.Ф. Древние рукописи: От памятника старины до исторического источника. М.: Моск. археологич. ин-т, 1914. 32 с.; Он же. Устройство и ведение архивов: Пособ. к лекциям по архивоведению: Курс специальный. М.: Тип.-лит. И.И. Иванова, 1910. 252 с.; Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России: Совр. русское архивное нестроение. М.: МАМЮ, 1902. Кн. 1. 131, 37 с.
- 17 Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России: Совр. русское архивное нестроение. М.: МАМЮ, 1902. Кн. 1. Прил. С. 34.

- 18 Колесников И. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // Архивное дело. 1940. № 2 (54). С. 13.
- 19 Оглоблин Н. Из воспоминаний слушателя Археологич. института 1-го выпуска (1878–1879 гг.) // Вестн. археологии и истории. СПб., 1903. Вып. 15. С. 403.
- 20 Большаков А.М. Вспомогательные исторические дисциплины. 4-е изд. Л., 1924. IV, 348 с.; Смирнов А.И. Очерки по истории архивного дела: Записи лекций автора. Ярославль: Б. н., 1922. Ч. 1. Вып. 1. 78 с.
- 21 Чхетия Ш.К. Архивоведение, его предмет, задачи и цели // Научно-информационный бюллетень Архивного управления МВД Грузинской ССР. 1958. № 2. С. 25.
- 22 Гуковский А.И. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины // Вопр. истории. 1964. № 2. С. 51; Он же. О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин // Вопр. истории. 1965. № 10. С. 61.
- 23 Шмидт С.О. Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории // Археография и источниковедение / Сев. археографич. сборник. Сыктывкар, 1977. Вып. 4. С. 8.
- 24 Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977. С. 222–224; От редколлегии // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 6.
- 25 Медушевская О.М. Новая советская литература по источниковедению // Вопр. истории. 1973. № 9. С. 146–154; Она же. Сборник, подготовленный историками ГДР, и вопросы источниковедения // Советские архивы. 1968. № 4. С. 116–121; Она же. Теоретические проблемы источниковедения: Автореф. дис. ... д-р ист. наук. М., 1975. 28 с.
- 26 Буганов В.И., Трукан Г.А. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР // Вопр. истории. 1977. № 3. С. 3–15; Трукан Г.А. Современные исследования и проблемы источниковедения истории советского общества // Источниковедение истории советского общества. М., 1978. Вып. 3. С. 5–18; Шмидт С.О. Археография, архивоведение и специальные исторические дисциплины // Развитие советской исторической науки: 1970–1974. М., 1975. С. 329–355.
- 27 Соколов А.В., Манкевич А.И. Информатика в перспективе // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1971. № 10. С. 9.
- 28 Автократов В.Н. К проблеме вовлечения информационных категорий в архивоведение // Тр. ВНИИДАД. М., 1973. Т. 3. С. 251–263. Елпатьевский А.В. Об использовании понятий теории информации в современном архивоведении // Тр. ВНИИДАД. М., 1973. Т. 3. С. 264–276.
- 29 Готт В.С., Урсул А.Д. Общенаучные понятия и их роль в познании // Коммунист. 1974. № 9. С. 78; Сифоров В.С. Методологические вопросы науки об информации // Вопр. философии. 1974. № 7. С. 106.
- 30 Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопр. архивоведения. 1964. № 2. С. 33.

- 31 Рудельсон К.И., Стяжкин Н.И., Шепукова Н.М., Илизаров Б.С. Теоретические проблемы архивоведения на современном этапе развития архивного дела // Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 1. С. 62.
- 32 Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник / Под ред. Ф.И. Долгих, К.И. Рудельсон. М., 1980. С. 4.
- 33 Горфейн Г.М., Шепелев Л.Е. Архивоведение: Учеб. пособие. Л., Изд. Лен ун-та. 1971. С. 5.
- 34 Шепелев Л.Е. О содержании, направлении и организации научно-исследовательской работы государственных архивов // Проблемы архивоведения и источниковедения: Материалы научной конф. архивистов Ленинграда 4–6 февр. 1964 г. Л., 1964. С. 39.
- 35 Шепелев Л.Е. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: к вопросу о их задачах и роли в историческом исследовании // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13. С. 16, 18.
- 36 Трошин Д.М. Методологические проблемы современной науки. М., 1966. С. 15–16.
- 37 Ионов В. К вопросу о предмете научного коммунизма // Коммунист. 1979. № 16. С. 49.
- 38 Медушевская О.М. О некоторых теоретических проблемах источниковедения // Археография и источниковедение / Сев. археографич. сборник. Сыктывкар, 1977. Вып. 4. С. 48.
- 39 Большаков А.М. Вспомогательные исторические дисциплины. 4-е изд. Л., 1924. С. 259; Пичета В.И. Введение в русскую историю: (Источники и историография). М., 1923. С. 5–7; Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по филос. и методологии истории: (Лекции). 3-е изд. [М.:] Тип. Рихтер, 1919. С. 370.
- 40 Зубарев И.И. Прошлое и настоящее русских архивов: (Кр. историч. очерк). СПб., 1911. С. 38.
- 41 Маяковский И.Л. Исторический очерк истории архивного дела в России: Лекции, чит. слушателям Арх. курсов при Петрогр. археологич. ин-те в 1918 г. Пг.: Б. н., 1920. С. 12, 15.
- 42 Боговлянский С. [Рец. на кн.:] Маяковский И.Л. Исторический очерк истории архивного дела в России: Лекции, чит. слушателям Арх. курсов при Петрогр. археологич. ин-те в 1918 г. // Красный архив. 1922. Т. 1. С. 422.
- 43 Белов Г.А., Максаков В.В. Архивы // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 865; Бельчиков Н. Теория археографии. М.; Л.: Academia, 1929. С. 14; Булыгин И.А., Пушкарёв Л.Н. Источниковедение // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 593; Введенский А., Дядиченко В., Стрельский В. Доповні історичні дисципліни: Короткий курс. Уч. посіб. Київ: Радянська школа, 1963. 208 с.; Воронкова С.В., Муравьев А.В. Источниковедение и вспомогательные дисциплины в системе вузовского преподавания: (Из опыта кафедр отеч. истории Историч. факультета МГУ) // История СССР. 1981. № 4. С. 93; Колесников И. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // Архивное дело. 1940. № 2 (54). С. 12–28; Маяковский И.Л. Очерки по истории архив-

- ного дела в СССР. Исправл. и доп. для 2-го изд. Н.В. Бржостовской и др. М.: Главархив СССР, МГИАИ, 1960. 338 с.
- 44 *Гуковский А.И.* О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин // *Вопр. истории.* 1965. № 10. С. 51; *Зимин А.А.* Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // *Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР.* М., 1965. Т. 1. С. 125.
 - 45 *Калишевич З.Е., Назин И.С., Смоктунович Л.Л., Сырченко Л.Г.* Советская архивная терминология // *Советские архивы.* 1969. № 1. С. 31–38.
 - 46 *Дюбоск Г.* Архивы Франции // *Советские архивы.* 1972. № 2. С. 101–107; *Bautiere R.H.* La place des archives et des archivistes dans e'Etat // III-e conference internacional de la "Table Ronde des archives" (Zagreb, 23–25, mai 1957). Paris, 1957; *Braibante Ch.* Le Irenier de e'Histoire et de l'Arcenal de l'Administration. Paris: Impr. national, 1957. 31 p.
 - 47 *Manuel d'archivistique: Théorie et pratique des Archives publiques en France.* Paris: Impr. national, 1970. P. 5.
 - 48 *Кедров Б.М.* Соотношение фундаментальных и прикладных наук // *Вопр. философии.* 1972. № 2. С. 50.
 - 49 *Маркс К.* Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 7–8.
 - 50 *Личета В.* 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей: (Москва, 29 сент. – 3 окт. 1921 г.) // *Архивное дело.* 1923. Вып. 1. С. 102–133.
 - 51 *Анфилов Б.* Назревшая реформа (Архивы учреждений и Центр-архив) // *Архивное дело.* 1928. Вып. 1 (14). С. 3–17; *Он же.* По журналам: (Ответ критикам) // *Архивное дело.* 1926. Вып. 8–9. С. 157–170; *Богоявленский С.* Работа Поверочной и разборочных комиссий // *Архивное дело.* 1926. Вып. 5–6. С. 68–83; *Голубцов И.* Краеведческие "поправки" к организации архивного дела в РСФСР // *Архивное дело.* 1927. Вып. 13. С. 11–26; *Он же.* О типах и формах архивных описей: (По поводу "Примерных описей", изданных Центр. арх. управлением УССР) // *Архивное дело.* 1928. Вып. 4 (17). С. 29–36; *Жданович Я., Любавский М.* К вопросу о недроблении архивных фондов // *Архивное дело.* 1926. Вып. 5–6. С. 57–67; *Рушнов Н.* Регистратура и архив: (По поводу совр. делопроизводственной литературы) // *Архивное дело.* 1926. Вып. 7. С. 10–20; Вып. 8–9. С. 26–35.
 - 52 *Максаков В.* 10 лет архивного строительства // *Архивное дело.* 1929. Вып. 2 (19). С. 5–48; Вып. 3 (20). С. 5–12; *Он же.* На очереди // *Архивное дело.* 1926. Вып. 7. С. 3–9; *Он же.* Пять лет архива Октябрьской революции (1920 – сент. 1925 г.) // *Архивное дело.* 1926. Вып. 5–6. С. 3–13; *Покровский М.Н.* Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве // Соч.: Лекции, статьи, речи. М., 1967. Кн. 4. С. 561–570; *Он же.* Культурное и политическое значение архивов // Там же. С. 579–590; *Он же.* От Истпарта // Там же. С. 554–560; *Он же.* Политическое значение архивов // Там же. Кн. 4. С. 571–578.
 - 53 *Шаксанов В.В.* В.В. Адоратский и его роль в организации архивного дела в СССР // *Тр. МГИАИ.* М., 1962. Т. 15. С. 15–33.

- 54 Бельчиков Н. Теория археографии. М.; Л.: Academia, 1929. С. 59–60, 68–68 и др.
- 55 Там же. С. 45–49, 51 и др.
- 56 Правила систематизации архивных материалов государственных архивов СССР. Б. м., ЦАУ СССР [1938] 26 с. Правила составления инвентарной описи в государственных архивах СССР // Архивное дело. 1938. № 1 (15). С. 143–159; История второй мировой войны: 1935–1945: Коренной перелом в войне / Гл. ред. И.В. Пароткин, Г.Т. Хорошилов. М.: Воениздат, 1976. Т. 6. 519 с.; Фомин Н. К вопросу об описании архивных материалов // Архивное дело. 1935. № 4(37). С. 14–51; 1936. № 1(38). С. 56–65; № 3(40). С. 7–17; Фрадкин М. Учет архивных материалов // Архивное дело. 1936. № 4(41). С. 1–30; Юрченко А. Новый учет архивных материалов и изучение истории учреждений-фондообразователей // Архивное дело. 1938. № 4(48). С. 19–33 и др.
- 57 Карпоухова О. К вопросу о составлении путеводителей по архивам // Архивное дело. 1939. № 4(52). С. 70–84; Назин И. Работа над путеводителем по Центральному военно-историческому архиву // Архивное дело. 1939. № 4(52). С. 85–93; Чернов А. К вопросу о составлении путеводителей по архивам: (Из опыта работы ГАФКЭ) // Архивное дело. 1940. № 3(55). С. 44–54.
- 58 Князев Г.А. Теория и техника архивного дела: (Опыт систематич. руководства). Л.: ЛОЦИА, 1935. 122 с.; Митяев К.Г. Теория и практика архивного дела: Учеб. пособие / Под ред. И.Л. Маяковского. М.: Главархив СССР, ИАИ, 1946. 248 с.; Теория и практика архивного дела в СССР: Учеб. пособие / Под ред. Г.А. Белова, А.И. Логиновой и др. М.: Главархив СССР, 1958. 341 с.
- 59 Макасов В.В. 35 лет советской централизации архивного дела // Тр. МГИАИ. М., 1954. Т. 5. С. 5–37.
- 60 О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве: Постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. // Коммунист. 1967. № 13. С. 3–1.
- 61 Рудельсон К.И. Классификация документной информации Государственного архивного фонда СССР: (Историография. Совр. проблемы): Автореф. дис. ... д-р ист. наук. М., 1968. 38 с.
- 62 Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник / Под ред. Л.А. Никифорова, Г.А. Белова. М.: Высш. школа, 1966. 468 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ф.И. Долгих, К.И. Рудельсон. М.: Высш. школа, 1980. 343 с.
- 63 Кононов Ю.Ф., Назин И.С. [Рец. на кн.:] Теория и практика архивного дела в СССР. М., 1966 // История СССР. 1967. № 6. С. 185–186; Назин И.С. Нужная книга [Рец. на кн.:] Теория и практика архивного дела в СССР // Советские архивы. 1966. № 6. С. 100–102; Прокопенко Н.Р. [Рец. на кн.:] Теория и практика архивного дела в СССР // Вопр. истории. 1967. № 5. С. 156–158.
- 64 Кузьмин С.И., Юдкин С.И. [Рец. на кн.:] Теория и практика архивного дела в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. // Советские архивы. 1981. № 1. С. 83–84.

- 65 Рудельсон К.И. Современные документные классификации / Отв. ред. Г.Г. Воробьев. М.: Наука. 1973. 267 с.; Тр. ВНИИДАД. Т. 4: Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов СССР. М., 1974. Ч. 1: 272 с.; ч. 2: 556 с.
- 66 [Бржостовская Н.В.] Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней: Арх. дело с древнейших времен до 1917 г. [авторы-сост.: Н.В. Бржостовская, Б.С. Илизаров; научн. ред. К.И. Рудельсон] // Тр. ВНИИДАД. М., 1979. Т. 8. Ч. 1. 251 с.; ч. 2. 255 с.; Митюков О.Г. Радянське архівне будівництво на Україні, 1917–1973. Київ: Наукова думка, 1975. 271 с.
- 67 Булыгин И.А., Пушкарев Л.Н. Источниковедение // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 593.
- 68 Белов Г.А., Максаков В.В. Архивы // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 865.
- 69 Стрельский В.И. Архивоведение // Украинская советская энциклопедия. Киев, 1978. Т. 1. С. 267; Он же. Архівознавство // Радянська енциклопедія історії України. Київ, 1969. Т. 1. С. 88.
- 70 Кондратьев В.А. Экспертизу ценности документов нельзя проводить упрощенно // Вопр. архивоведения. 1961. № 2. С. 85–94; Селезнев М.С. О некоторых вопросах теории экспертизы ценности документальных материалов // Вопр. архивоведения. 1961. № 4. С. 42–51.
- 71 Белов Г.А. Проблемы комплектования государственных архивов // Вопр. истории. 1968. № 4. С. 74–87; Митяев К.Г. К методологии классификации и экспертизы документов // Тр. МГИАИ. М., 1967. Т. 25. С. 118–138; Попова Г.И., Феоктистова Г.А., Шепукова Н.М. Отбор на государственное хранение документов с повторяющимся содержанием // Советские архивы. 1968. № 4. С. 27–33; Рудельсон К.И. Назревшие вопросы теории и практики архивного дела // Вопр. истории. 1965. № 12. С. 11–21; Орлова Н.А. Вопросы экспертизы ценности в советском архивоведении // Тр. МГИАИ. М., 1972. Т. 29. С. 48–67; Она же. Экспертиза научной и практической ценности документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР / Под ред. К.И. Рудельсон. М.: МГИАИ, 1959. 114 с.; Цаплин В.В. Теоретические и практические вопросы экспертизы документов // Советские архивы. 1966. № 3. С. 14–22; Шепукова Н.М., Щелкина Н.Н. Основные направления работы архивных учреждений по определению научно-исторической ценности документов в 1959–1969 гг. // Советские архивы. 1971. № 1. С. 40–45 и др.
- 72 Тр. научной конференции по вопросам архивного дела в СССР / Редкол.: Л.Н. Кривошеин (гл.), В.Н. Автократов и др. М.: Главархив СССР, 1965. Т. I – 594 с.; Т. II – 420 с.; [Т. III] Материалы научно-методич. конференции архивистов РСФСР. 226 с.
- 73 Материалы научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР. М.: Главархив СССР. 1976. 4.1. Пленарное заседание – 204 с.; 4.2. Секция “Управленческая документация”. – 205–441 с.; Ч. 3. Секции “Документы по личному составу и материалы личного

- происхождения" и "Научно-техническая и специальная документация". 442–697 с.
- 74 *Люшин С.П.* Вопросы местного опыта в трудах В.И. Ленина и значение документов учреждений низового звена // Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1976. С. 3–23.
 - 75 *Мамонов В.М.* Об актуальных задачах дальнейшего совершенствования комплектования государственных архивов // Советские архивы. 1975. № 2. С. 48–56; *Он же.* О дальнейшем совершенствовании работы по отбору и передаче документов на государственное хранение // Советские архивы. 1980. № 1. С. 21–32; *Орлова Н.А.* Некоторые понятия теории познания и их значение для экспертизы ценности документов // Тр. МГИАИ. М., 1975. Т. 31. Вып. 2. С. 14–19; *Сидорова В.А.* Методика исследования повторяемости информации в документах личных дел руководящих кадров // Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1976. С. 45–58.
 - 76 *Жигунов В.М.* Роль научных исследований в решении задач экспертизы ценности и отбора на государственное хранение научно-технической документации и кинофотофоноvideодокументов // Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 1. С. 175–184; *Козлова М.Г.* К вопросу о методике отбора на государственное хранение документов личного происхождения // Там же. С. 227–231; *Колосова Э.В.* Актуальные вопросы определения источников комплектования ГАФ СССР периода развитого социалистического общества // Там же. С. 165–174; *Седельников В.О.* Из опыта работы ЦГА РСФСР по уточнению состава источников комплектования ГАФ СССР // Там же. С. 194–198; *Цаплин В.В.* Критерии определения состава организаций источников комплектования ЦГАНХ СССР // Там же. С. 185–193.
 - 77 *Крюкова Л.Н.* Экспертиза научно-исторической и практической ценности кинодокументов и комплектование ими государственных архивов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 24 с.
 - 78 *Бурова Е.М.* Научные основы экспертизы ценности управленческой документации в делопроизводстве учреждений: (На примере Мин. здравоохран. РСФСР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 26 с.; *Иноземцева З.П.* Научные основы комплектования государственных архивов в 1960–1980 гг.: (На примере гос. архивов РСФСР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 28 с.; *Черешня А.Г.* Научные основы отбора на государственное хранение документов по планированию экономического и социального развития СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. – 24 с.
 - 79 *Автократова М.И.* К вопросу о каталогизации документальных материалов // Исторический архив. 1961. № 4. С. 182–193; *Она же.* Роль и значение каталога в системе научно-справочного аппарата к документальным материалам Государственного архивного фонда СССР // Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 430–444; *Автократова М.И., Назин И.С., Рудельсон К.И., Смоктунович Л.Л.* О создании Единой системы научно-справочного аппарата архивов СССР // Вopr. архивоведения. 1965. № 1. С. 3–15; *Богатов Б.Н.*

- Каталогизация архивных материалов – важнейшее условие их широкого использования // *Вопр. архивоведения*. 1962. № 2. С. 3–10; *Коржихина Т.П.* Отбор сведений при каталогизации документальных материалов советской эпохи // *Материалы Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР: матер. научно-методич. конф. архивистов РСФСР*. М., 1965. С. 181–187; *Рудельсон К.И., Шобухов М.Н.* Единая система научно-справочного аппарата государственных архивов СССР // *Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР*. М., 1965. Т. 1. С. 72–88; *Тебекин Д.А.* Основные проблемы научно-справочного аппарата государственных архивов // *Вопр. архивоведения*. 1962. № 3. С. 3–13; и др.
- 80 *Автократова М.И., Рудельсон К.И., Сесина Л.И.* Разработка основ Единой системы научно-справочного аппарата к документальным материалам в советском архивоведении // *Археографический ежегодник за 1971 год*. М., 1972. С. 58–71; *Булько С.П.* Развитие определения понятия системы НСА ГАФ СССР и ее состава в советском архивоведении (1963–1973 гг.) // *Актуальные проблемы советского архивоведения*. М., 1976. С. 108–115; *Долгорукова Т.Н.* Некоторые аспекты системного подхода к проблеме развития научно-справочного аппарата ГАФ СССР // *Научная конференция Московского государственного историко-архивного института “Актуальные проблемы современного архивоведения, документоведения и организации делопроизводства”, 27–29 мая 1971 года: Тез. докл.* М., 1971. С. 50–54; *Елпатьевский А.В.* О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений // *Археографический ежегодник за 1968 год*. М., 1970. С. 48–56; *Ефименко Р.Н., Лебедев В.А.* К вопросу о генезисе системных представлений о научно-справочном аппарате в советском архивоведении (1930–1950 гг.) // *Тр. ВНИИДАД*. М., 1974. Т. 5. Ч. 2. С. 29–40; *Цаплин В.В.* Научно-информационная деятельность ЦГАНХ СССР и вопросы совершенствования научно-справочного аппарата // *Советские архивы*. 1980. № 2. С. 42–48; *Он же.* О возможном направлении развития системы НСА к документальным материалам государственных архивов // *Советские архивы*. 1972. № 5. С. 34–42 и др.
- 81 Краткие тезисы научных докладов и сообщений к Всесоюзному совещанию-семинару по вопросам развития средств информации государственных исторических архивов СССР. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, ЦГИА СССР, 1977. 139 с.; Материалы к Всесоюзному совещанию-семинару по проблеме “Научные основы и перспективы развития научно-справочного аппарата к документам Государственного архивного фонда СССР”. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1975. 287 с.; Материалы к Всесоюзной научной конференции по проблемам научно-информационной деятельности государственных архивов СССР: (Кр. тез.). М.: Главархив СССР, 1976. 207 с.
- 82 *Волкова И.В.* Принципы создания и функционирования системы научно-справочного аппарата к документам ГАФ СССР и перспективы ее развития // *Материалы Всесоюзной научной конференции “Архивы СССР периода развитого социалистического об-*

- щества". М., 1979. Ч. 2. С. 318–320; *Елпатьевский А.В.* Основные проблемы научно-информационной деятельности государственных архивов на современном этапе // Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 2. С. 312–317; Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М.: Главархив СССР, 1979. Ч. 1 – 239 с.; Ч. 2 – 240–563 с.
- 83 *Акимов Г.С., Архипова Т.Г., Смирнова Т.М.* Реорганизация государственных органов управления промышленностью и вопросы фондирования документальных комплексов // Советские архивы. 1976. № 2. С. 13–17; *Мишичева Л.А., Цаплин В.В.* Объединенный архивный фонд как классификационный и учетный комплекс документальных материалов // *Вопр. архивоведения*. 1963. № 1. С. 96–108; *Негинская Д.И.* Взаимосвязь фондирования документов министерств, образованных в 1965 г. и последующие годы, с порядком приема этих документов на государственное хранение // Вопросы экспертизы ценности документов и комплектования ими ЦГАНХ СССР: (Из опыта работы). М., 1977. С. 119–144; *Петровская М.Ф.* Определение понятия архивного фонда и его границ в советском архивоведении и образование объединенных архивных фондов // *Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР*. М., 1965. Т. 1. С. 310–317 и др.
- 84 Материалы Всесоюзного семинара по вопросам фондирования и учета документальных материалов. М.: Главархив СССР, 1963. 4, 312 с.
- 85 *Звевич В.И., Коннова Н.Н., Симонов Р.А.* Применение метода индексов // Советские архивы. 1979. № 3. С. 41–44; *Козлов В.П., Макарова С.Л., Симонов Р.А., Стяжкин Н.И., Шапиро Л.А.* Анализ обращений к архивным фондам: (По материалам ЦГАОР СССР в сопоставлении с распределением Аркварта) // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1978. № 2. С. 14–15; *Макарова С.Л.* К вопросу о формах учета использования архивных материалов // Советские архивы. 1978. № 3. С. 55–59; *Макарова С.Л., Суринов В.М.* К вопросу о применении социологических методов к изучению потребностей общественных наук в ретроспективной документной информации // Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 2. С. 354–361 и др.
- 86 *Muller S., Feith J.A., Fruin R.* Handleiding voor het ordenen en beschrijven van archiven. Ironingen: Van der Kamp, 1898. 156 p.
- 87 *Голубцов И.А.* Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 17–40; Вып. 3–4. С. 82–102.
- 88 *Casanova E.* Archivistica, 2ed. Siena: Stab. arti grafiche Zozzeri, 1928. XVI, 533 p.; *Jenkinson H.A.* Manual of Archive Administration: Including the problems of war archives and archive-making. Oxford: At the Clarendon Press, 1922. XIX, 243, 7 p.; *Fournier R.F.* Conseils pratique pour la classement et l'inventair des archives et l'edition des document historiques ecrits. Paris, 1924. 30 p.

- 89 Manuel d'archivistique: Theorie et pratique des Archives publiques en France. Paris: Impr. national, 1970. P. 10.
- 90 Duchein M. Le respect des fondes en archivistique // La Gazette des archives. 1977. № 97.
- 91 Старостин Е.В. Архивы современной Франции // Французский ежегодник, 1978 г. М., 1980. С. 234.
- 92 Михайлов Е.В. Методологические проблемы истории архивного дела в современном французском архивоведении // Вопросы критики методологии и теории буржуазного архивоведения: Сб. статей. М., 1980. С. 110–119.
- 93 Schellenberg T.R. Modern archives: Principles and techniques. Chicago: Univ. of Chicago press, 1956. XV, 247 p.; Idem. The management of Archives. New York; London, 1965. XVI, 383 p.
- 94 Виноградов В.М. О некоторых аспектах проблемы ценности в современном буржуазном архивоведении // Советские архивы. 1981. № 5. С. 70–77; Селезнев М.С. Вопросы критики методологии и теории современного буржуазного архивоведения: Докл. на объединенном заседании архивоведч. кафедр МГИАИ 29 сент. 1969 г. М.: МГИАИ, 1969. 22 с.; Сорокин В.В. Обсуждение проблем архивоведения и археографии на расширенном заседании кафедр МГИАИ // Тр. МГИАИ. М., 1975. Т. 31. Вып. 1. С. 141–149.
- 95 Burke F.J. The Future Course of Archival Theory in United States // The American archivist, 1981, Winter, Vol. 44. № 1. P. 43–44.
- 96 Brenneke A. Archivkunde: Ein Beitrag zur Theorie und Geschichte des europäischen archivwissens / Bearbeitet nach Vorlesungsnachschriften und Nachlass – papieren und ergänzt von W. Leesch. Leipzig: Koehler u. Amerland, 1953. XIX, 542 s.
- 97 Papritz J. Archivwissenschaft. Marburg, 1976. Bd. 1–4, Bd. 1, t. 1. – Einführung, Grundbegriffe, Terminologie; t. 2. – Organisationsformen des Schriftguts in Kanzlei und Registratur. – 357 s.; Bd. 2, t. 2. – Organisationsformen des Schriftes in Kanzlei und Registratur. – 503 S.; Bd. 3, t. 3 – Archivische Ordnungslehre. – 303 S.; Bd. 4, t. 3 – Archivische Ordnungslehre. – 345 S.
- 98 Автократов В.Н. О разработке типологии фондов, коллекций и других документальных комплексов, хранящихся в государственных архивах // Тр. ВНИИДАД. М., 1974. Т. 5. Ч. 2. С. 3–28; Он же. Фондирование и учет документов: (О двух частных теориях архивоведения) // Тр. ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. Ч. 1. С. 8–70.

Объект, предметы и методологическая характеристика архивоведения

Понятия о документной ретроспективной информации и архивной информационной среде

Современная наука предпочитает разделять объект и предмет исследования каждой области знания. Объект может быть многопредметен и рассматриваться разными научными дисциплинами с различных позиций. Так, документная информация как объект изучается документалистикой, документоведением, информатикой, патентоведением, библиотековедением, библиографией, источниковедением, архивоведением, археографией, палеографией и другими дисциплинами, каждая из которых выделяет некоторые аспекты и свойства, особенные части и стороны общего для них объекта, превращая их в предметы своих исследований. Но различие объекта и предмета не только в том, что объект шире предмета. С гносеологической точки зрения объект выступает как нечто данное, независимое от познающего субъекта, в то время как предмет хотя и обуславливается природой объекта, но формируется субъектом на основе накопленного знания об объекте, путем теоретического анализа объекта.

Документная информация как объект исследования существует в двух состояниях. Она может быть либо современной нам, созданной “на наших глазах”, либо дошедшей из прошлого – ретроспективной. Выделение этих состояний облегчает размежевание предметов названных дисциплин. Одни из них изучают современную (иногда говорят – “оперативную”) документную информацию; другие – ретроспективную. Это размежевание объекта и соответственно предметов дисциплин не абсолютно. Но в ряде случаев оно определяет многое, прежде всего – характерные черты теории.

Если на первый план выдвигается историческое начало, стремление к осмыслению документных систем с точки зрения их происхождения и развития в прошлом, рассмотрение их современного состояния как результата такого развития, то это – источниковедение, архивоведение и другие исторические дисциплины. Если же приоритет отдается анализу документных систем в их современном виде, то перед нами документалистика, информатика, документоведение и т. д. Для них ретроспективный аспект может иметь немало-

важное, но все же вспомогательное значение: выяснение предыстории предмета, облегчающее объяснение его современного состояния, а может быть, и будущего. Такие дисциплины могут проявлять внимание к современной информации, рассматривая ее как “будущую ретроспективную”. Например, архивоведению необходимо изучать информацию, находящуюся в “живом документопотоке”. Архивистам необходимо знать структуру, функции, порядок оформления, сравнительный уровень информативности и другие качества современных документов и документных систем, поскольку через сравнительно непродолжительное время они явятся предметом непосредственной деятельности архивистов, волеются в предмет их изучения. Поэтому архивистам свойственно стремиться к “опережающему” исследованию оперативной документации до того, как она станет ретроспективной.

Предварительным условием рассмотрения объекта, предмета и методологической характеристики архивоведения должно стать выяснение содержания двух понятий, которые применяются автором: “документная ретроспективная информация” и “архивная информационная среда”. Их анализ осложнен широтой толкования обоих начальных понятий – “информация” и “документ”, употребляемых в различных контекстах в разных смысловых оттенках.

Философская наука обосновала общий тезис об информации как отраженном разнообразии явлений объективного мира, причем мера разнообразия выражает количество информации. Согласно современным научным представлениям, существует два основных типа информации. Их принято называть “связанной” и “свободной” информацией. Первое требование, выдвигаемое в данный момент, заключается в необходимости преодолеть устойчивое представление многих архивистов о том, что “информация” – это только “сообщение”, “сведение”, “знание”, “документ”, текст документа, содержание документа. Такое понимание правомерно в определенных пределах. Но в широком теоретическом смысле “информация” – это и структура системы, и процесс передачи – получения “сообщений” (информационный процесс), и упорядоченность объекта (системы), и отношение “структур” и “сообщений”.

“Связанная” информация трактуется как уровень организации системы, своего рода программа ее функционирования. Будучи как бы сцепленной со структурой системы, она часто отождествляется с ней, и тогда ее просто называют “структурой” (что не отрицает наличия структуры у “свободной” информации). Рассматривая, например, любое учреждение как управленческую систему, мы можем назвать “связанной” информацией его компетенцию и функции (“программу” его деятельности), организационное устройство, т. е. структуру в собственном значении слова, а также установленный порядок документоведения, виды применяющихся документов (но не семантическое наполнение документов, не “сообщения”), в каком-то смысле – само учреждение в совокупности всех его состав-

вляющих, а также его место в системе учреждений. С теоретико-информационных позиций учреждение (“структура”, система) обладает информационным содержанием, составляющим его “внутреннее достояние” (еще раз подчеркнем, что речь идет не о “сообщениях”), и оно должно рассматриваться как форма “связанной” информации. В качестве “связанной” информации следует понимать и структуры фондов, описей и других информационных объектов.

Иной является “свободная” информация. Ее называют также “относительной”, и она понимается как отношение или воздействие одного объекта (“структуры”, процесса) на другой, благодаря чему второй становится носителем информации о первом. В ее состав включают вербальную информацию (устную речь), знаковую социальную информацию, в том числе “оперативную” или “текущую”, “информацию-сообщение” и др. Если структура фонда или описи – это “связанная” информация, то “свободная” – это их смысловое содержание, заключенные в них “сообщения”, “знания”. Во многих работах подчеркивается, что “свободная” информация обнаруживается и используется только при наличии подготовленного к ее восприятию потребителя. Тогда возникает возможность процесса передачи информации. Согласно некоторым концепциям, вообще нет информации без потребителя. Утверждается, что она существует кратковременно: потребитель читает сообщение и становится информированным. “В этот момент сообщение превращается в информацию”¹. Однако подавляющее большинство ученых с этим не согласно. Иначе пришлось бы признать, что существующее, но “неиспользуемое знание” не является информацией². Такие доводы справедливы. Они позволяют трактовать “свободную” информацию не только как процесс информирования, но и как “сообщение”, “знание”. В таком свете ее практически рассматривают многие конкретные науки и научные дисциплины. Наличие потенциального потребителя, конечно, подразумевается. Но само понятие информации не обязательно ставится в зависимость от момента ее восприятия, что позволяет говорить о накоплении и хранении информации.

Несмотря на глубокие различия понятий “связанной” и “свободной” информации, они подразумевают друг друга. Это видно и на нашем материале. Учреждение (“структура”) функционирует лишь в условиях обмена “сообщениями” с другими учреждениями. Сами “сообщения” порождаются учреждениями. Структуры фонда и отдельно взятого документа не существуют без семантического наполнения. Оперативная свободная информация вырабатывается и передается потребителю в необходимой форме и в необходимое время. В глазах управления запоздавшие сообщения теряют актуальность и в этом смысле как бы перестают быть информацией, образно говоря, “погибают”, “поскольку изменить уже ничего нельзя”³.

Такие обстоятельства учитываются теорией информации, выделяющей помимо “связанной” и “свободной” еще два типа или состо-

яния информации. Один тип (состояние) называется актуальной информацией. Это “сообщения”, поступающие в систему, обеспечивающие ее жизнедеятельность. А.Д. Урсул, используя известный философский термин, называет актуальную информацию “вещью для нас”. Другая часть “сообщений”, получаемая и имеющаяся в распоряжении системы, не используется ею для текущих нужд. Причин может быть много: не только “запоздание сообщений”, но и неподготовленность получателя к их восприятию, незаинтересованность в них и другие обстоятельства, в числе которых важнейшую роль для нашего анализа играет естественная потеря “сообщениями” оперативного значения после того, как они отработаны, использованы. Такая неактуальная информация характеризуется как “вещь в себе”. В “вещь для нас” она превращается в познавательных процессах. Поэтому ее называют “потенциальной” информацией⁴. Есть и другая характеристика: это “мертвая” информация, предстоящая перед нами в “чистом виде”, – например, “идеальное содержание текста”⁵. По-видимому, “чистоту” нужно понимать так, что находящиеся “в покое” сообщения никем не используются, не порождают каких-либо эффектов.

С течением времени и самая новая документная информация теряет новизну. Она не сразу и не полностью лишается оперативных качеств. В общем случае оперативная информация становится ретроспективной после достижения цели, ради которой она была создана, но не сразу, а в течение какого-то времени. Ретроспективное отражение – это информация “из минувшего”. Если минувшее сравнительно недавнее, порядка нескольких лет, ее значение и возможности для принятия управленческих решений гораздо большие, чем возможности информации 25–50–100-летней и более глубокой давности. Такая информация, естественно, не обладает формой, соответствующей современным задачам социального управления (а, наоборот, подчас архаична). Было бы неверно сказать просто, что дошедшая из прошлого информация обладает низкой эффективностью для управления обществом. Документы, хранящиеся в ведомственных архивах, и новые поступления государственных архивов способны оказывать заметное воздействие на принятие решений на всех уровнях общественного управления. Но в принципе эффективность всякой архивной документации для текущих нужд носит обратно-убывающий характер.

Необходимо видеть и другую сторону вопроса: социальному управлению свойственна потребность не только в оперативной, но и в ретроспективной информации. Поэтому важен вывод о том, что повышение научного уровня решений, принимаемых в сфере управления, “особенно в отношении перспективного планирования и прогнозирования, как и дальнейшее развитие самой науки, требует использования ретроспективной информации за все более широкие отрезки времени, то есть изучения исторических тенденций с целью познания перспективы”⁶. Информационные базисы прогнозов соз-

даются путем аналитико-синтетической переработки информации в прошлом, предполагают ее историческое исследование.

Десятилетия и века не уменьшают значения документов архивов для исторического познания, поскольку для него актуальность не является хронологической категорией, а каждое поколение ученых вносит нечто новое в подход к изучению прошлого и, следовательно, в интерпретацию содержания документов прошлого*. В этом заключается главная социальная функция архивной информации – способствовать осуществлению связи во времени, связи настоящего и будущего состояния общества с его прошлым.

Заманчиво отождествить понятие о “мертвой” информации, выраженной в документной форме, с понятием о документной ретроспективной информации. Однако полного совпадения понятий здесь нет, поскольку первое характеризует документированные сообщения, находящиеся “в покое”, не используемые в данный момент сообщения (“вещь в себе”), а второе понятие относится к тем же сообщениям, но берущимся вне связи с фактором покоя. Для объяснения смысла понятия документной ретроспективной информации не суть важно, используется ли она в данный момент или нет. Важна ее способность актуализироваться в целях познания прошлого, стать “вещью для нас”. Причем на данной стадии анализа не имеет значения, в скором или существенно отдаленном будущем эта возможность превратится в действительность: многие архивные документы и целые архивные фонды десятилетиями и веками ждали своего часа. Когда этот час наступал, они активно включались в оборот – оказывали влияние на развитие общества, его институтов, науки и на жизнь отдельных людей. Ретроспективная информация актуализируется всякий раз, когда к ней обращаются, и на период использования выходит из состояния покоя.

Документная ретроспективная информация – особое состояние информации. Она может быть “в покое” (иногда очень длительном) и становиться актуальной. С позиций источниковедения, она в первом из этих положений рассматривается как потенциальный исторический источник (предысточник), во втором – когда она помещена в предмет деятельности историка – как исторический источник**. Вне этой деятельности документ – “мертвый реликт”, вещь, ничего не говорящая об отображенных в нем событиях прошлого¹¹. Деление на источники и предысточники не абсолютно, поскольку проблема предысточника – логически и проблема источника. Но оно теоретически содержательно и отвечает известному положению о том, что только в потреблении всякий продукт становится действительно продуктом. Так, бездействующая железная дорога, “которой

* Конечно, не исключено привлечение историком информации из текущего делопроизводства. В архивоведческой литературе такой случай описан В.С. Позванским⁷.

** О понятии потенциального источника см. работы С.О. Шмидта⁸, Т.А. Антипова⁹, Л.С. Клейна¹⁰ и других.

не пользуются, которая не потребляется”, есть железная дорога только в возможности, но не в действительности. В этом смысле понятие продукта и потребления продукта распространяется на социальную информацию.

Помещенная в деятельность историка документная ретроспективная информация обнаруживает черты, свойственные всякой свободной информации, – относительность. Ее восприятие требует не только наличия соответствующей мотивации потребителя, но и профессиональной подготовки. Скажем, человек, не знакомый с практической палеографией, не владеющий соответствующим кругом понятий эпохи и специфической терминологией древних документов, не в состоянии освоить (осмыслить, использовать) содержащуюся в них информацию. В смысле избирательности восприятия относительна и оперативная, “сегодняшняя” информация. Отличие ретроспективной информации от современных нам сообщений заключается в том, что сложность восприятия первых значительно больше. Субъект и объект восприятия (реципиент и источник информации) разделены хронологическим интервалом. С увеличением возраста информации трудности ее актуализации возрастают.

Так формируется теоретическое содержание понятия о документной ретроспективной информации. Оно выражает единство информации, созданной в прошлом и потерявшей оперативное значение, но приобретшей качество потенциального источника исторического познания (а в процессе познания, когда информация становится “вещью для нас”, – качество актуального источника), и ее материального выражения – материальной основы и текста (изображения). Грань между оперативными и неоперативными свойствами информации зыбка и условна. Ретроспективная информация способна актуализироваться и в оперативных целях, хотя в таких частных случаях все равно всегда присутствует элемент историзма. В 1940-е годы был введен термин “документальные материалы” (до этого говорили об “архивных материалах”), замененный в 1970 г. термином “документы”*. Их следует рассматривать как приемлемое для повседневной практики обозначение понятия “документная ретроспективная информация”.

Документная ретроспективная информация обладает информационным потенциалом, нуждающимся в реализации, главным инструментом которой являются поисковые средства. Выдвигая понятие архивной информационной среды, мы определяем ее как систему, состоящую из двух подсистем: совокупности документной ретроспективной информации и приданных ей поисковых средств. Эта вторая подсистема в архивоведении называется научно-справочным аппаратом.

* Замена старых терминов “документальные (архивные) материалы”, подчеркивавших особенный характер таких материалов, более широким, но менее конкретным термином “документы” отразила стремление к интеграции понятий информационных наук, но принесла и некоторые неудобства. Она стерла специфический признак архивного документа.

Архивная информационная среда является звеном современной системы информационного обслуживания общества. К другим звеньям относятся библиотеки, разные информационные службы с их справочно-информационными фондами, специализированные фонды: патентный, ВНИИЦ – хранилище микрокопий научных отчетов, ВИС – хранилище стандартов и т. д. В общем виде задачи всех этих служб заключаются в накоплении, хранении и выдаче информации потребителям. Единство основных задач может создать впечатление, будто архивная информационная среда всего лишь вариант их информационных служб. Подобное впечатление ошибочно.

Ограничимся простым сопоставлением. Во-первых, архивная информационная среда обладает свойством постоянного роста. В нее постоянно вливаются новые документы, и они не вытесняют более старых (потому что “старые” документы в ее условиях не подвержены фактору старения в смысле обесценения), как это обычно имеет место в информационных центрах, где состав документов постоянно обновляется. Во-вторых, она формируется из нетиражированных единиц информации, в отличие от того, как комплектуются библиотеки. Это придает архивным документам признак особой индивидуальности (но не исключает повторяемости информации). В-третьих, архивы хранят не всю профильную им документацию, а только ее незначительную часть, поскольку существует селекция, отсеивающая малоинформативные документы, – экспертиза ценности. Другие информационные службы стремятся к комплектованию всеми документами своего профиля. В-четвертых, архивная информационная среда строится на базе генетически родственных комплексов документов; она организована по архивным фондам и делам (историческая классификация). При этом основной тип поисковых средств – опись – отражает и воспроизводит структуру хранящихся документов. Наконец, в архивах ведется, как правило, не поддокументный, а поединичный учет (учет единиц хранения, обычно включающих в себя много документов), также отвечающий фондовой группировке материала. Наоборот, библиотекам и информационным центрам понятие фонда в генетическом смысле не знакомо. Они учитывают поступления в валовом порядке, организуют хранение и поиск на основе не исторической, а формально-логической классификации. В архивах формально-логические (“коллекционные”) построения – исключение.

Названные и другие вытекающие из них отличия установок, на базе которых функционирует архивная информационная среда, показывают, что специфика велика, и позволяют трактовать ее как вполне самостоятельный компонент современной системы информационного обслуживания общества. Но своеобразие это наиболее сильно подчеркивает историческая классификация документов.

Объектом архивоведения является документная ретроспективная информация, данная архивисту (преимущественно) в ее естественных исторических связях. Поэтому познание объекта неотделимо от представлений о его генезисе. Только через “родословную” объекта открывается возможность правильного понимания его природы. Следовательно, теоретическое освоение объекта должно основываться на проникновении в его закономерности. Задача заключается в том, чтобы использовать основную историческую связь, найти подход, обеспечивающий наибольший познавательный эффект. Такой путь открыт с той стороны, с которой в объект вливается теряющая оперативные качества документная информация. Это естественный “сток”, соединяющий объект архивоведения с предшествующей ему сферой документообразования. В силу такой связи структура объекта определяется как структура названной сферы.

Сфера документообразования представляет ряд “систем документирования” (их иногда называют “системами документации”), построенных в соответствии с функциями, выполняемыми учреждениями, организациями и предприятиями. Такие системы охватывают документационные процессы, происходящие в некоторых отраслях народного хозяйства, просвещения и культуры, а остальные носят межотраслевой, всеобщий характер. Система документирования – это программа документационного обеспечения какой-либо общественной функции, включающая набор соответствующих видов документов и определяющая их форму, реквизиты, типические показатели, порядок создания, движения и обработки. Эти качества придают системам устойчивость и специфическое информационное содержание, что позволяет рассматривать их как форму “связанной” информации.

В результате функционирования систем документирования возникают реальные “документные системы” – совокупности связанных общей программой документов. С информационной точки зрения они представляют собой “свободную” информацию. Обычно понятия системы документирования (системы документации) и документной системы не различаются. Все же это неоднозначные понятия, наподобие того, как железнодорожное расписание – не сами движущиеся поезда или постеллажный указатель фондов – не сами фонды. Первое – это программа, схема; второе – реальность. Сколько в обществе есть и было (т. е. включая “мертвые”, более не функционирующие) систем документирования, столько же документных систем. Их можно понимать как структуру объекта архивоведения. С важным уточнением: в структуру входят и документы личного происхождения, хотя не существует нормативно установленной системы личного документирования.

Процессы, протекающие в сфере документирования, представляют большой интерес для архивоведения, но специально изучают-

ся документоведением. Поэтому ограничимся изложением принципа исследования структуры объекта. С нашей точки зрения, центральные звенья структуры представлены документными системами управленческого происхождения, среди которых выделяются межотраслевые документные системы и отраслевые. К первым относятся: плановая, финансовая, учетная, снабженческая и административная, или организационно-распорядительная (ОРД). В числе вторых: торговая, по учебному процессу, по архивному делу, по социальному обеспечению и многие другие. Особое внимание вызывает ОРД, обеспечивающая, говоря языком правоведов, функцию организации систем управления и процессов управления и охватывающая все отрасли народного хозяйства, науки и культуры. В узком смысле цель ОРД заключается в обеспечении рационализации и совершенствования управленческого труда и самого процесса управления. В таком понимании ОРД включает документы, определяющие функции и права органов управления в целом, их структурных подразделений, устанавливающие их штаты, реорганизуящие их и т. п.¹² Но в широком смысле ОРД – надсистемная документация, обеспечивающая реализацию всех других функций управления. Поэтому в ее состав следовало бы включить документы обзорного и уведомительного, директивного, а также политического и идеологического характера, составляющие высший уровень ОРД.

Рассматриваемая в таком свете ОРД не ограничивается вопросом создания, реорганизации и ликвидации органов управления (что присуще узкой трактовке системы). ОРД непрерывно втягивает наиболее важную информацию других документных систем, фиксирует результаты ее переработки и принятия управленческих решений. В результате создается высокая информативность ОРД: богатство и разнообразие (многоаспектность) содержания. Именно ОРД в наибольшей степени выражает научные представления о том, что управление обществом выступает прежде всего как социальное и политическое явление. В фонде любого учреждения (организации, предприятия) обязательно присутствует ОРД, придающая фонду информационное единство. Для понимания объекта архивоведения, как явления органически целостного и обладающего качествами потенциального источника исторической информации, исключительное значение имеет функциональное осмысление самих управленческих аппаратов. Содержательная сторона информации, ее структуры, количественные показатели в основном определяются характером функций аппаратов управления.

Объект архивоведения рождается на стыке сферы документообразования с архивным делом, когда сложившиеся системы документов, потеряв значительную долю оперативных качеств, отпочковываются от породившей их сферы управления. Угасание оперативного значения сопровождается обретением документами признаков потенциального источника ретроспективной информации.

Если объект архивоведения представить в виде концентрической модели, то в сердцевине мы увидим ОРД, тесно связанную с другими системами документов управленческого происхождения. Такая роль управленческой документации объясняется не столько высокими объемными величинами, сколько, по-видимому, ее выдающимся общественно-историческим значением, тем, что она, будучи по информационной природе универсальной, наиболее полно запечатлевает события и факты общественной жизни в их неповторимом своеобразии и богатой палитре оттенков и одновременно широко интегрирует явления и процессы социального события. Вместе с тем общественные отношения и процессы социального развития документируются не только в рамках управленческой деятельности. Поэтому в объекте архивоведения присутствуют слои документов и иного характера, причем по мере возрастания специфики форм и способов документирования соответствующие системы документирования как бы удаляются к периферии. Если, скажем, судебно-следственная система документации и система научной документации близки к управленческой, то этого нельзя сказать о медицинской документации.

Продолжая рассмотрение структуры объекта архивоведения, назовем содержательный и яркий его компонент – документы личного происхождения. Творчески или социально активная личность функционирует в обществе как некоторая микросистема¹³, создающая и в ряде случаев накапливающая документную информацию такого рода, которая вне личностных и межличностных отношений не возникает: дневники, мемуары, эпистолярии, “записные книжки”, рукописи произведений творческих жанров и др. Не менее сложна документация, возникающая в деятельности таких социальных групп, как семья и творческое микросодружество. Создание и накопление документов в этой сфере определяется целеустремленностью личной деятельности, а отсутствие обязательных норм документирования восполняется традициями и стремлением к саморегламентированию (“здравым смыслом”). Многообразие документов личного происхождения, отсутствие или недостаточность их “естественного упорядочения” создают существенные трудности их архивной обработки, вызывают необходимость создания методик, опирающихся в значительной мере на принцип уподобления подхода к работе с таким материалом с подходом, выработанным архивоведением по отношению к документам управленческого происхождения. Это становится возможным в силу того, что личное документирование нередко также выливается в фондообразование. Тем не менее вопросы архивной работы с документами личного происхождения исследуются несколько обособленно и во многом самостоятельно¹⁴.

Предложенная характеристика структуры объекта напоминает о необходимости поставить вопрос о его теоретических границах. Поступая так, мы действуем подобно теоретику-источниковеду, иссле-

дующему логику познания письменных источников и оставляющему, например иконографисту, изучение символики, методов атрибуции и установление достоверности портретных изображений, а археологу – изучение вещественных памятников.

Л.Н. Пущкарев, опираясь на свойство информации быть закодированной разными способами, показал, что эти способы лежат в основе наиболее общей классификации исторических источников, и выделил следующие типы: письменные, вещественные (археологические), устные (фольклорные), этнографические (наблюдаемые обряды, поверья, обычаи и т. д.), кинофотодокументы, фонодокументы, языковые данные¹⁵. Нетрудно видеть, что закодированную разными способами информацию изучает источниковедение или другие самостоятельные дисциплины. Примем это во внимание, рассматривая вопрос о теоретических границах объекта архивоведения.

Проблема кодирования информации (в употребляемом здесь смысле) является центральным вопросом семиотики – науки о знаках, знаковых системах и “знаковой деятельности”*. Семиотика подсказывает, что по способу кодирования можно сравнительно просто выделить три класса архивных документов, информация которых выражена либо “символическими” знаковыми формами (графика букв, формул, цифр), либо “схематическими” (топографические знаки, географические, чертежно-конструкторские), либо, наконец, запечатлена в конкретно-чувственно воспринимаемых образах – “изобразительных” (кинофотовидеоинформация) и “выразительных” (фоноинформация)**. Символические знаки не имеют подобия с теми реалиями, которые они отображают. Схематические, наоборот, обладают “известными чертами наглядно воспринимаемого сходства”, несут большой элемент геометрического подобия¹⁸.

Взгляд с позиций семиотики – не логическое отвлечение. Способы кодирования соответствуют целевому назначению информации, накладывают глубокий отпечаток на процессы документирования, распространения и восприятия информации, а также на архивную работу с документами разных семиотических классов. Документы каждого из них образуют относительно самостоятельные объекты научного познания. А.А. Кузин, Н.Г. Филиппов, В.М. Жигунов, В.М. Магидов и другие ученые уже выполнили большой объем исследований и разработок в области архивоведения научно-техниче-

* Плодотворность привлечения семиотических представлений в источниковедение показал А.Я. Гуревич, отметивший, что для историка “важен прежде всего общий подход к анализу знаковых систем, в которых воплощены общественные связи”¹⁶.

** Деление чувственных образов на “изобразительные” и “выразительные” проводится искусствоведением и эстетикой¹⁷. Оно относительно, поскольку изображение и звук могут совмещаться: звуковой кинематограф. Сами термины явно условны.

ских документов (НТД)¹⁹ архивоведения кинофотофоноvideодокументов (КФФВД)²⁰, результаты которых позволяют сделать вывод о том, что происходит формирование соответствующих архивоведческих субдисциплин и их теоретических систем.

Важнейшими особенностями этих субдисциплин является отсутствие понятий фондообразователя и архивного фонда. В архивоведении НТД понятие фонда заменяется понятием комплекса НТД. “Комплекс” – это совокупность документов (чертежей, планов, карт и сопровождающих пояснительных записок, расчетов, смет). Он создается обычно многими, иногда десятками, проектными и конструкторскими организациями, подчас территориально разбросанными и разного ведомственного подчинения. Документы комплекса объединены общей задачей, например задачей изготовления определенного промышленного изделия или строительства какого-то объекта. Иными словами, фондообразователь “размыт”, поскольку отдельные части сложившегося комплекса крепче схвачены принадлежностью к общей задаче соразработчиков, чем “связью происхождения” каждой части комплекса с создавшей ее организацией*. В последнее время наметилась тенденция работников некоторых государственных архивов НТД перейти к формированию “архивных фондов НТД” (включая в них документы управленческого характера), согласно происхождению документов в деятельности отдельно взятых организаций-проектантов. За этим стоит стремление к целостному видению их документального наследия. Очевидно, что по большому счету целесообразнее: сохранить единство комплексов, которые не суть искусственные коллекции, а высокоорганизованные образования, схваченные логикой привязки к объекту, или сформировать фонды НТД, что сопряжено с дроблением комплексов.

Резко специфичны и способы организации документов в кинофотофоноархивах. Они еще слабее (в архивоведческом смысле) связаны со своими создателями, поскольку заранее предназначены для передачи “в чужие руки” (“постороннему” потребителю), не являются необходимыми для организации управленческого процесса: кинофильмы, грамзаписи и др. Архивисты группируют их не по происхождению, а по видам и разновидностям носителей информации, цветности изображения, размерам, способам записи изображения и т. д. Понятие фондообразователя здесь бессодержательно. В поисковом аппарате, полностью не совпадающем с инвентарно-учет-

* Из этого вытекает ряд известных специалистам особенностей работы с НТД: объектная систематизация (вытесняющая прежнюю примитивную “поточную” систематизацию, где “каждый чертеж – изолированная единица хранения”); разработка систем обозначения технических документов как средства их классификации; формальный способ переноса элементов штампов чертежей, титульных и заглавных листов в заголовки описей; характерный “уклон” экспертизы НТД в сторону формализации и аксиоматизации применения специфических критериев ценности. См. 21.

ным, господствуют логико-тематические отношения, основывающиеся на понятии сюжета, имеющем большое организующее значение, но только с точки зрения классификации информации, а не классификации-группировки самих документов в архивах. Основная учетная единица – “комплект”, т. е. связанная отношением “принадлежности” совокупность позитива и негатива (фото документов) или позитива, лаванды и негатива (кино документов), матрицы и контрольной граммпластинки (граммофонной записи) и т. д. При этом понятия учетной единицы и единицы хранения обычно не совпадают. Единица хранения кинофильма представлена не всем кинофильмом с его позитивами, лавандами и негативами, а одним рулоном, скажем, позитива.

Особенности классификации НТД и КФФВД, вытекающие из способов кодирования информации, влекут последующие концептуальные различия; создаются региональные методы работы. Названный феномен заметили и источниковеды. Так, А.А. Зимин говорил о необходимости развивать специальную дисциплину, “которая еще не выкристаллизовалась в отдельную дисциплину” и изучается “по ведомству архивных”. Речь идет, пояснял он, об изучении кинофотофономатериалов как исторических источников, требующих особых приемов исследования²². В настоящее время она уже во многом сложилась, как и архивоведение НТД. Дело, конечно, не в названиях, хотя именно их появление, а не сам бесспорный факт разделения научного знания об архивах и архивных документах (являющегося частным случаем общего процесса дифференциации современной науки), способно вызвать возражения.

Думается, что выяснение теоретических границ объекта архивоведения, выполненное по способу кодирования информации, несмотря на его схематизм, было полезным. Показывая объективную обусловленность выделения из архивоведения относительно самостоятельных субдисциплин, оно полезно и для них самих, поскольку и им открывает новые возможности самопознания. В данной работе вопросы НТД и КФФВД специально не рассматриваются. То, что было по необходимости коротко сказано, выражает отношение к ним с позиций общего архивоведения.

Предмет архивоведения

Как и предмет всякой науки и научной дисциплины, предмет архивоведения характеризуется не только свойствами объекта, но и решаемыми задачами, проблемным содержанием, уровнем достигнутых знаний и т. д. Поэтому предмет сложен. В работах науковедов указывается наличие двух уровней предмета конкретных наук: эмпирического, непосредственно связанного с эмпирическим объектом, и теоретического, включающего концептуальное значение типа понятий, теорий, гипотез и проч.²³ Согласно развиваемой ав-

тором концепции, предмет архивоведения состоит из двух частей – эмпирической и теоретико-методологической. Эмпирическая представлена архивной информационной средой, складывающейся, как отмечалось выше, из хранящейся в архивах документной ретроспективной информации и средств архивного поиска. Один к другому эти компоненты выступают как отношение понятий первичной и вторичной информации (в общепринятом теперь смысле).

Эмпирическая часть предмета архивоведения нуждается в постоянном научном обслуживании. Это задача теоретико-методологической части. Развитие теории ведет главным образом к образованию и совершенствованию понятий. На базе понятий (наиболее важные из них являются архивоведческими категориями) архивоведение разворачивает свою проблемно-содержательную структуру, в рамках которой ведутся исследования и разработки и объективируется понятийный аппарат, ибо процесс познания и действия превращает абстрактные понятия в законченную объективность. Следовательно, необходимо рассматривать связь понятий с проблемным содержанием архивоведения, с общей и частными теориями этой дисциплины, имея в виду, что теория богаче определениями, шире и многообразнее понятия.

Понятийный аппарат включает в себя не только собственно понятия, но также принципы, критерии и другие логические единицы знания. Его анализ является сквозной развивающейся темой данной работы. Можно выделить две группы логических единиц: 1) собственно архивоведческие, т. е. разработанные самим архивоведением; 2) общенаучные, к которым науковедение относит такие, которые, выйдя из рамок отдельных наук, стали теперь общими для многих или даже для всех частных наук. Переноса знания из одних областей науки в другие, они обогащают их, обогащаются сами, углубляя свое содержание. К числу таких понятий относятся понятия системы, структуры, функции, информации, модели, вероятности, знака и т. д.

Начало рассмотрению понятий первой группы (собственно архивоведческих) было положено анализом новообразований “документная ретроспективная информация” и “архивная информационная среда”. Выводя эмпирическую часть предмета из сферы документообразования, архивоведение испытывает пристальный интерес к общему генезису и конкретной истории политических и социальных институтов, создающих документную информацию. Теоретическое и практическое значение единства информационных связей, объединяющих документы в целостные образования, было установлено архивистами в результате длительных наблюдений за разнохарактерными совокупностями документов. Это привело к возникновению категорий фонда и фондообразователя, ставших в архивоведении парными понятиями. Отвлекаясь от специфических различий фондов и создавших их управленческих организмов, названные категории выражают главное – общность происхождения документов.

Они легли в основу общей теории архивоведения, а тем самым и всего архивоведения. Однако перечисленные категории, включая ряд других важных теоретических положений архивоведения (принципы происхождения и недробимости фонда и т. п.), имеют под собой более широкое понятие о происхождении документной ретроспективной информации.

В истории отечественного архивоведения исключительно важную теоретико-методологическую роль играет категория Государственного архивного фонда (ГАФ). Это понятие, охватывающее реальные массивы документов, находящихся на государственном хранении и обладающих постоянной ценностью – “имеющих политическое, народнохозяйственное, научное, социально-культурное или историческое значение”, как формулируется государственным актом 1980 г.²⁴ ГАФ выступает как структурно чрезвычайно сложный и семантически многообразный источник информации об историческом опыте людей, структура которого (понимаемая как способ организации информации) отражает структуру и закономерности развития общества. (Подробнее см. в работах Ф.И. Долгих и Ф.М. Ваганова.²⁵)

В настоящее время архивоведение достигло уровня, когда стало способно выразить установленные устойчивые зависимости если не в форме частнонаучного закона, то во всяком случае как закономерности, “законообразного” отношения.

Первой закономерностью архивоведения следует признать закономерность фондообразования, утверждающую, что всякая организованная деятельность общественной системы типа “учреждение”, сопровождающаяся документированием, вызывает образование генетически единого фонда документной информации, отражающего содержание и структуру деятельности. Эта закономерность начала действовать, по-видимому, одновременно со становлением устойчивого аппарата управления (не только государственного), но особенно – с развитием постоянной переписки (обратных связей), что в России относится примерно к XVI в. Другое дело, что возникавшие фонды могли вскоре дробиться, смешиваться с документами иного фондового происхождения, что долгое время не было ясного понимания необходимости сохранять фондовые группировки документов. Но это “не вина” закономерности. Включение утверждающей идею детерминизма закономерности фондообразования в теоретический аппарат архивоведения повышает методологический уровень этой дисциплины. Поскольку данная закономерность отражает признаки не только устойчивые, но и существенно необходимые, не исключено, что дальнейшие исследования позволят в будущем увидеть в ней черты частнодисциплинарного закона.

Другие закономерности архивоведения обладают меньшей степенью общности. Они отражают в первую очередь свойства ГАФ. Прежде всего это закономерность постоянного повышения в составе ГАФ удельного веса документов советского периода с соответствующ-

щим уменьшением дореволюционных документов. (В настоящее время соотношение тех и других примерно 3:2.) Абсолютное возрастание объемных показателей ГАФ – также совершенно явная закономерность. Однако ошибочна трактовка Л.Г. Хромченко такого роста, как экспоненциального²⁶. Экспоненциального увеличения объема (т. е. возрастающего вдвое через равные промежутки времени) в условиях архивной информационной среды быть не может, хотя бы потому, что прием документов в государственные архивы регулируется и предполагает жесткий отбор.

Иного рода закономерность распределения информации, заключающаяся в том, что между структурой общества и исторического процесса его развития, рассматриваемых сквозь призму фондообразователей, и распределением документов в составе Государственного архивного фонда существует в принципе определенное соответствие, восходящее к сфере фондообразования, принципу централизации архивного дела и согласующееся с принятой структурой государственного хранения. Значение выявленной закономерности очень велико для построения сети государственных архивов и их профилирования, поиска ретроспективной информации, ее содержательного анализа и с других точек зрения. “Отношения сущностей”, отражаемые этой закономерностью, заключаются в том, что в их основе лежит фактор происхождения. Но сама закономерность практически не всегда отвечает реальной действительности, которая дана нам в частично деформированном виде. Поэтому данная закономерность проявляется не во всех, а только в большинстве случаев, т. е. безусловна, и ее можно характеризовать как закономерность-тенденцию.

Идеологическое развитие отечественного архивоведения обеспечивает принцип научной объективности, который признает верховным и единственным критерием доктрины ее соответствие действительности исторического развития.

Принцип научной объективности смыкается с историческим принципом архивоведения и переходит в ряде случаев в него. Принцип историзма является одним из важнейших положений, требующим рассматривать любой предмет изучения и любое явление в процессе его исторического развития. В основе лежит признание наличия в изучаемой объективной реальности причинно-следственных отношений. Важнейшая его черта – конкретность в подходе к изучению этой реальности. Предполагается единственно правильным рассматривать явления исторической действительности именно в том виде, в каком они протекали на самом деле. Совершенствуясь с развитием науки, исторический принцип сближается со структурным, функциональным и системным подходами, обогащаясь их содержанием.

Исторический принцип архивоведения требует рассматривать объект и предмет исследования в качестве результата и в известном смысле этапа их развития, изучать условия документирования реа-

лий исторической действительности, принимать во внимание происхождение документов, прошлые состояния архивной информационной среды, уровень развития архивоведческой мысли и социальные условия развития архивного дела. Выражая связь информации во времени, он является ближайшей предпосылкой архивоведческого исторического метода. Его чисто архивоведческая форма – принцип происхождения, устойчиво связанный с понятиями происхождения, фонда и фондообразователя.

С принципом историзма связан принцип всестороннего подхода к изучаемым явлениям и фактам. Требуя учитывать всю совокупность признаков, характеризующих предмет исследования, этот принцип активизирует и придает гибкость научному мышлению. В силу такой своей способности принцип всесторонности помогает при исследовании предмета держать в поле внимания все функции архивного дела. Он проявляется и в частных архивоведческих теориях (например, всесторонность оценок в экспертизе ценности документов). Обычно архивоведческая литература отдельно называет принцип комплексности рассмотрения изучаемых явлений. Думается, всесторонность и комплексность – две стороны общего требования охватить все стороны и связи изучаемого предмета. Но нюансы всесторонности и комплексности все же есть, и на них будет обращено внимание в данной работе.

Организационно-правовой установкой и основой отечественного архивного законодательства является принцип централизации архивного дела, провозглашенный декретом от 1 июня 1918 г. Он выдвигает на первый план требования государственной собственности на архивы, наличия Государственного архивного фонда, единой сети государственных архивов и общего порядка их комплектования, централизованной системы органов управления архивным делом, такой же системы учета документов и др. Теоретико-методологическое содержание принципа просматривается как бы “сквозь” его научно-организационные аспекты.

Но одних только названных принципов недостаточно для столь сложной научной дисциплины, как архивоведение. Поэтому в нем применяется ряд производных принципов: принцип недробимости фонда, несколько принципов экспертизы ценности, три принципа внутрифондовой систематизации документов и др. Принципы не обязательно работают сами, особенно когда обращены непосредственно к эмпирическому материалу. В этих случаях используются либо критерии ценности, либо “признаки” (например, в систематизации дел, формировании единиц хранения), анализ которых будет дан в последующих главах.

Особое место в теоретической части предмета принадлежит научным идеям. Причиной возникновения новых идей в науке обычно является кризис старых представлений, оказавшихся неспособными плодотворно обслуживать научную деятельность в изменившихся условиях. Поэтому научные идеи служат побудительным моти-

вом разработки теоретических положений и методов исследований. Главной научной идеей послереволюционного отечественного архивоведения явилась идея централизации архивного дела, провозглашенная декретом от 1 июня 1918 г. и ставшая затем принципом. В качестве идеи воспринималось долгое время и понятие Государственного архивного фонда.

Другие идеи имеют менее общий характер. В 1930-е годы, например, была разработана и повсеместно внедрена в практику идея совмещения в инвентарном пофондовом описании реализации трех частных задач: собственно описания, систематизации дел и поединичного их учета. Позже архивоведение начало развивать несколько продуктивных идей. Назовем некоторые. Первая формулируется как задача достижения максимальной полноты сохраняемой документной информации при минимальном физическом объеме материалов, принимаемых на государственное хранение. Параллельно развивается идея дифференцированного подхода к описанию документов. Казалось бы, совершенно дезавуированная сторонниками строго однообразных приемов, она возродилась на новой основе. Дифференцированный подход сопряжен с категорированием фондов по степени их научно-исторической значимости, а категорирование в своей исходной посылке означает признание неравноценности фондов. Оно само выступало в 1960-е годы как научная идея, причем не ограниченная задачами архивного описания, а имеющая и другие важные выражения (экспертиза ценности, фондирование).

Несколько слов о понятии “научно-информационная деятельность” (НИД), получившем признание в архивоведческой литературе в 1970-х годах. Оно пришло из информатики, где НИД трактуется как весь цикл работ по информационному обеспечению ученых и специалистов: сбор и аналитико-синтетическая обработка информации, ее хранение, поиск и выдача потребителям²⁷. Известны попытки именно так определять НИД государственных архивов²⁸. Но тогда понятие НИД перекрывает понятие об архивном деле и становится ненужным. Поэтому объем понятия был сужен до вопросов только деятельности архивистов в области организации использования документов и ее непосредственных предпосылок – работы по созданию, совершенствованию и изданию научно-справочного аппарата²⁹. С этим нужно согласиться, добавив, что понятие НИД по природе комплексное и организационное. Его теоретическое содержание в том, что оно выражает зависимость двух важных функций – поиска (включающего в нашей трактовке и задачу описания) и использования ретроспективной информации. Основные теоретические моменты понятия НИД принадлежат либо теории описания (к примеру, типы и виды архивных справочников, дифференцированный подход к описанию документов), либо теории использования: формы использования, опережающее и релевантное обслуживание и т. д. Организационное содержание понятия НИД проявляется в форме совершенствования связи названных функций с по-

мощью методов планирования и координирования соответствующих архивных работ, анализа достигнутых результатов и т. п.

Анализ основных единиц понятийного аппарата архивоведения и построение его проблемной структуры является важной научной задачей. Проблемная структура понимается как развернутая характеристика содержательного наполнения теоретической части предмета. Она охватывает все разделы архивоведения, ряд которых достиг или приближается к уровню сформировавшихся теорий.

Общая цель архивоведческой теории была названа выше: борьба с потерями информации на всех этапах работы с архивными документами. Поэтому возможны сомнения, насколько правомерно говорить о нескольких теориях в составе одной научной дисциплины? Ответ предлагается в последующих главах, показывающих многообразие исследовательских направлений, которые развиваются в рамках архивоведения, важность практических приложений частных теорий. Решая существенно разные вопросы общей задачи, каждая из них располагает богатым понятийным аппаратом и специальными научными методами.

Современная методология науки рассматривает теорию как высшую форму выражения и организации знания определенной предметной области. Воспроизводя в логике понятий объективную логику вещей, теория объясняет множество научных фактов, явлений и процессов, относящихся к данной области, обладает свойством преемственности знания, когда одно положение выводится из другого или нескольких других.

Для того, чтобы свести развивающееся научное знание в теорию, необходимо прежде всего выделить, сформулировать и объяснить основные понятия и принципы данной предметной области. Чем содержательнее исходные установки, тем больше предпосылок для образования теории. Поэтому путь формирования архивоведческих теорий непрост. Не случайно теория экспертизы ценности по существу сложилась только в 1960–1970-х годах. О некоторых частных теориях можно сказать, что они существовали лишь как прообразы будущих теорий. Автор данной работы стремится содействовать их становлению. Задача общей теории – исследовать теоретические основы архивоведения, создать возможность его целостного видения. Образ целого должен постоянно витать в сознании исследователя как предпосылка теоретического мышления. Поэтому непосредственным предметом изучения общей теории является теоретическое ядро архивоведения, его фундаментальные положения, распространяющиеся на всю данную научную дисциплину. Формируя, объясняя и описывая эти положения, общая теория объясняет и самое архивоведение как целое. Соотношение общей и частных теорий архивоведения становится яснее в свете понимания “общих” вопросов как не связанных непосредственно с какой-либо определенной практической задачей и резко отрицательной оценки попыток решать частные вопросы без предварительного решения общих.

Вторую группу логических единиц, которыми пользуется архивоведение, составляют общенаучные понятия: “система”, “структура”, “функция”, “информация” и др. К ним же можно отнести и понятие исторического источника. Основная познавательная функция этих понятий проявляется “в формировании на их основе специфических гносеологических средств, также носящих общенаучный характер, – особых подходов к познанию действительности”. Научный подход – это выработанный угол зрения, теоретическая ориентация, содержащая в собранном виде исходные посылки для рассмотрения, как говорят науковеды, “задач определенного класса”³⁰. В теории архивоведения мы выделяем несколько взаимосвязанных подходов.

Источниковедческий подход сообщает архивоведению два важных постулата.

Один из них в значительной мере навеян теорией источниковедения и длительными наблюдениями за работой историков с архивными документами, всем историческим опытом организации использования документов. Он формулируется как высокие ценностные представления о непреходящем значении документной ретроспективной информации, исключающем утилитарно-прагматическое отношение к ней.

Второй постулат выработан архивистами самостоятельно, в силу требований природы предмета. Это признание определяющей роли фактора происхождения документов в архивоведении. Но источниковедческий подход – не само источниковедение, поскольку у архивоведения другие задачи, нежели у источниковедения.

К источниковедческому подходу архивоведения автор обращается в последующих главах неоднократно. Сейчас же требуется самое общее его объяснение. Такой подход связывает архивоведение с фактором происхождения, с моментом производства информации, а также определяет его интерес к вопросам использования, потребления источниковой информации. Возникает возможность построения гносеологической цепи, которую в духе исследований источниковедов и филологов можно представить так: факт-событие – процесс документирования (запечатление события) – документ (предысточник) – документ (источник) – факт-знание о событии (факт науки).

Архивоведение, взятое в рамках источниковедческого подхода, работает главным образом на уровне звена “документ (предысточник)”, ограничиваясь в основном решением вопросов, трактуемых источниковедением как критика происхождения, и применяя в этих целях средства внешней критики, данные вспомогательных исторических дисциплин, и обычно не решает вопросов критики содержания. Так, в его компетенцию не входит установление достоверности и полноты освещения документами сообщаемых событий и фактов. Вместе с тем оно не отвлекается ни от условий документирования события, ни от звена “документ (источник)”.

Во-первых, они неразделимы, поскольку проблема предысточника логически есть и проблема источника.

Во-вторых, деление на предысточники и источники – все же теоретическое отвлечение, практически не всегда возможное и необходимое. Это вытекает из отмеченного выше свойства документной ретроспективной информации: она способна неоднократно актуализироваться и вновь возвращаться в состояние “покоя”.

В-третьих, архивоведение должно постоянно держать в поле своего внимания характеристики содержания документов. Однако нужно учитывать, что “содержание” выражается не только тем, “что сказано в документах”, но и другими признаками, например признаками вида и разновидности документов.

Наконец, архивоведение не может не интересоваться конечным результатом работы с документами – “фактами-знаниями”, поскольку важно знать эффективность использования документов.

Обращаясь к другим научным подходам, следует подчеркнуть, что они не являются какими-то “формализованными схемами”, навязанными архивоведению извне. Как и в других науках, они вытекают из теоретического материала, объективно данного в реальных системах, структурах, свойствах, которые обнаруживаются при анализе функциональных характеристик документной ретроспективной информации. Это тождественно тому, как рассматривает подобные вопросы методология исторической науки³¹.

Информационный подход архивоведения проявляется в разных аспектах, охарактеризованных в последующих главах. Сейчас важно его общее определение: “В основе изучения самых разнообразных явлений действительности лежит идея информации и ее передачи как одного из важнейших информационных процессов; обязательными компонентами всех процессов информационного взаимодействия являются источник информации, приемник информации и канал связи”³². Как и в других областях научного знания, в архивоведении информационный подход начал распространяться и завоевывать позиции еще до того, как был сформулирован он сам, и стало разрабатываться современное понятие об информации. Он распространился в неявной форме под влиянием внутренних требований архивоведческой теории и методики. В настоящее время форма становится явной, что позволяет по-новому ставить и решать теоретические вопросы архивоведения.

Понятия системы и структуры являются важными инструментами современного аналитического мышления. В архивоведении системный и структурный подходы практически действуют как единый системно-структурный подход. Система – это такое целостное образование, характеристики которого не сводятся к признакам составляющих его компонентов, причем внутренние связи системы оказываются более сильными, нежели внешние воздействия, что и придает ей необходимую устойчивость. Внутренняя форма системы, т. е. способ взаимосвязи компонентов, составляет ее структуру, без

которой существование системы невозможно. Архивоведению особенно важен социально-исторический аспект учения о системах и структурах, согласно которому общество, взятое в целом, рассматривается как “глобальная система”, множество подсистем которой объединяются особого рода структурой – общественными отношениями³³. Конкретное развитие специфических социальных структур и связей изучает историческая наука, а развитие политических институтов (государственных учреждений) – история государственных учреждений.

Архивоведческий системно-структурный подход нацелен не на само историческое прошлое общества и не на историческое развитие аппаратов управления (хотя все время имеет их в виду), а на оставленные ими документы. Системные связи этих документов, их информационная и структурная взаимоориентированность, опирающиеся на фактор единства происхождения, особенно на уровне фонда, настолько сильны, что их не гасит течение времени. Они сохраняются на стадии архивного хранения документов, и их нельзя разорвать, не потеряв значительной доли информации. Поэтому незакономерными являются деформации фондовых структур, порывающие естественные и вносящие искусственные междокументные связи*. Когда это все же случается, возникают коллекции документов, как правило, с резко пониженной научно-исторической ценностью.

В нескольких словах охарактеризуем функциональный и вероятностный подходы в архивоведении. В основе первого лежит положение о том, что структурные качества социальных систем выражаются присущими им функциями и что структурные отношения сродни (хотя и неоднозначны) функциональным. В архивной информационной среде совершенно четко прослеживаются отпечатки функций фондообразователя как в рамках первичной информации (в документах), так и в соответствующих звеньях научно-справочного аппарата. Поэтому архивоведческий системно-структурный подход с его историзмом сочленяется с функциональным подходом, характерной чертой которого является то, что исследуются “не элементы как таковые и не просто целое в его синкретической слитности, а расчлененное целое, хотя и взятое преимущественно в статике”³⁴. Историзм, соединяясь с функциональным анализом, как бы растормаживает эту статичность, и функциональный анализ становится средством архивоведческого анализа.

Вопрос о вероятностном подходе ставится в связи со стремлением архивистов выяснить характер постоянной исторической ценности документов. С точки зрения вероятностной логики вопрос может

* Уместно сравнение с понятием археологии “перекоп”. Смещения культурных слоев почвы и предметов в месте раскопа, являющиеся результатом предшествующего “копания”, существенно снижают ценность находок, а иногда и точность вывода археологов, которые утверждают, что взаиморасположение вещей дает им не меньше, а иногда и больше, чем сами вещи.

рассматриваться так: чем больше вероятность актуализации той или иной информации в целях познания прошлого (близкого или далекого – для понятия актуализации ретроспективной информации это не имеет значения), тем выше ее ценность, причем вероятность многократной актуализации (в принципе число обращений к ней не ограничено) соответственно повышает уровень ценности. Конечно, вычислить или угадать количество обращений будущих потребителей мы не можем. Тем не менее исторический опыт архивистов показывает, что существует определенная закономерность, нивелирующая случайные отклонения: высокоинформативные документы наверняка будут вовлечены (и неоднократно) в научный оборот, возможность актуализации малоинформативных ничтожна. Поэтому в общем случае прогноз оправдывается*.

Науковедение подчеркивает родство, но не тождественность подхода и метода³⁶. Обладая “установочным характером”, научные подходы ориентируют мышление ученого. Но они обычно недостаточно инструментальны, чтобы непосредственно включиться в процесс познания. Поэтому формируемые ими установки реализуются с помощью методов, которые, как увидим, часто близки и по названию: структурный метод, метод функционального анализа и др.

Методологическая характеристика архивоведения

Неразрывная связь теории и метода является необходимым условием существования науки. Но она создает и известные трудности анализа, поскольку во многих случаях нелегко выделить из научного материала теоретическую (“что нужно мыслить о предмете”) и методологическую (“как нужно мыслить”) части³⁷. Основная функция метода – высанить способ, прием получения знаний. Главная функция теории – описывать и объяснять изучаемые явления; у нее есть методологическая функция, но она не основная³⁸. Прибегая к некоторому упрощению, отношение теории архивоведения к его методологии можно определить так: теория истолковывает и организует знание об архивах и архивных документах, а методология является средством его получения, представляет процедурную сторону познания. Поэтому методология архивоведения охватывает ряд методов исследовательской работы. Вместе с тем методология отдельной научной дисциплины включает и “важнейшие общеметодологические положения, относящиеся к науке в целом или к данной группе родственных научных дисциплин”³⁹.

* Как видим, вероятностный подход архивоведения обладает иной природой, чем математическая логика теории вероятностей. Но “известно немало нестатистических применений вероятностных методов, ...где вероятность, – пишет Б.Н. Пятницын, – выражается не через статистические свойства объектов, а через какие-то другие их свойства”. Вероятность в этих случаях “выражается через самые различные свойства объектов (поведение, полезность, ценность и т. д.), то есть свойства, никак не являющиеся статистическими”³⁵.

К таким общеметодологическим положениям архивоведения мы относим в первую очередь охарактеризованные выше теоретические принципы: научной объективности, историзма и всесторонности изучения предмета. Методологическую роль играют и чисто архивоведческие утверждения, начиная с понятия происхождения, категорий фонда и фондообразователя, принципа централизации архивного дела и т. п. Только в ограниченных рамках частных архивоведческих теорий различия метода и полученного с его помощью результата ясны до наглядности. Но чем выше уровень обобщений, тем ярче выступает единство методологии и теории с ее основными понятиями и принципами. Думается, такое понимание вопроса соответствует современному научным взглядам⁴⁰.

Методы конкретных наук обладают разной степенью общности⁴¹. Науковедение разделяет их на частнонаучные методы “широкого профиля”, имеющие общедисциплинарное значение, и “узкого профиля”, применяющиеся для решения ограниченного круга вопросов. В данный момент наше внимание обращено преимущественно на первые. Они восходят к соответствующим общенаучным методам-прототипам (описательному, структурному, моделированию), но заметно специализировались. В силу историчности объекта и предмета архивоведения важнейшую роль в его методологии играет исторический метод. В структуре предмета историческое начало представлено, как отмечалось, историческим принципом, выделяющим самые существенные стороны изучаемой действительности. Метод же – “совокупность и последовательность мыслительных операций и опирающихся на них действий”, позволяющих получить достоверное знание⁴².

Следовательно, метод историзма – такой способ изучения, который предполагает мысленное погружение в прошлое и рассмотрение явлений в качестве процессов, происходящих во времени, признает обусловленность данного состояния явлений их предшествующими состояниями. Непосредственно вытекающий из исторического принципа, этот метод эволюционирует в современной науке, сближается с системным и структурным методами, в результате чего возникает новая форма – исторический системно-структурный метод⁴³. В архивоведении исторический метод в первую очередь способствует выяснению его основного вопроса: в чем сущность явления образования органически целостной системы документной ретроспективной информации (фонда) в условиях развивающейся во времени “структуры” (фондообразователя)? Он объясняет это, используя понятие о происхождении информации. Сам Государственный архивный фонд организован на основе исторического метода, что отмечал, в частности, К.Г. Митяев⁴⁴.

Важной формой исторического метода является, как известно, историко-сравнительный метод, основанный на выявлении черт тождества, сходства и различия изучаемых явлений, процессов и стадий процессов. Его применение в архивоведении многообразно.

Особенно оно результативно в тех разделах архивоведения, которые так или иначе связаны с классификацией документов, фондированием, категорированием фондов и т. д. Устанавливая, например, черты сходства некоторого числа изучаемых объектов (скажем, группы фондов), архивист приходит к заключению о наличии общих закономерностей, действовавших в процессе фондообразования, и выделяет эту группу в определенный тип. Пускай он будет отнесен к типу фондов личного происхождения. Выясняя затем различающие признаки, он имеет возможность охарактеризовать индивидуализирующие признаки, свойственные не всей группе, а некоторым подгруппам: например, фондам писателей, артистов, ученых, общественных деятелей. Установленные признаки сходства и различия ложатся в основу дальнейшей работы с фондами данного типа. Но это только один из примеров применения историко-сравнительного метода в архивоведении. Он используется при ранжировании фондов в теории экспертизы ценности; на нем основываются категорирование фондов в целях дифференцированного подхода к описанию документов и т. п.

Другой формой исторического метода, использующейся архивоведением, является метод, называющийся науковедческой литературой актуалистическим⁴⁵. Основанный на изучении современного нам состояния предмета, он имеет в виду рассмотрение того, каким он был прежде и какие изменения он претерпел в прошлом. Однако конечная цель ретроспекции заключается главным образом в выработке правильного понимания современного состояния объекта, в выяснении возможностей работы с ним. Попытаемся увидеть это на предметном материале. Изучая, скажем, сохранившиеся документы однородных фондов, мы убеждаемся, что налицо лишь фрагменты некогда обширных фондов. Дальнейшее их исследование, выяснение их исторических судеб позволяет установить количественные и качественные потери и, возможно, обстоятельства, при которых они произошли. Обогащенные такими результатами, мы вырабатываем новое знание, имеющее важное практическое значение: возможность соединения разрозненных фрагментов фондов по принципу происхождения (сформировать фонды из распыленных частей), или создать объединенный архивный фонд по признаку однородности целевого назначения фондообразователей, или, в крайнем случае, создать коллекцию. Одним из особенных случаев применения актуалистического метода является изучение состава архивных фондов, находящихся на государственном хранении, с целью обнаружить лакуны в них, а затем, применив историко-учрежденческий анализ, разработать версии путей розыска фондов и их частей, считающихся утраченными*.

* Интересное описание применения названного варианта актуалистического метода см. в работе Т.П. Коржихиной и С.И. Хорошей⁴⁶. Хотя авторы не называют свой способ актуалистическим методом, но по существу это так.

Архивоведение широко применяет метод источниковедческого анализа, главным образом приемы внешней критики, а не внутренней, в которых оно обычно не испытывает необходимости, поскольку, как подчеркивалось, работает на уровне предисточника, а не самого источника. Внешняя критика, напротив, используется постоянно: в экспертизе ценности документов, при определении их фондовой принадлежности и в описательных работах.

Описательное изложение изучаемого предмета глубоко свойственно исторической науке (как и многим другим). Говоря так, мы имеем в виду, разумеется, не поверхностное описание, не простую констатацию историком установленных фактов, а их критическую интерпретацию, выполняемую в форме описания, которая обеспечивает наиболее полное ознакомление с событиями прошлого в их индивидуально неповторимом облике, их научное объяснение⁴⁷. Описательный метод исторической науки предполагает выявление, фиксирование, обработку эмпирических фактов, соотнесение их с соответствующими историческими реалиями (процессами развития, учреждениями, событиями, лицами), а также с понятиями науки. Значение описания в исторической науке определяется ее характером, тем, что она развивается на фундаменте фактов, отображает исторические закономерности, не игнорируя случайностей, причем даже незначительные, казалось бы, факты истории приобретают подчас самостоятельную значимость. Сохраняя в основе единство с описательным методом исторической науки, архивоведческий описательный метод выливается в своеобразные прикладные формы и служит задаче создания научно-справочного аппарата. Его важная отличительная черта – фактографичность, незавершенность синтеза информации, т. е. отсутствие научного вывода, роль которого выполняет описательная статья архивного справочника.

Свое полное выражение описательный метод находит в сочетании со структурным методом. Характерной чертой структурных методов различных наук считается их объективность и рационалистичность. В архивоведении этот метод непосредственно обеспечивает, например, связывание описательных статей в описи, построение путеводителей. Он основывается на установлении информационных связей и структурных отношений, имевших место в процессе документообразования. Сочетание структурного метода с описательным составляет основу архивных описательных работ. Понимаемый в первую очередь как метод следования историческим структурам фондов, структурный метод архивоведения наиболее отчетливо воплощается в известных «схемах систематизации дел». Выражая в миниатюре архитектонику фондов, схема систематизации наглядно показывает соотношение частей фонда, их связи, развитие, хронологические и отчасти содержательные характеристики. Другая сторона структурного метода – его преобразовательная функция. Она особенно ярко обнаруживается при построении схем систематизации фондов, исторически не обладавших структурами.

Тогда вводится в действие функциональный или тематический принципы систематизации, придающие фонду научно обоснованную структуру.

В поисках рациональных решений структурный метод архивоведения взаимодействует с методом моделирования. Моделирование упрощает отражаемый прототип, что позволяет отвлекаться от частностей, воспроизводить объект в главном. Архивоведение имеет дело с мысленным (логическим) моделированием, в отличие от “натурного”, распространенного в технических науках. В частности, роль типичной архивоведческой модели с большой четкостью и наглядностью выполняют называвшиеся схемы систематизации, выступающие прототипами проектируемых фондовых структур. Широкий класс моделей представлен аналогами существующих сложных объектов и имеет целью создавать правильное представление о них, поскольку непосредственно охватить их наблюдением с необходимыми подробностями мы не в состоянии. Всякая опись и любой другой архивный справочник – информационная модель соответствующего объекта*.

Важное место в архивоведении принадлежит функциональному анализу. Он выводит на решение основных (но не всех) вопросов экспертизы ценности документов, а также (что в архивоведческой литературе разработано слабее) на вопросы фондирования, описания и поиска документов. В теории экспертизы этот метод является способом априорного суждения о потенциально высокой (или малой) научной ценности документов путем исследования функций учреждений-фондообразователей, выяснения места последних в системах органов управления, документоведческого и источниковедческого исследования функций видов и разновидностей документов в управленческих процессах. Не случайно близкий аналог архивоведческого функционального анализа был обнаружен в науке об управлении, где он фиксирует внимание на специфике содержания управленческой деятельности⁵⁰. Слабость функционального анализа в экспертизе ценности документов иногда видят в априорности решений, в том, что роль функций учреждений преувеличивается⁵¹. Но нужно учитывать, что априорные выводы функционального анализа являются родом прогностических (вероятностных) суждений, которым присущи черты историзма, поскольку этот метод реализуется путем изучения истории деятельности фондообразователей, процессов документирования и фондообразования. Применение функционального анализа позволило архивоведению объединить решение основных вопросов комплектования государственных архивов с задачами экспертизы ценности документов.

* Теоретическую трактовку проблемы моделирования в исторической науке см. в работе И.Д. Ковальченко⁴⁸. О применении моделирования для прогнозирования развития архивного дела см. статью К.И. Рудельсон, Н.М. Шепуковой и Б.С. Илизарова⁴⁹.

Рассмотренные методы, несмотря на различия по способу приложения к изучаемому материалу и целям, имеют то существенное общее, что их основу составляет качественная природа познания.

Однако архивоведение располагает и количественным методом – методом единого учета документов, для которого, как и для всех количественных методов, свойственно упрощение сложности предмета изучения, выделение того, что в данном случае признается основным и определяющим. Метод единого учета призван обеспечить получение точных и исчерпывающих сведений о состоянии Государственного архивного фонда и всех его составляющих, вплоть до единицы хранения. Тем самым он призван создать многие необходимые посылки осуществления главных функций архивного дела. Но непосредственно этот метод обслуживает функцию упорядочения. Он использует формализацию массовых эмпирических показателей, существенно отвлеченных от содержательной стороны. Несмотря на количественную природу метода, ему свойствен историзм, поскольку в основе учета лежат исторически сложившиеся фонды. Само разложение целого на части соответствует, согласно процедуре метода, структурно-генетическому взгляду на целое*.

На базе методов “широкого профиля” развиваются архивоведческие методы более узкого применения, использующиеся в основном частными теориями архивоведения. Однако строгого разделения научного материала о методах достичь невозможно, поскольку “широкое” и “узкое” постоянно переплетаются, выступают как сложные формы изучения и освоения предмета.

К методологии архивоведения примыкают (но не включаются в нее) чисто технические приемы обращения с документами, которые можно характеризовать как “методики” или “микрометоды”. Их развитие в архивоведении вызвано громадным объемом технических работ в архивах, требующих применения определенных норм и указаний, как следует поступать в тех или иных случаях. Сюда относятся, например, формальные методики шифровки дел на обложке, составления переводных таблиц (после составления новых описей), определения крайних дат документов в единице хранения, проверки наличия документов и многие другие приемы, к которым справедливо применить замечание В.А. Штоффа, что они “ограничиваются механической стороной дела или носят характер предписаний”⁵³. Такого рода “голая техника” в прикладных дисциплинах имеет огромное значение. В архивоведении она разрабатывается на уровне методической деятельности. Сами по себе технические прие-

* Метод единого учета нельзя отождествлять с формирующимся методом учета использования архивных документов, важным для планирования, отчетности, интенсификации и прогнозирования научно-информационной деятельности архивов. Главная сложность заключается в разработке соизмеримых показателей использования, а также системы “форм учета”, в которых эти показатели поддавались бы аналитическому обобщению. Анализ метода единого учета дан в нашей работе⁵².

мы “мировоззренчески нейтральны” по отношению к методу, который они обслуживают. “Метод как форма мыслительной деятельности всегда озарен определенной идеей, оснащен научными принципами. Прием же, как правило, идет от жизни, от многократного повторения”⁵⁴. Если метод понимается как совокупность мыслительных операций и опирающихся на них действий, то “методики”, “техника” – это, в первую очередь, сами действия, смысл которых объясняется методом и теоретическими установками. Теория и метод придают научное значение применению “техники”, содействуют пониманию общего смысла получаемых с ее помощью результатов⁵⁵.

Во многом схожее положение наблюдается в источниковедении, хотя оно терминологически не различает методы и “микрометоды”. Хорошее объяснение дал Л.В. Черепнин: “Понятие методики источниковедения сложное. Оно покрывает и сумму прикладных знаний, комплекс навыков чисто технического порядка, которые сами по себе нейтральны в отношении теории, и совокупность таких приемов, которые разработаны на основе определенных методологических представлений... В дипломатике одно дело – перевод даты акта с византийского летоисчисления на современное, другое – выявление его классовой сущности и т. д.”⁵⁶ Поэтому выделение в архивоведении методов как познавательных средств, с одной стороны, а “методик” (“микрометодов”) – с другой, имеет научный смысл, который не всегда учитывается архивистами⁵⁷. Требовать от “голой техники” связи с философскими взглядами архивиста было бы явным упрощением.

Схема связей архивоведения с другими дисциплинами

Междисциплинарный синтез знания, освоение одними науками результатов, полученных другими областями знания, является важнейшим условием развития науки. Его изучение позволяет выявить многие стороны интеграции науки, лучше понять положение конкретных дисциплин в мире науки. Такие связи архивоведения частично уже отмечались. В данном разделе дается общая характеристика вклада в архивоведение окружающих областей научного знания. Речь идет не о том, какие знания необходимы в архивной работе. Наш главный интерес в другом: какие дисциплины оказали и оказывают влияние на теоретическое развитие архивоведения и в чем это сказывается? Такая постановка вопроса отвечает положению о том, что наибольших научных результатов следует ожидать именно в местах соприкосновения наук.

Многообразие связей архивоведения требует ограничить их рассмотрение преимущественно областями науки, обнаруживающими непосредственную близость с архивоведением. Связь объекта архивоведения со сферой документообразования – основная историче-

ская связь, связь по происхождению. Она сразу выводит нас на формирующийся на стыке правоведения, экономической науки и науки о социальной информации (с участием других дисциплин) цикл научных дисциплин, который часто называют наукой о социальном управлении. Архивоведению прежде всего важно рассмотрение управленческой деятельности как многоуровневого процесса выработки, принятия и исполнения решений, связанного со сбором, переработкой и созданием новой документной информации. Совершенствование управленческой деятельности активизировало развитие документоведения, которое, на наш взгляд, следовало бы определить как теорию документирования управленческих процессов и работы с документами в управлении, проектирования форм документов и унифицированных систем документации*. Основным понятием документоведения является документирование, обозначающее процесс и способы закрепления информации для использования и хранения. Это понятие очень важно и архивоведению. Но само документоведение – прикладная дисциплина науки о социальном управлении, а не часть архивоведения.

Чем к более раннему периоду относятся архивные документы, тем значительнее для архивоведения становится изучение исторической части документоведения – истории развития систем документирования и делопроизводства. Необходимость объединения задач архивоведения, документоведения и источниковедения подчеркивал Л.В. Черепнин⁶⁰. Верным является также вывод Л.Е. Шепелева, что изучение истории делопроизводства эффективно только в связи с разработкой истории учреждений⁶¹. А.С. Малитиков высказывался даже о возможности рассматривать архивоведение в качестве “исторического документоведения”⁶², хотя эту мысль он не развивал.

История учреждений связана с историей государства и права, но в большей мере является частью исторической науки, с которой ее объединяет “историзм в объяснении закономерностей и явлений, связь... с конкретной исторической обстановкой”, а с правовой наукой – “известное единство объекта изучения” – политическими и правовыми институтами⁶³. История учреждений особенно успешно развивается в МГИАИ (Н.П. Ерошкин, А.Д. Степанский, Т.П. Коржихина и др.). Она – неиссякаемый для архивоведения источник важнейшего научного материала: конкретного и теоретически обобщенного, поскольку изучает самую сферу документообразования. Например, оперируя понятиями фондообразователя, фонда, принципами происхождения и недробимости фонда, мы подразумеваем в первую очередь учреждения и их документацию. С профессиональной точки зрения архивистов, история учреждений – в основном ис-

* Это не единственная трактовка документоведения. К.Г. Митяев рассматривал его как некоторую всеобщую науку о документах и способах запечатления реальной действительности⁵⁸. Краткая характеристика взглядов ряда авторов дана в работе А.Н. Соковой⁵⁹.

тория фондообразователей. Уже одно то, что архивные фонды называются именами соответствующих фондообразователей, есть существенный вклад истории учреждений в архивоведение.

Взятая в целом, история учреждений показывает в конкретном развитии структуру политических и правовых институтов, объясняя тем самым закономерность распределения информации в составе Государственного архивного фонда. На этом материале возникает возможность строить научно обоснованную сеть государственных архивов, определять их профили, стратегию архивного поиска и т. д. Не менее важен конкретный госучрежденческий анализ, постоянно применяемый в работах по учету, фондированию, в функциональном анализе фондообразователей, состава фондов и т. д. Поэтому объем работ, выполняемых архивистами по изучению истории учреждений, огромен. Собираемые и обрабатываемые данные по каждому фондообразователю включаются в исторические справки о фондах, листы и карточки фондов, путеводители.

Все сказанное относится и к истории общественных организаций, которая выделяется в отдельную дисциплину. По ряду признаков она близка к истории учреждений, но предметы изучения у них разные. Имеются отличия у их архивоведческих приложений⁶⁴. Процессы фондообразования свойственны также семьям, фамилиям (родам) и отдельным лицам при условии, что они не только создают, но и накапливают документальную информацию. Обращаясь к ней, архивоведение использует данные генеалогии. Когда действующие архивные правила предлагают предварять работы с фондами личного происхождения изучением жизни и деятельности фондообразователей, они имеют в виду использование фактов и методов генеалогии, основным из которых является метод “генеалогического дерева”, т. е. построения модели родственных связей. При работе с фондами одного лица и “семейных фондов” воспроизводить всю генеалогию рода не всегда обязательно, но основные родственные связи выявляются. Кроме того, поиск фондов личного происхождения в целях комплектования государственных архивов также требует генеалогического изучения⁶⁵. Генеалогические знания применяются в поиске архивных документов. Таким образом, генеалогия выполняет роль, близкую к той, которая выпадает на долю истории учреждений, когда мы работаем с документами управленческого происхождения.

С архивоведением традиционно связывается археография (теория и методика публикации документов). Профессиональная близость архивистов и археографов, доходящая до совмещения этих специальностей в лице одних и тех же работников, создает иллюзию частичного совпадения предметов этих дисциплин. Но теперь археография сформировалась в самостоятельную дисциплину*. Помимо

* В своей статье⁶⁶ автор писал, что понятия и методы археографии не оказывают влияния на развитие архивоведения. С этим не согласился М. С. Селезнев, считавший, что изучение опыта отбора документов для опубликования имеет “важное

понимания археографии как области публикации документов, существует более широкое, принятое в “академической науке”. С.О. Шмидт выделил три сферы археографической (в широком смысле) деятельности: полевую археографию, занимающуюся поиском и изучением памятников письменности в среде их бытования; камеральную археографию (описание собранных документов в стационарных условиях); эдичионную археографию (публикационная работа)⁶⁸. Это деление, по-видимому, снимает многие сомнения сторонников узкой трактовки: полевая археография отчетливо близка к вопросам комплектования, камеральная отождествляется с архивным описанием. Третье направление совпадает с археографией в узкой трактовке*.

Отношения архивоведения с источниковедением можно было бы рассматривать в свете их логической преемственности с позиций потребителя-историка, поскольку архивоведение обеспечивает стадию работы с документами, которая непосредственно предшествует их историческому исследованию. Но важнее указать на воздействие, оказываемое источниковедением, на развитие архивоведения. Прежде всего оно выливается в форму охарактеризованного выше источниковедческого подхода с его основными постулатами и приемами “внешней критики”. Разработанные рядом вспомогательных исторических дисциплин⁷², эти приемы используются архивоведением для установления авторства, фондовой принадлежности, времени и места возникновения документов и в других целях. Таким образом, источниковедческий подход включает приемы палеографии, исторической хронологии, сфрагистики, геральдики, генеалогии, эмблематики (особенно при анализе эмблем, входящих в фор-

значение для экспертизы ценности документов”. Такое изучение, по его словам, показывает положительные стороны и недостатки экспертизы и комплектования архивов. Кроме того, писал он, архивоведение широко использует методику составления научно-справочного аппарата к сборникам документов, разрабатываемую археографией⁶⁷. Думается, это не совсем так. 1) Археография как научная дисциплина не располагает принципами и методами, определяющими судьбу документов, хотя лица, занимающиеся публикационной работой, могут установить отсутствие тех или иных документов и в силу своей архивоведческой подготовки связать это с недостатками экспертизы. 2) О влиянии теории археографии на разработку архивного научно-справочного аппарата говорить трудно. Влияние, скорее, обратное.

* Существенная особенность археографии в широком смысле – ее индивидуализирующее отношение к изучаемому материалу, рассматриваемому как уникальные памятники истории и культуры⁶⁹. Важной характеристикой археографии является также стремление рассматривать памятники письменности (не только уникальные) в тесной связи со средой бытования, с определенным регионом. См., например, книгу В.И. Малышева “Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв.”⁷⁰. Возникает мысль о близости камеральной археографии к кодикологии, которая изучает рукописную книгу как памятник определенной культуры эпохи, историю отдельных книг и их собраний. Выясняя, в каком окружении возникли и находились книги, кодикология использует методы архивоведения. Отсюда предложение Ж. Уи выделить из кодикологии “архивистику средневековых рукописей”. См. об этом⁷¹.

муляр бланков документов) и др. Внешние признаки выступают также в качестве критерия научно-исторической ценности документов. Налицо слияние приемов вспомогательных дисциплин с методами архивоведения.

Не менее важно предложенное источниковедением выделение категории предисточников. То, что иногда называется в литературе “источникотворчеством”, таковым по существу почти никогда не является, и это правильно замечено М.А. Варшавчиком⁷³ и другими учеными. Обычно документ создается как средство так или иначе понимаемого управления (не обязательно административного). В таком качестве, с позиций источниковедения, он всего лишь “источниковая субстанция”. На этом уровне с ним работает в основном архивоведение, что позволяет характеризовать его как дисциплину “предисточниковую”.

Освоение положений, разработанных источниковедением и вспомогательными историческими дисциплинами, – одна из важнейших задач архивистов, необходимое условие их профессиональной подготовки. Не случайно именно в МГИАИ исследованы многие важные вопросы указанных дисциплин (работы Л.В. Черепнина, А.А. Зимина, Е.И. Каменцевой, Е.А. Лудского, О.М. Медушевой, А.Т. Николаевой, Н.В. Устюгова, М.Н. Черноморского, С.О. Шмидта и др.). Вместе с тем архивоведение не может опираться только на источниковедческий подход. Взятый изолированно от информационного подхода, он не обеспечивает решения кардинальных задач архивоведения. Так, теория экспертизы ценности ориентируется на прием в государственные архивы лишь небольшого процента современных документов. Источниковедение учитывает практическую неизбежность отбора, но постановка вопроса об уничтожении документов ему не свойственна, поскольку историческую информацию несет любой текст (изображение и т. д.), дошедший из прошлого. “В семантическом отношении нет источников, которые непригодны для использования”, – в этих словах И.Д. Ковальченко аккумулировано источниковедческое отношение к документу⁷⁴.

Архивоведение испытывает заметное влияние теории информации, информатики и документалистики. Многие их положения проявили высокую проникающую способность, внедрились в окружающие области науки, в том числе в архивоведение. Теория информации сообщила архивоведению понятия о свободной и связанной, потенциальной и актуальной информации, объяснила с теоретико-информационных позиций смысл конечной цели архивной деятельности (актуализация ретроспективной информации). Но главное, конечно, само определение информации как отраженного разнообразия реальной действительности и как формы связи элементов в системе, опирающееся на философскую категорию отражения. Другое важнейшее открытие теории информации заключается в том, что информацию можно измерять. Это означает, что с ней допустимо обращаться как с некоторыми величинами, видеть в одном и том

же физическом объеме разных документов то большее, то меньшее количество информации. В познавательных же процессах происходит ограничение разнообразия, повышающее количество информации, относительно познающего субъекта. Многие рассматриваемые в данной работе теоретические положения (например, в области экспертизы ценности, фондирования, описания) в конечном счете поддаются объяснению в свете этих взглядов.

У информатики и документалистики⁷⁵ много общего в посылах и понятийном аппарате. Их общий вклад в архивоведение – понятия релевантности, информационного шума, старения информации и другие, активизирующие архивоведческую мысль. Все же информатика и документалистика – разные дисциплины. Документалистике, выделившейся из теоретической кибернетики, свойственно анализировать документы и информационные процессы на самом широком материале и на уровне абстрактных отвлечений, выраженных алгеброй логики. Ее особенный интерес направлен к изучению общих свойств документной информации, форм и “жанров” документов, к оптимизации больших документных систем на базе информационной теории документа, соединившей теорию семантической информации с теорией коммуникаций.

Важными понятиями документалистики являются: информативность и информационная плотность. Первое выражает количество информации, которое извлекает (способен извлечь) из документа конкретный реципиент. Второе – это отношение информативности к “информационной емкости”, т. е. к реальному количеству информации, заключенной в определенном физическом объеме документов. Как видим, документалистика ставит свойство информативности в зависимость от личных установок и возможностей потребителя. Такая “субъективная” трактовка информативности принимается архивоведением при рассмотрении конкретного потребителя в его отдельно взятой работе в архиве (поиск, процесс удовлетворения информационной потребности). Но когда решаются вопросы экспертизы ценности и архивного описания, ориентация на конкретного потребителя бессодержательна. Поэтому, наряду с “субъективной” трактовкой, близкой к документалистике, архивоведение развивает другую форму понятия информативности, опирающуюся на степень информационного разнообразия фондов и документов. Это может быть объяснено через понятие о количестве аспектов возможного использования документов, что обычно выступает в суждениях типа “много”, “меньше”, “мало” (аспектов)*. Нетрудно

* Из названных положений не следует, что архивоведению необходимо измерение информации в каких-либо точных показателях. Важна теоретическая основа для реализации практической возможности различать богатые и бедные информацией виды документов и фонды – с точки зрения плотности информации, количества аспектов (многосторонности) содержания, т. е. с позиций информативности. Тот факт, что мы не можем выразить уровень информативности терминами математики, говорила Т.Н. Долгорукова, не значит, что понятие “информативность” необъ-

видеть, что понятие информативности в объективном смысле сближается и даже сливается с понятием плотности информации. В теории экспертизы, отдающей предпочтение документам и фондам, объективно обладающим высокой информационной плотностью, названные понятия практически неразличимы. Для этой теории (как и для теории архивного описания) информационно плотное всегда информативно.

Главное устремление информатики – разработка основ и методов научно-информационной деятельности. Ее существенным вкладом в архивоведение является разделение документов на первичные и вторичные (первичными архивоведение сочло сами архивные документы, а вторичными – научно-справочный аппарат к ним и “информационные документы”, в какой-то мере документы архивного учета), понятия информационного запроса, информационного поиска, адресности информации и другие понятия*.

Сказанное не исчерпывает областей науки, с которыми архивоведение вступило в тесный контакт, получая от них важную информацию теоретического или фактологического характера. Следует указать, например, на раздел исторической географии, который занимается историей административно-территориального деления. Архивоведение связывает эти данные с понятием о происхождении и кладет в основу фондирования документов, их описания и поиска. Ясно, что архивная работа с каждым классом, родом, а иногда даже видом документов вызывает необходимость применения понятий и методов тех областей знания, которые изучают эти документы в процессе их создания и практического применения. Все это обогащает понятийный аппарат, методы и методики архивоведения и отражается на его терминологии. Так, искусствоведение, литературоведение и текстология сообщили понятия сюжета, основного авторского текста и его вариантов, автографа, методы атрибуции текстов и изображений. Работа со статистической документацией предполагает владение основами и терминами статистической науки, а с бухгалтерской – бухгалтерского учета и т. д.

Получая из многих областей знания информацию об их достижениях, архивоведение делает ее своими внутренними ресурсами. Схематично можно выделить три основных потока: исходящий от исторических наук (источниковедение, история учреждений, вспомогательные исторические дисциплины, историческая география и др.);

активно. Его объективность подтверждена длительной практикой категорирования фондов по степени информативности⁷⁶. Думается, Б.С. Илизаров не прав, считая субъективным (зависящим от уровня наших знаний) подход к оценке документов с точки зрения количества содержащейся в них информации⁷⁷. От субъекта зависит количество извлекаемой им информации, а не содержащейся в документе.

* В.В. Фарсоби́н предложил называть информатикой источниковедческую эвристику, включая в ее задачи обобщение соответствующего опыта других дисциплин (в том числе архивоведения), и считает, что в будущем она сольется с собственно информатикой⁷⁸.

от наук, изучающих сферу управления (наука о социальном управлении, документоведение); от наук, изучающих информацию. Широта диапазона межнаучных связей архивоведения определяется тем, что оно, являясь дисциплиной исторического цикла наук, имеет объектом исследования документы и системы документов и решает информационные задачи. Эта характеристика показывает место архивоведения в системе наук.

Нельзя отвлекаться от того, что широкому миру наук, но в первую очередь историческому познанию, архивоведение постоянно сообщает выработанные им “факты своей науки”: знание структуры государственного хранения, установок в области комплектования, фондирования, описания, истории архивов (что имеет эвристическое значение) и много других полезных сведений. Историк в архивных разысканиях и при анализе документального материала постоянно применяет и руководствуется понятиями фондообразователя и фонда, коллекции и др. В свое время перечисленные понятия были существенными новациями и предметом острых дискуссий в архивоведении. Теперь они уже не нечто внешнее по отношению к источниковедению, а часть его необходимых средств. “Фактами науки” является и сам научно-справочный аппарат, поскольку он создается путем научного анализа и синтеза эмпирической информации. В таком случае последнюю можно охарактеризовать как “факты для науки”. Поток таких фактов, направляемых в мир науки, непрерывен и составляет необходимое условие развития исторического познания. Но это уже часть проблемы обеспечения общества необходимой ему документной ретроспективной информацией.

* * *

Возникновение объекта архивоведения обусловлено закономерностями сферы документообразования. Им является документная ретроспективная информация, сохранившая потенциальную способность актуализироваться, стать “вещью для нас” для познания прошлого. Фактор актуализации составляет социальный смысл существования и развития архивной информационной среды, рассматриваемой автором в качестве эмпирической части предмета архивоведения.

Теоретико-методологическую основу архивоведения составляют принципы партийности, историзма, всесторонности и комплексности изучения предмета и объекта, а также частнонаучные категории фонда и фондообразователя, понятие происхождения, закономерность фондообразования. Вместе с понятиями-новообразованиями “документная ретроспективная информация” и “архивная информационная среда”, а также другими логическими единицами архивоведения они составляют его концептуальную систему. Более полное представление о понятийном аппарате может дать рассмотрение проблемного содержания архивоведения. Между методологи-

ей и теорией нет резких границ, причем ряд частнонаучных методов “широкого профиля” непосредственно восходит к межнаучным подходам, рассматриваемым как часть предмета архивоведения. Основная цель теории – способствовать борьбе с потерями информации, обеспечить возможность и эффективность ее актуализации. На это же направлены и методы архивоведения.

Рассмотренные методы архивоведения взаимосвязаны. Так, историко-сравнительный метод проникает в описательный, структурный и другие методы, которые взаимодействуют между собой: моделирование является одной из форм структурного метода и т. д. Ведущая роль при этом принадлежит историческому методу. Методология архивоведения включает также частнонаучные методы “узкого профиля”. К последним примыкают технические приемы, “методики”. Не вызывающие нашего пристального внимания, они будут упоминаться по мере необходимости.

Архивоведение использует научные результаты ряда наук. Особенно важны для развития его теории связи с наукой о социальном управлении и ее прикладной дисциплиной – документоведением, историей государственных учреждений, современными информационными теориями и дисциплинами, источниковедением, вспомогательными историческими дисциплинами. Широко применяя источниковедческий метод критики происхождения, архивоведение обычно не пользуется внутренней критикой, поскольку имеет дело с “предысточниками”. Источниками архивные документы становятся в процессе их исторического исследования. Но именно в силу этой связи с исторической наукой – важнейшая связь архивоведения. Уместно привести слова В.О. Ключевского о соотношении труда архивиста и историка: “Архивист и исторический исследователь – собратья и сотрудники, делают одно дело, только в разные моменты его движения, производства: первый копает руду, второй, вместе с ним промывает ее, собирает и отливает промытые крупинки в цельные слитки”⁷⁹. С тех пор, когда это было написано, значение “архивного рудокопательства” неизмеримо возросло. Но для того чтобы успешно “копать” и “промывать”, не допуская существенных потерь ценной информации, потребовалось создание развитой теории архивоведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хернер С., Хернер М. Информационные потребности и использование информации в науке и технике // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. М., 1969. № 13. С. 92.
- ² Бирюков Б.В., Тростников В.Н., Урсул А.Д. Послесловие редакторов: Информация как научное и метанаучное понятие // Гришкин И.И. Понятие информации: Логико-методологич. аспект. М., 1973. С. 221.
- ³ Берг А.И., Черняк Ю.И. Информация и управление. М.: Экономика, 1966. С. 29; Мамиконов А.Г. Управление и информация. М.: Наука, 1975. С. 122 и др.

- 4 Урсул А.Д. Информация: Методологич. аспекты. М.; Наука, 1971. С. 222–223.
- 5 Жуков Н.И. Философский анализ понятия “информация” // *Вопр. философии*. 1974. № 12. С. 95.
- 6 Долгих Ф.И., Елпатевский А.В., Пшеничный А.П. Развитие ленинских принципов организации архивной службы в СССР и задачи совершенствования управления архивным делом на современном этапе // *Советские архивы*. 1974. № 2. С. 11.
- 7 Познанский В.С. Сбор материалов для исторического исследования в делопроизводстве действующего учреждения // *Вопр. архивоведения*. 1963. № 3. С. 78–80.
- 8 Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы*. М., 1969. С. 30–31.
- 9 Антипов Г.А. Исторический источник и его функции в историческом исследовании // *Проблемы исследования структуры научного познания*. Новосибирск, 1970. С. 203–204.
- 10 Клейн Л.С. Археологические источники: Учеб. пособие. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1978. С. 36–37.
- 11 Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание: (Методологич. аспекты) / Ред. Л.В. Алякринский. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. С. 160–161.
- 12 Сокова А.Н. Унифицированная система организационно-распорядительной документации // *Советские архивы*. 1973. № 5. С. 3–9.
- 13 Батенин С.С., Парыгин Б.Д. О личности как “микросистеме”: [Рец. на кн.:] Буева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968 // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Философия*. 1969. № 3. С. 85–87.
- 14 Инструкция по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. М.: Главархив СССР, АН СССР, Минкультуры СССР, 1958. 52 с.; Методические рекомендации по комплектованию Государственного архивного фонда СССР документальными материалами личных архивов. М.: Главархив СССР, 1969. 23 с.; Методические рекомендации по научно-технической обработке документальных материалов личного происхождения. М.: Главархив СССР, Мин. культуры СССР, Архив АН СССР, 1971. – 112 с.; Методические указания по работе с фондами личного происхождения / Редкол.: Н.Б. Волкова (отв.) и др. М.: Главархив СССР, ЦГАЛИ СССР, 1967. 176 с.; Волкова Н.Б. Комплектование ЦГАЛИ СССР материалами личных архивов деятелей литературы и искусства // *Советские архивы*. 1971. № 6. С. 12–19; Волкова Н.Б., Красовский Ю.А. ЦГАЛИ СССР – 40 лет // *Советские архивы*. 1981. № 2. С. 18–21; Дмитриев С.С. Личные архивные фонды: Виды и значение их историч. источников // *Вопр. архивоведения*. 1965. № 3. С. 35–49; Дробжев В.З., Новикова А.А. Умножим богатства наших архивов // *Вопр. истории*. 1962. № 12. С. 198–200; Козлова М.Г. К вопросу о методике отбора на государственное хранение документов личного происхождения // *Материалы Всесоюзной научной конференции “Архивы СССР периода развитого социалистического общества”*. М., 1979. Ч. 1. С. 227–231; Колосова Э.В., Цап-

- лин В.В. Государственные архивы и документальные фонды личного происхождения // *Вопр. архивоведения*. 1965. № 4. С. 14–24; Новикова А.А. Государственное хранение материалов личного происхождения деятелей советского общества // *Вопр. истории*. 1971. № 8. С. 59–70; Она же. О комплектовании государственных архивов фондами личного происхождения // *Вопр. архивоведения*. 1959. № 2 (12). С. 52–55; Сырченко Л.Г. Документальные материалы деятелей русской литературы в составе Государственного архивного фонда СССР: (Проблемы их собирания и научной организации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 20 с.; Она же. Личные фонды деятелей русской литературы и искусства в архивах СССР: Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Ковальчук. М.: МГИАИ, 1975. 168 с.
- 15 *Пушкарёв Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1975. С. 119–206; *Болдырева Е.М., Калишевич З.Е., Плешаков С.Т.* Организация научно-исследовательской работы в центральных государственных архивах // *Советские архивы*. 1974. № 6. С. 3–11.
 - 16 *Гуревич А.Я.* Социальная психология и история: Источниковедч. аспект // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы*. М., 1969. С. 393.
 - 17 *Краткий словарь по эстетике*. М.: Политиздат, 1964. С. 243.
 - 18 *Ракитов А.И.* Анатомия научного знания: Введение в логику и методологию науки. М.: Политиздат, 1969. С. 39–42.
 - 19 *Основы отбора научно-технической документации на государственное хранение: Методич. рекомендации* / Общ. ред. Д.Д. Голованова и А.П. Курантова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1976. 121 с.; *Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами* / Общ. ред. В.Н. Автократова, Д.Д. Голованова и др. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1980. 164 с.; *Жигунов В.М.* Основные направления научных исследований и прикладных разработок ВНИИДАД по НТД и КФФВД // *Советские архивы*. 1980. № 1. С. 39–42; Он же. Роль научных исследований в решении задач экспертизы ценности и отбора на государственное хранение научно-технической документации и кинофотофонодокументов // *Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества"*. М., 1979. Ч. 1. С. 175–184; *Кузин А.А.* XXVI съезд КПСС и задачи ведомственных архивов научно-технической документации // *Советские архивы*. 1982. № 5. С. 22–27; Он же. Научно-историческая ценность технических документальных материалов // *Советские архивы*. 1967. № 6. С. 60–68; Он же. Очерки по истории технических документальных материалов (русского чертежа) в дореволюционной России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. 24 с.; Он же. Происхождение и развитие основных видов научно-технических документов в СССР: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1970. 244 с.; Он же. Технические архивы. Учеб. пособие / Под ред. К.Г. Митяева. М.: МГИАИ, 1956. 253 с.; *Кузин А.А., Преображенская П.С., Филиппов Н.Г.* История технических архивов: Учеб. пособие / Под ред. К.Б. Гельмана-Виноградова. М.: МГИАИ, 1973. 72 с.; *Кузин А.А., Преобра-*

- женская П.С., Филиппов Н.Г., Прокопенко А.С. Научно-технические архивы: Учеб. пособие / Под ред. К.Б. Гельмана-Виноградова. М.: МГИАИ, 1975. 328 с.; Кузин А.А., Филиппов Н.Г. Техническое документирование: Учеб. пособие / Отв. ред. П.С. Преображенская. М.: МГИАИ, 1973. 192 с.; Мусатова Т.Н. Научно-техническая документация как исторический источник: (К постановке вопроса) // Тр. ВНИИДАД. М., 1976. Т. 6. Ч. 2. С. 52–60; Она же. Экспертиза ценности научно-технической документации (на примере комплекса документации по машиностроению): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 28 с. и др.
- 20 Основные положения отбора на государственное хранение кинофотодокументов: Методич. реком. / Общ. ред. Д.Д. Голованова и В.М. Жигунова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1978. 178 с.; Основные правила работы государственных архивов с кинофотодокументами / Общ. ред. В.Н. Автократова, Д.Д. Голованова и др. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1980. 164 с.; Жигунов В.М. Основные направления научных исследований и прикладных разработок ВНИИДАД по НТД и КФФВД // Советские архивы. 1980. № 1. С. 39–42; Кузин А.А. Кинофотофоноархивы: Учеб. пособие / Под ред. К.Г. Митяева. М.: МГИАИ, 1960. 264 с.; Он же. О некоторых вопросах экспертизы ценности и использования кинофотодокументов // Советские архивы. 1976. № 2. С. 40–45; Рошаль Л.М. О государственном хранении кинодокументов // Советские архивы. 1967. № 2. С. 76–80; Рудельсон К.И. Классификационная схема каталога фотодокументов // Исторический архив. 1960. № 5. С. 155–164; Магидов В.М. Историко-ведческие проблемы кинофотодокументов и экспертиза их ценности // Материалы научной конференции по проблемат комплектования документальными источниками государственных архивов СССР. М., 1976. Ч. 3. С. 662–669; Михайлов В.П. История организации кинофотодокументальных материалов в государственных архивах СССР (1917–1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 16 с.
- 21 Кузин А.А., Преображенская П.С., Филиппов Н.Г., Прокопенко А.С. Научно-технические архивы: Учеб. пособие / Под ред. К.Б. Гельмана-Виноградова. М.: МГИАИ, 1975. 328 с.
- 22 Зимин А.А. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // Тр. научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 131.
- 23 Методологические основы научного познания: Учеб. пособие / Под ред. П.В. Попова. М.: Высш. школа, 1972. С. 60–61; Мостепаненко М.В. Философия и методы научного познания. Л.: Ленгиздат, 1972. С. 56–64; Попов П., Виноградов В. Роль исходных гносеологических принципов в понимании предмета научного исследования // Некоторые проблемы методологии научного исследования. М., 1968. Ч. 2. С. 23–24 и др.
- 24 Положение о Государственном архивном фонде СССР / Утверждено Постановлением СМ СССР от 4 апреля 1980 г. № 274 // Советские архивы. 1980. № 4. С. 4.
- 25 Ваганов Ф.М. Программа дальнейшего развития архивного дела в СССР // Советские архивы. 1981. № 1. С. 10–19; Долгих Ф.И. Работу архивных учреждений страны – на уровень новых задач // Советские архивы. 1980. № 4. С. 16–25.

- 26 Хромченко Л.Г. О критериях выбора и путях разработки механизированных систем для поиска информации в государственных архивах // Анализ тенденций и прогнозирование научно-технического прогресса: Применение математич. методов и ЭВМ в исследованиях по истории науки и техники. Киев, 1967. С. 295.
- 27 Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1968. С. 240–241.
- 28 Кориюкина Р.Д. О влиянии системы научно-справочного аппарата на интенсивность использования документов в государственных архивах // Вопросы теории и методологии архивоведения: Кр. тез. докладов и сообщений к теоретич. семинару ВНИИДАД (Ноябрь 1976 г.). М., 1976. С. 115.
- 29 Елпатьевский А.В. Основные проблемы научно-информационной деятельности государственных архивов на современном этапе // Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 2. С. 313; Крестовская К.В. Место научно-справочного аппарата в системе архивного дела, проблемы его совершенствования // Материалы к Всесоюзному совещанию-семинару по проблеме "Научные основы и перспективы развития научно-справочного аппарата к документам Государственного архивного фонда СССР". М., 1976. С. 12.
- 30 Семенюк Э.П. Методологическая роль общенаучных категорий и подходов в информатике // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1975. № 2. С. 9; Он же. Общенаучные категории и подходы к познанию: филос. анализ. Львов: Вища школа. Изд. Льв. ун-та, 1978. С. 108–116.
- 31 Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М.: Мысль, 1974. С. 159–162.
- 32 Семенюк Э.П. Методологическая роль общенаучных категорий и подходов в информатике // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1975. № 2. С. 9.
- 33 Афанасьев В.Г. О системном подходе в социальном познании // Вопр. философии. 1973. № 6. С. 98–111.
- 34 Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Философские проблемы исследования систем и структур // Вопр. философии. 1970. № 5. С. 59.
- 35 Пятницын Б.Н. Развитие вероятностных и статических представлений // Вопр. философии. 1968. № 8. С. 76–77.
- 36 Семенюк Э.П. Общенаучные категории и подходы к познанию: филос. анализ. Львов: Вища школа. Изд. Льв. ун-та. С. 108–116.
- 37 Борисов Б.Н. Взаимосвязь структуры и метода в познавательной деятельности // Философские науки. 1969. № 3. С. 42–49.
- 38 Андреев И.Д. Научная теория и методы познания. М.: Знание, 1975. С. 54–61.
- 39 Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М.: Мысль, 1974. С. 7.
- 40 Там же; Ильичев Л.Ф. О соотношении философских и методологических подходов // Вопр. философии. 1976. № 4. С. 71–82; Французова Н.П. Исторический подход в научном познании: Вопросы методологии и логики историч. исследования. М., 1972. С. 44.

- 41 Добрянов В.С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания / Общ. ред. М.М. Розенталя. М.: Мысль, 1968. 318 с.; Ковальченко И.Д., Сивачев Н.В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной науке // История СССР. 1976. № 5. С. 60–92; Подкорытов Г.А. Соотношение диалектического метода с частнонаучными методами // Вопр. философии. 1962. № 6. С. 36–47; Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: теоретические и методич. проблемы. М., 1969. С. 7–58 и др.
- 42 Французова Н.П. Исторический подход в научном познании: Вопросы методологии и логики историч. исследования. М.: Мысль, 1972. С. 43–44.
- 43 Столяров В.И. Исторический метод познания в современной науке. М.: Знание, 1973. С. 24.
- 44 Митяев К.Г. Ленинский декрет 1 июня 1918 года и советское архивоведение // Советские архивы. 1968. № 3. С. 11.
- 45 Подкорытов Г.А. Историзм как метод научного познания. Л.: Изд.-во Лен. ун-та, 1967. С. 146.
- 46 Коржихина Т.П., Хорошая С.И. Розыск документальных материалов ликвидированных фондообразователей // Вопр. архивоведения. 1964. № 2. С. 53–58.
- 47 Косолапов В.В. Методология и логика исторического исследования. Киев: Вища школа, 1977. 382 с.; Орлов В.Н. Роль научного описания в историческом исследовании // Философские науки. 1966. № 1. С. 46–53; Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках / Пер. с болг. / Под ред. А.В. Гулыги. М.: Прогресс, 1967. 271 с. и др.
- 48 Ковальченко И.Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Вопр. истории. 1978. № 8. С. 72–93.
- 49 Рудельсон К.И., Шепукова Н.М., Илизаров Б.С. О перспективных направлениях архивоведения // Советские архивы. 1978. № 4. С. 32–41.
- 50 Бачило И.Л. Функции органов управления: Правовые проблемы оформления и реализации. М.: Юр. лит., 1976. 198 с.; Ямпольская Ц.А. К методологии науки управления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 12–21; Она же. Некоторые черты метода науки управления // Правоведение. 1966. № 3. С. 3–10.
- 51 Селезнев М.С., Черноморский М.Н. Вопросы создания источниковой базы по истории советского общества // Вопр. истории. 1965. № 9. С. 15–24 и др.
- 52 Автократов В.Н. Фондирование и учет документов: О двух частных теориях архивоведения // Тр. ВНИИДАД. М., 1978. Т. 7. Ч. 1. С. 8–70.
- 53 Штофф В.А. Введение в методологию научного познания: Учеб. пособие. Л.: Изд.-во Лен. ун-та, 1967. С. 4.
- 54 Подкорытов Г.А. Историзм как метод научного познания. Л.: Изд.-во. Лен. ун-та, 1967. С. 27.
- 55 Буганов В.И., Трукан В.А. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР // Вопр. истории. 1977. № 3. С. 5–6; Черепнин Л.В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет // Советские архивы. 1967. № 5. С. 131.

- 56 Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 33.
- 57 Хевроліна В.М. Марксистсько-ленінська методологія – теоретична основа радянської археографії // Український журнал. 1976. № 2. С. 71; См. также: Тр. Московского государственного историко-архивного института. М., 1975. Т. 31. Вып. 1. С. 144–145.
- 58 Митяев К.Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития // Вопр. архивоведения. 1964. № 2. С. 27–38.
- 59 Сокова А.Н. Современные системы документации в аспекте документоведения // Вопросы кибернетики: Совр. документальные системы. М., 1979. С. 3–23.
- 60 Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков / Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л.: Издво АН СССР, 1948. Ч. 1. С. 455–456.
- 61 Шепелев Л.Е. Архивные разыскания и исследования. М.: Высш. школа, 1971. 144 с.
- 62 Архив ВНИИДАД. Материалы Ученого совета. Д. 4 (12). 1969 г.
- 63 Ерошкин Н.П. Министерства России первой половины XIX века – фондообразователи ГАФ СССР: Учеб. пособие для студентов ФАД МГИАИ. М.: МГИАИ, 1980. С. 2.
- 64 О комплектовании государственных архивов материалами общественных организаций // Советские архивы. 1973. № 4. С. 36–41; Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.: Автореф. дис. ... д-р ист. наук. М., 1982. 36 с.
- 65 Литвак Б.Г., Соболева Н.А. Специальные исторические дисциплины и их значение в работе архивистов // Материалы Всесоюзной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 1. С. 84–89.
- 66 Автократов В.Н. Архивоведение в кругу других областей знания // Советские архивы. 1973. № 2. С. 39–51.
- 67 Селезнев М.С. Теория и методика советской археографии: Учеб. пособие / Под ред. С.И. Мурашова. М.: МГИАИ, 1974. С. 25.
- 68 Проблемы полевой археографии: материалы конф. / Под ред. В.А. Черных, С.О. Шмидта. М.: Археограф. комис. ИИ АН СССР, ВООПИК, 1979. 163 с.; Шмидт С.О. Некоторые итоги и перспективы развития археографии отечественной истории // Археография и источниковедение / Сев. археографический сборник. Сыктывкар, 1977. Вып. 4. С. 4–22; Он же. Советская археография и ее современные задачи // Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 1. С. 90–99.
- 69 Черных В.А. О предмете археографии и ее месте в кругу смежных дисциплин // Советские архивы. 1976. № 6. С. 46–53.
- 70 Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. / Отв. ред. Н.В. Устюгов. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во, 1960. 214 с.
- 71 Лебедева Н.И. Кодикология – наука о рукописных книгах // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 66–67.

- ⁷² Введєнський А., Дядиченко В., Стрельський В. Допоможні історичні дисципліни: короткий курс: Уч. посіб. Київ: Радянська школа, 1963. 208 с.; Зимин А.А. Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 124–132; Каменцева Е.И. История вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1979. 42 с.; Она же. Русская хронология (Справочное пособие) / Отв. ред. А.А. Зимин. М.: МГИАИ, 1960. 85 с.; Она же. Хронология. Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1967. 187 с.; Каменцева Е.И., Луцкий Е.А., Николаева А.Т. "Вспомогательные исторические дисциплины" [Рец. на кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1] // Советские архивы. 1968. № 4. С. 109–112; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика: Учеб. пособие. 2-е изд., доп. М.: Высш. школа, 1974. 264 с.; Колесников И. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // Архивное дело. 1940. № 2 (54). С. 12–28; № 3 (55). С. 32–43; Он же. Палеография документальной (архивной) письменности // Архивное дело. 1939. № 4 (52). С. 15–35; Литвак Б.Г., Соболева Н.А. Специальные исторические дисциплины и их значение в работе архивистов // Материалы Всесоюзной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 1. С. 84–89; Николаева А.Т. Русская палеография: Учеб. пособие / Отв. ред. А.А. Зимин. М.: МГИАИ, 1980. 94 с.; Пронштейн А.П. Использование вспомогательных исторических дисциплин при работе над источниками: Учеб.-методич. пособие. Ростов н/Д: Изд. Рост. ун-та, 1972. 118 с.; Он же. Истолкование исторических источников // Вопр. истории. 1969. № 10. С. 69–86; Он же. Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и исправл. Ростов н/Д.: Сев.-Кавк. научн. центр высш. школы, 1976. 479 с.; Он же. О предмете источниковедения как научной исторической дисциплины // История СССР. 1975. № 1. С. 161–173; Пронштейн А.П., Кияшко В.Я. Хронология: Учеб. пособие / Под ред. В.Л. Янина. М.: Высш. школа, 1981. 191 с.; Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. / Отв. ред. В.И. Буганов. М.: Наука, 1981. 236 с.; Черепнин Л.В. Русская палеография: Учеб. пособие. М.: Госполитиздат, 1956. 616 с.; Он же. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 8–29; Он же. Русская хронология: Учеб. пособие / Под ред. А.И. Андреева. М.: ИАИ, 1944. 94 с.; Шепелев Л.Е. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: к вопросу о их задачах и роли в историческом исследовании // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13. С. 3–22; Он же. К вопросу о методах и источниках изучения государственных учреждений России XIX – начала XX в. // Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971. С. 161–173.
- ⁷³ Варшавчик М.А. О предмете и основных принципах марксистско-ленинской методологии исторического источниковедения // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. III Всесоюзной конф. Новороссийск; М., 1979. Ч. 1. С. 14.

- ⁷⁴ Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации: К постановке вопроса // История СССР. 1982. № 3. С. 138.
- ⁷⁵ Воробьев Г.Г. Информационная теория документа: Автореф. дис. ... д-р техн. наук. М., 1979. 28 с.; Михайлов А.И., Черный А.И., Гилляревский Р.С. Основы информатики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1968. 756 с.
- ⁷⁶ Архив ВНИИДАД. Материалы отдела АСНТИ ГАФ. Д. 4 (28). 1972. Л. 11–12. Приложение: Рабочий проект: Автоматизированная система научно-технической информации по документам ГАФ СССР / Задание 03.10 "Создать и ввести в эксплуатацию АСНТИ по документам Государственного архивного фонда СССР..." / Рук. темы А.П. Курантов, гл. конструктор О.В. Голосов. М.: ВНИИДАД, 1979. Т. 1–14.
- ⁷⁷ Илизаров Б.С. К вопросу о единстве источниковедческого и информационного подходов при определении ценности документов // Тр. ВНИИДАД. М., 1976. Т. 6. Ч. 1. С. 253.
- ⁷⁸ Фарсоби́н В.В. К определению предмета источниковедения: Историографич. заметки // Источниковедение истории советского общества. М., 1968. Вып. 2. С. 443–444, 449.
- ⁷⁹ Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1966. С. 164–165.

Общая теория архивоведения

Архивоведение располагает группой понятий и принципов, тесно связанных с категорией фонда и образующих в совокупности специфические “фондовые представления”, свойственные только этой дисциплине и придающие ей концептуальное единство. В работе, опубликованной в 1973 г.¹, автор развивал теоретическую посылку о том, что исходным началом общей теории архивоведения является категория фонда. Излагая вопрос в таком духе, автор учитывал не только исключительное методико-прикладное значение, которое получила в современном архивоведении данная категория, но и то, что в теоретико-познавательном отношении проблема исходного научного понятия приобретает фундаментальный характер.

В настоящее время имеется возможность более глубокой теоретической проработки вопроса. При подготовке доклада для “Тихомировских чтений” 1978 г. автор суммировал дополнительный научный материал и пришел к выводу о том, что категория фонда и группирующееся вокруг нее теоретическое ядро архивоведения восходят к более широкому и общему для них понятию о происхождении документной ретроспективной информации². Обладая высокой организующей силой, это понятие может трактоваться как методологический ключ архивоведения и его общей теории, сообщающей им черты историзма. Это не колеблет посылки в пользу того, что именно категория фонда является исходным понятием архивоведения, поскольку “происхождение”, в силу высокой степени абстракции, присутствует в архивоведении обычно в неявном виде, и требуется специальный анализ для того, чтобы выявить его роль в теоретических и методических построениях. Наоборот, категория фонда постоянно выступает в явной форме и всегда может быть соотнесена с конкретной архивной действительностью. Именно соотнесенность с реальными факторами архивной информационной среды вызывает настоятельную необходимость изучения, в первую очередь, категории фонда.

Что заключает в себе эта категория? Объективна ли ее природа или перед нами просто инструмент методической и практической

деятельности, в который допустимо складывать то или иное содержание в соответствии с так или иначе понимаемой “пользой дела”? Если понятие фонда отражает определенную объективную реальность, то действительно возникает возможность исследовать на его основе теоретическое содержание архивоведения. Если же оно такой объективности не отражает, то понятие фонда может приобрести черты формальной функции мышления, создающей опасность встать на путь субъективных суждений. Именно в рамках этой альтернативы заложен корень существенных противоречий современного архивоведения. С нашей точки зрения, второй из названных путей, апеллирующий к нормативно введенным определениям, неправилен.

Понятие фонда сложилось в XIX в.³, когда во всех областях науки вместо рационалистических и чисто аналитических форм рассмотрения и классификации объектов исследования появились тенденции их аналитико-синтетического изучения и возросло понимание системообразующих факторов. Оно возникло в рамках некоторого “простого отношения”, констатирующего наличие необходимой и однозначной связи между сферой документообразования и архивным хранением документов и требующего сохранять в архивах исторически сложившиеся комплексы документов в том порядке, в каком они отложились в делопроизводстве учреждений. Его простота подчеркивалась тем, что решение вопроса лежало на поверхности явлений. Другое дело, что ученые-архивисты всех стран долгое время упорно отвергали его, полагая, что научная классификация заключается в распределении документов по формально-логическим схемам. Такие классификации называются коллекционными; они неизбежно влекут разрушение генетических комплексов документов.

“Простое отношение” приняло тогда же форму научного правила, названного немецкими архивистами провениенцпринципом (принципом происхождения), выразившим требование сохранить в архивах генетические общности документов в том виде, в каком они сложились в деятельности соответствующих учреждений. Тем самым провениенцпринцип запрещал раздроблять эти общности и создавать коллекции документов. Одновременно возникла необходимость в термине, обозначающем такую общность документов. Немецкие архивисты называли ее “бештанд” (сущность, устойчивость). В русскую архивоведческую литературу проникло и укрепилось французское “фонд” (сущность, основа), что не означает, однако, полной тождественности наших представлений о фонде французскому пониманию данного термина, так же как провениенцпринцип XIX в. не идентичен современной трактовке принципа происхождения.

В разных странах упомянутый принцип внедрялся в разных формах, по-разному интерпретировалось понятие фонда. Н.В. Бржостовская осветила ряд важных моментов этого вопроса, но он заслу-

живал бы самостоятельного историографического исследования. Особенно важно рассмотреть под таким углом зрения развитие отечественной архивоведческой мысли*, но ограничимся немногими замечаниями.

На русской почве “простое отношение” получило значение научной установки в 1918 г. в процессе работы группы архивистов и историков над проектом декрета о реорганизации и централизации архивного дела. “Долго и страстно, – писал один из участников архивной реформы А.С. Николаев, – дебатировался вопрос о двух принципах, которые возможно положить в основу будущего архивного строительства, – историческом (ведомственное происхождение архивных фондов) и логическом”. В результате был принят первый принцип: в основу положены “отдельные архивные фонды, органически сложившиеся в определенной исторической обстановке”, причем “твердо установился взгляд, что такой внутренне цельный и единый по своему существу архивный фонд ни в коем случае нельзя дробить”⁵. Сказанное не означает, что только в 1918 г. русские архивисты узнали, что такое “фонд”. Этот термин употреблялся в русской архивоведческой литературе на рубеже XIX–XX вв. Однако ему не соответствовал точно определенный смысл, и он не рассматривался как обязательный и необходимый.

В развитии конкретных наук обычно выделяется два основных этапа: эмпирический, характеризующийся накоплением научного материала и попытками его систематизации по искусственному или, как говорят, “несущественному” признаку, и теоретический этап, отличающийся систематизацией, сообразно внутренней связи изучаемого материала, сообразно закону (“естественная” систематизация), когда исходят из существенных свойств явлений⁶. Открытие внутренне присущей связи признается методологией науки необходимым и достаточным условием для перехода данной отрасли знания к теоретическому этапу развития. Наличие этих этапов обнаруживается и в архивоведении. Первый знаменовался торжеством искусственных классификаций (коллекционный подход), второй утвердил фондовую классификацию. Переломный момент в развитии русского архивоведения зафиксирован в том решении, к которому пришли русские ученые в 1918 г., но его предпосылки возникли раньше, а дальнейшее развитие сформулированных в общем виде положений протекало не без существенных обострений.

Приведенное выше свидетельство А.С. Николаева содержало не только определенный научный взгляд на историческое происхождение фондов и о недопущении их дробления. Оно заключало и скрытые противоречия, обнаружившиеся в ближайшие же годы. Дело в том, что оставалось неясным, что значит “исторически сложившийся”, иначе – какого рода совокупности документов следует считать

* Это частично сделано в работах Н.А. Орловой, М.Ф. Петровской, К.И. Рудельсон⁴.

архивными фондами?*

Поэтому в одних случаях фондами признавали документы целого ведомства, всех входивших в него учреждений, т. е. все, что до централизации хранилось в составе ведомственного архива (с этим как будто перекликается замечание Николаева о “ведомственном происхождении архивных фондов”). В других случаях, наоборот, фондом называли лишь часть документов какого-то учреждения. В третьих случаях фондами считали коллекции, поскольку подчас можно сказать, что они также сложились “исторически”. Сложность заключалась в том, что отсутствовало понятие фондообразователя. Поэтому не возникало существенного стимула для специального (с позиций архивоведения) изучения его истории – основного источника правильных суждений об условиях фондообразования, границах и структуре фондов.

Острые теоретические споры вокруг понятия фонда развернулись на I съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г., где обсуждались два доклада по архивной терминологии – московской и ленинградской терминологических комиссий.

Московская комиссия (Б.И. Анфилов, И.А. Голубцов, А.А. Сергеев) сформулировала определение фонда следующим образом: “Архивным фондом учреждения или лица называется совокупность архивного материала, органически отложившегося в процессе деятельности этого учреждения или лица”. Раскрывая смысл этой дефиниции (“московской формулы”), Анфилов говорил, что в ее основе лежит “производственный принцип – процесс деятельности, который, с одной стороны, образует определенные материалы, а с другой стороны, притягивает к ним другие материалы. Этот процесс деятельности и является той осью, тем основным стержнем, вокруг которого группируется архивный фонд” – официального происхождения или частного лица. Материалы фонда, говорил Анфилов, органически спаяны с процессом деятельности⁹. Несомненно, здесь схвачена и для того времени прекрасно объяснена суть фондообразования.

Ленинградская комиссия (А.И. Андреев, Г.А. Князев) признавала архивным фондом “совокупность единиц хранения архивного материала, объединенных в архиве в одно обособленное целое, под общим наименованием и обычно имеющих самостоятельную для данного собрания нумерацию”¹⁰. Ленинградские архивисты считали, что смотрят более широко, учитывая разные пути, ведущие к возникновению тех групп архивных документов, которые они называли фондами. Московское определение они называли узким и “чисто теоретическим”, не всегда соответствующим группам архивных

* В тексте декрета “О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР” термин “архивный фонд” не применялся, вероятно, потому, что содержание понятия не было достаточно разработано. Впервые в законодательных актах РСФСР этот термин (без раскрытия содержания) был назван в 1919 г. “Положением о губернских архивных фондах”⁷ и декретом “О хранении и уничтожении архивных дел”⁸.

документов, “потому что архивный материал некоторых учреждений вошел целиком или частично в состав материалов других учреждений”. Кроме того, неясным было, что такое “учреждение”. “Говорят, – возражал авторам “московской формулы” Андреев, – что архивный фонд есть отложившийся архив учреждения, тогда как само учреждение не поддается определению”. Андреев имел в виду, конечно, учреждение как самостоятельный фондообразователь, признаки которого в то время были еще неизвестны. Свое определение ленинградская комиссия считала верным, поскольку имелась в виду всякая реально существующая группа архивного материала, “обособленная в архиве по какому-либо сознательному признаку”. Это следствие “многообразия” архивного материала, пояснил Князев. Поэтому у фонда мог быть “фондообразователь” (учреждение или лицо, в результате деятельности которых образовался фонд) или “фондосоставитель”^{11*}.

Ленинградская трактовка явилась результатом многих наблюдений над реально существовавшими комплексами архивных документов. Она выражала определенный момент и в известной мере итог накопления архивного знания. Князев как бы описывал фактическое состояние вещей и стремился придать этому описанию значение научной формулировки, теоретически не противопоставляя естественно исторически сложившиеся группы документов (собственно “фонды”) группам, сложившимся в известном смысле случайно. Наоборот, “московская формула” исключала все исторически случайное. В силу своей абстрактности она выражала сущность фондообразования и обладала способностью оказывать сильнейшее влияние на последующее развитие архивоведения и научной практики архивов. Она стояла выше современных ей дефиниций западноевропейской архивистики и была принята вскоре большинством советских архивистов. Через 10 лет о ее преимуществах писал и сам Князев¹². “Московская формула” обеспечила развитие понятийного аппарата архивоведения, укрепила в нем позиции историзма. Она стала центральной логической единицей его теории, одной из тех категорий, о которых методология науки говорит, что они специализируют соответствующую отрасль знания. Несмотря на отдельные видоизменения, она сохранилась в основе до 1960-х годов, когда были приняты попытки самого существенного пересмотра понятийного аппарата архивоведения, имевшие, с нашей точки зрения, скорее внешний, нежели содержательный успех¹³. Они вызвали соответствующую реакцию¹⁴.

* Московские архивисты сначала не оценили скрытых возможностей термина “фондообразователь”. Возможно, они усмотрели в нем лишь вспомогательное звено отнимаемой ими концепции, тем более что одновременно назывался “фондосоставитель” – термин, исчезнувший после I съезда архивных деятелей. Но уже в 1930-е годы стала ясной невозможность развития архивоведения без понятия фондообразователя.

В понятии фонда – два признака, выделяющих всеобщее и существенное в отображаемых им предметах. Это признаки “совокупность документов” и “единство их происхождения”. Данные признаки – элементы понятия. Между ними существует законообразная связь. Речь идет о такой стороне деятельности аппаратов управления, как фондообразование, которое следует рассматривать в свете развития причинно-следственных отношений, как информационный момент “переноса структуры” от причины к следствию¹⁵.

“Причиной” в нашем случае является функционирование некоторого управленческого аппарата, связанное с документированием его действий, а “следствием” – образование органически целостного фонда документной информации. Но если фонд является “следствием”, то “причиной” естественно признать “фондообразователь” – парное понятие “фонду”, характеризующееся такими существенными признаками, как “документирование деятельности” и “фондовое накопление соответствующей документной информации”. Нерасторжимость понятий фондообразователя и фонда является основой теории современного архивоведения. Фондообразователи – не только “учреждения” в конкретном значении слова, но и всякие системы управления, организующие совместную деятельность людей: организации, предприятия, воинские части и т. д. Однако в условно обобщающем значении архивоведение часто употребляет термин “учреждение” как некоторого рода синоним фондообразующих систем. Фондообразователями естественно считать отдельных лиц, создающих личные фонды, семьи и группы родственных семей, образующих “семейные (фамильные) фонды” и “родовые фонды”.

В показанном свойстве отношений фондообразователя и фонда обнаруживается определенная необходимость, выражающая закономерность фондообразования. Ее формулировка уже приводилась. Она основывается на факторе происхождения с его структурообразующими свойствами, которые выражаются не только в складывании самого фонда, но и внутрисистемных, внутрифондовых структур. Фонд рождается со своей внутренней органичностью, заданной свойствами фондообразователя, а фондообразованию присущи черты естественноисторического процесса.

Информация фонда является документным отражением причинно-следственных отношений. Обнаруживая объективную и не зависящую от субъекта (архивиста, историка) связь запечатленных исторических реалий, эта информация способна служить источником наших знаний о прошлом. Методология исторической науки интерпретирует всякий исторический источник как существующую вне нас форму отражения объективного исторического прошлого¹⁶. Что же касается фонда, то он должен рассматриваться как сложный, но генетически и структурно целостный исторический источник (точнее, предисточник), особенность которого заключается в том, что он отражает прошлое сквозь призму информационных связей конкрет-

ного фондообразователя, а сами связи между запечатленными фактами и событиями даны в нем в том “готовом виде”, в котором они заложены фондообразователем. Здесь система указанных реалий выражается как “естественноисторическая данность”. Раздробление фонда нарушает связь данности, вынуждает историка выполнять дополнительную трудоемкую работу по восстановлению разрушенных документных связей, что возможно далеко не всегда.

В свете сказанного понятие о происхождении может трактоваться в смысле генетической связи документа с определенным фондообразователем. Это созвучно с тем, как понимает происхождение С.М. Каштанов, а именно как группу признаков, характеризующих конкретные условия и причины создания источника (сфера возникновения, цель)¹⁷. Есть основания полагать, что толкование навечно архивоведением.

Современный уровень развития источниковедения и архивоведения позволяет отстаивать тезис о том, что в общем случае документ не только легче отыскивается в архиве, но и глубже и точнее познается в том окружении, в котором он возник и отложился. Даже если документ дан вне фонда, исследователь все же стремится хотя бы гипотетически отнести его к конкретному фондообразователю, сопоставить с другими документами того же происхождения. Сходным, в основе, образом поступают архивисты, встречаясь с документами, отбившимися от своих фондов. Обнаруженные чужеродные включения присоединяются к тем фондам, с которыми они связаны общим происхождением (борьба за “фондовую чистоту”). Это объясняется тем, что в процессе документирования деятельности возникают информационные связи между документами, а в самом фонде складываются скрепленные этими связями структуры документов. Фактор единства происхождения, причинная связь, информационная и структурная взаимоориентированность документов фонда не гасятся течением времени. Они сохраняются на стадии архивного хранения и использования документов, и их нельзя разорвать, не понизив тем самым общего информационного потенциала данного объема документов. Вне своего фонда документы теряют долю информативности. Более того, документ, находящийся в чуждом ему окружении, может быть ошибочно принят за родственный этому окружению, что способно создать дезинформирующий эффект.

Методологическая посылка, объясняющая истоки высокой организующей силы фактора происхождения в архивоведении, восходит к известному положению о том, что всякое производство не только производит продукт, но и программирует способ потребления. Правомерно отнести его применение ко всякой другой социальной информации, сообразно факторам ее возникновения, производства, в частности к документной информации.

Это нужно понимать в том смысле, что автор (коллективный или индивидуальный) не только вкладывает в документ определенную семантику, но и организует ее, сообщает ей “программу” вос-

приятия, способ актуализации информации потребителем, которому она адресуется. Но документ, особенно в сфере управления, не создается и не откладывается в одиночку. Он – часть системы документов, выражающийся прежде всего в форме их преемственности (в простейшем виде по типу: запрос – ответ – дальнейшее развитие связи), а также в сложных формах обобщения, суммирования информации. Процесс деятельности фондообразователя не только связывает документы, но и определяет их видовой состав и содержательное наполнение, создает внутрифондовые группировки – структуру фонда, предопределяет концентрацию в фонде информации, отвечающей профилю, функциям фондообразователя. Понятно, что с нарастанием ретроспективы, с увеличением интервала между создателем и получателем информации возникают и усиливаются трудности ее актуализации. Однако историк получает значительные преимущества, если ему удастся освоить “программу”, заложенную в фонд условиями его происхождения (производства).

Обсудим вопрос информационного потенциала фонда. Это понятие вводится нами, поскольку, хотя архивисты и ощущают явно существенную неравноценность фондов (при экспертизе ценности документов, разработке поискового аппарата и др.), теоретическое обоснование принимаемых решений недостаточно. В рамках общей теории возможно рассмотреть исходные моменты этой неразработанной проблемы, начиная с вопроса: что же такое, собственно говоря, “информационный потенциал фонда” и как он складывается?

Понятие информационного потенциала фонда вырастает из названного выше положения теории информации, раскрывающего природу информации как отраженного разнообразия реальной действительности. Оно понимается как информационное разнообразие фонда (богатство), находящееся в прямой зависимости от роли фондообразователя в системе общественного управления, от его места на иерархической лестнице управления.

Безусловно, эта посылка допускает много отклонений. Например, иногда учреждениям высокого ранга задается узкий профиль деятельности; их документы способны стать важным источником, но преимущественно для тематически ограниченной проблематики. Тем не менее подобные соображения не могут поколебать справедливости постановки вопроса в общем виде. В самом деле, чем выше “ранг” фондообразователя, тем большее количество функций он выполняет и тем шире его компетенция. Отсюда – возрастание количества получаемой, перерабатываемой и создаваемой им документной информации, откладываемой в фонде. Иначе говоря, чем более информировано учреждение, тем шире диапазон исторических реалий, отражаемых фондом. Было бы ошибкой информационное богатство фонда непосредственно выводить из числа функций фондообразователя и объема накопленных документов.

Можно предположить, что информационный потенциал является результатом взаимодействий данного фондообразователя с други-

ми учреждениями и между его собственными подсистемами. Высокая насыщенность процесса управления такими связями, слияния потоков информации повышает информационный потенциал фонда. Наоборот, ограничение информационных связей, узость фронта информационного процесса снижает богатство и разнообразие фонда*. Этот взгляд нашел поддержку и развитие в работах по системному анализу документов ГАФ¹⁹.

Другая сторона вопроса в том, что информационный потенциал фонда, по-видимому, всегда больше суммы информации документов, составляющих данный фонд. Это следует из основополагающей идеи теории систем о несводимости целого к составляющим его компонентам: “целое всегда больше суммы своих частей”²⁰. Несводимость целого к его частям справедлива по отношению к объектам, характеризующимся свойствами органической целостности. Она не распространяется поэтому на коллекции документов, являющиеся объединениями фрагментов раздробленных фондов. Информационный потенциал коллекции не может быть выше суммы своих частей.

В свете сказанного о фонде, факторе происхождения, потенциале фонда и закономерности фондообразования можно заключить, что учет требований, вытекающих из этой закономерности, является, в конечном счете, важнейшим условием эффективного функционирования архивной информационной среды. Но из сказанного следует еще один вывод: информационные возможности фонда повышаются с развитием средств поиска. Это вторичный потенциал, зависящий от имманентно присущей фонду степени его информационного богатства, но непосредственно – от того, насколько репрезентативно оно отражается архивными справочниками.

Фактор происхождения и понятие о нем в иностранной архивоведческой литературе часто называются провениенцией (от латинского *provenio* – рождаться, возникать, происходить). “Провениенция”, отражающая естественноисторическую природу фондообразования, реализуется прежде всего в принципе происхождения (провениенципринципе), а также принципе недробимости фонда. Теоретическое содержание принципа происхождения раскрывается в утверждении, что архивный фонд должен соответствовать своему фондообразователю и, следовательно, четко отграничен от документов любого другого фонда. Благодаря этому принцип происхождения становится научным основанием классификации документов по исторически сложившимся фондам. Всякая научная классификация – не только способ упорядочения изучаемых объектов, но и способ “нахождения порядка”, заложенного природой вещей в изучае-

* А.В. Елпатьевский говорит об “информационной значимости” фондов: “количество и объем содержащейся в фонде информации... прямо пропорциональны количеству разнохарактерных вопросов, которые могут быть поставлены к материалам фондов с достаточным для этого основанием, т. е. с потенциальным получением ответа”¹⁸.

мые объекты. Принцип происхождения открыл указанный порядок – естественноисторическую природу фондообразования и требует придерживаться соответствующей классификации архивных документов.

Второе утверждение принципа происхождения, вытекающее из первого, – признание приоритета исторической внутрифондовой структуры, которая в наибольшей степени соответствует исторической взаимоориентированности документов фонда, перед всякого рода последующими группировками фонда (искусственными или стихийно сложившимися в процессе длительного хранения фонда). Теоретическое следствие данного утверждения формулируется как структурный принцип внутрифондовой систематизации документов. Однако современная трактовка этой стороны принципа происхождения не имеет в виду жесткого копирования исходных структур. Она допускает известную свободу действий архивиста – до того момента, пока новая структура сохраняет качество “информационной непротиворечивости” исходной структуре.

Несмотря на то, что архивоведение в повседневном обиходе не пользуется понятием “информационной непротиворечивости”, в скрытом виде оно присутствует в нем. Вопрос о пределах непротиворечивости решается с помощью известных “признаков систематизации дел” (структурно-хронологического, хронологически-структурного и др.). Общая теория им не занимается. Однако выяснение содержания понятия об информационной непротиворечивости – задача общей теории. В первом приближении информационную непротиворечивость новой структуры фонда исходной структуре можно определить следующим образом. Это архивоведческая абстракция, отражающая такое измененное состояние структуры фонда, при котором генетические связи между документами, их информационная взаимоориентированность продолжают сохраняться в рамках данного фонда. Разрушать линии таких связей нельзя. Их можно, образно говоря, выпрямить, уплотнить – в пределах требований информационной непротиворечивости.

Рассматривая принцип происхождения, необходимо учитывать еще одно обстоятельство. Мы говорили, что этот принцип утверждает приоритет исходной фондовой структуры, т. е. структуры документационного процесса. Но не всегда структура процесса соответствует формам, которые сложились уже после его завершения – в канцелярии или “регистратуре”. Здесь органическая структура документов может быть существенно деформирована – намеренно или случайно. Важно заметить, что история провениеицентрицизма началась с требования сохранять и даже реставрировать ту и только ту форму, которая сложилась в регистратуре. Ее возможному несовпадению с реальностью документационного процесса значения не придавалось. В этом выражался протест против теоретически господствовавшего прежде коллекционного подхода, доведенный порой до крайности. Большое значение имела критика данной установки в

отечественной литературе 1930-х годов²¹, содержащая требование сломать в целях лучшего использования документов внутреннюю организацию фонда, если она сочтена неправильной и искажающей действительные связи между документами, однако не разрушая его единства.

Критика провениенцпринципа породила устойчивое недоверие к нему. Он был объявлен идеалистическим и порождением буржуазной собственности на архивы, призванным защищать данную собственность. Считалось доказанным, что указанный принцип полностью развенчан и навсегда оставлен за бортом теоретического арсенала архивоведения. Но это не совсем так. Критиковался в нашей литературе не принцип происхождения как таковой, а одна из его форм, которую немецкая литература называет “явным регистратурпринципом”²². Следует подчеркнуть, что авторы, критиковавшие под видом провениенцпринципа регистратурпринцип, в первую очередь имели в виду его схоластическую голландскую интерпретацию конца XIX в., лучше всего известную у нас по ее изложению в статье И.А. Голубцова, опубликованной в 1925 г.²³

Именно регистратурпринципу справедливо отнести все основные грехи, приписываемые некоторыми авторами принципу происхождения в целом. Отвернувшись от него, они не заметили, что на родине принципа происхождения уже длительное время имело место осторожное его переосмысление. В 1950-е годы немецкими учеными был сформулирован “свободный провениенцпринцип”, а затем возникла содержательная дискуссия по этому вопросу, продолженная в течение следующего десятилетия²⁴. Справедливым явилось замечание Б. Брахмана по поводу характеристики провениенцпринципа в учебнике 1966 г.²⁵ Эта характеристика, писал Брахман, “не учитывает современного уровня литературы... Выдвинутое в учебнике утверждение, переносящее на положения провениенцпринципа требование безусловного сохранения в архиве канцелярского порядка документов, даже в тех случаях, когда этот порядок ошибочен, на самом деле не присуще провениенцпринципу. Более того, даже так называемый строгий регистратурпринцип (который здесь отождествляется с провениенцпринципом) уже давно предусматривает в качестве одного из возможных методов внутренней систематизации исправление неправильно сформированных дел”²⁶.

Заметим, что, несмотря на декларативные осуждения, в научной архивной практике принцип происхождения действовал постоянно, никогда не исчезая из мышления архивистов. Права Л.И. Солодовникова, отметившая, что, отвергая этот принцип, считая его чуждым, наши архивисты “по существу ничего нового не дали и постоянно возвращались к тому же провениенцпринципу”. И далее: “До сих пор наши схемы систематизации представляют из себя комбинации из требований провениенцпринципа и принципа уважения к фонду”. Солодовникова усматривала в таких схемах “яркий пример отрыва теории от практики: развенчивая провениенцпринцип в тео-

рии, советские архивисты на практике придерживаются именно его”²⁷. Но ни к чему другому нельзя было прийти, поскольку этот принцип постулирован самой естественноисторической природой фондообразования. Материалы Брюссельского конгресса архивов (1964 г.) показали, что научное обоснование принципа происхождения в предшествующее десятилетие достигло нового развития²⁸.

В рамках принципа происхождения архивоведение стремится сохранить информационные связи фонда и тем поддерживает его информационный потенциал. На этом основана связь принципа с его логическим продолжением – принципом недробимости фонда. Фонд нельзя расчленять, нельзя перемешивать его отдельные части с документами других фондов. Наоборот, требуется разыскивать и соединять разрозненные части фонда, согласно их происхождению. Если организующее содержание принципа недробимости заключается в сосредоточении документов фонда в пределах одного архива, то теоретическое – в защите целостности фонда и его информационного потенциала. Таким образом, конечная цель принципа недробимости совпадает с ориентацией принципа происхождения. Но для достижения желаемого результата необходимо оперировать еще одним понятием, которое мы называем “фондовой чистотой”. Фондовая чистота – отсутствие в фонде чужеродных включений. Очищение фонда от документов другого происхождения составляет предмет постоянной заботы работников многих архивов. Это явилось причиной возникновения широко употребляемых терминов “расфондирование” и “прифондирование”, выражающих практическое существо таких работ. Борьба за фондовую чистоту поддерживает генетическую однородность фонда: фонд освобождается от случайных включений, которые “прифондируются” к тем фондам, с которыми они исторически связаны. Следовательно, фондовая чистота – понятие, вытекающее из принципов происхождения и недробимости фонда и восполняющее их.

В первые послереволюционные годы С.К. Богоявленский отмечал, что если архивный фонд сохранился частично и представлен второстепенными материалами, то они, за отсутствием главных, приобретают самостоятельное значение, а “не подсобное, как в фондах, сохранившихся целиком”²⁹. Это было подтверждено впоследствии К.Г. Митяевым³⁰ и породило понятие “след фонда”, обозначающее крайнюю степень неполноты фонда, наличие лишь фрагментарных остатков и требующее “не уничтожать последние следы деятельности фондообразователя”. Такое требование много лет абсолютизировалось, невзирая на конкретный характер документов, что в известной мере дискредитировало его³¹. Между тем понятие “следа фонда” должно рассматриваться как посылка к рассуждению, имеющая в виду всякий раз самостоятельные решения*.

* Наиболее явные случаи, требующие сохранять фрагментарные остатки, – это “следы” древних фондов. Но по своей природе “след фонда” – не хронологическое понятие.

В науке всякое понятие и всякий принцип глубже постигаются через свои противоположности. Понятие фонда имеет антитезу – понятие архивной коллекции, обозначающее совокупность документов разнородного происхождения, подобранных обычно по какому-либо признаку: тематическому, номинальному (видовому), авторскому, хронологическому и др. Документы коллекции не связаны общим процессом фондообразования. У нее та “программа”, какая разработана ее создателем. Отсюда возникают трудности архивного описания документов, изолированных от породившей их среды, усложняются их систематизация, поиск и учет. Почти всякая архивная работа с фондом существенно легче, чем с коллекцией. Главное же, чем объясняется отрицательное отношение современного архивоведения к коллекциям, то, что информационный потенциал коллекции принципиально ниже потенциала фонда. Подчеркивая это, мы, конечно, знаем, что абсолютная информационная величина коллекций может быть очень высокой, поскольку многие из них формировались путем выбора наиболее ценных документов разных фондов.

Несмотря на то что “коллекция” выпадает из собственно фондовых научных представлений, понятие коллекции не должно быть исключено из предмета общей теории, поскольку противоречие фондового и коллекционного подходов является одним из тех, которые составили существо развития архивоведческой мысли, и выяснение структуры понятия коллекции позволяет лучше представить теоретическую ценность понятия фонда. Нужно учитывать также и другое противоречие: в отдельных случаях архивоведение и теперь считает правомерным образовывать коллекции – из остатков близких по характеру фондов, из книг нотариальных записей определенного региона, из рукописей, происхождение которых установить невозможно, и т. п. Это требует научного обобщения. Естественно, возникает вопрос, в каких случаях целесообразно “расфондирование” (растасование по соответствующим фондам) существующих в архивах коллекций? Подобная практика имеет место, но научного обоснования нет.

Соответственно антитезе “фонд–коллекция” существует противоположность принципу происхождения, или, как его называют зарубежное архивоведение³², – пертиненцпринцип (от латинского *pertineo* – касаться, иметь отношение, принадлежать, способствовать, служить). В переводе он звучит как принцип принадлежности, что не вполне раскрывает его сущность. Ему больше отвечает употребляющийся в нашей литературе термин “логический принцип” (классификации документов), хотя применение последнего связано с возникновением нежелательных ассоциаций с двумя основными способами научного познания – логическим (или теоретическим) и историческим, где логическое не противоположно историческому, а представляет его в сжатом виде.

В понятии пертиненции заключен признак “логической принадлежности” или “причастности”. Прежде всего мы имеем дело с по-

сылкой к образованию коллекций. В современных условиях, когда коллекции в архивах создаются редко, пертиненцпринцип, скорее, служит мотивом сохранения сложившихся коллекций, поскольку они существуют в данном виде уже давно, вошли в научный оборот и составляющие их документы традиционно считаются “принадлежащими” им. В завуалированном виде пертиненция как “причастность” может быть обнаружена в действующих правилах и инструкциях по формированию личных фондов. В такие фонды, вопреки строгому смыслу понятия происхождения, допускается включение документов, не связанных непосредственно с личной деятельностью фондообразователя, но причастных к ней: воспоминаний о фондообразователе, документов об увековечении его памяти и т. п. Подчас такой подход импонирует исследователям, особенно изучающим биографии конкретных лиц. Но С.С. Дмитриев возражает против включения посмертных материалов: это не архивный, с его точки зрения, а музейный подход, не обеспечивающий “надлежащего сохранения для будущих исследователей личных архивных фондов в том виде, в каком они сложились к концу жизни и деятельности лиц, так или иначе вошедших в историю”³³. Этот протест имеет определенное архивоведческое содержание. Отличия фондов личного происхождения существенны, отчего архивисты ряда стран нередко избегают называть их “фондами”, предпочитая термин “архивное наследие”.

Роль принципа происхождения выражается прежде всего в реализации классификационной функции, в теоретическом обеспечении вопросов фондирования вследствие того, что используется историко-учрежденческий анализ (или генеалогический – применительно к фондам личного происхождения), без которого сам принцип оказался бы только отвлекающей посылкой.

Понятие о происхождении шире принципа происхождения. Оно реализуется не только в самом принципе, но и в таких задачах, как построение сети и профилирование государственных архивов, в архивном описании и поиске. Ему свойственна аксиологическая функция, позволяющая сравнивать фонды по степени их информативности. Сам характер интерпретации (“способ потребления”) источникового материала потребителем также связан с фактором происхождения документов.

Мы обрисовали содержание основных понятий и принципов, которым можно придать значение ядра общей теории. В центре – категории архивоведения “фонд” и “фондообразователь”, восходящие к понятию о происхождении и связанные закономерностью фондообразования, принципы происхождения и недробимости фонда. К ним непосредственно примыкают понятия информационной непротиворечивости, фондовой чистоты и “следа фонда”. Но общая теория – далеко не все архивоведение, не весь его концептуальный аппарат. Важно то, что все основные понятия и принципы частных архивоведческих теорий получают теоретический смысл и практи-

ческое значение, только будучи сопоставлены с установками общей теории.

Разрешая противоречие между понятием фонда, опирающимся на принцип происхождения, с одной стороны, и понятием коллекции с его принципом принадлежности – с другой, архивоведение в своем историческом развитии пришло к тому, что некогда господствовавшая в сознании ученых-архивистов “пертиненция” резко сократила сферу применения. Науке известен “принцип соответствия” (или “корреспонденции”), согласно которому прежние теоретические положения, в той мере, в какой они достоверно отражают изучаемую реальность, включаются в новое научное знание в качестве его частного случая. С подобным явлением мы встретились на рассмотренном архивоведческом материале. Пертиненция полностью не исчезла. Она налицо в сохранившихся старых коллекциях и защищает их неприкосновенность, применяется при создании (как отмечалось, сравнительно редко) новых коллекций, при формировании личных фондов.

Если современное архивоведение представляет собой систему развитого научного знания, то этим оно обязано в первую очередь понятию о происхождении, действующему через категории фонда и фондообразователя и с помощью двух неоднократно называвшихся принципов. Эти категории и принципы всегда могут быть наглядно сопоставлены с конкретной реальной действительностью сферы документообразования и архивной информационно-среды. Понятие о происхождении – абстракция более высокого уровня; оно присутствует в архивоведческих построениях в неявном виде. Его еще нужно разглядеть. Поэтому вопрос о его роли отечественная архивоведческая литература до 80-х годов не поднимала. Она не поднимала его также потому, что существовало устойчивое негативное отношение к принципу происхождения.

В развитии послереволюционного отечественного архивоведения имели место и существенные изменения теоретической ориентации, связанные именно с основными его постулатами. Питательной средой попыток переориентации явился кризис, охвативший к концу 1950-х годов проблематику комплектования и экспертизы ценности документов. Обозначим суть вопроса. Долгое время архивисты как бы не замечали различия информационных потенциалов фондов, руководствуясь презумпцией “равенства фондов на стеллажной полке”, согласно которой фонды всех учреждений должны быть представлены в государственных архивах. В конце концов система комплектования, не сочлененная с жестким отбором фондов, сработала против себя: архивы оказались заполненными малоинформативными фондами. Решение, упорядочившее комплектование, было простым. В государственные архивы стали принимать только ту часть новых документов, которая относится к наиболее ценным фондам. Стремление подчеркнуть именно ценностное качество фондов, хранящихся в государственных архивах, вызвало дефиницию

1962 г.: архивный фонд – “совокупность документов учреждения, организации, предприятия (или их организационно обособленной структурной части), а также отдельного лица, имеющих научную или другую государственную ценность, всесторонне освещающих деятельность этого учреждения или лица и хранящихся в государственном архиве”³⁴.

Как видим, из “московской формулы” изъят “процесс деятельности”, о котором говорил Б.И. Анфилов; поэтому, с одной стороны, совокупность документов могла пониматься и не как сложившаяся в условиях общего фондообразования. С другой стороны, были выдвинуты условия, чтобы фонд всесторонне освещал деятельность и хранился в государственном архиве. Но далеко не все фонды всесторонне освещают деятельность своих создателей и не все они хранятся в государственных архивах. Нужно было найти выход из возникшей неясности: если архивные фонды – это только хранящиеся в государственных архивах, то что же представляют собой находящиеся в ведомственных архивах? Поэтому появилась терминологическая новация. На базе единого понятия фонда возникло два.

С одной стороны, выделен “документальный фонд”, образующийся в деятельности всех учреждений, а с другой – “архивный фонд”, хранящийся в государственном архиве. (Как именовать в таком случае фонды, находящиеся в рукописных отделах музеев и библиотек, вопрос не поднимался.) Не все документальные фонды переходили в разряд “архивных”*. Часть из них отсекалась.

Внимательное рассмотрение показывает, что эта терминология не изменила содержания категории фонда как генетически связанной совокупности документов, образовавшейся в деятельности определенного фондообразователя. Она отразила два состояния и этапа в истории фондов: до поступления на государственное хранение (когда документы не отделены от породившей их сферы) и после поступления, когда они отделились от управления, прошли экспертизу ценности и т. д. Это чисто прикладные понятия. Их следовало бы связать с предшествующим развитием фондовых представлений. Но получилось иначе.

Осознав, что презумпция “равенства фондов” и вытекающие из нее установки себя дезавуировали, многие архивисты как-то не учитывали того, что борьба с малоинформативными фондами была выиграна главным образом благодаря установлению круга учреждений, от которых документы в государственные архивы перестали приниматься. Однако критическое отношение к прежнему порядку комплектования вышло за пределы осуждения не оправдавших себя представлений. Появились высказывания, что сами основополагающие установки архивоведения сковывают творческие возмож-

* Термин “документальный фонд” в противопоставлении “архивному” неудачен: “документальный фонд” все же хранится в архиве учреждения, а “архивный фонд” состоит из документов.

ности архивистов и по существу догматичны. При этом не всегда учитывалось, что творческая активность может успешно развиваться только на основе правильного понимания закономерностей, объективно присущих предмету исследования.

В 1960-х годах снова прозвучала критика принципа происхождения³⁵, понятие “следа фонда” было названо архивоведческим фетишизмом, отвергался (признанный бессодержательным) принцип недробимости фонда.

Аргументация против принципа недробимости небезынтересна.

Архивисты постоянно наблюдают фонды в разрозненном состоянии. Одни части фондов уже поступили на государственное хранение, другие не поступили и хранятся в архивах учреждений, третьи еще не вышли из стадии делопроизводства и находятся в виде отдельных документов и дел в подразделениях и канцеляриях этих учреждений. Отсюда следовало заключение: фонд практически постоянно дробим, а принцип недробимости не соответствует реальности и, следовательно, “самоуничтожается”³⁶.

Это заключение уязвимо. В нем упущено главное: принцип недробимости призван способствовать преодолению разделенности документов общего фондового происхождения, побуждает архивистов соединять расчлененные части фондов – не только в показанном случае, но и хранящиеся в разных архивах или в одном, но все же раздельно. Если же осуществить это практически невозможно или по каким-либо соображениям нецелесообразно, то теоретическое значение принципа недробимости проявляется в том, что он заставляет видеть в расчлененных (хранящихся раздельно) частях фонда части целого, что важно во многих отношениях. Только с точки зрения установок архивного учета указанные части выступают как отдельные фонды.

Наиболее настойчивым было стремление ослабить роль категории фонда. Поскольку “московская формула” исходила из органической закономерности фондообразования и накладывала обязательные ограничения – не дробить и не смешивать фонды, – то это стало восприниматься как обрекающее архивистов на пассивно-созерцательное отношение к фонду. Поэтому и сам процесс складывания фондов в сфере управления потребовалось представить не как естественноисторический, а в другом свете. Некоторые архивисты называли его однозначно “механическим”³⁷.

Архивный фонд не просто обрабатывается в государственном архиве, а создается, в смысле “созидается”, им – вот основная мысль, руководившая поисками новых дефиниций. Более того, государственный архив из поступающих в его распоряжение документов волен, писалось в одной работе, создать либо фонды, относящиеся к конкретным учреждениям, либо коллекции. Все зависит от того, как с точки зрения архивиста будущему исследователю более удобно использовать документы. Но поскольку задачи и характер использования документов меняются во времени, архивист вправе

впоследствии раздробить созданный фонд, если это с его новой точки зрения будет удобно для достижения новых задач. “В результате подобного решения вопроса представление о фонде как объективной реальности, возникающей вне архива, становится неприемлемым”³⁸.

В такой трактовке категория фонда перестала отражать объективность процесса фондообразования, лишалась свойства быть фундаментальным понятием архивоведения. Широкой поддержки она не получила. В устной полемике и на страницах научной печати прозвучала серьезная критика “бесконтрольного и субъективистского подхода” к столь важному вопросу, как определение понятия архивного фонда и недробимости фонда³⁹. Результатом был отказ от первоначально задуманного определения архивного фонда как любой совокупности документов, создаваемой в государственном архиве⁴⁰, возвращение к “московской формуле”, но в “утяжеленном виде”: архивный фонд – это комплекс документов “государственного, политического, научного, народнохозяйственного или культурного значения, образовавшийся в результате деятельности определенного учреждения (организации, предприятия) или лица и имеющих между собой исторические связи”⁴¹. “Московская формула” полностью отвечала принципу простоты, требующему при объяснении изучаемых явлений принимать возможно меньше допущений. Здесь мы этого не видим, хотя все же в словаре 1968 г. не утверждалось, что архивный фонд создается в государственном архиве.

Поскольку достаточного анализа проблемы сделано не было, поиски дефиниций осуществлялись вне общетеоретической концепции, и эта уступка не внесла ясности в важные вопросы: каково с новых позиций соотношение принципа недробимости (его восстановили в правах) с фактором происхождения? как связаны понятия фондообразователя и архивного фонда? Появившееся разъяснение, что «термин “фондообразователь” относится теперь в первую очередь к понятию документальный фонд, а не архивный фонд»⁴², вроде бы оставляло вопрос открытым, а по существу закрепляло отрыв понятия архивного фонда от фактора его происхождения. Кроме того, словарь 1968 г. давал параллельное определение, толковавшее фонд как классификационное “обобщающее наименование” для обозначения обособленных комплексов документов, связанных исторически или логически⁴³. Это второе определение стало основанием нормативной, введенной в 1970 г. дефиниции, нивелирующей различие понятий фонда и коллекции: архивный фонд – “обособленный комплекс документов, подлежащих государственному хранению, имеющих исторические или логические связи”⁴⁴. “Логическое”, в архивоведческих классификациях – противоположность “исторического”, оказалось приравненным “историческому”, в чем сказалось стремление уравновесить баланс “исторического” и “логического” (“происхождения” и “принадлежности”). Дефиниция, построенная на примирении позиций, позволяет присоединиться к одной или к другой, не запрещая ни ту, ни другую.

Попытка преодолеть теоретическую неопределенность предпринята в проекте международного словаря архивной терминологии путем внесения родовидовых отношений в систему фондовых понятий. В 1977 г. были выделены родовое понятие “архивный фонд” и видовые понятия: архивный фонд организации, архивный фонд личного происхождения, комплекс НТД, архивная коллекция*. Определение родового понятия (в основу положена идея дефиниции терминологического ГОСТа 1970 г.) получилось сложным: “архивный фонд – учетная и классификационная единица ГАФ, представляющая собой документальный фонд или его часть, принятые на государственное хранение, либо сформированную в архиве или традиционно находящуюся в нем обособленную совокупность документов, исторически и/или логически связанных между собой”⁴⁶. Формулировка исходит из двух допущений: 1) архивный фонд – исторически сложившаяся совокупность документов (организации или лица), но может быть сформирован в архиве (по-видимому, имеется в виду объединение документов разнородного происхождения); архивным фондом считается также всякая совокупность документов, издавна находящихся в архиве в обособленном виде (в этом случае вопрос о характере складывания такой совокупности выводится за пределы определения); 2) документы фонда имеют либо одновременно и исторические, и логические (иначе говоря, искусственные) связи, либо только исторические, либо, наконец, только логические. В варианте 1979 г. формулировка изменена, хотя смысл остается прежним: “Архивный фонд – документальный фонд или его часть, принятый на государственное хранение, либо сформированная в архиве обособленная совокупность документов, исторически и/или логически связанных между собой (является учетной и классификационной единицей ГАФ)”⁴⁷.

Стремясь снять противоречия понятий происхождения и принадлежности, эти дефиниции не избежали нарушения принципа простоты (бережливости допущений), и с их содержанием как-то не согласуется реабилитация (ее следует приветствовать) принципа происхождения, о котором сказано, что он требует при отнесении документов к архивному фонду учитывать наличие генетической связи документов с фондообразователем⁴⁸. Но такое требование неприменимо к коллекциям. Это колеблет концепцию родового понятия, ибо в данном случае под “архивным фондом” подразумевается не обобщающее понятие, охватывающее и коллекции, а архивный фонд в его собственном понимании, исключающем коллекции.

Заметим, что оба варианта дефиниции (1977 и 1979 гг.) характеризуют архивный фонд в первую очередь как учетную, а затем уже классификационную единицу. Такой подход имеет, видимо, особый смысл. Если фонд прежде всего учетная единица, то не столь суще-

* В проекте этого словаря родовидовые отношения не подчеркиваются, но они четко показаны в работе К.И. Рудельсон⁴⁵. В зачатке родовидовые отношения намечены разработками 1960-х годов.

ственна его теоретическая природа. Важнее, что “обособленная совокупность документов” учитывается как фонд. Таким образом, в основу родовидовых отношений положен такой признак фондов и коллекций, как их способность выступать в качестве единиц архивного учета. Но этот признак не основной, не природный, а, так сказать, “приписанный” к понятиям фонда и коллекции. Считать родственными эти теоретически несовместимые отталкивающиеся понятия нельзя. Однако идея построения родовидовых отношений заслуживает поддержки. С нашей точки зрения, видовыми по отношению к понятию архивного фонда (в его строгом понимании) являются понятия архивного фонда управленческого, или условно “делопроизводственного” происхождения и архивного фонда личного происхождения, включающие ряд подвидов. Другое родовое понятие – архивная коллекция, виды которой различаются многими признаками: видовым составом, тематикой и т. п.* Открывается возможность построения двух непересекающихся родовидовых систем, что предпочтительно, поскольку исключает сосуществование в рамках родовых понятий теоретически несовместимых начал. Методологическая природа архивоведения, его историзм противятся попыткам примирить (соединить) теоретически непримиримое. В этих попытках есть нечто схожее с трактовкой понятия фонда ленинградскими архивистами 1920-х годов.

* * *

Никакая научная теория не является описанием существующей практики. Тем не менее, надо учитывать, что само разнообразие реально существующих в архивах фондов, коллекций и других обособленных совокупностей документов создает предпосылки возникновения недостаточно определенных формулировок. Критические замечания в адрес попыток пересмотреть содержание классических постулатов архивоведения не означают возврата научной мысли к уже пройденным этапам его развития. Речь идет о том, что углубление содержания и расширение понятийного аппарата архивоведения содержательно лишь на базе этих постулатов в свете успехов современной науки.

Продолжением общей теории можно считать проблему архивной классификации. Но и все другие разделы архивоведения – развитие общей теории. Ближко к ней архивоведческое терминоведение**, до стигшее заметных успехов. Но поскольку архивоведческое терминоведение охватывает значительно более широкий круг смысловых

* Этот вопрос выливается в задачу разработки типологии фондов и коллекций.

** Терминология каждой научной области – “не просто список терминов, а семиологическое выражение определенной системы понятий”⁴⁹. Иными словами, системность терминологии отражает системность понятийного аппарата. Поэтому терминология конкретной науки трактуется как ее терминосистема, являющаяся, наряду с дефинициями понятий, необходимой частью теории. Это относится и к архивоведческой терминологии. Закрепляя влияние теории на методику и прак-

единиц, нежели тот, что рассматривается общей теорией, включать терминоведение в ее состав было бы неправильным.

Несколько слов о проблеме архивной классификации. Полнее всего она разработана К.Г. Митяевым, К.И. Рудельсон и Н.А. Орловой. Кратко обрисуем их взгляды. Митяев развивал ставший традиционным в отечественном архивоведении взгляд на архивную классификацию: классификация – это распределение и соответственно группировка документов по нисходящей линии: в пределах Государственного архивного фонда (распределение документов по государственным архивам), по фондам, в пределах фондов⁵². Все это просто укладывается в рамки того, что мы называем функцией упорядочения. Орлова (как и некоторые другие авторы), говоря о проблеме классификации, наибольшее внимание уделяет группировке документов по фондам⁵³. Заметим, что Орлова и Митяев не считают задачей классификации логическую группировку сведений, содержащихся в архивных документах, т. е. вопросы, в основном связанные с каталогизацией содержания документов. Для них классификация документов и классификация информации – разные вопросы.

Рудельсон рассматривает классификацию как метод, во-первых, научной организации документов, “с помощью которого создаются однородные по многим признакам комплексы документальных материалов, образующих сеть государственных архивов нашей страны, а также комплексы в пределах архивов”. (Это то, чем ограничивал рамки классификации Митяев.) Во-вторых, классификация у Рудельсон – “метод научной организации сведений из документов”. Данные сведения “образуют однородные по многим признакам классы, разделы, рубрики классификационных схем” по проблемам, отраслям знаний и практики. Они “могут быть найдены по каталогам независимо от того, в каком фонде или архиве хранятся документальные материалы”. То и другое в данной концепции – две стороны одного процесса, служащие общей цели – “извлечению и использованию информации”⁵⁴. Этот подход, развивающийся и в других работах Рудельсон⁵⁵, лучше всего оправдывается в свете задач построения научно-справочного аппарата и архивного поиска, в том числе автоматизированного*. Предпочтительность выбора зависит от того, какую цель мы ставим, обращаясь к вопросам классификации. Если это задача теоретического обеспечения функции упорядочения, нам относительно безразличны вопросы логики и

тику архивного дела, она одновременно отражает связи архивоведения с другими дисциплинами. Возникло архивоведческое терминоведение (название предложено Э.И. Ханпирой) – “раздел архивоведения, изучающий архивную терминологию с целью ее кодификации (описания) и нормализации”⁵⁰. Одновременно оно – и часть общего терминоведения, занимающегося вопросами языковой природы терминов и терминосистемы науки в целом. См. также⁵¹.

* Л.Г. Сырченко также подчеркивает тесную связь классификации документов и классификации сведений об их содержании. Вместе с тем она отмечает различие объектов классификации в названных случаях⁵⁶.

практики каталогизации документов, установления семантических связей между ними, но чрезвычайно важны вопросы группировки самих документов, т. е. мы, естественно, склоняемся в пользу взглядов Митяева и Орловой. Однако если внимание приковано к функциям поиска и организации использования информации, положение меняется: важно видеть проблему, как ее показывает Рудельсон (классификация в обоих видах).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Автократов В.Н. Общая теория архивоведения // Вопр. истории. 1973. № 8. С. 52–72.
- ² Автократов В.Н. Понятие о происхождении в архивоведении // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 142–149.
- ³ [Бржостовская Н.В.] Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней: Арх. дело с древнейших времен до 1917 г. [авторы-сост. Н.В. Бржостовская, Б.С. Илизаров; науч. ред. К.И. Рудельсон] // Тр. ВНИИДАД. М., 1979. Т. 8. Ч. 2. С. 48.
- ⁴ Орлова Н.А. Классификация документальных материалов в советском архивоведении: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1976. 28 с.; Петровская М.Ф. Определение понятия архивного фонда и его границ в советском архивоведении и образование объединенных архивных фондов // Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 310–317; Рудельсон К.И. Советская историография по вопросам классификации архивных документов // Советские архивы. 1972. № 1. С. 52–62.
- ⁵ Николаев А.С. Главное управление архивным делом (апр.–окт. 1918 г.) // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 3–4.
- ⁶ Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования: Процесс развития и проблемы его науч. воспроизведения. М.: Высш. школа, 1961. С. 14; Кобзарь В.И. О соотношении уровней научного исследования и научного познания // Вопросы философии и социологии. Л., 1970. Вып. 2. С. 190.
- ⁷ Положение о губернских архивных фондах 3 марта 1919 г. // Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 541–543.
- ⁸ Декрет СНК РСФСР "О хранении и уничтожении архивных дел", 22 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 87–88.
- ⁹ Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР, 14–19 марта 1925 г. / Под ред. Н.Ф. Бельчикова, В.В. Максакова. М.; Л.: Центральн. архив РСФСР, Госиздат, 1926. С. 253.
- ¹⁰ Там же. С. 254.
- ¹¹ Там же. С. 254, 256, 257, 261 и др.
- ¹² Князев Г.А. Теория и техника архивного дела: Опыт систематич. руководства. Л.: ЛОЦИА, 1935. С. 15.
- ¹³ Материалы для архивного словаря. М.: Главархив СССР, 1963. Вып. 1. 22,5 с.; Солодовникова Л.И., Цаплин В.В. Недробимость архивного фонда и некоторые вопросы фондирования // Вопр. архивоведения. 1964. № 4. С. 73–80 и др.
- ¹⁴ Митяев К.Г. К методологии классификации и экспертизы документов // Тр. МГИАИ. М., 1967. Т. 25. С. 118–138; Орлова Н.А.

- Классификация документальных материалов в советском архивоведении: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1976. 28 с.; *Петровская М.Ф.* Определение понятия архивного фонда и его границ в советском архивоведении и образование объединенных архивных фондов // Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 310–317; *Рудельсон К.И.* Назревшие вопросы теории и практики архивного дела // Вопр. истории. 1965. № 12. С. 11–21; *Селезнев М.С.* Понятие об архивном фонде и его освещение в современной литературе: Докл. на науч. конф. по теме "Актуальные проблемы совр. архивоведения, документоведения и организации делопроизводства". 27 мая 1971 г. М.: МГИАИ, 1971. 26 с.
- 15 *Кузнецов И.В.* Категории причинности и ее познавательное значение // Теория познания и современная наука. М., 1967. С. 20.
 - 16 *Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание. (Методологич. аспекты) / Ред. Л.В. Алякринский. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. С. 145–146 и др.
 - 17 *Каштанов С.М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теоретич. и методич. проблемы. М., 1969. С. 155.
 - 18 *Елпатьевский А.В.* О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 50.
 - 19 *Голосов О.В., Цаленко М.Ш.* Научный доклад: Основы системного анализа АСНТИ по документам ГАФ СССР. М.: ВНИИДАД, 1980. С. 23–24. Деп. ЦОСИФ ВНИИДАД, № 003.81.
 - 20 *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом: Опыт системного исследования. М.: Политиздат, 1968. С. 8–9; *Маркарян Э.С.* Вопросы системного исследования общества. М.: Знание, 1972. С. 8–9 и др.
 - 21 *Назин И., Доброва З.* "Провениенс-принцип" в построении архивного фонда // Архивное дело. 1937. № 1 (42). С. 56–68; *Фомин Н.* Систематизация архивных материалов // Архивное дело. 1937. № 3 (44). С. 39–72.
 - 22 Brenneke A. Archivkunde: Ein Beitrag zur Theorie und Geschichte des europäischen archivwissens / Bearbeitet nach Vorlesungsnachschriften und Nachlass-papieren und ergänzt von W. Leesch. Leipzig: Koehler u. Amerlang, 1953. XIX, 542 S.
 - 23 *Голубцов И.А.* Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 17–40; Вып. 3–4.
 - 24 *Meisner H.O.* Bemerkungen zur Archiv- und Actenkunden // Archivarbeit und Geschichtsforschung. Berlin, 1952. S. 107–119; Terminologische Probleme der marxistisch-leninistischen Archivwissenschaft der Deutschen Demokratischen Republik: Entwurf für die Discussion. Potsdam: SI, 1970. 58 p.
 - 25 Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник / Под ред. Л.А. Никифорова, Г.А. Белова. М.: Высш. школа, 1966. 468 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ф.И. Долгих, К.И. Рудельсон. М.: Высш. школа, 1980. 343 с.
 - 26 *Brachman B.* [Рец. на кн.:] Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник. М., 1966 // Archivmitteilungen, 1967. № 2. P. 74.

- 27 Солодовникова Л.И. Фондирование документальных материалов в государственных архивах // Материалы Всесоюзного совещания по вопросам фондирования и учета документальных материалов. М., 1963. С. 13.
- 28 Actes du V-e Congres international des archives (Bruxelle, 1-5 sept. 1964) // Archivum, 1968. Vol. 14. P. 15, 62, 66, 85-89 ets.
- 29 Богоявленский С. Работа Поверочной и разборочных комиссий // Архивное дело. 1926. Вып. 5-6. С. 73.
- 30 Митяев К.Г. О принципах и критериях научной ценности документальных материалов и их применении // Исторический архив. 1958. № 3. С. 185-194; Он же. Теория и практика архивного дела: Учеб. пособие / Под ред. И.Л. Маяковского. М.: Главархив СССР, ИАИ, 1946. 248 с.
- 31 Елпатьевский А.В., Коленкина Т.Г., Цаплин В.В. Научные основы экспертизы ценности документальных материалов советской эпохи и комплектование ими государственных архивов // Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 47.
- 32 Lexikon Archivwesen der DDR / Red.: E. Schetelich (Chef. Red.), E. Brachman-Teibler, L.u.a. Enders. Berlin: Staatsverlag, 1976. 320 p.; Rječnik archivske terminologije Jugoslavije / Јл. urednik M. Androić. Zagreb, 1972. - 77 p.
- 33 Дмитриев С.С. Личные архивные фонды: Виды и значение их историч. источников // Вопр. архивоведения. 1965. № 3. С. 39.
- 34 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 28.
- 35 Мацкина Р.Ю. К вопросу об определении состава архивных фондов высших и центральных учреждений XIX - начала XX в. // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX - начала XX в.: Сб. статей. Л., 1967. С. 26-43; Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник / Под ред. Л.А. Никифорова, Г.А. Белова. М.: Высш. школа, 1966. 468 с.
- 36 Солодовникова Л.И., Цаплин В.В. Недробимость архивного фонда и некоторые вопросы фондирования // Вопр. архивоведения. 1964. № 4. С. 76-77.
- 37 Калишевич З.Е., Кривошеин Л.Н., Фильчагова Г.К. К вопросу об архивной терминологии // Вопр. архивоведения. 1964. № 1. С. 83-90; Калишевич З.Е., Назин И.С., Смоктунович Л.Л., Сырченко Л.Г. Советская архивная терминология // Советские архивы. 1969. № 1. С. 31-38.
- 38 Солодовникова Л.И., Цаплин В.В. Недробимость архивного фонда и некоторые вопросы фондирования / Вопр. архивоведения. 1964. № 4. С. 78-79.
- 39 Митяев К.Г. К методологии классификации и экспертизы документов // Тр. МГИАИ. М., 1967. Т. 25. С. 118-138; Рудельсон К.И. Назревшие вопросы теории и практики архивного дела // Вопр. истории. 1965. № 12. С. 11-21.
- 40 Материалы для архивного словаря. М.: Главархив СССР, 1963. Вып. 1. С. 6.
- 41 Краткий словарь архивной терминологии / Редкол.: И.С. Назин (гл.) и др.; сост.: В.Н. Автократов, Т.В. Батаева и др. М.; Л.: ВНИИДАД, МГИАИ, 1968. С. 12-13.

- 42 Калишевич З.Е., Назин И.С., Смоктунович Л.Л., Сырченко Л.Г. Советская архивная терминология // Советские архивы. 1969. № 1. С. 37.
- 43 Краткий словарь архивной терминологии / Редкол.: И.С. Назин (гл.) и др.; сост.: В.Н. Автократов, Т.В. Батаева и др. М.; Л.: ВНИИДАД, МГИАИ, 1968. С. 12.
- 44 ГОСТ 16487-70. Делопроизводство и архивное дело: Термины и определения. Введ. 01.07.71. С. 4. – группа ТО2; ср.: Банасюкевич В.Д., Елпатьевский А.В., Образцова А.Н., Калишевич З.Е. Первый стандарт на терминологию делопроизводства и архивного дела // Советские архивы. 1971. № 5. С. 50–56.
- 45 Рудельсон К.И. Классификация документов и научно-справочный аппарат в государственных архивах // Архивное дело в СССР / Тр. ВНИИДАД. М., 1980. Т. 12. С. 70–81.
- 46 Словарь современной архивной терминологии социалистических стран: Проект. М.: Б. И., 1977. Вып. 1. С. 24.
- 47 Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. [3-е изд., перераб.] М., 1979. Вып. 1. С. 8.
- 48 То же. С. 101.
- 49 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. С. 9.
- 50 Ханпира Э.И., Рудельсон К.И., Елпатьевский А.В. Некоторые вопросы архивоведческого терминоведения // Советские архивы. 1979. № 5. С. 3–9; ср.: Словарь современной архивной терминологии социалистических стран. Проект. М.: Б. И., 1979. Вып. 1. С. 118.
- 51 Ханпира Э.И. Некоторые вопросы терминоведения в связи с подготовкой "Словаря современной архивной терминологии социалистических стран" // Актуальные проблемы архивоведения и документоведения. Естественнонаучные вопросы архивного дела. М., 1981. С. 61–99.
- 52 Митяев К.Г. К методологии классификации и экспертизы документов // Тр. МГИАИ. М., 1967. Т. 25. С. 118–138; Он же. О месте, границах и основаниях классификации в советском архивоведении // Тр. МГИАИ. М., 1962. Т. 15. С. 173–198; Он же. Теория и практика архивного дела: Учеб. пособие / Под ред. И.Л. Маяковского. М.: Главархив СССР, ИАИ, 1946. 248 с. и др.
- 53 Орлова Н.А. Классификация документальных материалов в советском архивоведении: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1976. 28 с.
- 54 Рудельсон К.И. Современные документные классификации / Отв. ред. Г.Г. Воробьев. М.: Наука, 1973. С. 52, 62.
- 55 Рудельсон К.И. Классификация документной информации Государственного архивного фонда Союза ССР (Историография. Совр. проблемы): Автореф. дис. ... д-р. ист. наук. М., 1968. 38 с.; Она же. Классификация документов и научно-справочный аппарат в государственных архивах // Архивное дело в СССР. Тр. ВНИИДАД. М., 1980. Т. 12. С. 70–81; Она же. Современные документные классификации / Отв. ред. Г.Г. Воробьев. М.: Наука, 1973. 267 с. и др.
- 56 Сырченко Л.Г. Некоторые проблемы классификации архивных документов и сведений о них // Тр. МГИАИ. М., 1975. Т. 31. Вып. 2. С. 12.

Теория экспертизы ценности документов и практика их отбора на государственное хранение

Функция накопления документной ретроспективной информации в пределах Государственного архивного фонда реализуется в двух тесно связанных задачах: отбор документов на государственное хранение (что предполагает и отбор для уничтожения) и собственно комплектование, которое понимается автором как задача в основе организационно-методического характера*. Литература по данной проблематике обширна и во многом полемична. Частично она была названа во Введении. В более полном виде суть разногласий показана Н.А. Орловой¹. Крупным достижением в этой области стали два выпуска “Трудов ВНИИДАД” (1974 г.). Высоко оценивая ее, автор стремится развивать собственные трактовки. В их основу положен тезис о двуединой теоретической природе современной экспертизы, включающей два подхода – источниковедческий и информационный. Более детальный анализ позволяет углубить теорию вопроса.

До конца 1950-х годов комплектование и отбор документов рассматривались как в значительной мере самостоятельные разделы архивоведения. Тенденция их сращения в полной мере проявилась в 1960-е годы, причем вопросы определения ценности, обнаружившие исключительную теоретическую сложность, приобрели преобладающее значение. Поэтому теория, исследующая функцию накопления, получила название теории экспертизы. Хотя решение задачи комплектования она обеспечивает не полностью, но на главный вопрос – что следует принимать на постоянное хранение? – отвечает. Она не освещает только вопросов организации и методики

* Помимо двух названных основных задач, у функции накопления есть и другие: выработка и внедрение оптимальных форм организации хранения документов в ведомственных архивах, осуществление контроля за работой этих архивов, оказание воздействия на “доархивную” стадию работы с документами в аппарате управления. Однако внимание автора сосредоточивается не на них, а на вопросах, выражающих теоретический смысл отбора документов. Многие архивисты настаивают на том, чтобы назвать функцию накопления функцией комплектования. Все же “накопление” предпочтительнее, оно подчеркивает непрерывность нарастания объема Государственного архивного фонда.

приема документов: подготовки дел к передаче в государственные архивы, технической и формальной сторон приема.

По целям и установкам теория экспертизы – архивоведческая, хотя она тесно связана с историческим источниковедением. Говоря об источниковедческом подходе, автор имеет в виду не только то, что результаты отбора определяют архивную базу будущих исторических исследований, но главным образом другое: отбор документов, сопряженный с альтернативными заключениями (принимать или не принимать на государственное хранение), является начальным этапом их источниковедческого анализа, выражающимся в оценочных суждениях.

По данным специалистов, в стране ежегодно создается примерно миллиард дел. Это в пять раз больше, чем хранится сейчас во всех государственных архивах. Отсюда – образное выражение “бумажная лавина”. Она подступает к стеллажам архивов и делает неизбежным ужесточение отбора. Подобная ситуация сложилась во всех странах, где усложнилась структура общественной жизни и развивается научно-техническая революция, сопровождающаяся “информационным взрывом”, резким нарастанием количества новейших документов. “Проблема стеллажа”, как бы эти слова ни резали слух, – реальность, которую нельзя замалчивать.

Никакое общество не в состоянии хранить всю создаваемую им документацию. В Советской России требование отбора (и его регламентации) было заложено первыми законоположениями по архивному делу. Само название подписанного В.И. Лениным декрета 1919 г. сформулировано в духе альтернативы “хранить – уничтожить”: “О хранении и уничтожении архивных дел”². Указанный декрет (ядро авторов его проекта составили крупнейшие русские медиевисты С.Б. Веселовский, В.И. Пичета, М.М. Богословский и С.К. Богоявленский) сообщил прежде всего основную установку: в деятельности советских учреждений создаются дела двух категорий – имеющие значение для изучения каких-либо сторон общественной жизни в любых ее проявлениях и не имеющие такого значения. Первые подлежали хранению, а вторые – уничтожению, как и дублирующаяся документация. Опираясь на сформулированную в декрете установку, архивоведение развивало научные взгляды по вопросам отбора документов.

Говоря о необходимости отбора и сохранения документов для изучения всех сторон общественной жизни, для познания прошлого в его многообразии, нельзя ограничиваться интересами лишь исторической науки как таковой. Подразумевается историческое познание в самом широком смысле, поскольку всякое обращение к ретроспективной информации (в любых целях) равнозначно обращению к истории определенного предмета или явления, возможно – только к одному моменту его истории. Это верно и когда документы используются в чисто практических целях.

Ставя целью последовательную борьбу за снижение потерь исторически ценной информации, теория экспертизы не может прини-

мать во внимание все возможные запросы отдельных потребителей. Иначе пришлось бы принимать на хранение “все или почти все”, ибо никто не может априорно утверждать, что данный конкретный документ или фонд не привлечет чьего-либо внимания и не сможет стать полезным для какой-то конкретной потребности. И если такой потребитель действительно появится, а его информационная потребность останется неудовлетворенной по той причине, что соответствующий документ или фонд не были приняты в государственный архив, то такой потребитель вправе (в рамках своей фактической потребности) указать на соответствующий изъян отбора. Но в другой постановке вопроса (принимать “все или почти все”) проблема приобретает нерешаемый вид и ее научное рассмотрение становится беспредметным.

Поэтому архивоведение обязано, избегая субъективных требований (хотя подобные требования почти всегда обладают объективной основой), стоять на позиции интересов “всей науки”, которые не могут быть представлены как простая сумма всех возможных конкретных интересов. Сам факт оценки предполагает приоритет документов безусловно важных перед менее важными, тем более вовсе незначительными. Постулирование данного требования не означает его теоретического решения, но служит стимулом развития архивоведческой мысли в данном направлении, причем его реализация не должна пониматься как игнорирование тех или иных сторон исторической проблематики. Подразумевается отказ от той части информации, которая для исследования всякой проблемы несущественна, и сохранение другой, позволяющей рассмотреть все стороны общественной жизни во всех ее проявлениях. То, чего архивоведение достигло к началу 80-х годов, является его успехом, но полученные результаты выдвигают новые вопросы, требующие изучения, и развитие теории экспертизы продолжается.

Теория экспертизы основывается на анализе функциональных качеств документов. Этот анализ является и способом исследования предмета экспертизы – отбора документов, и одним из методов самого отбора. Исходный гносеологический момент теории сводится к факту неравноценности документов перед лицом исторического познания. Элементарный анализ показывает, что при сравнении документов перепады их ценности могут быть колоссальными. Всякий правительственный акт, определяющий развитие какой-либо отрасли народного хозяйства, культуры, просвещения и т. д., содержит во много раз больше информации, нежели документы, созданные любой подсобно-вспомогательной организацией по незначительному поводу.

Стало быть, ценность документов во многом зависит от тех функций, которые они выполняют в управлении, и может быть определена путем анализа функций. Эта мысль, высказанная в 1961 г.³, а затем подтвержденная и развитая в ряде работ⁴, стала важным положением теории экспертизы. С обрисованной точки зрения есть две

основные функции документов по отношению к процессу управления.

В одном случае в документах отражается и путем их создания осуществляется целевая деятельность учреждений – их руководящие, планирующие, исследовательские и другие функции, для реализации которых созданы эти учреждения. Такие документы не просто отражают деятельность учреждения, но необходимы самому ее существованию. Они создаются в ее развитии и результате и в некотором роде представляют и то, и другое: органы власти издают постановления, планирующие органы вырабатывают планы, проектные институты – проекты, суды выносят приговоры и определения и т. д. Здесь документ в известном смысле и есть “сама работа” учреждения.

В другом случае документы не требуются для выполнения целевых функций учреждений по самой сущности этих функций. Результат может быть достигнут без документов, которые лишь сопровождают деятельность. Такие документы по существу своих функций нужны только для учета выполняемой работы, повседневного контроля за ее ходом и т. п. В качестве примера можно назвать путевые листы, чеки, накладные, квитанции. Конечно, на одних лишь примерах, какими бы контрастными они ни были и сколько бы их ни привести, научную систему отбора не построишь. Между правительственным актом и квитанцией стоит масса других документов – планов, приказов, служебных писем, протоколов, отчетов и т. п. Проблема отбора не сводится к тому, чтобы отбросить документы определенных номиналов (названий видов и разновидностей). Приведенные сравнения не претендуют на большее, чем показать объективную, заложенную в природе разных документов, неравноценность с точки зрения извлечения полезной ретроспективной информации, правомерность размежевания всей массы документации на две группы. Одна группа – документы, запечатлевающие в каждом случае некоторую ощутимую часть исторического процесса, какой-то стороны общественной жизни в каком-то ее проявлении. (Архивоведение относится к ним как к потенциальным источникам исторического познания и сохраняет.) Другая группа – документы, фиксирующие в маловыразительной форме лишь ничтожные фрагменты действительности.

Архивисты, пользуясь терминологией теории информации, иногда называют их “информационным шумом”, полагая, что они объективно лишены всякой ценности, склонны абсолютизировать утверждения “это – ценное, а это – не ценное”. Автор учитывает, что такая абсолютизация восходит к альтернативному характеру решений при отборе документов: “хранить – не хранить”. Малоинформативный материал мешает работе с ценным, заслоняет ценное, грозит его потопить и растворить в своей колоссальной массе. В такой обстановке это практически “информационный шум”. Однако с позиций источниковедения утверждения о полном отсутствии ценно-

сти уязвимы. Точнее говорить, что, наряду с безусловно ценными, в обществе возникают документы, ценность которых условна: она может проявиться в свете интересов отдельных исследователей (или в случаях, связанных с утратой более ценных документов), но проявляется настолько редко, что позволяет не учитывать ее в большинстве случаев. Безусловно, можно собрать какое-то число примеров того, как эти “неценные документы”, случайно сохранившиеся в архивах, не без успеха используются историками. Возможна даже ситуация, при которой “квитанция” нужнее исследователю, чем “решение” вышестоящей инстанции. Однако как нельзя строить теорию отбора на примерах, так нельзя и отрицать ее установок с помощью примеров обратного порядка.

Отбор направлен на сохранение наиболее важного для общества и его исторической науки*. Тем самым он предполагает и программирует жертвы. Эмпирически архивисты установили, что с учетом необходимости создать резерв информационной избыточности (что в данном случае равно резерву надежности поиска информации) допустимым и оправданным является прием на государственное хранение 3–4% объема документации, ежегодно образующейся в тех 240 тыс. учреждений, которые были признаны “источниками комплектования” государственных архивов. Теоретического обоснования этого объема еще нет. Но известно достаточно свидетельств, как важные научные положения, добытые опытным путем, применялись по многу лет, прежде чем было найдено их строгое обоснование. В абсолютных цифрах эти 3–4% составляли в 70-е годы около 3,2 млн дел ежегодно, т. е. примерно столько же, сколько хранится в практически некомплектующемся ЦГАДА (ныне: РГАДА).

Экспертиза ценности – не только начальный этап источниковедческого анализа, но и его особенная форма, решающая специфическое противоречие между теоретико-источниковедческим началом, опирающимся на представление о документе как о некоторой имманентной исторической ценности, и практической необходимостью отбора части документов. Если бы архивоведческая экспертиза смогла абстрагироваться от второй стороны вопроса, то ее развитие пошло бы, вероятно, в русле “чистого знания” о свойствах документов и она приобрела бы черты, схожие с дипломатикой. Однако реальность такова, что архивоведение не может отвлечься от необ-

* По мнению Б.Г. Литвака, эти задачи нельзя сводить к обеспечению интересов исторической науки: “Не экспертиза должна приравниваться к неподдающимся предвидению потребностям исторической науки, а историческая наука должна быть точно ориентирована в объективной роли экспертизы – сохранить то, что отражает деятельность системы управления”⁵. О том же Литвак говорил в докладе “О некоторых источниковедческих аспектах современной теории экспертизы”: “неправильна посылка, что архивы являются главным поставщиком ее величества исторической науки. Такое мнение основывается на традиции, но не учитывает серьезнейшие сдвиги в “производстве” документов и в их “потреблении” в исторической науке”⁶.

ходимости рассматривать вопросы ценности в плане сравнения информационной значимости документов и их грубого деления на “ценные” и “не ценные”. На грани источниковедческого подхода и практической необходимости уничтожить значительную массу документов вступает в действие архивоведческая теория отбора, являющаяся способом решения этого противоречия и выраженная в установке “максимума – минимума”, сформулированной во второй половине 1960-х годов: достижение максимальной полноты сохраняемой информации при минимальном объеме документов, поступающих в государственные архивы. Проблема “максимума – минимума” – это формализация задачи архивистов в ситуации “бумажной лавины”, выражающая стремление получить оптимальное соотношение качественного состава документов с их количественными характеристиками. Естественно, что до тех пор, пока ситуация “бумажной лавины” не приобрела столь грозных очертаний, как в 1950–1960-е годы, не могло возникнуть теоретического представления об оптимальном объеме*.

Однако если обратиться к работам 1920-х годов, то мы убедимся, что уже тогда опасность заполнения архивов малозначительными документами и понимание сложности положения архивиста были отчетливыми. Меры 1960-х годов, направленные на резкое ограничение притока документов в государственные архивы, во многом явились реализацией идей, появившихся намного раньше, но существенно переосмысленных и, может быть, “открытых заново” тогда, когда стали безусловным велением времени.

В 1920-е годы еще не существовало теории экспертизы и термина “экспертиза ценности документов” (говорили о “разборке архивов”), но проблема решалась. В этом отношении привлекает внимание одна из наиболее содержательных работ того времени, написанная С.К. Богоявленским – автором, которого невозможно упрекнуть в профессиональной ограниченности и непонимании интересов исторической науки. Он писал: “Из недр бесчисленных канцелярий... непрерывным потоком течет масса исписанной бумаги, готовая затопить архивохранилища”; поэтому архивист, призванный охранять документы, вынужден решать и противоположную задачу – уничтожать их. Не только потому, что “даже самое богатое государство” не в состоянии содержать в архивах всю эту массу. Здесь налицо и другая опасность: “если все хранить, то исследователь рискует

* Понятие оптимума характерно для современного научного мышления. Это поиск “золотой середины”⁷, стремление выиграть, как можно меньше проигрывая. Теория экспертизы, говоря об оптимуме, имеет в виду достаточно большой объем высокоинформативных документов, который архивисты могут и обязаны сохранить для будущего. Точный ответ на вопрос, каковы именно параметры оптимума, – не сегодняшний и не завтрашний день архивоведения. Но уже в самой постановке понятие документного оптимума служит идеей, побуждающей искать решение: как, пожертвовав менее ценным, добиться “стратегического выигрыша”.

утонуть в море бумаг, однообразных и ничтожных по содержанию, которые будут отвлекать его внимание”^{8*}.

Архивоведение 1920-х годов почти не располагало аппаратом оценок научного значения документов. Его отсутствие оно стремились восполнить требованиями высокой исторической эрудиции архивистов, привлекаемых к “разборке архивов”, “чрезвычайной осторожности” подхода к этому делу. Пропагандировалась мысль, что “к делу уничтожения архивных материалов” следует привлекать наиболее квалифицированных сотрудников, с “солидной начитанностью”, знающих “различные направления исторической литературы”¹⁰. Более того, к таким работникам следует предъявлять “требование энциклопедичности”: они должны быть не только историками, но и юристами, экономистами и социологами¹¹. Предполагалось, что соединение “осторожности” с широкой подготовкой архивиста позволит путем беглого чтения отобрать из всей массы архивных материалов ценные документы для постоянного хранения.

Единственным вспомогательным средством были перечни документов, заведомо признававшихся “ничтожными по содержанию”, бесполезными в научном и справочном отношении. Привлекавшая внимание некоторых архивистов идея создания перечней документов, построенных в “противоположном ракурсе”, т. е. предназначенных для отбора документов на постоянное хранение (а не для уничтожения), не могла быть реализована ни в 1920-х годах, ни много позже, поскольку архивоведческое знание было неразвитым, а оценочный процесс ассоциировался непосредственно с источниковедческим, не обладал необходимой архивоведческой самостоятельностью.

Научное мышление квалифицированных архивистов было скорее конкретно-источниковедческим, нежели архивоведческим. Как разделить материал на “ценный” и “малоценный”? Даже бесцветные и шаблонные дела “иногда блещут яркими и интересными подробностями”. По-видимому, приходится смириться с тем, что в обрабатываемых на уничтожение могут быть “ценные сведения” – как исключение¹². Однако накопление собственно архивоведческого знания о документах (это знание впитывало сведения о закономерностях процессов документирования, о роли документов в управленческих процессах) позволило постепенно развивать систему перечней^{**}: ведомственных, устанавливающих сроки хранения дел разных категорий в архивах учреждений, и перечней для государ-

* Хорошо показал Богоявленский и существо противоречия, заложенного в “разборке архивов”. “С одной стороны, – писал он, – архивист должен препарировать архивный материал, сократив его количественно и тем улучшив качественно, а с другой стороны, рискует, уничтожая тот или иной документ, навлечь на себя справедливые нарекания в уничтожении полезного для справок или научных исследований материала”⁹. Здесь верно замечено, что изъятие малоценных документов ведет к качественному улучшению оставшихся.

** Полнее этот вопрос, в частности, рассмотрен Н.А. Орловой¹³ и в работе А.В. Елпатьевского, Э.В. Колосовой и Н.М. Шепуковой¹⁴.

ственных архивов, где многие годы проводилась широкая “чистка”, выделение “макулатуры”. Задача перечней обоих типов заключалась в том, чтобы заранее предусмотреть отбор документов для уничтожения*. Подразумевалось, что дела, не попавшие в отборочные списки, и есть то самое, что обладает ценностью. В таком подходе “от противного” имелось слабое звено: активность мысли архивиста невольно нацеливалась именно на уничтожение. Лишь некоторые инструктивные указания говорили, документы какой тематики требуют более осторожного обращения. Устанавливались также “запретные даты” – периоды, за которые никакие дела не должны уничтожаться.

В целом же архивоведение не предлагало архивной практике достаточных рекомендаций, гарантирующих сохранение ценного. Только когда удалось создать оценочный аппарат, возникла возможность приступить к реализации содержательной идеи, высказанной еще в 1920-е годы, – направить мысль архивистов “не на то, что можно уничтожить, а на то, что нужно сохранить”¹⁶. Такой аппарат стал оформляться во второй половине 1950-х годов, что показывает начало складывания теории экспертизы**. Ее средства – критерии и методы оценок, опирающиеся на научные принципы: научной объективности, историзма, всесторонности и комплексности оценок***.

Принцип научной объективности в теории экспертизы является теоретико-методологическим требованием, обеспечивающим цен-

* Идея разработки всеохватывающей системы перечней интенсивно разрабатывалась Б.И. Анфиловым, видевшим в “методе перечней” эффективную возможность справиться с “необозримой массой материалов”, единственное средство, соответствующее масштабу централизации архивного дела. См. его статьи¹⁵.

** Зарождение этого аппарата относится к предвоенным годам, когда имели место попытки сформулировать характеристики уничтожаемых и сохраняемых документов, исходя не только из их тематических признаков, но и некоторых требований, приближающихся к будущим критериям ценности. Назывались: дублетность, отраженность и поглощенность содержания, степень сохранности фонда, копияность, повторность отбора дел из фонда (“при последующих отборах выделение материалов к уничтожению должно производиться с нарастающей осторожностью”), а также “индивидуальные свойства” документов, сущность которых не раскрывалась. См. статью Л.И. Полянской “Выработка принципов хранения и изъятия архивных материалов”¹⁷, где речь шла не о “принципах” как таковых, а в основном о способах выявления дублетов, а также статью З.Н. Нагоровой и О.Е. Карноуховой “О выделении архивных материалов, не подлежащих хранению”¹⁸. Это еще не высокий уровень обобщения, но интересный для истории архивоведческой мысли. Прообразами критериев были и “основные признаки” научно-исторической и практической значимости документов, оставляемых на хранение, названные одной из инструкций Главархива СССР (1941 г.): содержание, принадлежность к определенным эпохам и периодам, авторство, дипломатические (от “дипломатика”), языковые, палеографические и другие особенности документов, степень сохранности фонда. Но эти знания еще не были научной теорией.

*** Эти принципы (применительно к проблемам экспертизы), а также первые критерии ценности назвал К.Г. Митяев. Они вошли в правила экспертизы 1957 г.¹⁹, а затем прокомментированы в его статье²⁰.

ностный подход к Государственному архивному фонду, объективность отбора, непредвзятость суждений. Он предполагает оценки, которые вытекают из самого изучения предмета, а не привносятся извне, не навязываются, в частности, нашими симпатиями или антипатиями к тем или иным реалиям социальной жизни. Ему противопоказаны вульгарный социологизм и конъюнктурность оценок ("мнимая актуальность"). Являясь одновременно принципом научной объективности, он тесно связан с историческим принципом. Известно, что принцип историзма, независимо от того, в какой области он применяется, предполагает в первую очередь рассмотрение генезиса объекта. В теории экспертизы это положение преломляется в требование рассматривать ценность документов с учетом их происхождения, исходя из обстановки, в которой действовал фондобразователь, с учетом обусловленности их создания исторической обстановкой и дальнейшей судьбы документов, когда они стали уже архивным материалом, т. е. конкретно-исторически.

Архивоведение придает исключительно важное значение изучению связей между документами – внутрифондовых и межфондовых. Это связывает принцип историзма с еще одним принципом экспертизы – всесторонностью и комплексностью оценок. Уже говорилось, что "всесторонность" и "комплексность" следует понимать как две стороны единого требования, которые приобретают самостоятельное выражение только при приближении к конкретно-методическим вопросам. На этом уровне комплексность предполагает в экспертизе ценностные заключения в связи с другими документами: документы рассматриваются как часть их реального окружения (не только в данном фонде и архиве, но и более широко), а всесторонность – их рассмотрение в "разном освещении" – в сопоставлении разных требований к ним, учитывая теоретическую неисчерпаемость информации источника. Иногда подчеркивается, что всесторонность распространяется и "на будущее". Имеется в виду, что в свете будущих потребностей общества документы могут приобрести большее значение, нежели можно полагать теперь.

Конкретные суждения о наличии или отсутствии постоянной ценности документов вырабатываются с помощью критериев экспертизы. Критерии – логические единицы теории экспертизы, меры ценности, выступающие в качестве определенных эталонов информационных качеств документов. Критерии-эталон выражают в обобщенном виде взгляды архивоведения на постоянную историческую ценность документов. Их применение предполагает мысленное сравнение существенных признаков документов с признаками эталонов. Поэтому они обнаруживают не только позитивное (защитное), но и негативное отношение к документам, определяющее отказ от основной их массы.

Поскольку документы отбираются на постоянное хранение для познания с их помощью тех или иных сторон прошлого, постольку первым по времени определителем ценности стало содержание.

Однако, взятый сам по себе, этот определитель беспредельно широк и неопределен. Он остался таким и будучи названным критерием содержания*. Неоднократно делались попытки перечисления аспектов содержания, которые признавались наиболее важными для науки. Но к называвшимся “важным аспектам” всегда можно прибавить все новые и новые, и ни в какой момент нельзя сказать, что они исчерпаны и за их пределами ничего “важного” не осталось. Возникает ситуация, сходная с той, которая философской и логической литературой характеризуется как “дурная бесконечность”, обнаруживающая субъективную природу попыток тематически конкретизовать критерий содержания, его теоретическую недостаточность.

Эта вторая сторона была впервые подчеркнута автором в докладе на конференции по вопросам комплектования в 1974 г.²² Что же касается того, что нельзя бесконечно перечислять признаки важного, то это отмечалось давно, в частности К.Г. Митяевым²³, являвшимся одним из авторов правил экспертизы 1957 г. В этих правилах, стремившихся преодолеть “перечисленческий метод”, была сделана попытка свести разнообразие важных для истории аспектов содержания документов в самую укрупненную характеристику. Но перечисление осталось, и характеристика явилась лишь декларацией, равной по существу и формулировкам всей проблематике исторической науки. Достаточно воспроизвести только ее часть, чтобы убедиться в том, что научная мысль в поисках толкования критерия содержания зашла в тупик.

Руководствуясь критерием содержания, говорилось в правилах, необходимо сохранять “основные материалы, отражающие... историю народов СССР, классовой борьбы, революционного и общественного движения, историю рабочего класса, крестьянства и других классов и сословий; состояние армии и флота; развитие промышленности, транспорта, торговли, сельского хозяйства; историю социалистического соревнования; историю учреждений, организаций и предприятий, науки, техники, просвещения, здравоохранения, искусства, литературы и других отраслей материальной и духовной культуры”²⁴. Оговорка, что речь идет об “основных материалах”, не помогала экспертам, поскольку не указывалась грань, отделяющая основное от неосновного. Можно ли разделять в целях отбора документов на хранение “основное” и “не основное”, “важное” и “не важное”, идя от содержания, понимаемого в тематическом плане? Принципиальное объяснение неправомерности таких попыток мы находим в источниковедении: содержание “теоретически неделимо”²⁵.

Сказанное не отрицает стремления оценивать документы с точки зрения их содержания. Семантическое наполнение – главный пока-

* А.Д. Степанский справедливо заметил, что само содержание документа, “которое принято считать важнейшим критерием оценки документа, ... нуждается в критериях оценки”²¹.

затель ценности. Но “содержание” не столько собственно “критерий”, сколько общая посылка, требующая обеспечить прием на государственное хранение исторически ценных документов, независимо от того, какую “тему” они освещают. Вопрос резко осложняется тем, что прежняя установка обязательного просмотра всех подвергающихся оценке документов стала невыполнимой*. О ценности содержания документов архивоведение чаще всего вынуждено теперь судить опосредованно, без полистного обозрения. Это возможно, поскольку ценность содержания характеризуется не только тем, “о чем сказано” в документах, не только их “текстуальными показаниями”. Не случайно следующая по времени разработка (“Основные правила работы государственных архивов” 1962 г.) отказалась трактовать вопрос в тематическом смысле и перевела его в русло функционального рассмотрения: на хранение оставляются “материалы, отражающие основные направления деятельности учреждения в соответствии с его целевым назначением”²⁷. Но вопрос не был исчерпан, поскольку, как увидим, признаки содержания выражаются, помимо характеристик целевого назначения (функций) учреждения, значением учреждения в системе управления, характеристиками функций видов самих документов, а также плотности информации, где плотность выражает “меру информативности”, насыщенности содержания.

Отказ от тематической интерпретации ценности содержания усилил внимание к другим сторонам проблемы. Были сформулированы новые критерии, расширившие теоретические и практические возможности научного отбора документов. Этим архивоведение обязано тому, что применило решения, имеющие источниковедческую и теоретико-информационную природу, что позволяет говорить о двух соответствующих научных подходах. Однако понятиями этих подходов архивоведение не пользовалось, что ослабляло доказательную силу новых критериев, сдерживало анализ и дальнейшее развитие проблемы. Роль источниковедческого и информационного подходов в архивоведческой экспертизе хорошо просматривается на материале критериев ценности и лучше всего может быть показана путем анализа критериев документов управленческого происхождения. Следует иметь в виду, что применительно к документам личного происхождения, кинофотофоноvideодокументам и научно-технической документации существуют видоизмененные и дополнительные критерии.

* Это нетрудно показать путем простого расчета. При установленной норме полистного просмотра дел для отбора на государственное хранение – 25 ед.хр. в день²⁶ специалист в течение года (т. е. 260 рабочих дней) смог бы определить ценность 6,5 тыс. дел. Если все 120 тыс. архивистов – работников государственных и ведомственных архивов – займутся только этой работой и ничем другим, то за год они рассмотрят 780 млн дел, что существенно меньше количества дел, создающихся в стране ежегодно (1 млрд). Таким образом, это действительно невыполнимая задача, даже при невероятном допущении, что все архивисты имеют высшее образование и способны выполнять такую работу.

В общем виде источниковедческий подход в теории экспертизы можно охарактеризовать как научную ориентацию, которая, исключая утилитарно-прагматическое отношение к документу, потерявшему полностью или частично оперативное значение, рассматривает его как потенциальный источник исторического познания и поэтому требует оперирования представлениями, восходящими к источниковедению. Это и позволяет классифицировать архивоведческую экспертизу как начальный этап источниковедческого анализа документов, определяющий их судьбу. Справедливо считать, что архивоведческой экспертизе подвергаются не исторические источники как таковые, а “канцелярские документы”, о которых еще нельзя сказать, что они *уже* “источники”. Смысл оценочного акта в том, что его результатом является уничтожение отживших свой век малоинформативных документов и оставление на постоянное хранение высокоинформативных – “источников в потенции”. В современных условиях сделаться источником документ может, только пройдя через “чистилище” экспертизы; другого в принципе не дано.

Теория экспертизы и практика отбора документов не идентичны. Практическая экспертиза – массовый акт. В ней не исключены ошибки: ценные документы могут быть по каким-то причинам уничтожены и в то же время оставлены малоинформативные документы, вероятность которых стать источником какого-либо исторического исследования ничтожна (хотя и не исключена).

Рассмотрение критериев ценности правильно начать с их сопоставления с приемами источниковедческой критики. Речь идет не о попытке установления прямой тождественности тех и других, а о выявлении некоторого рода связи исходных позиций. Как известно, критика источника решает задачи установления происхождения и изучения его содержания, а также интерпретации источника в целом. Критика происхождения выполняется с помощью приемов внешней критики и устанавливает подлинность и авторство документа, время, место и конкретные условия его возникновения, а критика содержания (внутренняя критика) обеспечивает логический анализ источника, выясняет классовую направленность, степень достоверности и полноты содержащихся в нем сведений. Совокупное использование полученных выводов позволяет правильно интерпретировать источник, определять цель, преследовавшуюся создателем документа, и смысл, как сознательно вложенный в него автором, так и не сознательно, а в силу классовой ориентации автора, степени его информированности и т. д.²⁸

Воспроизведем критерии архивоведческой экспертизы в составе, который был зафиксирован в правилах 1957²⁹ и 1962 гг.³⁰ (порядок следования критериев несколько изменен). Этот состав нуждается в расширении. В архивоведческой литературе имели место интересные попытки пополнить его. В настоящей работе они про-

1957 г.

содержание
время
место
происхождение

автор
автографичность
юридическая сила
—
дублетность
отраженность
поглощенность
палеографические
особенности
художественные
особенности
языковые особенности
степень сохранности фондов
физическое состояние
(способ воспроизведения)*
(материальная основа)

1962 г.

содержание
время
место
значение учреждения,
в деятельности которого
образовались документы
автографичность
автор
юридическая сила
подлинность
дублетность
—
поглощенность
палеографические
особенности
художественные
особенности
языковые особенности
степень полноты фондов
физическое состояние
(способ воспроизведения)
(писчий материал)

Отвлечемся в какой-то мере от серьезных расхождений целей источниковедения и архивоведческих критериев и сопоставим их. Мы обнаружим в одних случаях их соприкосновение, а в остальных — черты более отдаленного сходства. Но первое, с чем мы сталкиваемся, это настоячивые терминологические совпадения. Например, “подлинность”, “время”, “место”, “автор” и, как понятия источниковедческой критики, аналогичные критерии архивоведческой экспертизы. Такая настоячивость совпадений не может считаться случайной и говорит, что перед нами родственные явления.

Архивоведческая экспертиза исключает из своего предмета вопросы достоверности показаний документа, поскольку и недостоверные показания становятся предметом анализа историка. Остальные задачи источниковедческой критики присутствуют в теории экспертизы, хотя и в весьма своеобразной, с точки зрения источниковеда, трактовке. Так, источниковедческое понятие подлинности (имеющее в виду действительное происхождение источника от автора, который обозначен или подразумевается) преломляется архивоведением в противопоставлении документа-подлинника (оригинала) копии. Из этого вытекает критерий подлинности: предпочтение при отборе оказывается оригиналам. Понятие подлинности частич-

* Приведенные в скобках показатели ценности не фигурируют в числе критериев, но архивные правила предлагают руководствоваться ими как критериями.

но проявляется и в критерии юридической силы документа. Имеется в виду способность документа выступать в качестве юридического факта. Поэтому данный критерий апеллирует к срокам правовой давности, направлен на длительное сохранение документов, подтверждающих права организаций и отдельных лиц (например, документов о трудовом стаже).

В узком смысле “авторство” рассматривается теорией экспертизы в реликвийном плане, для чего используется критерий автографичности, на что особенное внимание обращается в экспертизе материалов творческого характера. Но авторами считаются не только отдельные лица, а и всякие учреждения, создавшие документы. Поэтому возник критерий значения “авторской принадлежности документа”, имеющих в виду учреждения и лица, считающиеся по каким-либо признакам особо выдающимися, исторически значимыми*. Фактор авторства – часть фактора происхождения документов. Это определяет логическую связь критерия авторства с критерием “значение учреждения”, в деятельности которого сформировался фонд, или критерий значения фондообразователя. Вне фондообразователя документ объясним неполностью. Поэтому естественным было то, что С.М. Каштанов и А.А. Курносков внесли понятие фондообразователя в источниковедческую критику (именно для уточнения смысла фактора происхождения), закономерно связав его с архивоведческим принципом происхождения³². Однако в рамках самого источниковедческого подхода, взятого изолированно, мы не найдем исчерпывающего объяснения, каким образом связь “происхождения” с масштабом деятельности и положением фондообразователя в иерархической системе управления становится определителем ценности документов фонда. Такое объяснение мы в дальнейшем попытаемся дать с теоретико-информационных позиций.

Задача источниковедческой критики установления истории текста выступает в теории экспертизы в неожиданной для источниковедения форме критерия поглощенности информации. Этот критерий связан с явлением повторяемости информации, имеющим широкое распространение в процессах документирования. В той мере, в какой он базируется на источниковедческом подходе, критерий поглощенности связан с использованием методов текстологии – вспомогательной дисциплины, устанавливающей генетические взаимоотношения текстов с помощью их сравнительно-исторического анализа³³. В теории экспертизы текстологический анализ призван устанавливать систематическую последовательность дублирования, преобразования и нарастающего уплотнения информации в документопотоках. Тем не менее и здесь необходим информационный подход, поскольку только он способен предложить законообразную трактовку этих явлений и служить ориентиром в исследовании фактора повторяемости.

* Так это объясняется вузовским учебником³¹, с чем следует согласиться.

Своеобразная интерпретация придается теорией экспертизы “обстоятельным критериям” – времени и места создания документа. По-видимому, всем ясно, что время – условие, повышающее ценность документа, и это естественно связывается с представлением о древних документах. Но и в новой, и в новейшей истории человечества известны периоды, документация которых в целом приобретает повышенную ценность по сравнению с документами близлежащих временных интервалов. Другое понимание критерия времени в том, что предпочтение отдается документам, “созданным одновременно с событием или вскоре после него”³⁴. Этот взгляд выражает идею слитности документа и события, которая в отвлечении от задач архивоведческой оценки (“хранить” – “не хранить”) теоретически содержательна и практически важна для конкретно-исторических исследований. Источниковеды формулируют ее в форме принципа установления “первоисточника”, т. е. свидетельства наиболее близкого к событиям – первичного хронологически и независимого от других источников³⁵. При реконструкции событийной стороны исторического процесса историк обычно отдает предпочтение именно таким свидетельствам. Источники, созданные через какое-то время после события (их называют иногда не вполне точно “историческими преданиями”), нередко менее важны для воссоздания картины события*. Однако осмысление и переосмысление событий, отраженное позднейшими документами, также является предметом исторического исследования. По логике же архивистов, отдающих предпочтение документам “одновременным с событием”, получается, что сохранять следует “первоисточники”, а “преданиями” можно как будто поступиться.

Пространственный критерий “места создания” нацеливает экспертов на учет региональных условий документообразования. Примерно одинаковая по формальным признакам информация может быть расценена по-разному, если принимать во внимание конкретно-исторические условия возникновения документов в разных регионах страны. Так, в условиях Крайнего Севера возникают документы подсобно-вспомогательных организаций, намного более ценные (например, для этнографических исследований), чем подобные документы аналогичных организаций других районов страны**. Не правильно считать, что критерий места отдает предпочтение “доку-

* Однако С.М. Каштанов считает теоретически неприемлемой посылку о большей достоверности показаний ранних источников, сравнительно с поздними³⁶. Ему возражал А.А. Зимин, считавший свидетельства современников предпочтительными³⁷.

** Критерий “место события” можно также трактовать с позиций того, насколько четко было поставлено делопроизводство в том или ином “месте” – учреждении (системе учреждений), как интенсивно документировались там реалии общественной жизни. И если делопроизводство было поставлено плохо, управленческая деятельность документировалась отрывочно – документов возникало меньше, чем в другом аналогичном “месте”, то эти немногочисленные документы приобретают большее значение.

ментам, созданным там, где происходило событие, или в непосредственной близости от него”³⁸. Ошибка в том, что и в этом случае архивоведческой экспертизе предлагается выяснение степени достоверности фактического материала, установления его свойств “первоисточника”. Разве снимается задача исследования “отзвуков событий”, понимаемая в пространственно-географическом смысле? “Отзвуки” могут исказить картину, действительно имевшую место. Тем не менее и они – своеобразный исторический факт. Теория экспертизы, решая вопрос, что нужно принять на государственное хранение, отнюдь не задается целью сохранить “одну лишь истину”.

Есть и еще причина подчеркнуть эту мысль. Архивисты нередко замечают расхождения в показаниях документов, даже случаи искаженного отражения тех или иных сторон действительности. Подобные искажения научной литературой называются “фиктивными суждениями”, особенность которых заключается в том, что они сообщаются авторами документов как достоверные и истинные. “Зачем вводить в заблуждение будущих историков, осложнять их положение? Не лучше ли оставить только безусловно достоверные документы, а те, в которых налицо искажения, вовсе не хранить?” – спрашивают иногда. Так порождается стремление ввести критерии ценности, вроде “правдивости” и “достоверности”. Однако с этим согласиться нельзя. Архивоведческая экспертиза обращается с документами (повторим это) только на уровне “предысточников”. Выяснение же названных качеств документов – правдивости и достоверности – и оперирование ими входит в задачу критики содержания. С точки зрения этой задачи даже заведомо подложные документы требуют столь же серьезного внимания, подчеркивает Д.С. Лихачев, как достоверные и подлинные, поскольку это позволяет устанавливать, например, побудительные мотивы, руководившие фальсификаторами³⁹. В результате научного анализа, пишет другой ученый, «совершенно очевидная “дезинформация” ... выступает как исключительно ценная информация»⁴⁰. Или короче: “распознанная дезинформация превращается в информацию”⁴¹. Приведенные доводы убедительно возражают против введения в архивоведческую экспертизу критериев типа достоверности.

В экспертизе некоторые внешние признаки документов выступают в значении “самоценных” критериев: вне всяких других условий оценка повышается при наличии у документов палеографических, сфрагистических и художественных особенностей. Архивоведческой литературе известен критерий “языковых особенностей” документов. Обращаться нужно не к вспомогательным историческим дисциплинам, а к лингвистическому источниковедению с его специфическим отношением к документам “со стороны их лингвистической содержательности и информационности”⁴². Архивоведение фактически не знакомо с лингвистическим источниковедением. Но критерий существен. Решение вопроса намечено автором в другой работе⁴³.

Одна из задач критики источников предполагает установление полноты сообщаемых ими сведений для конкретной исследуемой проблемы. Архивоведение применяет критерий “степень полноты архивного фонда”. Но развернутый анализ состава и содержания документов сохранившейся части фонда не предполагается. Вопрос ограничивается установлением факта: фонд сохранился достаточно полно или фрагментарно? Поэтому анализ не достигает уровня критики содержания, как она понимается источниковедением. Трактуются критерий по-разному. Одни архивисты считают, что если фонд сохранился плохо, то оставшиеся документы приобретают повышенную ценность. Их уничтожение смыкает последние следы бывшего существования фонда*. Но, как отмечалось, существует и другое мнение: такие остатки – бессвязные отрывочные материалы, захламляющие архивохранилища. Теоретически правы первые. Но практически дело в том, об остатках каких фондов идет речь в каждом отдельном случае.

Источниковедческий анализ завершается получением ответа на вопрос, какова же “фактическая полезность” данного источника для конкретного исследования? Главный смысл проблемы отбора документов на постоянное хранение заключается в другом, а именно: в выяснении объективной ценности документа, т. е. независимой от характера отдельных конкретных потребностей. В этом свете понятие о ценности документов выступает в форме “снятой ценности” множества возможных конкретно-исторических “ценностей” или, точнее, “полезности”. Конкретной полезности отвечает понятие “фактической потребности”. Ценность же – понятие, охватывающее много полезностей. “Конкретная полезность” и “фактическая потребность” всегда в известном смысле субъективны**. Архивоведение ищет объективные ценностные характеристики. Это надо понимать так, что, стремясь к обеспечению общества документной ретроспективной информацией, оно рассматривает соответствующую информационную потребность общества в столь же широком обобщении, в каком сама историческая “ценность” выступает по отношению к множеству “фактических полезностей”. Но такое обобщение полезностей предполагает элиминацию частных, признание исторически ценными лишь высокоинформационных групп документов.

Наряду с источниковедческим, в теории экспертизы действует информационный подход. Сферы их применения взаимонакладываются. Но гносеология их различна. Источниковедческий подход историчен, информационный восходит к логическому способу по-

* На этих позициях стояли и “Основные правила работы государственных архивов” 1962 г.⁴⁴

** Такое понимание вопроса согласуется с теоретико-информационным: ценность выражает степень удовлетворения любых потребностей, полезность – утилитарных⁴⁵. Еще ближе формулировка: “полезность – только функция ценности, определяемая утилитарной целью исследования”⁴⁶.

знания. Их сочетание образует двуединство научной природы теории экспертизы. “Информационный подход” – распространенный в современной науке термин, возникший в кибернетике, изучающей процессы управления и информационные связи в сложных, в том числе в социальных, системах. Кибернетика рассматривает их с формальной стороны, “безотносительно к их специфическому субстрату”⁴⁷. Информационный подход охватывает все основные теоретические достижения кибернетики: открытие единства процессов управления и информационных процессов, их циклического характера и принципиальной общности. Эти процессы “в основе своей носят универсальный характер и осуществляются по единой схеме”⁴⁸.

Уже называлось важнейшее открытие теории информации, что информация, будучи отраженным разнообразием реальной действительности, поддается измерению. Общее положение этой теории таково, что всякое повышение разнообразия вызывает рост количества информации, влекущий соответствующее увеличение ее абстрактно понимаемой ценности. Отсюда следует: чем больше разнообразия содержит данное явление (а в качестве такого выступают и фонды, и отдельные документы), тем больше в нем информации и тем ценнее оно (тем ценнее данный фонд, документ). Из этой посылки вытекает основное содержание, вкладываемое в понятие об информационном подходе в теории экспертизы.

Возникновение информационного подхода в теории экспертизы оказалось возможным потому, что объективно существует фактор неравномерности распределения информации в документных системах всех уровней, включая фонды, группы фондов. Главный момент заключается в следующем. В сфере социального управления информация учреждений низших “рангов”, поступая в восходящих потоках в вышестоящие учреждения, перерабатывается, обобщается и поглощается ими. Число функций и интенсивность деятельности учреждений вышестоящих уровней увеличивается: расширяется фронт управления и возрастает разнообразие обеспечивающей его информации. В результате информация свертывается, уплотняется. Неверно было бы считать, что документы, содержащие такую информацию, становятся неконкретными, абстрактными. Суммируя частности, обобщающие документы способны отражать явления в многообразии их признаков, свойств и связей, т. е. конкретно. “Конкретное” – это синтез многих признаков, единство многообразия и общее в единичном. Специфика информационных процессов в управлении обществом такова, что свертывание нередко сопряжено со сменой видов (номиналов) документов: информация как бы “переливается” из документов одних видов в документы других видов. Это видно уже на простейшем примере из бухгалтерского учета: информация кассово-мемориальных документов, свертываясь, вливается в балансовый отчет.

В нисходящем потоке мы встречаемся с нарастающим повторением информации, ее многократным дублированием в звеньях

управления и их фондах. Но если, согласно общим теоретико-информационным положениям, всякое “редкое известие” содержит больше информации, чем известие повторяющееся, то многократное воспроизведение “редкого известия” трактуется как фактор его обесценения⁴⁹. Оно перестает быть “редким” (ценным). Феномен уплотнения и обогащения информации и фактор ее повторяемости в документных системах – частный случай теоретико-информационной интерпретации “редкого” и “повторяющегося” известий.

Другой случай – древние документы. Интуитивно ясно, что “древность” повышает ценность документа. Но древние памятники ценны, с точки зрения информационного подхода, не потому, что созданы несколько веков назад, а потому, что их создавалось сравнительно немного, сохранилось же вовсе мало (примерно 0,4 % по сравнению с тем, что возникает ежегодно в стране сейчас). А если это так, то в них априорно много информации. Однако сказанное о древних документах как “редком известии” нужно рассматривать только как пример информационной трактовки. Архивоведение и без информационного подхода запрещает уничтожать такие документы, невзирая на дублетность, номинал, физическое состояние и т. п.

Смысл информационного подхода в теории экспертизы в том, что документы рассматриваются в некотором отвлечении от качеств потенциальных источников, с точки зрения количества заключенной в них информации. В зависимости от положения документов в документной системе, они содержат много или мало информации, что обуславливает различие их ценностей.

Из сказанного об информационном подходе в теории экспертизы можно сделать по крайней мере три вывода.

1) Поскольку наиболее информационно емки высокие уровни восходящих потоков документов, постольку именно здесь мы должны искать ведущие источники комплектования; следует учитывать, что эти уровни соответствуют фондам учреждений высоких рангов. Мысленно противопоставляя высокие “ранги” низшим, мы отвлекаемся от фактической богатой иерархии фондообразователей и фондов. Важно выразить общую логику вопроса.

2) Поскольку в восходящих потоках происходит поглощение информации, а в нисходящих – ее дублирование (нарастание “избыточности”), постольку создается возможность межфондового отбора документов с повторяющимся содержанием.

3) В силу того, что феномен поглощения не замыкается рамками документов определенного вида (как было сказано, документы, поглощающие информацию, могут принадлежать другому виду, нежели те, информация которых поглощена), становится возможной постановка вопроса о классификации самих видов по степени их информативности.

Правила экспертизы 1957 г., трактуя критерии поглощенности, дублетности и отраженности, по существу имели в виду свойство по-

вторяемости информации*. Затем “Основные правила” 1962 г. называли критерий “значение учреждения, в деятельности которого отложились документы”, но сформулировали его слишком общо**. В свете разрабатываемого информационного подхода ясно, что данный критерий опирается на фактор движения и уплотнения информации в восходящих потоках. Нет необходимости подчеркивать, что, учитывая этот фактор, архивисты на протяжении ряда лет шли непосредственно от практики. Информационный подход выступал в научно неразвитом виде. Тем не менее выделение критерия “значение учреждения” сыграло огромную роль в комплектовании ГАФ.

Смысл этого критерия заключается, как следует из сказанного, в том, что учреждения высоких “рангов” получают, создают и накапливают более разнообразную, насыщенную и поэтому более ценную (в общем случае) информацию, чем учреждения низших рангов. Такое понимание вполне отвечает богатому опыту отечественного архивоведения. Но одного опыта недостаточно для теоретического обоснования критерия. В этой связи внимание привлекает методологическое положение, выдвигаемое теорией социальной информации, согласно которому специфические черты информации – богатство содержания, значение, ценность – это, собственно говоря, не свойства социальной информации самой по себе, а “свойства-требования”, предъявляемые к ней породившими ее общественными системами и зависящие от состава систем и связей между ними⁵². Такими системами естественно признать отрасли управления и учреждения, создающие и собирающие документную информацию. Следовательно, можно сказать, что каковы “свойства” учреждений данного уровня управления, таковы и “требования”, предъявляемые тем же уровнем управления к информации. Таковы и качества самой информации. “Свойства-требования” объективны, как и сама социальная реальность, отражаемая в соответствующих документах.

К такому же пониманию смысла данного критерия подводят правоведа: “для субъектов высшего уровня необходимы по возможности все виды информации, тогда как для ...субъектов низшего

* В правилах 1957 г. “дублетность” и “отраженность” рассматривались как явления одного порядка. Имелись в виду дубликаты, правда, разного назначения⁵⁰. Это предопределило ненужность в дальнейшем критерия отраженности. Те же правила оперировали, правда неуверенно, представлениями об общественном “значении и роли учреждения” как мотиве оценок. Смысл этих представлений вложен в критерий “происхождение” и заключался в следующем: в фондах особо важных учреждений в ряде случаев оставляются и не столь значительные документы, подобные которым в фондах менее важных учреждений уничтожаются. Перед нами попытка приблизиться к пониманию и использованию фактора уровня распределения ценной информации, к сознанию того, что в фондах высоких рангов документы вообще ценнее, нежели в фондах нижних уровней.

** При экспертизе ценности материалов учитываются “масштаб деятельности учреждения, его значение и место в системе государственных учреждений страны, а также в данной ведомственной системе...”⁵¹.

уровня допустимы более однородные виды информации”⁵³. Вот причина того, что фонды учреждений высшего уровня (“ранга”) богаче и ценнее, нежели фонды “субъектов низшего уровня”. Становится теоретически ясным, почему каждое повышение или понижение уровня управления или “ранга” учреждений изменяет качественные характеристики документной информации, а вместе с ними информативность и ценность фондов. Поэтому критерий “значения” лучше называть критерием “ранга фонда”. Это точнее выражает его архивоведческое существо, позволяет использовать данные об иерархии учреждений и таким образом сравнивать фонды – ранжировать их.

Идея ранжирования фондов заключает в себе тот важный теоретический момент, что оценке подвергаются не непосредственно документы, а создающие и накапливающие их учреждения. Поэтому критерий ранга – это “эталон ценности” не непосредственно самих документов, а фондообразователей, часть из которых в результате оценки возводится в категорию “источников комплектования”.

Возвратимся к повторяемости информации. Это явление может рассматриваться как специфический случай общего свойства повторяемости явлений социальной жизни, выражающийся в том, что информация, обращающаяся в документопотоках, многократно “самоотражается” либо путем простого тиражирования, частичного воспроизведения или путем сжатия в других документах*. Повторяемость призвана обеспечивать надежность управления и преемственность его документационного обеспечения. Правда, нельзя отрицать фактов создания излишних документов, с повторяющейся информацией, объективно не являющихся необходимыми. Оптимизация документообразования – задача документоведения. Архивоведение же борется за оптимизацию состава ГАФ и выделяет в проблеме повторяемости два основных вопроса: дублирование и поглощение. Первое – дословное и полное воспроизведение оригиналов, размножение копий**. Здесь применяется критерий дублетности и

* Проблема повторяемости теперь привлекла внимание и информатики, подчеркивающей, что это объективное и неустранимое свойство НТИ, и считающей само понятие повторяющейся информации продуктивным для теории и практики научно-информационной деятельности⁵⁴.

** Всякий дублет, конечно, копия, но теперь архивисты дублетами часто называют копии, полученные с множительных аппаратов. С нашей точки зрения, для понятия дублетности в экспертизе способ размножения (рукопись, машинопись, типографская печать, ксерокопия) значения не имеет, если не возникает задача выбора документа лучшей физической сохранности. С развитием множительной техники число копий-дублетов колоссально возрастает. Например, было подсчитано, что в США на одного человека в 1950 г. приходилось 2,2 копии, в 1967 г. – 3,8, в 1972 г. (предположительно) – 5,2 копии в день, т. е. до 2 тыс. листов в год⁵⁵. К дублетам близки “варианты” – аналогичные в основе документы для разных адресатов, а также последовательные тексты, отражающие разработку окончательной редакции: “Нередко один и тот же документ существует в нескольких экземплярах-вариантах (рукописный черновик, машинописный отпуск, типографский подлинник и т. п.)”⁵⁶.

вспомогательный критерий местонахождения дублета⁵⁷. Справедливо старое наблюдение архивистов: в одном фонде дублет “звучит” (информативен), в другом – дублет того же документа “не звучит”. Все зависит от конкретного окружения, от наличия связей дублета с другими документами фонда.

Второй вопрос повторяемости и соответственно критерий – поглощение информации. Принципиальная основа его решения заключается, с нашей точки зрения, в соединении информационного подхода с источниковедческим методом текстуального анализа. Моделируется процесс восхождения информации в большой документной системе, охватывающей всю иерархическую систему учреждений определенного ведомства (или нескольких ведомств). Движение информации понимается, в первую очередь, не как перемещение документов от корреспондента к адресату, а как “переливание” информации из одних документов в другие, более информационно плотные. Конкретные наблюдения подобных превращений достигаются с помощью текстологического анализа, одна из задач которого – выявление малоинформативных компонентов, содержание которых поглощено документацией высших уровней. Но практически охватить текстологическим наблюдением весь огромный массив документов данной системы (всех фондов всех уровней) невозможно. Поэтому исследование должно ограничиться локальным материалом с соблюдением необходимой репрезентативности. Полученный результат распространяется на всю систему, и это раскрывает присущую ей закономерность распределения ценной и неценной информации. Возникает модель, показывающая, от каких групп поглощенной документации можно отказаться*.

Роль информационного подхода здесь заключается в объяснении явления поглощения, хотя он не способен обеспечить конкретный текстуальный анализ. Поэтому архивоведение обращается к источниковедению, обладающему возможностями изучения генезиса текстов, хотя цель достичь собственно текстологических результа-

* Необходимо различать разные формы поглощения⁵⁸. Назовем следующие: суммирование, или обобщение информации нескольких документов с сохранением или изменением прежней группировки данных, а также изложение (типа реферирования) содержания одного или нескольких документов в другом. В этих случаях налицо уплотнение информации. К поглощению относится и цитирование, которое может приближаться к дублетности (типичный случай: дословное воспроизведение нормативных актов вышестоящих учреждений актами нижестоящих, снабженное необходимыми дополнениями, которые обычно не затрагивают основной текст). Если же речь идет о цитировании части текста, то такие случаи не входят в предмет ксипертизы, поскольку предполагают в каждом отдельном случае трудоемкий, но малорезультативный анализ. Новая литература, внесшая большой вклад в разработку вопроса, трактует его несколько иначе⁵⁹. С одной стороны, считая поглощенность характеристикой полноты повторяемости информации, а не формы повторяемости, она, на наш взгляд, усложняет решение. С другой стороны, она удачно выделила ряд дополнительных критериев, полезных в практической работе по отбору документов на государственное хранение: характер повторения информации, степень повторения и др.

тов не ставится. Речь идет не о текстологии в чистом виде. Она сообщает только идею текстологического анализа и запас средств для работы в указанном направлении сообразно иным масштабам документов и собственным задачам теории экспертизы. Полученный в результате текстологического изучения материал, как уже отмечалось, должен быть сведен в модель (сложное сводится к простому). В этом случае необходимо действовать снова в рамках информационного подхода. Данный случай еще раз показывает, как взаимодействуют два рассматриваемых подхода, в которых нельзя видеть изолированные друг от друга научные начала теории экспертизы.

В первой половине 1960-х годов был поставлен вопрос о включении в архивоведческую экспертизу критерия разновидности⁶⁰. К этому есть все основания. Издавна нормативные разработки (перечни документов с указанием сроков хранения) устанавливали для некоторых разновидностей весьма краткие сроки, отвлекаясь от конкретного наполнения документов: квитанции, фактуры, накладные, мемориальные ордера и т. п. Перед нами чисто информационное решение, опирающееся на априорную установку об отсутствии постоянной ценности у документов определенных номиналов. Эти виды и разновидности малоинформативны по природе. Когда же заключенная в них информация получает обобщенное выражение, будучи влита в документы других номиналов, она способна приобрести большую, постоянную ценность. Новые номиналы – другая степень информативности. Критерий номинала (разновидности) нужно рассматривать именно с позиции степени информативности видов документов. В теории экспертизы проблема номинала является частью проблемы поглощения информации. Без учета фактора поглощения вопрос о “ценности номинала” не имел бы информационного смысла.

Деление видов на высоко- и малоинформативные – вопрос, относящийся к проблеме единства формы и содержания документов. Отечественные источниковеды (А.Т. Николаева, Л.Н. Пушкарев и др.) пришли к важным выводам, что форма источника – это структура, внутренняя организация его содержания, обусловленная им и активно воздействующая на него, и что одно и то же содержание воплощается в разных формах, выражающихся понятием вида источника⁶¹. Принимая во внимание сложность процесса формирования видовых свойств источника, источниковедение выделяет “главный и определяющий фактор: видовые свойства источника должны рассматриваться как функция практического назначения этого источника в ходе его создания”. Сам же вид, отмечает О.М. Медушевская, – это совокупность источников, имеющих “устойчивые общие признаки, возникшие и закрепившиеся в силу общности функций этих источников в жизни общества”, обусловленных закономерностями его развития, причем “видовые свойства... несомненно включают и элементы содержания источника”⁶². Налицо устойчивая

связь: видовые признаки, являющиеся признаками формы документа, характеризуют содержание и включают элементы его содержания. Таким образом, источниковедение теоретически помогает обосновывать признак вида (номинала) в качестве критерия экспертизы, что приобретает особенную важность для тех наиболее распространенных случаев, когда отбор документов выполняется заочно, без полистного просмотра.

К функциональной трактовке номинала нас приближает и теория социального управления, когда говорит о проблеме управленческого решения. Она определяет такие решения, как результат аналитико-синтетической переработки информации, собранной органом управления, и квалифицирует их как “сгустки информации”⁶³. Подчеркнутая высокая информативность (качество “сгустка”) документов, фиксирующих управленческие решения, также укрепляет теоретические позиции экспертизы.

Литературе известны и другие, не называвшиеся выше, критерии ценности. Обычно это лишь варианты рассмотренных критериев, приспособленные к специфическим документам. Стремление увеличивать число критериев во многом вызвано стремлением облегчить работу практиков. Такими являются, например, критерии личных заслуг и служебного положения (служебной номенклатуры), применяющиеся при отборе личных дел и документов личного происхождения; критерий опубликованности литературных произведений. Л.Е. Шепелев выделил критерии ценности банковской документации: принадлежность документа к определенной банковской операции, степень обобщения сведений, форму построения документа⁶⁴, являющихся вариантами критериев поглощенности и вида документа. Такая работа должна быть продолжена. В частности, необходимо найти удовлетворяющие требованиям науки решения (специализированные критерии или варианты критериев), обеспечивающие сохранность материалов социологических обследований, переписей и некоторых других категорий документов массового характера, о чем говорили на Всесоюзной конференции 1978 г. отечественные ученые⁶⁵.

Практике экспертизы некоторых государственных архивов сопутствует установка: если ценность давно хранящихся дел сомнительна, то мотивом уничтожения может стать отсутствие записей в их листах использования. Иными словами, если за те десятилетия, сколько существуют листы использования, никто не использовал дела, то это является доводом для уничтожения. К сожалению, такая установка нашла косвенную поддержку в лице критерия “степень и характер использования”, адресованного историческим архивам: степень и характер использования материалов фонда необходимо учитывать “за весь период его существования как в дореволюционных, так и в советских архивах” и сохранять документы, “нашедшие отражение в научных исследованиях”⁶⁶. Принципиально ошибочно исходить из подразумеваемой обратной посылки:

можно уничтожать документы, если они до сих пор не использованы. Такие документы составляют источниковый резерв будущих исследований. Многие содержательные архивные фонды практически не использовались на протяжении многих десятков лет. У историков не возникало потребностей в соответствующей информации. И это понятно: “интерес общества к своему прошлому всегда избирателен”⁶⁷. Но абсолютная историческая ценность таких фондов не страдала от невнимания к ним. Правда, на новейшем документальном материале архивисты встретились с другой стороной вопроса о степени использования. Толчком к самой реформе комплектования явились многие наблюдения о нулевой интенсивности использования фондов организаций низкого ранга, заполонивших местные архивы. Но отсутствие потребности в таких документах обусловлено их ничтожно малой информативностью. Ждать, что когда-нибудь “наступит их час”, было бы наивно при том богатстве, которым располагают современные государственные архивы. Поэтому степень использования – не критерий ценности, а одна из характеристик полезности, представляющая теоретический интерес для архивоведения, источниковедения и историографии.

Работ, рассматривающих критерии ценности, много. Но ни одна не анализирует их в свете взаимодействия источниковедческого и информационного подходов. Не сделал этого и В.В. Цаплин, вклад которого в разработку системы критериев значителен. Он первым предпринял попытку существенно пересмотреть и расширить круг критериев, обрисованный “Основными правилами” 1962 г., и свести их в три класса: по происхождению, по содержанию и по внешним особенностям*, в чем нельзя не заметить влияния источниковедческой литературы 1960-х годов. Группировка критериев по названным классам как идея интересна, но, пожалуй, искусственна и в чем-то излишняя. В методической работе и практике она размывается, а с теоретической точки зрения сомнение вызывает обоснованность отнесения многих критериев к тому или иному классу. Ограничимся некоторыми замечаниями.

К классу критериев “по происхождению” Цаплин отнес: значение учреждения; значение его функций; значимость события (явления, предмета), в подготовке, проведении или изучении которого участвовало учреждение; критерии времени и места образования документов. О трактовке Цаплиным двух последних критериев и нашей оценке этого было сказано выше. Думается, что в общем случае практически трудно разделить категории значения учреждения и значения его функций. Существенна ли и насколько роль учреж-

* В начальном виде это было сделано В.В. Цаплиным в 1966 г. в статье “Теоретические и практические вопросы экспертизы документов”⁶⁸. С изменениями высказанные им положения вошли в материал “Комплектование документальными материалами государственных архивов социалистических стран и работа ведомственных архивов”⁶⁹. Затем Цаплин развил свои взгляды на страницах коллективной монографии⁷⁰. Далее рассматривается последний вариант.

дения в системе управления и жизни общества – это выражается ролью и значением его функций. Критерий значимости события отнесен к классу “по происхождению” скорее формально, ибо, определяя ценность документа “через событие”, мы фактически обращаемся не к самому событию, а к информации о нем, к тому, как оно излагается документами.

Общей чертой названных Цаплиным критериев “по содержанию” является отказ от попыток рассматривать их в тематическом плане и поиск новых признаков архивоведческого понятия содержания. Эти признаки выражены через критерии: функционального назначения документа (наибольшую ценность имеют документы, соответствующие основным функциям учреждения); видов и разновидностей документов; новизны, насыщенности и уникальности содержания; степени поглощенности содержания; отраженности основной деятельности нижестоящих учреждений в документах вышестоящих. Не вызывает сомнений первый критерий (функции предмета). Что же касается поглощенности и отраженности, то они показывают две стороны одного свойства информации: с нарастанием плотности информации повышается ее ценность, и наоборот. Это и есть, с нашей точки зрения, степень “насыщенности” содержания, которую не следовало бы выносить за пределы критерия поглощенности и ставить в один ряд с “новизной” и “уникальностью”, которые к тому же не суть эталоны отбора на постоянное хранение. Уникальность – это свойство информации быть неповторимой в чем-то очень важном, вследствие чего документы, заключающие такую информацию, требуют особо бережного хранения в архивах. Но теория экспертизы решает другой вопрос: что из огромной массы документов принять на хранение и что уничтожить? Вопрос об уникальности она поглощает ответом “хранить”. Для того чтобы так ответить, ей не нужно определять уникальность. Достаточно, чтобы она заметила хотя бы один признак “простой” ценности.

Вопрос о критерии новизны вызывает следующие соображения. “Новизна” всегда противопоставляется “старине”; это свойство оперативной информации. Строго говоря, документам такого характера не место в государственном архиве: их еще рано туда принимать. “Новизну” можно понимать и по-другому: при отборе на хранение предпочтение отдается документам, впервые сообщившим о чем-то. Такой подход предполагает трудоемкий сравнительный анализ, который практически не под силу экспертизе, причем возможны неправимые ошибки. К тому же, это не ее задача*.

Виды и разновидности документов (номиналы) – один из сильнейших критериев ценности. Уязвима их трактовка: “Предпочте-

* Однако в экспертизе научно-технической документации свойство новизны действительно используется как критерий ценности, поскольку для истории научно-технической мысли особенно важны оригинальные идеи и их воплощение, а не их повторение, причем архивисты, специализирующиеся в области НТД, в состоянии улавливать такую новизну. См., например⁷¹.

ние отдается тем видам и разновидностям, которые предназначены для документирования наиболее существенных сторон деятельности учреждений и жизни общества”⁷². Ясна первая часть – о сторонах деятельности учреждения, поскольку архивисты умеют различать ведущие и вспомогательные функции управления и соответствующую документацию. Но каким образом мы выделим “существенные” и “несущественные” стороны жизни? Какое социальное содержание подразумевается в противопоставлении их? Бывают ли несущественные стороны жизни? Вспомним, что требованием декрета 1919 г. было сохранение документов, имеющих значение для изучения всех проявлений всех сторон общественной жизни. Не лучше ли смысл критерия вида и разновидности объяснять с точки зрения поглощения информации и степени информативности документов разных номиналов?

К критериям “по внешним особенностям” данная классификация отнесла: свидетельства подлинности документа; наличие на нем помет, определяющих характер исполнения и дополняющих его содержание; “внешний вид передачи содержания, удостоверения и оформления документов”, а также критерий физического состояния документа. Можно возразить: хотя наличие помет (резолуций) действительно повышает ценность документа, но резолюции – все же не внешняя особенность, а текстуальное показание документа, иногда много объясняющее историку. Признаки удостоверения и оформления допустимо относить к критерию “свидетельства подлинности”. Но их трудно отделить и от содержательных характеристик. Скажем, служебный документ должен включать подпись и дату подписания⁷³, которые являются частью его текстуальных показаний, а не “внешними особенностями”.

Классификация критериев, разработанная Цаплиным, импонирует широтой привлекаемого материала; она богаче состава критериев 1957 и 1962 гг. и стремится к единой логической основе. Все же деление критериев на указанные классы схематично. Автор данной работы смотрит иначе. Ему важен факт слияния в теории экспертизы историко-ведческого и информационного подходов, рождающих столь сложные взаимодействия, что не сулит выработки строго последовательной классификации критериев. Другое отличие в том, что в нашей концепции “содержание” выступает не как группа критериев (тем более не как отдельный критерий), а в качестве научной посылки, теоретической установки, охватывающей все те критерии, которые так или иначе обращены к оценке семантического наполнения документов.

Современные информационные дисциплины широко оперируют понятием старения информации. “Старение” признается общим свойством информации и трактуется этими дисциплинами как потеря ценности (в смысле “полезности”) сведений, зафиксированных в документе, главным образом как результат появления более новой информации. Так, разработка нового технологического процесса

снижает интерес инженеров к информации, описывающей старый, менее совершенный процесс. Чем быстрее развивается конкретная область науки и техники, тем быстрее стареет и “отмирает” относящаяся к ней информация*.

Не требует доказательств тезис о том, что фактор старения информации знаком архивоведению. Сама передача документов в государственные архивы возможна в принципе потому, что эти документы потеряли в основном оперативное значение, устарели для текущего управления. Нужно видеть две стороны вопроса. Первая – потеря полезности (в смысле оперативной необходимости), но не утрата ценности в широком научно-историческом смысле. Вторая сторона – полное обесценение информации: полезность теряется, а научная ценность не возникает. И то, и другое предвидится архивоведением и воплощается в перечнях, указывающих, какие документы подлежат постоянному хранению, а какие следует уничтожить “на месте” и в какие сроки. Эти сроки выражают объективное свойство информации документов многих категорий утрачивать практическое значение и распределяются обычно в интервале от года до 15 лет. В ряде случаев они имеют в виду правовой аспект: когда документ утрачивает юридическую силу (а научной ценностью он не обладает), отпадает необходимость его дальнейшего хранения. Здесь вступает в действие критерий юридической силы, негативное влияние которого может быть подавлено критериями авторфичности, художественных и других особенностей документа. Предельные сроки хранения в ведомственных архивах некоторых документов свыше: НТД – 25 лет, записей актов гражданского состояния и нотариальных действий, документов по личному составу и судебных дел – 75 лет.

Сроки хранения, будучи показателями периода старения информации, основываются на длительных наблюдениях, накопленных практикой документационного обеспечения управления за постепенным спадом обращаемости к документам со стороны работников аппарата. Выработка оптимальных сроков – одна из важных задач теории экспертизы и документоведения**.

* Исходя из наблюдений за спросом потребителей на “научные документы” (статьи, монографии, обзоры и т. п.), работники служб научно-технической информации стремятся определить сроки их хранения в специализированных библиотеках и информационных центрах. По аналогии с периодом полураспада радиоактивных элементов, информатика и документалистика ввели понятие “периода полустарения информации”. Он определяет временной отрезок, в течение которого интерес потребителей к информации сокращается вдвое. В разных отраслях естественных и технических наук он выражается по-разному; в среднем же – около 5 лет. В технических библиотеках 90 % всех запросов удовлетворяется литературой, изданной в течение последних 10 лет⁷⁴.

** На базе перечней учреждениями составляются номенклатуры дел с указанием сроков их хранения. Т.В. Кузнецова считает эту работу первой стадией экспертизы ценности⁷⁵.

Как видим, фактор старения информации действительно хорошо знаком архивоведению, хотя архивоведческая литература до сих пор не подвергала его анализу*. Следует иметь в виду, что природа старения документной ретроспективной информации имеет свои особенности и ограничения. В теории экспертизы фактор старения в принципе исчерпывает себя с момента приема документов на постоянное хранение: принятое признается исторически ценным. Это не исключает возможности последующего изъятия случайных малоинформативных поступлений. Такие изъятия должны пониматься как исправления “недосмотра” предшествующего отбора. Выше отмечалось, что многие ценные фонды не использовались в течение ряда десятилетий, но затем активно включались в научный оборот. Теоретическое объяснение в том, что фактор старения здесь нейтрализуется силой историзма архивной информационной среды.

Соответственно характеру предмета, принципам и критериям экспертизы архивоведение применяет методы, обеспечивающие отбор наиболее информативных документов. Они открываются методом функционального анализа, который в первую очередь обслуживает и реализует охарактеризованный “критерий ранга”, непосредственно отражающий фактор происхождения. Функциональный анализ обращен к громадным комплексам массовых документов. Логическая последовательность такова: сначала определяется круг фондообразователей (“источников комплектования”), документы которых принимаются на постоянное хранение, затем исследуется функциональная нагрузка документов разных видов и разновидностей, исходя из выделения основных и вспомогательных функций управления.

Функциональный анализ предполагает применение специально разработанных нормативов и рекомендаций, без которых суждения об уровне ценности тех или иных документов остались бы лишь посылками. Это списки учреждений, заранее предрешающие, фонды каких учреждений вообще не принимаются на государственное хранение и каких – принимаются, и перечни документов, которые должны быть приняты в составе последних. Они – нормативная сторона функционального метода. Естественнo, здесь широко используется номинальный признак, несущий существенные сведения о документе: его целевом назначении, форме и семантике, историческом значении информации. На основании признака вида и в ряде случаев принимается решение: хранить или уничтожить.

При передаче документов на государственное хранение важную роль приобретает непосредственный контакт архивиста с документами. Поэтому иногда говорят о “непосредственной экспертизе”, которая не отказывается от функционального рассмотрения документов, но применяет традиционное полистное обозрение. Роль перечней здесь снижается. Они выступают в качестве ориентирующих

* Это было сделано в нашей работе⁷⁶.

рекомендаций, с которыми экспертные комиссии могут не соглашаться: намечаемое априорно к уничтожению может быть сохранено. Это и есть “метод экспертных оценок”. Ценность определяется путем сопоставления текстуальных и других показателей документов с критериями ценности. Своеобразие метода в том, что выполняемый на уровне внешней критики источниковедческий анализ прекращается, когда установлено хотя бы одно основание (с точки зрения архивоведения) для сохранения документа, а задача проверки достоверности и истинности информации вовсе не ставится. Действуют ограничения, накладываемые требованием комплексности оценок и критерием поглощенности информации. Ведется борьба с дублированием и против приема документов, информация которых репрезентативно поглощена другими. Но должны быть разумные пределы, поскольку существует требование всесторонности оценок, способное привести к решению оставить некоторые документы, информация которых поглощена, а также дублиеты. Например, если установлено наличие важных связей дублиета с другими документами фонда (когда, как говорилось, дублиет “звучит”).

Метод экспертных оценок практикуется и по отношению к документам, уже хранящимся в государственных архивах. Есть две его формы: а) целевая экспертиза, когда некоторый фонд или группа фондов подвергается сплошному просмотру с единственной целью выявить и отобрать к уничтожению дела, не обладающие ценностью; б) попутная экспертиза как часть научно-технической обработки фондов. В обоих случаях возможно использование вариантов метода экспертных оценок – логической экстраполяции и интерполяции суждений (в сложных спорных случаях)*.

Процедура экспертных решений детально разработана архивными правилами. Но никто еще не исследовал логику складывания внутреннего убеждения эксперта, выливающегося в заключение – “ценное” или “не ценное”. Ясно, что как не существует единой модели источниковедческой критики, так не может быть и единой модели оценочного акта при “непосредственной экспертизе”. Здесь мы встречаемся со сложным переплетением приемов источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, включаемых в механизм ассоциативной памяти и призванных, в совокупности с требованиями информационного подхода, обеспечить действие критериев ценности, хотя бы они и не выступали в оценочном акте в явном виде. В конечном счете источниковедческие приемы могут быть, по-

* Смысл экстраполяции в том, что известные ранее суждения о ценности некоторой информации распространяются на другую, признающуюся в чем-то схожей или даже аналогичной с первой. При интерполяции архивист как бы замещает собой фигуру мыслимого будущего потребителя и стремится глубоко и всесторонне выяснить потенциальные возможности информации. В обоих случаях “эталон ценности” выступают не сами те или иные критерии ценности, а другие документы либо гипотетически созданные архивистом фрагменты исторических образов и построений. Подробнее см. в нашей работе⁷⁷.

видимому, сведены к историко-сравнительному и историко-конъюнктурному методам (“конъюнктурному” – по отношению к условиям происхождения документов, а не относительно ситуации экспертной оценки). Сравниваются зафиксированные в документах ситуации, чистота и формы их повторяемости, функции видов документов и фондообразователей, условия и причины возникновения документов и другие факторы, которые могут быть сопоставлены и приняты во внимание.

Сказанное о “непосредственной экспертизе” показывает ее сложность, сопряженную с опасностью субъективных ошибок. Этот недостаток сглаживает процедурный момент – коллективность решения экспертов. По идее задача коллективного решения заключается в исключении сомнений. Однако старое “калачевское правило” – сомнение обращается в довод за сохранение документа – не должно отвергаться и сейчас. Дело в том, что и при непосредственной оценке мы решаем вопрос о большой или ничтожно малой вероятности будущего использования данного документа. Сомнение эксперта – знак того, что эта вероятность выше, чем предполагается.

В середине 1950-х годов возник термин “источники комплектования”, обозначающий учреждения-фондообразователи, документы которых принимаются в государственные архивы⁷⁸. Распространение он получил в середине 1960-х годов. Проект словаря архивной терминологии предлагает определить источники комплектования как “организации или лица, непосредственно передающие документы в государственные и ведомственные архивы”⁷⁹. К этой формулировке можно предъявить претензии. Излишне упоминание ведомственных архивов (понятие источников комплектования призвано работать на комплектование государственных архивов) в сочетании с условием “непосредственной” передачи документов. В государственные архивы документы обычно поступают непосредственно именно из ведомственных, но ясно, что не они подразумеваются под источниками комплектования.

Точнее была бы, с нашей точки зрения, другая дефиниция: источники комплектования – это те фондообразователи, документы которых поступают на государственное хранение. Здесь не принимается во внимание организационная сторона вопроса, передает ли документы непосредственно фондообразователь или кто-то другой. Дефиниция сосредоточивается на том, что фонды некоторой группы фондообразователей поступают в государственные архивы, и предполагает, что все другие фондообразователи на это претендовать не могут. Вводя в дефиницию понятие фондообразователя, мы связываем понятие источников комплектования со сферой документообразования, с фактором происхождения. Возникает некоторая сложность, поскольку, говоря об источниках комплектования, нельзя не помнить о такой группе лиц, которых архивоведение именует фондодержателями. Сомнения легко рассеиваются: нас интересует, не кто “держит” документы, а что это за документы, какого они

происхождения, кто фондообразователь? На фондодержателя мы смотрим с точки зрения ценности фонда, которым он владеет.

Понятие фондодержателя возникло в практике комплектования государственных архивов документами личного происхождения. Так стали называть людей, владеющих по праву личной собственности фондами, образовавшимися в процессе их деятельности (или в деятельности других лиц), а также коллекциями. В конце 70-х годов простой вопрос, кто такой фондодержатель, неожиданно осложнился. Некоторые авторы предложили считать фондодержателем не только лицо, владеющее фондом личного происхождения, но также и всякую организацию, имеющую фонд во временном или постоянном пользовании⁸⁰. Мы считаем, что в этом понимании потеряно назначение понятия – обслуживать комплектование государственных архивов документами, находящимися в личной собственности граждан, и размыта правовая сторона “держания”, объединены разные формы собственности (личная собственность и государственная) на документы, не различается право владения и право пользования.

Вопрос о фондодержателях и фондах, которыми они владеют, важен для комплектования архивов документами личного происхождения. Но не ради таких документов возникло понятие источников комплектования, которое преимущественно имеет в виду фондообразователей, создающих массовую документацию. С помощью этого понятия архивоведение совершает переход от абстрактных представлений об информативности документов, возникающих на разных уровнях управления, к более конкретному рассмотрению свойств фондообразователей и степени информативности их фондов. Иными словами, это понятие теоретически связывает фактор (и понятие) происхождения с конкретным фондовым наполнением новейшей части Государственного архивного фонда. Такая связь реализуется с помощью “примерных списков”, определяющих, фонды каких учреждений принимаются на постоянное хранение и каких – не принимаются. Правда, “списки” были сформированы до того, как понятие источников комплектования получило признание. Практика вновь обогнала, как часто бывает, теорию, которой теперь приходится объяснять смысл вещей, оказавшийся более глубоким, чем можно было предполагать, исходя из сугубо прикладной роли “списков”.

Первая редакция (1960 г.) “примерных списков” разделила все учреждения по степени информативности их фондов на четыре класса. Первый список охватывал учреждения высокого ранга, а второй – более низкого. Основные документы фондов организаций этих списков подлежали обязательному приему на государственное хранение. Различие в том, что в одном случае документы намечались к первоочередному приему (по истечении сроков ведомственного хранения), а в другом – в сроки, устанавливаемые в каждом случае самими архивистами. Как видим, установки 1960-х годов не ис-

ходили из существенного различия уровней информативности фондов этих групп. Третий список – учреждения сравнительно невысокого ранга. Здесь предусматривалась выборочность: прием не всех фондов учреждений определенного типа, а лишь их представительной части*. Наконец, “четвертый список” – массовые учреждения самых низших рангов, вспомогательного и обслуживающего звена. Малая информативность их документов исключала комплектование ими государственных архивов.

Введение в практику “примерных списков” было с одобрением встречено большинством архивистов-практиков, но вызвало и критические замечания. “Конечно, – писал К.Г. Митяев, – реализация вышеназванных установок облегчает задачу архивиста: не принимать документы в архивы легче, чем принимать”⁸³. Однако рассмотренный нами теоретический материал показывает, что “не принимать” – задача также не из легких. Не от равнодушия к судьбе документов осуществлялось резкое изменение порядка комплектования в 1960-х годах и не умозрительными явились новые установки, заложенные в формировавшуюся тогда теорию экспертизы. Их глубокий источник – “информационный взрыв”, резкое нарастание объема документов, образующихся в стране. Новые теоретические взгляды – это реакция архивистов на новую ситуацию и стремление вести в ее условиях борьбу за сохранение исторически ценной информации.

“Примерные списки” 1960-х годов в основном выдержали проверку временем, поскольку опирались на объективно верный критерий ранга. На их базе государственные архивы разработали конкретные списки, ставшие главным рабочим инструментом осуществленной реформы комплектования. Жизнь внесла коррективы. Учреждения первых двух списков слились в один список. Соответственно “третий список” стал называться вторым, а четвертый – третьим. Как выразился В.В. Цаплин, “это так называемые подсобно-вспомогательные организации и предприятия. Сколько их, мы никогда не считали”⁸⁴. Приблизительно подсчитать можно, и даже в масштабах страны. Как отмечалось, государственные архивы принимают материалы от 240 тыс. организаций. В целом же имеется не менее 2,6 млн организаций на самостоятельном бюджете, т. е. отвечающих статусу самостоятельного фондообразователя. Следовательно, не принимаются фонды примерно 2,36 млн организаций.

Оптимизация конкретного состава списков – одна из постоянных забот работников государственных архивов, поскольку, как показа-

* С.П. Люшин⁸¹ справедливо отмечал отсутствие достаточной ясности в вопросе выборочного приема. “Если школа сдает свои документы в составе фонда района, то тут, как правило, ограничиваются отдельными образцами. Если же от нее поступают документы в виде самостоятельного фонда, то они должны быть и по виду, и по содержанию полнее, отражать весь учебно-вспомогательный процесс”. Анализ проблемы на богатом фактическом материале с конкретными предложениями выполнен Т.Ф. Авраменко⁸².

ла 20-летняя практика их применения, уровень информативности фондов определенных групп учреждений не всегда устойчив. Бывают существенные колебания информационной значимости однотипных фондов в зависимости от конкретных условий деятельности фондообразователей. Такой подход требует создания системы критериев оценки учреждений-фондообразователей с целью включения их в круг источников комплектования. Общий смысл задачи вытекает из изложенных представлений о разных уровнях информативности (информационных потенциалов) фондов, образующихся в деятельности разных учреждений. Требуется использовать эти представления для выявления признаков, свидетельствующих о высоком или низком уровне информативности фондов, и придать указанным признакам значение критериев источников комплектования. В нашем понимании теоретическое требование, предъявляемое к выработанным критериям, заключается в том, чтобы они характеризовали существенные признаки информативности, а не оттенки признаков*. Поэтому критериев не должно быть много. Законченные в 1980 г. методические рекомендации о критериях отнесения к числу источников комплектования учреждений, организаций и предприятий сформулировали четыре критерия: 1) значение учреждения в отрасли; 2) полнота документирования основных функций учреждения; 3) полнота отражения его деятельности в фондах других учреждений; 4) характер информации, образующейся в деятельности учреждений или групп учреждений одного вида**. Первый из этих критериев – вариант известного критерия “ранга”. Второй исходит из степени отражения деятельности учреждения в документах его фонда. Третий учитывает, что существуют учреждения, документы которых широко представлены в фондах вышестоящих учреждений, а документы, которых там нет, не представляют существенного интереса. Что позволяет исключить нижестоящие учреждения из числа источников комплектования. Четвертый критерий имеет в виду не характер информации как таковой, а степень ее однородности, “похожести”. Если мы имеем группу “похожих” фондов, то соответствующие фондообразователи допустимо отнести к источникам выборочного приема***.

* * *

Комплектование государственных архивов предполагает отбор документов, их деление на “ценные” и “не ценные”. Задача заключается в том, чтобы, избежав потерь исторически ценной информации (потенциальных источников), не допустить приема малоинформативных документов. Это достигается средствами теории эксперти-

* Определение источников комплектования конкретных государственных архивов соотнобразуется с их профилями.

** Справка В.П. Козлова Ученому совету ВНИИДАД⁸⁵.

*** См. также статью Е.В. Беловой, М.П. Жуковой и М.В. Родюковой⁸⁶.

зы, включающей источниковедческий подход. Однако с первых шагов развития данной теории в нее стал внедряться и другой, информационный подход, долгое время не опознававшийся как таковой, хотя научное существо многих важных архивоведческих решений было безусловно информационным: к примеру, функциональный анализ (и в частности, отношение к признаку номинала), сокращение хранения дублетов, ранжирование фондообразователей, являющееся способом деления фондов по степени их информативности.

Все же информационный подход внутренне ограничен. Он, взятый изолированно, лишен возможности установить историческую ценность документов. В то же время источниковедению свойственно (в общей постановке вопроса) искать ценное “во всем”. Оно по своему научному настрою не способно на антиценностные суждения. В теории экспертизы источниковедческий подход не может изменить такой установке*. Ясно, что, следуя ей, архивисты не смогли бы реализовать функцию накопления. Следовательно, говоря об архивоведческой экспертизе как об этапе источниковедческого анализа, следует вновь подчеркнуть, что перед нами не только начальный этап, но и особенная форма такого анализа. И дело не только в том, что эта форма, работая на уровне потенциального источника, обычно оставляет за своими пределами вопросы внутренней критики источников. Важно также, что в оценочный процесс включается информационный подход, вооруживший архивоведение пониманием общих свойств информации и закономерностей распределения высоко- и малоинформативных групп документов, изменивший сам характер научного мышления архивистов.

Столкнувшись с исследованием объектов так называемой “двойственной природы”, современная наука выдвинула для их познания принцип дополнительности. В чем-то схожая ситуация наблюдается и в вопросах экспертизы ценности документов, для решения которых неизбежно использование источниковедческого (по природе исторического) и информационного (в основе логического) подходов. Оба подхода и предполагают, и ограничивают друг друга. Было бы ошибкой сказать, что в теории экспертизы там, где кончается источниковедческий подход, начинается информационный. Путь к решению вопросов отбора открывает взаимодополнительное их применение, включающее установки функционального, системно-

* А.Д. Степанский при обсуждении доклада автора “Источниковедческий и информационный подходы в теории экспертизы документов” (1974 г.) не вполне согласился с этим тезисом, считая, что неспособность источниковедения к отрицательным, “антиценностным” суждениям действительно реальна, но объясняется не его теоретической природой, а “его теоретической отсталостью”, тем, что по существу оно до сих пор является “источниковедением дефицитных источников” и в нем отсутствует такое направление, как “источниковедение избыточных источников”. Когда оно будет создано, говорил Степанский, источниковеды примут на вооружение те информационные понятия, которыми сейчас оперируют архивисты; тогда же в экспертизе возникнет единый информационно-источниковедческий подход⁸⁷. Будущее покажет, справедлив ли такой прогноз.

структурного и вероятностного подходов и придающее теории экспертизы необходимое единство. Такое понимание вопроса соответствует положению, что науке полезно совмещать логическое познание с историческим исследованием.

При отборе документов для государственного хранения и уничтожения нельзя применять признаки содержания, понимаемые в тематическом смысле. Бесспорно, на наш взгляд, что нет ни одной “темы”, которую допустимо исключить из материалов Государственного архивного фонда. Поскольку тематическая оценка исключена теоретически, внимание архивоведения сосредоточивается в основном на оценке исторической значимости документов с позиций информативности их содержания: насколько они богаты или бедны содержанием. При непосредственной экспертизе ценность определяется путем сопоставления текстуальных показателей (и “внешних особенностей”) документов с требованиями критериев ценности, что исключается в случаях, когда ценность огромных масс документов устанавливается заочно, априорно. Здесь конкретные показатели документов недоступны непосредственному наблюдению. Но это не значит, что содержание как характеристика ценности исключается из определения научно-исторической значимости документов. Оно учитывается опосредованно. Такая возможность реализуется благодаря тому, что “содержание” – не только конкретные текстуальные показатели, но выражается также характеристиками функций и “ранга” учреждения, признаками информативности документов (плотности информации, являющейся “мерой содержания”). Наконец, важными признаками содержания выступает функциональное назначение самих документов, связанное с их формой, – видовые свойства, что отвечает положению о существенности формы и формированности сущности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Орлова Н.А. Вопросы экспертизы ценности в советском архивоведении // Тр. МГИАИ. М., 1972. Т. 29. С. 48–67.
- 2 Декрет СНК РСФСР “О хранении и уничтожении архивных дел”, 22 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 87–88.
- 3 Елпатьевский А.В. О разработке перечня документальных материалов, подлежащих приему в государственные архивы // Вопр. архивоведения. 1961. № 2. С. 77–84.
- 4 Автократов В.Н., Елпатьевский А.В. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами: Источниковедч. аспект // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1975. М., 1976. С. 5–40; Елпатьевский А.В., Коленкина Т.Г., Цаплин В.В. Комплектование документальными материалами советских государственных архивов // Советские архивы. 1970. № 1. С. 24–34; Они же. Научные основы экспертизы ценности документальных материалов советской эпохи и комплектование ими государственных архивов // Тр. научной конференции по во-

- просам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 28–71; Тр. ВНИИДАД. М., 1974. Т. 4: Теория и практика экспертизы ценности документов и комплектования государств. архивов СССР. М., 1974. Ч. 1–2.
- 5 Архив ВНИИДАД. Материалы Ученого совета. Д. 6 (24). 1971 г.
 - 6 Материалы Научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР. М.: Главархив СССР, 1976. Ч. 1. С. 106.
 - 7 Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Политиздат, 1975. С. 140.
 - 8 Богоявленский С. Работа Поверочной и разборочных комиссий // Архивное дело. 1926. Вып. 5–6. С. 68.
 - 9 Там же. С. 69.
 - 10 Там же. С. 69–70, 75.
 - 11 Богоявленский С. [Рец. на кн.:] Бельчиков Н. Теория археографии. М.; Л., 1929 // Архивное дело. 1929. Вып. 3(20). С. 73.
 - 12 Богоявленский С. Работа Поверочной и разборочных комиссий // Архивное дело. 1926. Вып. 5–6. С. 76–77, 81.
 - 13 Орлова Н.А. Некоторые понятия теории познания и их значение для экспертизы ценности документов // Тр. МГИАИ. М., 1975. Т. 31. Вып. 2. С. 14–19.
 - 14 Елпатьевский А.В., Колосова Э.В., Шелукова Н.М. К истории создания и применения системы перечней документальных материалов в советском архивном деле // Тр. ВНИИДАД. М., 1972. Т. 2. С. 57–81.
 - 15 Анфилов Б. Назревшая реформа (Архивы учреждений и Центрархив) // Архивное дело. 1928. Вып. 1 (14). С. 3–17; Он же. Пересмотр состава государственных архивов // Архивное дело. 1935. Вып. 2 (35). С. 26–35; Он же. Применение перечней // Архивное дело. 1936. № 2 (39). С. 7–12.
 - 16 Богоявленский С. Работа Поверочной и разборочных комиссий // Архивное дело. 1926. Вып. 5–6.
 - 17 Полянская Л. Выработка принципов хранения и изъятия архивных материалов // Архивное дело. 1936. № 2 (39). С. 38–54.
 - 18 Нагорова З., Карпоухова Л. О выявлении архивных материалов, подлежащих хранению // Архивное дело. 1938. № 2 (46). С. 94–140.
 - 19 Правила экспертизы научной и практической ценности документальных материалов в государственных архивах. М.: Главархив, СССР, 1957. 29 с.
 - 20 Митяев К.Г. О принципах и критериях научной ценности документальных материалов и их применении // Исторический архив. 1958. № 3. С. 185–194.
 - 21 Степанский А.Д. О теоретических основах отбора документальных материалов на государственное хранение // Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР: Материалы научно-методич. конф. архивистов РСФСР. М., 1965. С. 38.
 - 22 Автократов В.Н. Источниковедческий и информационный подходы в теории экспертизы ценности: Вопросы анализа архивоведч. критериев ценности // Материалы к Научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов в СССР. М., 1974. Ч. 1. С. 17–18; Он же.

- Источниковедческий и информационный подходы в теории экспертизы: (Вопросы анализа архивоведч. критериев ценности) // Материалы Научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР. М., 1976. Ч. 1. С. 28–29 (перераб. текст доклада 1974 г.).
- 23 Митяев К.Г. О принципах и критериях научной ценности документальных материалов и их применении // Исторический архив. 1958. № 3. С. 188.
 - 24 Правила экспертизы научной и практической ценности документальных материалов в государственных архивах. М.: Главархив СССР, 1957. С. 10.
 - 25 Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики / Отв. ред. А.А. Зимин. М.: Наука, 1970. С. 17.
 - 26 Типовые нормы времени (выработки) на основные виды работ, выполняемые государственными архивами на договорных началах: Приказ Главархива СССР от 18.09.80 № 193. М., 1980. 41 с.
 - 27 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 22.
 - 28 Варшавчик М.А. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вopr. истории. 1968. № 10. С. 76–89; Введенский А., Дядиченко В., Стрельский В. Допоможні історичні дисципліни: Короткий курс: Уч. посіб. Київ: Радянська школа, 1963. 208 с.; Веселовский С.Б. Из курса лекций аспирантам Московского государственного историко-архивного института о методике научных исследований: Стенограмма // Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 190–292; Николаева А.Т. Теория и методика советского источниковедения: Учеб. пособие / Отв. ред. О.М. Межушевская. М.: МГИАИ, 1975. 143 с.; Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и испр. Ростов н/Д: Сев-Кавк. научн. центр высшей школы, 1976. 479 с.; Стрельский В.И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР / Отв. ред. В.В. Введенский. Киев: Изд-во. Киевского ун-та, 1961. 133 с.; Он же. Теория и методика источниковедения СССР. Киев: Вища школа, 1976. 130 с.; Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 7–58 и др.
 - 29 Правила экспертизы научной и практической ценности документальных материалов в государственных архивах. М.: Главархив СССР, 1957. С. 3–4, 10–14, 16.
 - 30 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 18–19, 22–25.
 - 31 Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ф.И. Долгих, К.И. Рудельсон. М.: Высш. школа, 1980. С. 76–77.
 - 32 Каштанов С.М., Курносков А.А. Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. № 4. С. 180.
 - 33 Азбелев С.Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина // История СССР. 1966. № 4. С. 81–106; Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики / Отв. ред. А.А. Зимин. М.: Наука, 1970. – 502 с.; Лихачев Д.С. Текстология: На матер.

- русской литературы X–XVII вв.. М.; Л.: Изд-во. АН СССР, 1962. 605 с.
- 34 Цаплин В.В. Теоретические и практические вопросы экспертизы документов // Советские архивы. 1966. № 3. С. 18.
 - 35 Тартаковский А.Г. Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 г.: К методике источниковедч. анализа // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 239–240.
 - 36 Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. / Под ред. А.А. Зимина. М.: Наука, 1967. С. 105.
 - 37 Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки соц.-политич. истории. М.: Мысль, 1982. С. 169.
 - 38 Цаплин В.В. Теоретические и практические вопросы экспертизы документов // Советские архивы. 1966. № 3. С. 18.
 - 39 Лихачев Д.С. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников // Исторический архив. 1961. № 6. С. 148–149.
 - 40 Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание: (Методологич. аспекты) / Ред. Л.В. Алякринский. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. С. 188.
 - 41 Курашвили Б.П. Критерии достоверности и информации // Документалистика-69. Материалы I Всес. симпозиума по документалистике. Вильнюс: РИНТИП, 1970. Т. 1. С. 67.
 - 42 Котков С.И. О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 9.
 - 43 Автократов В.Н. Источниковедческий и информационный подходы в теории экспертизы: Вопросы анализа архивоведч. критериев ценности // Материалы Научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР. М., 1976. Ч. 1. С. 48–49.
 - 44 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 22.
 - 45 Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке: Философ. очерки. М.: Наука, 1975. С. 218.
 - 46 Косолапов В.В. Информационно-логический анализ научного исследования: Методологич. проблемы аналитико-синтетич. переработки научной информации. Киев: Госплан УССР, ЦНИИКИ и ТЭИ, 1968. С. 227.
 - 47 Украинцев В.С., Урсул А.Д. Кибернетика и материалистическая диалектика // Философские науки. 1975. № 2. С. 5.
 - 48 Берг А.И. Кибернетика и надежность. М.: Знание, 1964. С. 8.
 - 49 Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке: Философ. очерки. М.: Наука, 1975. С. 133.
 - 50 Правила экспертизы научной и практической ценности документальных материалов в государственных архивах. М.: Главархив СССР, 1957. С. 13.
 - 51 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 23.
 - 52 Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Социальная информация // Вопр. философии. 1974. № 10. С. 66–67.
 - 53 Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. М.: Наука, 1972. С. 95.

- 54 *Иванкин В.И.* Научно-информационная деятельность в системе научных коммуникаций // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1979. № 3. С. 4–5.
- 55 Market explosion in copying revived at AMS international conference // Office equipment and methods. 1969. № 7. P. 48–50.
- 56 *Шепелев Л.Е.* Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX – начала XX в. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1975. М., 1976. С. 248.
- 57 Методика отбора дублетных документальных материалов на государственное хранение: (Рекомендации) / Общ. ред. А.В. Елпатьевского. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1969. 31 с.; *Попова Г.И., Феоктистова Г.А., Шелукова Н.М.* Отбор на государственное хранение документов с повторяющимся содержанием // Советские архивы. 1968. № 4. С. 27–33.
- 58 *Авраменко Т.Ф., Коннова Н.Н., Шелукова Н.М.* К методике исследования проблемы отбора на государственное хранение документов с повторяющимся содержанием // Советские архивы. 1972. № 4. С. 65–70.
- 59 Основные положения отбора документов с повторяющейся информацией на государственное хранение / Общ. ред. Д.Д. Голованова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1976. 109 с.; *Белова Е.В., Жукова М.П., Коннова Н.Н., Шелукова Н.М.* О повторяемости информации документных систем сферы управления // Вопр. истории. 1978. № 11. С. 22–32; *Шелукова Н.М., Авраменко Т.Ф.* Вопросы отбора на государственное хранение документов с повторяющимся содержанием // Советские архивы. 1975. № 5. С. 31–42.
- 60 *Степанский А.Д.* О теоретических основах отбора документальных материалов на государственное хранение // Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР: Материалы научно-методич. конф. архивистов РСФСР. М., 1965. С. 41–42.
- 61 *Николаева А.Т.* Теория и методика советского источниковедения: Учеб. пособие / Отв. ред. О.М. Медушевская. М.: МГИАИ, 1975. С. 32; *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1975. С. 107–108 и др.
- 62 *Медушевская О.М.* Сборник, подготовленный историками ГДР, и вопросы источниковедения // Советские архивы. 1968. № 4. С. 121.
- 63 *Афанасьев В.Г.* Управление и решение // Коммунист. 1974. № 17. С. 39.
- 64 *Шепелев Л.Е.* Об экспертизе ценности бухгалтерской документации акционерных коммерческих банков // Исторический архив. 1959. № 1. С. 177.
- 65 *Ковальченко И.Д., Дробижев В.З., Воронкова С.В.* Научная организация массовой документации и ее использование в интересах исторической науки // Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 1. С. 48–51.
- 66 Труды ВНИИДАД. М., 1974. Т. 4. Ч. 2. С. 325, 327.
- 67 *Сахаров А.М.* О некоторых вопросах историографических исследований // Вестн. Моск. ун-та. История. 1973. № 6. С. 108.

- 68 Цаплин В.В. Теоретические и практические вопросы экспертизы документов // Советские архивы. 1966. № 3. С. 14–22.
- 69 Комплектование документальными материалами государственных архивов социалистических стран и работа ведомственных архивов // Советские архивы. 1970. № 3. С. 23–36.
- 70 Тр. ВНИИДАД. М., 1974. Т. 4. Ч. 1. С. 164–182.
- 71 Основы отбора научно-технической документации на государственное хранение: Методич. рекомендации / Общ. ред. Д.Д. Голованова и А.П. Курантова. М., Главархив СССР, ВНИИДАД, 1976. 121 с.
- 72 Тр. ВНИИДАД. Т. 4. Ч. 1. С. 179.
- 73 Единая государственная система делопроизводства: Оsn. положения / Общ. ред. Ф.И. Долгих. Редкол.: В.Н. Автократов, А.П. Курантов и др.; сост.: В.Н. Автократов, В.Д. Банасюкевич, М.Т. Лихачев, А.Н. Сокова и др. М.: Главархив СССР, Минприбор, 1974. С. 16.
- 74 Воробьев Г.Г. Документ: информационный анализ. М.: Наука, 1973. С. 17; Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1968. С. 98; Новиков Э.А., Егоров В.С. Информация и исследователь / Отв. ред. Д.Ю. Теплов. Л.: Наука, Лен. отд-ние, 1974. С. 98–99 и др.
- 75 Кузнецова Т.В. Проблемы взаимосвязи документоведения и архивоведения // Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества". М., 1979. Ч. 1. С. 258.
- 76 Автократов В.Н. Источниковедческий и информационный подходы в теории экспертизы: Вопросы анализа архивоведч. критериев ценности // Материалы Научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР. М., 1976. Ч. 1. С. 28–78 (переработ. текст доклада 1974 г.).
- 77 Автократов В.Н. К вопросу о методологии архивоведения // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 22–35.
- 78 Павлова Н.А. Проект "Основных правил комплектования государственных архивов СССР" // Исторический архив. 1956. № 5. С. 236.
- 79 Словарь современной архивной терминологии социалистических стран: Проект. М.: Б. И., 1979. Вып. 1. С. 52.
- 80 Там же. С. 132.
- 81 Люшин С.П. Вопросы местного опыта в трудах В.И. Ленина и значение документов учреждений низового звена // Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1976. С. 13.
- 82 Авраменко Т.Ф. Комплектование государственных архивов документами по истории общеобразовательной школы (На примере учреждений нар. образования г. Москвы и Московской обл., 1966–1978 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 21 с.
- 83 Митяев К.Г. К методологии классификации и экспертизы документов // Тр. МГИАИ. М., 1967. Т. 25. С. 130.
- 84 Цаплин В.В. Критерии определения состава организаций – источников комплектования ЦГАНХ СССР. М.: ЦГАНХ СССР, 1977. 23 с. СИФ ЦГАНХ СССР. № 2373.

- 85 Архив ВНИИДАД. Материалы Ученого совета. Д. 9 (81). 1981 г.
- 86 Белова Е.В., Жукова М.П., Родюкова М.В. Критерии определения учреждений – источников комплектования государственных архивов // Советские архивы. 1980. № 4. С. 33–38.
- 87 Материалы Научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР. М.: Главархив СССР, 1976. Ч. 1. С. 160–161.

Согласно современным научным представлениям, всякое упорядочение системы рассматривается как негэнтропийный процесс, повышающий ее информативность. Это справедливо и для Государственного архивного фонда, взятого в целом, и для отдельных архивных фондов. Сказанное не противоречит повседневному архивоведческому пониманию упорядочения документов – тому, что обычно называется их научно-технической обработкой, но расширяет возможности анализа проблемы совершенствования архивной информационной среды, позволяя видеть в упорядочении одну из основных функций архивного дела. Важной задачей этой функции является фондирование, понимаемое автором как совокупность вопросов пофондовой и внутрифондовой систематизации документов. Преследуя цели совершенствования архивной информационной среды, фондирование обеспечивает поддержание высокого информационного потенциала фондов, снижает интеллектуальные и другие трудовые и временные затраты при выполнении многих архивных работ, повышает надежность поиска, а также уровень эффективности использования документов.

Проблема фондирования рассматривается автором в качестве частной архивоведческой теории, опирающейся на понятие происхождения, принципы происхождения, недробимости фонда и другие основополагающие положения общей теории. Главное внимание уделяется специфическому понятийному аппарату фондирования, непосредственно обеспечивающему научное решение вопросов систематизации документов в обоих названных видах – пофондовой и внутрифондовой, где одно и другое выступают как отношение понятий целого и его внутренней структуры.

Выше неоднократно обращалось внимание на то, что процессу фондообразования, включающему складывание органической структуры фонда, присущи черты естественноисторического процесса. Действие причинной связи не обрывается самим фактом возникновения фонда. Характер и конкретные условия деятельности фондообразователя определяют видовой состав и семантику документов, а также их внутрифондовые связи, выражающиеся в исторической

структуре фонда. В силу таких связей структура фонда приобретает особое информационное содержание, позволяющее использовать ее в поиске документов, успех которого во многом закладывается уже на стадии пофондовой и внутрифондовой систематизации документов.

Как отмечалось выше, обычно документы не только легче отыскиваются в том окружении, в котором они возникли, но и точнее, полнее и шире интерпретируются в том же окружении. Из этого следует, что структура фондов, оставляемых на постоянное хранение, должна максимально приближаться к их историческим структурам. Если такое условие выдерживается, потребители получают возможность с меньшими издержками получить искомые документы, избежать многих потерь информации, а результаты их исследования приобретают достаточную степень доказательности.

Рассматривая современное состояние фондов в качестве итога их предшествующего развития, мы учитываем, что данный итог возникает не только под воздействием факторов, действовавших в сфере документообразования, но и в результате более поздних влияний на уже “готовый” фонд. Такие влияния нередко деформируют исторически сложившийся фонд, хотя во многих случаях новая структура, продолжая соответствовать информационной природе фондообразователя, более отвечает его функциональной структуре, чем первоисходная. Наиболее распространенный случай – замена громоздкого хронологически-структурного построения фонда структурно-хронологическим, при котором генетические связи между документами не разрушаются, а проявляются. Однако так получается не всегда, и важно знать, не пришла ли новая структура в информационное противоречие исходным построениям. Поэтому теория фондирования придает большое значение изучению истории фондообразователя и характерных черт постановки его делопроизводства, заинтересована в разработке истории самого фонда, причем то и другое рассматривается преимущественно в структурном аспекте.

Истоки теории фондирования и многие важнейшие ее методические решения восходят к разработкам 1930-х годов, которые пофондовую и внутрифондовую систематизацию рассматривали как логически продолжающийся процесс работы с документами и как единую предметную область. В таком духе были выполнены правила внутрифондовой систематизации 1938 г.¹, назвавшие хорошо известные с тех пор признаки систематизации дел и открывающиеся структурным признаком, смысл которого в том, что структура фонда должна соответствовать исторической структуре фондообразователя. Изданные вскоре “Правила определения архивного фонда” (1939 г.) были обращены к вопросам пофондовой группировки документов. В них перечислены признаки, отличающие самостоятельный фондообразователь, и признаки хронологических границ его деятельности². Комментируя эти правила, их автор Л.И. Полянская подчеркивала особую важность понятия архивного фонда для

систематизации (трактуемой ею в широком смысле – пофондовой и внутрифондовой) документов: внося организующее начало во всякую работу с ними, оно “должно находиться в полном соответствии с историческими данными” и строиться “на чисто исторических принципах”³.

Нормативно-методические установки 1938 (переработанные в 1948 г.) и 1939 гг. оказали сильное влияние на характер научного мышления архивистов, способствовали укреплению позиций историзма в трактовке структурных решений. Вместе с тем внутрифондовая систематизация в глазах архивистов 1930–1940-х годов была более сложной работой, чем определение фондовой принадлежности документов, и ей уделялось больше методического внимания. Изменения имели место в 1950-х годах, отмеченных, как известно, многочисленными реорганизациями аппарата управления, в том числе ликвидацией многих учреждений, и поэтому – массовым приемом в государственные архивы их фондов. В такой обстановке выяснилось, что “самыми сложными теоретическими вопросами архивоведения” стала пофондовая систематизация, получившая тогда название *фондирования*⁴.

Ответом на требования обстановки явились правила фондирования 1958 г., сделавшие попытку сформулировать научное содержание и предложить более глубокую методику этой работы. Фондирование рассматривалось в том узком смысле, который исключает вопросы внутрифондовой систематизации документов и, с нашей точки зрения, обедняет предмет фондирования. Но такое понимание было закреплено последующей литературой. Неудивительно, что узко рассматриваемое фондирование быстро перестало восприниматься самостоятельной частью архивоведения. Пофондовая систематизация (т. е. то, что обычно понимается как “фондирование” в узком смысле) начала трактоваться как вспомогательный подраздел вопросов комплектования государственных архивов, а внутрифондовая была закреплена в кругу задач так называемой “научно-технической обработки”^{*}. Разрыв этот задерживает развитие теории, и его нельзя считать правомерным^{**}.

Почему общую предметную область, охватывающую в нашем понимании два указанных вида систематизации, предпочтительно на-

* Термину “научно-техническая обработка” не соответствует какое-либо познавательное содержание. Он обозначает ряд разнохарактерных (научных и чисто технических) операций с документами и удобен для организации таких работ.

** Заметим смещение акцентов в установках после 1958 г. Если правила фондирования обозначали предмет фондирования прежде всего через характеристики фондообразователя как определенной исторической реальности, то последующие установки начинали с подчеркнутого выделения операционного момента: фондирование – процесс классификации архивных документов⁵, комплекс соответствующих работ⁶, классификация документов по фондам⁷. В центр внимания поставлен не фондообразователь, а процесс работы архивистов с фондом, причем степень зависимости фонда от признаков, характеризующих фондообразователя, отмечалась не столь отчетливо, как раньше.

зывать теорией фондирования, а не теорией систематизации документов? Понятие систематизации документов менее определено, поскольку не связано с посылкой, на какой теоретической основе выполняется такая работа. Напротив, “фондирование” обращает всю данную предметную область к понятию фонда, к генетической классификации. А это, в свою очередь, облегчает рассмотрение фонда с одной, “внешней”, стороны как целостного источника потенциальной информации, а с другой, “внутренней”, – как сложного информационного объекта, как исторически взаимоориентированной структуры частей целого. Целое и его части выступают в единстве, существующем благодаря наличию информационных связей, пронизывающих фонд и выражающих его существо как целого. Такая устойчивость определяется структурой фонда и зависит от того, насколько эта последняя отвечает его исторической природе.

Компоненты фонда (части “целого”) взаимоориентированы и находятся в отношениях структурной субординации нескольких уровней, низшему из которых соответствует отдельно взятый документ. Но обычно только при систематизации россыпи отдельный документ является объектом систематизации. Как правило, систематизируются “дела”. Вне своего фонда дела и документы перестают восприниматься частью целого и теряют значительную долю информативности. В меньшей мере информативность снижается при перемещении дел и документов из одной исторически сложившейся внутрифондовой структуры в другую. В совокупности такие перемещения способны снизить информационный потенциал названных структур и фонда в целом. Это еще раз подтверждает мысль, что любые изменения фондовых структур допустимы только в определенных пределах, которые мы назвали соблюдением “информационной непротиворечивости”, т. е. при условии, что измененная структура сохраняет генетические связи между документами фонда, не искажает функциональных характеристик структурных подразделений фондообразователя.

Появление ложных внутрифондовых структур создает дезинформирующий эффект, проявляющийся уже на стадии поиска документов и влекущий последующие искажения содержательного характера. Примером может служить грубая ошибка, совершенная более ста лет назад Н.П. Загоскиным. Ее уроки актуальны и теперь. Поставив задачу выяснить функции “столов” (структурных подразделений) Разрядного приказа XVII в., этот историк принял структуру фонда, существовавшую в его время (такой она остается и теперь), за историческую структуру фондообразователя. Он полагал, что состав документов каждого “стола” (части фонда) восходит к “столу” (подразделению) того же названия в Разрядном приказе⁸. Между тем данное умозаключение далеко не всегда верно, поскольку дела Разрядного приказа, вследствие многих причин, с течением времени настолько перепутались, что фактическая внутренняя структура фонда перестала соответствовать его исторической струк-

туре, пришла в противоречие с ней. В фонде, например, возникли “столаы”, которых никогда не было в Разрядном приказе. Не подозревая этого, Загоскин пытался объяснить возникшую путаницу “шаткостью распределения ведомств между отдельными установлениями”, временными передачами вопросов из одних подразделений в другие. Иногда же, замечая “большие странности”, он останавливался в недоумении или (как выяснилось потом) просто замалчивал их.

Русские архивисты еще в конце прошлого столетия в ряде опубликованных работ отметили указанные ошибки и вскрыли конкретные причины, их породившие. Тем не менее дезинформация наложила глубокий отпечаток на историографию вопроса: на работу Загоскина продолжают ссылаться как на добротный научный материал.

Можно возразить, что здесь разобран крайний случай. Нет, по существу перед нами классический в своем роде пример встречи историка с информационной противоречивостью структуры фонда, показывающий, какой резонанс создает ложная фондовая структура.

Итак, в понятии фонда и в каждом реальном конкретном фонде следует различать две стороны: “внешнюю” – фонд как некоторое целое, и “внутреннюю” – фонд как совокупность и структуру его компонентов. Связь данных сторон является одной из форм всеобщей связи явлений, которая в нашем случае требует рассматривать пофондовую и внутрифондовую систематизацию согласно конкретным условиям фондообразования. Внешняя локализация документов, отграничение их от документов других фондов (пофондовая систематизация) и распределение документов в пределах фонда (внутрифондовая систематизация) выступают в общей постановке вопроса как проблема “внешнего” и “внутреннего”, “целого” и “частного”, в известном смысле “формы” и “содержания”. Архивоведческий смысл этой проблемы заключается в том, что структура фонда (его внутренняя природа) не может быть понята и освоена без выяснения его “внешних” характеристик, его границ, без знания условий, в которых он сформировался. И наоборот, внешние характеристики проявляются через знание внутренней сущности фонда, в результате выявления и оценки его структуры. Из сказанного вытекает, что предмет теории фондирования может быть определен как обоснование и развитие научной установки на фондовую организацию документов в соответствии с их происхождением и конкретными условиями фондообразования. “Организация” трактуется здесь в широком аспекте, включающем и внутрифондовые структурные построения.

В свете этих положений попытаемся теоретически осмыслить, обобщить и по возможности развить большой научный материал, накопленный отечественным архивоведением. В теории фондирования можно выделить: 1) специфический понятийный аппарат, разработанный в целях пофондовой и внутрифондовой систематизации

документов, т. е. использующийся именно в теории фондирования; 2) общеархивоведческие понятия и принципы: понятия происхождения, фонда и фондообразователя, информационной непротиворечивости, закономерность фондообразования, принципы происхождения и недробимости фонда. Практически особенно необходим принцип недробимости, поскольку, занимаясь вопросами фондирования, архивисты непосредственно ориентируются именно на него, а игнорирование его требований ведет к грубым ошибкам.

В понятийном аппарате фондирования основную нагрузку несут специфические единицы знания – так называемые “признаки”, разработанные в методическом отношении, а в теоретическом недостаточно. Поэтому их анализ представляет существенный интерес. Признаки – особого рода формы научного мышления, близкие по значению к научным понятиям. Их роль, так же как и роль понятий, заключается в различении предметов деятельности. Признаки близки к понятиям и тем, что само понятие как таковое – это “расчлененное на признаки знание о предмете”⁹. Тем не менее архивоведческие признаки все же достигают уровня понятий, поскольку выделяют лишь отличительные характеристики предмета, а обобщение отсутствует. Налицо термин, обозначающий явление (например, “самостоятельный фондообразователь”), но отсутствует дефиниция, определяющая явление языком теории. Разнообразие документального материала, к которому обращены признаки, послужило препятствием на пути выработки дефиниций, допуская лишь перечисление и описание признаков. Между тем понятие “приобретает полную и законченную форму лишь в составе развернутого теоретического изображения” соответствующих явлений¹⁰. Поскольку же в данном случае этого нет, мы считаем допустимым трактовать архивоведческие признаки как понятия, “не вполне совершенные”. Такой подход не снижает их значения. В любой научной дисциплине, отмечал отечественный ученый Д.С. Лотте, существуют весьма важные понятия, вовсе не имеющие определений: их заменяют “приблизительные объяснения”¹¹.

Оказалось возможным раскрыть назначение и содержание той или иной группы признаков, объяснить, для чего они нужны, как понимать каждый из них и как ими пользоваться, но не дать определение, общее для группы в целом. Дефиниции здесь как бы растворились в описательных характеристиках обозначаемых явлений. Несмотря на сложившуюся ситуацию, архивоведческие признаки – вполне работоспособная форма научного мышления в рамках прикладной теории, вносящая единообразную трактовку в решение сложных вопросов систематизации документов. В этом отношении они, по-видимому, не уступают определениям “синтаксического вида”, отражающим существо предметов “через правила их употребления”¹².

Признаки, применяющиеся теорией фондирования, относятся к нескольким группам. Две из них обращены к вопросам пофондовой

группировки документов (“фондированию” в узком смысле). Это признаки самостоятельного фондообразователя и его хронологических границ. Их конечная цель – способствовать выполнению подчас непростой задачи выделения фонда из всей наличной массы документов, отмежевания его от документов других фондов.

Всякий документ связан со своим фондообразователем, и всякий фонд складывается в результате деятельности фондообразователя. Однако не каждый управленческий аппарат, создающий и накапливающий документы, архивоведение может признавать самостоятельным фондообразователем. Не каждый, но какой? Сложность вопроса создавалась еще в середине 1920-х годов. Так, А.И. Андреев считал, что “учреждение не поддается определению”. По-видимому, он был прав в том отношении, что самостоятельный фондообразователь не поддается однозначному определению, приложимому ко всем случаям фондирования. Все же решение вопроса было найдено Б.И. Анфиловым и Л.И. Полянской в форме признаков самостоятельного фондообразователя и признаков хронологических границ его деятельности.

Анфилов назвал главный признак самостоятельности учреждения как фондообразователя – его организационную обособленность, но не объяснил, в чем она выражается с точки зрения архивиста. По-видимому, он имел в виду наличие собственного делопроизводства. Это может быть выяснено путем конкретного историко-учрежденческого и документоведческого изучения. Полянская упростила решение, выделив вспомогательные признаки самостоятельного фондообразователя: наличие правового акта о создании и порядке деятельности учреждения, штатного расписания и отдельного бюджета. Обнаружение таких признаков позволяло путем прямого вывода утверждать, что перед нами самостоятельный фондообразователь. Впоследствии эти признаки были уточнены и дополнены, и в результате способ решения, указанный Полянской, оказался верным. Практически не обязательно располагать всем набором признаков. Иногда достаточно двух или одного, поскольку все они вспомогательные и формальные. Существенный признак один – функциональная обособленность данного аппарата управления. Поэтому формальный анализ должен соотносываться с архивоведческим смыслом задачи.

Однако необходимо не просто устанавливать принадлежность документов соответствующим учреждениям, но и соотносить пофондовую систематизацию с основными вехами исторического развития учреждений. Такое развитие часто наполнено преобразованиями, передачами из одного ведомства в другое, слияниями, разделением, переименованиями, ликвидациями и иногда восстановлениями под прежними или новыми названиями. Компетенция и функции учреждений сужались и расширялись. Насколько точно необходимо следовать за имевшими место преобразованиями? Верно ли, что самостоятельных фондов столько же, сколько было изме-

нений в исторической судьбе учреждений? Где грани, фиксирующие начало и конец существования самостоятельного фондообразователя? Накопленный к концу 1930-х годов опыт показал, что не все изменения в одинаковой степени влияют на процесс фондообразования, причем в схожих ситуациях проявляются аналогичные результаты, позволяющие формализовать наблюдения.

На такой основе Анфилов выделил, пользуясь, как мы бы сказали, методом описания типических ситуаций, признаки, характеризующие хронологические границы деятельности фондообразователя. Например, ликвидация учреждения с передачей всех или некоторых его функций одному или нескольким новым учреждениям является признаком возникновения с этого момента столько же новых фондообразователей и прекращения деятельности первого; временное прекращение, а затем возобновление деятельности учреждения (с прежними функциями) не рассматривается как появление нового фондообразователя; простое переименование и передача учреждения другому ведомству также не связаны с возникновением нового фондообразователя. Наоборот, упразднение административно-территориальных единиц прекращает существование действовавших органов власти и управления, служит признаком завершения их функционирования как фондообразователей и т. д.

Обобщающая формулировка (1958 г.) подытожила вопрос коротко: “хронологическими границами деятельности фондообразователя являются даты образования и ликвидации соответствующих учреждений в связи с изменением государственной принадлежности, введением (изменением) административно-территориального деления или реорганизацией фондообразователя”^{*}.

Эта формулировка теперь воспринимается как логическая посылка решения вопроса о хронологических границах деятельности самостоятельного фондообразователя, но исторически она подытожила работу, начатую Анфиловым.

Вычленение совокупности таких признаков знаменовало глубокое проникновение архивоведческой мысли в сферу документообразования. Фиксируя в ней исторически узловые моменты, данная группа признаков позволяет игнорировать менее важные, не влияющие решительным образом на суть образования фондов. Всякий раз, когда возникает необходимость установить время существования фондообразователя, задача сводится главным образом к умению пользоваться перечисленными признаками. Вместе с тем выводы, вытекающие из типических ситуаций, не должны абсолютизироваться и приводить к стиранию исторической реальности, которой подлежит быть окончательным судьей в сложных случаях разграничения фондообразователей и, следовательно, самих фондов. Сейчас, обозревая путь научных исканий с того времени, когда архиви-

^{*} Воспроизведено определение правил фондирования 1958 г. В сокращенном виде оно повторено “Основными правилами работы государственных архивов”¹³.

сты 1930-х годов сформулировали признаки самостоятельного фондообразователя и хронологических границ его деятельности, нужно сказать, что именно их выделение стало наиболее существенным достижением архивоведческой мысли 1930-х годов, важнейшим шагом к последующим теоретическим решениям проблемы упорядочения документов на уровне фонда*.

Но при всем непреходящем значении названных признаков только их недостаточно для научного обеспечения пофондовой систематизации документов. Нужно учитывать и фактические хронологические характеристики имеющегося в наличии фонда. Поэтому в конце 1950-х годов имела место попытка дополнить названные признаки понятием о границах фонда. Новое понятие было парным к признакам хронологических границ фондообразователя и внешне будто бы тождественное им, хотя по содержанию они не совпадают. Признаки границ фондообразователя выделяют “данный фондообразователь” из цепи исторических превращений аппаратов управления. Они обращены в сферу документообразования, направлены к рассмотрению факторов истории учреждений. Понятие границ фонда направлено к фактически имеющемуся в архиве конкретному документному материалу, обеспечивает вычленение “данного фонда” из массы документов. Понятие о границах фонда, охватывая хронологическую протяженность документов фонда, выделяет и фиксирует только два момента – даты имеющихся в наличии самых ранних и самых поздних документов. Являясь признаками данного понятия, соответствующие даты образуют его (элементарную, как можно видеть) структуру.

Если с помощью признаков самостоятельности фондообразователя и признаков его хронологических границ мы способны установить, что некоторый аппарат управления действительно следует

* К сказанному о признаках самостоятельного фондообразователя и хронологических границ его деятельности необходимы пояснения историографического характера. Выражение “самостоятельный фондообразователь” употребил В.Н. Алексеев в статье “Определение фондообразователя”¹⁴ применительно к частному случаю – самостоятельно действовавшим комиссиям, имевшим собственное делопроизводство. Анфилов придал этому термину всеобщее для архивоведения значение в разработанных им “Правилах определения архивных фондов и деления архивных материалов по эпохам”¹⁵. Там же были впервые охарактеризованы путем перечисления типических ситуаций признаки хронологических границ деятельности фондообразователя. Утвержденные в декабре 1938 г. анфиловские правила не были введены (новым руководством) в действие. Тираж (1939 г.), за исключением единичных экземпляров, не сохранился. Полянской было поручено переработать и сократить правила. В результате возникли названные выше “Правила определения архивного фонда” 1939 г., указавшие вспомогательные признаки самостоятельного фондообразователя и сохранившие установки и метод Анфилова в части определения хронологических границ фондообразователя. Последующие разработки развивали разработанные им положения. Заслуги Анфилова в анализируемом вопросе литературой не отмечались. (М.Ф. Петровская сообщает¹⁶, что Анфилов выступал в 1938 г. с докладом на научной конференции ЦАУ СССР, посвященной вопросу определения архивного фонда.)

признать фондообразователем, функционировавшим в определенном временном интервале, то в результате мы получим лишь исходные данные для выяснения хронологических рамок документов имеющегося в наличии фонда (границ фонда). Только в идеальном случае границы фонда совпадают с хронологией деятельности фондообразователя. Часто они уже этого периода, поскольку документы начального и завершающего этапов существования учреждений доходят до нас не всегда, а их отсутствие срезает границы фонда. В других случаях границы фонда могут быть шире периода деятельности фондообразователя, прежде всего потому, что дела, начатые учреждением-предшественником, но не законченные им, обычно передаются “для завершения производством” учреждению-преемнику, в фонде которого они и оседают, раздвигая хронологические рамки последнего. Кроме того, в фондовых собраниях сложного состава нередко хранятся приросшие к основным фондам “скрытые фонды” (и коллекционные включения), хронология документов которых может выходить за рамки деятельности основного фондообразователя. Как бы ни относиться к подобным фактам с точки зрения требований соблюдения фондовой чистоты, эти включения необходимо выявлять и учитывать, определяя фактические хронологические рамки документов*. Понятие границ фонда было намечено правилами фондирования 1958 г. Там отмечалась возможность расширения границ фонда, хотя только в первом из названных случаев. Иногда указанное понятие совмещается с признаками самостоятельности фондообразователя и признаками его хронологических границ¹⁸, что не обогащает содержание вопроса и не упрощает практику фондирования.

Теория фондирования решает в числе других непростую задачу формирования объединенных архивных фондов. Необходимость такой работы отмечалась еще в 1940-е годы. Затем она получила методическое обобщение и широкое распространение в практике государственных архивов. Однако теоретическое осмысление проблемы еще не завершено. Исходная идея заключается в том, что такое объединение создается в государственном архиве из нескольких самостоятельно сложившихся мелких и в чем-то однородных фондов, не представляющих по отдельности существенного научного значения. М.Ф. Петровская отмечала нечеткость термина “объединенный архивный фонд”. Она считала, что формулировка “объединение архивных фондов”** предпочтительнее: «сущность состоит в том, что объединяются именно архивные фонды, а не создается какой-то определенный “объединенный” или “комплексный” фонд. Принимая понятие “объединенный” или какой-то другой фонд, – продолжала Петровская, – мы как бы противопоставляем его архивному фонду,

* О предлагаемом нами понятии “фондовое собрание” подробнее см.¹⁷.

** “Объединение архивных фондов” – термин, употреблявшийся правилами фондирования 1958 г. До этого говорили о “комплексных” и “групповых” фондах.

который является основной классификационной единицей в советском архивоведении». Н.А. Орлова также считает, что объединенные фонды не являются классификационными единицами архивоведения. М.С. Селезнев хотя и допускает практику соединения родственных архивных фондов, но подчеркивает, что она не должна превращаться в норму¹⁹.

Объединение самостоятельно сложившихся фондов должно исходить из исторически обусловленных факторов, сближающих фонды чем-то существенно общим. Архивоведческое выражение этих факторов можно назвать «признаками связи». Литература, трактующая вопросы об объединенных архивных фондах в духе «Основных правил работы государственных архивов»²⁰, обычно называет следующие факторы (признаки связи): 1) однородность целевого назначения учреждений (точнее, однородность функций) – данный признак достаточен, например, для объединения фондов однородных учреждений при наличии общности территории, на которую распространялась их компетенция; 2) связь в форме иерархических отношений – объединяется фонд руководящего учреждения с фондами подчиненных; частный случай, подсказанный «Основными правилами»: объединение вотчинных и заводских контор с родовым фондом их владельцев, если вотчины и заводы не меняли владельцев; 3) связь через общий объект деятельности (объединяется, например, фонд учреждения с фондами его профсоюзной организации и других общественных организаций; отношений подчиненности здесь нет); 4) преемственная связь «двух или нескольких кратковременно существовавших и последовательно сменявших друг друга учреждений»; 5) общность делопроизводства нескольких учреждений*.

Первые три признака связи не вызывают возражений, но другие противоречат исходной идее – объединенный архивный фонд формируется в государственном архиве. В самом деле, когда «Основные правила...» говорят о факторе преемственности, они имеют в виду строго определенные условия. Речь идет о наличии совокупности документов «двух или нескольких кратковременно существовавших и последовательно сменявших друг друга учреждений, если их документы сформированы (в делопроизводстве. – В. А.) в единые дела и составляют органически связанный комплекс»²². Но не трудно видеть, что мы встречаемся с «уже готовым», сложившимся на доар-

* М.Ф. Петровская на страницах учебника «Теория и практика архивного дела в СССР»²¹ стремилась раскрыть условия, позволяющие создавать объединенные архивные фонды, через архивоведческие представления о признаках систематизации документов: «производственно-отраслевой (или функциональный)», «территориальный», «хронологический», а также признаки «однородности наименований» и «подведомственности учреждений». Однако объяснение (в каких случаях они используются), не опирающееся на понятие о *связи*, не получило, как нам представляется, необходимой для формирования объединенных архивных фондов специфической определенности.

живной стадии объединением документов, которое архивист должен сохранять, допуская лишь самые необходимые членения, согласно исторической природе процесса документообразования, если такие членения все же возможны и практически необходимы. Во всяком случае “объединять” здесь нечего.

В этом отношении привлекает внимание статья В.А. Ильичевой и А.М. Карпачева 1955 г., исследовавших вопрос фондирования совокупности документов, образовавшейся в деятельности ряда центральных и губернских учреждений Белоруссии 1919–1920 гг. Всего за два года учреждения здесь неоднократно сменялись, причем во многих случаях одни и те же дела продолжали последовательно вестись несколькими учреждениями-преемниками. По существу происходил непрерывный документационный процесс, кратковременные паузы в котором, когда они имели место, не нарушали его течения.

Соответственно правилам, действовавшим в 1955 г., требовалось расчленить подобную совокупность дел по фондам, руководствуясь тем, в каком учреждении было завершено то или иное дело. Но такое вмешательство вызвало бы нежелательный результат, разорвало бы исторические связи между делами и документами и не привело к образованию целостных архивных фондов. Ильичева и Карпачев возражали против такого прямолинейного подхода. Они обратились к истории данных учреждений и архивоведческому анализу самой документации, сумели выделить три важных периода в развитии государственного аппарата Белоруссии указанного времени. Согласно выделенным периодам, они предложили сгруппировать дела “в более крупные, чем архивные фонды”, единицы, сохраняя в них историческую последовательность материалов²³. Таким образом, налицо акт разделения в государственном архиве исходной общности документов на несколько комплексов, а не объединения фондов. Как таковых “фондов” здесь не было. Они не успели сложиться в делопроизводствах быстротечно сменявшихся учреждений. Можно ли такие комплексы, разделенные в архиве, считать “объединенными архивными фондами”? Верно ли считать таковыми же подобные совокупности дел, если в архиве они не подвергались разделению на комплексы, как в показанном случае, а остались в первоначальном единстве? Вероятно, нельзя. Не больше оснований, с нашей точки зрения, относить к “объединенным архивным фондам” комплексы документов, исторически сложившиеся на базе общности делопроизводства. Науке известен ряд случаев из истории учреждений разных эпох, когда несколько учреждений обслуживались общей канцелярией (общим управлением делами, секретариатом и т. д.)*. В обоих случаях (и при преемственности кратковременно существовавших учреждений, и при общности делопроизводства) складывается каждый раз один фонд, но – и в этом парадокс – с несколь-

* См., например, статью В.З. Дробижера и Г.С. Сергеевой²⁴.

кими фондообразователями. Тем не менее фонд складывается исторически. Стало быть, перед нами фонд особого типа.

Коротко остановимся еще на одном факторе, который “Основные правила” 1962 г. признают условием, позволяющим формировать объединенные архивные фонды. Собственно говоря, это два вопроса, касающиеся фондов личного происхождения, рассмотренные “Основными правилами” в одной позиции: объединенные архивные фонды могут быть образованы в государственном архиве из “двух или нескольких личных фондов, если лица, в процессе деятельности которых образовались материалы, связаны между собой близкими родственными отношениями или общими для этих лиц материалами”²⁵. Общность материалов можно понимать только в смысле документирования совместной деятельности, скорее всего профессиональной. (Это косвенно подтверждается словарями архивной терминологии, где при трактовке объединенных архивных фондов упоминаются именно “профессиональные отношения”.) Такая совместная деятельность выливается чаще всего в отношения соавторства, приводящие к особой форме фондообразования.

На факторе родственных уз зиждется возникновение всех семейных и родовых фондов: родственники выступают как коллективный фондообразователь. Если в государственном архиве числится два или больше фондов близких родственников, то это может быть просто нарушением принципа недробимости фонда. Их соединение следовало бы рассматривать как акт прифондирования, а не создания объединенного фонда. Понятию объединенного фонда не свойствен признак связи по общности происхождения документов. Но есть нюанс, к которому следует отнестись внимательно. Близкие родственные связи не выливаются в общее (историческое) фондообразование, когда родственники ведут независимую жизнедеятельность. В данном случае они создают и накапливают документы, не имеющие общего происхождения, если придерживаться архивоведческой трактовки понятия “общности”. Возникают самостоятельные фонды, которые могут быть объединены архивом.

Хотя при объединении самостоятельных фондов каждый из них сохраняет свои границы (они не должны разрушаться), все же в какой-то мере потеря самостоятельности, по-видимому, снижает информативность каждого из них по отдельности. Это с одной стороны. С другой – обнаруживая факторы принадлежности к чему-то существенно общему, пертинентность мобилизует дополнительные резервы информативности, что и отражается в общих описях. Баланс информативности возрастает, перекрывая ту потерю, которую понес в ходе данной операции каждый отдельный фонд. Вместе с другими названными положительными моментами такой подход делает целесообразным формирование объединенных архивных фондов из нескольких малоинформативных фондов. В этом, думается, скрытый смысл проблемы.

В 70–80-е годы наметилось расширительное толкование анализируемых вопросов. Работники государственных архивов начали

объединять фонды крупных учреждений, например промышленного министерства и его главных управлений. Основная мотивировка та, что современные фонды подобных подчиненных учреждений нередко перестают выступать в качестве единых документных комплексов, становятся частями более широкой документной общности. Если их мотивация соответствует действительности, то, по-видимому, в самом документировании деятельности учреждений возникли существенные изменения, природу которых предстоит тщательно исследовать. Может быть, придется в отношении подобных фондов ввести ограничения, суживающие прежние представления о признаках самостоятельного фондообразователя. Однако предварительно следует решить вопрос: поскольку такие главки не самостоятельные фондообразователи, а структурные части самостоятельного фондообразователя, то правомерно ли в таком случае говорить об *объединенных* фондах как таковых? Скорее, они являются новым типом естественноисторически сложившихся фондов.

Рассмотрим понятийный аппарат внутрифондовой систематизации. Важное место в нем занимают “признаки систематизации”, в числе которых выделяются основополагающие – структурный и хронологический, выражающие в сочетании генетический подход к группировке дел. Рядом с ними вспомогательные признаки.

Проблематика внутрифондовой систематизации была заложена работами архивистов 1930-х годов. Нельзя сказать, что признание примата генетического подхода было достигнуто без существенных трудностей. Противоречия обнажились в самом начале. Они были налицо уже в статье Г.Н. Чаброва, задуманной как попытка выявить достоинства провениенции и пертиненции (правда, указанными понятиями Чабров не пользовался) с точки зрения внутрифондовой систематизации документов. Чабров стремился придать статье ярко выраженное общественное звучание, что, по-видимому, преследовало цель обезопасить себя от возможных обвинений в приверженности к буржуазной архивистике²⁶. Если это так, то его фразеологизмы, с характером которых мы познакомимся, не оправдали надежд. Статья подверглась жестокой критике и явилась непосредственным поводом к развенчанию принципа происхождения²⁷.

Провениентный подход к систематизации Чабров назвал реставрационным методом. Он утверждал, что изучение тезисов голландских архивистов позволяет сделать вывод, что рекомендовавшаяся ими система была реставрацией фонда, “понимаемая именно в смысле восстановления существовавшей делопроизводственной системы во всех ее точностях”. Но это не совсем верно: голландские архивисты стремились возвратиться не к делопроизводственной системе, а к регистратуре. Пертиненцию у Чаброва выражал реконструктивный метод, трактуемый не в источниковедческом смысле (который имеет в виду восстановление того, что было), а как коренное переустройство фонда на новых основаниях: перераспределение всех архивных материалов фонда по функциональным и тематическим группам²⁸.

Главным достоинством первого метода по Чаброву является “восстановление исторически сложившихся форм развития учреждения (фондообразователя)”, что позволяет изучать документы фонда как исторические источники и сам фонд как историческое явление*. В отношении материалов государственных учреждений это открывает возможность проследить в одних случаях умелое руководство, а в других – оппортунизм и бюрократические извращения. Он прост, в большинстве случаев удобен и рационален. Считать его непригодным или устаревшим “в условиях нашей политической обстановки” было бы «своего рода “левым загибом” в архивной методике»³¹. Однако Чаброву было безразлично, что именно восстанавливается: то ли историческая структура фонда, то ли искусственная, существовавшая раньше, но почему-либо нарушенная. Этот существенный недостаток был сразу замечен³².

Реконструктивный метод, писал Чабров, позволяет формировать группы архивного материала “с учетом специальных ударных заданий текущего момента”. Ему присуща способность “с необычайной при другом методе полнотой” представить материалы, отражающие события эпизодического характера в работе фондообразователя, хорошо организовать справочный аппарат по личному составу. Он хорош для публикации документов, использования документов передовых учреждений “для обмена опытом, а отстающих – для разоблачения извращений руководства и планирования”. Слабость аргументации налицо. Сам Чабров считал недостатками реконструктивного метода опасность субъективизма и утрату исторически сложившейся систематизации дел, отчего становится невозможным “монографическое изучение фонда как органического комплекса”³³. Сказав о субъективности реконструктивного метода, он должен был бы подчеркнуть объективность принципа происхождения, к которому непосредственно восходит данный метод. Но на это он не решился. Хотя скрыть симпатий к нему Чаброву не удалось.

Если же снять все наносное в его незрелой работе, то мы обнаружим там зачатки трех принципов внутрифондовой систематизации дел, сформулированных значительно позже “Основными правилами работы государственных архивов”: функционального, тематического и структурного. Г.А. Князев также считал предпочтительным восстанавливать исторически сложившиеся внутрифондовые структуры документов, видя в этом цель систематизации³⁴. Однако мышлению последующих архивистов, разрабатывавших вопросы систематизации, был свойствен своего рода логицизм, стремление поставить рационально-логическое начало над историческим, подчинить историческое начало (провениенцию) логике классификации объектов “по их сходству” (пертиненции). Другой вопрос, насколько уда-

* Мысль об архивном фонде как об историческом источнике и историческом явлении наваяна, возможно, новой для того времени работой Н.Ф. Бельчикова²⁹, взгляды которого рассмотрены в нашей статье³⁰.

валось последовательно претворить их логику в теоретический анализ.

В этом отношении показателен путь умозаключений Н.А. Фомина³⁵. Отвергая требования принципа происхождения, Фомин резко возражал против сохранения в архивах делопроизводственных структур фондов. Свою классификацию, основанную “не на старом порядке хранения”, а на логическом анализе производственной деятельности фондообразователя, он считал естественной и утверждал, что документы необходимо привести в такую рациональную связь, которая откроет исследователю документы в порядке, логически отражающем схему исторического процесса. Фомин ошибался, конечно, ибо наиболее адекватное отражение исторического процесса возникает именно в исторически сложившихся делопроизводственных структурах фонда, и вовсе не задача архивиста наводить логические связи исторического процесса. Да это и вне его возможностей*. Ведь известно, что в науке нельзя конструировать связи, а надо извлекать их из фактов. Заметим, что когда Фомин говорил о достоинствах вариантов внутрифондовой систематизации дел, он пришел к выводу, противоположному начальной посылке: наилучшим является порядок, основанный на самом делопроизводственном процессе фондообразователя. И здесь он был прав.

В таком духе были выполнены правила (внутрифондовой) систематизации дел 1938 г.³⁷, назвавшие в качестве основных признаков структурный и хронологический, а также придавшие большое значение предметному (вопросному) признаку систематизации. Остальные – корреспондентский, географический, номинальный – признаки рассматривались как вспомогательные. В начале 1960-х годов был дополнительно введен авторский признак, являющийся, строго говоря, формой корреспондентского, но иногда (например, в отношении материалов личного происхождения) приобретающий самостоятельное значение. Архивная методика предлагает выбирать из состава признаков существенные и второстепенные, с тем чтобы выработать их оптимальную в каждом конкретном случае комбинацию, разворачивающуюся в схему систематизации дел фонда.

Схема систематизации – архивоведческое понятие, обозначающее структурную модель фонда, которой, как правило, должно быть предъявлено требование обладать качеством информационной

* Как известно, главная заслуга Фомина заключалась в разработке содержательной идеи совмещения в пофондовом инвентарном описании решения трех задач: собственно описания, поединичного учета и систематизации дел. В данном случае перед нами еще один шаг к концентрации функций – стремление (хотя бы частично) придать пофондовому описанию черты “систематического” (поэтому Фомин и говорил о “систематических описях”), а по существу – предметно-тематического каталога, т. е. построить опись в логической последовательности выделяемых групп и сами группы поставить “во взаимное подчинение друг другу”. Иначе говоря, опись в идеале представлялась своего рода предметно-тематическим каталогом³⁶.

непротиворечивости по отношению к исходной фондовой структуре. Логика моделирования была углублена авторами “Основных правил работы государственных архивов”³⁸, и это позволило им сформулировать ряд важных обобщений – принципов и типов внутрифондовой систематизации. Особенно тщательно разработаны положения о структурном принципе, возникающем путем сочетания структурного и хронологического признаков систематизации и существующем в двух типах: структурно-хронологическом и хронологически-структурном. Такой принцип обращен к количественно подавляющей части фондов учреждений, обладающих четко выраженной структурой. В практике систематизации он наиболее распространен. Условия применения функционального принципа выяснены меньше. Объект его применения – документы бесструктурных фондообразователей, где отсутствие структуры возмещалось четкостью функционального (предметного или вопросного) членения процесса документирования деятельности. Отсюда – группировка дел по видам деятельности (по функциям учреждения), что предполагает сочетание предметного (вопросного) признака систематизации с хронологическим. Возможны два типа сочетания: предметно-хронологический, охватывающий документы по каждой функции в пределах длительного времени, и хронологически-структурный, намечающий группировку дел по функциям в кратковременных (годовых) пределах.

Третий тематический принцип “Основными правилами” только обозначен с указанием, что используется главным образом для систематизации материалов личного происхождения и коллекций: сначала – “по темам и отраслям знания и далее – по хронологическому или номинальному признакам”. Однако понятие темы остается неясным, и его пытаются передать через еще менее определенное понятие о содержании документов, отчетливое только при постановке вопроса, но теряющее ясность во множестве практических случаев. Здесь еще раз обнаруживается, что всякое архивоведческое решение в области классификации, опирающееся на “содержание”, условно и уязвимо. Это принуждает трактовать понятие темы в функциональном смысле, что и делает, например, учебная литература: «“биография” (лица-фондообразователя) в целом», “служебная и общественная деятельность”, “творчество”³⁹. Что касается документов учреждений, то применение к ним тематического принципа оправдывается только в случаях полной невозможности использовать другие основания классификации.

Из понимания складывания фонда как процесса естественноисторического вытекает, что выбор принципа, типа и признаков внутрифондовой систематизации – не свободное волеизъявление архивистов. Построение схемы систематизации фонда обусловлено информационной природой фонда, его происхождением и фактическим составом документов.

Долгое время архивоведческая литература в числе средств внутрифондовой систематизации неизменно называла основания пер-

вичной классификации документов, или признаки заведения дел (формирования исполненных документов в дела): предметный (вопросный), номинальный, авторский (происхождения), корреспондентский и хронологический⁴⁰. Сформулированные документоведами конца 1920-х – начала 1930-х годов⁴¹, они предназначались для применения в той работе с документами, где кончается делопроизводство и начинается архивное дело. Но научное значение названных признаков шире задачи формирования дел. На их базе были выработаны, с одной стороны, признаки внутрифондовой систематизации дел, а с другой – требования к структуре заголовков дел, что связывает вопросы первичной классификации документов с проблематикой описания, а стало быть, и поиска. Совпадение названий признаков внутрифондовой систематизации с названиями признаков заведения дел и признаков (элементов) структуры заголовков не случайное. Оно отражает некоторую общую закономерность той сферы, где происходит документирование, движение и исполнение документов и формирование дел, и эта закономерность выливается в документные структуры двух уровней – дел и групп дел.

До начала 1960-х годов правильно поставленным делопроизводством считалось только такое, “в котором первичная группировка служебных документов производится в соответствии с признаками заведения дел”⁴². Однако повсеместное внедрение номенклатур дел (являющихся программами фондовых структур и их наполнения), где объекты классификации не непосредственно сами документы, а документируемые участки и направления деятельности учреждений, снизило практическое значение отмеченных признаков. С 1963 г. нормативно-методическая литература перестала их называть, и в среде методистов возникло стремление вообще не упоминать о них. Здесь уместно рассмотреть данный вопрос с двух сторон. С одной – налицо правомерность отказа от оперирования названными признаками *в практике* формирования дел, основывающейся на номенклатурах. Не секрет: отказ вызван и тем, что многолетние попытки внедрить их в практику делопроизводства не принесли ожидаемых результатов. Канцелярские работники постоянно путали признаки, подшивали документы не “в те дела”, что привело к дискредитации признаков в глазах теоретиков делопроизводства. Понятие же об участке документируемой деятельности, как оказалось, воспринимается гораздо проще и без особых затруднений перекладывается на операции формирования дел. С другой стороны, основные положения Единой государственной системы делопроизводства показали практические преимущества “номенклатурного подхода” перед прежним⁴³.

Но признаки заведения дел – не только средство группировки исполненных документов. С теоретической точки зрения они выражают представление о реальных взаимосвязях документов в управлении. Каким бы образом ни формировалось дело, его внутренняя

природа всегда отвечает тем или иным признакам, и это соответственно отражается в его заголовке*. Поэтому знание о перечисленных признаках как инструмент анализа не теряет научного значения. Поскольку же они действуют здесь “сами собой”, без принуждения, то нет необходимости специально рассматривать их в пособиях для работников делопроизводственных служб.

Структура теории включает, помимо понятий, и ее методы. Положение о решающей роли основной исторической связи, необходимости из бесчисленного множества случайных и второстепенных явлений вычленять и проследживать основную существенную историческую связь, является исходным моментом для применения исторического метода в теории фондирования.

Основная историческая связь объектов фондирования – сам процесс фондообразования. Отсюда – направленность теории фондирования к рассмотрению условий развития данного фондообразования, условий складывания фонда и его структур, выяснению всех исторически существенных этапов этого развития. Важным условием здесь является то, что исторический метод реализуется путем историко-учрежденческого анализа в сочетании с рассмотрением исторических судеб фонда, с видоизменениями его структуры, а также его актуального (фактического на данный момент) состава и содержания. Полученные результаты становятся материалом для архивной обработки в свете принципов происхождения и недробности фонда, для применения понятий фондовой чистоты и информационной непротиворечивости, использования охарактеризованных выше архивоведческих признаков, построения схем систематизации и др.

Уже в 1930-е годы, опираясь на понятие фонда, архивоведение освоило структурный метод. Заменяя интуитивные решения, которым подчас склонны доверяться архивисты, структурный анализ предупреждает ошибки фондирования, таящиеся в нечеткости фактических фондовых границ, в наличии чужеродных фонду включений, в громоздкости существующей структуры фонда. Здесь проявляется преобразующая функция структурного метода, реализующая присущие ему возможности преодоления сложности. Но структурный метод – не формально-логический анализ, основанный на выяснении тематического сходства документов, а продолжение исторического метода фондирования.

* Если всмотреться в соответствующие рекомендации ЕГСД, то мы уловим указанную взаимосвязь без особого труда: “Заголовки дел формируются на основе определений документируемых участков работы и вопросов деятельности учреждения. К ним добавляется название рода заводимого дела... или видов документов..., а также уточняющие содержание дела данные об авторах документов, корреспондентах, датах событий...”. Но заголовок есть конкретизация признаков (элементов), которые положены в основу формирования единицы хранения. Т. е. оказывается, что ЕГСД воспроизводит почти полный набор старых признаков заведения дел: номинальный, авторский, корреспондентский, хронологический и, конечно, предметно-вопросный (участки “работы и вопросы деятельности учреждений”).

Названные методы можно считать основными для теории фондирования. Существуют и частные методы, и методики. Например, известна так называемая “непосредственная систематизация”, при которой дела раскладываются “в соответствии с принятой схемой систематизации и... непрерывно перекладываются с места на место много раз”⁴⁴ до тех пор, пока не займут окончательного положения в структуре фонда. Несовершенная эта методика, вследствие своей простоты, продолжает применяться, хотя и вытесняется другой, при которой соответствующие операции выполняются с карточками, содержащими необходимую информацию о делах.

В двух формах существует метод определения фондообразователя и его структурных частей. Эти формы, тяготеющие к приемам “внешней” критики источниковедения, можно назвать формальной и контекстуальной. Первая заключается в использовании формальных атрибутов документов, сочетая терминологический и документоведческий анализ имен собственных (надписи на обложках дел и в составе реквизитов документов). Она предполагает умение отличать по внешним признакам подлинники от отпусков, что позволяет относить конкретные документы к соответствующему фондообразователю, а следовательно, и фонду. Контекстуальный анализ заключается в выделении из контекста терминов, свидетельствующих об авторе и адресате документа. Сохраняя термино-документоведческую основу, эта форма тяготеет к текстологии. В редких случаях контекстуальный анализ приобретает чистые источниковедческие черты.

* * *

Упорядочение документов в форме пофондовой и внутрифондовой систематизации является одним из способов борьбы архивоведения за снижение потерь информации, а также трудовых и временных затрат на работу с документами. Соответствующий понятийный аппарат сложился в основном к началу 1960-х годов. Однако недостаточно учитывалось организующее и эвристическое значение фактора происхождения. Не было выработано целостного теоретического взгляда, отсутствовал системный анализ проблемы. Предпринятое в данной главе исследование вопросов систематизации документов в обоих видах показывает, что перед нами единая предметная область, которую предпочтительно называть теорией фондирования. В ее основу заложена природой самого предмета установка на фондовую организацию документов, в чем и проявляется, в первую очередь, историзм теории фондирования. Анализ понятийного аппарата показал, что в этой теории, помимо собственно научных понятий, выделяются особого рода логические единицы – “признаки”, отражающие существенные стороны объектов систематизации. Сведенные в группы, они играют роль научных понятий.

- ¹ Правила систематизации архивных материалов государственных архивов СССР. Б.м.: ЦАУ СССР [1938]. 26 с.
- ² Правила определения архивного фонда... // Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 г.). М., 1961. С. 163–166.
- ³ Полянская Л. Правила определения архивного фонда и применение их в центральных государственных архивах // Архивное дело. 1940. № 4 (56). С. 24.
- ⁴ Кобяко А.А. Действующие методические пособия по архивному делу: Кр. обзор // Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. 1956. № 2. С. 58.
- ⁵ Основные правила работы государственных архивов. М.: Главрхив СССР, 1962. 191 с.
- ⁶ Краткий словарь архивной терминологии / Редкол.: И.С. Назин (гл.) и др.; сост.: В.Н. Автократов, Т.В. Батаева и др. М.; Л.: ВНИИДАД, МГИАИ, 1968. 58 с.
- ⁷ Словарь современной архивной терминологии социалистических стран: Проект. М.: Б.и. [3-е изд. перераб.] 1979. Вып. 1. 161 с.
- ⁸ Загоскин Н. Столы Разрядного приказа по хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции книгам их: Отчет о занятиях в архиве осенью 1878 г. Казань: Тип. Каз. ун-та, 1878. 47 с.
- ⁹ Ветров А.А. Природа понятия и общественная практика // Практика и познание. М., 1973. С. 302.
- ¹⁰ Кравченко А., Лазарев В. Понятие // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 311.
- ¹¹ Как работать с терминологией: основы и методы / Пособ. составлено по трудам Д.С. Лотто и Комитета по научно-техн. терминологии АН СССР / Отв. ред. В.С. Кулебякин. М.: Наука, 1968. С. 21.
- ¹² Пузиков П.Д. Понятия и их определения. Минск: Наука и техника, 1970. С. 50.
- ¹³ Основные правила работы государственных архивов. М.: Главрхив СССР, 1962. С. 32.
- ¹⁴ Алексеев В. Определение фондообразователя // Архивное дело. 1937. № 3 (44). С. 35–36.
- ¹⁵ Правила определения архивных фондов и деления архивных материалов по эпохам. М.: Главрхив СССР [1939]. 19 с.
- ¹⁶ Петровская М.Ф. Определение понятия архивного фонда и его границ в советском архивоведении и образование объединенных архивных фондов // Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 317.
- ¹⁷ Автократов В.Н. О разработке типологии фондов, коллекций и других документальных комплексов, хранящихся в государственных архивах // Тр. ВНИИДАД. М., 1974. Т. 5. Ч. 2. С. 3–28.
- ¹⁸ Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник / Под ред. Л.А. Никифорова, Г.А. Белова. М.: Высш. школа, 1966. С. 39.
- ¹⁹ Орлова Н.А. Классификация документальных материалов в советском архивоведении: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1976. С. 20; Петровская М.Ф. Определение понятия архивного фонда и его границ в советском архивоведении и образование объединенных архивных фондов // Тр. Научной конференции по вопросам ар-

- хивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 234; Селезнев М.С. Понятие об архивном фонде и его освещение в современной литературе: Докл. на науч. конф. по теме "Актуальные проблемы современного архивоведения, документоведения и организации делопроизводства", 27 мая 1971 г. М.: МГИАИ, 1971. С. 25 и др.
- 20 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 28, 30–31.
 - 21 Теория и практика архивного дела в СССР: Учеб. пособие / Под ред. Г.А. Белова, А.И. Логиновой и др. М.: Главархив СССР, 1966. С. 46–48.
 - 22 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 31.
 - 23 Ильичева В.А., Карпачев А.М. К вопросу о классификации документальных материалов // Исторический архив. 1955. № 6. С. 195.
 - 24 Дробижев В.З., Сергеева Г.С. Вопросы фондирования документов Высшего совета народного хозяйства // Вопр. архивоведения. 1960. № 8(18). С. 58–65.
 - 25 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 31.
 - 26 Чабров Г.Н. К вопросу о систематизации архивных материалов // Ленинградский архивист. 1933. Вып. 1. С. 64–83.
 - 27 Назин И., Доброва З. "Провениенцпринцип" в построении архивного фонда // Архивное дело. 1937. № 1 (42). С. 56–68.
 - 28 Чабров Г.Н. К вопросу о систематизации архивных материалов // Ленинградский архивист. 1933. Вып. 1. С. 68, 75.
 - 29 Бельчиков Н. Теория археографии. М.; Л.: Academia, 1929. 73 с.
 - 30 Автократов В.Н. Из истории советского архивоведения конца 1920-х годов ("Теория археографии" Н.Ф. Бельчикова) // Советские архивы. 1982. № 2. С. 20–29.
 - 31 Чабров Г.Н. К вопросу о систематизации архивных материалов // Ленинградский архивист. 1933. Вып. 1. С. 78.
 - 32 Лавров Н. Еще к вопросу о систематизации архивных материалов // Ленинградский архивист. 1934. Вып. 2. С. 216–217.
 - 33 Чабров Г.Н. К вопросу о систематизации архивных материалов // Ленинградский архивист. 1933. Вып. 1. С. 78.
 - 34 Князев Г.А. Теория и техника архивного дела: (Опыт систематич. руководства). Л.: ЛОЦИА, 1935. С. 30.
 - 35 Фомин Н. К вопросу об описании архивных материалов // Архивное дело. 1935. № 4 (37). С. 14–51; 1936. № 1(38). С. 56–65; № 3 (40). С. 7–17; Он же. Систематизация архивных материалов. М.: ИАИ. 1937. 76 с.; Он же. Систематизация архивных материалов // Архивное дело. 1937. № 2 (43). С. 75–101; № 3 (44). С. 39–72; Он же. Там же. 1939. № 4 (52). С. 36–57.
 - 36 Фомин Н. Систематическая опись архивных материалов // Там же.
 - 37 Правила систематизации архивных материалов государственных архивов СССР. Б. м.: ЦАУ СССР [1938]. 26 с.
 - 38 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 43–47.
 - 39 Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник / Под ред. Л.А. Никифорова, Г.А. Белова. М.: Высш. школа, 1980. С. 53.

- 40 Правила работы архивных учреждений, организаций и предприятий. М.: Б.и., 1956. С. 8–9; Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Чернова. М.: МГИАИ, 1959. С. 230–233.
- 41 Общие правила документации и документооборота: Проект. М.; Л.: Техника управления. ИТУ, 1931. С. 49–50 и др.
- 42 Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Чернова. М.: МГИАИ, 1959. С. 230.
- 43 Единая государственная система делопроизводства: Осн. положения / Общ. ред. Ф.И. Долгих; редкол.: В.Н. Автократов, А.П. Курантов и др.; сост.: В.Н. Автократов, В.Д. Банасюкевич, М.Т. Лихачев, А.Н. Сокова и др. М.: Главархив СССР, Минприбор, 1974. С. 38–46; Методические рекомендации по практическому применению основных положений Единой государственной системы делопроизводства. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1974. С. 14–18 и др.
- 44 Теория и практика архивного дела в СССР: Учеб. пособие / Под ред. Г.А. Белова, А.Н. Логиновой и др. М.: Главархив СССР, 1958. С. 66.

Теоретические вопросы описания и поиска документной ретроспективной информации

Ниже рассматривается основное теоретическое содержание обеих задач, обеспечивающих функцию поиска: описания документов и самого архивного поиска, главным образом традиционного (т. е. неавтоматизированного).

Общие понятия, принципы и методы теории описания

В архивоведении научно-справочным аппаратом часто считаются архивные справочники, предназначенные как для поиска, так и для учета документов. Кроме того, в состав научно-справочного аппарата иногда включают имеющиеся в архивах методические пособия и даже часть библиотечных фондов, к которым архивисты прибегают в своей работе. Такого рода определения громоздки и недостаточно точны с точки зрения выполняемых архивистами функций. Поэтому чаще всего научно-справочный аппарат понимается только как собственно поисковые средства, созданные в результате описательных работ.

Поиск и учет в архивах часто совпадают по многим параметрам, однако отождествлять их конечные цели и методы нельзя. Обращаясь к вопросам научного обеспечения функции поиска и, следовательно, к справочникам “по содержанию” документов, автор в таком смысле преимущественно употребляет термин “научно-справочный аппарат” (НСА).

Искать и находить документы в архиве можно и без поискового аппарата – путем последовательного просмотра документов тех фондов, в которых имеются основания ожидать наличия требуемой информации. Для этого необходимо наличие по крайней мере двух условий. Первое было названо Б.М. Кочаковым. Требуется “знание законов делопроизводства..., ибо документ двигался и отлагался в делах определенным, точно установленным порядком. Зная эти законы, историк знает и где отложился интересующий его докумен-

тальный материал”¹. Второе условие заключается в том, чтобы документы в архиве хранились сообразно тому, как они возникли и отложились, сообразно своему происхождению. Возможность поиска без справочного аппарата была осознана еще до революции. Н.М.Затворницкий писал об этом так: архивист, не располагающий описями и указателями, все же не совсем беспомощен, если придерживается “истинного принципа архивного порядка”. А именно: не отделяет друг от друга памятников, связанных исторической судьбой, подразделяет архивный материал “соответственно учреждениям, из которых он поступил и поступает в архив”, в каждой же отдельной группе документов по возможности придерживается хронологического порядка. “Такая систематизация дел... есть уже путеводная нить”². Как видим, Затворницкий неполностью овладел фоновыми представлениями, но сознавал эвристическое значение фактора происхождения.

Поиск без НСА чрезвычайно медлен, и результаты его низки. В современном отечественном архивоведении вопросы развития НСА изучались на протяжении многих лет. Были названы принципы описания, разработана методика, выделены типы и виды описательных работ. На этой научной базе выполнена и продолжается громадная практическая работа по созданию и совершенствованию описей фондов, подготовлено значительное число путеводителей по архивам, предпринята широкая каталогизация документов.

Сосредоточиваясь при анализе архивного описания на его теории и методах, автор избегает изложения методики создания поисковых средств, подробных характеристик назначения их типов и видов, способов их построения, разработки вспомогательного аппарата к ним и других вопросов, освещенных литературой*.

В первых двух главах автор выдвигал и анализировал понятия архивной информационной среды и информационного потенциала фонда. Архивная информационная среда рассматривалась как совокупность самих архивных документов и приданных им поисковых средств. На языке информационных дисциплин то и другое определяется как “первичные” и “вторичные” документы. Вторичные документы (поисковый аппарат) раскрывают состав и содержание первичных и позволяют ориентироваться в их эмпирическом разнообразии.

Следует различать также первичный информационный потенциал фонда (обозначим его ИПФ-1), понимающийся как имманентно присущее фонду информационное разнообразие, богатство, заданные ему условиями происхождения, свойствами фондообразователя, – ценность фонда как такового (“самого по себе”), и вторичный потенциал (ИПФ-2), под которым подразумевается повышенный

* Этим вопросам посвящено много статей и сообщений в архивоведческой печати, в частности в журнале “Советские архивы”, сборниках³.

уровень информативности того же фонда, достигаемый в результате разработки архивом поисковых средств.

Самый богатый фонд, лишенный этих средств, плохо доступен использованию, малоинформативен. Можно представить ситуацию, когда сравнительно бедный фонд, но снабженный качественным НСА, будет обладать более высоким ИПФ-2, чем богатый фонд, располагающий примитивным аппаратом или вовсе лишенный его. Таким образом, ИПФ-2 является результатом сложения ИПФ-1 данного фонда и поисковых средств к нему. Сложения логического, в смысле внутреннего взаимодействия обоих компонентов, резко повышающего возможности фонда как потенциального источника исторической информации. Естественно, что ИПФ-2 любого фонда всегда больше его ИПФ-1. Если же мы выйдем за пределы отдельно взятого фонда и взглянем на проблему информационного потенциала шире, то получим возможность распространить эти представления на Государственный архивный фонд в целом. Тогда станет понятен общий теоретический смысл проблемы Единой системы НСА.

В теории описания – два главных направления. Первое – вопросы собственно описания. Второе – объединение отдельно функционирующих архивных справочников в более сложные поисковые системы, в конечном счете формирование Единой системы НСА.

Важнейшим понятием первого направления является “описательная статья”, которая соответствует характеристике состава и содержания соответствующего объема первичной документной информации, являющейся в данном случае объектом описания – отдельного документа, единицы хранения, фонда, совокупности фондов конкретного архива. Как всякая характеристика, она выражает наиболее заметные “внешние” признаки объекта, выступая в качестве элементарной базы справочников (например, каталогов, описей, путеводителей). Описательная статья описи обычно одно (реже – несколько) грамматически правильно построенное предложение, состоящее из полнозначных слов, отражающих состав и содержание документов, и неполнозначных (обычно союзов и предлогов). Полнозначные слова, обладающие высокой информационной емкостью, являются признаками хранящихся документов. Они выбираются из текстов или выражают обобщенные понятия, адекватно заменяющие многие слова, которые содержатся в текстах. Описательные статьи других справочников – в основе то же самое, но могут распространяться до многих предложений (аннотация путеводителя) или сокращаться до двух-трех слов: запись на карточке именного (или другого) каталога. Архивоведение рассматривает описательные статьи как начальные и условно неделимые ячейки (элементы) архивных справочников, систем архивных справочников разных уровней и масштабов.

Вопрос о типах справочников и соответственно о характере описательной статьи – вопрос не только уровня объекта описания, но,

скорее, уровня объекта поиска и степени сжатия первичной информации в справочниках. Схематично это выглядит так* (см. табл.):

Таблица

Объект поиска	Тип справочника	Степень сжатия первичной информации	Название описательной статьи
Документ (иногда – показатель документа)	Указатель к документам	Наименьшая**	Запись на каталожной карточке Запись указателя
Единица хранения	Опись	Значительная	Описательная статья (заголовки)
Опись	Указатель описей архива; аннотированный реестр описей	Более значительная	Описательная статья
Фонд	Путеводитель по государственному архиву	Высокая	Аннотация фонда
	Краткий справочник по фондам государственного архива	Высшая	
Государственный архив	Справочник типа “Государственные архивы СССР”	Наивысшая	Аннотация (всех фондов архива)

Что касается деления справочников по видам, то это вопрос о способах представления вторичной информации. Так, тип “каталог” распадается на два основных вида – систематический и предметный, а последний – на ряд разновидностей (географический, именной и т. д.). Основные виды описей: пофондовые, построенные в соответствии со схемами систематизации фондов, и тематические, близкие по информационной структуре к тематическим каталогам***.

Важнейшим положением теории описания является признание того, что основу архивного описания составляют описи – справочни-

*Обзоры документов не учитываются из-за неопределенности объекта поиска и, соответственно, степени сжатия информации. В них представлены и отдельные документы, и группы документов.

** Исключая случаи поединичного и группового описания дел на каталожных карточках.

*** Другое основание деления – не видовое: описи листовые и карточные, неуклонно вытесняющиеся с середины 1940-х годов листовыми. Полная характеристика последних дана в работе⁴.

ки, поединично раскрывающие состав и содержание фондов и обеспечивающие выполнение трех равноважных задач: описания как такового, закрепления принятой в фонде систематизации единиц хранения и их поединичного учета. Такая установка, отдающая приоритет описям (а не справочникам других типов), закрепилась в архивоведении в 1930-е годы. Она выдержала проверку временем, и нет оснований сомневаться в том, что ей принадлежит будущее.

Другая установка связана с проблемой каталогизации документов и основана на приоритете систематических каталогов. Она была принята не сразу. В течение ряда лет мысль архивистов направлялась на предметно-тематические каталоги, в которых содержание документов раскрывается и формулируется соответственно наиболее типичным (часто повторяющимся) запросам исследователей и согласно тематике, определяемой работниками архивов. Но уже к началу 1960-х годов такие каталоги обнаружили негативные стороны. Все чаще возникала необходимость в информации, не предусмотренной жесткими схемами предметно-тематической рубрикации. Типичность запросов оказалась быстро изменяющейся, а не устойчивой, как предполагалось прежде. Это послужило главной причиной теоретической переориентации на систематический каталог, где сведения о содержании документов сгруппированы согласно объективной логике отраслей знания и практической деятельности людей⁵.

В силу несовершенства человеческого мышления невозможно выразить и изобразить движение и всякое понятие, не прервав непрерывного, не упростив, не разделив, не омертвив живого. Это положение можно считать методологическим ключом понимания степени истинности отражения исторического прошлого в первичных документах, НСА и архивных документных классификациях⁶. Отражение действительности в документах уже упрощено, НСА, отражая их содержание, увеличивает степень огрубления. Однако, понимая это, признавая принципиальную ограниченность возможностей описания, архивоведение включает внутреннюю заданность к достоверному и возможно полному отражению состава и содержания документов в поисковом аппарате, способствуя науке в ее стремлениях к мысленному воспроизведению исторической реальности.

Основополагающими принципами теории описания являются объективность, историзм, а также всесторонность и комплексность, что неоднократно подчеркивалось архивоведческой литературой. Нередко утверждается, что архивное описание должно включать “правильную оценку” документов, которая трактуется в таких случаях как критерий отбора и внесения в архивные справочники сведений о наличии соответствующих документов. Но упрощенные толкования недопустимы. В вопросе о “правильной оценке” нужно видеть две стороны. Историзм, присущий архивному описанию, требует подхода к ретроспективной информации как к явлению, закономерно возникшему в определенной исторической обстановке.

Он имеет в виду правильное применение терминологии исторической науки, а также, по необходимости, терминов эпохи, имевших реальный исторический смысл в соответствующей исторической обстановке, предполагая при этом учитывание грубо тенденциозных характеристик и выражений, насаждавшихся в деловой письменности представителями господствующих классов по отношению к своим противникам, народным движениям и пр. Но он не допускает модернизации, искажающей объективно данную семантику документов.

Стоять в вопросах архивного описания на позициях научной объективности и историзма не означает игнорировать те документы и их признаки, которые не отвечают, так сказать, нашим представлениям о “добре и зле”. Для науки нет ни “хорошей”, ни “плохой” информации, а архивное описание – не рекомендательный перечень специально подобранных документов. Его задача – ориентировать в составе и содержании хранимого материала, ибо само будущее исследование этого материала только тогда окажется точным, когда оно проводится совершенно объективно, независимо от наших симпатий и пристрастий. Следование принципам объективности и историзма определяет главный критерий научности описательных работ. Описание во всех его видах должно достоверно раскрывать состав и основное смысловое содержание данного объема документов в конкретных, избегающих неопределенных выражений, характеристиках. Поэтому требование конкретности допустимо трактовать как один из частных принципов архивоведческой теории описания.

Всесторонность учитывает целевую направленность каждого типа и вида справочников и требует устанавливать и укреплять структурно-информационные связи между ними. Комплексность выражает теоретическую установку на взаимодействие и взаимодополняемость этих же справочников. В обоих случаях имеется в виду общее требование координации средств поиска. Но всесторонность обращена к организации систем справочников, а комплексность – к структуре поиска, к функциональной стороне вопроса.

Если методические стороны архивного описания разработаны в ряде позиций достаточно основательно, то теоретические аспекты – слабее. Рассмотрим их. Описательный метод архивоведения существует в нескольких формах, правда, основных две.

Первую мы характеризуем как метод информационного анализа и синтеза. Опирающийся на богатый опыт 1930-х годов и углубленный в послевоенные годы⁷, он охватывает все типы и виды описания, на каком бы уровне оно ни выполнялось, но начинается с описания дел и создания описей.

Вторую форму (метод) можно назвать номенклатурным. Он распространяется только на дела и описи. По всем характеристикам описания данного типа как бы копируют метод анализа и синтеза, а различие между ними велико. Анализ и синтез подвергается информация реально существующих архивных документов. В основу

же второго, т. е. номенклатурного, метода положена установка максимально приблизить описательные статьи описей к формулировкам номенклатур дел, которые разрабатываются работниками учреждений вперед на каждый год в качестве программы заведения будущих дел. Номенклатуры формулируют заголовки еще не существующих дел. Они не могут предугадать многих конкретных реалий, фактически запечатляющихся в документах. Авторы номенклатур “предполагают”, но “располагает” сама история развития учреждений.

На базе “номенклатурных заголовков” работники канцелярий составляют описи, передающиеся вместе с документами в государственные архивы, что, соответственно, освобождает последние от необходимости описания новых поступлений. Номенклатурный метод прост и нетрудоемок. Но он относится к методике описания не самих документов, а описания-обозначения документируемых функций, направлений и участков деятельности. Связи между функциями учреждений и конкретными документами, обозначающиеся заголовками таких описей в самых общих и приблизительных чертах и очевидные работникам учреждений, создавшим и исполнившим документы (и достаточно ясные сотрудникам ведомственных архивов), теряют очевидность в государственном архиве. С передачей в государственные архивы документы отрываются от исполнителей. Информация становится ретроспективной, к ней обращаются новые потребители, чьи запросы качественно отличны от тех, на которые ориентировались авторы номенклатур. Информативность описей, созданных номенклатурным методом, быстро и резко снижается. Встает вопрос о постепенной их переработке⁸.

Информационный анализ и синтез – мысленное разложение некоторого объема информации (объекта описания) на ряды элементарных фактов и последующее их сжатие в обобщенную характеристику – описательную статью. Поскольку архивное описание – сжатие информации, постольку оно неизбежно сопряжено с потерей ее части. Документ (группа документов) всегда содержательнее суммы своих характеристик. Но именно поэтому уплотнение информации должно иметь предел, несоблюдение которого отрицательно сказывается на информативности описательной статьи: она перестает репрезентативно раскрывать состав и содержание исходного объема первичной информации. Стремясь к соблюдению этого предела, архивоведение пользуется специально разработанным формуляром (типовой структурой) описательной статьи. Описательная статья строится не произвольно, а сообразно структуре формуляра и поэтому сохраняет (во всяком случае, должна сохранять по смыслу идеи формуляра) достаточный объем смысловой информации. Следовательно, первая функция формуляра заключается в обозначении предела допустимого и программы сжатия. Но если формуляр – это программа свертывания информации, то он выполняет и функцию противоположную. Он сообщает описательной статье способность

экспликации, мысленного развертывания по той же программе, благодаря чему существует возможность возникновения в сознании потребителя более полного образа исходной информации, нежели тот, что дан в описательной статье*.

Приемы разложения и уплотнения информации в соответствии с формуляром описательной статьи составляют структуру рассматриваемого метода, который гораздо содержательнее, чем внешне копирующий его номенклатурный метод. Надо иметь в виду, что архивное описание – частный и особый случай свойственного исторической науке описательного метода. Специфика архивоведческого описания состоит не столько в том, что его применение регламентировано, т. е. подчинено определенным правилам, сколько в том, что, ограничиваясь, как правило, приемами внешней критики, он выступает в усеченном виде – отказывается от исследовательских выводов, которые заменяются описательными статьями архивных справочников. В статье, опубликованной в 1968 г., Л.Е. Шепелев относил архивные справочники к “особой жанровой группе” источниковедческих работ¹⁰. То, что архивное описание имеет источниковедческие черты, несомненно. Но не все выполняющееся с помощью методов источниковедения – само источниковедение. В задачу источниковедения не входит описание документов.

М. Бунге называет главной целью научного исследования ответ на пять вопросов: что, где, когда, откуда и почему?¹¹ В историческом исследовании, замечает в этой связи А.В. Гулыга, наиболее труден ответ на последний из них: “если первые четыре вопроса не выводят историческое исследование за пределы эмпирического описания, то рассмотрение последнего придает ему теоретический характер”¹². Углубить представления о природе архивоведческого описания помогает рассмотрение структуры (формуляра) описательной статьи единиц хранения. Эти элементы – по существу вопросы, на которые (не во всех случаях в полном наборе) должны быть даны ответы. Как правило, описательная статья единицы хранения сообщает: что имело место (в форме “о чем сообщают документы”), где и когда? Кроме того, описательная статья обычно называет род еди-

* Обобщение при поединичном описании удастся завершить не всегда, поскольку нередко остается то, что можно назвать “неформализуемым остатком” – информацией, не поддающейся сжатию без существенных (невоспроизводимых при развертывании) потерь. Поэтому архивоведение использует так называемое аннотирование, включение в описательную статью характеристик отдельных документов, находящихся в составе единицы хранения. Термин “аннотация” не вполне удачен для их обозначения, поскольку “аннотация” по общему смыслу понятия – развернутый до нескольких фраз заголовков, относящийся ко всему объему документов, а не к какой-то их части. Обычно подчеркивается, что в описях целесообразно аннотировать “наиболее важные” документы⁹. Но выделять следует и такие, присутствия которых в данной единице хранения нельзя ожидать, исходя из общего профиля данного дела или фонда. “Неожиданность информативна”, – говорит теория информации. Другое применение термина “аннотация” имеет место в путеводителях, где аннотация обрисовывает состав и содержание целого фонда.

ницы хранения (журнал, дело) или признак вида документов, представленных в ней. Это усиливает информативность ответа на первый вопрос, поскольку родовидовой признак влияет на способ документирования того, что произошло и о чем сообщается документами, на характер ответа на вопрос “что произошло”. Однако в данном случае бесполезны описания так называемых сложных (многовопросных) дел, включающих протоколы, стенограммы.

Отвечая на вопрос “откуда”, архивное описание имеет в виду данные об авторе документа: кем составлен? Автор – обычно учреждение, субъект коллективный, но в ряде случаев и индивидуальный. Что касается вопроса “почему”, то в архивном описании его постановка не обязательна, а если ответ все же дается, то он, так сказать, просто “извлекается” из документов в “готовом виде”, в котором он в них заключен. Это не надо понимать так, что он берется в словосочетаниях, с которыми архивист встречается в документах. Под “простым извлечением” имеется в виду объективная содержательная характеристика *того и только того*, что есть в документах, а не логические выводы, которые можно получить, анализируя тексты, сравнивая их с другими, и т. д. Исключения могут быть при атрибуции изображений, анонимов, псевдонимов и в других сравнительно редких в практике большинства государственных архивов случаях. Они распространены в работах по описанию документов личного происхождения. Обычно же описательная статья, отвечая на вопрос “почему”, не содержит того, чего нет в текстах, поскольку описание, как говорилось, в основе – результат сжатия исходной информации. Такой “извлеченный ответ” включается в ответ на вопрос “что” (“о чем”). Как и другие ответы, помещаемые в описательную статью, он в подавляющем большинстве случаев не является истолкованием сообщаемой информации.

Во многом аналогичен процесс свертывания при формировании аннотаций фондов в путеводителях. Аннотации фондов – результат повторного уплотнения информации, уже однажды сжатой в описях. Но само повторное уплотнение опирается на схему систематизации соответствующего фонда (“схема” играет роль формуляра), благодаря чему описательная статья фонда приобретает черты информационного образа фонда. Метод, применяемый при создании аннотаций фондов, – в основе тот же анализ и синтез информации. Это напоминает реферирование, и сам метод можно назвать реферативным. Реферистика различает краткие рефераты-резюме, призванные дать ясное представление о необходимости обращения к оригиналу, но отнюдь не замещающие оригинала, и рефераты-конспекты, отражающие основные положения и выводы оригинала, что делает обращение к нему не всегда необходимым¹³. Ясно, что аннотации фондов в путеводителе близки к рефератам первого типа.

Основу описательных работ на всех уровнях составляет сочетание описательного метода со структурным, выступающее в двух главных формах. Первая опирается на фактор происхождения до-

кументов и следует их историческим структурам (построение описей, обзоров фондов, путеводителей). Вторая форма направлена на приведение информации, содержащейся в документах, к логическим связям (каталогизация). Историзм описательно-структурного метода наиболее отчетливо обнаруживается в первой форме. Полученные в результате информационного анализа описательные статьи сводятся в описи, согласно схемам систематизации.

“Записи” на каталожных карточках – тоже поисковые образы единиц хранения, групп единиц хранения или отдельных документов. В первых двух случаях материалом для каталогизации являются описи (“записи”) дублируют или суммируют содержание заголовков дел). Этот способ ускоряет создание и пополнение каталогов, хотя и снижает их информативность по сравнению с подокументной каталогизацией. При подокументной каталогизации “записи” возникают в результате информационного анализа и синтеза, но на карточку выносятся не все основное содержание документов, а лишь часть, отвечающая какой-то позиции классификационной схемы каталога. Такие классификации допустимо рассматривать как информационно-поисковые языки, создаваемые для удобства межфондового охвата информации. По смыслу задачи каталогизации каталогизируются не документы, а информация о них. Поэтому информация, не предусмотренная схемой, каталогом не отражается. Вопрос о применяющихся в архивах документных классификациях (классификационных схемах) глубоко исследован К.И. Рудельсон.

Архивное описание, основывающееся на процедуре уплотнения информации, должно содержать фактографическую (факто-формальную) характеристику наличной информации в виде ответов на вопросы формуляра, состоящих из ключевых слов и выполняющих роль поисковых признаков документов. Не ставя задачей внутреннюю критику документов (критику содержания), оно избегает выражения мнения архивистов о полезности, важности, уникальности, степени полноты и достоверности сообщаемых сведений. Оно исключает все то, что Д.С. Лихачев называет “импрессионизмом” описательных работ¹⁴. Если же архивист пытается идти по такому пути, то за этим стоит стремление создать соответствующий априорный настрой будущего потребления информации, что не согласуется с требованиями объективности архивного описания. Поэтому же в лексике научно-справочного аппарата недопустимы модальные слова и выражения (свойственные, например, многим заголовкам художественных произведений, особенно публицистических жанров), ибо модальности передают оттенки авторского отношения к тексту, выражают представления автора описания о степени вероятности, определенности, существенности информации, содержащейся в документах. В этом смысле от архивного описания требуется то, что учение о стилистике называет протокольным стилем и нейтральным тоном высказываний.

Внутренняя критика и последующие выводы – дело будущих потребителей ретроспективной информации, которые одни и те же сообщения объясняют, оценивают, устанавливая степень достоверности не обязательно одинаково. Достоверность архивного описания заключается в достоверности уровня внешней критики, своего рода поручительства: в данном деле (фонде и т. д.) действительно имеются документы такого-то происхождения, состава, содержания и т. п., т. е. отвечающие характеристикам описательной статьи.

Требование конкретности, вытекающее из принципов историзма и объективности, частично достигается благодаря тому, что описание имеет терминографическую основу. Оно использует выделяемые из текстов термины, отражающие особенности времени, места и социальной среды, воспроизводит названия учреждений и других социальных институтов, форм собственности и правовых отношений, обычаев, географических наименований, бытовавших в тот период, когда возникли документы, и др. Поскольку каждый термин (ключевое слово) описательной статьи является поисковым образом хранящихся документов, анализ терминологии существенно помогает распознаванию текстов архивных справочников. “Терминологическая форма отражения прошлого в источниках, – говорит Г.М. Иванов, – является основой для применения в исторической науке метода терминологического анализа источников, с помощью которого осуществляется научное познание прошедших времен”¹⁵. С этим перекликается вывод французского историка: “словарь” исторической науки восходит к самому историческому процессу. Он “часто уже с самого начала двусмыслен, как всякая система знаний, не созданная строго согласованным трудом специалистов”¹⁶. В архивном описании информативна даже вариация терминов, обозначающих однопорядковые явления и события, имевшие место в разное время, в разных географических регионах.

Однако только одними терминами эпохи описание обойтись не может. Они постоянно поглощаются в процессе сжатия информации, и это требует применения обобщающих понятий. Их привлечение в описание – непростая задача, поскольку постоянно существует опасность “универсальных слов” с неопределенным, стертым значением, стандартных заменителей живого конкретного смысла. Лексические штампы снижают информативность (выразительность) справочного аппарата, увеличивают поисковые потери.

Помимо названных критериев научности описания (историзма) есть и другие, получившие в архивоведческой литературе статус нормативных установок. Но им не обязательно придавать всеобщее значение. Это требования краткости описания и его единообразия в пределах каждого типа и вида справочников. Их выдвинули архивисты 1930-х годов, которые, находясь в чрезвычайно трудных условиях неупорядоченности архивов, при наличии громадного коли-

чества вовсе неописанных фондов, отказались от разработанной к тому времени концепции трех видов описей (суммарных, инвентарных и распространенных, или “научных”)¹⁷ и обратились к разработке унифицированной методики создания кратких инвентарных описей. Такое решение оказалось единственно правильным в тех исторических условиях развития архивного дела. Но ошибочным был характер критики прежнего критерия научности описания – распространенности (подробности), сочтенный неверным в основе, пережитком идеалистических воззрений на науку. Важным моментом аргументации архивистов 1930-х годов была мысль, что никакая детальность описания не заменит исследователю самого документа. Однако из верной идеи о принципиальной возможности исчерпывающего описания вовсе не вытекает вывод о порочности стремления к повышению его информативности. Понятие исчерпанности описания – некоторый условный идеал, ограниченный рамками возможности.

Информационный смысл “распространенного” (подробного) описания заключается в увеличении количества полнозначных слов-признаков, вносимых в описательную статью, а краткого – в сокращении их числа, в замене их признаками-обобщениями, что в одном случае повышает, а в другом снижает уровень информативности описания. Краткость понималась (и понимается) в смысле наивысшей возможной, предельной для данного уровня описания степени обобщения. Приводимые в нормативно-методической и учебной литературе примеры заголовков дел обычно не превышают 15–20 слов вместе с предлогами, а часто бывают и меньше. Но, как увидим, краткость описания, с одной стороны, и полнота и точность поиска, с другой, – плохо совмещающиеся требования.

Сложившееся в 1930-е годы требование унификации описательных приемов отвечало господствовавшей презумпции “равенства фондов на стеллажной полке”, не замечавшей, что фонды различаются уровнем информативности. Но когда теория экспертизы показала, что подобного “равенства” не существует, потребовалось теоретически переосмыслить прежние взгляды. Одним из первых на это обратил внимание А.В. Елпатьевский¹⁸, а последовавшие работы подтвердили, что историческая значимость архивных фондов связана в первую очередь со степенью многообразия наполняющей их информации и, следовательно, с количеством возможных аспектов ее использования. Результатом явилось категорирование фондов. Фонды, содержащие многообразную информацию, обладающие широкими возможностями многократного использования для изучения самых разных сторон исторической действительности, отнесены к первой категории. Фонды второй категории характеризуются ограниченностью информации “рамками одного направления деятельности общества или отдельной отрасли этого направления”. Их информативность ниже, они используются менее интенсивно. Наконец, фонды третьей категории практически ограничиваются

одной темой и в большинстве случаев имеют значение дополнений к информации фондов двух первых категорий^{19*}.

Авторы изложенной точки зрения (Т.Н. Долгорукова, Л.С. Вирсис, И.В. Волкова) несколько упрощали вопрос, поскольку в строгом смысле нельзя говорить об “одной теме” фондов третьей категории. Историк сможет поставить любому фонду много разнохарактерных вопросов и получить в ответ какую-то информацию.

Но совершенно ясно и другое: с большей отдачей он получит разнообразные ответы из более информативных многоаспектных фондов. Поэтому в таком упрощении есть большой архивоведческий смысл, на котором основывается дифференцированный подход к описанию.

Поисковый аппарат фондов первой категории должен обладать наивысшим информационным уровнем, быть наиболее развитым, ибо призван обеспечить многоаспектный поиск с достаточной полнотой и точностью, а малоиспользуемых фондов третьей категории – самым простым. Эти требования относятся к заголовкам в описях, к вспомогательному справочному аппарату описей, к записям на каталожных карточках и другим элементам НСА.

Развитие дифференцированного подхода встретило определенные сложности. Нетрудно заметить, например, противоречия между настроем на полный и точный многоаспектный поиск информации фондов первой категории и требованием, касающимся уровня обобщения информации в описях фондов указанной категории. Рекомендации по дифференцированному подходу сформулировали это следующим образом: поскольку информация таких фондов чрезвычайно разнообразна, то уровень ее обобщения в заголовках дел должен быть наиболее высоким – во избежание искажений и потерь информации при поиске. В то же время менее разнообразные фонды второй категории нуждаются, с точки зрения авторов рекомендаций, в менее обобщенном описании. Мысль понятна: чем выше уровень обобщения, тем больше охватывается признаков хранимого материала, тем меньше вероятность того, что какие-то из них останутся непоглощенными. Правда, подобная логика обнаруживает и собственную слабость. Обобщение не просто охватывает, но и скрывает индивидуальные черты описываемого материала, многие его содержательные признаки.

Уплотнение и, следовательно, потери информации всегда неизбежны в описании. Но правильно ли высшую степень уплотнения соотносить с самыми богатыми (многоаспектными) архивными фондами? Стремясь не потерять какую-то часть информации и прибегая с этой целью к высшей степени сжатия, мы сами же исключаем ее из справочного аппарата и рискуем не найти при поиске. Объективно присущее фондам первой категории информационное богатство при такой высокой степени обобщения тускнеет, и это затрудняет

* Обсуждение этих вопросов во ВНИИДАД см.²⁰.

положение потребителя в поиске. Истоки несогласованности заключаются в том, что дифференцированный подход не преодолел требования безусловной лаконичности описания, согласно которому описательные статьи должны быть краткими до предела. Поэтому критерий краткости в таком его понимании становится препятствием к повышению информативности архивных справочников, особенно фондов первой категории.

Формирование теории описания продолжается, и есть основания считать, что она придет к новым установкам, к дальнейшему углублению понимания своих задач. Некоторые вопросы такого порядка будут сформулированы ниже. Но сначала рассмотрим теоретические вопросы и процедурный смысл традиционного архивного поиска.

Основные теоретические вопросы традиционного архивного поиска

Направленная в конечном итоге на обеспечение интересов потребителей, теория описания остается в силу внутренней заданности в значительной мере нейтральной по отношению к потребителю, выносит его за рамки своих интересов. Тем самым она оставляет в стороне и вопросы поиска. Поэтому желательно создание научного построения, опирающегося на основные положения архивного описания, но специально исследующего ту часть творческой лаборатории потребителя, которая относится к эвристической стороне его архивной работы. Эвристика трактуется здесь в первую очередь как выявление источников по заданной теме с помощью существующих средств поиска²¹. И более сложно – как своеобразный творческий процесс, включающий использование историком объективно существующих связей между документами (“знание законов делопроизводства”, говоря словами Б.М. Кочакова, впервые употребившего термин “эвристика” по отношению к архивному поиску)²² и, конечно, саму процедуру поиска. Поддерживая мысль Л.Е. Шепелева о том, что возможности архивной эвристики определяются закономерным порядком организации архивных документов, отраженным научно-справочным аппаратом²³, П.А. Зайончковский заметил, что первым и основным условием розыска документов является исторический принцип их организации и хранения²⁴.

Учитывать и теоретически изучать потребителя – значит, выделить и подвергнуть анализу круг вопросов, связанных с информационной потребностью и ролью потребителя в архивном поиске, освоить структуру “поискового мышления”, т. е. смысл, связь и развитие умственных операций, совершаемых в поиске. Вопросы аналогичного порядка обсуждаются информатикой и документалистикой, что позволяет учитывать полученные ими результаты²⁵. Такое новое архивоведческое построение может быть названо теори-

ей традиционного архивного поиска, или просто архивного поиска. В настоящее время историческая наука выдвигает задачу расширения круга источниковедческих исследований, в том числе вопросов анализа приемов разыскания, отбора и использования источников, методов их изучения. Часть указанных вопросов соотносится с задачей теории архивного поиска. Она рассматривается нами применительно к поиску информации в научных целях, поскольку он наиболее содержателен и теоретически интересен. Однако структура архивного поиска во всех случаях в основе аналогична ему.

В замечаниях представителей новых информационных дисциплин архивисты подчас улавливают элементы скептического отношения к выполняющемуся “вручную” традиционному архивному поиску. На фоне достижений автоматизированного поиска с его быстродействующими техническими средствами и формализованными информационными языками, позволяющими осуществлять поиск механически, “не вникая в смысл” выполняющихся операций²⁶, традиционный архивный поиск, опирающийся на путеводители, описи, каталоги и другие архивные справочники, представляется этим ученым весьма устаревшим способом получения информации. Науковеды, стремящиеся четко разграничить научный труд на собственно творческий и вспомогательный, сводящийся во многом к собиранию эмпирического материала, говорят об архивном поиске как о “логически малоемких операциях”, которые тем не менее выполняются не вспомогательными сотрудниками гуманитарных институтов, а высококвалифицированными учеными²⁷. Это, по-видимому, вызывает некоторое удивление ученых.

Такие взгляды не учитывают особенных черт архивного поиска, обнаруживающих во многих эвристических ситуациях определенные достоинства по сравнению с поиском “без вникания в смысл” выполняемой процедуры. Устойчивость традиционного архивного поиска имеет глубокие корни, уходящие в специфику (историзм) архивной информационной среды, отвечает характеру удовлетворения потребностей историка в архивной информации. Поэтому дело не только в том, что выдача документов не приобрела в архивах, и не имеет тенденции приобрести, характера “массового обслуживания”, которая и вызвала поворот к автоматизированным поисковым системам в службах научно-технической информации, чтобы перевести их “на основу, близкую к индустриальной”.

Исходные посылки эвристической деятельности историков обычно вытекают из проблематики исторической науки и определяются такими факторами, как социальная позиция историка, актуальность и уровень изученности тех или иных вопросов, необходимость переосмысления результатов предшествующей их разработки и т. д. Это “внеисточниковые” и “внеархивные” объективные факторы, определяющие постановку конкретных исследовательских задач. Но однажды возникнув, заинтересованность историка в научном подходе к их решению заставляет его обращаться к источникам, в том числе к архивным.

Психологическая наука трактует “интерес” как избирательную направленность субъекта на предмет деятельности, проявляющуюся в положительном эмоциональном тоне и стремлении удовлетворить “жажду знания”. Категория интереса, обладая такими характеристиками, как содержательность, активность и устойчивость, тесно связана с категорией потребности, которая понимается как несоответствие между внутренним побуждением к деятельности и отсутствием в данный момент внешних условий ее осуществления. Поэтому потребность историка в ретроспективной информации – это осознание отсутствия или недостаточности источникового материала для решения поставленной задачи.

Информационная потребность связана с содержанием задачи исследования, определяется ею и становится стимулом поисковой деятельности. Это хорошо согласуется с наблюдениями (в том числе за самими собой) ряда ученых²⁸. Историки отмечают также стирание грани между “добычей” и обобщением, обработкой информации, содержащейся в источниках²⁹, и что историческое исследование как таковое “начинается с выявления источников по избранной теме”^{30*}.

Источниковедческая (или источниковая) эвристика рассматривается как часть источниковедения, а не просто как процесс, подчиненный его задачам³². Такие заключения, основанные на опыте исторической науки, относятся и к традиционному архивному поиску, который включает одновременно и акт первопонимания, оценку ближайшего документного окружения и начальную селекцию полученного материала.

Успех архивного поиска во многом определяется широтой исторической подготовки и индивидуальным опытом исследователя, особенно опытом работы в архивах (“твердым архивным кругозором”)³³, а также ценностной ориентацией, отвечающей интеллектуальному настрою историка и тонким потенциям его научной задачи. Отбор информации, соединенный с собственно поисковой процедурой, существенно влияет на содержание и конечные выводы исторического труда. Отсюда – стремление к индивидуальной поисковой работе и нежелательность посредника. “Просмотр источников, – говорил Н.В. Устюгов, – обязательно личный”, поскольку это позволяет выявить материалы, даже только косвенно относящиеся к теме, увидеть детали, “которые неизбежно ускользают, если просмотр поручается другому лицу”³⁴. Преимущества личного поиска подчеркивают другие историки³⁵, например М.К. Рожкова: “Не имею обыкновения поручать кому-либо, хотя бы и превосходному работ-

* Путь от научной задачи к источникам наиболее свойствен исторической науке. Но он не единственный. Иногда обнаружение некоторой совокупности документов наталкивает историков “на задачу”. Однако общественно значимыми их исследования становятся, если “задача” актуальна. Некоторые историки подчас не ищут чего-то конкретного, заранее желаемого. Таким был А.А. Зимин, который “не подбирал” источники к теме, а “читал их бескорыстно: не для определенной книги или статьи, а просто погружаясь в жизнь прошлого. Именно так и создавался прочнейший фундамент фактов в трудах Зимина”³¹.

нику, которому вполне доверяю, подбор материалов в архиве”. Возможны исключения: извлечение цифровых показателей из однотипных источников, но лучше, чтобы и эту работу делал сам исследователь, так как она связана с возникновением соображений, закладывающих основы исследования³⁶. Даже когда содействие хорошо подготовленных помощников неизбежно, “наиболее важные источники, так же как *описи*, должны быть непосредственно изучены самим автором задуманного труда”³⁷. Именно высококвалифицированный историк особенно глубоко ощущает источник, обстановку, в которой он возник, умеет соотносить со своей задачей даже косвенные показания архивных справочников и самого источникового материала.

“Информационный поиск” – не просто термин, а основное понятие теоретических построений научных дисциплин, изучающих соответствующую проблематику. Процедурный смысл поиска информации всегда заключается в сопоставлении признаков искомого материала с заложенными в поисковую систему признаками хранимого. В традиционном архивном поиске это выражается в форме визуального обследования (просмотра) описей и других архивных справочников и затребовании единиц хранения, описательные статьи которых полностью или частично совпадают с существующим в сознании потребителя образом необходимой информации. С психологической точки зрения, задача потребителя состоит в том, чтобы, распознав и не пропустив признаков искомого материала, отделить их от других, заслоняющих признаков, т. е. размежевать полезную информацию и “шумы”. Сравнение традиционного архивного поиска с поиском автоматизированным способно углубить названные неполные представления, показать некоторые преимущества первого из них.

Информатика разработала ряд важных понятий, и в их числе понятие информационного запроса. Это формулировка, выполненная потребителем на естественном языке и выражающая информационную потребность. Информационный работник (“оператор”), выступающий посредником между потребителем и искомыми документами, переводит информационный запрос на понятный машине искусственный язык. Возникает “поисковое предписание”. Таким образом, до начала собственно поиска информационная потребность претерпевает превращения, выражающиеся связью: информационная потребность (ИП) → информационный запрос (ИЗ) → поисковое предписание (ПП). На следующем, поисковом этапе машина сопоставляет поисковое предписание с поисковыми образами документов (ПОД), хранящимися в ее памяти. В результате потребитель получает документы (Д), поисковые образы которых совпадают с предписанием. Весь процесс поиска выражается классическим информационным построением:

ИП → ИЗ → ПП → ПОД → Д, (1)

где отношение ПП → ПОД является ключевым и выполняется механически. “Если поисковый образ документа в необходимой и доста-

точной степени совпадает с поисковым предписанием, то считается, что этот документ отвечает на информационный запрос”³⁸.

Такие документы называются релевантными, и на первый взгляд цель поиска заключается в получении именно их. Логика поиска, разработанная информационными дисциплинами, основывается на свойстве релевантности. Но имеется существенный психологический нюанс, который не учитывает информатика. Потребитель может неверно сознавать свою потребность, ошибаться при формулировании запроса. Названия запрошенных документов не всегда отвечают их содержанию. В результате потребитель получает нечто соответствующее запросу, но все же не отвечающее истинной потребности. Истинной потребности отвечают не релевантные, а пертинентные документы, и, хотя пертинентность можно установить только после поиска (при непосредственном ознакомлении с документом), цель поиска – получение именно пертинентных документов. Как видим, понятие пертинентности в смысле полного соответствия информации потребности в ней совершенно не совпадает с одноименным понятием общей теории архивоведения, где оно характеризует искусственные (“логические”) классификации документов. К сожалению, нет терминологических средств преодоления этой омонимии.

Охарактеризованные представления, с которыми теперь знакомы многие, но не все архивисты и историки, сопоставимы с тем, что наблюдается в традиционном архивном поиске: в обоих случаях поиск – это оперирование “образами”. Однако традиционный архивный поиск не знает искусственного поискового языка с его жесткими словарными ограничениями, и здесь нет посредника. (Роль архивного работника обычно носит консультационный характер.) В архивном поиске информационный запрос остается слитным с поисковым предписанием, т. е. отношение ИЗ → ПП может быть представлено как единство $ИЗ = ПП$, являющееся непосредственным мотивом поиска и слабо вычленено из самой информационной потребности. В силу этого традиционный архивный поиск не знает и формализованного критерия выдачи. Такой критерий в каждом отдельном случае определяет сам для себя ищущий историк, который не руководствуется нормой совпадения признаков искомой информации с признаками ПОД, например нормой, рекомендуемой информатикой*. Исторiku подчас достаточно одного слова, резонирующего с мотивом поиска.

* Этот критерий опирается на так называемый “принцип встречаемости”. Чем больше общих признаков имеется у поискового предписания и поискового образа документа, тем документ надежнее распознается как отвечающий поисковому предписанию. Если не менее 25% дескрипторов поискового образа документов и предписания совпадают, то документ признается практически релевантным и выдается информационным работником потребителю. С точки зрения архивистов, выдающих затребованные материалы, критерием выдачи является их совпадение с названием темы работы исследователя. Обычно тема формулируется в выражениях, широко отражающих информационную потребность ученого, и это открывает достаточный простор личной поисковой деятельности.

Фактор происхождения обладает настолько большой организующей силой в архивной информационной среде, что его использование оборачивается главным методом традиционного поиска и средством сокращения потерь информации. Ключом поиска становится знание основных этапов, вех и важных событий истории, преломляющееся в знание истории фондообразователей (конкретно: их компетенции, функций, времени, места деятельности и т. д.).

Рассматривая роль фактора происхождения в традиционном архивном поиске, мы выделяем три аспекта: предвидение результатов поиска, стратегию и тактику поиска, объяснение развития поиска и его результатов. Первый выражает направленность потребителя на определенные архивы, фонды, группы фондов, где предполагается наличие информации, соответствующей информационной потребности. Второй способствует выработке схемы поиска, показывающей, что, где и как (с помощью каких поисковых средств и в какой последовательности) следует искать “именно это”. Третий аспект объясняет, почему именно таким образом можно найти “это” или почему иногда мы все же не находим того, что ищем.

Выделение названных аспектов условно; практически мы имеем дело с единым мыслительным процессом, управляющим поиском*.

Если рассматривать архивный поиск как путь от общего к частному, то логически он начинается с определения того архива (архивов), где имеются документы, отвечающие данной информационной потребности в целом. Этой цели служат межархивные справочники⁴², характеризующие профиль и основное содержание фондов каждого государственного архива. Краткие характеристики отдельных фондов (“информационные образы” фондов) представлены в путеводителях по архивам. Но основная поисковая нагрузка падает на работу с описями фондов. С персональным образом отдельного документа историк встречается редко. Описательная статья описи – образ более сложной структуры, обобщение информационных образов многих документов (до 100 и более), входящих в данную единицу хранения. Историк учитывает это. Даже если он ищет по описи отдельный документ, ему обычно “не миновать” поискового образа

* Организующая роль фактора происхождения в архивном поиске не абсолютна. Основные исключения связаны с разрушением исторических фондовых структур. Все же историк способен преодолеть многие трудности, поскольку встречает в ряде случаев концы оборванных междокументных связей, соединяет их, выходит на другие архивы и фонды, обнаруживая фрагменты раздробленных фондов. Возможность восстановления разрушенного, вплоть до репрезентативной реконструкции утраченных фондов, существует. Такой опыт описан в нашей работе³⁹. Сводный материал о последующих работах такого характера см.⁴⁰ С особенными трудностями встречается ученый, ищущий документы личного происхождения, в отношении которых часто нарушается принцип недробимости; особенно в отделах рукописей музеев и библиотек. Налицо, пишет В.А. Черных, причудливое распыление фондов и даже частей отдельных рукописей между архивами. “Неопределенность, непредугадываемость... содержания” – отличительная черта таких собраний документов, затрудняющая разработку НСА и сам поиск⁴¹.

единицы хранения. Конечно, то, что описательная статья является, как правило, обобщением информационных образов многих документов, вызывает неизбежные потери информации. Однако потери во многом возмещаются благодаря структурной и информационной взаимоориентированности документов фонда, системе поединичного описания и историчности метода традиционного поиска.

Эвристично само знание закономерности распределения информации. Оно ограничивает многие ложные маршруты поиска и снижает поисковые потери. Стратегия поиска – это последовательность сужения цели: а) “поиск архива” в Государственном архивном фонде (ГАФ); б) поиск фонда в архиве (А); в) поиск единиц хранения и, стало быть, документов в их составе (ЕХ) (Д) в фонде (Ф):

$$\text{ГАФ} \rightarrow \text{А} \rightarrow \text{Ф!} \rightarrow \text{ЕХ (Д)}, \quad (2)$$

где “!” означает, что поиск по описям в пределах фонда несет основную эвристическую нагрузку.

Традиционный архивный поиск несводим к простым сопоставлениям образов искомого материала с поисковыми образами документов. Обычно это процесс, насыщенный не только связями “НСА – документы”, но и обратными связями. Иначе говоря, результаты обозрения справочников ведут к архивным документам, которые указывают на существование каких-то других, рождая потребность в их получении. Это заставляет вернуться к справочному аппарату, чтобы найти их: $\text{НСА} \rightarrow \text{документы-1} \rightarrow \text{НСА} \leftrightarrow \text{документы-2}$. Или короче: $\text{НСА} \rightarrow \text{документы}$. Так развивается информационная потребность историка, которая, как и развитие всякой потребности, представляет собой спиралевидный процесс: поисковая деятельность влечет возникновение новых потребностей, стимулирующих продолжение поиска. Обратная связь, повторенная неоднократно, обеспечивает высокий уровень результатов. Поэтому в более полном, чем показано выше, виде процесс развития и удовлетворения информационной потребности историка в рамках традиционного архивного поиска выступает как информационная связь такого характера:

$$\text{ИП} \leftrightarrow (\text{ИЗ}=\text{ПП}) \leftrightarrow \text{ПОД} \leftrightarrow \text{Д}, \quad (3)$$

где ПОД – описательная статья в составе архивного справочника.

Эта связь – более пластичный вариант, нежели классическое информационное построение (1). Пластичность отношения (3) определяется характером удовлетворения потребности историка в архивной информации (личный поиск, являющийся началом исследования), отсутствием формализованного поискового языка, а также насыщенностью обратными связями (\leftrightarrow).

Источниковедение предъявляет архивному поиску требование репрезентативности результатов: выявленная совокупность документов должна быть достаточной для решения данной научной задачи. Говоря о репрезентативности, источниковеды имеют в виду,

насколько полно и точно источники представляют изучаемый объект и связывают доказательство репрезентативности с факторами происхождения и исторической судьбы документов⁴³. Происхождение исследуется средствами историко-учрежденческого, генеалогического и историко-документоведческого анализа, а “историческая судьба” – путем изучения истории архивных фондов: архивное хранение и обработка, степень сохранности (величина потерь) и т. д.

Допустимо предположить, что информационной потребности историка соответствует некоторый идеальный образ той совокупности источников, которая ответила бы на “все вопросы” его исследования. Но нужно учитывать свойство потребности развиваться вместе с решаемой исследовательской задачей. Пределы информационных потребностей расширяются или сужаются с уточнением целей, которые ставит потребитель. Этого, пожалуй, не бывает только в простых и эвристически малоинтересных случаях. Например, когда историк стремится получить конкретно известные ему документы или подбирает какое-то количество “иллюстраций”, подменяющих систему научных доказательств, для подтверждения заранее известных установок (“иллюстративный метод”).

Если в психологическом плане информационная потребность историка переходит в мотив поисковой деятельности (архивных разысканий), то в источниковедческом она выливается в представление о некотором изначальном образе репрезентативной совокупности источников. В духе информатики эту совокупность можно называть генеральным поисковым предписанием (ГПП), охватывающим все необходимые и достаточные для данного исследования документы, – как уже известные историку заранее, так и неизвестные (только “ожидаемые” и “желаемые”). В зависимости от соотношения тех и других, уровень определенности генерального предписания различен: от достаточно высокого до расплывчатого, аморфного.

Теоретически интересны эвристические ситуации с высоким уровнем неопределенности, где изначальный образ имеет гипотетическую природу и суммативный характер и, как всякое “идеальное”, существует при зарождении только в сознании ученого. Историк, как и всякий потребитель информации, часто не сразу осознает все содержание собственной информационной потребности. Это происходит постепенно, в результате таких факторов, как мобилизация априорной информации, которой историк располагал заранее, содержательность самого научного интереса, толкающего историка к поиску, освоение результатов “пробных поисков”, в ходе которых историк как бы примеривает существующее в его сознании генеральное предписание к информационным возможностям архива. Н.М. Дружинин называет пробные поиски “архивной разведкой”: установление наличия в архивах необходимых фондов путем просмотра описей, изучение структуры фондообразователя, отчасти – попутное ознакомление с самими документами. Такая разведка, пишет он, обращаясь к собственному опыту, “подтвердила мое

прежнее предположение о существовании богатых неиспользованных материалов, которые обеспечивали всестороннее исследование намеченной мной проблемы” (о государственных крестьянах XIX в.)^{44*}.

В свете сказанного важность приобретает вывод психологической науки о существовании “допредметной ступени” развития потребности, когда предмет практически еще отсутствует или не выделен “во внешнем поле”. Такая несовершенная потребность порождает, по определению психологов, “поисковое поведение”, понятие о котором хорошо применимо к характеристике действий историка, стремящегося обозначить сначала хотя бы в общих контурах ту информацию, которая способна придать неоформленной пока (“допредметной”) потребности необходимую предметную направленность. “Потребность сама по себе, – пишет А.Н. Леонтьев, – как внутреннее условие деятельности субъекта, это лишь негативное состояние, состояние нужды, недостатка”. Свою позитивную характеристику она получает в результате встречи с объектом (“реализатором”) и своего “опредмечивания”⁴⁸. Опредмеченная потребность становится мотивом деятельности, соотносится с целью и промежуточными целями – программой деятельности; в нашем случае – с программой поиска.

На собственно поисковом этапе происходит постепенная перестройка изначального, во многом еще неопределенного, образа репрезентативной совокупности источников. Работая с описями, исследователь глубоко осваивает информационную природу архивных фондов: их структуру, видовой состав и семантику документов. Установившая полное или частичное совпадение того, что требуется, с тем, что есть, потребитель действует по принципу “нужно – не нужно”, принимая решения выписывать или не выписывать соответствующие единицы хранения для полистного обследования. Каждое такое решение – выбор, наделенный определенным информационным содержанием. При полистном обследовании документов “в натуре” правило “нужно – не нужно” сохраняется. “Нужный” документ становится источником данного исследования. С него снимается копия, из него делаются выписки и т. д. Примерно таким же образом происходит разделение на “нужно – не нужно” при работе с каталогами и другими архивными справочниками. Практически так бывает не всегда, поскольку исследователь нередко располагает запасом архивных шифров, накопленных в предыдущей работе.

* “Разведкой” называл предварительную работу с архивными описями Н.Л. Рубинштейн (“опись показала наличие...”) ⁴⁵. Б.Б. Кафенгауз особенно подчеркивал “момент захвата ума и чувств предметом изучения” – после того как им было установлено наличие богатейших архивных материалов по истории уральской горной промышленности и созрело внутреннее убеждение в необходимости ее монографического исследования. “Я был как в тисках, моя мысль целиком была прикована к истории Урала, я чувствовал, что эту работу я не могу уже не написать” ⁴⁶. Ср. ⁴⁷.

Названия фондов и шифры дел ему иногда сообщают другие лица. Часто используется ссылочный аппарат исторических трудов. В таких случаях опись не требуется: исследователь выписывает единицы хранения, минуя ее.

Поисковый этап характерен с данной точки зрения тем, что “изначальный образ” постепенно теряет черты гипотетичности, “опредмечивается”. Во-первых, он перестраивается сообразно выясненным историком информационным возможностям фондов. Во-вторых, происходит его внутренняя структуризация: в нем возникают частные поисковые предписания, соответствующие отдельным вопросам задачи исследования. Теряя суммативный характер, ГПП насыщается множеством информационных образов и обрастает соответствующими архивными шифрами, а затем (и попутно) насыщается фактологической информацией (выписками). В итоге он становится репрезентативной совокупностью источников данного исследования. Такая перестройка генерального предписания может пониматься как его “деидеализация”. Будучи формой творческой деятельности и сливаясь с историческим исследованием, она обусловлена, с одной стороны, характеристиками архивной информационной среды (НСА + документная ретроспективная информация), к которой обращен интерес историка, а с другой – содержанием информационной потребности.

Архивный поиск как процесс выявления документов, удовлетворяющих информационную потребность, достигает логического предела, когда ученый, получив оптимальный объем репрезентативных документов, приходит к убеждению, что он достаточен для характеристики и описания предмета. Наступает момент, когда установлены существенные факты и их отношения, а дополнительно привлекаемые источники уже ничего не прибавляют к уже имеющимся⁴⁹, когда собран материал для ответов на “все вопросы” данного исследования. Речь идет о материале, представленном обычно в форме конспектов, выписок и цитат, являющихся результатом архивного поиска. Н.В. Устюгов поступал таким образом, что его выписки как бы отражали “весь фонд в миниатюре” – согласно структуре фонда и с архивными шифрами. Это не надо понимать так, что ученый на самом деле конспективно воспроизводил “весь фонд”. Имеется в виду вся информация, выявленная в определенном разрезе, относящаяся к теме исследования⁵⁰. Представленный выписками “фонд в миниатюре”^{*} – полученная историком репрезентативная совокупность источников с их архивными шифрами.

В успешной реализации информационной потребности самое важное – фактор историчности архивной информационной среды, позволяющий ретроспективно наблюдать процесс документирования событий, мысленно включаться в документопоток и определять те его течения, которые обладают репрезентативностью для данного исследования.

^{*} Или сокращенный “дублетный архив”, как называл его Н.Л. Рубинштейн⁵¹.

Исторические факты воспроизводятся по законам их произведения, отмечает В.С. Библер⁵². Можно перефразировать: документы обнаруживаются согласно закономерностям документирования. При таком поиске происходит “погружение” историка в ретроспективное информационное пространство, мысленное включение в прошлую действительность, оперирование “образами эпохи” и “вдыхание атмосферы исторического времени”, сопровождающееся особым психическим переживанием историка – соприсутствием в прошлом, иногда как бы соавторством в создании документа и, что не менее исторично, “совосприятием” информации с получателем (адресатом).

Перед нами одна из свойственных историческому познанию сторон актуализации ретроспективной информации, вызволения ее из состояния “покоя”, что само по себе достаточно сложно. “Фонды, описи, скоропись XVII в. сначала были темным лесом, но постепенно, чем больше я с ними занималась, чем внимательнее вчитывалась в их содержание, постигая своеобразный, колоритный язык той эпохи, тем сильнее овладевало мной оживавшее в них прошлое, подлинная жизнь людей... Я с головой ушла в сбор материала по самому восстанию” (Степана Разина)⁵³.

Вовлекаясь в течение давно исчезнувшей жизни, историк расширяет предметный и хронологический диапазон научных интересов. Соответственно развивается информационная потребность, а прошлое актуализируется в документах. Тогда даже незначительное показание описи или документа или факт, что документ находится в определенном информационном окружении (отложился в данном фонде, в составе данной единицы хранения и т. д.), служат основанием догадок, своего рода “поисковых озарений”.

Свойственное развитым формам традиционного архивного поиска “погружение” в ретроспективное информационное пространство результативно потому, что поиск не отчленен от начальной стадии собственно исследования и является этапом творческого труда историка. В логической цепи ИП ↔ (ИЗ=ПП) ↔ ПОД ↔ Д незримо присутствуют “образы эпохи”, формализовать которые или установить им твердо обозначенное место затруднительно. Их семантика терминологична. Она близка к терминологии документов, отражающей объективную реальность времени, социальной среды и региона, где имели место запечатленные события и явления. Поэтому процедура архивного поиска (сопоставления признаков “запроса-предписания” с ключевыми словами описательных статей) не предполагает предварительной унификации терминов, необходимой автоматизированному поиску. Наоборот, чем меньше лексических ограничений, тем выше информативность архивных справочников и меньше поисковые потери.

Известно, что науковедение и информатика считают всю ненужную потребителю информацию “шумовыми помехами”. Они ввели понятие “шумового поля” и, несмотря на отрицательное в целом от-

ношение к “помехам”, отмечают, что в “шумовом поле” нередко обнаруживаются факты, приводящие к “случайным открытиям”⁵⁴. При целенаправленном архивном поиске у историка возникает подобное же отрицательное отношение к документам, лежащим вне рамок ГПП. Однако понятие шума относительно, и нельзя отрицать значения случайных находок. Случайной находкой мы считаем неожиданное обнаружение важных для науки документов в тех фондах, где нельзя было полагать их наличие, где их специально не искали*. А.М. Сахаров писал о “саморазвитии” источниковой базы исторической науки как следствии таких находок, справедливо замечая, что все же “не они определяют главное направление расширения этой базы. Находят обычно то, что ищут”⁵⁶. Это подтверждает другой автор: “Я мало верю в возможность найти ценнейшие документы случайно. Находки, как правило, являются итогом длительного целенаправленного поиска”. Все же он приводит пример совершенно случайного обнаружения очень интересных документов земской статистики в ничего не обещавших, судя по описи, делах “тощего фонда довольно глухой волости”⁵⁷. Вспоминаются слова видного архивиста 1920-х годов А.С. Николаева: “Историк не рыбак, в сеть которого забредет то большая, то малая рыба. Он не должен зависеть от счастливого или несчастливой случая, счастливой или неудачной находки. Архивы должны вскрыть перед ним многообразие, полноту и все обилие архивного материала”⁵⁸.

Отсутствие или плохое качество описей, практически часто связанное с грубыми нарушениями фондовых структур, создает труднопреодолимые барьеры на пути к искомой информации. В таких случаях весь архив выступает как “шумовое поле”, поиск в котором не только тяжелый, но и тягостный труд, что подробно описывали старые авторы. “Даже человека, вполне посвятившего себя исторической деятельности, невольно пугает громадность труда перебрать сотни, тысячи бумаг, для того чтобы извлечь какое-либо незначительное указание на разъяснение исторического факта”, – писал один из них в 1871 г.⁵⁹ Другие архивисты, характеризуя условия поиска в столь же неупорядоченных архивах, употребляли выражения “хаос”, “архивные дебри”, отмечая “душевные состояния отчаяния” и даже “мысленного содрогания” ученых⁶⁰, “медленно утопавших и наконец совершенно утонувших в море архивной бумаги”⁶¹. Это подтверждали и сами исследователи, писавшие о своей

* Такой, например, была находка В.И. Корецким никем не предполагавшихся отрывков переписки (1606 г.) руководителей народного восстания, примечательных тем, что они оказались единственными сохранившимися документами, вышедшими из лагеря восставших, и той особенностью, что обнаружены на оборотных сторонах листов более поздних документов. Именно это скрывало наличие уникальной информации⁵⁵. Конечно, только личный поиск, стимулированный глубокой заинтересованностью Корецкого вообще в источниках начала XVII в., счастливо навел его на новый источник.

“беспомощности” в царстве “полнейшего хаоса”^{62*}. Обилие негативных образных тропов передает угнетающее психическое напряжение, которое нередко испытывали дореволюционные историки в своих архивных поисках.

Развитие НСА резко повышает информационный потенциал фондов, улучшает информационный комфорт работы исследователя в архивах, лишает архивный поиск непроизводительного и удручающего характера. Поэтому для многих современных историков поиск – привлекательная сторона их работы в архивах: “люблю сама это делать и считаю подбор материала той частью работы, которая наиболее интересна и приятна”⁶⁵. Особенно же удачные результаты архивного поиска приобретают, по словам М.В. Нечкиной, яркую событийную окраску: “Что сравнится с радостью находки, ясного ответа подлинника на вопрос исследователя, когда страницы документов выводят ученого из терзавших его сомнений? Что может сравниться с этим событием?”. О душевном волнении, вызываемом работой в архиве, говорили И.И. Минц, И.М. Майский, С.Д. Сказкин, кинооператор Р.Л. Кармен, писательница М.С. Шагинян (“документ... подчас обжигает”)⁶⁶. В.Б. Кафенгауз, получив в архиве дела, “дотоле никому неизвестные”, сравнивал себя с путешественником Стенли в Центральной Африке⁶⁷, и чувство первооткрывателя, по-видимому, являлось существенным дополнительным стимулом в его работе**.

Рассмотренный материал колеблет представления об архивном поиске как о “логически малоемких операциях”. Наоборот, в эвристически развитых формах это весьма содержательная деятельность, требующая большого творческого напряжения ученого. Большой труд и затраты времени, вкладываемые в личный поиск, его сопряженность с научным исследованием, способность архивных открытий не только существенно влиять на развитие исторических знаний, но и обладать в глазах историка значительной самоценностью, а также эмоциональная сторона поиска создают особое

* По словам того же автора, создание лишь небольшого числа новых описей изменило положение: “работа, которая в прежнее время потребовала бы месяц, а может быть и больше, мною была выполнена в четыре дня”⁶³. Если строго доверять сказанному, эффективность поиска возросла в 8–10 раз. Это сообщение косвенно подтверждает наше предположение о том, что временные затраты историка на работу в неупорядоченном архиве в 5–10 раз больше, чем в упорядоченном⁶⁴.

** Положительными эмоциями сопровождается всякий удачный поиск. Может быть, в неупорядоченном архиве он вызывает особенный психологический резонанс. Трудно удержаться от того, чтобы не привести свидетельство историка и известного собирателя рукописей Е.В. Барсова (дошедшее в рассказе В.А. Гиллровского) о том, как воспринимал Л.Н. Толстой поиск Барсовым документов своей богатой коллекции. В конце 1870-х годов Толстой приходил к Барсову “насчет материалов своих работ” о времени Петра I и наблюдал, как тот рылся в “пыли (своего) архива”. «То и дело приходилось неожиданно находить нужное совсем в неподобающем месте. И сказал он (Толстой) мне как-то: “я понимаю теперь, как можно любить самую беспорядочность такого архива: в нем живет нечаянная радость”».⁶⁸

отношение к его результатам. В известном роде они становятся “личным достоянием” ученого – в смысле приоритета первооткрывателя, хотя одновременно выявленные и включенные в научный оборот документы привлекают внимание других ученых и используются затем неоднократно. Поэтому иногда подчеркивается необходимость двойных ссылок в исторических исследованиях: на сам документ (архивный шифр) и на работу первооткрывателя. Нарушение этого требования рассматривается как присвоение результатов чужого поиска, противоречащее научной этике и граничащее подчас с плагиатом⁶⁹.

Значение архивных ссылок в исторической литературе не ограничивается приоритетными соображениями. Они – способ эмпирического научного доказательства, поддающееся проверке свидетельство реального существования использованных документов, способ “предъявления” их наличия в определенном архиве, фонде и т. д. Ссылки на документы становятся вторичной архивной информацией, избавляющей во многих случаях других историков от повторения уже выполненной поисковой работы. Не обязательно оправдывается звучавшая у науковедов оценка “личного достояния” как фактора, сдерживающего использование архивных документов⁷⁰. Но справедливость требует отметить, что в прошлом веке в среде историков встречались и уродливые формы “частнособственнических поползновений”. По словам И.Е. Забелина, даже почтенные ученые в публикуемых трудах иногда “выставляли вымышленные сигнатуры” использованных, но только частично, архивных документов, с тем чтобы не выдать настоящего места их хранения другим историкам^{71*}.

Помимо поиска документов по путеводителям и описям, в основе генетического и свойственного только архивному и никакому другому поиску развивается другая форма традиционного поиска – работа с каталогами. В таком поиске особенно важна заложенная в классификационную схему иерархия признаков хранимого материала, базирующаяся на последовательном логическом делении понятий о вещах и знаний о них. ПОД, представленный “записью” на каталожной карточке, изъят из междокументных исторических связей. Он поставлен в связи логические и соответственно заиндексирован. Поэтому поиск по каталогам несет черты, идентичные тем, которые наблюдаются в библиотеках. Основную поисковую нагрузку призван нести систематический каталог, где ведущим признаком деления является “принадлежность сведений о документальных материалах к той или иной отрасли деятельности, знаний или народно-

* В исторической литературе нашего времени также встречаются неправильные сноски на архивные документы. “Для читателя работы – другого исследователя – фактически безразлично, – пишут И.Ф. Гиндин и Л.Е. Шепелев, – явилась ли неправильная ссылка следствием технической ошибки или опечатки, или имеет место факт необоснованной ссылки на источники. И в том, и в другом случае подвергается сомнению сам факт, сообщаемый со ссылкой на архив”⁷².

го хозяйства и т. п.”⁷³. Перед нами пертиненция, а не провениенция, не происхождение документов от какого-то фондообразователя (оно не приходит на помощь).

Всякий НСА, опирающийся на провениенцию, обладает тем преимуществом, что прерывание “непрерывного”, огрубление, разделение “живого” здесь выражено значительно слабее, чем в справочном аппарате, основанном на пертиненции.

Поиск по каталогам – это “логический” поиск, особенность которого, в частности, в том, что связи (ИЗ = ПП) и ПОД более жестки и однозначны, чем в рассмотренном информационном отношении (З). Сказывается изолированность ПОД от поисковых образов исторически родственных документов. Алгоритм поиска по каталогу:

ГАФ ↔ Ак ↔ ЕХ (Д),

где Ак – в первую очередь систематический каталог, но может быть и любой другой каталог и даже тематическая опись. Главная сложность потребителя в этом поиске заключается в освоении классификационной схемы*. Основная специфическая сложность архивиста в работе по каталогизации – индексирование и определение соответствующего места каталожных карточек в рубриках классификационной схемы. Постоянно существует опасность субъективных отклонений при определении основного содержания записей, сделанных на карточках. Другая опасность – возможность необратимых психологических ошибок выбора индексов и самой техники их представления.

Надежность архивного описания и поиска

Одним из самых волнующих вопросов поиска всегда были потери информации. Потери неизбежны в любом акте ее преобразования и восприятия, в том числе во всяком описании и поиске. Потребитель стремится прогнозировать результат начинаемого поиска в положительном для себя смысле, хотя прогнозы не обязательно оправдываются. Информатика, характеризуя эффективность поиска, применяет понятие о величине информационной избыточности, которая рассматривается в качестве синонима информационного шума. Но избыточность – не только бесполезность, в более широком смысле она связана с понятием о надежности поиска.

Здесь возникают ассоциации с кибернетическим понятием надежности, появившимся в связи с проектированием сложных технических систем⁷⁵. Надежность трактовалась как безотказное

* Наиболее совершенной является унифицированная классификация иерархического типа – “Схема единой классификации документной информации в систематических каталогах государственных архивов СССР (советский период)”⁷⁴. Ведется разработка.

функционирование таких систем. Важнейшим понятием теории надежности стало понятие “отказа” – полной или частичной утраты работоспособности технических устройств, вследствие ошибок проектирования или неправильной эксплуатации. Теперь понятие надежности расширило область применения: “там, где есть информация (как процесс), всегда присутствует в той или иной мере и надежность”. Поэтому все процессы передачи и восприятия информации предполагают исследование их надежности. По сути дела, борьба за надежность – это борьба с возможными отказами, причем самым эффективным средством является создание резерва надежности – целесообразной избыточности, существующей в двух формах: структурной и функциональной. Однако строгих границ между ними нет – “феномен избыточности... является выражением единства структуры и функции”⁷⁶.

В иной плоскости надежность исследуется историческим источниковедением, где она выступает как синтетическое качество, характеризующее совокупность информационных потенций источников, складывающееся из понятий об их репрезентативности, аутентичности и достоверности⁷⁷. Как видим, обе трактовки надежности подразумевают разные вещи, но они не взаимоисключающие. Работа с источниками – также форма информационного процесса. Для нас в первую очередь важно то, что указанный процесс открывается поиском информации. Негативный результат поиска может трактоваться как “отказ” архивной информационной среды полностью или частично удовлетворить данную потребность. По отношению к описанию документов понятие надежности применяет Д.С. Лихачев. Он имеет в виду древнейшие рукописи; это придает его аргументации специфические черты. С нашей точки зрения, вопрос имеет всеобщее значение для описательных работ. Из названных Д.С. Лихачевым принципов надежности описания особенно важны “расчлененность” и “формализованность”. Описание тем надежнее, чем более расчленены сообщаемые сведения (снижается вероятность ошибок автора описания); эти сведения должны быть сведены в формулу, равную термину, чтобы “не приходилось... гадать, что означает то или иное выражение”. Надежность Д.С. Лихачев противопоставляет ошибкам описания, которые не только порождают иллюзии, рассыпающиеся при обращении к конкретным рукописям, но и способны на многие десятилетия задержать исследование памятников письменности: ученый проходит мимо, не заглядывая в саму рукопись⁷⁸.

Наметим более широкую типологию “отказов”, имеющих место в архивном поиске.

1) Искомой информации вообще нет на хранении в архивах. Исследователь этого не знает; его поиск бесперспективен, и отказ неизбежен.

2) Искомая информация имеется, но не отражена в НСА, поскольку была либо сочтена несущественной, либо обобщена до

такой степени, что “осталась за скобками”, либо “не предусмотрена” составителями номенклатур. Практически она потеряна для потребителя, если он не обращается к сплошному визуальному ознакомлению с документами. Вероятность отказа весьма велика.

3) Существующая первичная информация выражена описательными статьями в искаженном виде, что дезориентирует потребителя и также приводит к отказам.

4) Необходимая первичная информация существует и правильно отражена в НСА, но из-за ошибок фондирования, раздробления фондов, нарушения установок профилирования архивов и других причин исследователь не находит соответствующих архивных справочников.

5) Исследователь вообще “ищет не там, где нужно искать”, вследствие незнания основ построения сети государственных архивов, внутренней структуры архивов и т. п.

6) Первичная информация существует, правильно отражена в НСА, находится там, где и должна находиться, но тем не менее не воспринята исследователем. Во-первых, она может быть просто не замечена из-за рассеянности внимания, усталости и т. п. (“механический пропуск”). Во-вторых, “отказ” может стать результатом заранее сложившегося стереотипа поискового мышления – несоответствия ожидаемой формы выражения информации той форме (поисковому образу), в которой она фактически фигурирует в описательной статье справочника. Потребитель не понял, что в данной описательной статье отражено наличие информации, которая ему требуется, не распознал информацию и отказался от ее получения.

Если исключить случай, когда искомым документов нет на хранении, можно выделить две группы причин отказов: ненадежность поисковых средств и ошибки ищущего лица (“ненадежность потребителя”, часто создающуюся его недостаточной подготовкой к архивному поиску). Здесь слабым звеном в системе “потребитель – НСА” оказывается потребитель. Такие отказы небезынтересны для теории архивного поиска, но в рамках теории описания в первую очередь важен анализ отказов, вызванных ненадежностью поисковых средств. Борьба с ней является важной задачей архивоведения.

Пути повышения надежности традиционного справочного аппарата и, стало быть, повышения результатов поиска могут быть рассмотрены в двух аспектах: с точки зрения структурной и функциональной избыточностей. Предпосылки структурной избыточности возникают еще в сфере документообразования: подлинник откладывается в одном фонде, отпуск – в другом. Поисковый аппарат отражает такое повторение; в нем возникает резерв надежности, позволяющий найти требуемый документ, если не в одном, то в другом фонде. И хотя архивоведение борется с повторяемостью информации, это требование не абсолютизируется, поскольку дублирование как качество надежности заложено свойствами самой сферы документообразования и отражает часть закономерности распределения

ретроспективной информации. Уже в постановке вопроса о резерве надежности Государственного архивного фонда проявляется так называемый “парадокс избыточности”. С одной стороны, избыточность – необходимое условие надежности сложных систем, с другой – она утяжеляет эти системы и в чем-то снижает их эффективность*. Второй путь создания структурной избыточности и повышения надежности поиска – разветвление системы НСА, наращивание каналов поиска**.

Функциональная избыточность – другая форма надежности, имеющая в виду повышение информативности самих поисковых средств: не только практикующееся исправление содержащихся в них погрешностей, редактирование, создание указателей к описям, но и переход от крайней степени обобщения информации к меньшей, например при создании новых справочников. Функциональная избыточность повышает “надежность распознавания” поисковых образов документов, увеличивая количество полных слов в описательных статьях.

В автоматизированных поисковых системах допустимыми считаются полнота поиска не ниже 60%, а точность – не ниже 40%. Это значит, что система признается нормально действующей, если потери релевантных документов не превышают 40%, а количество выданных потребителю документов, не соответствующих его запросу, – не больше 60% от всех выданных ему документов. В 1970-е годы имели место попытки установить реальные показатели “технической эффективности” традиционного архивного поиска. Первым был лабораторный эксперимент, выполненный на небольшом массиве документов, сформированном специально для данной задачи из дублетных материалов одного из архивных фондов. На этот искусственно созданный массив были разработаны разного вида описи, каталоги и другие справочники, а затем проведена серия тематических и фактографических поисков, выполнявшихся сотрудниками института, игравшими роль “операторов”, ставших как бы посредниками между отсутствовавшими потребителями и исковыми документами. “Фактографический запрос понимался как стремление потребителя установить однозначный факт, вне связи с другими фактами и событиями, зафиксированными в документах”, а тематический – как стремление “изучить и установить факт, событие, цепь фактов или событий в их развитии, непосредственной или опосредованной связи с другими событиями или фактами, изложенными в документах”⁸¹. Эти определения в общем правильно фиксируют специфику двух целей архивного поиска.

Эксперимент подтвердил правильность интуитивных представлений о том, что описи дают лучший результат при тематическом

* О парадоксе избыточности см. 79.

** Поэтому ошибочно, на наш взгляд, трактовка дублирования сведений в НСА как явления нежелательного. См., например⁸⁰.

поиске, обеспечивая значительно более полную выдачу релевантных документов, чем каталоги, ориентированные на точность выдачи информации, отвечающей узким фактографическим запросам. Вместе с тем эксперимент показал в целом низкую эффективность лабораторного поиска: полнота тематического поиска по описям не превысила 13%, а фактографического по каталогам – 45% (по именному каталогу – 5,2%)⁸². Авторы эксперимента объясняют это в основном субъективными ошибками и недостаточной информативностью справочников. Есть и другие, не менее важные, причины. Первая – то, что экспериментальный массив явился во многом случайным комплексом документов, а не настоящим фондом, где существуют междокументные связи (цепи документированных “фактов в их развитии”), которые выявляются при тематическом архивном поиске. Вторая состоит в том, что поиск выполнялся не исследователями – носителями истинных информационных потребностей, активизирующих поисковую деятельность, повышающих ее эффективность. Эксперимент был проведен в стиле информатики с неполным учетом требований архивоведения. Поэтому есть основания считать, что, если бы он был выполнен на полноценном фонде и не “операторами”, а лицами с ясно выраженными информационными потребностями, результаты оказались бы существенно выше. Эту мысль подтверждает анализ работы Г.И. Браво-Животовской⁸³.

Более глубокое объяснение преимуществ поиска по описям при решении масштабных эвристических задач содержится в общеметодологических положениях теории классификации. “Любая искусственная классификация вещей или знаний о вещах, – пишет Б.М. Кедров, – характеризуется прежде всего отсутствием историзма”. Нередко она раскрывает и толкует связь между вещами и знаниями о них “как установленные самим человеком ради удобства охвата данного материала”, а не как итог исторического развития⁸⁴. Архивоведению даны информационные объекты, сложившиеся естественноисторически в виде архивных фондов, что и сообщает преимущества генетическому поиску, использующему закономерности распределения информации.

Сказанное не умаляет роли логического начала в архивном поиске, поскольку, во-первых, потребитель стремится к реализации конкретных запросов не только тематических, но и фактографических, причем эта фактографическая информация содержится в документах, не всегда связанных (общностью происхождения) с основными фондами данного исследования. Во-вторых, потребитель подчас ищет именно единичный, “изолированный” факт, обладающий с его точки зрения самостоятельной значимостью. В-третьих, поиск по каталогам предпочтителен, когда неизвестно, в каких фондах имеется необходимая информация. Обнаружив в каталоге некоторые данные, историк “через них” выходит на соответствующий фонд и продолжает поиск по описям этого фонда. Обычно историк

заинтересован во взаимообогащающем использовании обоих путей в форме перекрестного поиска.

В природе всякого информационного поиска заложено противоречие: “чем более кратко мы формулируем поисковые образы, тем выше скорость поиска, но одновременно и тем ниже его точность и полнота”⁸⁵. Это относится и к архивному поиску, не требуя дополнительных объяснений. Лаконичное описание отражает только основное содержание документов, а то, что не признано таковым, не попадает в поле зрения ищущего. Как видим, противоречие между скоростью и надежностью поиска является альтернативным и требует принципиального решения: либо добиваться повышения полноты и точности поиска, что предполагает использование развернутых описательных характеристик, либо по-прежнему ориентироваться на краткие описательные статьи и “быстрый” поиск, связанный со значительными потерями информации. Но для исследователя временной фактор в архивных разысканиях обычно менее важен, чем надежность результатов, поскольку именно “неторопливая работа в архиве сопровождается творческим освоением материала, критическим его отбором”⁸⁶. Учитывать следует и то, что выигрыш времени при “быстром”, но ненадежном поиске – это всего лишь ускорение просмотра текста справочника. Потребитель же далеко не всегда удовлетворяется бедными результатами быстрого поиска и продолжает искать, затрачивая много дополнительного времени. Иначе говоря, быстрый просмотр лаконичных формулировок часто оборачивается медленностью удовлетворения информационной потребности. Поэтому, решая, на что ориентироваться (на быстроту или надежность?), есть веские основания отдать приоритет надежности.

Закономерно поставить вопрос о продолжении разработки вопросов дифференцированного описания с целью более полной реализации возможности, заложенной в самой идее такого подхода. Такой подход предполагает отказ от краткости как критерия научности описания (но не снимает краткости как черты стиля архивного описания). Следует преодолеть представление о допустимости только кратких описей, взглянув на вопрос в другом свете: в государственных архивах имеются элитные фонды, понимаемые как фонды особой ценности. Их описание требует не наибольшей, как полагается теперь, а наименьшей степени сжатия информации. Это значит, что описательная статья здесь – не прежний архивный заголовок, а совокупность образов групп документов (даже отдельных документов), составляющих единицу хранения*.

* Разработка соответствующей методики не сможет игнорировать богатый опыт отделов рукописей и музеев, где развернутые описания никогда не прекращались и остаются актуальными. Нужно проанализировать и заново осмыслить дореволюционные архивные описания. В частности, работы, выполненные под наблюдением Д.Я. Самоквасова, относительно которого распространено ошибочное мнение, что он требовал и насаждал только краткие инвентарные описи. На самом деле Самоквасов допускал развернутые описательные статьи, иногда – до нескольких страниц типографского текста.

Автор данной работы в своей архивной практике в ЦГВИА СССР (ныне: РГВИА) применял развернутое аннотирование при описании “Дел кавказских” (XIX в.). Интересное решение наметил В.В. Цаплин: целесообразно, особенно в отношении дел, сформированных по номинальному признаку (приказов, протоколов, стенограмм), содержание которых вообще не раскрывается описями, а также в отношении переписки, отражающейся “слишком абстрактно”, вслед за собственно заголовком раскрывать их предметно-вопросное содержание (“подзаголовки”). Это создаст основу для разработки указателей к описям и каталогам, снизит поисковые потери. «Повод, заставляющий исследователей выписывать дела “на всякий случай”, в надежде найти в них полезную информацию, будет в значительной степени устранен»⁸⁷.

Вопросы Единой системы научно-справочного аппарата

Второе направление теории описания – построение систем справочников. Известно много определений понятия системы, но наиболее распространены объяснения ее как совокупности (или множества) связанных элементов, составляющих определенное целостное единство. Недостатком таких объяснений считается отсутствие указания на системообразующий фактор, наличие которого отличает систему от простой совокупности элементов⁸⁸. Это замечание представляется принципиально важным для рассматриваемого вопроса*.

В принципе каждый конкретный архивный справочник – это уже система описательных статей, охваченная либо общностью происхождения (опись фонда, обзор фонда), либо логикой классификационной схемы (каталог, тематический обзор и т. д.). Наш интерес направлен на системы более высоких уровней – на системы НСА отдельно взятых государственных архивов, а в основном на систему, объединяющую все поисковые средства всех государственных архивов, включающую межархивные справочники, которые отражают состав и содержание ГАФ в целом. Все три уровня систем (отдельно взятый справочник, справочники отдельного архива, совокупность справочников всех архивов) по идее должны составить Единую систему НСА, где каждая совокупность справочников нижнего уровня выступает в качестве системы, являющейся в то же время подсистемой системы более высокого уровня.

Системные представления в области НСА начали складываться еще в 1930–1950-е годы (хотя справедливо замечено, что нельзя переносить современные системные представления на тот уровень развития архивоведения, когда идеи системного подхода в социальных науках еще не были распространены), но в собственно системном

* Литература вопроса обширна⁸⁹.

смысле проблема стала разрабатываться только в 1960-е годы⁹⁰. Это произошло в значительной мере под влиянием авторитетной критики состояния поискового аппарата на Всесоюзном совещании историков 1962 г. и последовавшего правительственного поручения (1963 г.) Главархиву разработать принципы построения Единой системы НСА⁹¹. Подчеркнем, что и критика, и поручение в полной мере отвечали не только интересам исторической науки, но и внутренним потребностям развития архивного дела.

Хотя правительственное задание не предполагало включения в будущую Единую систему, помимо поисковых средств, средств архивного учета, архивоведческая мысль вскоре стала решать соответствующую задачу именно в этом плане. Так произошло, по-видимому, потому, что многие объекты архивного учета – фонды, описи, единицы хранения и документы – являются одновременно и объектами поиска, а учетные документы способны участвовать в поиске, тем более что некоторые из них специально предназначены для того и другого. В столь широкой постановке проблема рассматривалась в работах, сопровождавших подготовку “Методического письма” Главархива, и самом его тексте, а затем в терминологическом стандарте 1970 г.⁹² Система характеризовалась как комплекс взаимосвязанных архивных справочников, объединенных общими методами классификации, описания и учета документов, применяемых к архивам разного характера, основанный на взаимодополняемости показаний справочников, восполнении недостаточности одних справочников другими.

Однако логика проблемы такова, что конкретное рассмотрение состава системы фокусируется на справочниках “по содержанию”, а справочники “по учету” обычно рассматриваются за рамками системы*. Это симптоматично и объясняется тем, что учет и описание различны функционально, отчего вопросы учета подчас плохо просматриваются в свете анализа функции поиска. Поэтому предпочтительнее рассматривать проблему Единой системы и вопросы поиска в рамках этой системы в некотором отвлечении от вопросов учета, главным образом как реализацию функции поиска. Система мыслится в основе как неспециализированная, т. е. не ориентированная на определенные тематические области поиска, а предусмотренная к широкому диапазону непредугадываемых запросов. Вместе с тем в ней имеются и специализированные поисковые справочники, в частности тематические обзоры.

В 1972 г. В.В. Цаплин подчеркнул сомнительность возможности достижения единства методов классификации, описания и учета документов, поскольку методы архивной работы с делопроизводственными документами отличаются от методов работы с КФФД и НТД⁹⁴. Это замечание практически не было принято во внимание, возможно, потому, что текстовая документация вызывала больший

* В этом отношении показательны вузовские учебники⁹³.

предметный интерес, чем другая, была в центре интересов архивистов, разрабатывающих вопросы НСА в их общих характеристиках.

С конца 1960-х годов в архивоведческой литературе термин “Единая система НСА” постепенно вытесняется (хотя и не полностью) термином “Система НСА к документам Государственного архивного фонда” или “...государственных архивов”. Видимо, авторов нововведения смущает соображение, что всякая система – уже “единство”. Но вопрос может быть рассмотрен по-другому.

Существует много систем НСА. Каждый государственный архив располагает собственной системой, существующей благодаря такому системообразующему фактору, как структура архива. В межархивном разрезе и в рамках отдельных архивов функционируют системы, основанные на признаке однородности типа поисковых средств (здесь однородность – системообразующий фактор): система описей, система каталогов. Можно выделить и другие системные образования. Когда же мы говорим о Единой системе, то имеем в виду общую для всего Государственного архивного фонда систему многих систем, которую кибернетика назвала бы большой сложной системой. Свойство быть системой многих различных систем позволяет характеризовать ее как Единую систему, т. е. *общую* для всего Государственного архивного фонда. Понимание *единства* в таком смысле было присуще установкам “Методического письма” 1965 г., наложившим глубокий отпечаток на характер архивоведческой мысли в этой области. НСА стал рассматриваться не как сумма разнородных справочников, а в качестве объекта, составляющие которого выполняют определенную часть поисковой работы и взятые вместе служат общей большой задаче – поиску ретроспективной информации для удовлетворения потребностей общества в целом.

Новый шаг в решении проблемы сделан в “Основных положениях Системы научно-справочного аппарата к документам государственных архивов СССР” 1981 г. (И.В. Волкова и др.)⁹⁵. Эта разработка, развивающая установки “Методического письма” 1965 г. и учитывающая накопленный за истекшее время опыт методической и практической деятельности архивистов в данной области⁹⁶, определяет систему как “комплекс взаимосвязанных учетных документов, архивных справочников, механизированных и автоматизированных информационно-поисковых систем, информационных документов, создаваемых на единых методологических и научно-методических основах для обеспечения сохранности и поиска архивных документов и документной информации в целях всестороннего использования”⁹⁷.

Проанализируем эту формулировку. В ней ясно выделены два признака, которым придается значение системообразующих факторов: а) взаимосвязь разнородных средств учета и поиска; б) их методологическое и методическое единство. Относительно методического “единства” следовало бы заметить, что упоминание о нем – дань установкам 1965 г., уязвимость которых уже отмечалась. Методоло-

гическое единство также не безусловно, поскольку в системе сосуществуют противоположные установки провениенции и пертиненции. Однако единство имеет место, если вопрос рассматривать в кибернетическом смысле. Такая попытка будет нами предпринята. Что касается признака взаимодополняемости, то он не вполне самостоятелен, а вытекает из особенностей структуры ГАФ. Именно она играет системообразующую роль. Обстоятельно рассматривая ряд важных, но главным образом методических, вопросов (это естественно для прикладной разработки), “Основные положения” 1981 г. оставляют в стороне теоретический аспект проблемы, анализ которого может способствовать, с нашей точки зрения, лучшему объяснению ее содержания.

Говоря о нерасторжимой связи понятий информации и разнообразия, теория информации подчеркивает, что в познавательных процессах ограничение разнообразия увеличивает количество информации, поступающей к познающему субъекту⁹⁸. Этот вывод можно распространить на архивное описание. Употребляя соответствующие выражения, Единую систему НСА можно назвать регулятором сложности, ограничивающим разнообразие информации, содержащейся в архивных документах, причем понятие о такой системе приобретает реальный смысл только при наложении его на понятие Государственного архивного фонда, а архивный поиск рассматривается как управляемый, а не беспорядочный процесс.

Согласно кибернетическому закону необходимого разнообразия, регулирующий объект должен обладать не меньшей величиной разнообразия своих возможностей, чем регулируемый объект: “только разнообразие способно уничтожить разнообразие”. В нашем случае регулирующий объект – Единая система НСА, а регулируемый – массив документов ГАФ. Задача заключается в ограничении разнообразия этого массива, а если говорить образно – в набрасывании на бесконечное эмпирическое разнообразие первичной информации “сети разнообразия” поисковых средств. Ограничение первого разнообразия вторым создает необходимые предпосылки надежного поиска вообще и в любом конкретно заданном аспекте. Но тогда оказывается, что “набрасывание сети” – это то же самое, что сложение первичного информационного потенциала ГАФ с Единой системой НСА, в результате чего возникает вторичный информационный потенциал Государственного архивного фонда: ИНГАФ-1 + ЕСНСА = ИНГАФ-2.

Всякая поисковая система функционирует только при включении в нее пользователя, который, становясь ее частью, продолжает ограничение разнообразия, начатое архивистами. Говоря языком кибернетики, потребитель, блокируя шумы, управляет с помощью регулятора сложности (с помощью поискового аппарата) процессом поиска, ограничивает разнообразие информации в интересующей его области поиска, увеличивая количество получаемой полезной информации. Чем больше внутреннее разнообразие “сети”, тем ши-

ре диапазон ее возможностей. Из этой характеристики вытекает, что в основе анализа системы лежит рассмотрение двух связанных вопросов – системообразующих факторов и структуры системы. Есть несколько аспектов рассмотрения структуры Единой системы. Два первых из них заложены разработками 1960-х годов.

1) Функциональный аспект, согласно которому состав Единой системы делится на группы справочников “по содержанию” и “по учету”, причем некоторые справочники обслуживают одновременно и поиск, и учет. В состав средств поиска обычно включают механизированные и автоматизированные системы.

2) Деление справочников на основные и дополнительные, исходя из их роли в архивной работе, но главным образом с точки зрения задач поиска. Первые признавались необходимыми: путеводители, описи, каталоги (кроме предметных), списки фондов, листы фондов, фондовые каталоги. Взгляд на вторые оказался ясным только по отношению к справочникам “по содержанию”. Это то, чем желательно располагать: обзоры обоих видов, тематические каталоги, а также так называемые “информационные документы”, применяющиеся в сфере использования, но не являющиеся, с нашей точки зрения, собственно поисковыми справочниками. Что же касается таких справочников “по учету”, как книги поступлений и паспорта архивов, то они дополнительными могли бы быть признаны с оговоркой: по отношению к поиску, а не учету, для которого их необходимость очевидна. Такой оговорки сделано не было*.

Деление справочников на основные и дополнительные относительно. Но бессодержательной идею разграничения тех и других считать нельзя. Поставим вопрос: без каких справочников архив на данном уровне предъявляемых к нему требований не может нормально функционировать, а без каких – может? Без описей архив практически не работоспособен. Без каталогов архивы в отдаленном прошлом еще были способны функционировать относительно надежно. Теперь же трудно представить государственный архив, не стремящийся развивать систематический каталог и даже систему каталогов. Хорошо известно, в каком сложном положении находятся архив и исследователи без путеводителя. Из этого следует, что сейчас основными поисковыми средствами могут считаться в первую очередь названные справочники. Уверенно завоевывают позиции указатели к описям фонда (фондов). Объединяя все описи фонда, указатель раскрывает их содержание в целом или на уровне разделов. В сложных фондах, насчитывающих иногда сотни описей, конкретные описи постоянно являются объектами поиска. Поэтому

* Кроме основных и дополнительных, “Методическое письмо” 1965 г. выделило группу вспомогательных справочников, могущих быть использованными в архивной работе: топографические указатели, справочники по истории учреждений и административно-территориального деления и другие издания. Включение в систему всех материалов, в которых может возникнуть необходимость, делает неопределенными ее рамки.

такие указатели справедливо причислить к основным справочникам. К ним близки по назначению аннотированные реестры описей, применяемые в ряде исторических архивов.

Напротив, предметные каталоги, работающие в тематических областях ограниченной рубрикации или рассчитанные на поиск по одному признаку (например, географические), основными считаться не могут. Не оправдали надежд обзоры (раньше их считали высшей формой описания). Они стихийно вытесняются источниковедческими “обзорами-статьями”, публикуемыми в качестве некоторых итогов исследовательских работ историков. Уровень их зачастую низок⁹⁹. Нет оснований считать, что подготовка традиционных обзоров фондов и тематических обзоров получит широкое развитие¹⁰⁰. Следует учитывать оценку А.И. Гуковского. Признавая в принципе обзоры фондов весьма полезными, этот историк поставил под сомнение целесообразность создания тематических обзоров (за субъективность отбора и произвольность группировки сведений о документах, выхваченных из разных фондов): “На кого они в конечном счете рассчитаны? Не на тех ли начинающих историков, которые ищут легких путей в науке?”¹⁰¹.

3) Возможна другая трактовка основных и дополнительных поисковых справочников. Первые ориентированы на многоаспектный, вторые – на конкретный тематический поиск и находятся в оппозиции к теоретической посылке, что система в целом не специализирована, а предусмотрена к неопределенно широкому диапазону поиска. Чтобы не вносить излишних терминологических трудностей, обе группы справочников лучше называть просто “не специализированными” (путеводители обычного типа, краткие справочники по фондам архива, описи, обзоры фондов, систематические каталоги) и “специализированными” (тематические путеводители, предметные каталоги, тематические обзоры).

4) Оригинальный подход сформулировал В.В. Цаплин, который в основном анализирует структуру НСА отдельно взятого государственного архива. Исключая из системы вспомогательные справочники (в чем он, с нашей точки зрения, прав), Цаплин разделяет НСА на три группы: учетные документы, поисковые справочники и информационные справочники. Характеристика двух последних групп неожиданна. Поисковые справочники, по словам автора, применяются для выявления “сведений о наличии в архиве соответствующих документов”. К ним относятся: фондовый каталог, каталог, опись и функциональный указатель к описям, облегчающий поиск информации о функциях учреждения по структурным частям фондов*. Основная особенность информационных справочников в том, что они составляются для информирования заинтересо-

* Функциональные указатели здесь рассматриваются в качестве самостоятельного типа справочников¹⁰².

ванных организаций и научной общественности о документах*. Цаплин – единственный, пожалуй, исследователь, исключаящий из состава НСА механизированные и автоматизированные ИПС, что, по его словам, “обусловлено... спецификой носителей информации, способов и методов поиска, обработки и воспроизведения отраженного в них содержания”^{104**}. Все вышеизложенное верно, но вывод излишне категоричен, поскольку и те, и другие средства обеспечивают функции поиска.

5) Следующий аспект характерен стремлением представить структуру в вертикальном и горизонтальном срезах. Т.Н. Долгорукова, Р.Н. Ефименко и В.А. Лебедев исходят из того, что вертикальная структура в целом соответствует организации и классификации документов Государственного архивного фонда и выступает как нисходящая иерархия “классов справочников”: справочники к Государственному архивному фонду, справочники к анклаву (точнее, к региону) архивов, к архиву, к архивному фонду, к делу, к документу¹⁰⁶. Горизонтальная структура трактуется как расположение в одном ряду “записей” разных видов: аннотация фонда в путеводителе, описательная статья описи, описательная статья обзора, запись на каталожной карточке.

Более четко этот подход отражен “Основными положениями” 1981 г., где горизонтальная структура – функциональное деление справочников (учет, поиск), а вертикальная разработана иерархически. Такое понимание вертикальной структуры позволяет представить ее в охарактеризованном выше смысле: нижний уровень системы – отдельно взятые архивные справочники; средний – система справочников отдельно взятого архива, в которую в качестве подсистем входят справочники нижнего уровня; верхний – комплекс систем справочников всех архивов, а также межархивные справочники. Между средним и верхним уровнями можно выделить комплекс справочников региона архивов. В основу горизонтальной структуры удачнее было бы положить теоретические единицы системы – типы архивных справочников (путеводители, описи, каталоги, обзоры) с их видами и разновидностями. Такое построение горизонтальной структуры позволяет развернуть ее в ряд систем, основанных на “признаке типа”: система описей, система каталогов и т. д.

6) Наконец, в структуре Единой системы НСА целесообразно выделять две группы справочников: а) опирающиеся на фактор происхождения; б) основанные на принадлежности. Отсюда один шаг до выяснения теоретического смысла идеи перекрестного поиска.

* Это путеводители, краткие справочники по фондам архива, тематические и обычные описи, предметно-вопросные и тематические перечни документов¹⁰³. Нет ясности, в чем основание предложенного деления справочников на “поисковые” и те, что названы “информационными”.

** На одном из обсуждений в Главархиве СССР В.В. Цаплин охарактеризовал автоматизированные информационные системы как “чужеродное тело” в системе НСА¹⁰⁵.

Подобная идея была сформулирована в общих чертах в начале 1960-х годов как стремление потребителя к взаимодополняющему поиску – по описям и систематическому каталогу, что в сочетании должно принести “исчерпывающие искомые сведения”¹⁰⁷. Можно углубить цитируемое положение, если учитывать понятия провениенции и пертиненции, преодолев при этом некоторую терминологическую сложность, заключающуюся в том, что идея перекрестного поиска также использует понятия о вертикали и горизонтали, но в другом смысле.

Идея формулируется как теоретическое решение задачи снижения уровня неопределенности результатов поиска путем переkreщивания в рамках Единой системы маршрутов поиска: по хронологической *вертикали*, отождествляемой с провениенцией (генетический срез, представляющий фондовые структуры и связи и соответствующие системы архивных справочников, главным образом системы путеводителей и описей), и по логической *горизонтالي* (срез, раскрывающий логические связи информации, не представленные в явном виде в документах; они устанавливаются в системе каталогов и других системах, опирающихся на фактор пертиненции).

Представления о хронологической вертикали и логической горизонтали, взятые в абстрактном отвлечении, допустимо сближать с понятиями о разновременном и одновременном, согласно которым исторические события и явления рассматриваются соответственно расположенным в полихроническом (генетическом) и синхроническом (структурном) рядах, хотя, конечно, понятия разновременности и одновременности относительны¹⁰⁸. В чистой форме практически не существует ни вертикального, ни горизонтального срезов. В архивном поиске обычно не только ищется нечто лежащее в какой-то точке информационного пространства, но и обозревается рядом лежащее. Всякая “вертикаль” и “горизонталь” неравномерно освещены некоторым, так сказать, информационным ореолом. Практически ищущая мысль движется зигзагообразно или даже в “лабиринте”, что соответствует, по-видимому, понятию документалистики о многомерном информационном пространстве, каждая точка которого “рассматривается как объект информации с присущим только ему поисковым образом, то есть совокупностью всех его поисковых признаков”. Если представить, что этот объект состоит из “ячеек”, каждой из которых соответствует характеризующий ее признак, то возникает возможность запрашивать сведения об объекте через любую ячейку и их сочетания¹⁰⁹. В архивной информационной среде ячейки не всегда точно охарактеризованы формулировками описательных статей. Отсюда необходимость наращивания каналов поиска и повышения информативности самих справочников.

В данной главе рассматривались вопросы традиционного архивного описания и поиска. Это не значит, что архивистам безразлична задача применения технических средств поиска и обработки ретроспективной информации. Такого рода попытки предпринимались неоднократно, но носили экспериментальный характер, ограничивались рамками отдельных фондов и специализированных массивов документов¹¹⁰. Нельзя не учитывать, что создание локальных поисковых систем на отдельные фонды (даже десятки и сотни фондов) или по отдельным, хотя бы и самым актуальным, темам не повысит сколько-нибудь существенно общего информационного потенциала ГАФ, охватывающего сотни тысяч фондов с их практически неисчерпываемым тематическим разнообразием. Следует также принимать во внимание сравнительно низкий уровень обращаемости к информации архивных фондов, которая в среднем на несколько порядков уступает любому отраслевому информационному фонду. Наконец, если вспомнить уже понятное теперь стремление историков к личному поиску, то налицо обнаруживается опасность омертвления техники, материальных и интеллектуальных вложений и становится ясной необходимость совершенно другого подхода к решению проблемы, если мы ищем действительно кардинальное решение.

Требуется определить массив вторичной архивной информации, где применение средств автоматизации принесло бы ощутимый эффект и оправдало бы сделанные вложения в сравнительно короткий срок. Таким массивом архивисты располагают. Это Центральный фондовый каталог, являющийся не только высшим звеном централизованного учета, но и (потенциально) ключом к Государственному архивному фонду, инструментом управления архивным делом в стране. Как известно, в ЦФК каждый архивный фонд представлен карточкой фонда, характеризующей его семантические и количественные показатели. С ростом объема ЦФК ручной поиск информации стал неэффективным, и обращаемость к нему резко снизилась. Оставаясь инструментом учета, ЦФК не смог развить поисковую функцию. Тем более он не способен к аналитико-синтетической обработке информации, хотя все необходимые данные в нем содержатся*.

Во второй половине 1970-х годов сотрудники ВНИИДАД создали концепцию, разработали, а в 1980 г. сдали в эксплуатацию первую очередь Автоматизированной системы научно-технической информации по документам ГАФ (АСНТИ ГАФ)^{112**}. Это название тре-

* В ориентировочной постановке вопроса на ЦФК как информационный объект, достойный приложения современных средств обработки данных, указывалось в работах¹¹¹.

** См. также сообщения участников создания проекта¹¹³ и протокол обсуждения доклада М.Ш. Цаленко на Ученом совете ВНИИДАД¹¹⁴.

бует объяснения, поскольку под словом “документы” здесь имеются в виду не архивные документы (как можно понять при первом чтении), а карточки фондов, из чего следует, что система должна выдавать информацию на уровне фонда. Однако АСНТИ ГАФ нечто существенно большее, чем “автоматизированный ЦФК”, хотя поиск – центральная задача системы.

АСНТИ ГАФ – интегральная (многоцелевая) система, призванная помимо поиска выполнять и другие функции: избирательное распространение информации (уведомление постоянных абонентов в соответствии с их интересами о новых поступлениях в государственные архивы), статистическую обработку информации, внесенной в карточки фондов, и решать некоторые другие принципиально новые для архивистов задачи. В числе последних: автоматизация подготовки изданий кратких справочников о фондах государственных архивов; передача данных на расстояние с помощью специальных средств связи. “Документальный поиск” в АСНТИ ГАФ призван обслуживать задачи ретроспективного поиска и избирательного распространения информации, а “фактографический” – задачу статистической обработки*.

Теория автоматизированных информационных систем создана информатикой, использующей системный анализ, а также научный аппарат теоретической и технической кибернетики, математики математической и прикладной лингвистики. Все конкретные разработки автоматизированных систем основываются на решениях, предложенных информатикой, к какому бы предметному материалу они ни относились. Однако специфика последнего всегда накладывает существенный отпечаток на характер и наполнение систем.

Подчеркнем архивоведческие аспекты концепции АСНТИ ГАФ, тем более что ее авторы не всегда сделали это достаточно полно и собранно. Сообразно структуре ЦФК, концепция опирается на понятия фондообразователя и фонда, и единицей поиска избрана карточка фонда. Массив таких карточек, повторяющий структуру ГАФ (в том числе деление на два исторических периода), составляет ядро информационной базы системы. Система фиксирует все последовательные переименования фондообразователей, что также является ее важной архивоведческой характеристикой. Она различает фонды, коллекции и объединенные архивные фонды, закрепляет принятое деление фондов на три категории по степени информатив-

* В АСНТИ ГАФ статистическая обработка – это анализ количественных показателей, содержащихся в карточках фондов. Ее первая задача – обеспечивать руководство работников Государственной архивной службы сведениями о динамике состава фондов в государственных архивах (в рамках всего ГАФ, по регионам и отдельным архивам). Анализ результатов статистической обработки позволяет контролировать состояние и динамику архивных фондов, выявлять их полноту, способствовать уточнению профилей государственных архивов, а привлекая дополнительные данные, изучать уровень использования архивных документов, получать исходные показатели для перспективного планирования и прогнозирования развития архивного дела¹¹⁵.

ности, отдельно учитывает количество описанных и неописанных дел и др. Исторична лексика системы, включающая термины эпохи и понятия, которыми пользуется историческая наука. Историзм концепции подчеркивается присутствием в информационной базе системы хронологических показателей, выражающих связь отражаемой системой информации (например, о фондообразователях, фондах, событиях, явлениях) в историческом времени. Все это выделяет АСНТИ ГАФ из ряда отраслевых автоматизированных систем, придает ей неповторимое своеобразие.

Исключительны и ее объемные характеристики, которые к началу 1980-х годов определялись: а) огромным и постоянно растущим количеством фондов, образующих ГАФ; б) их политематичностью и громадным хронологическим диапазоном; в) соответственно непомерно большим массивом карточек фондов (до 600 тыс.); г) громадным информационно-поисковым тезаурусом, которому неизвестны аналоги: в полном виде он охватит 400 тыс. дескрипторов (объем отраслевых тезаурусов: 10–40 тыс. дескрипторов)*. Авторы проекта рассчитывают, что машинная память системы в полном виде охватит 1,2 млрд символов, а сама система сможет выполнять 105 тыс. поисков в год, из которых 100 тыс. ретроспективных и 5 тыс., относящихся к избирательному распространению информации**. Эти цифры внушают уважение, но возникает вопрос, потребуется ли такое количество ретроспективных поисков в ближайшие годы? Ответ не может ограничиваться соображениями, исходящими из низкого уровня обращаемости в ЦФК. Нужно учитывать, по крайней мере, две существенно разные стороны вопроса. Сама реальная возможность получения полной и точной информации об архивных фондах, безусловно, активизирует интерес к соответствующей информации и повысит спрос на нее. Вторая сторона вопроса о реальной загрузке системы требует принять во внимание следующее. Далеко не всегда результаты одного отдельно взятого поиска удовлетворяют реципиента. Он вынужден видоизменять запрос (иногда неоднократно), что влечет за собой новые поиски и существенно повышает загрузку системы.

Благодаря применению современных средств обработки информации ЦФК из “вещи в себе”, каким он стал к началу 1970-х годов, должен стать “вещью для нас” и реализовать свои колоссальные скрытые возможности. Тогда резко повысится вторичный информационный потенциал ГАФ. Но это не умалит роли традиционного

* При разработке первых вариантов технического проекта АСНТИ ГАФ предполагалось, что массив карточек будет меньше, а объект дескрипторов составит 100 тыс. ¹¹⁶

** По материалам авторов проекта (сообщение О.В. Голосова), в 1977 г. все известные в мире автоматизированные информационные системы (их около 400) выполнили 1,5 млн ретроспективных поисков по общему массиву 55 млн документов. Значит, АСНТИ ГАФ должна содержать более 1% общего количества документов всех автоматизированных систем и будет способна выполнять до 7% ретроспективных поисков от их общего числа.

поиска в архивах. Не умалят его и локальные автоматизированные поисковые системы. Наиболее содержательные из них – межархивные системы с точно обозначенными тематическими профилями: 1) “Победа Великой Октябрьской социалистической революции и борьба за установление и упрочение Советской власти (25 октября 1917 г. – июль 1918 г.)”; 2) “История памятников архитектуры и градостроительства Москвы, Ленинграда и их пригородов”, охватывающая период с XVII в. до 1917 г.¹¹⁷

Более ста лет назад один из основоположников русского архивного дела Н.В. Калачов лелеял мечту о создании “центрального справочного бюро, в котором каждый из ученых деятелей или правительственных органов мог бы с удобством получить справку, в какой из русских архивов ему нужно обратиться, чтобы найти историческое данное, для него необходимое”¹¹⁸. АСНТИ ГАФ может сделать это реальностью, отсылая не только к архивам, но и к конкретным фондам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX–XX веков // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1971, С. 319–320.
- 2 Затворницкий Н.М. Архив Канцелярии Военного министерства. Пг.: Тип. Гр. Скачкова с с-ми, 1916. С. 7–8.
- 3 Краткие тезисы научных докладов и сообщений к Всесоюзному совещанию-семинару по вопросам развития средств информации государственных исторических архивов СССР. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, ЦГИА СССР, 1977. 139 с.; Крестовская К.В. Место научно-справочного аппарата в системе архивного дела, проблемы его совершенствования // Материалы к Всесоюзному совещанию-семинару по проблеме “Научные основы и перспективы развития научно-справочного аппарата к документам Государственного архивного фонда СССР”. М., 1976. С. 6–14; Материалы Всесоюзной научной конференции “Архивы СССР периода развитого социалистического общества”. М.: Главархив СССР, 1979. Ч. 2; Материалы к Всесоюзной научной конференции по проблемам научно-информационной деятельности государственных архивов СССР: Кр. тез. М.: Главархив СССР, 1976. 207 с.; Материалы к Всесоюзному совещанию-семинару по проблеме “Научные основы и перспективы развития научно-справочного аппарата к документам Государственного архивного фонда СССР”. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1975. 287 с.; Материалы семинаров-совещаний работников архивных учреждений РСФСР по вопросам создания и усовершенствования научно-справочного аппарата к документальным материалам (гг. Калинин, Ростов-на-Дону, Томск. Апрель-июнь 1966 г.). М.: Главархив СССР, 1966. 502 с. и др.
- 4 Ефимова К.М. Научно-техническая обработка фондов полевых управлений, воинских частей и соединений русской армии // Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. 1958. № 9. С. 19–25.

- 5 Автокротова М.И. К вопросу о каталогизации документальных материалов // Исторический архив. 1961. № 4. С. 182–193; Богатов Б.Н. Каталогизация архивных материалов – важнейшее условие их использования // Вопр. архивоведения. 1962. № 2. С. 3–10.
- 6 Рудельсон К.И. Некоторые методологические вопросы научно-справочного аппарата // Методологические вопросы документо-ведения, архивоведения, археографии: Сб. докл. методологич. семинара ВНИИДАД. М., 1978. Вып. 2. С. 117–118.
- 7 Правила составления инвентарной описи в государственных архивах СССР // Архивное дело. 1938. № 1 (15). С. 143–159; Вишневский М. К постановке вопроса об описании архивных материалов XIX–XX столетий // Архивное дело. 1935. Вып. 2 (35). С. 42–57; Сырченко Л.Г. Опыт издания описей фондов личного происхождения Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 172–201; Фомин Н. К вопросу об описании архивных материалов // Архивное дело. 1935. № 4(37). С. 14–51; 1936. № 1 (38). С. 56–55; № 3 (40). С. 7–17; Он же. Систематическая опись архивных материалов // Архивное дело. 1939. № 4 (52). С. 36–57; Шобухов М.Н. Основные принципы составления заголовков единиц хранения в государственных архивах СССР // Тр. МГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 140–173; Он же. Составление и издание описей документальных материалов в архивах СССР / Под ред. Н.В. Устюгова. М.: МГИАИ, 1959. 96 с.
- 8 Елпатьевский А.В. О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 55–56.
- 9 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 55–56.
- 10 Шепелев Л.Е. Изучение делопроизводственных документов XIX – начала XX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Т. 1. С. 138.
- 11 Бунге М. Причинность: Место принципа причинности в совр. науке / Пер. с англ. Общ. ред. Г.С. Васецкого. М.: Иностран. лит., 1962. С. 283.
- 12 Гулыга О.В. Понятие и образ в исторической науке // Вопр. истории. 1965. № 9. С. 9.
- 13 Кулик А.Н. Реферат научного документа в единой информационной сети // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1971. № 1. С. 30.
- 14 Лихачев Д.С. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 234.
- 15 Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание: Методологич. аспекты / Ред. Л.В. Алякринский. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973. С. 149.
- 16 Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. с фр.; Отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1973. С. 86.
- 17 Голубцов И. О типах и формах архивных описей: (По поводу "Примерных описей", изданных Центр. арх. управлением УССР) // Архивное дело. 1926. Вып. 4 (17). С. 29–36.

- 18 *Елпатьевский А.В.* О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 48–56.
- 19 Дифференцированный подход к описанию документальных материалов: Методич. рекомендации / Общ. ред. Д.Д. Голованова и А.В. Елпатьевского. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1969–1974. Вып. 1–3.
- 20 Архив ВНИИДАД. Материалы Ученого совета. Д. 4 (28). 1972 г.
- 21 *Булыгин И.А., Пушкарев Л.Н.* Источниковедение // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. С. 594; *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и испр. Ростов н/Д: Сев-Кавк. науч. центр высш. школы, 1976. 479 с.; *Фарсоби́н В.В.* К определению предмета источниковедения: (историографич. заметки) // Источниковедение истории советского общества. М., 1968. Вып. 2. С. 389–453; *Ходаковский Н.И.* Информационная культура исторического исследования // Тр. ВНИИДАД. М., 1976. Т. 6. Ч. 2. С. 118–143; *Он же.* Источниковедческая эвристика: (Проблемы поиска письменных историч. источников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 25 с.; *Шепелев Л.Е.* Архивные разыскания и исследования. М.: Высш. школа, 1971. 144 с.
- 22 *Кочаков Б.М.* Русский законодательный документ XIX–XX веков // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1971. С. 320.
- 23 *Шепелев Л.Е.* Проблемы архивной эвристики // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в.: Сб. статей. Л., 1967. С. 20.
- 24 *Зайончковский П.А.* Новый труд ленинградских архивистов: [Рец. на кн.: Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. Л., 1967] // Советские архивы. 1968. № 4. С. 113.
- 25 *Новиков Ю.А.* Психологические критерии отбора информации // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1970. № 7. С. 3–7; *Черный А.И.* Введение в теорию информационного поиска / Отв. ред. А.И. Михайлов. М.: Наука, 1975. 238 с.; Психологические проблемы в документальных системах: (Препринт) / Редкол. Н.И. Жинкин, О.А. Кузнецов и др. М.: НС "Кибернетика", 1976. 51 с.
- 26 *Черный А.И.* Введение в теорию информационного поиска / Отв. ред. А.И. Михайлов. М.: Наука, 1975. С. 11.
- 27 *Добров Г.М., Клименюк В.Н., Смирнов Л.П., Савельев А.А.* Потенциал науки / Общ. ред. Г.М. Доброва. Киев: Наукова думка, 1969. С. 29.
- 28 *Дружинин Н.М.* К вопросу о подборе и обработке исторических источников // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1973. Вып. 1. С. 145–170; *Заозерская Е.И.* Мой путь в науку // История СССР. 1964. № 3. С. 139–149; *Нифантов С.А.* Из опыта научной работы историка // История СССР. 1963. № 2. С. 118–140; *Рожкова М.К.* Мой опыт работы с историческими источниками // История СССР. 1961. № 6. С. 166–167; *Рубинштейн Н.Л.* О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 8. С. 88–114.

- 29 *Дорошенко В.В.* Вспомогательные исторические дисциплины на новом этапе // *Археографический ежегодник за 1969 год.* М., 1971. С. 205–217; *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства: исследование социально-политич. истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973. 359 с.
- 30 *Источниковедение* // *Большая советская энциклопедия.* 3-е изд. М., 1972. Т. 10. С. 582; *Николаева А.Т.* Теория и методика советского источниковедения: Учеб. пособие / Отв. ред. О.М. Ме-душевская. М.: МГИАИ, 1975. С. 13.
- 31 *Кобрин В.Б.* Александр Александрович Зимин: Ученый. Человек // *Ист. зап.* М., 1980. Т. 105. С. 297.
- 32 *Ковальский Н.П.* Источниковедение истории Украины: (XVI – первая половина XVII в.): Учеб. пособие. Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1978. С. 3: Характеристика публикаций на иностр. языках, с. 4; *Пронштейн А.П.* Методика исторического источниковедения. 2-е изд., доп. и испр. Ростов н/Д: Сев-Кавк. науч. центр высшей школы, 1976. С. 420 и др.
- 33 *Пресняков А.* Реформа архивного дела // *Русский исторический журнал.* 1918. № 5. С. 202–222.
- 34 *Устюгов Н.В.* О методах научной работы: (Консп. докл. на заседании Научн. кружка ЦГАДА) // *Устюгов Н.В.* Научное наследие. М., 1974. С. 250.
- 35 *Будаев Д.И.* Из опыта обработки массовых источников // *Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1976.* М., 1977. С. 56–75.
- 36 *Рожкова М.К.* Мой опыт работы с историческими источниками // *История СССР.* 1961. № 6. С. 166.
- 37 *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. М.: Наука, 1967. С. 101.
- 38 *Михайлов А.И., Черный А.И., Гиляревский Р.С.* Основы информатики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1968. С. 250.
- 39 *Автократов В.Н.* О некоторых путях восстановления состава и содержания утраченных архивных фондов: (На примере фонда Военного приказа) // *Исторический архив.* 1961. № 6. С. 150–165.
- 40 *Леонидов Л.В.* Некоторые вопросы реконструкции архивных фондов в работах советских исследователей // *Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сб. статей.* М., 1980. С. 46–49.
- 41 *Черных В.А., Житомирская С.В., Мыльников А.С., Левшин Б.В.* Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства // *Археографический ежегодник за 1972 год.* М., 1974. С. 82–83.
- 42 *Государственные архивы РСФСР. Справочник-путеводитель* / *Редкол.: В.А. Тюннеев (предс.), В.Н. Автократов, В.Г. Комлев и др.* М.: Сов. Россия, 1980. 368 с.; *Государственные архивы СССР: Кр. справочник* / *Под ред. Г.А. Белова, А.И. Логиновой и др.* М.: Главархив СССР, 1956. 508 с.; *Державні архіви Української РСР: Короткий довідник.* Київ: Наукова думка, 1972. 200 с.; *Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР* / *Отв. ред. Б.В. Левшин.* М.: Наука, 1970. 250 с.

- 43 Материалы симпозиума по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 2–6 окт. 1972 г.) // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1976. М., 1977. С. 225–269; Милов Л.В. Проблема репрезентативности в источниковедении // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. III Всес. конф. Новороссийск, 1979. М., 1979. Ч. 1. С. 68–75; Тартаковский А.Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. 1973. № 6. С. 54–80.
- 44 Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М.: Наука, 1967. С. 87.
- 45 Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // История СССР, 1962. № 8. С. 97.
- 46 Кафенгауз Б.Б. Моя работа над диссертациями // История СССР. 1962. № 3. С. 111.
- 47 Кафенгауз Б.Б. Моя работа в свердловских архивах // 40 лет государственных архивов Свердловской области. Свердловск: Арх. отдел Свердл. облисполкома, 1952. С. 29–32.
- 48 Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции: Консп. лекций. М.: Изд.-во Мос. ун-та, 1971. С. 2–6.
- 49 Варшавчик М.А. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вopr. истории. 1968. № 10. С. 87.
- 50 Устюгов Н.В. О методах научной работы: Консп. докл. на заседании Научн. кружка ЦГАДА // Устюгов Н.В. Научное наследие. М., 1974. С. 250.
- 51 Рубинштейн Н.Л. О путях исторического исследования // История СССР. 1962. № 8. С. 106.
- 52 Библер В.С. Исторический факт как фрагмент действительности: Логич. заметки // Источниковедение: Теоретич. и методич. проблемы. М., 1969. С. 99.
- 53 Заозерская Е.И. Мой путь в науку // История СССР. 1964. № 3. С. 146.
- 54 Косолапов В.В. Информационно-логический анализ научного исследования: Методологич. проблемы аналитико-синтетич. переработки научной информации. Киев: Госплан УССР, ЦНИИНТИ и ТЭИ, 1968. С. 128.
- 55 Корецкий В.И. Из истории восстания И.И. Болотникова // Исторический архив. 1956. № 2. С. 126–145.
- 56 Сахаров А.М. О предмете историографических исследований // История СССР. 1974. № 3. С. 90–112.
- 57 Будаев Д.И. Из опыта обработки массовых источников // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1976. М., 1977. С. 69.
- 58 Николаев А.С. Архивное строительство // Наука и ее работники. 1921. № 4. С. 14–15.
- 59 Богданов Г.В. Методика описания документальных материалов и издания описей Московского отделения Общего архива Главного штаба: (1901–1917 гг.) // Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. 1958. № 9. С. 84.
- 60 Шереметевский В.В. Археографические работы по документам Разряда, хранящимся в б. Московском архиве Министерства юстиции // Исторический архив. 1919. № 1. С. 88.

- 61 Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР. 14–19 марта 1925 г. / Под ред. Н.Ф. Бельчикова, В.В. Максакова. М.; Л.: Центральные архивы РСФСР, Госиздат, 1926. С. 267.
- 62 Агафонов К. Летопись новотроицко-екатеринославских драгун. 1708–1801. СПб.: тип. "Бережливость", 1908. Ч. 1. С. VIII.
- 63 Там же. С. VIII–IX.
- 64 Автократов В.Н. Архивоведение: методологическая характеристика и типология исследований // История СССР. 1973. № 3. С. 36.
- 65 Рожкова М.К. Мой опыт работы с историческими источниками // История СССР. 1961. № 6. С. 166.
- 66 Деятели науки и культуры об архивах / М.В. Нечкина, И.И. Минц, И.М. Майский, С.Д. Сказкин, П.А. Зайончковский, Р.Л. Кармен, М.С. Шагинян, Ю.А. Арбат // Советские архивы. 1968. № 4. С. 11–12, 14, 15.
- 67 Кафенгауз Б.Б. Моя работа над диссертациями // История СССР. 1962. № 3. С. 112.
- 68 Гиляровский В.А. Нечаянная радость // Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1979. С. 380.
- 69 Рожкова М.К. Мой опыт работы с историческими источниками // История СССР.
- 70 Добров Г.М., Клименюк В.Н., Смирнов Л.П., Савельев А.А. Потенциал науки / Общ. ред. Г.М. Доброва. Киев: Наукова думка, 1969. С. 29.
- 71 Воспоминания М.Н. Сперанского о И.Е. Забелине / Подгот. С.Б. Филимонов // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 276.
- 72 Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е. О некоторых недостатках использования архивных документов в исследованиях по истории СССР XIX – начала XX в. // Проблемы архивоведения и источниковедения: Матер. научн. конф. архивистов Ленинграда, 4–6 февр. 1964 г. Л., 1964. С. 276; ср.: Они же. Против некритического использования архивных документов // История СССР. 1964. № 5. С. 74–91.
- 73 Рудельсон К.И. Современные документные классификации / Отв. ред. Г.Г. Воробьев. М.: Наука, 1973. С. 113.
- 74 Схема единой классификации документной информации в систематических каталогах государственных архивов СССР: советский период. 2-е изд., доп. и перераб. / Общ. ред. Д.Д. Голованова, К.И. Рудельсон, Н.М. Шепуковой. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1978. 278 с.
- 75 Берг А.И. Кибернетика и надежность. М.: Знание, 1964. 96 с.
- 76 Пушкин В.Г. Проблема надежности: философ. очерк / Отв. ред. Б.В. Бирюков. М.: Наука, 1971. С. 20, 49.
- 77 Тартаковский А.Г. Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. 1973. № 6. С. 78 и др.; ср.: Милов Л.В. Проблема репрезентативности в источниковедении // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. III Всес. конф. Новороссийск, 1979. М., 1979. Ч. 1. С. 68–75.

- 78 Лихачев Д.С. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 237–238.
- 79 Пушкин В.Г. Избыточность кибернетических систем и принцип целесообразности // Философские исследования. Уч. зап. Ленингр. гос. педагогич. ин-та. Л., 1968. Т. 365. С. 318–319.
- 80 Архив Главархива СССР. Оп. 3. Документы Комиссии по координации научно-исследовательской работы. Д. 3056. Л. 8.
- 81 Ефименко Р.Н., Корюкина Р.Д., Кузленков В.Н. Определение коэффициентов эффективности архивных справочников // Тр. ВНИИДАД. М., 1976. Т. 6. Ч. 1. С. 119–120.
- 82 Там же. С. 126.
- 83 Браво-Животовская Г.И. К вопросам о количественных оценках информационного уровня традиционных справочников в государственных архивах // Советские архивы. 1978. № 4. С. 91–94.
- 84 Кедров Б.М. Классификация наук. М.: Изд. ВП и АОН, 1961. Т. 1. С. 6.
- 85 Черный А.И. Введение в теорию информационного поиска / Отв. ред. А.И. Михайлов. М.: Наука, 1975. С. 10.
- 86 Сидоров А.Л. Некоторые размышления о труде и опыте историка // История СССР. 1964. № 3. С. 128.
- 87 Цаплин В.В. Научно-информационная деятельность ЦГАНХ СССР и вопросы совершенствования научно-справочного аппарата // Советские архивы. 1980. № 2. С. 47.
- 88 Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. М., 1973. С. 5–61.
- 89 Методика разработки общесоюзного классификатора предприятий и организаций народного хозяйства СССР. М.: Статистика, 1973. 53 с.; Автократов В.Н., Овязов Б.Б. Некоторые аспекты системного анализа: применительно к документоведческим и архивоведческим исследованиям // Тезисы сообщений к теоретическому семинару "Вопросы системного подхода к исследованиям в области документной информации" (Июнь 1972). М., 1972. С. 18–28; Автократова М.И., Назин И.С., Рудельсон К.И., Смоктунович Л.Л. О создании Единой системы научно-справочного аппарата архивов СССР // Вопр. архивоведения. 1965. № 1. С. 3–15; Автократова М.И., Рудельсон К.И., Сесина Л.И. Разработка основ Единой системы научно-справочного аппарата к документальным материалам в советском архивоведении // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 58–61; Бутько С.П. Развитие определения понятия системы НСА ГАФ СССР и ее состава в советском архивоведении (1963–1973 гг.) // Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1976. С. 108–115; Долгорукова Т.Н. Некоторые аспекты системного подхода к проблеме развития научно-справочного аппарата ГАФ СССР // Научная конференция Московского государственного историко-архивного института "Актуальные проблемы современного архивоведения, документоведения и организации делопроизводства". 27–29 мая 1971 года: Тез. докл. М., 1971. С. 50–54; Долгорукова Т.Н., Ефименко Р.Н., Лебедев В.А. Система научно-справочно-

- го аппарата: Терминологич. вопросы // Тезисы сообщений к теоретическому семинару "Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения" (Янв. 1974). М., 1973. С. 93–102. *Ефименко Р.Н., Лебедев В.А.* К вопросу о генезисе системных представлений о научно-справочном аппарате в советском архивоведении (1930–1950 гг.) // Тр. ВНИИДАД. М., 1974. Т. 5. Ч. 2. С. 29–40; Краткие тезисы научных докладов и сообщений к Всесоюзному совещанию-семинару по вопросам развития средств информации государственных исторических архивов СССР. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, ЦГИА СССР, 1977. 139 с.; *Крестовская К.В.* Место научно-справочного аппарата в системе архивного дела, проблемы его совершенствования // Материалы к Всесоюзному совещанию-семинару по проблеме "Научные основы и перспективы развития научно-справочного аппарата к документам Государственного архивного фонда СССР". М., 1976. С. 6–14; Материалы к Всесоюзной научной конференции по проблемам научно-информационной деятельности государственных архивов СССР: Кр. тез. М.: Главархив СССР, 1976. 207 с.; *Рудельсон К.И.* Некоторые методологические вопросы научно-справочного аппарата // Методологические вопросы документоведения, архивоведения, археографии: Сб. докл. методологич. семинара ВНИИДАД. М., 1978. Вып. 2. С. 11–131; *Рудельсон К.И., Шобухов М.Н.* Единая система научно-справочного аппарата государственных архивов СССР // Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 72–88; *Цаплин В.В.* Научно-информационная деятельность ЦГАНХ СССР и вопросы совершенствования научно-справочного аппарата // Советские архивы. 1980. № 2. С. 42–48; *Черных В.А., Житомирская С.В., Мыльников А.С., Левшин Б.В.* Система информации исследователей о содержании фондов деятелей науки, литературы и искусства // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 82–86.
- ⁹⁰ *Автократова М.И., Рудельсон К.И., Сесина Л.И.* Разработка основ Единой системы научно-справочного аппарата к документальным материалам в советском архивоведении // Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 58–71; *Буцько С.П.* Развитие определения понятия системы НСА ГАФ СССР и ее состава в советском архивоведении (1963–1973 гг.) // Актуальные проблемы советского архивоведения. М., 1976. С. 108–115; *Ефименко Р.Н., Лебедев В.А.* К вопросу о генезисе системных представлений о научно-справочном аппарате в советском архивоведении (1930–1950 гг.) // Тр. ВНИИДАД. М., 1974. Т. 5. Ч. 2. С. 29–40.
- ⁹¹ О мерах по улучшению архивного дела в СССР: Постановление Совета Министров СССР от 25 июля 1963 г. // Вopr. архивоведения. 1963. № 3. С. 3–5.
- ⁹² ГОСТ 16487–70. Делопроизводство и архивное дело: Термины и определения. 8 с. Группа ТО2; Методическое письмо о Единой системе научно-справочного аппарата государственных архивов СССР. М.: Главархив СССР, 1965. 24 с.; *Автократова М.И., Назин И.С., Рудельсон К.И., Смоктунович Л.Л.* О создании Единой

- системы научно-справочного аппарата архивов СССР // *Вопр. архивоведения*. 1965. № 1. С. 3–15. Рудельсон К.И., Шобухов М.Н. Единая система научно-справочного аппарата государственных архивов СССР // *Тр. Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР*. М., 1965. Т. 1. С. 72–88.
- 93 Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник / Под ред. Л. Никифорова, Г.А. Белова. М.: Высш. школа, 1966. 468 с.; То же. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Ф.И. Долгих, К.И. Рудельсон. М.: Высш. школа, 1980. 343 с.
- 94 Цаплин В.В. О возможном направлении развития системы НСА к документальным материалам государственных архивов // *Советские архивы*. 1972. № 5. С. 34–42.
- 95 Основные положения развития системы научно-справочного аппарата к документам государственных архивов СССР / Общ. ред. А.П. Курантова; отв. сост. И.В. Волкова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1981. 77 с.; Антонюк Д.И. Актуальные проблемы партийных архивов на современном этапе развития социалистического общества // *Материалы Всесоюзной научной конференции "Архивы СССР периода развитого социалистического общества"*. М., 1979. Ч. 1. С. 30–38.
- 96 Архив ВНИИДАД. Материалы Ученого совета. Д. 7 (64). 1978 г. Л. 4–6; Архив Главархива СССР. Оп. 3. Д. 3056. Л. 6–149. Документы Комиссии по координации научно-исследовательской работы.
- 97 Основные положения развития системы научно-справочного аппарата к документам государственных архивов СССР / Общ. ред. А.П. Курантова; отв. сост. И.В. Волкова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1981. С. 8.
- 98 Урсул А.Д. Отражение и информация. М.: Мысль, 1973. С. 220–221.
- 99 Медушевская О.М. Новая советская литература по источниковедению // *Вопр. истории*. 1973. № 9. С. 152.
- 100 Елпатьевская В.В. Развитие обзорной информации по документам ГАФ СССР // *Советские архивы*. 1979. № 3. С. 37.
- 101 Гуковский А.И. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины // *Вопр. истории*. 1964. № 2. С. 51–52.
- 102 Цаплин В.В. О возможном направлении развития системы НСА к документальным материалам государственных архивов // *Советские архивы*. 1972. № 5. С. 34–42.
- 103 Там же. С. 35–37.
- 104 Там же. С. 35.
- 105 Архив Главархива СССР. Оп. 3. Документы Комиссии по координации научно-исследовательской работы. Д. 3056. Л. 32.
- 106 Долгорукова Т.Н., Ефименко Р.Н., Лебедев В.А. Система научно-справочного аппарата (Терминологические вопросы) // *Тезисы сообщений к теоретическому семинару "Терминологические проблемы в области документоведения и архивоведения"* (Янв. 1974). М., 1973. С. 98.
- 107 Автократова М.И. К вопросу о каталогизации документальных материалов // *Исторический архив*. 1961. № 4. С. 183.

- 108 Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования: Процесс развития и проблемы его научн. воспроизведения. М.: Высш. школа, 1961. С. 78–89.
- 109 Воробьев Г.Г., Рудельсон К.И. Современные проблемы документной классификации и информации // Советские архивы. 1966. № 6. С. 22.
- 110 Принципы формирования информационно-поисковой системы на базе вычислительных перфорационных машин в государственных архивах: Методическое пособие / Сост.: Е.С. Романов (отв.), О.С. Чукова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1973. 248 с.; Автоматизация управленческой деятельности и информационного обслуживания в архивах капиталистических стран: Рефератив. обзор / Сост. О.А. Полетаев; Общ. ред. А.П. Курантова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1977. 50 с.; Гельман-Виноградов К.Б. Механизация информационного поиска в архивах // Тр. МГИАИ. М., 1974. Т. 30. Вып. 2. С. 89–91; Дударенко М.Л. Перфокаталогизация архивных документов и использование счетно-перфорационной техники для выдачи информации: Из опыта Архива Мин. обороны СССР // Вопр. архивоведения. 1963. № 2. С. 86–91; Коротков А.В., Овезов Б.Б., Чумин Г.В. Некоторая формальная оценка экспериментальной ИПС, ориентированной на вычислительно-перфорационные машины // Тр. ВНИИДАД. М., 1974. Т. 5. Ч. 2. С. 114–122; Они же. О логике поиска информации в экспериментальных механизированных ИПС // Тр. ВНИИДАД. М., 1976. Т. 6. Ч. 2. С. 184–189; Романов Е.С. Построение информационно-поисковой системы в государственных архивах на базе счетно-перфорационных машин: Автореф. дис. ... канд. тех. наук. М., 1971. 25 с.; Хромченко Л.Г. О критериях выбора и путях разработки механизированных систем для поиска информации в государственных архивах // Анализ тенденций и прогнозирование научно-технического прогресса: Применение математич. методов и ЭВМ в исследованиях по истории науки и техники. Киев, 1967. С. 295–305.
- 111 Автократов В.Н. К вопросу о методологии архивоведения // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 22–35; Автократов В.Н., Овязов Б.Б. Некоторые аспекты системного анализа: (Применительно к документоведческим и архивоведческим исследованиям) // Тезисы сообщений к теоретическому семинару "Вопросы системного подхода к исследованиям в области документной информации". (Июнь 1972) М., 1972. С. 18–28; Хромченко Л.Г. Роль методов и средств научно-технической информации в организации информационной деятельности государственных архивов СССР // Прикладная документалистика. М., 1968.
- 112 Вопросы создания Автоматизированной системы НТИ по документам ГАФ СССР: Сб. статей. Редкол.: А.П. Курантов (предс.), В.Н. Автократов, О.В. Голосов и др. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1981. 209 с.; Архив ВНИИДАД. Материалы Отдела АСНТИ ГАФ. Д. 51–5. 1979 г. Приложение. Рабочий проект: Автоматизированная система научно-технической информации по документам ГАФ СССР / Задание 03.10 "Создать и ввести в

- эксплуатацию АСНТИ по документам Государственного архивного фонда СССР..." / Рук. темы А.П. Курантов, гл. констр. О.В. Голосов. М.: ВНИИДАД, 1979. Т. 1–14. Т. 1: Функциональная и организационная структура АСНТИ по документам ГАФ СССР. 40 с.
- ¹¹³ Архивоведение, археография: Сб. сообщ. авторов проекта АСНТИ ГАФ СССР. Экспресс-информация ОЦНТИ ВНИИДАД. М., 1979. № 4 (7).
- ¹¹⁴ Архив ВНИИДАД. Материалы Ученого Совета. Д. 3 (60). 1978 г.
- ¹¹⁵ Архив ВНИИДАД. Материалы Отдела АСНТИ ГАФ. Д. 51–5. Т. 1. Функциональная и организационная структура АСНТИ по документам ГАФ СССР. 40 с.
- ¹¹⁶ Архив ВНИИДАД. Материалы Ученого Совета. Д. 4 (61). 1978 г. Л. 15–16.
- ¹¹⁷ Михайлов О.А., Шапошников А.С. Автоматизированные системы поиска информации по документам государственных архивов // Советские архивы. 1982. № 4. С. 27–31.
- ¹¹⁸ Андреевский И. О Калачове как юристе-археологе и учредителе Археологического института // Вестн. археологии и истории. СПб., 1886. Вып. 5. С. 15–24.

Теоретические вопросы использования документной ретроспективной информации

В деятельности архивистов в области использования ретроспективной информации заложено информационное начало. Не случайно, когда рассматриваются вопросы, относящиеся к этому роду деятельности, главное внимание обращается именно на организационные вопросы. Вместе с тем такой подход не отвечает на вопрос, что такое “использование” с теоретической точки зрения, не соотносит понятие о нем с удовлетворением информационной потребности реципиента и условиями, в которых протекает процесс передачи информации. Неясной остается и природа получаемого результата – эффективности использования. Но вне учета перечисленных вопросов сама задача оптимизации соответствующей деятельности архивистов становится недостаточно содержательной. Данная глава задумана как теоретическое введение в проблему, во многом – как первое осмысление важных положений теории использования. Поэтому некоторые из них только намечаются, а попытки решений носят подчас предварительный характер. Вопросы методики и практики организации использования специально не анализируются, затрагиваются лишь попутно. Им посвящена большая литература*.

Основополагающие принципы и понятия теории использования

В свете современных теоретико-информационных концепций использование следует понимать как процесс актуализации документной ретроспективной информации, вызволение ее из состояния “покоя” и включение в современную общественную практику, согласно существующей потребности в ней. Т. е. использование – это процесс и результат удовлетворения информационной потребности.

* Ряд глубоких по содержанию работ опубликован в книгах¹. Большое количество материалов, в основном в порядке обмена опытом, помещено в журнале “Советские архивы” и других изданиях.

Важнейшее положение теории использования заключается в том, что документная ретроспективная информация, будучи явлением социальным, не поддается изучению и объяснению, а ее использование не может быть эффективным без учета целого ряда объективных характеристик. Поэтому четко проявляется методологическая установка, отражающая научный и практический характер работы архивистов в области использования – принцип научной объективности. Это положение выливается в требование создать оптимально благоприятные условия для удовлетворения широкого спектра потребностей общества в ретроспективной информации, в том числе потребностей исторического познания.

Историческая наука непрерывно развивается, поэтому фактические знания историкам постоянно не хватает: “далеко не все имеющиеся в нашем распоряжении архивы обследованы, не все доступные нам источники выявлены...”². Однако установка на оптимальное удовлетворение информационных потребностей, сочетающаяся с постоянным пополнением государственных архивов новейшими материалами и теоретической неисчерпаемостью документной информации, создает оптимистический настрой, уверенность ученых в том, что отечественные архивы будут максимально широко служить науке.

В современном архивоведении принцип научной объективности в работе по использованию ретроспективной информации проявляется столь же многообразно, сколь и сами потребности общества в ней и способы их удовлетворения. Например, при организации использования документов в политических и культурно-просветительных целях прикладного характера названные принципы во многом близки к тем, которые выдвигаются в отношении отдельных документальных жанров литературы и искусства. Это определенно выраженная “пристрастность” к интерпретации сообщаемого материала и обычно окраска одобрения или осуждения событий и поступков людей, о которых передается информация. Такие оценки не предполагаются в случае передачи ретроспективной информации для использования специалистами народного хозяйства. Но всегда принцип объективности согласуется с принципом историзма, руководствуясь которым архивист, организующий использование, и потребитель информации стремятся к верности исторической правде. Важнейшая функция историзма заключается в том, что он блокирует фактор старения информации (в смысле обесценения ее во времени) – в тех случаях, когда она рассматривается как источник знаний о прошлом. Этот вопрос имеет обратную сторону, заключающуюся в том, что природа ретроспективной информации, которую и отражает принцип историзма в ее использовании, существенно ограничивает предъявление такой информации требований, которые свойственно предъявлять оперативной информации.

Из требований объективности и историзма вырастает принцип комплексного и всестороннего подхода к проблеме использования

ретроспективной информации. Комплексность выражает стремление к оптимальной (с точки зрения задач конкретных актов использования) полноте выдаваемой информации, что допустимо трактовать в духе источниковедческого понятия о репрезентативной совокупности источников, необходимой для решения определенной задачи. Всесторонность имеет в виду отмечавшуюся теоретическую неисчерпаемость любого объема ретроспективной информации, из чего вытекает возможность бесконечного числа актов использования одних и тех же документов в разных целях и аспектах. В конечном итоге, всесторонность – это утверждение безграничных возможностей Государственного архивного фонда.

Ранее нами уже подчеркивалось, что архивоведение различает понятия ценности документов и их полезности. Осуществляя прием документов на постоянное хранение, архивисты стремятся обеспечить их высокую информационную плотность, исходя из понятия постоянной исторической ценности этих документов, независимой от характера конкретных запросов тех или иных групп возможных потребителей. Когда же архивисты организуют использование хранящихся в архивах определенных документов в каких-то конкретных целях, то они соотносят свою деятельность с понятием о конкретной полезности документов для данного потребителя: индивидуального, коллективного, локальной или массовой аудитории. Полезной информация может быть тому, кто в ней нуждается и достаточно подготовлен для ее восприятия. Такая трактовка полезности предопределяет необходимость применять понятие адресности информации. Чем лучше знают и понимают архивисты истинные информационные потребности конкретного потребителя, тем точнее они смогут адресовать информацию, лучше организовывать информационное обслуживание, добиваться более высоких результатов использования.

Деятельность в области использования документной ретроспективной информации совершается как передача информации в рамках двух основных схем: “архив – потребитель” и (более сложно) “архив – посредник – потребитель”. Посредники – это обычно средства массовой информации (печать, радиовещание, телевидение и кинематография). Независимо от того, по какой схеме осуществляется использование документов, информационный смысл работы архивистов заключается в том, что ими организуется и выполняется передача информации потребителю. Таким образом, участниками процесса использования выступают: потребитель, получающий и использующий информацию, сама информация и архивист, организующий передачу информации. В ряде случаев в передачу информации включается соответствующий посредник. Использование каналов массовой коммуникации не следует понимать в смысле механической передачи сообщений. Это творческий процесс, предполагающий предварительный отбор и обработку данных, которые выполняются информатором (архивом) с участием посредника. Ха-

рактический характер данного процесса во многом определяется такими факторами, как подготовленность аудитории к восприятию информации и соответствие информации содержанию потребностей в ней.

Информационные потребности, будучи отражением объективной необходимости получения сведений, способных ответить на вопросы, возникающие у людей в связи с их деятельностью, с постановкой каких-либо задач (не только научных, но и производственных, культурных и т. п.), существуют в двух формах: явной и неявной. Явные осознаны, могут быть сформулированы до ознакомления с конкретной информацией и выливаются в побуждение найти и получить необходимую информацию. Практически они выступают в виде спроса на информацию. Природа вторых сложнее. С точки зрения информатики, к неявным потребностям относятся такие, которые обнаруживаются неожиданно, при ознакомлении реципиента с данной информацией³. Это объясняет, в каких условиях неявная потребность может стать явной, но не объясняет, что такое неявная потребность как информационное и психологическое явление. Думается, ее допустимо трактовать в смысле противоречия между объективной необходимостью использовать соответствующую информацию и неосведомленностью о ее существовании; в других случаях – как противоречие между объективной полезностью известной людям информации и непониманием того, что она им полезна. Неявную потребность можно характеризовать как “дремлющую”, и поскольку она не осознается, потенциальный потребитель сформулировать ее не может.

Неявная потребность способна стать явной: при ознакомлении с данной полезной информацией, в результате получения сведений о ее наличии в архивах, после соответствующих разъяснений о ее полезности и в других случаях. Но для такого превращения необходима внутренняя предуготовленность потенциального потребителя, его способность к правильной оценке возможностей информации. Так бывает не всегда, хотя бы потому, что порой срабатывает психологический барьер, предубеждение о бесполезности некоторого рода информации для конкретной деятельности. Существуют и другие препятствия: слишком большие интеллектуальные и временные затраты для переработки информации в приемлемый вид при недостаточности ожидаемого результата, второстепенность предлагаемой информации для решаемой задачи и т. п. Следовательно, неявная потребность не обязательно превращается в явную, отчего возможности существующей информации используются не полностью, даже когда налицо, казалось бы, все необходимые условия: потенциальный потребитель, объективно нуждающийся в информации; информация, соответствующая потребности; архив, готовый передать информацию.

С фактом существования явных и неявных потребностей связано деление потребителей на реальных и потенциальных. Но однозначного соответствия нет. Реальные потребители – это те, которые, яв-

ляясь носителями явной потребности, фактически используют нужную им информацию. Потенциальные ее используют вне зависимости от того, какова их потребность: неявная или явная, но не реализующаяся почему-либо. Выступая как сложное, во многих аспектах психологическое, явление, информационная потребность и ее развитие имеют глубокое теоретическое и важное практическое содержание, исследованное архивоведением еще недостаточно.

Потребности в документной ретроспективной информации в ряде случаев заявляются потребителем в соответствии с его интересами. В других они устанавливаются архивистами достаточно определенно. Если же степень определенности мала, то направляемая информация теряет адресный характер; эффективность ее использования резко снижается. Иногда архивистами вынужденно применяется принцип “всем – всем”, предполагающий, что существует невыявленная группа потенциальных потребителей, которым данная информация будет полезной и сама “найдет свои адресаты”. Когда мы встречаемся с информационной потребностью некоторой аудитории (особенно массовой), то такая потребность, относясь по природе к числу “явных”, может, тем не менее, не иметь четкого выражения. К ней применимо понятие журналистики о так называемой “совокупности ожиданий”. Потребности – ожидания определяются архивистами путем сбора и анализа отзывов о совершенных ранее передачах информации или с помощью средств массовой информации.

Для реализации процесса использования информации необходимо, чтобы профиль потребностей реципиента, характер и степень его профессиональной подготовки, а в ряде случаев его культурный уровень отвечали содержанию и форме выражения информации документов. Естественно, для информантов с разными потребностями и возможностями использования информации информативность одного и того же документа будет неодинаковой. Недостаточная подготовленность потребителя может вообще исключить возможность использования. Она исключается также, когда документ несмотря на кажущуюся актуальность, не сообщает ничего полезного или нового информанту. Подобная трактовка информативности, соотносящая конкретный документ с конкретным потребителем, должна быть включена в состав основных положений архивоведческой теории использования. Ее практический смысл не менее важен для работы архивистов в анализируемой области, чем понятие адресности, причем становится ясным, что адресность – выводное понятие, практическое приложение понятия информативности.

Передача информации протекает в нескольких направлениях и совершается в разных формах. Поэтому архивоведение в основу работы в данной области положило соответствующие понятия: “направления использования” и “формы использования”, или (как часто употребляется) “формы организации использования”. Однако их теоретическое содержание исследовано недостаточно, что

сдерживает развитие методической и научно-практической деятельности.

Понятие о направлениях использования стоит в явной связи с характером целей, достижение которых предполагается в результате тех или иных актов использования информации. На наш взгляд, “направления” – это широкие обобщения целеустремлений архивистов передать информацию сообразно существующим типам потребностей общества в ней, причем типы потребностей также следует рассматривать в самых масштабных укрупнениях. Это соответствует современному пониманию категории цели как идеального внутренне побуждающего мотива деятельности и как закона, определяющего способы и характер деятельности.

“Основные правила работы государственных архивов”⁴ подчеркнули пять “важнейших” целей (направлений) использования: политическую, народнохозяйственную, научную, агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительную. Осмысление дальнейшей практики архивистов внесло коррективы. Поскольку сфера политики охватывает широкий круг вопросов государственного устройства, управления страной и развитием всех сторон общественной жизни, в том числе идеологией и культурой, т. е. покрывает в определенном смысле другие направления, то архивисты обычно уже не обособливают этого направления. Вместе с тем повышение конституционных гарантий личности поставило в тот же ряд использование в социально-правовых целях, не считавшееся раньше в числе “важнейших”. Оформилось еще одно направление – “в учебных целях”.

Находясь в логической близости к потребностям общества в документной ретроспективной информации, “направления” могут в нашем сознании сливаться с ними. Но “направления” – конечно, не сами потребности и не обобщенные их типы, а их отражение в деятельности архивистов по удовлетворению потребностей. Категория цели, как идеального предвосхищения в сознании людей результатов их деятельности, отличает цели, непосредственно близкие к самой деятельности, от целей отдаленных, в каком-то смысле конечных. Каждый организующийся архивистом акт использования преследует преимущественно достижение ближайшего результата. Цели отдаленные находятся вне непосредственной деятельности архивиста. Тем не менее направления использования – это и есть устремления к отдаленным целям, к “целям-потребностям” общества, а не к тому, что выражает потребности отдельных реципиентов, даже коллективных. Естественно, что к отдаленным целям результаты использования исходной ретроспективной информации приходят в существенно преобразованном виде.

Когда мы говорим о формах использования, то имеем в виду формы обеспечения потребителей релевантной информацией, варианты процесса ее передачи потребителю. Формы использования относительно независимы от “направлений использования”; нет однознач-

ной связи – каково “направление”, такова же во всех случаях форма использования, поскольку формы обслуживают разные направления. Понятие о формах использования – по-видимому, одно из самых сложных в архивоведении и требует особенного внимания. Его рассмотрение начинается с вопроса, что предпочтительнее, выражение “форма использования” или “форма организации использования”? Если мы соглашаемся с “формой организации использования”, то в значительной мере ограничиваем свое внимание работой архивиста по передаче информации. Но подобное ограничение чревато обеднением содержания понятия, которое призвано отражать весь процесс передачи и все его составляющие: информацию, работу архивиста по ее передаче (в том числе, если необходимо, преобразование информации), работу потребителя с информацией. Поэтому предпочтительнее, с нашей точки зрения, термин “форма использования”. Предлагаемый вариант не противоречит той посылке, что архивоведческая теория использования в основе является организационной. Она “организационная” в том широком аспекте исследования процесса использования и в тех рамках, в которых архивист имеет возможность влиять на него, оптимизировать его течение и результаты с помощью доступных ему средств.

По-другому понимает вопрос Е.Ф. Шорохов, считающий, что архивисты либо организуют использование документов, и тогда следует говорить о “формах организации использования”, либо сами применяют документы (например, на выставках, в радиопередачах, статьях). Тогда мы имеем дело с “формами использования”. Совершенно ясно, говорит автор, что, передав основанный на документах материал по радио, “архивист уже использовал эти документы в идеологической работе”⁵. Здесь скрыта ошибка: факт работы архивиста с информацией (подготовка им статьи, передачи и т. п.) – еще не факт использования ее потребителем, не факт удовлетворения информационной потребности реципиента, а только звено в процессе передаче информации. В тени остается вопрос, если архивист сам “применил” документы, то чью же потребность это удовлетворило? Ясность наступает, когда мы соотносим использование с фактом получения информации потребителем. Поэтому предложенное Шороховым деление форм выглядит малоубедительным: архивист не выступает в качестве получателя информации. Исключение составляет использование документов в текущей внутриархивной работе (когда передача информации из стен архива не предполагается): составление учетных документов, исторических справок о фондообразователе и фонде. Однако не об этом идет речь.

В понятии о формах использования выделяются три наиболее существенных признака: а) вид, в котором ретроспективная информация выдается потребителю; б) способ информационного обслуживания, который может быть предложен архивистом или выбран потребителем, но всегда выражает работу архивиста по передаче информации; в) отличительные черты контакта потребителя с полу-

чаемой информацией. Эти признаки взаимосогласованы, и связь между ними образует структуру данного понятия. Тем не менее и всякая конкретная форма возникает в результате изменения содержания названных признаков, т. е. в зависимости от того, какого вида информация передана, каков способ информирования и каков контакт потребителя с информацией. Казалось бы, центральный признак (“б”), выражающий работу архивиста, заслоняет остальные. Но разбора заслуживают они все.

Перечисляя формы использования, архивисты обычно называют: информирование учреждений о наличии в архивах документов, представляющих для них научный или практический интерес (подготовка и распространение так называемых “информационных документов”); публикационную деятельность; обслуживание потребителей в читальных залах; наведение и выдачу справок (фактографических и тематических); “популяризацию” архивных документов, в частности, организацию выставок документов и экскурсий в архивы. Хотя термин “популяризация” не охватывает разнообразия соответствующих форм передачи информации, популяризационное начало (распространение знания, стимулирование интереса общества к архивам) во многих случаях имеется. За отсутствием точного термина допустимо говорить о группе “малых форм” использования, учитывая сравнительно небольшие объемы привлекаемых документов.

Выделение названных “направлений” и форм использования из многообразной практики явилось значительным достижением методической мысли 1950-х годов⁶. Это простая классификация, удобная для практической организации работы архивистов. Но теперь рассмотрение вопроса следует продолжить, в чем-то осмыслить заново. Моментом осмысления и является выделение трех признаков понятия о формах использования.

Документная ретроспективная информация может быть выдана (передана, сообщена и т. п.) потребителю в нескольких видах. Назовем главные.

а) Собственно документы, выдаваемые потребителю либо в “чистом натуральном виде”, либо в их копиях нескольких разновидностей. Согласно смыслу предлагаемой классификации, к копиям относятся и разного рода публикации архивных документов: не только научные и научно-популярные, но и в фотоальбомах, буклетах, диапозитивах и т. д. Публикация в широком значении термина понимается как всякое изготовление и распространение “тиражированных дублей документов”⁷.

б) Выдача ретроспективной информации в переработанном архивистами виде для распространения любыми средствами в более или менее широкой аудитории. Это качественно новая информация, имеющая самостоятельное научное или познавательное значение: научное сообщение, лекция, документальный очерк как произведение, стоящее иногда на грани исследования и беллетризованного по-

вестования об архивах и документах. Здесь же жанры журналистики: газетная заметка, текст для радио и телепередачи.

в) Передача реальным или потенциальным потребителям “информации об информации” в виде “информационных документов”, составляемых с разной степенью подробности для извещения о наличии в архивах конкретной ретроспективной информации (или подтверждающих такое наличие в ответ на запрос).

г) Особенный вид выдачи ретроспективной информации – бездокументный, характерным примером которого является консультирование исследователей, работающих в читальном зале архива. Имеется в виду такое сообщение, в основе которого нет специально (для данного случая) подготовленного текста.

Выделенные виды, в которых ретроспективная информация сообщается потребителю, характеризуют первый признак понятия о формах использования. Второй признак – способы информационного обслуживания. Они характеризуют работы архивистов, передающих информацию индивидуальному или коллективному потребителю, в соответствии с его заявленными или предполагаемыми информационными потребностями. В сфере использования архивных документов действует принцип оперативной выдачи информации действительно заинтересованному в ней потребителю (если нет объективных противопоказаний) в таком виде и полноте, которые способны его удовлетворить. Этот принцип реализуется с помощью нескольких методов, основными из которых являются: метод релевантного обслуживания (“запрос-ответ”), когда потребитель сам заявляет свою информационную потребность, и метод опережающего обслуживания, применяющийся с целью стимулировать возникновение у потенциального потребителя интереса к определенной информации, пробудить у него потребность в ней. В последнем случае возникает задача выявления и глубокого изучения всего диапазона потенциальных потребителей, которые, фактически нуждаясь в ретроспективной информации, потребности в ней не заявляют. Обычно они не знают о ее существовании или предубеждены о ее малой значимости. В таких случаях только правильное адресование и объективное содержательное наполнение направляемой “информации об информации” способно вызвать информационный резонанс.

Архивисты, стремясь интенсифицировать свою научно-информационную деятельность, склонны считать метод опережающего обслуживания “активным” и более предпочтительным, чем релевантный, определяющийся как “пассивное использование”. Это справедливо с точки зрения организации работы, например, при постановке задач, планировании. Но нужно учитывать условность разделения “активного” и “пассивного”. Сам смысл задачи опережающего обслуживания заключается в том, чтобы “активное” превращалось в “пассивное”. Так и бывает, когда адресование правильно и потребителю сообщена информация, в которой он заинтересован. Разбуженная информационная потребность вызывает ожидаемую

архивистом активность потребителя: он запрашивает копии интересующих его документов или присылает своего представителя для работы в читальном зале архива. Следовательно, потребитель, испытав “информационное вмешательство” архива, начинает действовать самостоятельно. Если же этого не происходит, значит стимулировать информационную активность не удалось. С.П. Люшин с сожалением пишет о непреодоленном до сих пор равнодушии “большинства руководителей и специалистов многих ведомств и научно-исследовательских институтов к информации о содержании документальных богатств” архивов⁸. Но дело не только в равнодушии специалистов к предложению получить некоторую ретроспективную информацию, а и в том, что сами архивисты заблаговременно не выяснили истинные информационные потребности данного ведомства или института, не установили, действительно ли нужна предлагаемая информация.

Как видим, “пассивное” является таковым только в глазах архивистов, организующих использование, а не тех, кто действует самостоятельно активно, не ожидая стимулирования со стороны архива. Точнее, в таких случаях интерес возникает и превращается в информационную потребность самим фактом существования архива (о чем знает потребитель), возможностью получения информации.

Выделим основные способы информационного обслуживания. Каждый способ образуется сочетанием следующих составляющих: характер схемы передачи информации (простая, сложная), метод (релевантный или опережающего обслуживания), а также характер работы с документами, выполняемой в тех или иных случаях архивистами. Все перечисленные виды работ складываются из цепочек операций с документами. Звенья цепочек – конкретные операции, имеющие научный, научно-вспомогательный или технический характер, причем критерием научности выступает наличие семантической или структурной переработки информации архивистом. Примерами семантической переработки могут быть “информационный документ”, очерк, доклад, а структурной – выставка документов, документальный плакат и т. п. Практические изменения семантики и структуры всегда как-то совмещаются.

Перечисленные виды многочисленных работ и операций, выполняемых архивистами, в том числе и в сфере использования, уже выявлено и классифицировано в литературе достаточно полно⁹. Это облегчает рассмотрение способов информационного обслуживания.

1) В основе способа обслуживания исследователей в читальных залах архивов лежат простая схема передачи информации (“архив-потребитель”) и метод релевантного обслуживания. Поскольку традиционный архивный поиск ученого является творческим процессом и началом научного исследования, право поиска архив обычно делегирует потребителю. Надо различать центральные звенья цепочек, выражающие работу архивиста по передаче информации, и непосредственный акт ее использования. Так, центральная операция

работы по обслуживанию потребителя в читальном зале – выдача ему документов, а акт использования – основная работа потребителя с ними*.

2) Второй способ информационного обслуживания – выдача информации в аналитико-синтетически переработанном виде. Она совершается в режимах опережающего и релевантного обслуживания и развивается в рамках обеих схем передачи информации “архив-потребитель” и “архив-посредник-потребитель”. При подготовке “информационных документов” центральными операциями являются: установление потенциальных потребителей (что связано с определением характера их информационных потребностей), анализ отобранного материала с целью его дедуктивного синтеза. Перечисленные операции наиболее полно выражают смысл и научный характер данного варианта способа информационного обслуживания. Другой вариант указанного способа – исполнение тематических и фактографических запросов. Содержание запроса формулируется тем, кто заинтересован в получении информации; поэтому смысл (центральная операция) работы архивиста заключается в отборе информации, прямо отвечающей запросу. Это релевантный и индуктивный метод: опираясь на требования заявителя, архивист собирает и фиксирует некоторую последовательность фактов. Скажем, при наведении справки о трудовом стаже кратко воспроизводятся именно те конкретные моменты трудовой деятельности гражданина, которые могут повлиять на решение об установлении пенсии.

С участием посредников (издателей, редакций газет, радио и телевидения, киностудий) осуществляется передача информации через средства массовой информации. Работа с посредником предполагает согласование и акцентировку темы, сценария, монтажных листов, текстов репортажей, очерков, фотографирование документов и т. д. Но центральная операция – аналитико-синтетическая переработка информации – остается за архивистом.

3) Важная особенность организации выставок документов заключается в том, что экспонируется семантически не переработанная информация (документы в оригиналах или копиях). Наиболее важные операции: формулирование темы (идеи) выставки; определение круга привлекаемых архивных фондов; выявление и отбор релевантных документов; аннотирование и составление общего перечня экспонатов; пространственно-структурное решение выставки, также несущее заряд информативности.

4) Публикационная деятельность подразумевает участие посредника (издательства, редакции). Это область археографии. В рамках же теории использования должны рассматриваться вопросы мето-

* В архивах, хранящих материалы советской эпохи, количество дел, выдаваемых в читальные залы, в три раза меньше количества дел, выдаваемых сотрудникам архива, занимающимся вопросами использования¹⁰. В исторических архивах соотношение ближе к обратному.

дики издания фотоальбомов, буклетов, плакатов, где есть свои цепочки операций. Иногда – многосложные – создание иллюстрированного альбома с вводной статьей и комментариями.

Третий признак понятия о формах использования – особенные черты контакта потребителя с получаемой информацией – определяется двумя первыми признаками и в свою очередь определяет их. Здесь важно учитывать характер информационного режима, в условиях которого работает реципиент. Физиологические особенности людей определяют наличие двух каналов передачи и получения всякой социальной информации, в том числе и ретроспективной: визуальный и акустический. Их совмещение создает единый аудиовизуальный канал. В соответствии с возможностями каналов, все контакты реципиента с получаемой информацией разделяются на две основные группы. Контакты первой группы допускают по желанию реципиента приостановку получения информации, возвращение к любому фрагменту ранее полученной информации, “забегание вперед”, временное переключение внимания на другой источник, иногда параллельное (сопоставительное) сканирование информации двух или нескольких источников и т. п. Они появляются при чтении документов, рассматривании изображений, а также когда информант имеет возможность регулировать трансляцию кино- и фоноинформации. Контакты второй группы осуществляются в строго заданном темпоритме с помощью средств кинематографа, радио, телевидения и не допускают его нарушения без потери информации. Есть промежуточная группа – контакты личного общения информантов с информаторами-архивистами в “живых” локальных аудиториях, подчас специализированных по профессиональной принадлежности или “по интересам” собравшихся: прослушивание научных сообщений на конференциях, лекций и выступлений.

Рассматривая признаки контакта информантов с получаемой информацией, нужно учитывать также различие их целевых установок в разных коммуникативных ситуациях. Можно выделить не менее трех типов ситуаций, отвечающих информационным потребностям реципиентов, возможностям каналов информации, а также режиму получения информации. Назовем *условно* их “творческими”, “познавательными” и “ситуациями оповещения”. Творческие коммуникативные ситуации подразумевают работу с собственно документами в “чистом” виде или с микрофильмами, заменяющими оригиналы. Это исследовательская работа, являющаяся необходимым этапом создания конкретно-исторических трудов. Здесь требуется не простое понимание полученной информации, но и подтекста, проникновение в глубинный смысл источника. Творческие ситуации обыкновенно бывают длительными; иногда они продолжаются несколько лет. Опираясь на свободный режим, они требуют особого информационного комфорта, т. е. соответствующей благоприятной обстановки для работы с информацией (читальные и про-

смотровые залы архивов, наличие НСА, устройств для чтения микрокопий). Существенной чертой таких коммуникативных ситуаций является то, что они стимулируются активной личной заинтересованностью исследователя. Он сам определяет свою информационную потребность, лично (или с помощью архивиста) соотносит данную потребность с возможностями архива удовлетворить ее, сам обрабатывает полученную информацию. Наиболее же важная сторона творческой ситуации та, что ее результатом становится возникновение новой научной информации в виде, например, монографий, диссертаций, статей.

В условиях читального зала возникают наиболее устойчивые и долговременные отношения архивистов и потребителей информации. Это предполагает установление более глубокого взаимопонимания обеих сторон, чем чисто формального. Поскольку обслуживание в читальных залах не носит характера массового обслуживания (что свойственно современным информационным центрам), то создаваемый обоюдными усилиями информационный комфорт приобретает некоторую камерность. Своеобразный положительно окрашенный психологический микроклимат (“атмосфера симпатий”) благотворно влияет на архивные занятия исследователя. Информационный комфорт – это не только камерность. Здесь просматриваются еще два важных момента. Первый особенно четко действует через принцип выдачи информации действительно заинтересованному в ней потребителю. Реципиент предстает перед архивистом как живой адресат с заявленной им самим информационной потребностью, что открывает широкую возможность реализации достоинств метода релевантного обслуживания (“запрос-ответ”).

Другой момент связан с концепциями информационного комфорта, рассмотренными в информатике Ю.А. Шрейдером. Понятие информационного комфорта определяется этим ученым несколько заууженно, а именно: как удобство, ощущаемое потребителем при “выборе информации”. Первая концепция – это концепция “информационных ресурсов”. Она основана на том, что отстраненный от поиска потребитель выбирает нужную информацию из документов, которые ему выдает информатор. (Такой подход обычно пропагандируется литературой по информатике.) “Ощущение удобства” достигается тем, что с потребителя снимается “бремя сомнений” о возможном существовании важной, но оставшейся ему неизвестной информации. Однако в ряде случаев предпочтительна другая концепция – концепция “информационной среды”, в рамках которой комфорт воспринимается как возможность личного участия в поиске, “самому разбираться в информации”, обнаруживать “редкие” источники, иногда далекие, казалось бы, от сферы интересов исследователя, хотя и способные вызвать содержательные смысловые ассоциации¹¹. Комфортность читального зала архива в конечном итоге определяется тем, что исследователю дана возможность

личного поиска, которая, не снимая “бремени сомнений”, превращает их в сильнейший мотив поиска.

Когда мы говорим о познавательных коммуникативных ситуациях, то “познавательное” противопоставляем “творческому” в том смысле, что первое не предполагает создания новой научной информации. В данном контексте “познавательное” – это способствующее увеличению знаний реципиента, расширению его кругозора не путем изучения ретроспективной информации, а в результате получения полезных сведений не исследовательским путем*. Такое противопоставление в ряде случаев неустойчиво. Трудно, например, не только формально (по названию темы), но и содержательно отличать работающего в архиве исследователя как такового от читателя, не стремящегося к научному исследованию, а желающего почерпнуть какое-то количество фактов из архивных документов, ознакомиться с материалами для литературной работы (обнаружить яркие жизненные сюжеты, “вдохнуть аромат эпохи” и т. п.). Поэтому архивисты практически включают в категорию исследователей всех лиц, занимающихся с документами. Но по существу это не всегда так, поскольку не все посетители читальных залов создают научные труды. Правда, иногда создается эстетическая информация (художественные произведения исторического жанра).

Вопрос о специфике познавательных ситуаций становится яснее, если их рассматривать на более широком материале. Познавательный результат возникает, например, при чтении документального очерка, просмотре телепередачи, обозрении выставочной экспозиции и т. д. Каждая такая ситуация непродолжительна. Иногда почти одномоментна, например, в ходе прослушивания краткого сообщения по радио).

Активное начало в создании таких вариантов познавательной ситуации принадлежит архиву или органам массовой информации (иногда научным и другим учреждениям), а не потребителю. Поэтому интерес потребителя следует стимулировать. В частности, внесением художественности в сообщаемую информацию – красочности, образности и занимательности, а, стало быть, так или иначе понимаемой сюжетности, содержащейся в документах. Особенно важное значение имеет фактор новизны информации. Необходимо избегать сюжетов и фактов, которые заведомо хорошо знакомы данной аудитории. Одной из характеристик новизны информации является фактор “редкого известия”, трактующийся в смысле неординарности, яркости внешнего вида и содержания документа, т. е. всего, что поражает воображение необычайностью, чем-то из ряда вон выходящим.

Всегда важно соблюдать правильное соотношение показа и рассказа. Например, на телевидении нельзя злоупотреблять показом

* Конечно, восприятие информации – всегда мыслительный акт, а всякое мышление – своего рода творчество¹². Но мы говорим о различии коммуникативных ситуаций при использовании архивных документов.

текстового документа, поскольку “любая перегрузка телеизображения трудно различимыми деталями, как правило, приводит к раздражению”¹³. Это понятно: зритель начинает домысливать и теряет связь с продолжающейся передачей. Поэтому в телепередачах велика роль звучащего слова; изображение же иллюстрирует сказанное¹⁴. Документы, экспонируемые на выставках, реципиент видит со всеми внешними атрибутами, но мало читает, а больше рассматривает и слушает экскурсовода. Сама реальность показанного ему “остатка прошлого” вызывает чувство причастности к истории.

“Ситуации оповещения” создаются либо для пробуждения и активизации неявных потребностей потенциальных потребителей в определенной информации, хранящейся в архивах (тогда инициативной стороной является архив), либо, чтобы сообщить потребителю по его запросу данные об информации, необходимость (или вероятная полезность) которой им уже осознана. В обоих вариантах потребитель получает не архивные документы, а “информацию об информации” в виде “информационных документов”. Обычно развитие “ситуации оповещения” соответствует нарастанию информативности документов указанного рода, что в свою очередь и в той же мере отвечает логике нарастания интереса информанта к получаемым им сведениям. Лаконичные “информационные письма” (“сообщения”) и более подробные “справки-ориентировки” – информационные документы низшего уровня, имеют задачей пробудить неявную потребность или закрепить интерес вероятных потребителей к определенным документам. Документы второго уровня представлены “тематическими перечнями”, широко раскрывающими состав и содержание документов (заголовки, аннотации, шифры). Их задача закрепить интерес, превратить его в явную информационную потребность. Частным случаем таких перечней называют “списки-справочники”, составляющиеся на документы о геологических объектах. Третий уровень – “тематические справки”. Это документы большой информационной емкости. Их структура хронологична, соответствует развитию данного исторического объекта. Новейшая практика вызвала к жизни модификации тематических справок: ретроспективные обзоры и другие высокоинформативные документы.

Реакция информанта на полученные сведения может выражаться в запросе копий релевантных документов, направлении своего представителя для работы в читальном зале архива и т. д. Это значит, что адресование было правильным и что “ситуация оповещения”, исчерпав себя, переросла в творческую или познавательную ситуацию. Возможен и негативный результат: предполагаемый потребитель не прореагировал на сообщенные ему сведения или возникший интерес почему-либо быстро угас, не став подлинной информационной потребностью.

В развитии всех коммуникативных ситуаций важную роль играет внутренняя установка реципиента на восприятие информа-

ции – “предуготовленность”, выражающаяся в осознании ее полезности и необходимости использовать. В творческих ситуациях потребитель в принципе сам настраивается на восприятие, благодаря наличию у него хорошо выраженной информационной потребности. Эти же характеристики приложимы к тем вариантам познавательной ситуации, где установку на восприятие сообщает информатор. В частности, вступительные беседы перед осмотром выставок и экскурсиями по архивам преследуют цель стимулирования интереса к предмету данного мероприятия. В “ситуациях оповещения” такой настройке содействуют установление предварительных связей с потенциальным потребителем и “информационные документы” низшего уровня, создающие у потребителя некоторый образ условно релевантной (вероятно-полезной) информации.

Таково содержание третьего признака понятия о формах использования. Оно складывается из характеристик канала получения информации, информационного режима работы потребителя и типа коммуникативной ситуации.

Взаимная связь трех признаков понятия может стать основанием дальнейшего анализа конкретных форм. Покажем это на нескольких примерах. Вот формула классического варианта формы использования “обслуживание исследователей в читальном зале”: выдача документной информации в “чистом виде” → простая схема передачи (без посредника) → свободный режим приема + визуальный канал + творческая ситуация. Изменение “творческой” ситуации на “познавательную” обнаруживает не исследователя, а писателя, ищущего материал для художественного произведения, краеведа, подбирающего документы для местного музея, и т. д. У формы использования “информирование потребителей о составе и содержании документов” иная формула: “выдача вторичной информации – простая схема – свободный режим + визуальный канал + ситуация оповещения”. Продолжая подобные построения, можно создать матрицу, охватывающую большое количество формул. Но такая задача нами не ставится, поскольку панорама форм и их вариантов слишком широка. Особенно велико богатство “малых форм”.

Теоретические вопросы эффективности использования архивных документов

Проблема эффективности использования документной ретроспективной информации – одна из важнейших в современном архивоведении и наполнена сложным теоретическим содержанием. Автор делает попытку ответить на ее основные вопросы: каков научный смысл понятия эффективности в приложении к использованию архивных документов, какие существуют типы эффективности, в какой связи с эффективностью находится фактор старения информации, – а также на некоторые другие вопросы.

Существует точка зрения, согласно которой эффективность любой общественной деятельности трактуется как соответствие результата этой деятельности тем целям, ради достижения которых она осуществлена, как “мера возможности с точки зрения ее близости к наиболее целесообразному, необходимому (нужному) человеку результату”¹⁵. Следуя смыслу сказанного, эффективность использования информации, в том числе ретроспективной, допустимо рассматривать как совпадение или достаточную близость цели ее использования и полученного результата. Приведенная формулировка имеет в виду те результаты, к которым стремился потребитель (эффекты “первого ряда”), и не обязательно принимает во внимание последующие эффекты, возникающие как следствие и развитие первых. Тем не менее она позволяет начать анализ, сосредотачиваясь прежде всего на эффектах первого ряда, ради которых осуществляются конкретные акты использования. Существование вторичных эффектов учитывается.

Эффект конкретного акта использования зависит от характеристик данной информации, от деятельности информатора, который доводит ее до потребителя, и от самого потребителя – от содержания его задачи, степени заинтересованности в информации, от его субъективных возможностей восприятия информации, а также от объективных условий, в которых протекает работа. Поскольку реальная эффективность во многом зависит от информатора, которым является архив, она понимается и как критерий эффективности его деятельности. Но понятие эффективности, конечно, не сводится к этому критерию. Допустимо предположить, что эффективность использования, выражая совпадение (или близость) конкретной цели и результата, возникает на пересечении характеристик: а) реципиента с его информационными потребностями, определяющими цель данного акта использования; б) выданной и полученной информации; в) работы архивиста, способствующего удовлетворению информационной потребности.

Использование ретроспективной информации предпринимается в качественно разных целях. Поэтому оно приводит к существенно разным результатам – разным типам эффектов. Это позволяет построить типологию эффективности использования. Рассмотрим несколько вариантов типологии эффективности, зависящих от того, что принимается за основу: содержательная сторона (“профиль”) эффекта; противопоставление “прямых” эффектов “косвенным”; возможность измерения эффективности; время свершения эффекта. Наибольшее познавательное и практическое значение имеет типология, опирающаяся на содержательную сторону, “профиль” первичного или ближайшего достигнутого результата. Характер целей и содержание результатов служат правилом образования типов.

Стремясь создать историческое исследование, потребитель осмысливает и перерабатывает определенный объем документной ретроспективной информации. В итоге возникает научный труд: моно-

графия, диссертация и т. д. Если архивная информация перерабатывается и превращается в качественно новую научную информацию, а само такое преобразование является конкретной намеченной целью данного акта использования, то допустимо говорить, что возникает научно-исторический эффект.

Можно найти в чем-то справедливые аргументы в пользу мысли, что сам факт успешного завершения научного труда является моментом совпадения цели и результата, т. е. моментом возникновения эффекта. Но это не совсем так.

Установки, которыми руководствуется исследователь, двуедины: создать на источниковой базе архива научный труд и опубликовать его. Следовательно, достижение результата и “свершение эффекта” происходит вместе с опубликованием труда (депонированием рукописи, защитой диссертации). Именно к обозначенной цели стремился потребитель, и ей содействовал архив, обслуживая ученого.

Дальнейшая судьба опубликованной работы (реакция читателей, влияние на историографию), будучи важной стороной проблемы связи архива с развитием исторической науки, выходит за рамки эффектов данной типологии. Введенная в научный оборот концепция уже не зависит от автора, а принадлежит науке, т. е. после опубликования она начинает жить самостоятельной жизнью, в ходе которой возникают новые, относительно самостоятельные, вторичные эффекты*.

Возможен вопрос, как понимать случаи, когда цель историка скромна и он не стремится к опубликованию достигнутого результата (выяснение факта, детали события и т. п.). Подобные результаты следовало бы рассматривать как элементы будущих работ, возможного в будущем научно-исторического эффекта.

Научно-историческая эффективность не ограничивается только собственно историческими исследованиями. История понимается как научное изучение всякого предмета в его развитии, т. е. охватывает также и изучение истории науки, языка, литературы, техники, производства и т. д. Когда ставятся и достигаются подобные цели, все возникающие эффекты относятся к научно-историческим.

Представления о двух следующих типах эффектов навеяны литературой по информатике¹⁷, но важно видеть их архивоведческое содержание. Если результата данного использования находит прямое выражение в улучшении качества выпускаемой продукции, повышении уровня технической разработки и т. п. (это намеченные и достигнутые цели использования), то информатика считает, что имеет

* О.Ф. Козлов¹⁶ охарактеризовал их (не называя вторичными) применительно к результатам использования историками сборников документов. Это выводы методологического характера, полученные в результате анализа опубликованных документов; открывающаяся возможность постановки новых задач, переключение внимания историка от фактов к их обобщению, а также вообще расширение источниковой базы исторической науки.

дело с техническим эффектом. Поскольку используемая в подобных целях информация быстро устаревает с точки зрения технологии производства – в целом скорее, чем обычно поступает в государственные архивы, возможности последних способствовать возникновению технических эффектов, казалось бы, незначительны. Но они постоянно возникают: при использовании архивных документов для восстановления разрушенных сооружений, возобновления технологии народных промыслов и в других случаях. Сюда же относятся экологические эффекты (охраны окружающей среды). Смысл достижения технической эффективности предполагает практическое внедрение выводов и решений, полученных в результате использования информации. Поэтому свершение технического эффекта растянуто во времени. Это же свойственно экономическому и некоторым другим типам эффективности.

Экономический эффект использования информации выражается в увеличении количества выпускаемой продукции, сокращении сроков выполнения разработок (снижения их себестоимости) и т. д. Проблема экономической эффективности оказалась в ряду наиболее актуальных проблем информатики в результате того, что службы НТИ стали важным звеном в системе “наука – производство”, а сама НТИ – одним из рычагов научно-технического прогресса. Отсюда желание оценивать информационную деятельность с точки зрения ее роли в повышении производительности общественного труда и определять экономический эффект в наиболее убеждающей стоимостной форме. В этих целях полученные выгоды сопоставляются с понесенными расходами на работу с информацией, в том числе на содержание информационный службы. Превышение выгод над расходами признается экономическим эффектом в денежном выражении. Информационные службы стремятся также соизмерять эффективность информационной деятельности, независимо от того, с большими или малыми конкретными величинами они имеют дело. Тогда “отвлеченная” эффективность выражается отношением $(P - Z) : Z$, где P – сумма результатов, а Z – сумма затрат.

Определение экономической эффективности для народного хозяйства носит приблизительный характер. Наиболее сложно оно для информационных служб многоцелевого (не узкопрофильного) назначения. Реально определить экономический эффект можно лишь, если центр информации и потребитель входят в состав одного и того же “предприятия”, а это выводит предлагаемые многими авторами формулы и показатели расчета за пределы вопроса об экономической эффективности использования архивных документов. В первую очередь, потому, что потребитель и государственный архив – всегда “разные предприятия” и ни один архивный фонд никогда не ориентирован на какого-то одного потребителя. Они – “многоцелевые системы”. Другой метод, известный информатике, – изучение отзывов потребителей информации.

Экономическую эффективность методологически неверно понимать только как “выгоду прямого приращения дохода”.

Нередко крупные суммы экономятся в результате отказа от повторных исследований (или сокращения их объема) после получения потребителем информации об осуществленных ранее проектных, изыскательских и других работах. В целом именно этот путь наиболее отвечает возможностям государственных архивов способствовать достижению экономического эффекта в народном хозяйстве. Однако, как ни соблазнительно стремление суммировать цифровые данные о сэкономленных средствах, точных показателей мы не получим. В большинстве случаев они окажутся заниженными, ибо ряд выгод останется скрытым в силу самой “размытой” природы такого эффекта.

Более того, многие экономические выгоды вообще не имеют прямого стоимостного выражения и не могут быть переложены на систему хозяйственной деятельности. Сделать это “так же трудно, как определить в цифровом выражении эффект от народного образования”¹⁸. Все же в целях интенсификации информационной деятельности архивов, по-видимому, было бы полезно применять, хотя бы и несовершенные, методики исчисления экономической эффективности в денежном выражении, исходя из сообщений потребителей о сэкономленных суммах и понесенных затрат архивов. Сложные методики точного исчисления стоимостного выражения нежелательны, поскольку потребуют невыгодных для архивных учреждений затрат (феномен неэкономичности исчисления экономического эффекта).

В некоторых случаях информационная работа государственных архивов способна принести самые реальные экономические эффекты. Такой случай описан в литературе. В 1928 г. некое западноевропейское государство предъявило СССР иск на 11 млн руб. золотом, хотя деньги были уплачены за 10 лет до того. В результате сплошного просмотра находившихся в россыпи документов была найдена соответствующая ассигновка Госбанка¹⁹. Много лет спустя имел место во многом схожий случай, но “спасенная” сумма превосходила прежнюю. Перед нами – особенный подтип экономического эффекта.

Сбор и обработка информации – необходимое условие для подготовки, принятия и организации исполнения принятых управленческих решений. Для этого в основном используется оперативная информация, хотя нередко привлекается и ретроспективная. В одних случаях действует метод использования накопленного опыта путем обращения к надежным прецедентам; в других – применяется метод освещения “истории вопроса”. Чаще же всего ретроспективная информация привлекается для принятия решений в ситуациях, сходных с теми, что уже имели место, причем не в отдаленном прошлом, а сравнительно недавно. Конкретная полезность ретроспективной информации может проявляться в выяснении таких, например, вопросов: в какой форме выражались и на чем основывались (как аргументировались) в прошлом решения, касающиеся данной

проблемы, как организовывалось их исполнение, какова была реакция социальной среды на их принятие, каким был конечный результат (насколько он был эффективен) и т. п. Полезным может быть и негативный результат рассмотрения ретроспективных данных – отказ от принятия предполагавшегося решения, поскольку исторический опыт показал нецелесообразность проведения в жизнь задуманного мероприятия, а также существенное видоизменение проектировавшегося решения, перевод его в иную плоскость. Сфера управления часто испытывает потребность как в широкой аналитической или обзорной ретроспективной информации тематического профиля, так и в узкоконкретных фактографических справках, в копиях документов, выписках и т. д. В других случаях требуется привлечение ретроспективной информации за широкие отрезки времени. Имеется в виду исследование по архивным данным тенденций развития общественной жизни в целях перспективного планирования и разработки прогнозов. Сам же возникающий эффект можно характеризовать как управленческий.

Социально-правовым эффектом можно считать такой результат использования ретроспективной информации, который обеспечивает осуществление прав и законных интересов юридических лиц (учреждений, организаций) и физических лиц, т. е. отдельных граждан. Архивные документы и содержащиеся в них данные часто выступают в качестве юридических оснований и доказательств, используемых соответствующими органами при установлении пенсий, определении гражданских и имущественных прав.

Социально-правовой эффект близок к управленческому, так как его возникновение обуславливается принятием документируемых решений, но имеются и отличия. Во-первых, для его возникновения необходимо, чтобы предоставление информации было подчинено определенным нормам, установленным или санкционированным государственной властью или соответствующими органами. Иначе цель не достигается (или уровень эффекта снижается). Особенно строго такой подход соблюдается в органах суда, прокуратуры и дознания. Скажем, решение (или приговор) суда, принятое с нарушением процессуальных норм использования документов, в том числе архивных, подлежит отмене. Во-вторых, в процессе достижения эффекта происходит любопытное раздвоение: цель использования – обеспечение прав и интересов юридических и физических лиц, но потребителями информации выступают не они, а, например, соответствующие органы социальной защиты, суда. Дело в том, что субъекты права, скажем лица, заинтересованные в получении пенсий, сами установить их себе не могут, даже располагая необходимой информацией. В такой информации испытывают потребность органы социальной защиты, рассматривающие документы и принимающие решения. Следовательно, потребителями являются названные государственные органы, что не исключает прав лиц, возбуждающих вопрос о назначении пенсий, запрашивать в архи-

вах справки о трудовом стаже. Однако, не будучи реципиентами, они в полной мере ощущают материальный эффект использования ретроспективной информации. Но, строго говоря, эффект не ближайший, а вторичный и “растянутый” во времени. Ближайший же результат возникает в момент установления пенсии органом социальной защиты.

Использование ретроспективной информации в агитационно-пропагандистских и культурно-просветительных целях приводит к подъему образовательного, культурного уровня трудящихся, влияет на формирование их мировоззрения, способствует развитию этических и эстетических взглядов и т. д. Такого рода результаты использования документов могут квалифицироваться как эффекты, относящиеся к субъективному миру человеческого сознания. Стадия восприятия информации (понимания, оценки, сопоставления и проч.) присуща всем эффектам использования информации. В этом отношении все они – результат ее “переживания”. Но в данном случае информация специально направлена на вызывание именно такого процесса. С последующей практической деятельностью эффекты такого профиля связаны опосредованно, объективируясь в мотивах правильного социального поведения (“ценностная ориентация”), развитием правосознания, бережном отношении к окружающей среде и памятникам старины, понимании эстетической ценности произведений искусства и т. п. Иными словами, эффекты субъективного сознания, возникнув в глубинах человеческого психики, в конце концов выливаются в эффекты социального порядка.

В эффектах сознания можно выделить определенные подтипы – на основе различия характера “переживания” (восприятий) реципиента: собственно политический, правовой, эстетический и т. п. Охарактеризуем один из них. Это эффект, возникающий в сознании учащегося при его работе с историческим документом в рамках учебной программы. Суть вопроса хорошо показана О.М. Медушевской (не в связи с обсуждаемой проблемой эффективности): историческая наука должна быть понята учащимися не только со стороны ее результатов, в смысле овладения уже установленными фактами, но и “со стороны ее познавательных возможностей, ее методов и проверки фактических данных”. Если другие науки используют в своих педагогических приложениях такие средства, как доказательства теорем и постановку опытов, то историческая наука способна добиваться аналогичного результата с помощью исторических источников. “Именно в ходе размышления над источником можно приобщить школьника и студента к процессу достижения объективной истины средствами данной науки”²⁰. Как видим, эффект заключается в иницировании размышлений. Они не самостоятельны, не ведут к новым научным выводам, но цепь умозаключений уже складывается. Поскольку речь идет о науке, занимающей видное место в формировании личности, выделение такого подтипа эффекта сознания представляется обоснованным.

Особенного рода эффект возникает в результате использования архивных документов для нужд обороны. Архивистам со студенческой скамьи известен факт постройки железной дороги в 1943 г. в узкой полосе прорыва блокады Ленинграда по хранившему в архиве не реализованному до революции проекту^{21*}. Здесь налицо элементы технического и экономического эффектов. Но смысл и существо эффекта данного факта использования, его доминирующий признак лежат в иной плоскости. Мы наблюдаем одно из проявлений стратегического эффекта (название условное). Самостоятельную значимость имеет эстетический эффект, если он возникает не в форме упомянутого подтипа эффекта сознания, а как прямой, “материальный” результат использования документов. Например, восстановление по старым описаниям, рисункам, чертежам, фотографиям архитектурных памятников и других произведений искусства. Не случайно действующая методика реставрации памятников не только требует привлечения архивных материалов, но и кладет их в основу проектов реставрационных работ²³. В подобных эффектах обычно присутствуют элементы технического свойства, но преобладающим является художественное начало**.

Не исключено выделение других типов (и подтипов) эффектов, исходя из характера профиля эффекта. Но сам профиль определяется основным, доминирующим признаком (“смыслом”) цели и результата использования, причем практически не всегда просто отнести конкретные эффекты к тому или другому типу. С увеличением числа выделяемых типов (и особенно подтипов) нарастают сложности их размежевания. Литература по информатике, частично указанная выше, не склонна выделять более трех типов эффектов использования информации, отражающих профиль цели и результата. Она называет экономический, технический и социальный эффекты. Последний изучен хуже других. Понятие о нем собирательное, удобное для противопоставления двум другим, охватывает многообразие относительно самостоятельных эффектов. В рассмотренной типологии к нему нетрудно свести все названные эффекты, не являющиеся ни экономическими, ни техническими. В самом же общем смысле все эффекты социальны, поскольку связаны с деятельностью людей и приобретают общественное значение.

Помимо типологии, опирающейся на профиль эффекта, существуют другие типологии эффективности использования ретроспек-

* Железная дорога, соединившая Ленинград с Волховским железнодорожным узлом, была построена за 18 дней²².

** Яркий пример достижения одного из эстетических эффектов – работа по восстановлению Янтарной комнаты Екатерининского дворца. Авторы реставрации, сообщает газета, “изучили архивы, в частности, подняли дела бывшей Петергофской гранильной фабрики, мастера которой реставрировали Янтарную комнату в конце XIX века. Сохранившиеся фотографии утраченного шедевра увеличили до натуральной величины: стала видна конфигурация и отдельных фрагментов, и каждого самого мельчайшего элемента. Затем провели акварельную расшифровку материала. Появился цвет...”²⁴.

тивной информации. Они подсказаны информатикой, но автор стремится, как и прежде, к их архивоведческому пониманию. Так, выделяются типы эффективности, возникшей в результате непосредственного использования “готовой” информации, и эффективности как итога ее “творческого суммирования и переработки”. В первом случае информация используется в том виде, в каком она заложена в документы. Например, может быть использован чертеж узла какого-либо механизма, а может – проект целиком. Это создает так называемый “прямой эффект”, выражающийся в показателях, которые часто поддаются подсчету. Существо “творческого суммирования и переработки” информации в том, что документы подвергаются анализу, и полученные выводы, обобщаясь, становятся качественно новой информацией, направляемой в дальнейшее обращение. Возникает “косвенный” эффект, подсчитать который трудно или невозможно: повышение уровня знаний специалистов, создание возможности применения идей и методов работы, найденных в результате анализа исходной информации. В нашем случае косвенные эффекты – это эффекты сознания субъективного мира людей, в частности, эстетические, научно-исторические, управленческие.

Рассмотрим наличие прямых и косвенных эффектов в приложении к результатам работы историка с архивными документами. В зависимости от того, стремится ли он исследовать большой объем информации или, наоборот, хочет получить готовые сведения сугубо фактического порядка, меняется содержание информационной потребности и характер ее удовлетворения. Потребности первого рода тематически широки, но первоначально, при своем зарождении, обычно мало определены (по сравнению с потребностями второго рода). Они проявляются в сознании историка и удовлетворяются по мере получения документов и тщательной критики содержащейся в них информации. Потребности второго рода конкретны с момента возникновения. Требуется, например, установить точное место и время определенного события, имена людей, связанных с ним, и т. п. Или еще конкретнее: отмечено ли в имеющемся документе участие в данном событии конкретного лица? Такие фактографические потребности могут быть удовлетворены путем использования одного или нескольких документов, какой-то частью информации документа (абзацем текста, строчкой, цифрой и т. д.). При этом, хотя поиск фактических данных может быть длительным, удовлетворение потребности (получение ответа на вопрос) происходит быстро – в момент обнаружения искомых сведений. Противопоставление широкой тематической потребности историка, нацеленной на “косвенный” эффект, узкотематической потребности с ее прямым эффектом схематично. В научной работе они взаимодополняются, поскольку носителями тех и других обычно являются одни и те же люди. Подчас простой по постановке вопрос, скажем о датировке события, требует сложного анализа показаний нескольких источников.

В научной литературе отмечается целесообразность различения эффективности, которая скажется через определенный промежуток времени, и эффективности “сиюминутной” (в данный, ближайший момент)”²⁵. “Сиюминутность” можно рассматривать и в психологическом аспекте. Она свойственна всем случаям, когда реципиент поставлен в условия жесткого темпо-ритма получения информации; например, в ходе просмотра телепередач, слушания лекций, радио-сообщений. Ее не следует понимать буквально: понимание (“допонимание”, осмысление) и переживание продолжают еще некоторое время после прекращения приема информации.

Самостоятельным основанием выделения типов является противопоставление эффектов, измеряемых и неизмеряемых в экономических показателях. О первых, несмотря на все оговорки, допустимо говорить, что их можно представить в стоимостном выражении. Вторые – принципиально в этом смысле неизмеримы. Среди них выделяются: экономические эффекты, не имеющие стоимостного выражения, и неэкономические эффекты. Неизмеримость в стоимостном выражении нельзя рассматривать как какой-то недостаток того или иного эффекта. Она – природное свойство многих результатов использования информации, а в отношении ретроспективной информации большинства из них, включая развитие исторического познания, повышение качественного уровня управленческих решений, совершенствование ценностной ориентации людей. Однако не исключены измерения другого характера. Возможно применение шкалы экспертных оценок, анкетирования, а также наукометрического анализа ссылок на использованные в работах ученых архивные документы – по аналогии с анализом библиографических ссылок, применяемым науковедением и информатикой. Язык библиографических ссылок, являясь специфическим языком науки, позволяет выявить влияние работ одних авторов на другие и формализованно оценивать вклад конкретных ученых в развитие науки. В адаптированном виде этот метод (как метод анализа архивных ссылок) может быть привлечен для формализованной оценки эффективности использования архивных документов в научных трудах, т. е. для определения степени влияния “архива” на историографию.

Понятие об эффективности использования документной ретроспективной информации не характеризует получаемые результаты как нечто застывшее. Эффект не есть однажды возникшее и остановившееся в развитии на ближайшем достигнутом рубеже. За ближайшими эффектами стоят вторичные. Человек, которому определена пенсия, пользуется ею всю жизнь. Эффекты создания субъективного мира людей, возникающие в момент восприятия и переживания информации, помогают в дальнейшем выбрать правильную линию социального поведения (“образа жизни”). Реконструкция архитектурного облика небольшого старинного города, создав в первую очередь эстетический эффект, приводит затем к развитию этого города в центр туризма, интенсифицирует его жизнь,

в том числе экономическую, вызывает изменение занятий населения и т. д.

Создание на источниковой архивной базе конкретно-исторических исследований есть, как отмечалось, научно-исторический эффект использования ретроспективной информации. Но сами достижения исторической науки оказывают воздействие на политические взгляды общества, на народное образование, на духовный мир широких слоев трудящихся и т. д. В принципе можно воспроизвести цепь сложных превращений исходной архивной информации в ее движении от одного “уровня” потребителей к другому. Так, содержание созданных историками научных трудов преобразуется в обобщающих работах других ученых, затем в текстах научно-популярной и учебной литературы, воплощается в образах художественных произведений (вплоть до стихотворных форм), кинематографии, живописи и т. д. Соответственно преобразуется и сам эффект, получающий новые воплощения, которые в конце концов теряют видимую связь с первоначальным научно-историческим эффектом (опубликованием исследования, написанным на основе архивных документов) и несведущим людям представляются как нечто “самоданное”. Роль архивов как первоисточников может совершенно не учитываться читателями, скажем, школьных учебников или исторических романов.

Аналогичным образом возникают и развиваются во времени и пространстве вторичные технические, экономические и другие эффекты. Невозможно на данной стадии изучения вопроса проанализировать весь диапазон вторичных эффектов, но такая задача небезразлична архивоведению. Ее решение потребует привлечения материала многих наук, в числе которых могут быть историография, психология, конкретная социология, музееведение, экономические и технические науки, правоведение. В качестве предварительного можно сделать вывод, что различие первичных и вторичных эффектов – не типологическое, а вопрос соотношения видоизменяющихся во времени свойств разных эффектов.

В самом начале работы мы уже говорили о факторе старения информации. Его анализ важен и для теории использования. Старение информации – это нарастающая во времени утрата ее практической полезности, оперативных качеств. Она постоянно наблюдается в практике социального управления, служб НТИ, журналистики и т. д. С теоретико-информационной точки зрения его правильно объяснять как объективный процесс постоянно увеличивающегося несоответствия между зафиксированным в документе прежним состоянием объекта и изменившимся с течением времени состоянием того же объекта. Поскольку объект изменяется, а содержание документа остается прежним, то данная информация перестает отражать актуальное состояние объекта. “Именно в этом и заключается суть старения документа”, – замечает В.А. Полупшкин, что наглядно демонстрируется примером с фотоснимком любого объекта²⁶.

Понимаемое в этом смысле старение – общее свойство информации. В то же время оно относительно. Информация не подвержена старению в ряде случаев, причем все они имеют одно основание. Она не стареет, если к ней обращаются как к источнику знаний о прошлом, в первую очередь в свете задач исторического исследования. Не случайно, говоря о ценности хранящихся в государственных архивах документов, архивисты имеют в виду главным образом их широко понимаемую научно-историческую ценность. Но архивоведению важен не только этот аспект.

Прошлое обладает свойством реально присутствовать в настоящем – в виде медленно изменяющихся природных и искусственных объектов и их фрагментов. (А также объектов-“пережитков” в социальной сфере, изучаемых преимущественно этнографами.) Естественно, что ретроспективная информация о климатических, почвенных, геологических объектах, путях сообщения и других капитальных сооружениях не теряет практической пользы, даже если возраст ее очень велик. Фактор старения здесь подавляется двумя основными связанными между собой причинами: а) информация отражает не только прошлое, но частично и настоящее (ибо объекты продолжают существовать); б) время изменения данных объектов медленнее периода старения информации с точки зрения интересов науки и производства. Сочетание того и другого создает своеобразный ракурс ее рассмотрения. Она ретроспективна, форма ее может быть архаичной, что вызывает необходимость исторического подхода к ней. Тем не менее даже частичное соответствие современному состоянию объекта определяет возможность ее практического использования.

Отмеченное свойство “медленного старения” информации было учтено, например, астраханскими архивистами в обзорном материале по садоводству и виноградарству в Астраханской губ. с конца XVIII до начала XX в., получившем широкую популярность в области и помогающем в выборе площадей под разбивку садов и виноградников, оправдавших себя культур и средств борьбы с вредителями²⁷. Здесь налицо точное адресование на потребителя с его ясно понятой потребностью в данной информации, широкий хронологический охват информации (“вековой опыт”), удачный выбор медленно изменяющихся, практически неизменившихся объектов: климат, почвы, флора и фауна.

Прошлое существует в настоящем часто в искаженном виде – в руинах, причем нередко в разрушениях, совершенных недавно. Разрушенный в результате военных действий или, скажем, стихийных бедствий объект в прежнем виде уже не существует. Но если сохранилась достаточная информация, его можно воссоздать. Соответствующих фактов достаточно: в военные и первые послевоенные годы архивные документы постоянно использовались при восстановлении шахт, заводов, мостов, портовых и других сооружений. Острая необходимость возродить объекты при минимуме новых изы-

скательских работ заставляла инженеров смотреть на ретроспективную проектную, технологическую и иную информацию, относящуюся к этим объектам, как на оперативную, поскольку их задача заключалась в восстановлении прошлого. Например, довоенные хроникальные фотоснимки существенно облегчили монтажные работы в турбинном зале Днепрогэса. Подчас невозможно предугадать, какая именно старая документация способна в критических ситуациях стать оперативной*.

Объект может полностью исчезнуть, но при наличии документов возможно его воссоздание (Янтарная комната Екатерининского дворца). В таких случаях смысл эффекта использования документов может быть охарактеризован как реконструкция частицы прошлого, в своем роде “повтор истории”. Полезный эффект возникает и тогда, когда необходимо сравнить разные во времени состояния объекта: принимающееся за исходное промежуточное и современное (включая, в частности, изменения природной среды, демографические объекты). Наконец, объект как материальная реальность мог вовсе не существовать. Он некогда предполагался, что и было документировано в форме неосуществленного проекта. Его реализация возможна (пример с железной дорогой 1943 г.). Фактор старения блокируется и при использовании ретроспективной информации в прогностических целях, поскольку предполагается ее историческое исследование.

Таким образом, ретроспективная информация не стареет не только с точки зрения интересов исторической науки, но и когда прошлое выступает как необходимый элемент современной практики. Вместе с тем она стареет, теряя полезность, в свете большинства текущих задач управления, развития производства, естественных и технических наук. Принципиально трудно получить полезный эффект, если мы подходим к ретроспективной информации (не в критических ситуациях) с требованиями, которые свойственно предъявлять к оперативной информации. Правда, оперативные качества окончательно исчезают не сразу, а в течение какого-то промежутка времени, по-видимому, в среднем через 10 лет после приема документов в государственный архив**. Дальше этого промежутка старение властно заявляет о себе. В данном контексте оно может рассматриваться как функция времени.

* Неожиданный ракурс актуализации бытовых фотоснимков в военных целях описан в английской литературе. Готовясь к высадке на французское побережье, английские разведывательные органы обратились с просьбой к населению прислать пляжные фотографии из семейных альбомов. Их анализ оказался полезным. Так, “фотография, где виден купальщик по пояс в воде в бухте Буньон, рассказала нам, что в этом районе танкодесантный корабль может быть разгружен прямо на берег” (и т. п.)²⁸.

** Важные наблюдения, подтверждающие это положение, принадлежат В.В. Цаплину²⁹.

При организации инициативного информирования важно не поддаться впечатлению “мнимой актуальности” информации, имеющейся в распоряжении архивиста. Общий тематический характер информационной потребности учреждения (предполагаемого потребителя) установить сравнительно просто. Он вытекает из существа поставленных перед ним в данный период задач. Однако нелегко определить наличие у него истинной потребности в конкретной ретроспективной информации. Его потребностям созвучна не всякая тематически совпадающая с характером задач ретроспективная информация, которая часто не соответствует современным представлениям о полезности и запросам научной деятельности и производства. Не всегда оправдываются и предварительные консультации с предполагающимся потребителем, поскольку и он подчас имеет слабое представление о возможностях применения старой документации и сначала легко самообольщается, особенно, когда информации не хватает.

Такие просчеты допускаются обеими сторонами, по-видимому, нередко. На этой почве возникают взаимные сомнения. Становится понятным, почему, несмотря на большие усилия, затрачиваемые архивистами “на подготовку и распространение информации по развитию важных отраслей промышленности, сельского хозяйства, научных исследований, геологических разведок, о механизации труда”. Они тем не менее часто пропадают даром – “во многих случаях кончаются благодарственными письмами от тех организаций, которым направлена информация”³⁰. Об этом же говорит другой автор: “Нас в течение многих лет заставляют планировать предоставление информации народнохозяйственного содержания, а соответствующие учреждения упорно от нее отказываются”³¹. Думается, здесь проявляется действие “функции времени”, свидетельство допущенных ошибок “мнимой актуальности”, а также ошибок организационного характера (давление сверху при планировании работы). Не исключено и субъективное предубеждение несостоявшегося потребителя, может быть наученного горьким опытом предшествовавших неудач, его неумение освоить в чем-то полезную информацию, способную вызывать, если не прямой, то косвенный эффект, или открытое нежелание потратить на это дополнительный труд. Сказанное не подвергает сомнению большую работу, выполняемую государственными архивами по организации использования документов в народнохозяйственных целях. Вопрос ставится по-другому. Необходимо тщательно анализировать не одни лишь позитивные итоги опережающего информирования (“наши успехи”), но и негативный опыт (“наши неудачи”).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Материалы Всесоюзной научной конференции “Архивы СССР периода развитого социалистического общества”. М.: Главархив СССР, 1979. Ч. 1–2; Материалы к Всесоюзной научной конфе-

- ренции по проблемам научно-информационной деятельности государственных архивов СССР (Кр. тез.). М.: Главархив СССР, 1976. 207 с.; Труды Научной конференции по вопросам архивного дела в СССР / Редкол.: Л.Н. Кривошеин (гл.), В.Н. Автократов и др. М.: Главархив СССР, 1965. Т. 1, 2, [3].
- 2 Пашуто В.Т., Салов В.И., Черепнин Л.В. Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: Сб. статей. М., 1970. С. 43.
 - 3 Терминологический словарь по информатике. М.: Междун. центр научной и технич. информации, 1976. С. 258.
 - 4 Основные правила работы государственных архивов. М.: Главархив СССР, 1962. С. 98.
 - 5 Шорохов Е.Ф. Использование документальных материалов в идеологической работе // Вопросы архивоведения и источниковедения в БССР. Минск, 1971. С. 42.
 - 6 Алявдина Н.А. Методика организации использования документальных материалов государственных архивов СССР в научных и народнохозяйственных целях // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 131–171; Ковальчук Н.А. Организация и использование документальных материалов в государственных архивах СССР / Под ред. Л.Н. Кривошеина. М.: МГИАИ, 1958. 51 с.; Люшин С.П. Использование документов в народнохозяйственных целях: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1977. 29 с.; Он же. [Рец. на кн.:] Справочник научного работника: архивы, документы, исследователь. Львов, 1979 // Советские архивы. 1980. № 5. С. 69–71; Магидов В.М. Источниковедческие проблемы кинофото документов и экспертиза их ценности // Материалы научной конференции по проблемам комплектования документальными источниками государственных архивов СССР. М., 1976. Ч. 3. С. 662–669 и др.
 - 7 Долгих Ф.И. Значение архивов для науки и техники // Курьер Юнеско для библиотек. 1975. Т. 29. № 6. С. 342.
 - 8 Люшин С.П. Использование документов в народнохозяйственных целях: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1977. С. 25.
 - 9 Классификационный перечень работ, выполняемых в государственных архивах / Под ред. А.В. Елпатьевского и П.А. Громова. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1978. 126 с.; Типовые нормы времени на основные виды работ, выполняемых в государственных архивах. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1977. 33 с.
 - 10 Стрельский В.И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР / Отв. ред. В.В. Введенский. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1961. С. 37.
 - 11 Шрейдер Ю.А. Информационные процессы и информационная среда // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1976. № 1. С. 4–6.
 - 12 Библер В.С. Мышление как творчество: Введение в логику мысленного диалога. М.: Политиздат, 1975. 399 с.
 - 13 Шерковкин Ю.А. Проблема понимания и массовая пропаганда // Вопросы теории и практики массовых средств пропаганды. М., 1970. Вып. 3. С. 351.
 - 14 Ильин Р. Изобразительные ресурсы экрана. М.: Искусство, 1973. С. 23.

- 15 Андрющенко М.Н. Понятие эффективности и его философский смысл // Уч. зап. кафедр общественных наук вузов Ленинграда: Сер. философия. Л., 1971. Вып. 12. С. 48.
- 16 Козлов О.Ф. Эффективность использования документальных изданий в исследованиях по истории СССР // Советские архивы. 1977. № 5. С. 89–95.
- 17 Блек А.В. К вопросу об определении экономической эффективности научно-технической информации // Научно-техническая информация. Сер. 1. 1970. № 9. С. 3; Короткова Н.П. Разработка показателей научно-информационной деятельности (НИД) // Научная организация труда и проектирование информационных центров. М., 1976. С. 5–44; Михайлов А. Научно-техническая информация и эффективность науки // Коммунист. 1971. № 16; Об эффективности научно-информационной деятельности: Сб. статей / Ред. А.И. Михайлов. М.: МФД, 1976. 151 с.; Осипов В.Т. Источники научной информации и методика их использования: Учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1975. 85 с.; Приходько А.А. Эффективность использования научно-технической информации. М.: ВИНТИ, 1968. 15 с.
- 18 Осипов В.Т. Источники научной информации и методика их использования: Учеб. пособие. С. 84.
- 19 Карноухова О.Е. Моя работа в ЦГАОРЕ // Советские архивы. 1974. № 2. С. 39.
- 20 Медушевская О.М. Новая советская литература по источниковедению // Вопр. истории. 1973. № 9. С. 149.
- 21 Макасов В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.) / Отв. ред. Ю.Ф. Кононов. М.: Наука, 1969. С. 339.
- 22 История Второй мировой войны: 1939–1945: коренной перелом в войне / Гл. ред. И.В. Партыкин, Г.Т. Хорошилов. М.: Воениздат, 1976. Т. 6. С. 124.
- 23 Гимейн С.И. Использование документов по истории памятников архитектуры в ЦГИА СССР // Советские архивы. 1979. № 5. С. 61.
- 24 Гейман И., Сметанников В. Яantarная комната // Неделя. 1978. № 9 (937).
- 25 Короткова Н.П. Разработка показателей научно-информационной деятельности (НИД) // Научная организация труда и проектирование информационных центров. М., 1976. С. 10.
- 26 Полушкин В.А. О понятии "старение информации" // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1977. № 4. С. 10–11.
- 27 Логачева Л.С. Формы организации инициативной информации о документах архива по народнохозяйственной тематике // Материалы к Всесоюзной научной конференции по проблемам научно-технической информационной деятельности, государственных архивов СССР: Кр. тез. М., 1976. С. 156.
- 28 Морисон С.Э. Вторжение во Францию и Германию: 1944–1945 / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1963. С. 248.
- 29 Цаплин В.В. Научно-информационная деятельность ЦГАНХ СССР и вопросы совершенствования научно-справочного аппарата // Советские архивы. 1980. № 2. С. 42–48.

- ³⁰ Люшин С.П. Использование документов в народнохозяйственных целях. М.: МГИАИ, 1977. С. 25.
- ³¹ Вертышева Н.С. О некоторых вопросах обеспечения идеологических учреждений документной архивной информацией: Из опыта работы Госархива Краснодарского края // Материалы к Всесоюзной научной конференции по проблемам научно-информационной деятельности государственных архивов СССР: Кр. тез. М., 1967. С. 151.

Заключение

Руководствуясь принципиальными положениями теории научного познания, автор сделал попытку рассмотреть в монографическом плане основную теоретическую проблематику современного отечественного архивоведения. Такая задача решалась впервые; существующие обобщающие работы отечественных авторов – это учебная литература по вузовскому курсу “теории и практики архивного дела”, не ставящая целью рассмотреть архивоведение как систему знания и познания. Воспроизведем в сжатом виде логику выполненной работы и подведем ее итоги.

1. Основу отечественного архивоведения составляют методологические принципы научной объективности и историзма, а также всестороннего и комплексного подхода, который автор понимает как единое требование охватить все стороны и связи изучаемого предмета. Историзм в данной работе рассматривается в качестве основы специфического архивоведческого принципа происхождения и является ближайшей предпосылкой исторического метода архивоведения как научной дисциплины.

2. Возникновение объекта архивоведения обусловлено закономерностями сферы документообразования. Им является документная ретроспективная информация, потерявшая (теряющая) признаки оперативной информации, но сохраняющая потенциальную способность актуализироваться всякий раз, когда к ней обращаются как к источнику знаний о прошлом. Один из ответственных вопросов анализа объекта – определение его границ. Даже начинающему архивисту бросается в глаза разительное несовпадение принципиальных научных посылок и способов решений, применяющихся в архивной работе с письменными (“текстовыми”) документами управленческого и личного происхождения, с одной стороны, и научно-техническими и кинофотофоноvideодокументами – с другой.

В конечном счете это объясняется тем, что в процессах документирования используются разные способы кодирования информации. В первом случае применяются “символические” знаковые формы (буквы, цифры), в других – информация кодируется “схемати-

ческими знаками” (чертежными, топографическими и т. п.) или выражается конкретно-чувственными образами, воспроизводящими внешний облик или “звучащую оболочку” событий. Отвечая целевому назначению информации, характеру ее восприятия и распространения, способы кодирования оказывают решающее влияние и на архивную работу с документами разных семиотических классов, каждый из которых образует собственный объект научного познания. Это позволяет выделить области теоретических интересов архивоведения НТД и архивоведения КФФВД, важнейшими особенностями которых является то, что к ним не применимы фундаментальные понятия архивного фонда и фондообразователя, из чего проистекают дальнейшие самые существенные различия научных установок.

Однако научная дисциплина должна быть целостной областью научного знания, стремиться последовательно развивать объективную логику изучаемых вопросов, объяснять их в едином духе, исключая противоречия, обладать способностью логического вывода одних положений из других. С точки зрения автора, объект “собственно архивоведения” теоретически ограничен документами, использующими “символические” формы запечатления информации, что соответствует понятию о письменных документах, естественно организованных силой общности происхождения в фондовые структуры. Предложенное решение вызывает, по-видимому, только одно существенно важное возражение. Оно не традиционно, противоречит привычному стремлению охватить в рамках одной дисциплины все научное знание о всех архивах и архивных документах. Но фактически мы уже сейчас имеем три относительно самостоятельные дисциплины, а практика архивного строительства выливается в создание сети специальных архивов НТД и КФФД (по крайней мере, специализированных отделов в государственных архивах), что является дополнительным существенным доводом в пользу высказанного положения. Автор данной работы не стремился углубляться в рассмотрение вопросов соответствующих субдисциплин.

3. Предмет архивоведения сложен. В расследовании обосновывается положение о том, что эмпирическую часть предмета составляет архивная информационная среда, являющаяся совокупностью документной ретроспективной информации и приданных ей средств архивного поиска (научно-справочный аппарат). Именно в условиях архивной информационной среды происходит актуализация ретроспективной информации, составляющая социальный смысл существования архивов и развития архивоведения.

Теоретико-методологическая часть предмета – это понятийный аппарат, включающий не только собственно понятия, но и принципы и другие логические единицы архивоведения, а также методы этой дисциплины и свойственные ей научные подходы. Из последних, как было показано, наибольшее значение в современном архивоведении имеют источниковедческий и информационный подхо-

ды. Источниковедческий подход сообщает представление об архивных документах как об исторической ценности, не исчезающей с течением времени, подчеркивает роль фактора происхождения документов, являющегося основной исторической связью объекта и предмета архивоведения со сферой документообразования. Тем не менее, источниковедческий подход – не само источниковедение. В работе проводилась мысль о том, что архивоведение имеет дело с документами на уровне не источников, а предысточников, которые становятся источниками только в процессе их использования потребителями. Специфическая черта источниковедческого подхода в том, что архивоведение обычно не занимается вопросами внутренней критики документов, ограничиваясь задачами внешней критики и применяя в этих целях средства вспомогательных исторических дисциплин. Исключая из сферы специального изучения вопросы критики содержания (например, установление достоверности, полноты освещения документами событий и фактов), архивоведение все же постоянно держит признаки содержания в поле своего внимания: при экспертизе ценности, фондировании, описании документов и т. д. Аргументация истинности выдвинутого положения разрабатывалась с учетом того, что “содержание” выражается не только “текстуальными показаниями” документов, но и характеристиками целевого назначения фондообразователя (функциями учреждения), его значением в системе управления, плотностью информации, выражающей меру насыщенности содержания, а также признаками вида и разновидности документов.

Информационному подходу в архивоведении свойственно рассматривать архивные документы в некотором отвлечении от качества предысточника. Для него характерно внимание к информации с точки зрения ее передачи и получения потребителем, ему важна способность информации преобразовываться, уплотняться, быть в разных состояниях (потенциальном и актуальном), удовлетворять информационную потребность. Важным положением этого подхода является то, что увеличение разнообразия информации объективно повышает ее ценность; в познавательных же процессах ограничение разнообразия увеличивает ее количество относительно познающего субъекта.

Понятийный аппарат развертывается в проблемное содержание архивоведения, состоящее, согласно развиваемой концепции, из частных теорий, непосредственно направленных на реализацию специфических функций архивного дела (формулировка функций предложена автором) и общей теории, задача которой – создание целостного теоретического образа этой дисциплины. Поэтому она изучает ее фундаментальные понятия и принципы. Особое значение принадлежит понятию происхождения (отражающему фактор происхождения документов), являющемуся теоретической основой построения категорий фондообразователя и фонда, принципов происхождения и недробимости фонда, а также некоторых новых теоре-

тических положений, предложенных в данной работе: закономерности фондообразования, понятий информационного потенциала фонда (трактующегося как объективно присущее фонду информационное разнообразие, богатство, заданное ему условиями происхождения, свойствами фондообразователя), информационной непротиворечивости структуры фонда, фондовой чистоты и т. п. Основной вывод, вытекающий из анализа этого круга вопросов, заключается в том, что фондообразование имеет причинно-следственный характер, носит черты естественноисторического процесса, а фонд рождается как “информационный слепок” деятельности фондообразователя.

4. Архивоведческая экспертиза ценности документов охарактеризована как начальный этап и особенная форма источниковедческого анализа документов, призванная преодолеть острое противоречие между источниковедческим представлением о документе как некоторой имманентной исторической ценности и неизбежностью отказа от приема на постоянное хранение подавляющей части документов, образующихся в современном обществе.

Природа теории экспертизы двуедина, образуется сочетанием источниковедческого и информационного подходов, но приоритет принадлежит источниковедческому подходу, поскольку только он способен устремить теорию экспертизы на определение исторического ценного материала. Основу теории составляют понятия исторической ценности документов и их информативности. Ценность постоянна, независима от спроса на информацию тех или иных потребителей. Она соотносится с информационными потребностями всего общества, в том числе с потребностями, еще не известными в данное время. Поэтому она объективна. Ее необходимо теоретически отличать от полезности, являющейся функцией ценности. Полезность конкретна, соотносится с определенными потребностями и в этом смысле субъективна. С точки зрения теории экспертизы, информативно, а стало быть ценно, то, что обладает большей информационной плотностью. Таким свойством обладают обычно фонды и документы, отложившиеся в деятельности учреждений высоких рангов. И наоборот, малоинформативные, бедные фонды и документы связаны происхождением с учреждениями низких рангов.

Теория экспертизы направлена к поиску “ценностей”, а не “полезностей”. Но она – не “теория ценностей”, не чистое знание об информационных потенциях документов, а теория их отбора для хранения или уничтожения, исходящая из соображений приоритета документов, безусловно важных для изучения прошлого перед малоинформативными. Поэтому можно говорить, что она по своему настрою является теорией ценностных приоритетов. Ее руководящая идея выражается формулой “максимума – минимума”, имеющей в виду достижение оптимального соответствия количественных и качественных характеристик документов, принимаемых на постоянное хранение.

5. Фондирование трактуется автором шире, чем обычно принято в архивоведческой литературе. Говоря о теории фондирования, он включает в нее вопросы распределения документов не только по фондам, но и внутри их. Это облегчает рассмотрение фонда с одной (“внешней”) стороны как целостного потенциального источника исторической информации, а с другой (“внутренней”) – как сложного объекта, составляющие которого информационно и структурно взаимоориентированы. Поэтому предмет теории фондирования определяется как обоснование и развитие установки на фондовую организацию документов в соответствии с их происхождением, с конкретными условиями фондообразования.

6. Теоретические вопросы архивного описания и традиционного архивного поиска рассмотрены автором совокупно. В теории описания выделяются два направления: вопросы собственно описания документов и формирование из отдельно существующих справочников более сложных систем.

Архивное описание – способ сжатого представления первичной информации в составе архивных справочников. Его основу составляют понятие описательной статьи и архивоведческий описательный метод, существующий в двух формах – как метод, называемый автором информационным анализом и синтезом, и как метод, условно именуемый “номенклатурным”. Теоретически интересен первый, заключающийся в разложении исходного объема первичной информации на элементарные факты и последующем сжатии их в обобщающую характеристику, каждое полнозначное слово которой является признаком хранимого материала. Создаваемые с помощью приемов внешней критики источников (критики происхождения) описательные статьи, как правило, характеризуют только то, что непосредственно дано в документах, а не логические выводы, которые можно получить путем критики содержания. Архивное описание принципиально фактографично.

Понятие описательной статьи неотделимо от представлений о ее структуре – формуляре, выполняющем, как подчеркивалось автором, две функции: в процессе описания быть его программой и обозначать предел допустимого сжатия первичной информации, а в поиске – обеспечивать возможность мысленного развертывания семантики описательной статьи в более содержательный образ. Последнее возможно в силу того, что потребитель информации обычно располагает некоторым запасом априорной исторической информации и мысленно дополняет ею семантику описательной статьи.

В рамках второго направления теории описания наибольшее внимание привлекает проблема Единой системы научно-справочного аппарата. “Единство” системы в том, что она охватывает множество архивных поисковых систем, причем понятие о ней получает реальный смысл только в приложении к понятию Государственного архивного фонда. Теоретически отождествив весь массив информа-

ции Государственного архивного фонда с некоторого рода “регулируемым объектом”, мы получаем возможность рассматривать Единую систему как некоторого рода “сеть” разнородных эвристических средств, набрасываемую на бесконечное разнообразие эмпирической информации, и ограничиваем разнообразие. При этом учитывается важное положение теории информации, что в познавательных процессах ограничение разнообразия увеличивает количество информации относительно познающего субъекта. В данном случае подразумевается общий эвристический результат, достигаемый коллективным субъектом – всеми пользователями Единой системы.

В работе отстаивалась мысль, что в развитых формах традиционный поиск является содержательной научной деятельностью и началом исторического исследования, где влияние источникового материала тесно связано с актами его первопонимания. В целом такой поиск отвечает характеру удовлетворения информационной потребности историка. Конкретные условия, в которых он протекает, и его результаты существенно влияют на содержание и выводы будущего научного труда, что предопределяет стремление историка-исследователя к индивидуальной поисковой работе.

Внимание автора сосредоточивалось в основном на наиболее распространенном в архивной практике ученых “тематическом” поиске, где основная эвристическая нагрузка падает на работу с описями, построенными в соответствии с фондовой структурой архивных документов. Истоки эффективности такого поиска, свойственного только архивному и никакому другому поиску, в исторической классификации документов. Эвристично само существующее закономерное соответствие между структурой исторического развития общества и распределением информации в пределах Государственного архивного фонда. Поэтому в ситуациях, которые могут рассматриваться как типичные, ключом поиска выступает знание этапов, вех и важных событий исторического процесса, преломленное через фактор происхождения искомых документов, т. е. через знание истории соответствующих фондообразователей, их компетенции, функций, времени деятельности и др. Но в ряде случаев фондовые структуры даны в деформированном или полностью разрушенном виде, отчего использовать фактор происхождения не удастся. Возникающие затруднения смягчаются, если в программу поиска включаются данные из истории фондов, коллекций и архивов.

Для фактографического поиска лучшие результаты приносит работа с каталогами, особенно систематическим, в котором содержание документов отражено в логических связях иерархической схемы признаков, основанной на последовательном делении понятий о вещах и знаний о них. В большинстве случаев историк заинтересован во взаимообогащающем использовании обоих путей поиска (“перекрестный поиск”). Это значит, что совокупно используются

справочники разных типов и видов: с одной стороны, построенные на провениенции, с другой – на пертиненции.

В творческой архивной работе историка фактор времени, затрачиваемого на поиск, обычно менее важен, чем надежность результатов. Предпочтителен не быстрый просмотр описей с низкими результатами и медленным удовлетворением информационной потребности, а надежный поиск. Поэтому проблему повышения надежности описания автор считает существенно важной. Она рассмотрена с позиций современной теории надежности (в смысле “безотказности” функционирования научно-справочного аппарата), как задача создания резерва “целесообразной избыточности” – структурной и функциональной. Первая предполагает наращивание каналов поиска, разветвление системы научно-справочного аппарата. Вторая – увеличение полноты слов в описании, чем достигается повышение “надежности распознавания” поисковых образов. Это ставит под сомнение распространенную трактовку краткости описания как критерия его научности, но не отрицает краткость как черту стиля архивного описания.

7. Использование документной ретроспективной информации рассмотрено автором как процесс и результат ее актуализации и удовлетворения информационной потребности реципиента, причем подчеркивается, что смысл работы архива в этой области заключается в организации процесса передачи информации (часто это связано с переработкой информации, преобразованием ее в другой вид) потребителю, отчего сама теория использования приобретает хорошо выраженный организационный характер.

Передача информации потребителям протекает в нескольких направлениях и формах. В понятии о направлениях использования заключен большой социальный смысл. Оно трактуется автором как широкие обобщения целеустремлений архивистов передать ретроспективную информацию сообразно существующим типам общественных потребностей в ней и как отражение этих потребностей в деятельности архивистов по их удовлетворению. Выполненный анализ понятия о формах использования обнаруживает его исключительную сложность, которая отражает сложность самого процесса передачи информации и характера связи его элементов. Каждая конкретная форма использования выступает как совокупность элементов-признаков: а) вида, в котором информация сообщается потребителю, б) особенных черт контакта потребителя с информацией (каналы передачи-получения; режим работы с информацией; характер возникающих коммуникативных ситуаций), в) способа информационного обслуживания. Последний, в свою очередь, образуется как сочетание: характера схемы передачи информации (с посредником или без него), применяемого метода обслуживания (опережающего или релевантного) и операций с документами, выполняемых архивистами. Достоинство этого построения в том, что оно обобщает многообразие конкретной практики организации использования

ния архивных документов, объединяет в “одну формулу” ретроспективную информацию, архивиста и потребителя, показывая роль последних в разных вариантах процесса использования (роль определяется профилем удовлетворяющейся потребности и видом выдаваемой информации) и может быть применено ко всем вариантам всех форм использования.

Эффект использования архивных документов возникает при совпадении (или достаточной близости) цели, к которой стремится реципиент, и достигнутого результата. Поскольку результат является слагаемым усилий реципиента и архивиста, имеющих общую точку приложения сил – информацию, способную удовлетворить потребность, проблема повышения эффективности использования документов поставлена и рассмотрена автором как комплексная, не ограничивающаяся вопросами работы одного архивиста. Усилия архивиста передать информацию не принесут желаемого эффекта, если не существует носителя предполагаемой потребности, если информация направлена “не по адресу” или сама информация, несмотря на кажущуюся актуальность, не отвечает истинной потребности, или, наконец, не вызывает интереса потенциального потребителя. Поэтому теория ориентирует архивистов на глубокое изучение сферы потребления ретроспективной информации и характера возникающих эффектов. Разработка автором нескольких типологий эффективности способна уменьшить существующие трудности. Наибольшее теоретическое и практическое значение придается типологии, опирающейся на “профиль” эффекта и, стало быть, на содержание информационной потребности. В этой связи был рассмотрен вопрос о факторе старения архивной информации – в отношении ее использования в практических целях. Фактор старения не должен рассматриваться как сдерживающий в организации использования документов, хотя он требует учитывать фактические потребности и изучать реальные возможности ретроспективной информации служить практическим целям.

8. Частные архивоведческие теории, решая вопросы научного обеспечения реализации функций архивного дела, имеют одну конечную цель – обеспечение общества, его институтов и отдельных представителей необходимой ретроспективной информацией. Эти возможности частных теорий заложены установками общей теории.

Всякая работа с информацией сопряжена с ее потерями. Но задача информационного обслуживания общества предполагает выдачу потребителям релевантной информации с минимальными потерями. Поэтому последовательная борьба с потерями составляет единую в основе цель всей теоретической проблематики архивоведения. Она выражается прежде всего в форме экспертизы ценности документов, разделяющей ценные и не ценные документы с тем, чтобы сохранить ценные, не дать им погибнуть в общей массе уничтожаемой документации, а затем – в форме фондирования документов с тем, чтобы не разрушить генетические связи документов, не

допустить дробления фондов, не дать документам “затеряться в чужих фондах”. Борьба с потерями продолжается при описании документов (полнее отразить первичную информацию в поисковом аппарате), в самом поиске и в организации использования документов. Хотя теоретические вопросы архивного учета, разработанные автором, не рассматривались в данной работе, их целевое назначение – также борьба с потерями информации. Методологическая основа борьбы за полноту сохранения и выдачи информации – научные принципы объективности и историзма.

9. В истории архивоведения автор выделил два основных этапа, свойственных обычно развитию всякой науки: эмпирический и теоретический. Переломным моментом было решение, принятое в 1918 г. участниками реформы архивного дела, о выборе исторического (фондового) принципа в качестве основополагающего. Как известно, в XVIII–XIX вв. мысль ученых архивистов видела задачей разрушение исторических фондовых структур и замену их формально-логическими (коллекционными) структурами; теперь это отвергалось. Архивоведение обратилось, говоря языком методологии науки, к классификации по естественному, “внутреннему” признаку, сообразно закону. В данной работе о нем говорится как о закономерности фондообразования.

Развитие фондовых представлений в отечественном архивоведении протекало не без существенных осложнений, поскольку встречалось с ошибочными трактовками принципа происхождения как якобы буржуазного, а понятия фонда – как любой совокупности документов, в том числе и сформированной в государственном архиве по усмотрению архивиста. Но само противоречие естественноисторического и формально-логического (коллекционного) начал было важным стимулом развития архивоведческой мысли.

10. Опирающееся на теоретические наблюдения предшествующей архивоведческой литературы, предлагаемое монографическое исследование теоретической проблематики архивоведения обладает, как нам представляется, рядом существенных признаков новизны. Кратко охарактеризуем их.

10.1. Прежде всего новизна состоит в разработке авторской концепции, главное содержание которой заключается в том, что теоретическую природу архивоведения составляет историзм, обогащенный теоретико-информационным взглядом на объект и предмет исследования. Согласно предложенному определению, архивоведение – историческая научная дисциплина, изучающая теорию и методику работы с архивными документами и организационные вопросы архивного дела, а также его историю. Основное отличие этой дефиниции от определений 1960–1970-х годов – признание архивоведения исторической дисциплиной. Автор впервые выделил и подверг анализу объект и предмет архивоведения, рассмотрел его связи с другими областями научного знания – с точки зрения их вклада в теорию и методы архивоведения.

10.2. До работ автора не ставился вопрос о наличии у архивоведения частнонаучной методологии. Да и сами многие методы не были названы и охарактеризованы. Восполняя этот пробел, автор установил, что методология архивоведения складывается из методологических принципов и методов разной степени общности, а также наиболее важных теоретических установок архивоведения; они проанализированы. Показаны взаимосвязь методов, ведущая роль исторического метода и его формы в архивоведении.

10.3. Автор выделил содержание научных подходов, использующихся архивоведением до сих пор в неявном, неопознанном виде. Не только источниковедческого и информационного, но и системно-структурного, функционального и вероятностного. Эти подходы (за исключением источниковедческого) не историчны по научной природе. Однако автор стремился выявить те их возможности, которые помогают решению научных задач архивоведения. В работах предшественников такого теоретического материала не было.

10.4. Работа фактически заново рассматривает почти весь основной понятийный аппарат архивоведения. Это выполнено путем:

а) уточнения содержания устойчиво применяющихся в настоящее время логических единиц знания;

б) восстановления в правах на новой содержательной основе некоторых отвергнутых в свое время теоретических положений;

в) введения новых понятий, частично взятых из других дисциплин (понятия “предысточник” из источниковедения, “информационная плотность” из документалистики, “информационная потребность” из информатики и т. д.), получивших дополнительное освещение в контексте задач архивоведения, а частично разработанных автором самостоятельно (в частности, архивная информационная среда, информационный потенциал фонда, “фондовая чистота”);

г) выяснения природы употребляющихся, но теоретически не исследованных понятий, например, понятия документной ретроспективной информации.

10.5. Важным моментом становления авторской концепции явилось включение в теорию отечественного архивоведения понятия происхождения документной информации (провениенции), выражающего историзм теории и противопоставленного понятию принадлежности (пертиненции).

В работе подвергнуто критике утвердившееся в нашей литературе негативное отношение к принципу происхождения; дано теоретическое обоснование этого принципа. Проанализировав в свете категорий причины и следствия понятия фондообразователя и фонда, автор пришел к выводу, что фондообразование носит черты естественноисторического процесса. Это позволило сформулировать важнейшую для архивоведения закономерность фондообразования. Названо также несколько других закономерностей. Указанные и другие результаты анализа понятийного аппарата, выполненного

впервые, повышают теоретический уровень архивоведения, способствуют его дальнейшему развитию как научной дисциплины.

10.6. Выяснив необходимость различать понятия постоянной научно-исторической ценности документов и их полезности, чего раньше архивоведение не делало, автор исследовал данный вопрос, а также рассмотрел две формы понятия информативности документов: “объективную”, соотносящуюся с потребностями всей науки, всего общества, и “субъективную”, зависящую от ориентации и возможностей конкретного потребителя. Было установлено, что архивоведческая экспертиза ценности документов является начальным этапом их источниковедческого анализа, выполняющегося в основном на уровне задач внешней источниковедческой критики. Во многом по-новому рассмотрена система критериев ценности. Углублен анализ понятия содержания документов (показано, что содержание выражается не только их “текстуальными показаниями”). Это укрепляет научные позиции теории экспертизы, решающей столь острый и актуальный вопрос, как отбор документов для хранения и уничтожения.

10.7. Новизной отличается анализ “признаков”, использующихся теорией фондирования, характеристика их теоретической природы, восстановление понимания вопросов пофондовой и внутрифондовой систематизации документов как единой предметной области.

10.8. В области теории описания новым является ряд положений, включая анализ функций формуляра (структуры) описательной статьи, критика установки рассматривать лаконичность описания как критерий его научности; углубление анализа форм описательного метода архивоведения. В свете современной теории надежности разработаны вопросы надежности архивного описания и поиска и создана типология так называемых “отказов”, возникающих вследствие либо “ненадежности” научно-справочного аппарата, либо неподготовленности и ошибок потребителя. Рассматривая теоретические вопросы традиционного архивного поиска, автор выделил, в частности, психологические аспекты развития и удовлетворения информационной потребности историка. Выполнен сопоставительный анализ традиционного архивного поиска историка, ключом которого является понимание закономерности распределения информации в пределах Государственного архивного фонда, с поиском механизированным, теорию которого разрабатывает информатика. В результате удалось показать определенные достоинства традиционного поиска перед механизированным и снять сомнения науковедов, оценивающих личный поиск ученого как “логические малоемкие операции”.

10.9. У автора по существу не было предшественников в разработке теории организации использования. Впервые дано понятие использования документной ретроспективной информации (ее актуализация и удовлетворение информационной потребности), выполнен анализ понятий направлений и форм использования, рас-

смотрены разные варианты коммуникативных ситуаций, возникающих в процессе использования, и т. д. Исследование вопросов эффективности использования архивных документов позволило выдвинуть само понятие такой эффективности, выделить первичные и вторичные эффекты, дать несколько типологий эффективности, а также рассмотреть роль фактора старения информации в организации ее использования.

10.10. Существующее в литературе традиционное определение архивоведения как “комплексной” дисциплины, не указывающее, к какому классу наук оно относится, исходит из отождествления архивоведения со всей научной проблематикой, обеспечивающей развитие архивного дела. Новым и более предпочтительным является предложение автора данной работы согласиться с наличием (фактически существующих) нескольких научных дисциплин архивного цикла: “собственно архивоведения” и субдисциплин – архивоведения НТД и архивоведения КФФВД, а также естественнонаучной теории архивного дела. Это сужает познавательное пространство “собственно архивоведения”, являющегося предметом данного исследования, проблематикой письменной (текстовой) документации, исследующейся на базе понятия происхождения информации, что позволяет свести все стороны архивоведческого знания в единое теоретическое построение и развивать теоретический аппарат в духе единой научной концепции.

11. Признание исследуемой дисциплины исторической не означает, что ее по-прежнему следует считать вспомогательной дисциплиной исторической науки. Обладая развитым понятийным аппаратом и сложной теоретической структурой, она выступает как относительно самостоятельная область исторического знания и познания. В числе ее задач обеспечение запросов историков – важнейшая, но не единственная задача. Однако объект, предмет и методология архивоведения историчны.

СТАТЬИ

Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в.

Традиция хранения дел в архивах в том порядке, в каком они отложились в делопроизводстве, в XVIII в. пришла в противоречие с господствовавшим рационализмом в науке. В некоторых архивах было приложено много труда для перегруппировки документов в соответствии с новыми представлениями об их рациональной структуре¹. В основе новый подход был библиографическим: каждый документ рассматривался как самостоятельный объект, равный в классификационном отношении отдельной книге. Документы классифицировались и систематизировались “по предметному признаку, исходя из содержания документа и внешней предметной связи отдельных документов”, на основе жестких логических схем². Заметим, что русская библиографическая мысль второй половины XVIII в. была достаточно высокой для своего времени, а самые выдающиеся ее представители относились к числу первых в России ученых-архивистов. Речь идет о Г.-Ф. Миллере и Н.Н. Бантыш-Каменском, которые не только применили свои библиографические воззрения в библиотеке МАКИД (группировать книги, “по одной материи писанные, дабы лучше видно было, какие о какой материи есть”), но и в самом архиве провели решительную реорганизацию документов³. В результате здесь сформировалась коллекционная система (она сохранилась до сих пор), заменившая историческую фондовую структуру⁴.

Между тем законодательство по архивному делу не предполагало отношения к документам как к исторической ценности. Имея в виду только “текущие” архивы (действующих учреждений), оно предписывало группировать документы в соответствии с их происхождением. “Главнейшая обязанность архивариуса, – говорило “Учреждение губернских правлений” 1845 г., – состоит в том, чтобы располагать и содержать дела постоянно в том самом порядке, в каком они были в столе и в каком поступают к нему... располагая дела по отделениям, столам и годам”. Разъяснялось, что дела прежних лет приводятся “в возможное устройство по тому порядку, как значатся в старых описях” (ПСЗ II. Т. 20. № 18580. С. 59–60). В

этих формулировках хорошо выражен эмпирически схваченный принцип происхождения. Но, обращенный исключительно к нуждам администрации, он был архивоведчески резко ослаблен, поскольку не распространялся за пределы “текущих” архивов. Наряду с этим правительство само разрушало исторически сложившиеся комплексы документов, создавая в политических и династических интересах выборочные архивы (Государственный архив Российской империи и др.), где никакая другая группировка документов, кроме тематической, была невозможна.

Влияние тематических классификаций усилилось с развитием собирательской деятельности археографов (П.М. Строев, Я.И. Бередников, Н.В. Калачов и др.), вставших на путь извлечения из безнадзорных хранилищ наиболее ярких памятников письменности и создания в интересах науки коллекций документов. Этим в какой-то мере восполнялся недостаток источников, вызванный строгим ограничением доступа исследователей к архивам. Но сами тематические группировки приобрели устойчивость в сознании ученых. Тому факту, что это связано с разрушением исторически сложившихся комплексов документов, значения не придавалось. По точному замечанию И.Л. Маяковского, первые русские археографы “были так безраздельно захвачены интересом к самому содержанию архивов”, а поиски памятников письменности требовали столь больших усилий, что это “заслоняло от них архивы как таковые, их внутреннее устройство и состояние, явившееся продуктом продолжительного развития”⁵.

Кульť искусственных (пертинентных)⁶ классификационных схем был свойствен и западноевропейской архивистике. М. Дюшен отмечает их связь со стилем научного мышления того времени: “Эта была эпоха великих схем научной систематизации, таких, как схемы Кювье в зоологии, Линнея в ботанике, Берцелиуса в химии. С точки зрения тогдашних историков, архивный документ рассматривался как интересный сам по себе, независимо от своего контекста”. Так же было и при археологических раскопках в Помпее или, например, в Египте, где экспедиция Бонапарта интересовалась выкопанными предметами искусства как предметами для коллекций, “не тревожась тем, чтобы сохранить их в рамках всей находки”⁷. Во Франции декретом 1794 г. искусственным классификациям документов была придана всеобщая законодательная сила: вводились тематические секции и серии. Главный мотив заключался в стремлении разрушить старые структуры документов, возникшие в деятельности упраздненных феодальных институтов и уже поэтому нелепые с точки зрения рационалистического мышления рубежа XVIII и XIX вв. Архивисты эпохи Французской революции и Консульства в вопросах классификации не отличались от представителей других наук, стремившихся мыслить разумно, а значит, логично, стремясь к математической точности, “независимо от того, касались ли они природы или общества”⁸.

Именно во Франции, с ее общенациональным масштабом разрушения исторических структур архивов, особенно остро обнаружилась несостоятельность искусственных классификаций, пришедших в противоречие с задачами использования документов. Поэтому, когда возник вопрос о приведении в порядок находившихся в хаотическом состоянии новых документов эпохи Реставрации, стала ясной необходимость другого подхода. Он был разработан под эгидой крупного государственного деятеля и талантливого историка Ф. Гизо, отличавшегося высокой способностью к историческим обобщениям. Это обстоятельство важно для формирования предпосылок фондовых представлений. Интерес Гизо к вопросам архивного дела произвел глубокое впечатление и на русских ученых-архивистов, в основном с точки зрения постановки архивоведческого образования⁹.

Особым циркуляром 1841 г. во французских архивах вводилась классификационная единица “фонд” и давалось новое основание классификации: принцип уважения к фонду. Фондом признавалась совокупность документов, отложившихся в результате деятельности учреждения, корпорации, отдельного лица или семьи; фонд запрещалось дробить, смешивать с документами другого происхождения. Эту концепцию сформулировал историк и архивист Наталис де Вайи. Он объяснял, что только фондовая классификация способна обеспечить единый подход, ибо отвечает природе самих вещей. “При всякой другой систематизации фондов существует большой риск не знать, где находится данный документ”¹⁰. Требование недробимости фондов, лежащее в основе принципа уважения к фонду, было лишь первой ступенью в развитии новых взглядов на классификацию архивных документов. Тогда вопрос о сохранении внутренней структуры фондов еще не ставился¹¹. Более того, французские установки 1841 г. предписывали перестраивать внутреннюю структуру фонда по предметным рубрикам. Фонды в архивах объединялись в тематические серии, причем и сама целостность фондов в определенных случаях сознательно нарушалась. Некоторая часть наиболее политически важных документов извлекалась из фондов разных учреждений и сводилась в искусственные образования, которые, будучи на самом деле коллекциями, также признавались фондами.

Принцип уважения к фонду явился теоретическим ответом на массовые разрушения фондовых структур, хотя тематический подход он полностью не преодолел. После 1841 г. научная мысль архивистов Франции не предложила, по существу, ничего нового в области классификации. Как бы в оправдание своему консерватизму она выдвинула не лишнее практического смысла объяснение: совершенна или нет какая-либо система классификации, “но она факт совершившийся; и если есть что-нибудь абсолютно необходимое в архивной сфере, так это непоколебимость”. Лучше придерживаться посредственной системы, чем постоянно стремиться к “неулови-

мому совершенству и переменам, которые вносят путаницу и вызывают невознагражденные потери времени”¹². Эта установка превратилась в принцип уважения к шифрам, руководствуясь которым французские архивисты воздерживались от изменения сложившегося расположения документов, даже когда оно серьезно затрудняло работу с ними¹³.

Следующий шаг в развитии фондовых представлений был сделан в Германии. Он связан отчасти с так называемым методом Ранке, но больше – с деятельностью Г. Зибеля и других ученых. Когда говорят о Л. Ранке, обычно имеют в виду не только его консервативную историческую концепцию, но и введенный им в обращение метод, точнее – подход к архивным документам официального происхождения, особенно ценным им в качестве источников. В школе Ранке, в середине XIX в. господствовавшей в немецкой историографии, справедливо усматривают протест против распространенного в предшествующем столетии научного рационализма, стремившегося “вершить суд над историей”. Не менее четко она проявила себя антиподом романтической историографии, ставившей задачей “проникновение” в прошлое главным образом через хроники и другие повествовательные памятники. Метод Ранке был другим. Он сводился к сопоставлению показаний источников, тщательной, но формальной критике их достоверности. В результате, что очень существенно для вопроса о генезисе понятия “фонд”, делался вывод о достоверности и высоком качестве источников, восходящих к правительственным канцеляриям. Поэтому Ранке обосновывал и защищал приоритет “надежного” архивного документа перед нарративными и другими “неофициальными” источниками¹⁴. Напомним, что в то время архивными были почти исключительно документы делопроизводственного происхождения.

По словам Е.В. Тарле (1918 г.), критический метод Ранке сыграл решительную роль в изменении взглядов ученых на архивы. Стало ясно, что “без архивного документа нет сколько-нибудь достоверной истории”. В результате “взоры научного мира обратились к тому, что еще уцелело, и этот интерес сделал архивы тем, чем они являются теперь”¹⁵. Думается, что эта оценка преувеличена. Данные русской историографии свидетельствуют о стремлении русских историков уже в первой половине XIX в. работать в архивах с документами делопроизводства. Однако о том, что в широких научных кругах сложилось мнение об открытии Ранке нового метода с его неиссякаемыми возможностями, о непосредственном влиянии его на историков писали многие авторы, в том числе русские (П.Г. Виноградов, А.К. Джигилев, М.А. Полиевктов).

Важно отметить опосредованные результаты усилившегося внимания немецких историков к архивам, с которым связано утверждение в германских архивах принципа происхождения. Он был найден отдельными архивистами-практиками интуитивно (так же, как это было в России и других странах) и обозначен уже в 1820-е годы:

целесообразно распределять документы в архиве в порядке, при котором “все принадлежавшее отдельному учреждению” объединяется и содержится в виде единого целого. Но этой тенденции противостояли распространенные понятия о научности только тематических схем, связанные с узкой заданностью интересов немецких историков того времени. Сказывалась и раздробленность самих архивов; обычно небольшие, они находились в собственности князей и городов. “При умственной отсталости немецких правителей им в повышении интереса к истории мерещилось что-то очень опасное”¹⁶.

Условия для перехода к фондовой классификации сложились в Германии во второй половине XIX в. К этому времени в поле зрения немецкой историографии оказались новые области, а значит, и новые источники – документы правительственных учреждений, чему активно способствовали труды Ранке. Но для возведения классификации по происхождению в научный принцип требовалось большее – смена примитивной истории событий историей процессов и отношений, признание существования закономерности исторического развития. Персонально это связано с именем Зибеля – историка, имевшего решающее влияние в Берлинской академии наук, сочетавшего исследовательскую работу с научно-организационной, в том числе архивной. От своего учителя Ранке он воспринял глубокий интерес к архивным документам¹⁷ (как и Ранке, он считал их главными источниками исторической науки) и культ государства. Но в отличие от Ранке, занимавшего прагматические позиции, Зибель был позитивистом¹⁸. Став во главе Прусского государственного архива, он признал и придал нормативное значение принципу происхождения. Его поддерживали молодые архивисты, сформировавшиеся под влиянием новой немецкой историографии, причем подчеркивается роль М. Лемана¹⁹.

Переход к принципу происхождения в целом был, по-видимому, результатом коллективных усилий. В его основе лежало зибелевское отношение к государственному аппарату, внимание к процессу документообразования и понимание исторической ценности документов делопроизводственного происхождения. Следует учитывать, что Зибель и его сотрудники опирались в своей работе на отточенно бюрократическое бумажное хозяйство прусских учреждений, хорошо организованные регистратуры, где закономерности фондообразования лежали, так сказать, на поверхности. Имелась и внешняя причина – впечатления от французской фондовой классификации, по сравнению с которой старые классификационные схемы явно проигрывали.

Источниковедческие представления Зибеля, приведшие его впоследствии к признанию принципа происхождения, обозначились уже в 1860-х годах. Говоря о характере делопроизводственных документов, он подчеркивал, что каждый из них – некоторая часть реального исторического действия, а в целом они “непосредственно раскрывают перед нами становление и связь этого действия”²⁰. Это

отношение к делопроизводственному потоку, как к целостному явлению, было, думается, началом пути Зибеля к выводу, зафиксированному в архивных правилах 1881 г.: распределять документы в соответствии с их происхождением и запретить дробить единство документов учреждения, нарушать внутреннюю, исторически сложившуюся структуру этого единства.

Термин “фонд”, считавшийся принадлежностью только французской архивистики, немецкими архивистами принят не был. Они употребляли термин “Bestand”, обозначающий понятие более содержательное, чем французское понятие “фонд”, не допускавшее уступок логическим классификациям. При этом роль его истолкователя выполнял принцип происхождения. Для немецких архивистов этот принцип явился не только реакцией на бесконечные и удручающе запутанные ряды старонемецких классификаций, но, как писал А. Бреннеке, и вселяющей оптимизм перспективой, “колумбовым яйцом” по простоте и убедительности решения²¹. Отвечая задачам архивной практики, принцип происхождения в конце XIX – начале XX в. быстро вытеснил в немецких архивах логические схемы (не без сопротивления их приверженцев).

Принцип происхождения обладал (поскольку опирался на фактор провениенции) потенциальной возможностью развития общего подхода к решению всех теоретических задач архивоведения. Но разработанная в Германии форма этого принципа была внутренне ограниченной и приобрела черты регистратурпринципа, т. е. требования обязательного сохранения внутренней структуры фонда в том виде, в каком она сложилась в регистратуре (канцелярии, архиве) учреждения, невзирая на ее возможные неудобства. Здесь сказывалась порочность позитивизма. Относясь с интересом к процессу развития общества и его институтов, позитивисты отказывались от изучения глубинных причин развития, считая их лежащими вне возможностей конкретных наук, и сосредоточивали внимание на результатах развития, в данном случае – на результатах процесса документообразования, на регистратуре.

Понятия “фонд” и “регистратурпринцип” подверглись дальнейшей разработке в Голландии, где архивистика, как и сама историческая наука, испытывала сильное немецкое влияние. Авторы руководства 1898 г. по работе с архивными документами С. Муллер, И. Фейт и Р. Фруин²² толковали фонд как совокупность письменных, чертежных и исполненных типографским способом документов, официально полученных учреждением или официально составленных одним из его должностных лиц и предназначенных оставаться в этом учреждении или у этого должностного лица. Все находящееся за пределами официально полученного и официально составленного было вне фонда.

Нельзя не видеть, что в руководстве 1898 г. архивоведение твердо встало на путь выведения установок из своего предметного материала. Голландский фонд творится самой деятельностью учрежде-

ния. Изучив “организм” фонда и выяснив, на основе каких именно правил он сложился, архивист получает возможность восстановить нарушенное по каким-либо причинам первоначальное расположение документов и удалять то, что к данному фонду не относится. Стремясь к воссозданию первичной группировки фонда, голландские авторы отмечали, что собственно структура учреждения и организация его делопроизводства им относительно безразличны. Все же голландские архивисты были в достаточной мере практиками, чтобы не придавать значения несущественным отклонениям и, говоря о желательности тех или иных решений, не всегда настаивали на них, отдаваясь на суд соображений целесообразности. Они отмечали, что важна первичная организация регистратуры. Ее восстановление сравнивалось с работой палеонтологов, собирающих из костных останков скелет первобытного животного.

Таким образом, в основе принципа происхождения, разработанного западноевропейскими архивистами, лежали признание закономерностей документообразования в деятельности государственных учреждений и высокая оценка делопроизводственных документов как источников исторического исследования. На международном уровне принцип был впервые рассмотрен в 1910 г. Брюссельским конгрессом архивистов и библиотекарей, архивная секция которого (по докладу голландского архивиста М. Вирсума) единогласно признала принцип происхождения наилучшей системой классификации и инвентаризации каждого архивного фонда как с точки зрения архивного порядка, так и в целях исторических исследований. Сам же принцип был сформулирован в таких выражениях: “При классификации и хранении архивных документов необходимо каждый из них помещать в ту группу или часть группы документов, в состав которых документ входил, когда данная коллекция (имеется в виду “фонд”. – В. А.) была еще живым организмом”²³.

Обратимся к развитию архивных классификаций в России. В середине и особенно во второй половине XIX в. здесь был облегчен доступ к архивам для научных занятий. Постепенно изживались старые “казенные” взгляды, заключающиеся в том, что “всякий архив почитался только складом оконченного канцелярского делопроизводства”. Современники с основанием связывали облегчение режима доступа к документам с именем и деятельностью Н.В. Калачова, видели его “великую” и “приснопамятную” заслугу в том, что он “не только возвысил значение Архива как хранилища неистощимых материалов для науки, но и для целей той же науки он освободил Архив от цепей казенно-канцелярской тайны и недоступности”. Однако его примеру, по словам И.Е. Забелина, последовали далеко не все²⁴.

Историки стремились воспользоваться открывшимися возможностями. “Мы живем в разгар увлечения архивскими исследованиями”, – писал А.С. Трачевский, видевший в этом характерную чер-

ту историографии своего времени²⁵. Но интерес к архивам буржуазной исторической науки не принес архивоведению полезных результатов в области классификации документов, подобных тем, какие имели место в Западной Европе.

Всегда нелегко искать объяснения, почему не произошло чего-то важного в истории конкретной науки; существует опасность схематических толкований. На первый взгляд необходимые посылки для разработки архивоведением фондовой классификации могла сообщить государственная школа, отстаивавшая тезис о ведущей роли государства в историческом процессе и уделявшая большое внимание изучению аппарата управления и его документов. Но она отрицала наличие закономерностей в развитии русского общества, а это само собой снимало вопрос о теории архивной классификации, входящей к закономерностям развития социальных институтов. Большими возможностями располагала, казалось бы, историческая концепция С.М. Соловьева, занимавшая особое место в этой школе²⁶. Она рассматривала общество как целостный организм, развивающийся по своим внутренним закономерностям. В основе работ Соловьева лежал огромный архивный материал. Но для Соловьева, как пишут советские историки, были характерны некоторая ограниченность задач анализа источников, недостаточный интерес к выявлению генетических связей между фактами²⁷. Думается, поэтому его общеисторическая концепция не способствовала возникновению правильного взгляда архивистов на классификацию. Конечно, устройство документов в архивах – только часть вопроса организации исследовательской работы. Соловьев, как и многие ученые его времени, исключал этот вопрос из поля зрения²⁸. Здесь, вероятно, вторая причина, почему государственная школа не сообщила архивоведению импульса к открытию фондовой классификации.

Попытки разработки теоретического подхода к архивной классификации принадлежали историкам, связанным с архивами служебными отношениями. Самым выдающимся из них явился Калачов, ставший в 1865 г. управляющим МАМЮ. Он относился к тому направлению юридической школы (иногда рассматриваемому как ее ответвление), которое придавало большое значение достоверности фактов и обоснованию частных выводов, а меньшее – конструктивности исторических построений. Последнее приводило к снижению роли социальной среды, где возникали изучаемые документы. “Благодаря этому, – отмечал В.И. Пичета, – изучаемые юридические институты были представлены не в их исторической эволюции, а чисто догматически абстрактно”²⁹.

Вот почему в “калачовское архивное время” (1860–1880-е годы) классификация документов по происхождению оставалась в России неизвестной. Она была несовместима с формально-статичным образом мышления архивистов, группировавшихся вокруг Калачова. Являясь сторонником описательных классификаций источников, Калачов наметил решение вопроса в духе пертиненции: “Подверг-

нуть документы какого-либо архива надлежащему разбору – значит распределить их на отделы или разряды по различию их содержания”. В основу деления он предполагал положить предметные группы, восходившие к разработанной им “некоторой сумме общих юридических понятий”, которые считал неизменными для всех периодов русской истории. Впрочем, “если в числе документов есть такие, которые относятся к неюридическим предметам”, то следует “прибавлять и другие отделы, как-то: отдел статистики, топографии и т. п.”³⁰.

И.Л. Маяковский объяснял подобный подход тем, что при Калачове “в русском архивном деле еще не было в ходу понятие архивного фонда”³¹. Это не отвечает на возникающий вопрос, почему понятие архивного фонда (или близкое ему) не было “в ходу” и почему Калачов, восхищавшийся постановкой архивного образования во Франции, остался равнодушным к основному понятию французской архивистики и к ее основному принципу. Думается, дело в том, что пертиненция не только вытекала из традиционных искусственных классификаций и соответствовала опыту личной исследовательской работы Калачова, но и отвечала научным представлениям юридической школы³².

До конца XIX в. в основанной Калачовым “науке об архивах” имело место представление о теоретическом превосходстве формально-логических классификаций. Правда, большинство архивов продолжало храниться в том виде, в каком они сложились, но, когда ставилась задача создания “научной” системы, документы приводились, как говорили, в “систематический порядок”, т. е. разбивались по предметным рубрикам. Полную же перестройку архивов немногочисленные воспитанники Калачова связывали только с отдаленным будущим. И сам он за 15 лет управления МАМЮ не предпринял ничего существенного для реализации программы разделения документов по “различию их содержания”.

Вместе с тем часть русских архивистов, испытав неудобства искусственных классификаций, убеждалась в желательности сохранения первоначальной, делопроизводственной структуры документов. Высказывания в пользу последней в печати не были выражены достаточно ясно³³. Они отчетливо выступают в документах, не предназначавшихся для печати. Их авторами были крупные архивисты. В письме (1864 г.) директору Государственного архива К.К. Злобину директор МГАМИД К.А. Оболенский отмечал большие трудности для архивной работы, вызываемые систематизацией дел Посольского приказа, осуществленной Г.-Ф. Миллером в XVIII в. По его словам, Миллер, “пожертвовав для произвольной своей системы древним нашим административным разделением дел по приказам, смешал все эти дела и все бумаги их вместе и потом самовластно разделил и раздробил их на особые рубрики под название разных небывалых в древнем нашем производстве подразделений дел: исторических, церемониальных, тайных, весьма тайных и множества

других и т. п. За таким произвольным смешением и разделением почти всех документов затрачивается громадное количество труда на восстановление всего этого в необходимый, естественный порядок, в каком хранились дела в архиве Посольского приказа, разделенные по приказам, по четям, по повытьям и по столам”³⁴. Известно, что Злобин придерживался противоположного мнения и активно перестраивал свой архив, создавая тематические “разряды”³⁵.

Не менее определенно высказался Д.В. Поленов, служивший в Архиве II отделения собственной е.и.в. канцелярии (с 1875 г. – его заведующий). Этот архив образовался на базе архива Комиссии составления законов, существовавшей в 1796–1826 гг. Принятая там предметная классификация вызвала осуждение Поленова. “Описи архива, – писал он, – составлены по плану, заимствованному из какого-нибудь учебного руководства по части законодательства или права. Видно также, что план был написан прежде, а к нему, т. е. под изготовленные уже рубрики, подбирались самые дела”. Поскольку архив состоял из материалов ряда комиссий, существовавших в разное время, “в основание порядка при распределении дел надлежало бы, – замечал Поленов, – принять самые комиссии, и по ним расположить дела”³⁶. И здесь перед нами отчетливое заявление в пользу классификации по происхождению, по фондам, хотя эти термины не употребляются. Как видим, переоценка достоинств искусственных классификаций, начало которым было положено в XVIII в., возникла в тех архивах, где они были последовательно осуществлены.

Подспудно нараставшее противоречие между требованиями архивной практики и установками “науки об архивах” привело в определенный момент русское архивоведение к теоретической дезориентации. Показателем этого, на наш взгляд, явилось обращение И.Е. Андреевского к мысли о примитивной бесструктурной системе, объединяющей архивный материал валовой нумерацией³⁷. Горячий поклонник Гизо как покровителя просвещения, науки и архивов, Андреевский в своем курсе лекций весьма поверхностно прошелся по французской системе классификации и ни словом не обмолвился о понятии фонда³⁸, которое, по-видимому, ему было абсолютно не ясно (о немецком провениенцпринципе он, вероятно, не знал).

Но следующий лектор и автор курса архивоведения – А.П. Воронов обращался к мысли о том, что “истинный принцип архивного порядка есть историческое распределение архивного материала”, и объяснял французскую фондовую систему. Он говорил, что она навеяна опытом “архивистов-практиков”, имея в виду иностранный опыт и опираясь главным образом на упомянутую выше книгу Г. Дежардена. “Все, что жило самостоятельно в прошлом, – говорил Воронов, – должно жить самостоятельно и в архиве. Распознавать эти организмы в архиве есть первая задача каждого истинного архивариуса. По удачному выражению Делаборда, библиотека есть нечто, тогда как архив есть некто, а поэтому не может расчленяться произ-

вольно как библиотека”³⁹. Подробнее Воронов рассказывал о французской классификации на XIX Археологическом съезде: “Fonds – это совокупность бумаг, принадлежащих одному учреждению, одной корпорации, одной фамилии, одному лицу. Словом, fonds – это исторически сложившаяся группа дел. Классифицировать par fonds значит соединить вместе те бумаги, которые были собственно одного учреждения, одной корпорации, одной фамилии, одного лица. Внутри fonds бумаги располагаются, смотря по удобству, или в хронологическом порядке, или в топографическом, или в алфавитном...”⁴⁰. Воронов заметил непоследовательность французской архивистики: “Принцип группировки дел по фондам, т. е. исторического деления, сталкивается с принципом искусственного подразделения на серии, и не всегда возможно вдвинуть фонд в рамки установленной классификации по сериям, хотя эти рамки довольно просторны”. Наконец, отмечал Воронов, существует серия А – “Акты верховной власти и государственного имущества”, образующая вообще “за счет всех отделов”, а поэтому явно нарушающая “принцип целостности фондов”⁴¹.

Названные принципы группировки дел по фондам и целостности фондов (в другой работе Воронов говорил о “принципе фонда”⁴²), несомненно, отражают подход французской архивной школы, но все же это не трактовка самого “принципа уважения”, а скорее взгляд на него, подметивший его отличительные черты. Однако основной смысл французской системы обрисован неплохо, с элементами критики. Немецко-голландской классификации Воронов не знал, что существенно обедняло его лекционный курс.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В центре внимания автора настоящей статьи ведомственные архивы, входившие в состав государственного аппарата, а не музейные собрания. Этому соответствует и круг использованной литературы, в основном собственно архивоведческие работы.
- 2 Бржостовская Н.В. Архивное дело с древнейших времен до 1917 года // Тр. ВНИИДАД. М., 1979. Т. 8. Ч. 2. С. 27–28.
- 3 Примечателен факт, что Миллер, еще не приступив к работе в МАКИД, уже ясно представлял основания будущей классификации. “Не зная еще, в каком состоянии находятся теперь Архивы, я не могу ничего сказать, каким образом их привести в порядок, – писал он в январе 1766 г. вице-канцлеру А.М. Голицыну, – но хочу представить вашему сиятельству мое мнение, какое сей порядок быть должен. Можно считать архивные пиесы под двумя видами и разделить их на два класса...”. К первому классу Миллер относил “пиесы” (la piéce – бумага, документы), не имеющие никакого “сопряжения с теперешними делами, но кои служат к познанию истории, географии и дают сведения о состоянии наук, художеств, законов, нравов, коммерции, мануфактур, земных продуктов и проч.”. Пиесы второго класса “могут быть сопряжены во всякое время с государственными делами” – внутренними и внешними – “и быть потребными в негоциациях с главными дво-

рами в Европе". Такое "распределение классов является основанием архивного порядка, но оно только подлежит до одного основания, сверх же того потребно другое, которое я различу по подписям". Подписи первого класса уже названы, пояснял Миллер, – история, география и др. "Подписи второго класса суть: трактаты союзные, мирные, пограничные, субсидные, коммерческие, письма царей российских к разным дворам, письма к ним от помянутых дворов, представления чужестранных министров, ответы и внушения, учиненные сим министрам, инструкции, повелении, рескрипты, данные и посланные к российским министрам, резидующим при дворах чужестранных... Дела и неогциации каждого государства, каждого двора, каждого министра должны быть положены вместе. Одни только неогциации, продолжаемые многими министрами, практикующие об одной материи, в коих многие дворы были интересованы, сии только одни, я бы исключил из вышепомянутого распределения. Сей архивный порядок можно назвать систематическим. Остается другой, хронологический, по которому можно разучредить пиесы, принадлежащая к одному делу (т. е. предмету. – В. А.), следуя их числам; если же число не поставлено, можно искать по истории". После приведения архива в порядок, продолжал Миллер, "можно учинить каталог, так полный, чтоб не было в нем пропущено ни малейшего листочка, разве только, когда надобно будет отбросить некоторые пиесы, кои не могут иметь никакого употребления. Сей каталог будет служить более росписью для тех, как в Архиве после нас будут, нежели реестром для скорого приискания нужных пиес. Можно оныя находить весьма легко, если Архива будет разобрана по классам, подписям и годам" (ЦГАДА (ныне: РГАДА) Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 3. Д. 43. Л. 1об.–3. Перевод; канцелярский почерк середины XIX в.). Миллер не ошибся в оценке предполагаемой классификации с точки зрения требований современной ему науки. Посетивший в 1788 г. МАКИД английский историк Вильям Кокс находил, что архив приведен Миллером в порядок исключительно удачно: можно любой документ найти без всяких затруднений (Князев Г.А., Шафрановский К.И. Архивы Москвы в 1778 году (глазами английского историка) // Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 92).

- 4 Об этом см.: Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. М., 1955. Т. 1. С. 312, 318; Дремина Г.А. Московский архив Коллегии иностранных дел // Дремина Г.А., Чернов А.В. Из истории Центрального государственного архива древних актов (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959. С. 67.
- 5 Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941. С. 24. В издании книги 1960 г. (посмертном) это место изменено: вместо "безраздельно захвачены интересом" напечатано "безраздельно заинтересованы" (с. 7), что упрощает характеристику.
- 6 О понятии пертинентности (принадлежности), противостоящем понятию провениенции (происхождения), см.: Автократов В.Н. Понятие о происхождении в архивоведении // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.

- 7 *Duchain M.* Le respect des fonds en archivistique // *La Gazette des archives*. Paris, 1977. № 97. P. 73.
- 8 *Кондратьева Т.С.* О материалистической тенденции в историко-социологической мысли французского Просвещения // *Вестн. МГУ. Сер. История*. 1972. № 4. С. 38–39.
- 9 *Андреевский И.* О парижской Ecole des Chartes // *Наблюдатель*. 1889. № 2. С. 240, 244.
- 10 *Duchain M.* Op. cit. P. 73.
- 11 [Бржостовская Н.В.] Указ. соч. С. 48.
- 12 *Desjardins G.* Le service des archives departementales. Paris, 1890. P. 32.
- 13 *Черных В.А.* Архивное дело во Франции // *Архивное дело в зарубежных странах: Очерки*. М., 1963. Вып. 1. С. 42.
- 14 *Косминский Е.А.* Историография средних веков V в. – середина XIX в.: Лекции. М., 1963. С. 335; *Смоленский Н.И.* О некоторых теоретико-методологических принципах исторической концепции Леопольда фон Ранке // *Тр. Томск. ун-та*. 1963. Т. 166. С. 160; *Вебер В.Г.* Историографические проблемы. М., 1974. С. 87 и др.
- 15 *Тарле Е.В.* Национальный архив в Париже // *Тарле Е.В. Соч.* М., 1958. Т. 4. С. 595–598.
- 16 *Косминский Е.А.* Указ. соч. С. 362.
- 17 Это качество работ Зибеля ценил Ф. Энгельс. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 127–128.
- 18 *Гавриличев В.А.* Теоретико-методологические основы исторических исследований Генриха фон Зибеля // *Тр. Томск. ун-та*, 1963. Т. 166. С. 118.
- 19 *Posner E.* Max Leman and the genesis of the principle of provenance // *Archives and the public interest Selected Essays by Ernest Posner*. Washington, 1967.
- 20 *Зибель Г.* О законах исторического развития. СПб., 1866. С. 10.
- 21 *Brenneke A.* Archivkunde: Ein Beitrag zur Theorie und Geschichte des europäischen Archivwesens. Leipzig, 1953. S. 68.
- 22 *Muller S., Feith I.A., Fruin R.* Handleiding voor het ordenen en beschrijven van archiven. Groningen, 1898. В 1905 г. книга была издана в Германии, в 1908 г. – в Италии, в 1910 г. – во Франции, в 1940 г. – в США. На русском языке ее содержание было подробно изложено по французскому изданию И.А. Голубцовым в статье “Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов” (*Архивное дело*. 1925. Вып. 2, 3/4).
- 23 *Congres International des archivistes et des bibliothecaires*. Bruxelles, 1912. P. 663–670. В русском обзоре итогов конгресса сообщалось, что он выразил пожелание сделать “принцип обозначения происхождения поступивших в архив документов” (*Щеголов В.* Международный съезд архивариусов и библиотекарей 1910 года // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1911. № 2. Современная летопись. С. 60). Через 15 лет решение конгресса о принципе происхождения было воспроизведено с комментариями Н.В. Русиновым в статье “Регистратура и архив” (*Архивное дело*. 1926. Вып. 7. С. 17). О работе конгресса см. также: *Старостин Е.В.* Итоги развития архивного дела в Европе к началу XX в. и зарождение международного архивного сотрудничества // *Советские архивы*. 1982. № 2.

- 24 [Записка И.Е. Забелина в память Н.В. Калачова] // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1885. Кн. 4. Смесь. С. 17–18.
- 25 *Трачевский А.С.* Современные задачи исторической науки // Зап. имп. Новорос. ун-та. 1878. Т. 27. С. 88.
- 26 *Иллерицкий В.Е.* О государственной школе // Вопр. истории. 1959. № 5. С. 75.
- 27 Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 359; *Черепнин Л.В.* С.М. Соловьев как историк // Соловьев С.М. История России древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 31–32.
- 28 *Городецкий Е.Н.* Историография как специальная отрасль исторической науки // История СССР. 1974. № 4. С. 98.
- 29 *Личета В.И.* Введение в русскую историю: Источники и историография. М., 1923. С. 130–132.
- 30 *Калачов Н.В.* Архивы // Тр. I Археол. съезда в Москве, 1869. М., 1871. С. 211, 216.
- 31 *Маяковский И.Л.* Н.В. Калачова как историк-архивист: Из истории русского архивоведения, 1860–1880-е годы // Тр. МГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 165.
- 32 Такому умонастроению в какой-то мере отвечала переводная статья о баварских архивах, содержавшая требование прежде всего разделить архив на обособленные части: собственно документы (Urkunden) и акты (Akten), "насколько, разумеется, первые не суть простые акты" (*Легер фон.* Баварские архивы // Сб. Археол. ин-та. СПб., 1879. Т. 2. С. 45).
- 33 Устройство архивов упраздненных судебных учреждений по системе Н. Тихменева. СПб., 1874. С. 5; *Яковлев П.* Сведения об архивах Министерства путей сообщения // Журнал Министерства путей сообщения. 1879. Т. 2. Кн. 1. С. 2; и др.
- 34 ЦГАДА (ныне: РГАДА). Ф. 31 ("Текущие дела"). Д. 793. Л. 9об.–10.
- 35 См. об этом: *Кононов Ю.Ф.* Из истории организации и комплектования бывшего Государственного архива Российской империи // Тр. МГИАИ. М., 1957. Т. 8.
- 36 Цит. по кн.: *Хрущов И.* Очерк жизни и деятельности Д.В. Поленова. СПб., 1879. С. 47.
- 37 На это указывал А.П. Воронов в работе "Архивоведение. Конспект лекций, читанных в Санкт-Петербургском археологическом институте" (СПб., 1901. С. 16). Имеется издание 1904 г.
- 38 *Андреевский И.Е.* Наука об архивах: Лекции, читанные в Санкт-Петербургском археологическом институте... в 1885/86–1886/87 гг. [СПб., 1887].
- 39 *Воронов А.П.* Архивоведение. С. 16. Л. Делаборд (Laborde) – директор французского Национального архива при Наполеоне III.
- 40 *Воронов А.П.* Французские областные архивы // Тр. XI Археол. съезда в Киеве, 1899. М., 1902. Т. 2. С. 46–47.
- 41 *Воронов А.П.* Архивоведение. С. 18.
- 42 *Воронов А.П.* К вопросу о положении архивного дела во Франции // Воронов А.П. Статьи по архивоведению: Пособие для слушателей имп. Санкт-Петербургского археологического института. СПб., 1909. С. 19.

Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.)*

Смысл и цель существования архивов – удовлетворение потребностей общества в ретроспективной информации, содержащейся в архивных документах. Этой задаче посвящена в конечном итоге вся деятельность архивистов. Но первый их гражданский и профессиональный долг заключается в сохранении архивов как национальной ценности, памяти народа, будущего источника исторического познания. Для успешного удовлетворения этой функции нужен ряд условий: наличие юридических норм, профессионализм кадров, компетентная и преданная своему долгу администрация, авторитет архивной службы в глазах общества, наличие благоустроенных помещений, охраны и др.

В настоящее время в мире архивистов произошли существенные новации. Еще в 1990 г. Роскомархив, преобразованный из Главархива РСФСР, выступил с инициативой о передаче в его юрисдикцию части центральных государственных архивов союзного ранга – тех, которые по происхождению хранящихся в них документов являются чисто российскими, а также части фондов такого же происхождения из других архивов. В то время Союз ССР существовал реально. В сознании многих архивистов были сильны убеждения о правовой логичности “ранговой” структуры Государственной архивной службы: Союзу соответствуют ЦГА “союзного ранга”, союзной республике – ЦГА “республиканского ранга” и т. д. Поэтому возникали обоснованные опасения относительно негативных последствий рассредоточения устойчивой системы архивов союзного подчинения.

Неудача новоогаревского процесса и августовские события 1991 г. внесли существенные изменения в профессиональное сознание архивистов. Одним из первых сильных впечатлений явились решительные акции по переводу архивов ЦК КПСС, ЦПА, неоперативной части архивов КГБ в юрисдикцию Роскомархива. Часть архивистов сочла эти действия противоправными, осуществленными

* Статья написана в 1992 г. Подготовлена к публикации М.И. Автократовой и Д.А. Беляевым.

“с позиции силы”. Однако социальная обстановка в Москве была такой, что данную акцию следовало рассматривать в первую очередь как меру по спасению ценнейших архивов.

Упразднение союзных государственных структур повлекло прекращение деятельности Главархива СССР. Его функции на территории России перешли по принципу правопреемства к Роскомархиву, и это стало законным основанием для перевода всех ЦГА СССР в юрисдикцию российского архивного ведомства. Наступило время поиска и принятия многих важных научно-организационных решений, в том числе – формирования новой системы российских ЦГА. Однако, говоря о смысле этих задач, мы должны смотреть на них шире рамок названного юридического принципа правопреемства.

Вся история российской государственности с первой четверти XVIII в. была историей Российской империи (унаследовавшей достояние Русского, или Московского государства предшествовавшей эпохи) и фактически оставалась, нравится это или нет, таковой до 1991 г. Практически все союзные властные, в том числе партийные (КПСС), производственные, культурные и другие структуры, а следовательно и накопленная ими документация, были российскими.

Нельзя абстрагироваться от несовершенства и “пробельности” (выражение юристов) советского архивного законодательства. Единого архивного права у нас нет. И даже само понятие архивного права в юридическом и архивоведческом лексиконах отсутствует, хотя до революции попытка очертить контуры архивного права имела место. Не подлежит сомнению, что Государственная архивная служба России должна быть единой, что предполагает дальнейшую консолидацию российских архивов.

Всем известно, что в СССР существовало два общесоюзных архивных фонда: ГАФ СССР и Архивный фонд КПСС, содержание которых отражало течение единого исторического процесса. Однако и само понятие ГАФ СССР дошло к нашим дням в рыхлом состоянии, вытекающем из Положения о ГАФ СССР 1980 г., которое узаконило существование так называемых “отраслевых архивных фондов”, лишь номинально входящих в ГАФ СССР, а фактически полностью независимых от него, а значит и от Государственной архивной службы. Более того, Главархив СССР поддерживал ведомственный архивный сепаратизм, с легкостью соглашаясь на увеличение числа отраслевых фондов, способствуя этим децентрализации архивного дела. В настоящий же момент большинство отраслевых фондов, принадлежавших упраздненным союзным ведомствам, фактически не имеет хозяев. Их целостность и само существование поставлены под угрозу.

Важнейшим свойством централизации была и остается концентрация документов – объективно действующий фактор, пронизывающий все архивное дело, но начинающийся еще в недрах делопроизводства, где из отдельных документов формируются дела (“первичные документальные комплексы”, по определению

К.Г. Митяева). Далее концентрация перерастает в образование архивов при канцеляриях (“регистрации”), объединенных архивов и т. д. — вплоть до центральных ведомственных архивов. Все это — явления, объясняющиеся феноменом “самоуплотнения информации”, ее многоуровневой концентрации. Логическим завершением этого процесса становятся общегосударственная централизация хранения и организации использования архивных документов.

Архивисты, которые не склонны закрывать глаза на эти реальности, не могут не понимать того, что мы вступили в новый этап укрепления российского архивного дела. Фактически это означает возобновление процесса его централизации, успешно начатой в 1918 г., а идейно и теоретически заложенной в дореволюционное время. Нельзя при этом забывать, что обладание мощным ГАФ станет одним из важных достоинств единого и эффективного Российского государства, неотъемлемым признаком его информационного суверенитета в делах внутренних и внешних, будет способствовать цельному видению России и ее истории.

В этой связи представляется познавательно важным осмыслить события, предшествовавшие принятию архивного декрета 1918 г., и извлечь полезный опыт. До сего времени, к сожалению, не написано объективной и полной картины этого важного периода истории российского архивного дела, и настало время по мере возможности восполнить этот пробел.

Консерватор-монархист по убеждениям, придерживавшийся “западной ориентации” в вопросах организации архивного дела, доктор государственного права Д.Я. Самоквасов, как известно, горячо стремился положить конец “архивному нестроению” в России. Централизацию архивного дела он считал признаком цивилизованного общества. “Если наше отечество, — писал он, — движется по пути к прогрессу политико-юридической жизни, а не к одичанию”, эта реформа необходима, и ее следует провести по образцу западных стран — “в интересах настоящего и будущих поколений русского народа”¹. Самоквасов, как известно, разработал два варианта проекта архивной реформы (1899 и 1902 гг.). Здесь не место их сравнивать. Они мало чем отличались. Это были варианты одного проекта. Заметим только одно: второй вариант отказывался от централизации архивов общественных организаций. Это в 1918 г. сказалось на трактовке понятия Государственного архивного фонда. Эту ошибку пришлось исправлять последующими законодательными актами и нормативной практикой архивного ведомства.

Оба варианта проекта Самоквасова были одобрены археологическими съездами. Но в борьбе за архивную реформу Самоквасов потерпел поражение. Законодательной реализации она не получила. Потребовались революционные потрясения для изменения позиции русской общественности в этом вопросе.

Весной 1917 г. в Петрограде сформировался Союз российских архивных деятелей. Идея профессионального объединения архивис-

тов принадлежала флотскому офицеру (начальнику Морского архива) А.И. Лебедеву, о чем он сам написал через несколько лет². По словам А.С. Николаева, академик А.С. Лаппо-Данилевский “горячо откликнулся на это”³. Первое собрание состоялось 18 марта. Оно началось как совещание ведущих столичных архивистов и близких к ним историков. Этому предшествовала рассылка А.И. Лебедевым персональных приглашений, где излагались некоторые задачи будущего объединения архивистов. “Велик народ, который знает и любит свою историю, который на уроках прошлого создает свое будущее, не забывая и основы духа своего народа”. Для успешного изучения истории, говорилось далее, необходимо, чтобы архивы, музеи и библиотеки “работали с наибольшей энергией и по определенной программе”. У старого правительства не было никакой политики в архивном деле. “Архивы, разбитые по отдельным ведомствам, владели жалкое существование. В свободной России этого быть не должно”. Поскольку началось коренное переустройство нашей Родины, необходимо “определенно поставить вопрос” о судьбе архивов упраздняемых отживших учреждений и ведомств. Новому правительству архивисты должны сами сказать свое слово: “1) необходимо объявить государственной национальной собственностью все материалы и следы деятельности официальных лиц прежнего режима, дабы не приходилось в будущем скупать на рынках у антиквариев и за границей то, что должно храниться в русских государственных архивах”; 2) теперь же создать в одном из министерств Отдел архивной статистики и организации архивного дела – “для выработки планомерной программы архивного строительства для возможности централизации архивных государственных фондов”. На этот путь уже встали все западноевропейские страны, а теперь становятся (как почему-то думали авторы текста) и Североамериканские Соединенные штаты); 3) государственные архивные фонды не должны храниться на окраинах государства, подверженные “нападению врага”. Эти наскоро сформулированные постулаты отражали мысли архивистов, волновавшие их в первые недели после Февральской революции.

Фигурировали здесь и фамилии приглашенных. А.С. Лаппо-Данилевского среди них не было, хотя, конечно, он находился в курсе дела и, думается, принимал участие в разработке текста приглашения; в совещании он участвовал и был избран его председателем. По-видимому, он хотел, чтобы инициатива исходила от профессионалов-архивистов. В числе приглашенных был С.Ф. Платонов, но он на совещание не пришел.

Лебедев, избранный секретарем собрания, выступил с вступительным словом, повторив, вероятно, содержание приглашения, и поставил дополнительные вопросы для обсуждения, коротко изложенные в протоколе: охрана “документов большого исторического значения, находящихся в частных руках, и изыскание мер получения их на хранение в государственные хранилища”; охрана “памят-

ников письменности” (т. е., надо полагать, вообще архивных материалов) “от случайностей переживаемого времени”, а именно – от опасности контрреволюции, возможных успехов неприятеля (германской армии), требующих спешной эвакуации архивов из прифронтовой зоны; “о будущем наших архивов и централизации управления ими”. Наконец, было сказано о желательности расширить круг собравшихся и “необходимости организовать всем архивным деятелям для совместной работы”.

Собрание признало себя Союзом российских архивных деятелей и выделило из очередных задач неотложные: спасение архивов упраздняемых учреждений и частных – усадебных архивов (разгромы усадеб уже начались), а также архивов прифронтовой зоны. Судя по протоколу, имели место и такие споры: “одни стояли за присоединение упраздненных архивов к существующим большим архивам, другие говорили об отдельном здании для них и начале централизации”. На третьем общем собрании 8 апреля председателем Союза был избран А.С. Лаппо-Данилевский.

Лаппо-Данилевский был крупным ученым и оригинальным мыслителем. Он являлся представителем петроградской историко-юридической школы, но занимал в науке обособленное место. Сначала был позитивистом, а затем перешел на позиции неокантианства, т. е. стал, употребляя хорошо знакомую терминологию, “субъективным идеалистом”. В молодые годы он резко разошелся с “государственником” Платоновым, сохраняя всю жизнь напряженные отношения с ним. Никакого методологического влияния в области истории финансов, культуры, методологии исторического познания и в связи с этим – источниковедения и дипломатики. Разработанные им правила издания грамот Коллегии экономии явились крупнейшим достижением археографии. Академиком он стал удивительно рано для историка – в 36 лет. Он пользовался авторитетом у руководства Академии наук, а также в высших кругах кадетской партии, членом которой состоял. Это же обеспечило поддержку Союзу РАД со стороны двух министров народного просвещения Временного правительства – А.А. Мануилова и С.Ф. Ольденбурга.

В натуре Лаппо-Данилевского сложно переплетались высокая духовность, преданность идеалам науки и демократические убеждения – с холодной замкнутостью, отдававшей в молодые годы даже чопорностью. По словам Ольденбурга, он был “негибким человеком” в общении с людьми. Это вытекало, как считал И.М. Гревс, из предельно высоких научных и этических требований Лаппо-Данилевского к себе и другим, наука и этика в его сознании были неразделимы.

Но это неразделимое “этическое сознание”, добавим от себя, долгое время было эгоистичным, не принимало во внимание тех людей, которые не отвечали, по представлениям Лаппо-Данилевского, высокому статусу людей науки⁴.

Нам не удастся на этих страницах достаточно полно выяснить, каким образом выработался интерес теоретически мыслящего ученого к вопросам постановки и реорганизации архивного дела. В самом общем виде это можно представить как результат философских исканий синтеза “чистого” и “практического” разума, наложившихся на проявившуюся у зрелого Лаппо-Данилевского склонность заниматься организацией коллективных работ.

Но первые признаки интереса Лаппо-Данилевского к изучению архивов отмечаются уже в его студенческой рецензии на книгу В.И. Ламанского о венецианских архивах (1884 г.)⁵. Через несколько лет он, под впечатлением очередного издания Московского архива Министерства юстиции (посвященного в основном истории архивов – предшественников МАМЮ), попытался осмыслить общественно-историческое значение архивов с теоретико-историографических позиций. “Всякая попытка сохранить исторический материал от всепоглощающего времени представляется историку в высшей степени ценной”, – писал Лаппо-Данилевский, и представляет для него “особого рода специальный и субъективный интерес”. Если же встать на объективные позиции, продолжал рецензент, то внимание обращается на то, как образовывалось и развивалось учреждение (архив), которому были поручены “собрание и отчасти классификация исторического материала”. Что касается правительства, то степень его внимания в разные эпохи к архивам обнаруживает уровень его политического самосознания, понимания неразрывности уз, связывающих его с далеким прошлым. Далее этой проблеме придавался социально-психологический ракурс: показательно и отношение самого общества к архивам и их сокровищам, выражающееся в характере запрашиваемых справок и тематике научных занятий в архивах. В этом обнаруживаются следы общественных интересов современников к минувшему⁶.

С 1904 г. Лаппо-Данилевский наблюдал по линии Академии наук за деятельностью губернских ученых архивных комиссий и публиковал доклады, обобщавшие их отчеты. Ближе он встретился с организацией архивного дела в 1915 г., когда фактически возглавил в Русском историческом обществе Особую комиссию для обсуждения мер, касающихся порядка хранения местных архивных материалов. Комиссия рассылала своего рода методические указания, в частности, рекомендовала “соблюдать целостность архивных фондов”⁷. Однако с работой крупных архивов она фактически не соприкасалась. В 1916–1917 гг. Особая комиссия выпустила два тома “Сборника материалов, относящихся до архивной части в России” (Пг., 1916–1917. Т. 1, 2) – издание, не испытавшее никакого влияния археографических взглядов Лаппо-Данилевского. Это была перепечатка в основном нормативных актов и рассматривалась как сырой исходный материал, изучение которого должно было помочь анализу историко-юридической базы русского архивного дела и выработке основ его реорганизации.

Будучи избранным председателем Союза РАД, Лаппо-Данилевский благодарил за доверие и выразил надежду, что члены Союза как специалисты направят его “в работе и деле”, с которым он лично знаком лишь теоретически. К этому времени он преодолел в себе мучительные переживания, связанные с трудностью сближения с людьми другого интеллектуального строя, подчас стоявшими много ниже его в области научных знаний. Он стал доступнее, поскольку нашел единомышленников. Но все же оставался собой. В речи Лебедева, прозвучавшей в память Лаппо-Данилевского в мае 1919 г. после панихиды в собрании Союза, были такие слова: всегда корректный, сдержанный, строгий к себе, несколько замкнутый. “С поразительной искренностью, почти юношески молодой сердечностью откликнулся на приглашение (*далее зачеркнуто: группы*) инициаторов образования Союза российских архивных деятелей и с первых же заседаний вошел в их среду”⁸.

У них была единая цель – осуществить государственную реформу архивного дела на демократических началах. В этом сказался опыт предыдущих личных контактов и прилив февральской демократической волны. “Абсолютные ценности” неокантианства – идея “долга и свобода воли” – приобрели в данном случае новое конкретное содержание. Будучи убежденным конституционным демократом, Лаппо-Данилевский сразу установил равные и, по-видимому, доверительные отношения с членами Союза разных политических взглядов: от консерваторов-монархистов до левых либералов. Политических споров здесь не велось, хотя много раз обсуждались вопросы сохранности российского архивного богатства, которому угрожали нарастающая в стране политическая нестабильность и ухудшение положения на фронте. В 1917 г. лидерство Лаппо-Данилевского в Союзе РАД было бесспорным. Внутренняя оппозиция из числа сторонников Платонова сложилась в начале 1918 г.

Быстро проникаясь профессиональными интересами, Лаппо-Данилевский очень скоро отдал предпочтение архивистам при вступлении в Союз РАД, а не историкам, заинтересованным работой в архивах. Но эта установка не афишировалась, порой же провозглашалось чуть ли не противоположное. Не хотел Лаппо-Данилевский иметь в своем окружении лиц, в отношении которых к архивам видел элементы ненаучного подхода. Например, ловкого председателя Петроградской ученой архивной комиссии М.К. Соколовского, мгновенно перекрасившегося после Февральской революции из ярого монархиста в демократа, и публициста левого толка В.Л. Бурцева, подкупившего в довоенные годы в целях разоблачения провокаторов архивиста Департамента полиции⁹.

Весной 1917 г. один из учредителей Союза РАД Г.А. Князев (сотрудник Морского архива) проявил интересную инициативу, выступив на собрании Союза с двумя докладами. В первом докладе 29 апреля он предложил резко сократить объем секретных дел в архивах, а во втором – 13 мая – облегчить допуск в архивы “посторонних лиц” (исследователей) для научных занятий¹⁰.

В первом докладе Князев, пользуясь устаревшими сведениями, сгустил обстановку секретности в Государственном и Сенатском архивах. Его поправили, указав, в частности, что в Государственном архиве с 1916 г. свободно выдается все, кроме дипломатической переписки второй половины XIX в., а с разрешения министра выдается и она – “почти до последних лет”. И в Сенатском архиве объем секретных дел резко сокращен. Напротив, заведующий Синодальным архивом К.Я. Здравомыслов поддержал Князева: здесь секретных дел еще много. Правила секретности, сказал Здравомыслов, следует повсеместно пересмотреть и “определить это” (выработать общие установки) следует Союзу РАД.

В понятие секретности Князев вкладывал не только государственную, но и личную тайну. Он говорил о документах, переданных в архивы частными лицами с запрещением “опубликования на разные сроки лет”. Это не только личные документы, к которым применим закон об авторском праве, но и семейные собрания. Князев спрашивал, нельзя ли снять запрещение с семейных собраний, “если оно накладывалось дарителями или завещателями по условиям прежнего времени”? В ответ прозвучали возражения: необходимо оградить “частные интересы”, заложенные в документах о происхождении людей или затрагивающих интимнейшие стороны их жизни (например, переписка священника Иоанна Кронштадтского). Об этом говорили Здравомыслов и Ф.Г. Беренштам – заведующий библиотекой Академии художеств.

Лаппо-Данилевский, уточняя классификацию секретности Князева, выделил три вопроса: об официально секретных служебных документах, о лично секретных документах частных лиц, о “частных собраниях”, содержащих то и другое. Для дальнейшего обсуждения вопроса была избрана комиссия.

Во втором докладе Князев призывал упростить порядок допуска в архивы для ученых занятий: отменить подачу прошений, отказаться от практиковавшегося иногда “одобрения” высшего начальства, снять ограничения по признакам национальности и вероисповедания, имевшие место в Синодальном архиве. Все эти ограничения преследовали политико-охранительные цели. Теперь формальности следует ограничить до минимума, предоставляя право допуска самому начальнику архива. Вместе с тем, продолжал Князев, широко отворяя двери архивов людям науки, “необходимо тщательно оградить архивное имущество (документы часто назывались в то время “имуществом”, “инвентарем” архивов. – В. А.) от всяких случайностей”. Поэтому следует руководствоваться “одним соображением” – стремлением гарантировать сохранность и безопасность документов. В этих словах звучали врожденных страх архивистов за судьбу дел, положенных на стол потребителя информации, недоверие к людям с неизвестными или непонятными интересами. Поэтому, хотя внешне минимум формальностей доступа выглядел либерально, на самом деле Князев выступал с жестких по-

зий: необходимо оградиться от случайных лиц. Без каких-либо препон он предлагал допускать только тех, кто лично знаком архиву. От других требовалось предъявление удостоверения личности и “достаточной” рекомендации. Удовлетворительной считалась рекомендация ученых обществ и общественных организаций; еще желательнее – рекомендация Союза РАД, а лучше всего – члена совета этого Союза. Особенно осторожным следовало быть по отношению к иногородним¹¹.

Доклад Князева “вызвал горячий отклик всех членов Союза”. Вопрос признавался самым животрепещущим – “в особенности в ближайшее время ввиду возможности погони за сенсацией”. Выступавшие ссылались на французские и германские архивы, где рекомендации необходимы и весьма строг надзор за занимающимися лицами, чего в русских архивах совершенно нет. Отменить излишние формальности допуска необходимо, но нужно и сократить “количество приходящих лиц”, допуская лишь тех, кто действительно ведет научную работу.

В итоге собрание признало необходимым выработать общие для всех архивов правила, поручив это той же комиссии, что для обсуждения правил секретности. Срок был назначен минимальный – до следующего собрания Союза, где правила о допуске предстояло утвердить, а затем разослать всем ведомствам – “как основание для издания новых правил”.

Выдвинув и с интересом обсудив проблемы “секретности и допуска”, Союз РАД больше не возвращался к ним. Найти решения при отсутствии Государственной архивной службы было нельзя. Каждое ведомство видело в архивах свою собственность, а архивисты – члены Союза РАД – являлись чиновниками этих ведомств. Иностранные порядки они знали смутно. Опыт нормативно-методической работы был низким. Как соединить во всероссийском масштабе государственные и научные интересы? Не случайно эти же вопросы всплыли в мае 1918 г., когда совещание московских историков и архивистов рассматривало основы советской централизации архивного дела.

Здесь нет возможности уделить значительное место всем сторонам деятельности Союза РАД. Отметим, что весна и лето 1917 г. были временем его организационных забот, расширения личного состава, сбора информации о состоянии архивов в Петрограде, меньше – в Москве и провинции. Поступали тревожные сведения о гибели усадебных архивов помещиков¹², но Союз РАД никакой помощи оказать не мог, ограничиваясь пожеланиями доставить эти архивы в архивы губернских учреждений, сохранность которых казалась тогда надежной.

После утверждения (в июне 1917 г.) министром народного просвещения А.А. Мануиловым устава Союза было распространено обращение, написанное, вероятно, самим Лаппо-Данилевским. Там говорилось, что цель Союза – “объединение архивных деятелей на

общих принципах и методах работы”, “защита их профессиональных интересов”, забота о правильной постановке архивного дела в России, издание трудов по архивоведению, руководств по устройству, управлению и описанию архивов, забота по открытию кафедр архивоведения в высших учебных заведениях. Главная неотложная задача – объединение ученых, пользующихся архивными материалами, и архивистов, а также ученых архивных комиссий, обществ и учреждений Петрограда, Москвы и провинции, преследующих аналогичные цели. Необходимо создать мощную организацию, могущую заявлять правительству авторитетное мнение о мерах, “необходимых для правильной постановки архивного дела в России”¹³. Централизация архивного дела в обращении не упоминалась; вероятно, она имелась в виду в словах о правильной организации архивного дела. Но еще в апреле 1917 г. Лаппо-Данилевский докладывал Мануилову, что главные усилия Союз отдаст “организации централизованного управления архивным делом”. Тогда же министру было сказано, что, будучи учено-профессиональной организацией, Союз не сможет все же “отказаться от распорядительных функций”¹⁴. Четкости взглядов по проблеме централизации в общероссийском масштабе Союз выработать не успел, как это уже было сделано в проекте Самоквасова. Но его имя документы Союза обходили молчанием. В практике же Союза централизаторская тенденция вырождалась неоднократно в виде разрозненных пожеланий концентрировать отдельные архивы в безопасных хранилищах. Положение самого Лаппо-Данилевского было сложным. Его окружали профессионалы ведомственных архивов, мышление которых не было подготовлено к осуществлению кардинальной централизации архивного дела, не было освещено идеями общегосударственного архивного права.

Некоторые наметки юридического характера содержались в высказываниях междуведомственного совещания о положении губернских ученых архивных комиссий, состоявшегося 11 июля 1917 г., согласно постановлению майского экстраординарного общего собрания Академии наук. Предложение о созыве совещания исходило от Лаппо-Данилевского; он же председательствовал на нем¹⁵.

Собравшиеся констатировали бедность и правовую неопределенность архивных комиссий, призванных, как говорилось в журнальной записи, сохранить от гибели местные архивные материалы – правительственные, общественные и частного происхождения, а также собирать “материалы революции”. Ученые архивные комиссии были общественными учреждениями, но выполняли государственные функции и нуждались в государственном руководстве. Было решено ходатайствовать “по примеру прошлых лет” о субсидиях некоторым комиссиям. Затем “совещание склонилось к мысли о желательности по примеру Франции передать ведение архивным делом (в губерниях. – В. А.) из Министерства внутренних дел в Министер-

ство народного просвещения”. Однако оно признало, что решение вопроса об архивных комиссиях не является неотложным. Внимание совещания переместилось к более общим задачам: необходимости созыва осенью 1917 г. съезда архивных деятелей и разработки Союзом закона об управлении архивами (включающего новое положение о губернских архивных комиссиях). “Касаясь принципиальных оснований будущей организации архивного управления”, совещание приняло во внимание точку зрения академиков Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова (представителя названной исторической комиссии), что Академии наук затруднительно “взять на себя непосредственное руководство архивным делом в России”, и сочло желательным “создать центральный государственный орган с представительством от научных обществ, который руководил бы научной деятельностью всех местных органов и представлял бы годовые отчеты о ней Академии наук для сведения”. Как видим, дело как будто бы свелось на этот раз к ущербной идее создания подотчетного Академии наук органа управления провинциальными архивами. Сформулировано это явно неудачно и трудно сказать почему. На самом деле, и это подтверждает Лебедев, Лаппо-Данилевский выступал за создание центрального органа по типу *Commission des archives supérieures*, состоящей из представителей вузов, исторических и архивных обществ, объединяющей и координирующей деятельность всех исторических архивов как ученых учреждений¹⁶.

Другой важнейшей задачей руководство Союза РАД считало “статистическое обследование” архивов. В духе представлений того времени о статистике как “науке о силе и богатстве государства” статистическое обследование понималось как собирание сведений о составе, содержании и местоположении архивов. В этой связи, говорил Лебедев, Лаппо-Данилевский неоднократно высказывал идею создания “особого справочно-статистического карточного бюро обо всех архивных фондах, хранящихся в архивах”. По замыслу задача была глобальной. Ее решение дало бы наибольший эффект, если бы Союз РАД действительно получил бы “распорядительные функции”: собранная и организованная информация позволила бы ему не только знать содержание российских архивов, но и оказывать на них определенные функциональные воздействия. Было начато анкетирование (не завершившееся) петроградских архивов, первым итогом которого должен был стать справочник. Заметим, что собранный материал помог весной 1918 г. начать формирование петроградских отделений ЕГАФ.

Бескомпромиссную патриотическую позицию занял Союз РАД в вопросе о документах, на которые претендовала Ликвидационная комиссия по делам Царства Польского. Лаппо-Данилевский (он входил в состав этой комиссии) считал правильным возвратить будущей Польше только документы, вывезенные в порядке эвакуации во время мировой войны. Но это не распространялось на документы, поступившие в Россию раньше: они уже давно стали неотъемлемой

частью русских архивов, защищать целостность которых Лаппо-Данилевский считал своим профессионально-этическим долгом¹⁷.

“Это же мощное национальное переживание, – вспоминал Лебедев, – выявилось при обсуждении вопросов эвакуации (петроградских. – В. А.) архивов осенью 1917 г.”, вызванной немецким наступлением в Прибалтике. Правда, потом – в конце 1918 г. – А.С. Николаев писал, что эвакуация не требовалась и привела к дроблению и отчасти к гибели архивных материалов. Но Лаппо-Данилевский “категорически склонялся к мысли о необходимости вывоза из Петрограда крупнейших архивов и даже дел архивов ученых обществ, несмотря на все доводы о возможности их гибели в пути, лишь бы они не попали в руки врага”.

Большие надежды возлагались на общероссийский съезд архивных деятелей, который Союз предполагал созвать, как отмечалось, осенью, а потом перенес на рождественские дни 1917 г. На съезде предполагалось рассмотреть вопросы о выработке общего положения по управлению архивной частью в России; о централизации архивов и их устройстве, порядке хранения дел и о научном издании текстов документов; о положении губернских ученых архивных комиссий и епархиальных церковно-археологических учреждений (заботившихся, помимо прочего, собиранием и хранением древних документов); о служебном положении архивистов, их профессиональных интересах и об их научном образовании. Имелось в виду, что в условиях демократической России решения съезда – своего рода учредительного собрания архивистов (кстати, Лаппо-Данилевский являлся членом Комиссии по созыву Учредительного собрания), придадут дополнительные полномочия свободному научному обществу архивистов в работе по налаживанию российского архивного дела, повысят авторитет архивного дела в общественном сознании и самого Союза РАД. Тем самым возросло бы научное и общественное влияние самого Лаппо-Данилевского, чего он, безусловно, желал¹⁸.

В конце сентября 1917 г. кандидат в члены совета Союза К.Я. Здравомыслов (начальник Архива и Библиотеки св. Синода) обратился в совет Союза РАД обсудить его предложение, как следует в государственном масштабе единообразно поступать с архивами упраздняемых Временным правительством учреждений и ведомств. Существующее законодательство и распоряжения нового правительства, писал Здравомыслов, молчат об этом. Заметим, что и современное законодательство не содержит установок на этот счет. Непосредственным поводом написания записки Здравомыслова явились опасения за судьбу архива ликвидированного Главного управления уделов. Его намеревались поделить на части, а штаты распустить, о чем сообщил член Союза РАД Е.К. Оводов – заведующий архивом.

Здравомыслов выделил три типа “случая упразднений” учреждений и ведомств: полное, частичное, переход под новым названием в

состав другого ведомства. Каждый “случай” влек разные архивные решения, в основе которых лежала мысль: что бы ни происходило с учреждениями и ведомствами, их архивы остаются в прежнем целом состоянии. Здравомыслов просил совет Союза провести этот проект “в той или иной редакции и законодательным порядком”. После обсуждения записки 27 сентября 1917 г., совет Союза РАД поручил директору Главного архива МИД и Государственного архива кн. Н.В. Голицыну разработать на ее основе проект закона¹⁹.

Проект предназначался для рассмотрения министром народного просвещения биохимиком С.С. Салазкиным, вступившим в эту должность после отставки С.Ф. Ольденбурга в начале сентября 1917 г. Проект кн. Голицына открывался словами о том, что архивы упраздняемых или существенно реформируемых учреждений и ведомств должны сохраняться в своем полном составе. “Никакие дела из них не могут быть изъяты или уничтожены чьим-либо распоряжением”. В основном повторяя логику Здравомыслова, проект вводил и нечто новое, возлагая роль наблюдателя и арбитра при решении спорных вопросов на министра народного просвещения. Министр получал право приостанавливать передачи, если считал, что это нанесет ущерб архивам, а также санкционировать непредусмотренные законом передачи, если ведомства считали это удобным, исходя из характера дел или из соображений их сохранности. В целом проект оказывал предпочтение хранению дел в центральных ведомственных архивах, а не в архивах учреждений.

На министра народного просвещения возлагалась обязанность временного заведования архивами, потерявшими хозяев, — покуда не будет определено, какому ведомству их следует доверить. В конце проекта фигурировало, как бы между строк, несколько слов, говорящих, что все перечисленные обязанности возлагаются на министра народного просвещения “до образования особого управления архивною частью”.

В составленной к проекту закона объяснительной записке, автором которой также был кн. Голицын, высказывались дополнительные суждения. В частности, сделана попытка заложить основы понятийного аппарата для решения вопросов об архивах упраздняемых учреждений. Кн. Голицын назвал их “началами” (они похожи на принципы): “неуничтожаемость” таких архивов, “безотносительно к ценности и размерам архивных фондов”, и “неоставление таких архивов без хозяина...”.

Что касается обрисованной в проекте закона роли министра народного просвещения, то кн. Голицын объяснял ее тем, что это должностное лицо ближе всех в правительстве стоит “к вопросам охраны и разработки научных богатств государства”. И в будущем общем архивном законодательстве этому министру должна принадлежать, “по примеру французского законодательства”, руководящая роль при решении данных вопросов. Однако контуры “общего закона об архивном управлении” объяснительная записка рисовала

очень нечетко. Говорилось, что отсутствие централизации управления архивами постоянно негативно сказывалось на сохранности архивов, поскольку ведомства распоряжались ими бесконтрольно, “не учитывая того, что со сдачей в архив эти фонды становятся научным достоянием всего государства”. Поэтому будущий закон должен ограничить компетенцию ведомств в этом вопросе в пользу компетенции министра народного просвещения. В настоящем же частном законе этому министру предоставляется решающий голос в вопросах, возникающих в связи с ликвидацией учреждений и ведомств. Только “путем сосредоточения распорядительных функций в одном лице могут быть достигнуты плановость и единообразие в решении дел, выходящих... за пределы компетенции одного ведомства”. Записка заканчивалась словами, что в ведении Министерства народного просвещения находится Союз РАД, который может стать консультантом по вопросам архивного дела. “С образованием особого управления архивной частью, эта роль Союза архивных деятелей перейдет, естественно, к этому управлению, которое опять-таки как установление, преследующее преимущественно ученые задачи, должно будет перейти в ведение Министерства народного просвещения”.

Последний известный нам документ, относящийся к проекту данного закона, – письмо руководства Союза РАД министру Салазкину. Препровождая с письмом проект (об объяснительной записке не упоминалось) “на отзыв всех ведомств”, Союз РАД подчеркивал, что вопрос об архивах упраздняемых ведомств или учреждений необходимо “решать на основании нижеследующих принципов: 1. Неделимости архивов, ввиду важности с научной точки зрения сохранения архивных фондов в целом; 2. Неуничтожаемости его штатов...”.

Как видим, вместо неясной голицынской категории “начал” здесь фигурируют научные “принципы”, причем требование не оставлять архив “без хозяина” (подразумевающееся всей логикой проекта закона) заменено требованием сохранения штатов. По этому поводу говорилось, что их упразднение уничтожает преемственность научной разработки архива, который становится мертвым грузом на новом месте и на многие годы оказывается недоступным для научно-исторического использования.

Письмо не датировано; на нем стоит гриф “Спешное”, и это вызвано поступившим сообщением о том, что решение об упразднении и разделе архива бывшего Главного управления уделов уже состоялось. Союз РАД просил Салазкина добиться у Временного правительства отмены этого решения. Направлялся ли проект с этим письмом Салазкину, остается неизвестным. Но это не имеет большого значения. Дни Временного правительства были сочтены. Другое дело, что проект Голицына, опиравшийся на соображения Здравомыслова, представлял важный факт истории архивоведческой мысли, идей архивного права.

В данной работе нет возможности подробно осветить историю Союза РАД. Но одно необходимо подчеркнуть. Большой его заслугой явилось то, что ему удалось всего за несколько месяцев объединить петроградских архивистов, ранее мало соприкасавшихся друг с другом и подчас даже незнакомых между собой. Они ощутили духовную общность и профессиональное родство, и это способствовало тому, что в новых условиях советского строя весной следующего года им удалось за короткое время выработать проект кардинальной архивной реформы и приступить к успешной ее реализации.

Возникновение Союза РАД вызвало радостное отношение и светлые надежды у многих провинциальных архивных деятелей и краеведов. Стремясь расширить влияние Союза, Лаппо-Данилевский еще весной 1917 г. провел решение о приеме в его члены ряда известных (но порой понаслышке – не знали адресов и инициалов) московских архивистов, не спросив их согласия. Но в Москве к Союзу РАД отнеслись довольно прохладно. Возможно, здесь архивисты помнили причины конфликта Лаппо-Данилевского с Самоквасовым (попытку вывезти в Петербург коллекцию грамот Коллегии экономики), а также обиду, нанесенную академиком Шумакову. Сказывалось и общее противостояние московских и петроградских историков, и то обстоятельство, что Лаппо-Данилевский был неокантианцем, что ставило его в обособленное положение среди русских историков. В Москве имела место попытка образовать собственное, не оставившее, впрочем, заметных следов, объединение – Московский союз деятелей музеев, архивов и других научно-общественных хранилищ²⁰ (потом вместо “других...” – стало “библиотек”).

А.П. Пшеничный сильно ошибается, полагая, что перед Октябрьской революцией Союз РАД “управлял всеми петроградскими и московскими архивами”, что губернские ученые архивные комиссии, входившие согласно уставу Союза в его состав на правах коллективных членов, ведали губернскими архивами, что сфера деятельности значительно сузилась к началу 1918 г. под воздействием наркоматов и совдепов, в результате чего под управлением Союза остались “только архивы дореволюционных учреждений, не имевшие правопреемников в системе советского государственного аппарата: Государственного совета, Государственной думы, Совета министров, Временного правительства, Сената, Синода, Министерства императорского двора и др.”²¹. Здесь все неправильно. Союз РАД никогда не управлял ни одним архивом, хотя, как увидим, стремление к этому он проявил в начале 1918 г. Губернские ученые архивные комиссии, согласно уставу Союза, могли входить в его состав; многие из них так и поступили. Но местными архивами они не заведовали (кроме собственных “исторических архивов”, собранных ими самими).

Октябрьский переворот, глубоко омрачавший сознание архивистов, сопровождался “краногвардейской атакой” на архивы. Во все крупные петроградские архивы были назначены комиссары.

Не вызывает симпатии поведение наркоминдела Троцкого, равневшегося к свежим секретным дипломатическим документам “текущего” архива МИД, чтобы придать их огласке в ущерб национальным интересам России. Но он не знал, где они хранятся. Прибыв в здание МИД, рассказывал Троцкий в 1920 г., он потребовал покорности от чиновников, но “ушел не солоно хлебавши”. Тогда матрос Н.Г. Маркин арестовал кн. Татищева и б-на Таубе, “привез их в Смольный, посадил в комнату” и заверил Троцкого, что сумеет получить ключи от сейфов. Арестованные сопротивлялись. Но Троцкий знал, что Маркин имел опыт жестоких допросов, накопленный в следственной комиссии Петросовета. Троцкий говорил об этом достаточно откровенно: там применялись “некоторые методы, которые не нравились тогдашним меньшевикам и эсерам”. Маркин использовал эти методы “весьма успешно”.

Через два часа начальник канцелярии министерства Б.А. Татищев сдался. Он “провел нас по всем комнатам, отчетливо показал, где какой ключ, как его вертеть и т. д.”. Это были бронированные комнаты с “несгораемыми шкапами”. Здесь Троцкий обнаружил свою серость. Он думал, что современные секретные документы должны быть написаны на пергаменте, а оказалось, что это прозаические на вид расшифровки телеграфных передач. “Маркин приступил к их изданию”. Он был малограмотный человек: “писал с ошибками”²².

В это же время директор объединенного Государственного архива и Петроградского архива МИД кн. Н.В. Голицын лично отдал ключи от хранилищ Троцкому²³, опасаясь, видимо, репрессий. Сотрудники объединенного архива, как и все чиновники МИД, забастовали. “Настроение бастующих крепкое”, — писал Голицын в МГАМИД С.В. Белокурову. Но неясность собственной судьбы омрачала его настроение: “Вернусь ли я на старое место, не знаю, по газетам на мое место назначается пр[иват]-доц[ент] Покровский”²⁴. Письмо от 24 ноября 1917 г. Это был первый сигнал о стремлении Покровского захватить власть в архивах. Пока еще только объединенным архивом МИДа и Госархива.

Троцкому в чем-то подражал Луначарский. Но показаться в Министрстве народного просвещения он боялся и послал туда через несколько дней после переворота на разведку “расторопного” журналиста левого эсера В.В. Бакрылова (позднее подвизавшегося в театральных наркомпросовских кругах по репертуарной части). “Бакрылов кипятился ужасно”. С его слов, истопники, дворники и курьеры министерства готовы встретить Луначарского с криками восторга, но чиновников почти не осталось, кроме “допотопных архивариусов” и пожилых регистраторш. (Бакрылову в голову не пришло, что они остались охранять документы.) Но и те заявили ему, что, как только “ненавистный Луначарский переступит порог дворца у Чернышева моста, они уйдут оттуда... и посмотрят, каким образом ему и его невежественным большевикам удастся пустить в

ход сложную машину”, веками “ведавшую просвещением народов российских...”²⁵.

“Допотопные архивариусы” – выражение оскорбительного отношения к профессии архивистов. Кстати, управляющему архивом А.С. Николаеву был тогда 41 год, его ближайшему помощнику И.Л. Маяковскому – 40 лет; Снигирев, Оксман, Макаров, Полянская и другие были значительно моложе. Эта группа архивистов вскоре сыграла выдающуюся роль в архивной реформе 1918 г. Они были членами Союза РАД (Полянская вступила позже), но по складу мышления тяготели не к Лаппо-Данилевскому, а к Платонову, с которым были тесно связаны работой по научному описанию своего архива еще с 1915 г.

Предупрежденные кем-то архивисты не захотели лицеизреть наркома, покинули архив (находившийся в здании министерства), и Луначарский держал речь перед ликующими дворниками. Во время первого заседания Наркомпроса – в кабинете министра – внезапно “вошел молодой человек с густой бородой... Лицо его было перекошено от волнения, смешанного с бешенством”. Это был посланник “бежавших чиновников” (надо думать, архивист, поскольку других чиновников в министерстве уже не было). Он выразил негодование, сказав, что Луначарский и его спутники – губители “достославной Февральской революции” и народного просвещения. Бакрылов пытался арестовать его, но тот “энергично заявил, что они никогда не сдадутся, и ушел”²⁶. Кто бы это мог быть? Бакрылова судьба показала: в 1922 г. он покончил самоубийством.

Петроградские архивисты включились во всеобщую забастовку протеста государственных служащих, но страх за оставленные без надзора документы вынудил некоторых из них возвращаться на работу, хотя это нарушало этику солидарности чиновников. В конце января 1918 г. Союз РАД принял обращение к “Союзу Союзов” с просьбой разрешить архивистам выйти на работу.

Сам же Архив Министерства народного просвещения попал, по словам А.С. Николаева, в руки невежественного комиссара, помощником и наставником которого стал министерский сторож-мальчишка. Архивом Министерства земледелия командовал матрос, признавший его “ненужным хламом, подлежащим сожжению”. Здание Синодального архива предполагалось передать авиационной школе. В ужасном состоянии находились некоторые полковые архивы и музеи, “разгромленные и распроданные товарищами”. (“Товарищами” документы того времени называли, как правило, большевиков.) Остальные петроградские архивы находились тогда, по данным Союза РАД, в относительной безопасности.

В Москве положение было хуже²⁷. Центр города во время боев подвергался артиллерийскому обстрелу. Но некоторые снаряды рвались на окраинах. Сотрудник Московского архива Министерства юстиции Н.П. Чулков писал 15 декабря в Петроград Б.Л. Модзалевскому: “Пришлось пережить жуткие дни, около недели день и ночь

быть под обстрелом... Один снаряд попал в соседнюю клинику” – на Девичьем Поле. “Едва прозвучал последний орудийный выстрел”, в архив явился военный отряд и реквизировал часть помещения. Мне, продолжал Чулков, как товарищу председателя (Московского) Союза деятелей музеев и архивов “пришлось организовывать протест”. Историк Покровский приезжал в МАМЮ, обещал добиться очищения помещения – “но идет уже пятая неделя...”. Если междоусобия возобновятся, “нам грозят неприятности, вплоть до гибели всего нами охраняемого”²⁸.

Захват Кремля сопровождался разгромом Московского отделения архива имп. двора и губернского Архива Старых дел, хранившихся в Троицкой, Никольской и Арсенальной башнях. Два снаряда попали в Патриаршую ризницу. Мстиславово евангелие было засыпано известью и осколками стекла, пострадал “драгоценный оклад с его чудными византийскими эмалями... оказалась выбита нижняя часть финифтяной миниатюры XI в., в левом верхнем углу оторвана нижняя застежка со спнем и приподнятым небольшим разрывом край скани внизу оклада”²⁹. В ноябре Мстиславово евангелие было передано в Патриаршую библиотеку и этим спасено от гибели при разгроме Ризницы в январе 1918 г.

Сведения из лагеря большевиков на этот счет скупы. Прибывшие в Кремль сразу после боев П.П. Малиновский (ставший вскоре nasledником московских дворцовых владений бывшего Министерства императорского двора – наркомом государственных имуществ) и его подручный Е.В. Орановский отправились в обход главных кремлевских хранилищ. Их сопровождал хранитель Оружейной палаты камергер В.К. Трутовский. «В башнях Троицкой, Никольской и других находились архивы, предоставленные сами себе с начала вооруженного восстания. Около Никольских ворот были остатки костров с обуглившимися книгами реестров каких-то древних “приказов”. Часовой сообщил, что в угловой башне “книг этих страсть сколько”»³⁰. Речь шла о губернском Архиве Старых дел. Заметного интереса Орановский к нему не проявил, но сказанное им само по себе выразительно.

Больше информации содержат сведения, полученные по каналам союза РАД, газетные сообщения, материалы, подготовленные архивистами несколько позже, – для хроники журнала “Исторический архив”.

В январе 1918 г. кн. Н.С. Щербатов (товарищ председателя Российского исторического музея, а фактически его директор) писал А.И. Лебедеву, что в музее все цело, хотя “повреждений от пуль в стеклах, потолках, стенах (в отделке их) много”. Находящееся же рядом Московское отделение Архива имп. двора в Троицкой башне “в Октябрьские дни пострадало не так от обстрела, как от товарищей”. Архив же в Никольской башне (дела губернского правления, генерал-губернатора) “очень пострадал от товарищей”, дела пачками бросались в костер у Никольских ворот. Что касается губернско-

го архива “в Круглой башне (угольная против музея)”, то он не пострадал³¹.

Сообщал Щербатов и об архиве Охранного отделения и жандармского управления, а также об архиве Варшавского генерал-губернаторства – они полностью сосредоточены в Историческом музее: “Я для спасения их уступил под них новый наш читальный зал. Все цело, даже и 1-й из них, где был поджог (в дни Февраля. – В. А.), и тот почти не пострадал. Все это находится в ведении Особой комиссии под ведением Мельгунова и проф. Сторожева. Почти все разобрано и в большом порядке. Мы (музейные работники. – В. А.) этого совершенно не касаемся”. Щербатова волновали опасения, “что на Варшавский архив предъявлено будет требование со стороны Польского комиссариата, представители которого принимают участие в его разборе – вернее сказать, этот архив разбирается всецело ими”³². Волнения за судьбу Варшавского архива, сложившегося в результате деятельности русских чиновников, сродни переживаниям членов Союза РАД, о которых говорилось выше.

Теперь подробнее о том, что произошло с московским дворцовым архивом в Троицкой башне. Первоначальные сведения об этом докладывались на собрании Союза РАД 28 января 1918 г. В случившемся разгроме канцелярии и разгроме архива «фатальную роль... сыграла отправка из Петрограда во время осенней эвакуации Гофмаршальской частью винных запасов из Зимнего дворца в ящиках с надписью “Архив”». Но на следующий день после собрания в Петроград добралось сообщение архивариуса Б.С. Пушкина. Оказалось, что потери собственно архивных дел не были столь опустошительными, как сообщалось раньше. “Пострадали более результаты многолетней культурной работы”, выполненной архивом: “главным образом алфавитные указатели (карточные)”, треть которых выброшена громилами из ящиков, частью – затоптана и испорчена, совсем уничтожена – выброшена из окон³³. Значительно пострадали дела архивной канцелярии (10%), библиотека – “особенно отдел журналов”. В самом же архивохранилище “громилы хозяйничали поверхностно”, погибло около 50 дел³⁴.

Неприглядные подробности разгрома Московского архива имп. двора мы находим в орловской газете. (Вырезка сохранилась в делах Союза РАД.) “Вандалы нашей революции прошли тяжелой поступью по всем его (архива. – В. А.) отделам. Они разломали замки”, уничтожили ценные документы – “столбцы”, написанные дьяками XVII в. “Особенно пострадала канцелярия архива: здесь все дела изорваны, а столы, стулья и шкафы превращены в бесформенные обломки. Нечего и говорить, что деньги и вещи чинов архива – исчезли! В других отделах почти та же картина. Бумаги вынуты из папок и разбросаны. Со старинных переплетов содрана кожа, вероятно для спекулятивной продажи на рынке. Миниатюры и художественные заставки страниц – вырваны. Сверх того, почти все пространство полок в семи этажах башни покрыто экскрементами. Очевидно, тут не только грабили, но и глумились”³⁵.

Итак, этот архив наиболее пострадал из всех своих архивных московских собратий. После архивной реформы он стал 2-м московским отделением I секции ЕГАФ. Но его мытарства не кончились. В справке, составленной С.Н. Кологривовым и Б.С. Пушкиным в октябре 1918 г. для раздела хроники журнала "Исторический архив", говорится, что начало весны ознаменовало "новое стеснение" архива. Это было связано с переездом в Кремль Совнаркома, но справка сообщает другими словами: "В целях военно-стратегических военная власть в Кремле заняла часть только что приведенной в сносный вид канцелярии" – поставила там пулемет с постоянным расчетом. В июне была захвачена вся канцелярия, которую пришлось в конце концов перебазировать в Кавалерский корпус³⁶.

Особые события развивались в МГАМИД, располагавшемся рядом с Кремлем.

В декабре 1917 г. МГАМИД был фактически захвачен присланным Троцким комиссаром, слесарем В.К. Евенко, которого сопровождал вульгарный В.М. Фриче³⁷ – комиссар по иностранным делам Моссовета. Старейший сотрудник архива член-корреспондент Академии наук С.В. Белокуров, избранный 1 декабря председателем Союза служащих архива, отказался подчиниться комиссарам, которые объявили его и всех других сотрудников уволенными³⁸. Ключи от хранилищ комиссары получили, вопреки Белокурову, тайком от смотрителя зданий (как деликатно сказано в одном документе, человека "нервного и неуравновешенного характера")³⁹. Комиссары, видимо, искали "секретные договоры" (наподобие тех, что были найдены в Петроградской канцелярии МИД), не имея представления о том, что исторический профиль московского архива исключал наличие политически актуальных документов. Особенно их заинтересовала надпись "Вскрыть через 40 лет". Хотя ничего разоблачающего буржуазию найдено не было, Фриче не хотел расставаться с ключами. Он не раз приезжал в архив, распечатывал ящики, но, притворяясь интеллигентным человеком, в разговорах с Белокуровым пытался свалить вину на давление со стороны Евенко. Однажды он обронил фразу, что намечается "децентрализация управления музеями и архивами". Это означало стремление вывести московские историко-культурные объекты из подчинения Петрограду: своеобразный советский московский сепаратизм, с проявлениями которого мы еще встретимся.

Еще 5 декабря 1917 г. общее собрание служащих МГАМИД постановило присоединиться к позиции "аполитичности всех национальных государственных хранилищ искусства и старины" и не принимать участия в забастовках, оставаясь на работе "в целях охраны вверенного им национального достояния". Это позволило коллективу архива, сохраняя внутреннюю автономию, согласиться на переход в ведение Комиссии по охране памятников при Моссовете. В середине апреля 1918 г. Союз служащих архива единогласно избрал Белокурова директором.

Автономия другого типа возникла в МАМЮ, где в январе 1918 г. заседала “архивная корпорация”, состоявшая из квалифицированных специалистов. Но в марте на общем собрании служащих (председатель – управляющий архивом Д.В. Цветаев) было решено создать “коллектив” и коллегиальное управление – по образцу МГАМИД и Румянцевского музея. При голосовании один человек (не сказано, кто – Цветаев?) покинул собрание⁴⁰.

Крушение надежд на демократическое развитие русского общества и страх за судьбу национального архивного достояния повергли архивистов в шоковое состояние. Однако патриотические чувства и профессиональный долг требовали принятия реальных мер по спасению документального наследия, чтобы дать возможность потомкам, опираясь на исторические факты, воссоздать Великую Россию. Потрясенные свершившимися на их глазах событиями, они понимали также необходимость сохранения свежего необработанного материала, валявшегося в заброшенных канцеляриях, способного впоследствии открыть истинные причины и обстоятельства несчастий, обрушившихся на их поколение.

А.С. Николаев со свойственной ему метафорической патетикой писал об этом в декабре 1918 г.: “Чувствовалась настоятельная необходимость обратиться с громовым словом увещевания к широким массам, убеждая их не уничтожать свое собственное, драгоценное, не восстанавливаемое уже ничем имущество. Существовавший в Петрограде Союз российских архивных деятелей и отдельные лица были бессильны что-либо предпринять в этом отношении”.

С “громовым увещеванием” по поводу архивов в России никто никогда не обращался. Остается неясным, надеялись ли архивисты на чей-то персональный могучий общественный авторитет или слова Николаева были свежими воспоминаниями пережитого в первые послеоктябрьские месяцы мучительного желания ниспослания свыше чудодеев? Так или иначе, но в среде архивистов вызревало сознание неизбежности поиска опоры на структуры реально существующей советской власти. Вопреки испытываемому отвращению к ней, обстановка толкала архивных деятелей к контактам с ее представителями. Союз РАД в этом отношении был неоднороден.

Вопрос заключался в том, какого рода контакты с новой властью допустимы и полезны для дела? Требовались защита архивов, денежные средства, восстановление архивистов на службе и получение автономии, которая понималась прежде всего как свобода в приеме и увольнении служащих, независимость в бюджетном отношении, делопроизводстве и допуске ученых для занятий с документами⁴¹.

Первый шаг в этом направлении сделал отстраненный от должности директор объединенного Государственного и Петроградского архива МИД кн. Н.В. Голицын (заместитель Лаппо-Данилевского по Союзу РАД). В январе 1918 г. он вступил в контакт с руководством НКИД, пытаясь вывести свой архив в непосредственное ведение

Союза РАД. Заместитель наркома Г.В. Чичерин, а фактически в тот момент глава дипломатического ведомства (в прошлом сотрудник этого архива) “вполне этому сочувствует”, отмечал кн. Голицын, но без согласия Луначарского принять решения не может. Желание Голицына усиливалось проникшими в петроградские газеты опасениями, что Государственный архив собирается возглавить большевик приват-доцент М.Н. Покровский. Если бы перевод архива в ведение Союза РАД удался, то это стало бы, возможно, началом реализации идеи сосредоточения в Союзе РАД не только научных, но и распорядительных функций.

Эта же идея возобладала на первом после Октябрьского переворота собрании членов Союза РАД 28 января 1918 г. Оно началось с обсуждения предложения Постоянного совещания представителей ученых обществ и вузов при Академии наук направить соответствующее письмо президента Академии наук А.П. Крапинского на имя А.Н. Бенуа (который, как тогда надеялись, возглавит наркомпросовский Государственный совет по делам искусства). В проекте письма к Бенуа содержалась просьба содействовать “в устранении всех препятствий для восстановления нормальной научной работы архивов” и оградить их “от разрушений, разграблений, захватов их помещений и т. п.”⁴². Думается, это предложение исходило от Лаппо-Данилевского (хотя докладывал не он, а представитель названного Постоянного совещания). Однако члены Союза РАД, согласившись сначала с содержанием письма, сочли, что обращаться с ним следует к самому Луначарскому. Это отвечало в то время представлениям значительной части интеллигенции о Луначарском, как своего рода светлом пятне на фоне других комиссаров⁴³.

Детали дальнейшего обсуждения этого вопроса в протоколе не отражены. Но в целом он показывает, что к концу собрания была осознана необходимость обратиться к Луначарскому в другом ключе, нежели к Бенуа. Подготовка обращения и формирование делегации поручались совету Союза, “выработать мотивированное заявление Луначарскому о положении всех архивов и заявить ему о необходимости объединения архивов в научно-техническом отношении в ведение Союза”, предоставив крупнейшим архивам внутреннюю автономию.

Конкретизируя решение собрания, совет Союза 30 января (ст. ст.) 1918 г. после выступления Лаппо-Данилевского постановил, что “...обращение к этой власти не должно содержать предложения (далее около 40 слов густо зачеркнуты. – В. А.) коренного реформирования постановки архивного дела в России” – эту задачу Союз РАД не хотел выпускать из своих рук, – а должно содержать лишь “заявление”, точнее сказать, требование, срочно принять меры “по вполне конкретным случаям, угрожающим целостности архивных фондов и исторических материалов”, предоставить автономию архивам (между строк вписано: Государственному, Министерству народного просвещения и Министерства земледелия –

последнему угрожала особая опасность, поскольку в советских кругах муслировалась мысль уничтожить все документы о помещичьей собственности на землю) с передачей этих архивов в ведение Союза РАД. Сохранить за ними помещения и фонды. Обеспечить преемственность ученых работ в архивах, объединить однородные фонды, в том числе военные, в центральных или общих ведомственных архивах, влить некоторые “конкретные архивы” в другие. В эти слова о слиянии архивов можно уловить следы проекта Голицына. Но в них же были зачатки решений, связанных с будущей глобальной централизацией архивов.

Далее в постановлении 30 января говорилось, что от Луначарского требуется обеспечить финансирование и неприкосновенность ученых архивных комиссий с их “учреждениями” (т. е. архивами и музеями). Вопросы архивных штатов и бюджетов совет Союза должен был проработать до личной встречи с Луначарским. Далее собрание сформулировало принципиальную установку, отражающую, скорее всего, позицию Лаппо-Данилевского: если при встрече возникнет вопрос об образовании Совета по архивным делам как органа центрального управления, указать Луначарскому, что обсуждать его делегация не уполномочена, так как он “подлежит разрешению на съезде архивистов”. Если же (что ожидалось) возникнет вопрос “об организации отношений Союза с современной властью”, то согласиться на ввод правительственного комиссара на общие собрания Союза с правом решающего голоса, но отклонить назначение комиссаров в сами архивы. Этот протокол Лаппо-Данилевский не подписал. В глубине души он был против всяких контактов с советским наркомом⁴⁴. Поэтому Лаппо-Данилевский от встречи с Луначарским уклонился, объяснив 23 марта 1918 г. членам совета Союза, что делегация не сумела ее добиться, поскольку этому помешало начало эвакуации советского правительства и “в связи с общим ходом политических событий”⁴⁵. Первая часть объяснения не выдерживает критики: решение об эвакуации было принято только 26 февраля (нового стиля); правительство вышло в Москву еще через две недели, а Луначарский вообще Петрограда не покидал⁴⁶. Судя по характеристикам современников, делегацию он, безусловно, принял бы⁴⁷. Другое дело – слова Лаппо-Данилевского о “политических событиях”. А это были нарушение немцами перемирия 18 февраля, брестские переговоры, возможность захвата Петрограда, подписание 3 марта позорного договора, его трудная ратификация 15 марта, тайное бегство СНК из Петрограда. Все это вселяло надежду на непрочность советской власти и укрепляло нежелание Лаппо-Данилевского вступать в контакт с большевиками.

Итак, Лаппо-Данилевский не выполнил решения Союза РАД, не вступил в контакт с официальным руководством в ведомстве народного просвещения, хотя большинство организованных архивистов в Петрограде (не мирившись в душе с переворотом) смотрело на большевиков не только с политической, но и с прагматической точки зрения: может быть, они способны содействовать спасению архивов?

Как раз в этот момент в узком мире петроградских архивных деятелей произошло неожиданное событие, которое произвело на них сильнейшее впечатление, возбудило новые надежды. Как увидим, последствия того, что произошло в конце марта, для русского архивного дела, исторической науки и вообще для русской культуры были громадными.

В петроградских газетах появилось сообщение о назначении Совнаркомом Петроградской трудовой коммуны “уполномоченного по ликвидации и реорганизации архивов” – Д.Б. Рязанова. Именно это известие побудило совет Союза РАД на том же заседании 23 марта (сразу после сообщения Лаппо-Данилевского о несостоявшейся встрече с Луначарским) принять важные решения: во-первых, вообще отказаться от такой встречи, а во-вторых, выяснить цели и задачи, возложенные на Рязанова. И если будет установлено, что он является представителем Союза профессиональных организаций, направить к нему делегацию “для заявления о мерах, необходимых для упорядочения положения архивов”, сформулированного так, как это собирались изложить Луначарскому⁴⁸. Стало быть, и с профсоюзным советским деятелем Лаппо-Данилевский также не собирался обсуждать вопрос о реформе архивного дела. Речь должна была идти только о конкретной помощи архивам и архивистам в данный момент. Но столь твердую позицию занимал, вероятно, лишь один Лаппо-Данилевский, а также, возможно, Лебедев. Другие члены совета Союза, скорее по привычке, подчинялись авторитету председателя.

Через день кн. Голицын – второе лицо в руководстве Союза – прислал с нарочным важное письмо Лебедеву: “Я сегодня повидался с Рязановым и имел с ним неожиданно для себя весьма продолжительную беседу. Он очень желает изложить свою программу в совете Союза архивных деятелей” и просил это организовать скорее, лучше всего – в четверг (27 марта). Из письма видно, что Голицын многое рассказал Рязанову о деятельности и задачах союза, а может быть, об устройстве архивов, которые он лично возглавлял (Государственный архив и Петроградский архив МИД). Рязанов обнаружил явное стремление “руководствоваться... указаниями Союза”. Благоприятное впечатление на Голицына произвели слова Рязанова, что в его назначении “какую-то роль сыграли” П.Е. Щеголев и В.И. Срезневский – занимавшиеся, как известно, в 1917 г. сбором и охраной документов полицейских архивов⁴⁹. По словам Рязанова, они должны были сообщить о его назначении Лаппо-Данилевскому. Передавая эти слова, Голицын давал понять Лебедеву, что Лаппо-Данилевский был заранее в курсе дел. (Но, судя по тексту журнала совета, промолчал об этом.) С учетом этого становится понятным, почему данное письмо кн. Голицын направил секретарю совета Союза, а не самому Лаппо-Данилевскому. Рязанов просил Голицына доставить ему устав Союза, список членов, записку, предназначавшуюся Луначарскому, и “все проекты”, например, проект закона об архивах упраздняемых учреждений.

«Производит он впечатление вполне культурного человека, ставит себе целью восстановить работу бездействующих архивов, а под словом “ликвидация” имеет в виду только архивы упраздняемых учреждений», – заверял Голицын Лебедева⁵⁰.

Но это было не все важное, что Рязанов высказал в беседе с кн. Голицыным. На экстренном заседании совета Союза 27 марта (еще до прибытия Рязанова) Голицын воспроизвел слова Рязанова, что в его задачу входит “централизация управления архивами как ученых учреждений” и восстановление на службе архивистов, уволенных в связи с забастовкой⁵¹.

Не приходится сомневаться в том, что беседа была полезна обоим. Рязанов получил ценнейшую информацию о положении архивного дела и грандиозности задач по его совершенствованию, а Голицын ощутил мощный интеллектуальный потенциал неопита Рязанова и проникся доверием к нему.

Экстренное заседание совета Союза открылось 27 марта в малом конференц-зале Академии наук до прибытия туда (как было условлено) Рязанова. В его отсутствие Лаппо-Данилевский стремился выработать общий настрой присутствующих на предстоящих переговорах.

Журнал заседания содержательно рассмотрен Л.В. Ивановой, справедливо считающей, что “это уникальный документ, запечатлевший один из переломных моментов в сознании группы ученых”⁵². Но и нам не обойтись без этого текста, написанного Лебедевым. Посмотрим сначала, о чем говорилось до прибытия Рязанова.

Во вступительном докладе Лаппо-Данилевский снова ограничил предмет переговоров вопросами о мерах, необходимых для улучшения положения архивов. Но в последующем выступлении кн. Голицына говорилось, что Рязанов ставит более широкую задачу – централизацию управления архивами. Далее было заслушано “объяснение” Б.Л. Модзалевского, нам уже известное: инициатива назначения Рязанова принадлежит не “большевистским кругам”, а лицам, причастным к “историческим и литературным кругам”, – П.Е. Щеголеву, отчасти В.И. Срезневскому и другим (кто эти “другие”, не отмечено). Текст “объяснения” Модзалевского почему-то зачеркнут Лебедевым, хотя это логически противоречит преамбуле принятого вслед за тем постановления: “Принимая во внимание, что назначение Рязанова вызвано указанными причинами и что он (далее зачеркнуто: первый) заявил о желании войти в контакт с советом Союза и работать, опираясь на Союз, приветствовать его назначение...”.

Л.В. Иванова заметила, что “за академической вежливостью” данного постановления “стояло желание диктовать свои условия”⁵³. В частности, указать Рязанову, что “вопрос об общей постановке архивного дела надлежало бы поставить в зависимость и связь с созывом съезда”, подчеркнуть “необходимость признавать и уважать внепартийность архивной работы” и научное ее значение,

“необходимость автономии крупных центральных архивов в смысле независимости от комиссариатов в бюджетном отношении, делопроизводстве, допуска для занятий”, неуничтожаемости и неприкосновенности архивных фондов и помещений архивов, организации охраны, отпуска кредитов, необходимости крайней осторожности в решении судьбы архивов упраздняемых учреждений – “в смысле передачи их (в) центральные ведомственные архивы”. Как видим, стремление “диктовать” выражало общее представление о признаках правильной постановки архивного дела, сложившееся в Союзе РАД.

Продолжением мысли о необходимости архивного съезда явилась компромиссная установка, сформулированная, на наш взгляд, недостаточно четко, но, по-видимому, понятно собравшимся членам совета Союза: поддержать мысль о централизации управления петроградскими архивами как “временную переходную меру” по пути к созданию Центрального (общегосударственного? – В. А.) архивного управления – вызванную “эвакуацией правительственных учреждений и власти в Москву”⁵⁴.

Прервав чтение журнала от 27 марта и попытаемся рассмотреть фигуру самого Рязанова, возникшую перед взорами архивистов неожиданно не только для них, но и для самого Рязанова. Это нелегкая задача. Она нам в полной мере не удастся, поскольку монографической литературы о нем нет, а существующие отдельные работы политизированы и тенденциозны, не дают полной объективной картины. Фактически не изучена и его недолгая работа в архивном ведомстве (1918–1920). Придется ограничиться несколькими словами, не упуская главной задачи: показать, в чем можно усмотреть задатки будущей успешной деятельности Рязанова на архивном поприще, в том числе – в аспекте межличностных отношений с людьми совершенно иного менталитета – русскими историками и архивистами.

В литературе Рязанов характеризуется как человек выдающегося интеллекта, основатель научного марксоедоведения, историк I Интернационала, автор работ по истории русской революционной мысли и профсоюзного движения, сотрудник русских и немецких социал-демократических изданий. Уже на грани XIX и XX столетий «он считался (в левых кругах. – В. А.) энциклопедически образованным человеком» и “теоретиком”, редко выступавшим с модными в ту пору “рефератами”⁵⁵. Некоторое время партийной кличкой Рязанова была “Буквоед”. Присутствующий здесь иронический оттенок отражал, вероятно, отношение русских марксистов (не утруждавших себя обычно аналитическим вчитыванием в источники и литературу) к характеру исследовательских занятий Рязанова. Думается, что эта кличка была приятна Рязанову. Он иногда пользовался ею как псевдонимом. Ведь буквоед – противник голословия, искатель фактуального подтверждения выводов и умозаключений⁵⁶. К 1918 г. Рязанов имел около 40 опубликованных работ по своей тематике⁵⁷.

Поражает то, что Рязанов не имел даже среднего образования. Одесскую гимназию он бросил и в университет, конечно, не поступал. Как образно отозвался в дни 60-летнего юбилея Рязанова М.Н. Покровский – один из его сильнейших завистников и недоброжелателей, – свой аспирантский стаж Рязанов прошел “в камере одиночной тюрьмы”⁵⁸. (Дореволюционный тюремный стаж Рязанова составил около пяти лет.)

Политический портрет Рязанова: левый социал-демократ европейского толка, часто колебавшийся между большевиками и меньшевиками, но желавший их единства. Поэтому в 1913 г. стал “межрайонцем”. В Россию из эмиграции вернулся после Февральской революции. В августе 1917 г. вступил вместе с другими “межрайонцами” в РСДРП(б). Но “классическим” большевиком по внутреннему настрою не стал. Уже через месяц он признался старому знакомому С.А. Раппопорту – члену Петроградской городской думы, “что очень раскаивается в том, что оторвался от своих научных работ и приехал в Россию”⁵⁹. Если вдуматься в смысл сказанного, то в этих словах подспудно звучало сожаление о вступлении в большевистскую партию⁶⁰.

В дни Октябрьского переворота Рязанов котировался на должность наркома торговли и экономики, но отказался, сказав доверительно Дж. Риду, что “ничего не смыслит в бизнесе”⁶¹. Есть сведения, что некоторое время Рязанов подвизался на посту вроде бы наркома, а скорее, просто комиссара путей сообщения. Как член ВЦИКа и петроградский профсоюзный деятель, он участвовал в переговорах с непокорным Викжелем, причем нарушил директиву большевистского ЦК, согласившись продолжить обсуждение вопроса о включении в советское правительство представителей всех партий, представленных в советах⁶².

Известна чрезвычайно интересная психологическая зарисовка поведения Рязанова на одном из заседаний этого совещания. Автор заметки, хорошо знавший Рязанова в прежние годы, был поражен: Рязанов неожиданно показал себя человеком, “совершенно не умеющим владеть собой”: горячился, стучал по столу, обзывал всех несогласных контрреволюционерами, намекая, что их провокационное поведение может повлечь арест. “Так истерически он держался все время заседания”. На прозвучавшее предложение создать новый Предпарламент, представляющий все социалистические партии и органы городского самоуправления, который изберет новое правительство без участия большевистских вождей, Рязанов ответил “пламенным” возражением: “Как? Исключить из состава правительства Ленина и Троцкого? Этих победителей контрреволюции! Как? Допустить в новый Предпарламент целую треть городской думы, в которой сидят кадеты и черносотенцы?”⁶³.

Тем не менее большевистское руководство обвинило Рязанова в двурушничестве. Политическое комментирование происходившего на викжелевском совещании – не наша задача. Да это нам и неин-

интересно. Важно другое, Рязанов не чувствовал убежденности в правоте тех позиций, которые он был вынужден отстаивать в силу партдисциплины. Амплуа диктатора ему не было свойственно, отчего наступил психологический срыв и его поведение стало резко контрастировать с прежним “добольшевистским” обликом. Искренним он был, по-видимому, в категорическом неприятии государственного сотрудничества с кадетами и “черносотенцами”, в которые большевики зачисляли тогда всех, кто правее кадетов.

Официальная историография резко упрекала Рязанова (И.С. Смирнов называл его “марксистствующим меньшинством”) за то, что он безуспешно протестовал в начале ноября 1917 г. во ВЦИК против декрета, отменившего свободу печати и запретившего газеты, выступавшие против большевистского правительства⁶⁴. Другим “грехом” Рязанова было его предложение (он остался в одиночестве) не разгонять Учредительное собрание, а подождать III съезда советов.

Государственным служащим зимой 1917–1918 гг. Рязанов был известен как председатель Петроградского совета профсоюзов, пытавшийся посредничать между уволенными чиновниками и Лениным. В конце января Ленин ответил Рязанову, что предварительным условием переговоров является немедленное возвращение саботажниками взятых ими книг и документов⁶⁵. Недоброжелательное мышление Ленина, как видим, мало отличалось от представленный слесаря Евенко, искавшего “тайные договоры” в историческом архиве.

Будучи в годы мировой войны “антиоборонцем”, Рязанов все же не желал победы Германии. Несогласный с Брестским миром, он вышел из большевистских рядов. Одновременно ленинское правительство покинуло Петроград, чтобы укрыться за кремлевскими стенами. Правительство и наркоматы уехали, потянув за собой часть архивов (“вторая эвакуация архивов”), а в основном побросав их безнадзорными – забастовавших осенью чиновников обратно на работу не брали. Беспартийный фрондер Рязанов остался не у дел. У него сохранились связи в левых кругах петроградской интеллигенции и среди местных совдеповцев.

В Петрограде было несколько комиссий по охране памятников. В той или другой форме они примыкали к наркомпросовским структурам. Петроградские власти поручили Рязанову сферу охраны правительственных архивов. Но ему была необходима опора в лице профессионалов. Без них самый талантливый неопит не мог в считанные дни разобраться в обстановке и сформулировать нечто вроде программы, удовлетворяющей этих профессионалов.

Личный опыт исследовательской работы Рязанова с архивными документами был невелик. Но все же он обладал им, в отличие от других русских историков-марксистов, которые, как правило, не имели понятия об архивной эвристике и пользовании архивными документами. Так, М.Н. Покровский (отвергнутый ученик Ключ-

чевского), по свидетельству Кизеветтера, никогда не заглядывал в архивы.

Немногочисленные конкретные сведения о работе Рязанова с архивными материалами в дореволюционные годы в собранном виде представлены В.А. Смирновой⁶⁶. Нам важно знать не то, какие именно факты он изучал, а в каком состоянии предстали перед ним документы. В архиве германской социал-демократии “он увидел картину бездумного разбазаривания его самой ценной части – документов Маркса и Энгельса”. Часть рукописей находилась в доме Бернштейна (с ними Рязанов ознакомился позже), другие, выданные в свое время для подготовки к печати, в архив не вернулись – осели в личных библиотеках Меринга и Каутского. “Рязанову пришлось распутывать нити тех сложных дорог, по которым растекались (и могли погибнуть!) рукописи Маркса и Энгельса”. Еще одна часть архива Маркса хранилась под Парижем в семье Лафаргов, после смерти которых в 1912 г. Рязанов отбирал “из их наследства” (неточный перевод: *Nachlass* – архивный фонд личного происхождения. – В. А.) документы, подлежащие передаче архиву германской социал-демократии⁶⁷. К числу неподлежащих передаче относились, по-видимому, документы личного архивного фонда Лафаргов. Кроме того, Рязанов работал с документами Британского музея.

Вдумчивый архивный поиск, накладывавшийся на исследовательскую работу историка, сопряженный с элементами, как бы теперь сказали, фондирования и классификации документов “по происхождению” (в архивоведческом смысле), не мог пройти бесследно для Рязанова. Это способствовало восприятию научных представлений о значении недробности исторически сложившихся фондов, пониманию необходимости концентрации раздробленных их частей и отделения документов “чужого” фондового происхождения.

Это был полезный багаж, но недостаточный для того, чтобы заявить Союзу РАД о готовности изложить собственную “программу”. Располагал ли Рязанов в последних числах марта 1918 г. такой программой? Была ли у него возможность разработать ее в условиях жесткого цейтнота? Рассмотрим предположительно, какими каналами поступления информации располагал (мог располагать) Рязанов в это время?

– Беседы с историком публицистического склада Щеголевым, занимавшимся собиранием Петроградского историко-революционного архива. Но тот мало что мог сообщить конструктивного, поскольку в архивном деле был самоучкой-прагматиком.

– Беседа с кн. Голицыным, комментирующим позицию Союза РАД, и материалы этого Союза, полученные Рязановым в лучшем случае за день до заседания совета Союза. Впрочем, какие-то сведения о намерениях Союза РАД Рязанов мог узнать днями раньше от Срезневского.

– Русская литература вопроса: лекции по архивоведению А.П. Воронова и несколько других его работ о французских архи-

вах, “пособие к лекциям” И.Ф. Колесникова, сборник статей по архивоведению, сформированный И.И. Зубаревым, где, в частности, были переизданы протоколы калачовской междуведомственной комиссии “об устройстве архивов”, малосодержательные для первоначального чтения статьи в энциклопедических словарях и др. Но были, конечно, и книги Самоквасова, освещающие состояние архивного дела в Западной Европе и в России и излагающие на 25 страницах содержание проектов нескольких законов, составляющие в целом проект кардинальной архивной реформы.

Возвратимся к тексту журнала совета Союза РАД от 27 марта 1918 г. Прибывший в малый конференц-зал Академии наук Д.Б. Рязанов был встречен достаточно официально. Вслед за кратким приветствием Лаппо-Данилевского он услышал из его уст “программу”, только что принятую советом Союза.

В ответ прозвучали слова Рязанова, что его назначение “состоялось против его желания”⁶⁸ и по его настоянию “он назначен не комиссаром, а уполномоченным”. Его желанием является “желание устранить (*далее зачеркнуто*: неизбежное) в первый же момент средостение и недоверчивое отношение к нему, совершенно неизбежное и понятное”⁶⁹. Иванова справедливо считает это заявление Рязанова “удачным шагом... правильно оценившим сложную гамму настроений и чувств...”. Но продолжение этой фразы вызывает сомнения: “...стоявших за программой, в которой, строго говоря, было мало оснований для делового разговора”⁷⁰. Напротив, предмет обсуждений был налицо. Правда первое, что приходит на память, читая слова “назначен не комиссаром, а уполномоченным”, это выступление М.С. Ольминского на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. – уже после изгнания Рязанова из Главархива: нужно, чтобы губернские парткомитеты разыскивали существующие в губернских городах архивы и послали “туда своего человека или двух, которые по отношению к этому (губернскому) архивному управлению были бы вроде комиссаров и которые работали и материал по истории революции направили бы в правильную сторону, не в интересах сохранения остатков о царе-батюшке Николае Романове, а в интересах сохранения истории революции и партии”⁷¹. Но это была уже другая эпоха в истории русского архивного дела советского времени, когда “партийный подход” к архивам, которого опасались российские архивные деятели в начале 1918 г., восторжествовал...

Продолжая свое выступление, Рязанов дал понять, что он не случайный человек на посту уполномоченного; интересы архивов ему не чужды. Он знаком с иностранными архивами, “работал в них над историей Интернационала, изданием трудов Маркса и Энгельса”.

“Программа” Рязанова (в журнале она названа “объяснением”) прозвучала коротко. Или Рязанов в полном виде ее еще не представлял себе, или почувствовал, что раскрывать ее в данном кругу людей еще рано. Главной своей задачей он назвал возвращение архивистов “к нормальной работе, где она нарушена”. Вопрос о создании

условий “наиболее продуктивной” деятельности архивистов Рязанов довольно тонко связал с необходимостью создания органа управления архивами: “первоначально на территории Петроградской коммуны, а затем и для всей России”. Как видим, об архивном съезде как вершителе судьбы общей архивной реформы он умолчал и вопрос об организации органа управления трактовался не как “временная переходная мера” (о чем постановил совет Союза), но в то же время и не с чисто административных позиций.

Что касается централизации (объединения) самих архивов, то мысль Рязанова сводилась к тому, что он не задается целью создать единый национальный архив, хотя для охраны придется сосредоточить мелкие архивы упраздненных учреждений в центральных ведомственных архивах⁷². Мысль о едином центральном архиве Рязанов не высказал, поскольку ее реализация означала ликвидацию больших старых архивов и лишила бы руководящих должностей многих выдающихся архивистов, на которых он собирался опереться.

Последние слова Рязанова, сказанные в тот день, как раз и выражали его установку на тесное сотрудничество с профессионалами. Он просил совет Союза “указывать ему” в отношении концентрации мелких архивов “все, что необходимо для спасения гибнущих архивов”. Эти слова, учитывая то, что сказал Рязанов в частной беседе с Голицыным, следует понимать шире журнальной записи. Смысл был иным: вы, архивные деятели, будете работать как считаете нужным, а я – пользоваться вашими наставлениями и помогать вам.

От обсуждения и оценки “объяснения” Рязанова совет Союза воздержался. Руководимый Лаппо-Данилевским, он сразу перешел, так сказать, к вопросу “о власти”, к конструированию Совета по управлению архивами. С согласия Рязанова было решено: ввести в этот орган (временно до утверждения общим собранием Союза РАД) пять членов совета Союза – А.С. Лаппо-Данилевского, кн. Н.В. Голицына, К.Я. Здравомыслова, И.А. Блинова, И.А. Лебедева. Кроме того, принята просьба прислать в организуемый Совет по одному представителю от Академии наук, Публичной библиотеки, Петроградского университета, Археографической комиссии, Комиссариата народного просвещения и Дома-музея памяти борцов за свободу. Вряд ли надо объяснять, что и эти представители мыслились как члены Союза РАД. Специально было оговорено условие: если Академия наук направит Лаппо-Данилевского, то от совета Союза будет избран другой его член. Наконец, было определено, что все остальные члены совета Союза рассматриваются как “заместители” избранных лиц, “дабы в Совете по управлению архивами всегда было 5 членов от Союза” (понятие заместителя обозначало тогда человека, полноправно замещающего на заседаниях и в других случаях отсутствующее в данный момент официальное должностное лицо). Начаться работа этого совета должна была в апреле 1918 г.; место Рязанова в нем вроде бы не предусматривалось.

Лаппо-Данилевский, надо думать, ощущал результаты заседания совета Союза как неожиданную победу над явившимся с поклоном покорным представителем Петрокоммуны: к руководству архивами пришло ученое собрание, исповедующее, как думал академик, его взгляды.

Если Лаппо-Данилевский и в самом деле думал так, как мы пытались его понять, то он ошибался. Опытный в политических рокировках Рязанов избежал поражения. Он сомкнулся с октябристом профессором Платоновым и его приверженцами из числа членов того же Союза РАД, который, как всякое свободное научное общество, был внутренне не вполне однороден. Произошло это поразительно быстро. До сих пор мы касались разногласий между членами общества только в связи с вопросом о возможности и условиях сотрудничества с советской властью в деле защиты архивов и архивистов. Но вопрос лежал глубже.

Читатели данной работы возможно заметили, что до сих пор в ней имя Платонова почти не упоминалось. Между тем членом Союза РАД Платонов был признан на первом же его собрании 18 марта 1917 г., хотя его самого там не было (но его приглашали).

Общепризнанный глава петроградской исторической школы, Платонов сохранял напряженные отношения, если не сказать неприязненные, с Лаппо-Данилевским, сложившиеся еще в начале XX в. Неокантианец же Лаппо-Данилевский был вообще вне университетских школ, по словам А.Е. Преснякова⁷³.

В апреле 1917 г. Платонов потерпел серьезное поражение на выборах в совет Союза РАД: по числу поданных голосов он был признан лишь кандидатом в члены Совета, но не захотел подвизаться в столь незначительной роли. Это место занял близкий ему человек И.А. Блинов – его ученик по Александровской военно-юридической академии, автор нескольких опубликованных работ⁷⁴. Потом он стал полноправным членом совета Союза. При жизни Лаппо-Данилевского Платонов больше не посещал Союза РАД.

Как произошел контакт Рязанова с Платоновым, мы не знаем. Но вот о чем нельзя не сказать. В тот же день, когда Рязанов представлялся совету Союза РАД, два члена этого совета, Блинов и Здравомыслов, – заведующие Сенатским и Синодальным архивами, организовали узкое совещание в рамках литературно-издательского отдела Наркомюста (которому подчинялись эти архивы). Они приветствовали назначение Рязанова и выразили готовность содействовать осуществлению возложенных на него задач, выражали надежду на его “авторитетную помощь”. Это звучало иначе, чем постановление Союза РАД. На следующий день протокол совещания был направлен Рязанову⁷⁵. Возможно, он стал дорожкой, связавшей Рязанова с Платоновым.

Выше приводилась цитата из статьи Николаева о “громовом увещании” в защиту российских архивов. Продолжим цитату: “Существовавший в Петрограде Союз российских архивных деятелей и

отдельные лица были бессильны что-либо предпринять в этом отношении". Обратим внимание, что сразу после этих слов Николаев заговорил другим тоном, сообщив, что "1 апреля 1918 г. ведение всеми архивами возложено было центральным правительством на Д.Б. Рязанова, и это стало началом строительной работы в архивном деле, предпринятой в очень широком масштабе"⁷⁶. В этой простой фразе, отражающей всю радость по поводу начала нового архивного строительства, заключена существенная загадка: почему Николаев назвал именно 1 апреля днем, когда "центральное правительство" возложило на Рязанова заведование архивами? На самом деле официальных данных об этом нет, а первое поручение СНК РСФСР в области архивного дела Рязанову имело место в конце апреля. И все же приведенное утверждение Николаева не одиноко. Существует черновик отчета Петроградского отделения ГУАД за тот же 1918 г. (Он составлялся в то же время, когда писалась статья Николаева.) Первоначально в отчете говорилось: "В газетных сообщениях 1 апреля 1918 г. появились сообщения о назначении Д.Б. Рязанова для заведования всеми архивами". В текст была внесена рукописная правка, может быть потому, что 1 апреля таких газетных сообщений не было. Получилось: "1 апреля 1918 г. Д.Б. Рязанов назначен заведующим всеми архивами"⁷⁷. Это очень близко к тому, что писал Николаев, но без упоминания о "центральном правительстве". Черновик отчета оставался до сих пор неизвестным в литературе. Но статья Николаева специалистам известна, и дата 1 апреля нашла отражение в научных работах.

Но в чем же дело? Откуда взялась эта дата? Может быть, мы не знаем чего-то очень важного – контактов Рязанова с представителями высшей власти, от которых он получил, пусть не "мандат", а вербальное, юридически не оформленное поручение (согласие) на занятия архивным делом? Поручение неофициальное, о котором Рязанов молчал в официальной обстановке, но мог сказать в узком кругу приверженцев? Как увидим, надежда на всероссийские полномочия сквозила в его высказываниях начала апреля.

Не исключено и другое, психологическое объяснение того, почему появилась указанная дата. Ее можно понимать как эйфорическое уплотнение хронологии радостных событий: появление Рязанова в среде архивных деятелей и почти мгновенное установление взаимопонимания с ним, начало работы первого в России органа управления архивами. Нарушение хронологии нельзя считать случайностью. Оно преследовало цель провозгласить точку отсчета начала архивной реформы в России. Проф. А.Е. Пресняков характеризовал эти же события подобно Николаеву, но на фоне исторической ретроспективы и осторожнее. После октябрьского переворота, писал он, Союз РАД, оставаясь частным кружком "без полномочий и средств исполнительных", был бессилен даже для спасения гибнущих архивных ценностей, "которым грозила не меньшая опасность, чем постигшее московские архивы и книгохранилища развеевание в смут-

ное время 17 столетия”⁷⁸. Но слишком велика была необходимость энергичных мер “для упорядочения судьбы” архивов. И она получила возможно полное удовлетворение, когда в это дело вступил Д.Б. Рязанов, получивший “в апреле 1918 г. полномочие взять в свои руки заведование всем архивным делом”⁷⁹. Архивист Николаев и историк Пресняков (возглавивший вскоре инспекционную службу нового архивного ведомства) были близко знакомы с Платоновым, пользовались его доверием. От него они, вероятно, много знали того, чего не знаем мы, относительно назначения Рязанова.

Некоторое прояснение обстоятельств получения Рязановым соответствующего поручения вносят его слова на московском совещании 27 мая 1918 г. (К этому совещанию мы еще вернемся.) К сожалению, наркомпросовские, так же как совнаркомовские, протокольные записи того времени выполнены неквалифицированно; протоколистки не понимали смысла говорившегося. “...Вопрос о централизации архивного дела был выдвинут в связи с эвакуацией архивов из Петрограда. Архивы ведомств и их отделов (так в исправленном виде; сначала было: Архивные фонды ведомств и отделов ведомств. – В. А.) оказались в запущенном состоянии и абсолютно недоступными для использования в научном отношении”⁸⁰.

Протокольные слова Рязанова нельзя понимать буквально; будто он действительно считал, что вопрос о централизации архивного дела возник только весной 1918 г. К этому времени литературу вопроса (труды Н.В. Калачова и Д.Я. Самоквасова, во всяком случае) он уже знал. К тому же среди присутствующих на совещании было несколько архивистов-профессионалов. Перед нами упрощенное изложение сказанного. Но в целом из приведенного текста можно сделать вывод, что в марте 1918 г. Рязанов, апеллируя к фактам советской эвакуации, сумел внушить петроградским властям (неизвестно, кому именно) понимание актуальности, в смысле злободневности, обострившейся проблемы.

Итак, что же произошло в Петрограде? Заседание совета по управлению архивами, назначенное Лаппо-Данилевским на 1 апреля, не состоялось. Но на следующий день началась работа Центрального комитета по управлению архивами – по замыслу и настрою государственного, а не общественного органа, хотя в его состав вошли лица, избранные в предполагавшийся совет Лаппо-Данилевского. Однако председателем был единогласно избран Рязанов. Товарищем председателя стал Платонов (представитель Археологического института), а Лаппо-Данилевский оказался просто членом комитета. Участники заседания постановили: “образуемое коллективное учреждение по управлению архивами... именовать Центральным комитетом по управлению архивами” (в дальнейшем: ЦКУА)⁸¹. Факт, что название было дано самими собравшимися, подтверждает, на наш взгляд, догадку, что предварительного правительственного акта по этому вопросу не было. Из основных деятелей архивной реформы отсутствовал А.С. Николаев; он начал работу в ЦКУА со второго заседания.

На первом заседании обсуждался вопрос, оставаться ли комитету вне комиссариатов. Возражение состояло в том, что это поставило бы комитет в очень тяжелое (особенно материальное) положение; и стало бы возможным лишь в том случае, если его деятельность ограничилась бы архивами на территории Петрокоммуны (Рязанов располагал в этот момент 30 тыс. руб., ассигнованными, вероятно, местными властями). Если же компетенция комитета распространится на всю Российскую республику, то придется войти в состав какого-либо комиссариата, лучше всего – Наркомпроса. Однако решили пока оставаться в распоряжении Петрокоммуны, а к решению вопроса возвратиться позже.

В журнале заседания Центрального комитета по управлению архивами 2 апреля 1918 г. в нечеткой форме зафиксирована постановка вопроса о централизации архивов. Рязанов предложил разделить все архивы на “законченные” и “состоящие при ведомствах”, оставив во вторых только “текущее делопроизводство с Октябрьского переворота”, а прочие их документы, как и все законченные архивы, передать в ведение Наркомпроса⁸². Это был проблеск забытых самоквасовских идей, перекинувшихся затем в положения будущего декрета от 1 июня 1918 г.

На том же заседании было избрано бюро ЦК “для управления делами”: Платонов, кн. Голицын, Лебедев, Председателем бюро стал Рязанов. Был избран также заведующий канцелярией – Л.Л. Сухоцкий (член Союза РАД, человек близкий Блинову)⁸³.

С первого заседания рязановский комитет проявил себя не только учреждением, готовящим архивную реформу, но и в административном отношении. 2 апреля было решено объявить райсоветам о своем образовании и предложить им “не вмешиваться в дела архивов”, а также известить антикварные и книжные магазины, что продажа похищенных из библиотек и архивов книг и документов приравнивается к преступлению (при этом обещалось возместить магазинам понесенные потери). На ряде заседаний рассматривались и частично были решены вопросы: о порядке “ликвидации” делопроизводства Канцелярии Временного правительства, о судьбе полковых архивов, в частности Преображенского полка (о нем докладывал Д.Д. Зуев), об ассигновании средств на перевозку Историко-революционного архива, об объединении мелких архивов Министерства финансов и др.

23 апреля по докладу Блинова было принято решение обратиться во все комиссариаты Петрокоммуны с требованием не уничтожать дела упраздненных и эвакуированных учреждений без осмотра представителями комитета. 30 апреля Лаппо-Данилевский сообщил резолюцию Союза РАД по поводу полученных сведений о массовом уничтожении дел в некоторых ведомствах. Было решено послать циркуляры комиссариатам Петрокоммуны о прекращении уничтожения и осмотре состояния дел с участием лиц, командированных ЦКУА. В середине мая было решено уведомить Петросовет, что

архив Департамента духовных дел остался без надзора, и ЦКУА берет его в свое ведение.

Много внимания уделялось охране и судьбе библиотек: Капитула Орденов, Сената, Аничкова дворца. Голицын докладывал об осмотре комнат бывшего наследника престола в Александровском дворце и желательности “сохранить детскую библиотеку”. (Докладчику поручили представить более подробные сведения.) Такого же рода вопросы рассматривало бюро ЦКУА, но здесь больше внимания уделялось финансированию и штатам петроградских архивов. Обсуждалась также общеорганизационная и теоретическая тематика. Так, 15 апреля было решено (видимо, после обсуждения) вынести на рассмотрение ЦКУА вопросы о реорганизации управления архивами и их “идейной централизации”⁸⁴. К сожалению, журнал заседания молчит о том, какое содержание вкладывалось в эти слова. О нем можно судить из общего контекста источников по истории реформы, что мы и попытаемся сделать.

Юридическое признание рязановского комитета со стороны СНК РСФСР состоялось в конце апреля. Но сначала нужно сказать о случившемся “сбое курса” зарождавшегося архивного ведомства.

На втором заседании ЦКУА 9 апреля, с появлением члена комитета представителя Публичной библиотеки Д.И. Абрамовича, был “рассмотрен вопрос об образовании библиотечного союза для ведения всеми государственными библиотеками”. Вопрос был поставлен, вероятно, Абрамовичем. Аргументация и следы обсуждения в журнале заседания отсутствуют. Но дело, безусловно, в том, что с начала 1918 г. Наркомпрос повел наступление на русские библиотеки: назначен правительственный комиссар по библиотечному делу (П.А. Кудрявцев); уволен директор Публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко, противившийся изъятию Османова корана (полученного Россией в качестве одного из “искупительных даров” за убийство в 1829 г. в Тегеране русского дипломата, писателя А.С. Грибоедова). Изъятие предписал сам Ленин. Был также назначен комиссар в эту библиотеку с целью ее реформировать на советский лад⁸⁵. Петроградские библиотечные деятели и книговеды стали искать защиты под крылом Рязанова от комиссарского произвола.

ЦКУА пошел им навстречу, но не путем образования библиотечного союза. Единогласно принятое решение гласило о желательности превращения ЦК по управлению архивами в ЦК по управлению архивами и библиотеками (позднее говорилось о научно-книжном деле).

С научной точки зрения это было серьезной ошибкой. Никогда в крупных государствах архивное дело с библиотечным не объединялось. В их основах лежат информационные массивы разного происхождения и свойства, разные презумпции комплектования, классификации и организации использования. Но велико было стремление помочь библиотекам, попавшим в тяжелое положение. К тому же все крупные библиотеки обладали, помимо книг, ценными руко-

писными собраниями, которые по своей информационной природе являлись архивами.

26 апреля 1918 г. СНК РСФСР рассматривал вопрос об организации Центрального управления архивами и библиотеками, а также о создании архива и библиотеки истории революционного движения в России. Председательствовал Ленин, представлял вопрос Покровский (имеется его записка, датированная тем же числом, с просьбой поставить этот вопрос). Докладывал Рязанов.

Вопрос о вхождении объединенного архивно-библиотечного ведомства в Наркомпрос (“с некоторыми преимущественными правами как обособленной части”) решил сам ЦКУА еще 16 апреля, одновременно поручив разработку положения об управлении архивами и библиотеками своему бюро – с правом кооптации полезных для этого лиц⁸⁶.

Официальная часть протокола (по типу “слушали” – “постановили”) давно опубликована за подписью Л.А. Фотиевой, но текст, как установил С.О. Шмидт, написан Н.П. Горбуновым. Фотиева пыталась записывать прения, но, как рассказывал в беседе с архивистами С.О. Шмидт, – это бессвязные записи. Тем не менее отдельные высказывания она ухватила, не указав, однако, кому они принадлежали.

Работа Шмидта вышла довольно давно⁸⁷, но осталась в тени последующих работ о подготовке декрета по архивному делу – вероятно, в силу своего названия. Между тем Шмидт – единственный ученый, которому удалось поработать в бывшем ЦПА ИМЛ с материалами Совнаркома от 26 апреля. Его наблюдения и выводы чрезвычайно важны, хотя мы позволим себе иногда высказывать и собственные соображения, пользуясь его текстом.

Объединенное архивно-библиотечное ведомство не было создано Совнаркомом. У Фотиевой есть слова: “Отделив задачи разработки и использования архивов от орг[анизации] библиотек”. Луначарскому (он отсутствовал) поручалось созвать совещание в составе представителей Наркомпроса, специалистов заинтересованных ведомств и Рязанова “для разработки детального проекта организации Центрального архивного управления”, но в особенности проекта реорганизации библиотечного дела в России “по швейцарско-американской системе”. (Эта система была идефикс Ленина). Наркомпросу выделялось 200 тыс. руб. на нужды ЦКУА, которому вменялось в двухнедельный срок представить смету расходов⁸⁸. Открытие кредита задержалось. Только 9 июля 1918 г. Ленин подписал соответствующее распоряжение Департаменту государственного казначейства⁸⁹. Названная сумма выделялась на 2-е полугодие 1918 г. Для сравнения: на установку кладбищенского памятника К. Марксу был выделен миллион рублей. Это постановление и явилось признанием ЦКУА в качестве общероссийского управления.

Споры вызвал вопрос: кому представлять смету ЦКУА? В тексте Горбунова сначала написано “Наркомфину” (а это значило, что архивное ведомство подчиняется какой-то высшей инстанции, а не

наркомату), но потом исправлено – “Наркомпросу”. Шмидт прав в своем предположении, что это отражало спор Покровского с Рязановым. Не случайно Покровский стремился принизить “ранг” Рязанова, именуя его в записке Совнаркому “главноуполномоченным по реорганизации и ликвидации архивов, находящихся на территории Петроградской коммуны”, хотя в протоколе Совнаркома он именуется председателем ЦКУА⁹⁰. Покровский в какой-то момент одерживал верх. Но у Фотиевой записано чье-то окончательное высказывание: “Положить в основу идею Рязанова” (т. е. быть в Наркомпросе).

Рязанов победил. Но поручение Луначарскому созвать совещание для выработки детального проекта организации центрального архивного управления не могло его не беспокоить. Он понимал, что данный проект необходимо составить в его комитете. При этом он не оставлял мысли о возможности создания объединенного архивно-библиотечного ведомства. Во всяком случае, на заседании 30 апреля ЦКУА принял решение о составлении двух вариантов положения: об управлении только архивами; об охране и учете архивов и библиотек. То и другое поручалось новой расширенной комиссии в составе архивистов Блинова, Голицына (в апреле в журналах перестал упоминаться его княжеский титул), Лебедева и Николаева, книговедов Абрамовича и Венгерова, историка академика М.А. Дьяконова, возглавлявшего один из отделов Библиотеки АН. Разработкой другого (чисто “архивного”) варианта комиссия специально не занималась. В эти дни вопросы заведования библиотечным делом стали трактоваться в ЦКУА более узко, в плане “научно-книжного дела”. Тем самым снимались заботы о построении сети общедоступных библиотек, библиотечном обслуживании населения, чем занимался библиотечный отдел Наркомпроса.

8 и 11 мая ЦКУА постатейно в первом чтении обсудил проект положения об управлении архивами и научно-книжным делом, а также проект “препроводительного декрета”. Это первое известное нам упоминание будущего декрета, который мыслился тогда, как видим, в качестве правительственного акта, придающего законодательное значение положению. Тогда мыслилось, что в нормативной структуре будущей реформы основная роль будет принадлежать именно положению.

Второе чтение проектов положения и декрета состоялось 14 и 17 мая. Когда 17 мая чтение положения закончилось, Абрамович и Венгеров вдруг заявили, что проект их не удовлетворяет, ибо нарушает только что достигнутую автономию Публичной библиотеки и Книжной палаты. Поэтому они отказываются войти в “кооперацию” с архивным управлением. Можно представить неприятное впечатление, произведенное этим неожиданным демаршем на архивистов, склонившихся к “кооперации” из чувства солидарности в защите национального культурного наследия.

ЦКУА решил исключить из проекта готового положения упоми-

нения о научно-книжном деле, оставив в ведении будущего Главного управления архивным делом “лишь те научно-книжные фонды, которые тесно связаны с соответствующими архивными”. В фонде С.Ф. Платонова хранится экземпляр отвергнутой редакции с рукописной правкой, внесенной либо в тот же день 17 мая, либо днями позже. Внести правку оказалось несложно, поскольку упоминания о научно-книжном деле в проекте положения были, так сказать, просто “пристегнуты” к вопросам архивного дела. Изменения свелись к нескольким перефразировкам и зачеркиваниям. Так получился тот вариант “Положения о ГУАД”, который предполагалось подготовить по решению рязановского комитета 30 апреля⁹¹.

О самой же попытке найти общую организационную платформу с книговедами архивисты старались не вспоминать. Им оставалось сожалеть о рукописных собраниях научных библиотек, которые как информационные объекты являлись архивами и в силу научной логики должны были находиться в юрисдикции архивного ведомства. Но вопрос о библиотечных и музейных архивных собраниях имеет свое продолжение и не нашел научного решения до сих пор.

В тот же день, 17 мая 1918 г., Блинов доложил о ходе работ по составлению сметы будущего архивного управления и “отдельных архивов” и изложил план и основные положения для составления объяснительной записки к смете. Обсуждение вопроса продолжилось на воскресном внеочередном заседании 19 мая. Основная работа, сказал Блинов, выполнена Николаевым при участии М.Г. Курдюмова (Археографическая комиссия), Г.С. Габаева⁹², собиравшегося сведения о военных архивах, В.В. Снигирева – помощника начальника архива Наркомпроса, т. е. помощника Николаева, и опытного финансиста В.И. Старженецкого-Лаппа из счетного отдела Департамента народного просвещения.

Составление сметы было сложной работой, имевшей громадное значение, выходящее за рамки чисто финансового аспекта деятельности будущего архивного ведомства. Дело в том, что его финансовое обеспечение должно было складываться из ассигнований на подразделяемые большие и малые ведомственные архивы (самоковасовская идея, нашедшая юридическое выражение в будущем декрете по архивному делу). Поэтому первой задачей авторов сметы было выявление этих архивов и сумм, отпускавших на их содержание.

Вторая задача – разработка новой структуры архивов путем их объединения на основе тематической близости содержания и соответствующее перераспределение средств и штатов. Собрать и осмыслить эту информацию означало сделать важнейший шаг к овладению наличным составом архивов (в тот момент – в Петрограде и на прилегающей территории).

Идейная сторона новой структуры архивов и финансовых выкладок должна была быть изложена в упоминавшейся объяснительной записке к смете⁹³.

Мы ничего не сказали об одном грустном событии, случившемся в мире архивистов в рассматриваемое время. 21 апреля должно было состояться годовичное собрание членов Союза РАД. Лаппо-Данилевскому предстояло выступить с отчетом или докладом, но ничего позитивного об успехах Союза он сказать не мог. Душевное состояние его было ужасным. Решения совета Союза и общего собрания в конце января о сотрудничестве «с представителями новой власти» повергли его, по словам Лебедева, в «тяжелую моральную коллизию». Но он стремился преодолеть личные переживания (добавим, насколько мог), став «на стороне интересов архивного дела так, как он их понимал». Однако в рязановском комитете идейная роль Союза РАД игнорировалась. В бюро ЦКУА Лаппо-Данилевского не избрали. О созыве съезда архивных деятелей как своего рода учредительного собрания архивистов никто не вспоминал. На заседаниях Лаппо-Данилевский занимал «особое место»: сдержанно относился к «реформе по самому ее существу», считая, что оно обретает бюрократическую окраску. 16 апреля ЦКУА, заседавший под председательством Платонова, единогласно решил, что управление архивами и библиотеками следует передать Наркомпросу, «выговорив некоторые преимущества как особенной части». Лаппо-Данилевский, не желавший этого, на заседании был, но не возражал: ведь все присутствовавшие являлись членами Союза РАД. Надежды на идейно-организационное руководство архивным делом рухнули. Наиболее активные петроградские архивисты сотрудничали с Рязановым и Платоновым. С чем было выступать на годовичном собрании?

В первой половине дня 21 апреля Лаппо-Данилевский направил письмо Голицыну: «...Ввиду того, что в настоящее время Союзу российских архивных деятелей, может быть, желательно было бы иметь более подходящего председателя, позвольте просить Вас передать сегодняшнему собранию мою просьбу об освобождении меня от обязанностей председателя этого Союза...»⁹⁴.

Письмо явилось неожиданностью для ближайшего окружения Лаппо-Данилевского. В тот же день оно было оглашено в совете Союза, а через полчаса – на общем собрании, которое отставки не приняло, обязав совет Союза «отправиться делегацией к председателю с просьбой взять отказ обратно». На следующий день Лаппо-Данилевский принял у себя дома членов совета и согласился «взять обратно свой отказ». Но тут произошла неожиданная накладка. Согласно уставу, ежегодно выбывали по жеребьевке три члена совета Союза. Жребий пал на Дружинина, Николаева и самого Лаппо-Данилевского.

На общем собрании 29 апреля пришлось выбирать председателя. Это делалось в два приема: сначала подавали и подсчитывали «записки» с именами кандидатов на эту должность (демократическая процедура тайного выдвижения кандидатов). Лаппо-Данилевский получил 28 «записок». Платонов – 12, Голицын и Дружинин (отказавшись от последующей баллотировки) – по одной. Платонов от-

существовал. Он заранее понял, что проиграет. Остался один кандидат – Лаппо-Данилевский. За него при голосовании был подан 31 голос. Воздержалось – 5, против – 7. Элементарный подсчет показывает $(5+7=12)$, что это были голоса платоновцев. Затем с большими сложностями и перебаллотировками, вызванными, думается, не только процедурной стороной дела, но и царившей сумятицей, взаимными раздражениями, избрали недостающих членов совета: Николаева, Макарова, а также (вместо выбывшего Здравомыслова) А.А. Сиверса.

После этого Лаппо-Данилевский допустил серьезную ошибку. Приободрившись внушительной победой над Платоновым, он решил нанести ему еще удар – провести выборы в члены рязановского ЦК, вероятно, чтобы “выбить” Платонова из его состава. Но результаты голосования оказались неожиданными: Лаппо-Данилевский получил на этот раз всего 4 голоса, а Платонов – 3. Избранными же оказались платоновцы: Голицын, Здравомыслов, Николаев и Блинов. А также Лебедев, преданный Лаппо-Данилевскому. Все они уже являлись активными работниками ЦКУА.

Видимо, выплеснулось раздражение утомленного собрания, много часов занимавшегося голосованиями и спорами (в протоколе споры не отражены, но они, конечно, имели место). Думается, отрицательная рефлексия на кандидатуры Лаппо-Данилевского и Платонова имела в данном случае разные корни.

В Лаппо-Данилевском большинство присутствовавших продолжало видеть своего духовного вожда. Число членов Союза в первые месяцы 1918 г. увеличилось. Однако они уже убедились, что в новых исторических условиях академик не обладает необходимыми качествами ученого-реформатора. В области архивного строительства они перестали “быть лаппо-данилевцами”. Что же касается Платонова, то он был скорее формальным членом Союза, не принимал участия в его работе. Могли ли члены Союза избирать его в орган управления архивами в качестве представителя Союза? Может быть, читатель найдет это объяснение не вполне убедительным. Но другого не приходится в голову.

Впрочем, на Рязанова результаты данного голосования не произвели никакого впечатления. И Платонов, и Лаппо-Данилевский продолжали работать в ЦКУА, посещать его заседания. Но сам факт проведения такого голосования означал непримиримость академика Лаппо-Данилевского. Консенсус с Лаппо-Данилевским, которого Рязанов, вероятно, желал в конце марта, не состоялся. Почему же он состоялся с членом-корреспондентом РАН Платоновым? Об этом мы постараемся порассуждать, когда будем говорить о первых результатах реформы.

История возникновения и кратковременной деятельности ЦКУА, содержание выполненных им работ освещены литературой слабо. Имеются и грубые ошибки, принадлежащие, как ни странно, В.В. Максакову. В статье 1954 г. (написана в 1918 г.) сказано, что

на заседании СНК якобы было принято постановление о создании ЦК по управлению архивами и библиотеками, которому было поручено разработать проект декрета “О реорганизации на началах централизации архивного дела в РСФСР”⁹⁵. Налицо искажение фактов, ничем не объяснимое. В распоряжении Максакова (он заведовал кафедрой Истории и организации архивного дела МГИАИ) была коллекция копий документов, созданная в конце 1920-х годов кабинетом архивоведения Центрархива. Здесь имелись копии журналов рязановского ЦКУА. Но он их игнорировал, а писал, видимо, опираясь на искаженные смутные воспоминания о бывших событиях, к которым лично был непричастен. Надо сказать, что, как и другие архивные деятели, близкие Покровскому, Максаков мало интересовался реальной историей “рязановского времени”.

В последующих работах Максаков писал совершенно иначе, но опять же неправильно. Теперь он пользовался копиями документов кабинета архивоведения, но толковал их по-своему. Так, ссылаясь на копию (известного нам в оригинале) журнала ЦКУА от 2 апреля 1918 г., он излагал его таким образом, что можно понять, будто именно в этот день правительство создало в Петрограде ЦКУА. “Председателем назначили представителя Наркомпроса – Д.Б. Рязанова”⁹⁶. (Как помним, именно в этот день члены комитета мучились вопросом, оставаться вне ведомств или войти в состав какого-либо наркомата; Рязанова же они избрали сами.) Чем можно объяснить, что на этот раз Максаков писал о решении правительства от 2 апреля создать новый комитет? Скорее всего, мы имеем дело с преобразовавшимся в сознании Максакова отзвуком слов из известной нам статьи Николаева (с исправлением даты на один день). На статью Николаева Максаков в обеих монографиях глухо сослался – без имени автора и наименования статьи, просто указав название журнала и страницу.

Но вернемся к работе ЦКУА. С первых заседаний стало ясно, что заседания комитета требуют предварительной проработки. О том, как это происходило, оставил несколько выразительных слов Николаев. Он подчеркнул, что Рязанов начал работу, “получив в наследство необычайный архивный хаос”, не имея необходимых средств. Но “первой задачей было найти работников-строителей. Такое ядро образовалось в течение апреля-мая в Петрограде. Вместе с заслуженным профессором Петроградского университета С.Ф. Платоновым на работу вышел целый ряд историков и архивистов. Сделано было обращение к ряду ученых учреждений и высших учебных заведений. В помещении бывшего Государственного архива без перерыва с утра до вечера шла подготовительная организационная работа”: готовился проект декрета о реорганизации архивного дела, “намечалось устройство центрального и местного управления архивным делом” (речь идет о проектах положений о ГУАД и областных управлениях архивным делом), готовился материал для сметы расходов будущего ГУАД.

Видный деятель начальных лет архивного строительства профессор М.А. Полиевктов писал в эмигрантском журнале, что Николаев был “душою всей реформы”; он “положительно” вынес ее на своих плечах. Видную роль сыграли (не считая руководителей – Рязанова, Платонова и Преснякова) И.А. Блинов, А.С. Лебедев, Г.С. Габарев (напечатано Гибаев), И.Л. Маяковский, Н.П. Черепнин и др.⁹⁷

В первую очередь требовалось упорядочить “архивный хаос”. Из слов Николаева видно, что научные обсуждения в помещении Государственного архива шли по линии поиска организационных основ устройства русских архивов, что предполагало классификацию сосредоточенных в них комплексов документов. “Долго и страстно дебатировался вопрос о двух принципах, которые возможно положить в основу будущего архивного строительства – историческом (ведомственное происхождение архивных фондов) и логическом (группировка родственных по содержанию архивных фондов). В основу строительства положены были отдельные архивные фонды, органически сложившиеся в определенной исторической обстановке. Твердо установился взгляд, что такой внутренне цельный и единый по своему существу архивный фонд ни в коем случае нельзя дробить”. Однако признавался и логический принцип. Им следовало руководствоваться на следующей стадии классификации: при объединении тематически родственных фондов.

Таким образом, основной классификационной единицей был признан “архивный фонд”. Это подтверждало взгляды Самоквасова, привнесенные им в русское как у Самоквасова, так и у Николаева понятие архивного фонда, которое оставалось недостаточно исследованным, допускало разные толкования: какого рода исторически сложившиеся совокупности документов следует считать архивным фондом?⁹⁸

К сожалению, мы знаем мало конкретных обстоятельств подготовки архивной реформы в Петрограде. Работавший в ГУАД с июля 1918 г. и заведовавший делопроизводством юрист И.Ф. Цызырев еще в 1921 г. отмечал, что “описать историю создания ГУАД весьма затруднительно по совершенному отсутствию письменных материалов, в которых запечатлелась бы эта созидательная работа”. Действительно, мы располагаем лишь лаконичными журналами ЦКУА и его бюро, где обозначена в основном внешняя, подчас административная, сторона подготовки реформы, а также несколькими редакциями проектов нормативных актов и финансовой сметы. Но творческий процесс движения архивоведческой мысли ускользает; о нем подчас можно судить гипотетически, поскольку он не документировался. Поэтому мы не знаем, скажем, кто выступал за исторический, а кто за логический принцип классификации архивных документов, как трактовалось понятие “идейная централизация” и многое другое.

Цызырев объясняет отсутствие документирования дискуссий двумя факторами: “напряженной атмосферой”, возникшей в апреле

1918 г. (в чем выражалась “напряженность”, не сказано), и “личными свойствами” энергичного Рязанова (видимо, испытывавшего неприязнь к “бумаготворчеству”): “...Стремились не к тому, чтобы писать многословные проекты и записки к ним (хотя объяснительная записка к смете по необходимости была составлена. – В. А.) и регламентировать новую систему взаимоотношений прежде всего в теории, а к тому, чтобы по возможности скорее начать практическое организационное дело”. Как специалист по государственному и административному праву Цызырев хорошо понимал несовершенство такой постановки работы над проектами нормативных актов, но оправдывал ее: “Проекты, по-видимому, намечались лишь постольку, поскольку необходим был определенный общий контур будущего здания архивного дела”⁹⁹.

Цызырев помогает понять многое, но сказал не все важное. Сложность ситуации, в которой находились весной 1918 г. архивисты, окружавшие Платонова, была и в том, что у них отсутствовала подготовка к юридически-нормативной работе; они не располагали необходимой доктринальной базой. Взгляды на централизацию архивного дела еще не приобрели четких очертаний.

Другая сложность положения архивистов была социально-психологического свойства. Их гражданское сознание отвергало мысль о легитимности советской власти, но было амбивалентным: раздвигалось необходимостью готовить прогрессивную реформу в рамках существующего строя и выражать по отношению к нему внешнюю лояльность. Глубокая идеологическая пропасть разделяла их и с самим Рязановым, которым, однако, они искренне восхищались (и уважение к которому сохранили на всю жизнь). Но в чем-то они маскировались и в общении с ним. Рязанов это прекрасно понимал, о чем проговорился однажды (25 мая 1918 г.) в беседе с московским профессором Готье: “снисходительно улыбался, говоря о слишком ярких приспособителях из нашей среды, которые особенно охотно “надевают защитные цвета”, причем имел в виду, по-видимому, кое-кого из петроградцев”¹⁰⁰. Однако отношения самого Готье к себе Рязанов не разгадал.

Юридическая нормативная работа активно развернулась в Петрограде с первых чисел мая 1918 г. Как уже отмечалось, параллельно создавались: проект положения о Центральном управлении архивным и научно-книжным делом, переименованном вскоре в положение о Главном управлении (такого же профиля), а после демарша библиотекарей – в положение о Главном управлении архивным делом, подвергнувшемуся соответствующей перестройке, а также проект декрета об архивном деле. Как помним, он замышлялся быть “препроводительным” к положению, призванным дать высшее юридическое основание положению. Рассмотрение вариантов проектов обоих нормативных актов показывает характер и объем реформаторского мышления петроградских архивистов того времени.

Сразу скажем, что юридическая стыковка обоих проектов оказалась недостаточной. В проекте декрета нет ни слова о положении,

которое он должен был “препроводжать”, а проект положения о Центральном управлении архивным и научно-книжным делом, переименованный вскоре в положение о Главном управлении (такого же профиля), а после демарша библиотековедов – в положение о Главном управлении архивным делом, подвергнувшееся соответствующей перестройке, а также в проект декрета об архивном деле. Как помним, он замышлялся быть “препроводительным” к положению, призванным дать высшее юридическое основание положению. Рассмотрение вариантов проектов обоих нормативных актов показывает характер и объем реформаторского мышления петроградских архивистов того времени.

Сразу скажем, что юридическая стыковка обоих проектов оказалась недостаточной. В проекте декрета нет ни слова о положении, которое он должен был “препроводжать”, а проект положения умалчивал о декрете. Видимо, не хватило времени: в 20-х числах мая в Москве разразились баталии Рязанова с Покровским, о которых не раз сообщалось в литературе, но истинный смысл остается неизвестным (и мы постараемся его выяснить).

Проект положения ни разу не публиковался. Его авторов волновало внутреннее устройство управления: не кому принадлежит высшая власть в управлении и в чем она выражается, а кому – заведование текущими делами и какими именно? Но эти вопросы они не сумели разработать до конца. Их больше всего заботило обеспечение автономии своего ведомства по отношению к вышестоящей государственной инстанции, обеспечение демократических основ самоуправления. Собственным высшим органом признавался совет (Центрального, потом – Главного) управления, построенный на демократических началах. Кроме председателя, сюда входили штатные инспекторы, представители “каждого отделения 1-го разряда Государственного архивного фонда” и Московского областного управления архивным делом, управляющий делами Центрального (Главного) управления, выборные (на три года) представители ученых учреждений и организаций: Российской академии наук, Петроградского университета, Книжной палаты, Публичной библиотеки (позднее уточнено – ее рукописного отделения), Петроградского археологического института, Археографической комиссии, Союза РАД, Русского исторического общества, Российского военно-исторического общества, а также (вычеркнутые в последних редакциях проекта) – Исторического общества при Петроградском университете и “Исторической секции при театрах”. В совет предполагалось ввести и представителей центральных наркоматов; надо полагать, имелись в виду работники ведомственных “текущих” архивов. Этот вопрос излагался в п. 2 проекта положения.

В этом перечне мы заметили не встречавшийся прежде в архивоведческой литературе термин “отделения 1-го разряда ГАФ”. Появление этого термина отражало начало поисков рязановским комитетом будущей структуры ГАФ. Если намечалось создать “отделения

1-го разряда”, представлявшие, надо полагать, важнейшие архивы, то естественным было создание отделений низших разрядов. Но, как известно, идея ранжирования отделений не получила воплощения. Второе, что бросается в глаза, – отсутствие упоминания в составе совета представителей секций ГАФ. Это убеждает в том, что в середине мая 1918 г. секционная структура (секции и входящие в них отделения) еще не созрела в сознании авторов реформы. По нашим представлениям, секционная структура стала обретать начальные очертания в конце мая. Мы постараемся это обосновать.

Проект положения был демократичным в своей основе, отражал настроения, сложившиеся в Союзе РАД. Руководитель ведомства не назывался ни его начальником, ни заведующим. Он считался назначаемым “центральный правительством” (употреблять название “Совет народных комиссаров” авторы проекта избегали) председателем совета, пользующимся в правительственных сферах правами и положением “товарища” наркома просвещения, защищающим интересы своего ведомства – “с правом непосредственного доклада”. Своего заместителя он “приглашал” сам из числа членов совета на три года.

Права совета намечались большими: законодательная инициатива и разработка законопроектов по подведомственным вопросам, дача заключений по этим же вопросам, если их поднимают другие учреждения (“без означенных заключений подобные вопросы не могут выходить на окончательное разрешение центрального правительства”), утверждение ведомственных инструкций, “перемещение, разделение и соединение фондов”, их разыскание, командирование инспекторов, составление общей сметы и др. Текущими делами предстояло заниматься бюро ГУАД (суженный состав совета, возглавлявшийся его председателем). На бюро возлагалось, в частности, назначение на ответственные должности в структуре ведомства, причем по важнейшим из них (заведующих отделениями и инспекторов) требовалось утверждение совета. Бюро рассматривало также вопросы увольнения сотрудников подведомственных учреждений, если на них поступали жалобы. Все назначения и увольнения должны были решаться тайным голосованием, причем для увольнения требовалось согласие совета, что гарантировало бы защиту прав служащих от несправедливостей администрации.

Поначалу в права бюро намечалось включить издание “руководящих указаний” подведомственным учреждениям, но сработала установка на их “автономию”, и из последующих редакций проекта положения этот пункт был вычеркнут.

Простым большинством голосов решались все вопросы совета и бюро. Правда, председатель совета имел право единоличного решения вопросов, если они не допускали отлагательств, были связаны со спасением архивов и не выходили за пределы компетенции бюро. Выше совета он встать не мог.

Читая редакционные варианты проекта положения, проникаешься ощущением, что его авторы в спешке “пробирались ощупью”

к формулировкам, выражающим смысл ГУАД. Сказывались неразвитость обобщений архивоведческой мысли, отсутствие архивной доктрины, неопытность в разработке общегосударственных установок.

О том, что ведомство входит в Наркомпрос и что его смета составляет особую часть сметы этого наркомата, в начальной редакции проекта почему-то не говорилось (во всех редакциях), хотя все было понятно по своим названиям. В последующих редакциях вопросы подведомственности главка и его сметы были подняты выше.

Говоря о совете и бюро, авторы осмысливали устройство и опыт деятельности рязановского комитета. Но ничего не смогли сказать об отделениях будущего главка и их составе и функциях, хотя ощущали их необходимость и упоминали должности их заведующих. Это, по нашему мнению, являлось существенной недоработкой проекта положения.

Основная задача ведомства и характер управляемых им объектов в начальной редакции включены в середину текста. Но логическая ошибка была быстро понята, и эти вопросы вынесены в начало последующих редакций. Воспроизведем два первых пункта по тексту последней редакции, представленной Совнаркому: “1. Главное управление имеет основной задачей сохранение, учет и накопление архивных и связанных с ними научно-книжных фондов и наиболее целесообразную их организацию в интересах развития русской исторической науки. 2. Главное управление архивным делом ведает Государственным архивным фондом, научно-книжными фондами, с ним связанными, архивами общественных учреждений и учреждениями, перечень которых к сему прилагается”. (Об этом перечне учреждений мы скажем ниже.)

Здесь есть чем восхищаться – и историкам, и профессионалам-архивистам. “Интересы русской исторической науки” фактически объявлялись нравственной основой русского архивного права. Провозглашение служения русской исторической науке в тот момент, когда стал в высших большевистских кругах замышляться ее разгром, являлось высоко патристической декларацией и антибольшевистским заявлением, поскольку марксизм вообще всю историю до наступления диктатуры пролетариата считал жалкой предысторией, а к русской истории большевики относились с ненавистью, сводя весь ее смысл к фактам антиправительственных выступлений.

Здесь же мы обнаруживаем неизвестный до сих пор факт истории русской архивной доктрины советского времени. Наряду с Государственным архивным фондом (совокупностью архивов правительственных учреждений) архивисты-платоновцы предполагали создать параллельную систему архивов общественных учреждений. Возможно, это отражало взгляды государственной исторической школы, разделявшей до определенной степени источники о разви-

тии государственной и общественной жизни. Не решаясь включить архивы общественных учреждений в ГАФ, Платонов и его окружение пришли к необходимости организовать и защищать эти архивы, включив их в компетенцию ГУАД. Таким образом, сфера архивного ведомства распадалась на два комплекса архивов (архивных фондов). Строгие юристы, оперируя понятием собственности, возможно сочли бы это разделение правомерным. Но архивоведение – самостоятельная научная дисциплина; с ее точки зрения такое деление ошибочно. Все системы документирования создают информацию, хотя и разнокачественную, но отражающую единый исторический процесс.

С введением летом 1918 г. секционного деления ГАФ указанная идея частично отпала: многие архивы общественных учреждений вошли в ГАФ, главным образом в VI секцию: сословные, земские и др., т. е. были фактически приравнены к архивам правительственных учреждений.

О научно-книжных фондах мы уже говорили: при ведомственных архивах старого режима были очень ценные библиотеки, архивисты не собирались с ними расставаться. В 1919 г. им удалось образовать VIII секцию – печатных изданий. Что касается перечня подведомственных учреждений (исторического профиля), то мы на нем еще остановимся, когда попытаемся выяснить, почему проект положения был в основе своей загублен малым СНК.

Теперь о редакциях проекта декрета по архивному делу. Все редакции проекта в два раза короче редакций положения. Сам декрет публиковался несколько раз, ему посвящено много работ. Но проект декрета опубликован только однажды – А.П. Пшеничным – в последней редакции, представленной Совнаркому. Однако Пшеничный ошибался, говоря, что этот проект декрета назывался “О Главном управлении архивным делом”. Так он был обозначен в повестке дня малого Совнаркома.

Нам известны три редакции проекта данного декрета. Ни одна из них не имела названия. Видимо, авторы испытывали какие-то препятствия, затруднения или не захотели по какой-то причине его сформулировать. Но если коротко выразить содержание проекта, то основной смысл был в создании ГАФ, причем неоднократно в тексте подчеркивалось, что ГАФ является “единым” не только в смысле внутренней “сплоченности”, но и в своем роде неповторимости, отсутствия каких-либо других законных систем архивов. Это придавало термину “единый” юридическое значение. Попутно заметим еще одну нестыковку с проектом положения о ГУАД, где ГАФ ни разу не характеризовался “единым”.

Все редакции проекта декрета текстуально и структурно близки (если не считать изменившегося названия центрального управления). Лишь самая ранняя из известных нам, видимо, та, что обсуждалась рязановским комитетом 11 мая, начиналась не с образования единого ГАФ из архивов правительственных учреждений (это было

2-й статьей данной редакции), а с вопроса, вызывавшего наибольшие опасения архивистов в тот момент, – с решения судьбы фактически беспризорных законченных дел. Их надлежало передать в единый ГАФ. Срок отсчета времени, с которого эти материалы подлежали передаче в ГАФ, во всех редакциях проекта не указывался: в текстах оставлены пустые места (отточия).

Видимо, Рязанов не настаивал на дате Октябрьского переворота как моменте разграничения старых и новых “текущих” архивов (о чем он говорил на первом заседании своего комитета), и вопрос оставался на рассмотрении наркомпросовской комиссии, созвать которую Совнарком предписал постановлением 26 апреля. (Помимо законченных канцелярских дел, передаче в единый ГАФ подлежали и незаконченные, но “утратившие значение для повседневной деятельности”).

Понятие единого ГАФ объяснялось во 2-й статье начальной редакции декрета, хотя логика требовала открыть декрет этим понятием. Однако за судьбу архивов правительственных (государственных) учреждений авторы декрета беспокоились меньше, чем за дела, валявшиеся в коридорах канцелярий. Эта статья гласила: “Все архивы правительственных учреждений ликвидируются как ведомственные учреждения и хранящиеся в них дела и документы отныне образуют единый Государственный архивный фонд”. Именно эта формулировка стала теоретико-классификационной и организационной основой доктрины нового русского архивоведения.

В последующих редакциях статьи 1-я и 2-я поменялись местами. Декрет открылся характеристикой единого ГАФ как теоретико-классификационной категории архивоведения и как объективной реальности (будущей) – с показом основ его формирования. Продолжался декрет (ст. 2) вопросом о комплектовании единого ГАФ документами, не представляющими для учреждений практического значения. Архивоведческая логика укрепилась. Статья 3-я развивала тему источников будущего накопления ГАФ, но представила ее в незаконченном виде: в учреждениях оконченные дела хранятся “не более...” (срок не указан), после чего передаются в единый ГАФ. Указать срок авторы проекта, по-видимому, не захотели, опасаясь за судьбу всего декрета. Видимо, они знали разные настроения разных наркоматов, что и обнаружилось на московском совещании 27–28 мая. Но важно, что был назван постоянный резерв будущего комплектования ГАФ: “законченные дела” учреждений. Эту же тему продолжало запрещение уничтожать дела в учреждениях без письменного разрешения архивного ведомства, причем нарушителям угрожала судебная ответственность (ст. 6). Предупредить или смягчить сопротивление учреждений передаче архивов в ГАФ была призвана статья 7-я проекта декрета, обязывающая ГУАД немедленно установить порядок выдачи архивных справок, причем преимущественное право их получения отдавалось тому “правительственному месту, которое производило данное дело”¹⁰¹. Заме-

тим, что это единственное упоминание декрета о порядке пользования архивными документами, и притом не в научных целях. Вопрос о правилах допуска ученых декретом не рассматривался, хотя он всегда волновал и архивистов, и историков. Весной 1917 г., как помним, он обсуждался в Союзе РАД. Вероятно, авторы проекта декрета предполагали его решение путем издания соответствующей инструкции совета ГУАД. Ясности здесь не было, что и обнаружилось на московском совещании в конце мая 1918 г.

Статья 4-я проекта поручала заведование единым Государственным архивным фондом Главному управлению, но о подчинении его Наркомпросу умалчивала. Так же как и о том, что, согласно положению, ГУАД заведовало не только ГАФ. Важнейшей характеристикой ГАФ стал принцип централизации архивного дела (ст. 5): “В целях лучшего научного использования, а также для удобства хранения и экономии расходов, отдельные части Государственного архивного фонда по возможности должны быть соединены по принципу централизации архивного дела”¹⁰². Здесь выражен не весь смысл этого принципа, а только, так сказать, аспект “уплотнения” частей ГАФ. Управленческий и теоретико-методические аспекты подразумевались созданием ГУАД, а также положением о ГУАД (назначение руководящего состава, инспектирование, издание инструкций и др.). Но все же европейский принцип централизации был провозглашен и впоследствии стал императивом русского архивоведческого сознания. Подчеркнем, что это единственная установка проекта декрета, названная в нем “принципом”.

На одном из экземпляров второй редакции проекта декрета имеется правка, сделанная рукой Платонова после заседания ЦКУА 17 мая. В том месте, где говорилось о библиотеках и библиотечном имуществе упраздняемых учреждений, было написано, что они передаются Книжной палате, чтобы по соглашению с ГУАД образовывать при ГАФ специальные книгохранилища. Эта правка перешла в редакцию проекта, представленную Совнаркому (ст. 8).

Последняя (9-я) статья проекта декрета объявляла в маловыразительной формулировке, что “для ближайшего заведования архивным делом” на местах “образуются по мере надобности областные учреждения, положение о которых будет объявлено дополнительно”. Вопрос был явно недоработан. Не из стремления критиковать авторов проекта, а ради попытки проанализировать их сознание, поставим несколько вопросов, которые напрашиваются сами собой. Первый из них, почему “по мере надобности”? Видимо, у петроградских архивистов в мае 1918 г. не существовало уверенности в повсеместной необходимости местных архивных учреждений. Опять же, почему? Другой вопрос: какого рода должны были стать эти учреждения? Вряд ли думали о возрождении гибнущих губернских ученых архивных комиссий, которым сочувствовал А.С. Лаппо-Данилевский. Скорее, предполагались областные (охватывающие несколько губерний) управления. Не случайно в проекте положения о

ГУАД упоминался, как мы знаем, представитель Московского областного УАД (в составе членов совета). И еще непонятно, почему вопрос о местных архивных учреждениях поставлен в текст декрета о ГАФ, а не в положение о ГУАД, что было бы там к месту.

Забегаая на несколько месяцев вперед, скажем, что созданное летом Московское областное управление быстро занялось выяснением состояния губернских ученых архивных комиссий и приступило к назначению в губернии своих уполномоченных. Однако Петроград этим не занимался. Здесь следует обратить внимание на 1-ю редакцию ст. 9 проекта декрета, где говорилось, что областные учреждения “для ближайшего заведования архивным и научно-книжным делом... учреждаются” (без оговорок “по мере надобности”) только “вне территории Северной области”. (Т. е. вне территории, административно тяготеющей к Петрограду.)

А теперь вернемся к вопросу об отношении авторов рассматриваемых проектов к советской власти. Точнее, какую роль они отводили ей в организации архивного дела? Совет народных комиссаров они называли Центральным правительством. Оно назначало руководителя архивного ведомства, в ранге заместителя наркома просвещения, наделенного правом “непосредственного доклада” в Центральном правительстве, что являлось средством защиты архивного дела от волюнтаризма некомпетентного наркомпросовского начальства. Подчинение Наркомпросу мыслилось, скорее, номинальным, поскольку ГУАД занимал в этом наркомате “особую часть”. Главная функция Наркомпроса заключалась в том, что он выступал в качестве канала финансирования архивного ведомства. Теперь мы, кажется, нашли ответ на вопрос, который ставил нас в тупик несколькими строками выше: почему в проекте декрета так неясно говорилось об областных архивных управлениях? Авторы проекта декрета не желали их включения в местные наркомпросовские органы при совдепах – наробразы. Но прямо заявить об этом не решались.

Когда декрет говорил об отношениях с другими учреждениями, то они прямо или косвенно рассматривались, говоря современным языком, как источники будущего комплектования ГАФ.

Как помним, в конце апреля СНК РСФСР поручил Луначарскому созвать совещание для выработки детального проекта организации Центрального архивного управления. В 20-х числах мая в Москве состоялось несколько обсуждений этого вопроса. Они освещены в нашей литературе, хотя с пробелами (ничего не сказано об обсуждении, состоявшемся в Наркомпросе 22 мая). Литература вопроса особенно подчеркивала различие позиций Рязанова и Покровского о статусе органа управления архивным ведомством: входит ли оно в Наркомпрос или подчиняется более высокой инстанции? Но при этом совершенно не учитываются два важнейших фактора, определявших внутренний смысл и развитие этих споров. Одним из этих факторов было появление альтернативного проекта П.П. Малиновского организации “Музейно-библиотечно-архивного центра” (так

охарактеризовал его Луначарский). Выдвигая этот проект, Малиновский вступил в тяжелую борьбу с Луначарским, но затрагивал интересы и других участников майских совещаний 1918 г. Второй фактор – осложнение номенклатурных позиций Покровского, которому в то время угрожала опасность остаться без престижного места в системе высшей государственной власти.

Начнем со второго вопроса. Он поддается более короткому изложению. С ноябрьских дней 1917 г. Покровский был московским комиссаром иностранных дел (назначен Московским ВРК), потом стал председателем Моссовета, а в марте 1918 г. – председателем образованного тогда Совнаркома Московской области, охватывавшей несколько губерний. Но ленинский Совнарком был уже в Москве, и между двумя правительствами начались конфликты. 20 мая 1918 г. под неясным давлением Ленина состоялось решение о ликвидации областного СНК¹⁰³. Покровский оказался без должности, конечно, он был озабочен. Он жаждал властной должности в ранге наркома. Возглавлять самостоятельное архивное ведомство (а не отдел наркомата) было в то время для него вполне престижным¹⁰⁴. Рязанов, уже занимавшийся почти два месяца подготовкой архивной реформы, тоже хотел руководить этим ведомством. Но он тогда был беспартийным. Должность руководителя самостоятельного ведомства ему не светила. Стать во главе автономной структурной части Наркомпроса – на это он вполне мог рассчитывать.

Мы еще напомним главные доводы, приводившиеся в прениях по вопросу, кому должно подчиняться архивное ведомство. Но теперь обратимся к проекту Малиновского.

В архивоведческой литературе не отражен (но он нашел место в работах по истории культуры) муссировавшийся в конце 1917 – начале 1918 г. замысел централизации московских архивов в рамках грандиозного проекта превратить Кремль в “Акрополь и Пантеон русского искусства”¹⁰⁵. В основе замысла лежала идея И.Э. Грабаря, выдвинутая еще летом 1917 г.¹⁰⁶ После Октября эту идею стал развивать П.П. Малиновский – московский комиссар дворцового ведомства, затем – председатель моссоветовской комиссии по охране памятников искусства и старины¹⁰⁷. Малиновский опирался сначала главным образом на художников профобъединения “Изобраз”, влияние которых сказалось, в частности, в подходе к архивам как к категории “художественных ценностей”. Под давлением Моссовета членами комиссии стали некоторые крупные музеи и отдельные “архивные коллективы”. Уже в первые месяцы существования комиссия приняла решение “сконцентрировать в Кремле все московские архивы”¹⁰⁸.

В среде музейно-библиотечных деятелей Малиновский престижем не пользовался: “гаденький, плюгавенький человек, не внушающий доверия”, хотя и скромный, – охарактеризовал его после первой встречи Ю.В. Готье¹⁰⁹. Профессиональный архивист Н.П. Попов (его Синодальный архив находился в Кремле), непо-

средственню подчинявшийся Малиновскому несколько месяцев и натерпевшийся от его бестолковости в архивном деле, не постеснялся в записке, предназначавшейся для журнала “Исторический архив”, обозвать его “совдеповским болтуном”¹¹⁰.

П.П. Малиновский (1869–1943) – почти неизвестная фигура из числа советских сановников второго, если не третьего, ранга. Менее известный, чем его супруга – комиссар московских театров, а затем директор Большого театра Е.П. Малиновская. По профессии Малиновский был гражданским архитектором. В большевистской партии состоял с 1904 г., но ничем себя “не проявил”. В годы первой мировой войны жил в Москве, состоял на службе в Союзе городов.

Наивысшей власти он достиг весной 1918 г., возглавив Наркомат имущества Республики – малоизвестное учреждение, возникшее в декабре 1917 г., когда подыскивали наркомовские должности для левых эсеров, согласившихся участвовать в советском правительстве. На должность наркома имущества Республики был назначен тогда левый эсер В.А. Карелин.

Новый наркомат сразу приобрел двоякую юридическую природу. С одной стороны, он стал правопреемником имущества Императорского двора, а с другой – сразу рассматривался как неустойчивая временная правительственная структура, задачу которой Карелин, равнодушный к своему ведомству, видел в самоликвидации. Уже в декабре 1917 г. он заключил соглашение с Луначарским о постепенном переводе подчиненных объектов в ведение Наркомпроса¹¹¹.

После выхода левых эсеров из советского правительства (в знак протеста против Брестского мира) Луначарский увидел возможность быстро ликвидировать параллельный наркомат. Но в Совнаркоме его предложение не прошло, а вместо Карелина “временным заместителем” наркома 18 марта был назначен Малиновский. Вскоре он стал именоваться “исполняющим обязанности” наркома. (В ранге собственно наркома он никогда не был, хотя некоторые документы именовали его так.)

Декабрьское соглашение Карелина и Луначарского тяготило Малиновского. В стремлении к независимости он попытался заручиться поддержкой московских деятелей искусства и собрал 11 апреля 1918 г. совещание от имени Моссовета, где произошло столкновение “москвичей” с “петроградцами” (т. е. наркомпросовцами). Москвичи выступали за формирование коллегии Наркомата имущества путем избрания специалистов от профессиональных организаций и против назначения “сверху” (как это было принято в Наркомпросе).

Заключая дискуссию, Малиновский произнес многозначительные слова: «Мы, москвичи, всегда относились скептически к петроградскому централизму... Москва должна быть автономной в художественной жизни. “Московская республика” с ее особым укладом художественной жизни должна сохранить всю полноту своих прав...” Коллегия наркомата была избрана из 18 человек; в том числе – Малиновский “по должности”¹¹². Московский “сепаратизм” во

многим объясняется слабой личной связью Малиновского с высшей правительственной верхушкой.

Добиться независимости Малиновскому не удалось. Уже 12 апреля Луначарский вынудил его подписать соглашение с некоторыми эфемерными уступками о “временной конституции” автономного наркомата, названного на этот раз Наркоматом художественно-исторических имуществ. Там говорилось, что это часть Наркомпроса, входящая в его “группу искусств”, включавшую архивно-музейно-библиотечные и другие отделы. Отдельно оговаривалось, что переименованному наркомату поручается организовать Центральный музей великой русской революции “путем сосредоточения документов из всех архивов, могущих иметь отношение к этой задаче”. Это было прямое посягательство на идею централизации архивного дела и принцип недробности архивных фондов.

Со стороны Малиновского подписание соглашения о “временной конституции” явилось лишь выражением внешней покорности. На первом же заседании коллегии его наркомата было решено, не считаясь с “временной конституцией”, образовать в наркомате отдел охраны памятников искусства и старины с подотделами: музейным, архивно-библиотечным, живописно-скульптурно-декоративным, церковным и др.

Фактической базой наркомата Малиновского оставалась моссоветовская комиссия охраны памятников¹¹³. Ее архивно-библиотечный отдел занимался по архивной линии выяснением наличия в Москве и ее окрестностях находящихся в опасности архивов упраздненных учреждений и частных лиц, перевозкой их в безопасные места или установлением охраны “на местах”. Отдел возглавлял В.К. Трутовский (Оружейная палата, где имелся прекрасный древний архив). В состав отдела входили, в частности, Ю.В. Готье, ведавший рукописным собранием Румянцевского музея, библиотеквед того же музея А.К. Виноградов, В.Д. Бонч-Бруевич, архивисты – Б.С. Пушкин, С.Н. Кологривов, В.Н. Сторожев (некогда уволенный Д.Я. Самоквасовым за допущенные нарушения по службе из Московского архива Министерства юстиции), Ю.(Г.)В. Сергиевский, В.К. Клейн – блистательный выпускник Московского археологического института, сочетавший многие научные интересы. Он же входил в церковный отдел и подкомиссию по реставрации разграбленной в январе Патриаршей ризницы, был секретарем архитектурного отдела¹¹⁴. В краткой характеристике деятельности комиссии Малиновского, составленной не ранее мая 1918 г., обозначен, в частности, “отдел по централизации московских архивов”, но без поясняющих сведений и указания личного состава.

Региональная централизация архивов, конечно, способствовала бы их сохранности. Но в это же самое время, как мы знаем, в окружении Рязанова и Платонова велась подготовка всероссийской централизации, разрабатывалась идея единого ГАФ и специализированного главка для управления им. Попытки же Малиновского и его сотрудников нельзя признать научно проработанными.

На заседании Большой государственной комиссии по просвещению 22 мая Луначарский сообщил о плане Малиновского создать музейно-библиотечно-архивный центр (самого Малиновского не было; по-видимому, его не пригласили), которому он противопоставил позицию Петроградской комиссии по охране музеев, пожелавшей перейти в Наркомпрос и “создать объединенный отдел архивно-библиотечно-музейный, независимый от Комиссариата имуществ Республики”. Это был не только выпад против Малиновского, но и удар по готовившейся реформе архивного дела. Что касается Рязанова, то он, по словам Луначарского, выдвинул проект “создать конференцию для выработки общего направления музейно-архивного дела” (так в протоколе; возможно, правильно: “библиотечно-архивно-музейного”)¹¹⁵. Стоит ли обсуждать на данном заседании, спрашивал Луначарский “не терпящий отлагательства вопрос об организации архивно-музейно-библиотечного дела”? Или выделить для этого особую комиссию?

Бряд ли Рязанов задачей предлагаемой конференции видел обсуждение вопроса образования объединенного органа управления. Неудача объединения с научными книгохранилищами уже показала эфемерность таких замыслов. Но обсудить границы и зоны взаимопроникновения предметов хранения в названных учреждениях – эта мысль могла руководить Рязановым в то время. Впрочем, это наши догадки... В зале же прозвучала реплика (неизвестно, чья) в пользу Рязанова: вопрос о музеях и архивах решать не в большой комиссии, “а собрать особое совещание под председательством т. Рязанова”.

На этом заседании Рязанов и Покровский временно объединились. Каждому из них требовалось отстоять идею “отдельности” архивного ведомства от притязаний и Малиновского, и Луначарского. Аргументация Покровского сводилась к тому, что архивное дело “требует руководства специалистов, каковыми не могут явиться знатоки библиотечного и музейного дела”. Рязанов, вероятно согласившийся с этим, выдвинул не менее глубокий довод: самостоятельность архивного дела в том, что требует постоянных сношений со всеми комиссариатами. Объяснение в протоколе опущено, но суть довода понятна: наблюдение за состоянием делопроизводства и “текущими архивами” учреждений, комплектование ГАФ, наведение справок и др.

Заметим, что Покровский, апеллировавший к кадрам специалистов архивного дела, дорвавшись через несколько лет до поста руководителя архивного ведомства, безжалостно растоптал их.

К концу заседания 22 мая Рязанов понял, что идею созыва конференции присутствующие не поддерживают. Ведь это значило дать открытую трибуну крупным ученым, настроение которых было известно представителям наркомпросовской верхушки и на фоне которых они выглядели бы жалкими дилетантами. Поэтому Рязанов свел вопрос к образованию из членов большой комиссии “специаль-

ной комиссии для рассмотрения вопроса о музеях, архивах и библиотеках". Комиссию утвердили в составе шести человек. Председатель назван не был, но первым стояло имя Покровского. Рязанов же был назван четвертым.

Эта комиссия собиралась в один из ближайших дней, но мы не знаем, какого числа. Она изменила назначенный ей профиль – стала комиссией по архивному делу и приняла решение "о сосредоточении архивов всех ведомств в едином архивном центре", т. е. "центре", не включающем музеи и библиотеки. Об этом Рязанов говорил 30 мая на Большой государственной комиссии, которая продолжила обсуждение вопроса¹¹⁶.

Но в этот промежуток времени – 27-28 мая – имело место другое важное мероприятие. Официально оно называлось комиссией по выработке проекта организации Центрального архивного управления (так она названа в сохранившемся оригинале протокола), которую в послевоенной литературе принято называть "совещанием". По составу участников и духу выступлений это и было совещанием, поэтому и мы его будем так называть.

Сразу скажем, что сформулированная задача совещания – выработать детальный проект организации Центрального архивного управления – была камуфляжем, вызванным необходимостью показать, что выполняется постановление СНК от 26 апреля. Как мы знаем, проекты положения о ГУАД и декрета были уже готовы, и Рязанов, вероятно, рассчитывал на их благожелательное рассмотрение: на первом заседании – проекта положения о ГУАД, на втором – проекта декрета. Но замысел Рязанова сразу поломал Покровский. Всеобъемлющего обсуждения проектов не получилось.

Совещание было подготовлено Наркомпросом плохо, а у Рязанова в Москве не было ни своих сотрудников, ни связей в научных кругах. Он пытался наспех налаживать отношения с незнакомыми учеными, которые, если что знали о его реформистских замыслах, то только по коротким сообщениям петроградцев. Но петроградские архивные деятели плохо знали своих московских коллег. (Это стало ясно еще в начале деятельности Союза РАД.)

Об этом совещании говорились в нескольких работах (А.В. Чернов, В.В. Максиков, В.И. Вяликов, С.О. Шмидт, А.П. Пшеничный, Е.В. Старостин и Т.И. Хорхордина). Для того, чтобы попытаться углубить рассмотрение вопроса и исправить допущенные неточности, нужно прежде всего всмотреться в сохранившиеся оригиналы протоколов заседаний.

Протоколы не подписаны, выполнены неотработанными женскими почерками, причем первый по старой, а второй по новой орфографии. Они открываются списками присутствующих – обычно без инициалов (мы восстанавливаем их, где возможно). В них указаны не все участники совещания. После второго протокола следует дополнительный список участников заседания 28 мая. Но и здесь представлены не все имена. Некоторых выступавших протоколист-

ки не знали и по ходу записей заменяли фамилии именами и отчествами или названиями учреждений, которые они представляли. В таких случаях установить имя выступавшего можно. О двух выступавших нет никаких сведений: выступил “т[оварищ]...” – далее пропущено место в строке. Не был ли один из них проф. А.И. Яковлевым? О его участии в совещании есть не вполне отчетливое упоминание у Готье¹¹⁷. Во всех списках присутствующих встречаются неизвестные нам имена.

В начале протокола 27 мая названы (без указания, кем они являлись; мы это сделаем по необходимости сами): Покровский, Рязанов, Д.В. Цветаев – директор бывшего МАМЮ, Г.(Ю.)В. Сергиевский (из бывшего МГАМИД), В.И. Невский – большевик, проручившийся один год на естественном факультете Московского университета, в тот момент – заместитель наркома путей сообщения (или уже нарком?), И.Э. Грабарь (председатель московской музейной коллегии Наркомпроса, сильный недоброжелатель Малиновского, стремившегося убрать его из Третьяковской галереи), А.К. Виноградов – библиотековед из Румянцевского музея¹¹⁸, Н.Н. Кононов (рукописный отдел Исторического музея), а также Станкевич¹¹⁹. В тексте протокола воспроизведено, кроме того, выступление Л.Г. Шапиро – наркомпросовца, поддержавшего Рязанова.

Некоторые из участников заседания 27 мая на заседание 28 мая не пришли. Но в целом состав второго заседания был шире. В начальных строках протокола и заключительном списке снова были названы: Рязанов, Покровский, Сергиевский, Кононов, Грабарь, Виноградов. Нет Станкевича. Но указано несколько новых лиц: Н.Г. Высоцкий (из МАМЮ), Н.Н. Ардашев (тоже), названный в одном случае Ардановым, известный нам С.В. Белокуров, С.[А.] Венгеров (фамилия написана не очень четко), а также И. Григанис, С. Аристов, некто Ф. (Ор.?) Кур... (фамилия не закончена). Но в тексте протокола фигурируют, кроме них, выступавшие: “представитель комиссариата иностранных дел”, он же Георгий Васильевич, т. е. Чичерин, “представитель университета” Александр Николаевич (это – профессор Савин), Л.Г. Шапиро, а также Василий Николаевич – безусловно, Сторожев, некогда служивший в МАМЮ, а потом одно время сотрудничавший с Покровским¹²⁰.

Максаков отмечает в числе активных участников совещания и других лиц: Д.Н. Егорова, Р.Ю. Виппера и Д.М. Петрушевского¹²¹. На этот счет в конце протокола 27 мая есть запись слов Рязанова, предлагавшего “привлечь к работам комиссии специалистов – Савина, Егорова, Виппера и Петрушевского”. Савин приехал, как мы писали, на следующий день; о других в протоколе 28 мая нет никаких намеков.

Об этом протоколе можно с уверенностью сказать, что он отразил не все выступления. Это показывает лаконичная запись Белокурова, сделанная в зале заседаний на оборотной стороне проекта дек-

рета¹²². Белокуров перечислял колонкой фамилии выступавших. В частности, он назвал Грабаря, Цветаева и Кононова, о выступлениях которых протокол молчит. Имен Егорова, Виппера и Петрушевского (якобы активных участников) в этой записи нет; Савин есть. Яковлева нет. Покровский и Рязанов названы Белокуровым дважды, хотя по протоколу выступали по пять раз. Вовсе Белокуров не упомянул выступавшего дважды Шапиро. В нескольких случаях Белокуров записал обрывки высказанных мыслей. Больше других его интересовал Чичерин, которому в тот момент он подчинялся по службе. В одном месте есть совпадение подряд трех слов Чичерина – у Белокурова и в протоколе.

Обращает внимание, что из профессионалов-архивистов на обоих заседаниях присутствовали только сотрудники МГАМИД и МАМЮ, а также рукописного отдела Исторического музея. Представителей кремлевских архивов (Московского отделения архива императорского двора, Оружейной палаты, Межевого, Губернского старых дел, Патриаршего собрания), Лефортовского архива, Военно-ученого архива, только что передислоцированного из Петрограда, и других не было.

В эти дни судьба Покровского была уже решена. Еще 23 мая он был назначен заместителем Луначарского (правда, утвержден в этой должности в начале июня). Но “антирязановский заряд” кипел в нем, и это ощущается в протоколах 27–28 мая.

Заседание 27 мая открылось докладом Рязанова. Идея централизации, объяснил он, мыслится не в строго материальном смысле, т. е. не в объединении всех архивов в одном помещении, “а в подчинении всех архивных фондов одному общему центральному управлению”. Далее он огласил проект положения о ГУАД.

В отличие от петроградцев, которые в той или иной форме обсуждали в рамках Союза РАД или в деятельности ЦКУА вопросы архивной реформы, для москвичей это было новое. Не очень весомо выглядел в их глазах Рязанов – личность, им практически неизвестная. К тому же он вел себя нечетко. Огласив проект положения о ГУАД, включавший будущее архивное ведомство в Наркомпрос, он, не упоминая, естественно, о предшествующих прениях с Покровским, сказал, что необходимо выяснить “государственно-правовое положение Центрального архивного управления”¹²³. Самостоятельно ли оно (подчиняясь центральной власти) или входит в состав какого-либо ведомства, предположительно – Наркомпроса. Дальше в протоколе без всякого перехода приведены такие его слова: “Итак, главные тезисы – национализация и управление”. Термин “национализация”, приобретший в ту пору политологический смысл, носился в воздухе, и все же Рязанов применил его теоретически некорректно. Национализация – это обращение частной и общественной (в том числе муниципальной) собственности в государственную. Архивы же правительственных учреждений – главный объект реформы – всегда являлись государственной собственностью. Рязанов имел в виду их централизацию, а сказал “национализация”.

Намеченная реорганизация архивного дела, продолжал Рязанов, облегчит положение ведомств, “освободив их от излишнего балласта... Сосредоточение архивов по крупным резервуарам даст несомненно экономию людей, средств и времени”.

Однако обсуждение богатого содержанием, хотя и несовершенного, проекта положения о ГУАД смазал Покровский, предложивший “ввиду краткости времени” обсудить только один вопрос (нам уже понятно какой): должно ли архивное ведомство входить в Наркомпрос или быть самостоятельным, как в Англии, где оно находится “при Короне”¹²⁴? Аргумент “краткости времени” был возмутителен и обличает его автора в равнодушии к сути проблемы. На повестке дня стоял вопрос важнейшего значения – судьба русских архивов и, стало быть, русской исторической науки.

Далее выступило пять человек, из которых позицию Покровского явно поддержал только архивист Сергиевский: ЦУА должно находиться непосредственно при верховной власти, сказал он, ибо ведомства не понимают значения архивов, отчего архивное дело у нас до сих пор не поставлено на должную высоту. Почему-то Сергиевский полагал, что в верховную власть – в силу ее “верховности” – имплицитно заложено понимание роли архивного дела.

Внутренним достоинством было наполнено выступление проф. Цветаева. Глядя на Покровского, которого русские ученые презирали, и Рязанова, который еще не добился уважения москвичей, он прочел им краткую лекцию о том, как сложился документальный состав возглавляемого им архива, подчеркнув, что положение архива в структуре Министерства юстиции было почетным. Управляющему предоставлялось “больше полномочий”, чем директорам министерских департаментов. Отсюда вытекла осторожная оппозиция идее централизации: зачем она нужна архиву? Правда, “если новое управление даст полный размах внутренней жизни архива, то, относясь с благодарностью к прежнему управлению, ничего нельзя иметь и против централизации”.

Желательной признал централизацию архивного дела Виноградов. Кто-то из присутствующих (имя установить не удалось, но видно, что человек ученого склада) нашел, что обсуждать по существу нечего. “Все работники знают, как затруднительно пользоваться архивами в различных ведомствах, тем более, что у каждого ведомства свой норов”. В прошлом вопрос о централизации архивного дела поднимался неоднократно, говорил тот же человек, “но сваливался в комиссии”. Разрешить его нужно в срочном порядке. Это звучало поддержкой проекта положения.

Но другой неизвестный нам выступающий предложил не спешить, дать возможность высказаться компетентным лицам и учредителями и “даже созвать съезд по этому вопросу” (может быть, это был Кононов?), что сходно с позицией Лаппо-Данилевского. Это был протест против тезиса “краткости времени”. В ответ Покровский произнес эмоциональную речь: “...плывут несметные архив-

ные сокровища из дворцов и усадеб, происходит эвакуация ведомственных архивов, в провинции уничтожаются дворянские архивы, церковные архивы исчезают, тут даже замечается тенденция прятать документы. Если пропустить время, можно этих архивов и не найти". Доводы впечатляющие, но показывают, что Покровский был поверхностно знаком с проектами нормативных актов архивной реформы. Весной 1918 г. усадебные, вообще частные архивы, не предполагалось включать в сферу централизации.

Рязанова, видимо, задело выступление Цветаева, и он сказал, что привилегии отдельных архивов уже отпали (почему-то написано "с 25 февраля 1917 года"). "Применяясь к реформе", все архивы будут в равных условиях – станут равными секциями единого Архивного фонда¹²⁵. И тут он назвал случайностью, что не было в свое время претворено в жизнь "положение (калачовской. – В. А.) Временной комиссии, сформулированное в 1873 году"¹²⁶.

Резюмируя итоги первого дня совещания, Покровский, вопреки фактам, объявил, что все высказались не только за централизацию, но и за самостоятельность архивного управления, т. е. он безосновательно объявил о своей победе над Рязановым. На следующем заседании, сказал он, остается обсудить, подчиняется ли это управление верховной власти – ВЦИКу или исполнительной власти – Совнарком, "наряду с другими комиссариатами". Эти слова приоткрывают затаенную мечту Покровского – быть не заместителем наркома, а самостоятельным наркомом. Но здесь подал голос Шапиро: "Ввиду отсутствия политического значения [у архивов], мало надежды, чтобы Совнарком причислил управление к себе"; целесообразно причислить его к Наркомпросу.

Вот тогда-то ободренный Рязанов предложил привлечь к дальнейшей работе (о чем мы уже знаем) "специалистов: Савина, Егорова, Виппера и Петрушевского". Это были специалисты по западноевропейскому средневековью. Ни одного представителя московской исторической школы, воспитанной на традициях С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, имевшего богатый опыт работы в русских архивах, Рязанов не назвал: М.К. Любавского, М.М. Богословского и др., хотя работать, как показали последующие события, ему пришлось в Москве именно с ними и близкими им людьми¹²⁷.

Заседание 28 мая предполагалось посвятить проекту декрета о едином ГАФ. Но Покровский, открывая его, поставил на обсуждение только два вопроса: с какого момента архивные документы переходят в состав ГАФ (как помним, в проекте декрета дата не указана – проставлено отточие) и при каком "центре" должен находиться ГАФ? Этот второй вопрос был уже обсужден накануне. В проекте декрета ясно говорилось, что заведование ГАФ возлагается на ГУАД. Но Покровского волновал не ГАФ, а подчиненность ГУАД.

Рязанов, отвечая Покровскому, назвал 25 октября 1917 г. сроком, "после которого все бумаги, утратившие значение для повсе-

дневной деятельности ведомств, будут считаться законченными и переходят в Государственный архивный фонд". И тут Рязанов впервые в русском архивоведении провозгласил принцип гласности. Записано это так: передача документов, утративших повседневный ведомственный интерес, сделает Россию единственной страной, где сразу "будет осуществлен ... принцип гласности политической деятельности и уничтожения тайной политики". Как именно выразился Рязанов, сказать трудно, но смысл достаточно ясен. Под политической деятельностью надо понимать внешнеполитическую, а под "уничтожением тайной политики" – раскрытие секретов тайной полиции. Но архивоведческий смысл этих слов был более широким: все, что входит в состав ГАФ, открыто для всеобщего ознакомления и изучения. Добавим: принцип гласности звучал в устах Рязанова не только в научном, но и в социально-космополитическом духе. Скажем и другое: в заявлении Рязанова о гласности архивов содержался и острый выпад в адрес грубой практической акции Покровского против открытости архивов (апрель 1918 г.). Несколько строками ниже мы расскажем об этом. Тема гласности заняла важное место в обсуждении 28 мая.

Савин не зря пришел на заседание. Его выступления звучали в академическом духе. Природа архивов, напоминал он, двойственна. Они не только ученые, но и правительственные учреждения. Принцип общественной гласности значителен, но – и здесь прозвучали патристические ноты – если Россия откроет дипломатические материалы ГАФ всем желающим, в том числе иностранцам, то поставит себя в уязвимое положение, поскольку сама останется неосведомленной о документах такого же рода в архивах других стран. Короче: они о нас узнают, а мы о них нет.

Вопрос о гласности документов был напрямую связан со сроком передачи ведомственных архивов в ГАФ, и это вылилось в столкновение с Чичериным, который в те дни стал наркомом иностранных дел. Он не желал расставаться с архивными материалами второй половины XIX в. и повел линию на подрыв архивной реформы. Хотя принцип гласности желателен, говорил он, дипломатические дела "тянутся" многие десятилетия и необходимы "экспертам" в текущей деятельности Наркоминдела. Поэтому сроки передачи дел в ГАФ нужно установить (на данном совещании) для каждого ведомства отдельно, а если это невозможно, пусть решает Совнарком.

Не получив поддержки, Чичерин выдвинул опасное предложение: передавать документы в ГАФ только после снятия с них копий, оставляемых в ведомственных архивах. Коварство заключалось в технической неисполнимости массового копирования. Чичерин, имевший достаточный опыт архивной работы, это знал, но рассчитывал обмануть совещание. Если бы его предложение было принято, Петроградский архив МИД не вошел бы в состав ГАФ.

Заявление Чичерина о копировании навело Покровского на мысль о копиях другого рода – образовавшихся в делопроизвод-

ственном процессе. По его словам, в архиве иностранных дел 99% документов имеются в нескольких экземплярах, и “эксперты” могут пользоваться копиями, а не подлежащими сдаче в ГАФ подлинниками, “главная ценность которых – в надписях государей, что является особенно ценным для изучения историка”. Стало быть, подлинники должны поступить в ГАФ, а копии оставлены в Наркоминделе. Идея примитивная с источниковедческой точки зрения и опасная с архивоведческой. Ее реализация (выдирание “отпусков”) из сложившейся переписки) привела бы к разрушению исторических комплексов документов. Покровский, никогда не работавший в архивах, этого не понимал. Далее Покровский, вероятно по подсказке Сторожева, высказал противоположную установку: сохранение в ГАФ порядка хранения бумаг, принятого в ведомствах, облегчит “экспертам” пользование нужными материалами. Это, видимо, не все поняли и Сторожеву пришлось объяснять, что в условиях централизации архивов ведомства смогут с успехом продолжать работу с документами, поскольку будет сохранена классификация бумаг, а “центральный архив” будет находиться там же, где центральные ведомства. Централизация уничтожит тайную политику, обеспечит интересы науки. Она необходима и как средство приобретения народом “элементарных познаний”.

Вернемся к Покровскому. Имея в виду опасения Савина, он показал себя в полной мере интернационалистом, ожидавшим скорого наступления мирового Октября: “при новом строе в международной политике придется опираться, главным образом, на движение социальное и политическое, на имеющиеся в других странах социалистические партии”. (Получалось, что все эти страны – друзья России и опасаться одностороннего раскрытия тайн русских дипломатических архивов нет оснований. Этого в протоколе нет, но таков смысл.) Далее Покровский сказал, что сведения об этих партиях можно взять из архивов МВД и Департамента полиции. В чем смысл этих слов? Помогать социалистам в борьбе за власть? Или давить на них, используя компрометирующие сведения, собранные в царских архивах? Мысль Покровского не закончена.

И все же Покровский отчетливо выступил против идеи гласности архивов. Но это относилось к “внутренней политике”. В России, говорил он, существуют элементы, активно изыскивающие в архивных документах “различного рода неприятные указания для советской власти”, занимающиеся распространением “нежелательных слухов”. Поэтому следует установить контроль за всеми желающими “пользоваться архивами XIX века”. Отсутствие хронологической логики (неприятности для советской власти нелепо связывались со временем, когда ее еще не было) имеет свое объяснение. На самом деле Покровский имел в виду не советскую власть как таковую, а большевистскую партию (и поэтому, говоря об архивах XIX в., подразумевал документы первых лет XX в.). Конкретно же имелась в виду изданная “Задругой” в начале 1918 г. книга “Боль-

шевики". Она включала документы Архива политических дел (Московского охранного отделения)¹²⁸, раскрывавшие наличие агентов тайной полиции в рядах большевиков, в том числе близких к Ленину. Это обнажало его политическую слепоту, подрывало его личный авторитет, как и авторитет большевиков вообще.

С марта 1917 г. Архив политических дел находился в распоряжении Комиссии по разработке политических дел г. Москвы, возглавлявшейся С.П. Мельгуновым и В.Н. Сторожевым. В отместку за данную публикацию Покровский в апреле 1918 г. упразднил комиссию, а архив переименовал в Архивно-политический отдел при СНК Московской области¹²⁹, т. е. подчинил его себе. Участники совещания об этом, конечно, знали. Они понимали, чего боялся Покровский, вынужденный произнести бессмысленную по форме речь. Как видим, подняв вопрос о гласности архивов, Рязанов сумел поставить Покровского в нелепое положение.

К вопросу о гласности вернулся Савин, выступивший за полную свободу исследования всего архивного материала в научных целях. Но при обращении к нему в политических целях "должна быть известная гарантия" добросовестного использования – "и в таком случае рекомендации ученых учреждений могут оказаться недостаточными". Нельзя думать, что Савин был духовно солидарен с Покровским¹³⁰. Его побуждения были иного свойства. Он руководствовался, скажем так, абстрактной логикой: существовало Российское государство, от которого остались архивы; есть ученые и есть чуждые науке искатели сенсаций. С этими последними всегда нужно быть осторожными.

Впрочем, повторим еще раз, протокол 28 мая несовершенно. Это особенно видно из записи слов Рязанова, отвечавшего Савину¹³¹. Вот, что он якобы сказал: "т. Рязанов указывает, что в параграфе о совете Главного управления архивами предусмотрен вопрос о том, кто именно может пользоваться архивами"¹³². Как помним, вопрос, о совете ГУАД рассматривался в проекте положения о ГУАД, но ничего о пользовании архивами в нем нет. Там (в п. 6) перечислены учреждения, из представителей которых составляется совет.

Видимо, Рязанов рисовал характер учреждений, рекомендаций которых достаточно для допуска в архивы. Но, если так, то излагал не свои мысли, а говорил в духе логики платоновского проекта положения. Его собственные взгляды были теперь другими: продолжал настаивать "на предоставлении полного права без всяких ограничений всем лицам пользоваться архивными материалами". Он тонко заметил (в адрес Покровского), что "в противном случае явится возможность толкования некоторых документов в силу их тайности не в пользу советской власти". В ответ Покровский намекнул, что Рязанову интересы советской власти безразличны. Борьба против нее не прекращается. Поэтому, утверждал он, для работы в архивах необходимы рекомендации не только ученых обществ, но и государственных и "частных" учреждений. Выражение "частные

учреждения” – словесный выверт, маскирующий партийные организации большевиков.

Неожиданно провозглашенная Рязановым идея полной открытости документов ГАФ не вытекала из взглядов его петроградского окружения и даже противоречила им. (Вспомним доклад Г.А. Князева в Союзе РАД о допуске к архивам.) Она имела собственные корни, уходившие в социал-демократическое сознание Рязанова и, возможно, перекликавшиеся с негодованием молодого Маркса по поводу цензуры печатных изданий. Плохо проработанная, историографически не осмысленная, она не была поддержана историками и архивистами 28 мая. Рязанов уступил, но, что показательно, он принял один из доводов Савина (а не Покровского): поскольку еще нет “принципа” взаимного пользования документами между Россией и другими странами, он согласился на необходимость рекомендаций, не сказав чьих.

Чичерин твердо стоял на своем в вопросе о сроке передачи документов в ГАФ: установить для каждого ведомства свой срок, по истечении которого передавать дела в “центральный архив” (ГАФ). Но! Только после снятия с них копий. Это последнее перечеркивало замыслы архивной реформы. Профессиональные доводы Сторожева не произвели впечатления на Чичерина.

Тогда Рязанов предложил созвать еще одно специальное совещание архивных деятелей для определения единого срока передачи архивов. Что касается документов, нужных “для работы экспертов”, то их можно отнести к категории не утративших значения для повседневной деятельности ведомств, т. е. использовать п. 2 проекта декрета.

Далее в протоколе оставлено пустое место для 6–7 строк. Но на полях против записи предложения Рязанова тем же почерком написано: “1. Установить срок передачи дел, утративших значение для повседневной деятельности ведомств на специальном совещании архивных деятелей. 2. Считать необходимым при передаче всех дел в единый центр снятие копий дел, не утративших значения для повседневной деятельности ведомств”. Это похоже на формулировку решения совещания, к сожалению, испытавшую влияние Чичерина.

Покровский предложил установить место нахождения “Центрального архива” там, где находятся центральные ведомства (повторение мысли Сторожева) – “в настоящий момент в Москве”. Рязанов этого, конечно, не хотел; его окружение и опору составляли петроградцы. Но предложение Покровского получило одобрение. После этого Покровский вновь выступил за непосредственное подчинение Совнаркому. И ему опять возразил Л.Г. Шапиро: это нарушит “объективность работы архива”; пусть он станет “отделом” Наркомпроса.

Заканчивая столь противоречивое совещание, Рязанов выдвинул неожиданный новый довод в пользу наркомпросовской принадлежности архивного ведомства. В ущербном протокольном изложении это выразилось в том, что данный наркомат наиболее заинтересован

в подготовке архивистов, а новое ведомство должно быть связано “с Археологическим институтом или при нем должна быть организована архивная школа, подготавливающая будущих архивных работников”¹³³. Несомненно, эта мысль отражала петроградские разговоры на тему создания кадров будущего единого ГАФ. Произвел ли этот аргумент желаемое впечатление на присутствовавших, сказать трудно. Во всяком случае сам Рязанов предложил отложить обсуждение вопроса о принадлежности архивного ведомства до принятия Совнаркомом “проекта организации Центрального управления архивами”. Перед нами новая неясность: зачем обсуждать этот вопрос после принятия положения о ГУАД, в котором (п. 4) говорилось, что ГУАД – особая часть Наркомпроса? Но хорошо видно, что Рязанов имел в виду продолжить обсуждение коренных вопросов архивной реформы после того, как Совнарком утвердит положение о ГУАД. А это значит, что Рязанов разделял по времени принятие правительственных актов: сначала – положение о ГУАД, потом (после дополнительного обсуждения специалистами архивного дела) – декрет.

Итак, оба вопроса, поставленные Покровским на обсуждение 28 мая, – о сроке передачи документов в ГАФ и о подчиненности архивного ведомства – не получили формального разрешения. Позиция Покровского не нашла необходимой поддержки, что нужно понимать как успех Рязанова, хотя и его идея полной гласности документов ГАФ не прошла. Общая оценка задуманной реформы была на заседании 27 и 28 мая положительной, однако сам процесс обсуждения оставляет впечатление зыбкости. Это согласуется с впечатлением ученых – участников совещания: “то, что об этом совещании говорили Яковлев, Виноградов и Савин, достаточно безотрадно”, – лаконично записал Готье¹³⁴.

Детального обсуждения проектов нормативных актов не получилось, что было вызвано в первую очередь стремлением Покровского смять Рязанова, а также из-за недостаточной юридической проработанности проектов, малочисленности присутствующих московских архивистов, отсутствия петроградцев, готовивших проекты, а также профессоров русской истории. Участники обоих заседаний не имели возможности заблаговременно подготовиться к обсуждению документов архивной реформы, отделить ее в своем сознании от других актов советской власти. В отличие от петроградцев, москвичи не переболели к весне 1918 г. идеей реорганизации архивного дела¹³⁵. Опасно проявил себя 28 мая Чичерин, фактически вставший на позиции ведомственного архивного сепаратизма.

Рязанов надеялся, что у него еще есть время улучшить положение, проведя обсуждение нерешенных вопросов в среде профессионалов – “архивных деятелей”. Но этого не произошло. Добавим, что 30 мая вновь собралась Большая государственная комиссия по просвещению, где с новой силой разгорелась борьба Покровского с Рязановым по тому же самому вопросу: в чьем ведении должно нахо-

даться архивное ведомство? Прения вылились в диалог противников, но новой аргументации по существу не было. Кроме слов Рязанова о “большом удобстве” приглашать “необходимых работников” в архивное ведомство “под флагом Комиссариата народного просвещения”. Рязанов знал это из собственного опыта общения с “необходимыми работниками”: трудиться под флагом Наркомпроса они будут, но сотрудничать под стягами СНК или ВЦИК им морально было бы значительно труднее. С другой стороны, и оформлять классово чуждую интеллигенцию в “особую часть” Наркомпроса было бы проще. Луначарский молчал. Поддержал Рязанова снова Шапиро. Судя по протоколу, вопрос о доступности архивов не обсуждался.

В конце обсуждения Покровский уступил, согласившись принять предложенные Рязановым основные положения организации ГУАД. С одним исключением – лишить председателя совета ГУАД записанного в проекте положения о ГУАД права непосредственного доклада Совнаркому. Этим Покровский, только что ставший заместителем наркома просвещения, хотел держать Рязанова под своим контролем. В таком духе и было сформулировано постановление большой комиссии¹³⁶.

Но это решение, как и вся предшествовавшая борьба Покровского против Рязанова, не повлияли на дальнейшее рассмотрение документов архивной реформы в СНК РСФСР. Там действовал другой сценарий. Освещая эти события, мы будем пользоваться работами Шмидта, Пшеничного, Старостина и Хорхординой. Однако наши выводы не вполне совпадают с мнениями этих авторов.

Вечером того же 30 мая, после заседания большой комиссии, проект положения о ГУАД был поставлен на обсуждение Совнаркома в формулировке “Вопрос о Главном управлении архивным делом”. Председательствовал Ленин. Проект декрета на рассмотрение не представлялся, что отражало намерения Рязанова разделить во времени утверждение правительством государственных актов архивной реформы.

Старостин и Хорхордина справедливо упрекнули Пшеничного, который, отметив, что Совнарком, сочтя вопрос недоработанным, снял его с повестки дня, не выяснил, чем это было вызвано¹³⁷. Приведенная Пшеничным выписка из совнаркомовского протокола и в самом деле причины не объясняет: “...представить завтра же как проект, так и все поправки к нему в письменной форме за подписями председателя комиссии или лица, внесшего поправку”¹³⁸. Из этих слов видно, что Совнарком был заинтересован во внесении поправок в проект положения о ГУАД и хотел решить вопрос быстро.

Стремясь объяснить, почему проект был возвращен для доработки, Старостин и Хорхордина правильно уловили, что основанием этого было внимание Ленина к “примечанию” Чичерина к п. 2 проекта. Вот что об этом сказано в ленинской Биохронике (само

“примечание” Чичерина там не напечатано): «Ленин во время обсуждения “Положения о Главном управлении архивным делом” знакомится с написанным Г.В. Чичериным примечанием к параграфу 2 “Положения” и пишет на нем: “Прим. к § 2”»¹³⁹. Эта отметка Ленина сломала, как увидим, судьбу проекта положения. Но Старостин и Хорхордина почему-то связали эту запись Ленина с проектом декрета, хотя в Бюхронике ясно сказано, что речь шла о проекте положения. Отсюда ошибочное заключение, что дело застопорилось из-за нежелания Чичерина расставаться с частью документов. Мы уже знаем, что он действительно этого не хотел. Но в данном случае вопрос заключался в другом.

Надпись Ленина явилась сигналом “быть настороже”, адресованым в первую очередь председателю малого СНК русофобу М.Ю. Козловскому, хорошо понимавшему, чего от него ждет вождь большевиков. Вместе с Лениным, Я.С. Ганецким и другими большевиками он привлекался к судебной ответственности при Временном правительстве за преступные связи с Германией¹⁴⁰.

В чем же роковой смысл “примечания” Чичерина? Чтобы понять это, нужно еще раз вчитаться в текст п. 2 проекта положения. Там говорилось, что ГУАД ведает Государственным архивным фондом, связанными с ним научно-книжными хранилищами, архивами общественных учреждений и (внимание!) “учреждениями, перечень которых прилагается”. Этот перечень раскрывался в Приложении № 2 к проекту положения. Его приводил Пшеничный; мы же о нем говорили вскользь.

Оказывается, что авторы проекта намеревались взять в ведение архивного ведомства (под свою защиту) важные очаги русской науки, которым грозила гибель: Археографическую комиссию (просуществовала до конца 20-х годов), Петроградский и Московский археологические институты¹⁴¹, где преподавались архивоведческие дисциплины (просуществовали до 1922 г.), Комитет русской иконописи, вскоре потухший в условиях гонений на православие, Румянцевский музей, расформированный в 1921–1927 гг. (его книжная часть преобразована в 1925 г. в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина), Константинопольский археологический институт, задуманный после турецкого нападения на Россию в 1915 г. (видимо, ГУАД надеялся на его восстановление). Далее назывались: Российский исторический музей (сохранился, несмотря на сильные удары в начале 30-х годов), Русское историческое общество, закрытое в 1920 г., Русское военно-историческое общество, фактически прекратившее деятельность в 1914 г., когда основной его состав ушел на фронт (но многие с начала 1918 г. стали возвращаться из армии), Общество любителей древней письменности, просуществовавшее под расширенным названием (“и искусства”) до первой половины 1920-х годов, Общество истории и древностей российских, действовавшее до конца 1918 г., а официально закрытое в 1929 г. Последним назван Союз российских архивных деятелей¹⁴², времен-

но закрывавшийся в 1922 г. петроградскими властями с целью убрать его руководителя Платонова, а окончательно угасшей в 1924 г. после изгнания из системы Центрархива последнего председателя – Лебедева.

В текст проекта положения о ГУАД упоминание о перечне этих учреждений было внесено рукой Платонова не ранее 17 мая. Видимо, и сам перечень составлен тогда же. Если бы идея защиты названных учреждений и организаций получила юридическое утверждение Совнаркомом, архивное ведомство смогло бы защитить развитие важных участков исторической науки.

Историки знали, что с весны 1918 г. в кругах большевистских идеологов вызревал замысел разгромить русскую гуманитарную науку. В конце апреля стало известно заявление астронома П.К. Штернберга – комиссара просвещения московского СНК, возглавлявшего одновременно отдел вузов Наркомпроса РСФСР, – о предстоящем упразднении историко-филологических и юридических факультетов. Согласно его проекту, университетская подготовка гуманитариев ограничивалась семинарскими занятиями, а лекции отменялись. “В этом проекте, – отмечал Е.Н. Городецкий, – нашли свое выражение установки коммунистической партии по вопросам высшего образования”¹⁴³.

Одновременно известная нам Большая наркомпросовская комиссия одобрила идею, подсказанную Покровским, превращения Академии наук в Ассоциацию наук. Это резко ослабило бы, думается, функциональные связи академической науки, ослабило бы ее влияние на ученый мир. Эта задумка не удалась, и Покровский вместе с М.А. Рейснером выдвинул идею создания параллельной Социалистической академии¹⁴⁴.

Встревоженные академики выдвинули в эти же дни ответный проект создания в рамках Академии наук Института социологии для изучения важных проблем общественной жизни: экономики, статистики, юриспруденции, государствоведения. Возглавил разработку проекта Лаппо-Данилевский. Советское правительство, естественно, не согласилось с образованием методологически враждебного Соцакадемии конкурента. Немного позднее, в августе 1918 г., Соцакадемия (образовавшаяся в июне) рассмотрела проект Лаппо-Данилевского, дала ему резко отрицательную оценку и полностью отвергла, – так сказано в работе И.С. Смирнова¹⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 2. С. 74, 77.

² РГАВМФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 581. Л. 15об.

³ РГИА. Ф. 6900. Оп. 3. Д. 94. Л. 31.

⁴ Напомним случай поразительной черствости и пренебрежения, проявленного Лаппо-Данилевским к скромному московскому архивисту С.А. Шумакову, который, восхищенный личностью и ши-

- рокими археографическими планами Лаппо-Данилевского, поверил, будто бы является его "соработником" в подготовке к изданию древних актов. Однако Лаппо-Данилевский видел в нем просто переписчика и при издании сборника даже не упомянул его фамилию. Это было в предвоенные годы. Позднее Шумаков сам стал издавать грамоты Коллегии экономики (ЦГАДА. Путеводитель. М., 1946. Ч. 1. С. 237).
- ⁵ Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). 1884. № 5. С. 21–38.
 - ⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Рец. на кн.: Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции. 1888. Кн. 5 // ЖМНП. 1899. № 4. С. 407–408.
 - ⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Участие Русского Исторического общества в правильной постановке архивного дела в России // Имп. РИО, 1866–1816 гг. Пр., 1916. С. 120–123. Отд. издание: Лаппо-Данилевский А.С. Особая комиссия при имп. РИО и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911–1916 гг. Пр., 1916.
 - ⁸ ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 137.
 - ⁹ Бурцев В. В погоне за провокаторами. М., 1989. С. 60.
 - ¹⁰ Доклад "о секретности" известен нам по протокольной записи, выполненной Лебедевым, а доклад об условиях допуска – по оригиналу (с незначительной правкой Лебедева) и протоколу. Обсуждение докладов – по протоколам (ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–36об., 44–44об., 61–62).
 - ¹¹ Говорилось также о студентах, чиновниках и др. Им также требовались рекомендации. Иностранным подданным – от их посольств (это уже практиковалось).
 - ¹² В мае 1917 г. деятель нескольких губернских ученых архивных комиссий генеалог В. Юренев писал из Пернова (ныне: Пярну) в Союз РАД: "Теперь я с ужасом вижу гибель в пламени поэтических дворянских гнезд, исторических памятников в Киеве, Екатеринославе, Новгороде. Пламенеешь от гнева при ожидании возможности, что одно поколение может разрушить все деяния предков. Задача генеалогов, археологов и других деятелей по изучению старины, объединившись бороться всеми имеющимися средствами с этими страшными варварствами" (ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 49. Л. 99–99об.).
 - ¹³ ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.
 - ¹⁴ Там же. Д. 1. Л. 27 об.–28.
 - ¹⁵ "Междуведомственность" совещания (в составе восьми человек) была формальной. Все его члены, кроме вице-директора Департамента общих дел МВД, официально представляя разные организации (например, Постоянную историческую комиссию Академии наук, Министерство народного просвещения, Русское историческое общество и др.), являлись членами Союза РАД. Непосредственно Союз представляли Д.П. Струков, А.И. Лебедев и кн. Н.В. Голицын, выступавший одновременно от имени Московского археологического общества (ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 42. Л. 29–30 об., типогр. экз.; в данном и других делах этого фонда имеются стеклографированные экземпляры журнала, сделанные летом 1917 г. с машинописного текста).

- ¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 137 об.
- ¹⁷ Столь же принципиально Лаппо-Данилевский протестовал против намерения финнов отправить в Гельсингфорс петроградский Архив Статс-секретариата по делам Финляндии. Академик считал его "русской государственной собственностью". Совет Союза РАД признал этот архив архивом "русского правительственного учреждения (так оно и было. – В. А.), а несколько не финской национальной собственностью" (ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 243; Д. 19. Л. 31).
- ¹⁸ Идея архивного съезда возникла до Февральской революции. Пробным шаром явился Съезд представителей губернских ученых архивных комиссий (лето 1914 г.), но его задачи были резко ограничены. Через два года в редакционном примечании к одной из статей С.Р. Языкова, принадлежащем, скорее всего, М.К. Соколовскому, было сказано; "Архивное неустройство (синоним самовластного "архивного нестроения". – В. А.) можно устранить лишь специальным архивным съездом и свободным допуском на него не только представителей всех исторических обществ, но и всех желающих, отдельных лиц – архивистов, ученых, писателей и пр.". Такой съезд, задуманный Обществом ревнителей истории, не состоялся из-за начавшейся войны. Архивисты выступали бы на этом съезде в качестве "отдельных лиц", а решение их вопросов возлагалось на исторические общества. Архивную комиссию при данном обществе, образованную в 1914 г., возглавляла супруга фактического его руководителя Соколовского – Т.О. Соколовская – масонка, известная трудами по истории русского масонства (см.: *Языков С.Р. К вопросу об архивном законодательстве* // Вестн. имп. Общества ревнителей истории. Пг., 1916. Вып. 3. С. 191; ср.: Там же. Пг., 1914. Вып. 1. С. 271).
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 250.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 7. Д. 6259. Л. 7об. Упоминания о Московском союзе встречаются и в других архивных фондах.
- ²¹ *Пшеничный А.П.* О подготовке декрета "О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР" // Советские архивы (далее: СА). 1987. № 6. С. 17.
- ²² Воспоминания об Октябрьском перевороте: Заседание участников Октябрьского переворота в Петербурге, состоявшееся 7 ноября 1920 г. // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 60–61. См. также: *Ирошников М.П.* Опубликование советским правительством в 1917–1918 гг. тайных дипломатических документов // Археографический ежегодник за 1963 год (далее: АЕ). М., 1964. С. 200–201; *Лопухин В.Б.* После 25 октября / Публ. Л. Бурцева // Минувшее: Историч. альманах. М., 1990. Кн. 1. (Репринт парижского издания 1986 г.). С. 9–98.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 184 (С.А. Белокуров). Оп. 1. Д. 443. Л. 130–130 об.
- ²⁵ *Луначарский А.* Как мы заняли Министерство народного просвещения // Народное просвещение. 1927. № 10. С. 123.
- ²⁶ Там же. С. 125.

- 27 Безжалостность московских большевистских руководителей к архивам проявилась уже в ночь на 28 октября, когда им показалось, что начатое восстание может окончиться неудачей. Втайне они сожгли архив собственного Военно-революционного комитета в помещении Моссовета (см.: О борьбе за Советскую власть в Москве / Подгот. В.А. Кондратьев // СА. 1987. № 6. С. 47–48). Что же тогда говорить об их отношении к архивам прежних лет?
- 28 ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 18. Л. 17–17 об.
- 29 Там же. Оп. 9. Д. 1. Л. 21 об. (Спенек – у В.И. Даля – шип, крючок, застежка у пряжки.)
- 30 *Орановский Е.В. "Кремль – Акрополь": (Страницы воспоминаний) // Из истории строительства советской культуры. Москва, 1917–1918: Документы и воспоминания. М., 1964. С. 320. Некоторые сведения о деятельности Малиновского будут приведены ниже.*
- 31 ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 27. Л. 44–44об.
- 32 Там же. Л. 44 об.
- 33 Алфавитная картотека насчитывала несколько десятков тысяч карточек.
- 34 ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 27. Л. 42–43. Этому сообщению предшествовали также видимо задержавшиеся в пути докладная записка С.Н. Кологривова и Б.С. Пушкина своему петроградскому начальству от 17 ноября и "акт осмотра", подписанный ими же и двумя чиновниками архива. Они рисуют ту же картину вандализма, уточняют дату разгрома: 3–6 ноября. См.: После разгрома московского Кремля / Публ. В. Седелникова // Звенья: Историч. альманах. М., 1991. Вып. 1. В записке "По донным Союзу РАД. Для памяти" (17 января 1917 г., рукопись) отмечалось: Московскому архиву Министерства юстиции "угрожает опасность разгрома, подобно Дворцовому архиву", поскольку часть его помещений ревизирована районными организациями советов рабочих и солдатских депутатов. Моссовет признает опасность такого соседства, но помещения до сих пор не освобождены от революционных и партийных организаций" (ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 27. Л. 40).
- 35 Разгром Дворцового архива /// Орловский вестник: Газета обществ. жизни, лит-ры, политики и торговли. 2 декабря 1917 г. № 269. Вырезка (ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 27. Л. 39). Эта статья, не имеющая подписи, начинается словами: "У[тро] Р[оссии] сообщает". Возможно, перед нами перепечатка.
- 36 ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1. Л. 2–3. Основная часть этой справки в смягченном виде опублик.: [Черепнин Н.П.]. Летопись архивной жизни // Исторический архив. 1919. № 1. С. 452–453.
- 37 В марте 1918 г. И.А. Бунин записал со слов человека, которому доверял, его впечатления о Фрице: "Да, да, давно ли это была самая жалкая и смиренная личность в обшарпанном сюртушке, а теперь – персона... сюртук с атласными отворотами" (и т. д.) (см.: Бунин И.А. Окаянные дни. М., 1990. С. 36. Репринт издания: Берлин, 1925). Накануне Февральской революции Фриче был председателем правления невыразительного и разношер-

- стного "Общества деятелей периодической печати и литературы". В совет общества входили Ю.А. Бунин, С.П. Мельгунов, В.В. Максаков (секретарь) и другие деятели – от большевистского настроя (В.Н. Подбельский – будущий нарком-почтель) до Е.Д. Кусковой. Тут же мы встречаем будущего руководящего работника Главархива В.Н. Сторожева. В 1929 г. высшее руководство сумело протолкнуть Фриче в академики, несмотря на неуважение, которое испытывали к нему ученые, называвшие Фриче "дураком от марксизма" (*Переченок Ф.Ф.* Академия наук на "великом переломе" // Звенья... С. 183).
- 38 Директор архива Мансуров (профессиональный дипломат, а не архивист) впал в прострацию, не выходил из квартиры, находившейся на территории архива.
- 39 Белокуров предательства не простил и в марте 1918 г. добился его увольнения решением совета Союза служащих архива.
- 40 РГАДА. Архив архива. 1918. Д. 2. Л. 6, 11, 25–26, 36, 53.
- 41 ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 97 об., 258, 262.
- 42 Там же. Л. 95.
- 43 Так считал, в частности, военный археолог Н.М. Печенкин, которому Луначарский помог сохранить от захвата помещение Артиллерийского музея (см.: Там же. Л. 97 – выступление в совете Союза 28 января 1918 г.).
- 44 Идея обращения к Бенуа, а затем к Луначарскому, была связана с событиями в мире искусствоведов и музейных работников. Еще в ноябре 1917 г. Луначарский пытался охватить в рамках проектировавшегося Государственного совета по делам искусства (или по заведованию дворцами и музеями) многочисленные комиссии и общества, возникшие до и после Октябрьской революции. Нарком хотел создать подчиненный ему орган "на паритетных началах" из представителей комиссий, с одной стороны, а с другой – представителей "организованной демократии". Последнее выражение – эвфемизм (применявшийся, чтобы не возбуждать неприятного ощущения у интеллигенции), обозначающий "советская власть". Художественная интеллигенция, объединенная в основном в Союзе деятелей искусств, дважды отвергала притязания Луначарского, считая, что право создавать руководящие органы принадлежит "Собору художественного мира России" (см.: Жуков Ю.Н. Первые мероприятия советской власти по охране историко-культурного наследия (Петроград, 1917–1918) // История СССР. 1983. № 5. С. 151). Нетрудно видеть, что идея созыва "собора" аналогична идее организации съезда архивистов. Луначарский упорствовал. 30 января 1918 г. он соблазнял музейных работников и искусствоведов, говоря, что задача Государственного совета – охрана помещений усадеб, библиотек, архивов, церквей и всего, имеющего художественное и историческое значение. Казалось бы все правильно. Но сотрудники Эрмитажа А.Н. Бенуа и С.Н. Тройницкий (член Союза РАД) возражали. И это естественно: на том же совещании пролеткультовец Н.Н. Пунин (комиссар Эрмитажа) раскрыл карты, заявив, что "все старое искусство буржуазно и народу совершенно не нужно" (Там же. С. 156).
- 45 ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 259 об.

- 46 Период после 30 января старого стиля по 25 февраля нового охватывал 13 дней.
- 47 14 февраля 1918 г. К.И. Чуковский, иронически симпатизировавший Луначарскому, написал о нем: "Он лоснится от самодовольства. Услужить кому-нибудь, сделать одолжение – для него ничего приятнее. Он мерещится себе как некое всесильное благостное существо, источающее на всех благодать". (Но на самом деле все ограничивалось рекомендательными письмами, "к кому угодно".) "Портрет царя у него в кабинете – из либерализма – не завешен. И покада говорит с одним, другому предоставляется право восхищаться государственной мудростью Анатолия Васильевича. Кокетство наивное и безобидное" (Чуковский К. *Дневник* (1918–1923) // *Новый мир*. 1990. № 7. С. 143). Портрет он не снял, конечно, не "из либерализма", а из тщеславия узурпатора. В свете этой зарисовки становится еще яснее нежелание Лаппо-Данилевского (человека принципиально иного типа духовности) пойти на унижительную встречу с Луначарским.
- 48 ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 259 об.
- 49 П.Е. Щеголев – модный в леводемократических кругах литературовед, публикатор, историк революционного движения – с нескрывым публицистическим настроем. С весны 1917 г. возглавлял Особую комиссию "по ликвидации" дел политического характера Департамента полиции. (Неудачный термин "ликвидация" понимался в смысле изъятия документов из помещений бывшего полицейского ведомства, но не как уничтожение дел. Однако это было модное слово, резавшее слух архивиста. Его на какое-то время в последние дни марта 1918 г. воспринял и Рязанов.) Дела департамента были доставлены в здание Сената, где позже началась работа Петроградского историко-революционного архива. Октябрьскую революцию Щеголев, по словам его биографа, встретил с энтузиазмом. В конце 1920-х годов Щеголев совместно с А.Н. Толстым анонимно напечатали мистифицированный "дневник" Вырубовой (Емельянов Ю.Н. П.Е. Щеголев – историк русского революционного движения / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 1990. С. 29–35; Черешня А.Г. Об архивном наследии П.Е. Щеголева // *Археографический ежегодник за 1979 год*. М., 1981. С. 284, 289; Кочетов А. Предисловие // "Дневник" и воспоминания Анны Вырубовой: Репринтное издание. М., 1990. С. 5). Мистификация была социальным заказом, преследовавшим цель развевать в народе страдальческий образ царской семьи, и источником получения гонорара. В члены Союза РАД Щеголев не приглашался. В одном из списков приглашенных на заседание Союза весной 1917 г. его фамилия фигурировала, но была зачеркнута и рядом написано: "не надо". Иного склада человеком был филолог В.И. Срезневский, возглавлявший Библиотеку Академии первого организационного собрания.
- 50 ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–1об.
- 51 Там же. Д. 1. Л. 261.
- 52 Иванова Л.В. Из истории Союза российских архивных деятелей // *Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки*. М., 1981. С. 198. Иванова пишет о "прото-

- коле", но протоколами оформлялись общие собрания Союза, заседания же совета Союза – "журналами".
- 53 Там же. С. 198.
 - 54 Роль мартовской эвакуации в получении Рязановым соответствующих полномочий отмечал он сам в конце мая 1918 г.; об этом будет сказано (ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 261–262).
 - 55 *Ан-ский С.* После 25-го октября 1917 года // *Архив русской революции*, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1923. Т. 8. С. 47. Репринтное издание. М., 1991. Т. 4 (7–8). С. Ан-ский – псевдоним С.А. (Ш.А.) Раппопорта – эсера, беллетриста и публициста, члена-сотрудника Имп. Географического общества. Состоял на полицейском учете. В дальнейших ссылках на эту работу псевдоним раскрываться не будет.
 - 56 В 1911 г. Рязанов читал лекции по профессиональному движению слушателям партийной школы в Лонжюмо (под Парижем). По свидетельству одного из слушателей, тайного агента полиции, лекции были сухими, строго научными и малодоступными для обучающихся. Сам же Рязанов обладал наружностью ученого, "серьезного профессора". См.: *Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения*. 3-е изд. М., 1990. С. 130–131. 1-е изд.: 1918 г.
 - 57 *Крылов В.В.* Человек огромной энергии и интеллекта // *Советская библиография*. 1989. № 6 (238).
 - 58 На боевом посту: Сборник к 60-летию Д.Б. Рязанова / Под ред. А. Деборина. М., 1930. С. 118.
 - 59 *Ан-ский С.* Указ. соч. С. 47.
 - 60 В 1931 г., после политического краха Рязанова, снятого с поста директора Института Маркса и Энгельса, исключенного из партии и арестованного, появились разоблачительные статьи, в одной из которых цитировались его слова, впервые произнесенные в начале 1919 г. (источник не указан): "Я не большевик, я не меньшевик и не ленинец. Я только марксист и как марксист – я коммунист" (см.: *Каплан И.* Рязановщина и военное дело // Под знаменем марксизма. 1931. № 4/5. С. 101).
 - 61 *Старцев А.* Русские блокноты Джона Рида. М., 1968. С. 137.
 - 62 *История КПСС*. М., 1967. Т. 3. Кн. 1. С. 344; *Старцев В.И.* Вопрос о власти в октябрьские дни 1917 года // *История СССР*. 1987. № 5. С. 50–52; и др.
 - 63 *Ан-ский С.* Указ. соч. С. 47–48.
 - 64 *Пайпс Р.* Создание однопартийного гос-ва в Советской России (1917–1918) // *Минувшее: Историч. альманах*. М., 1991. Кн. 3. С. 111; *Смирнов И.С.* Ленин и сов. культура: Госуд. дея-сть В.И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 г. – лето 1918 г.). М., 1960. С. 84, 86.
 - 65 *В.И. Ленин*. Биохроника. М., 1974. Т. 5. С. 234.
 - 66 *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов // *Вопросы истории КПСС*. 1989. № 9.
 - 67 Там же. С. 73.
 - 68 Как это понимать? Вряд ли Рязанов, покинув правящую партию и тем самым политическую арену, надеялся занять престижную должность. Скорее, эти слова отражают его внутренние сомнения в успехе на новом поприще.

- 69 ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 262.
- 70 Иванова Л.В. Из истории... С. 199.
- 71 Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 132.
- 72 Надо сказать, что мысль о Едином центральном архиве, возможно французского типа, Рязанову не была чужда и несколько позднее, в разговорах с московскими историками, он ее высказал. Но эта идея в русском архивном сознании не укрепились. Она трансформировалась в идею единого ГАФ. В 1922 г. Покровский, сменивший Рязанова, провел законоположение о Центральном архиве РСФСР (Центрархиве) (ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 262).
- 73 Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 25–26.
- 74 Наиболее известны: Блинов И. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905; Он же. Судебная реформа 20 ноября 1864 года: Историко-юридический очерк. СПб., 1915 (?). См. также: Памятная книжка Сенатского архива / Под рук. И.А. Блинова; сост. М.В. Ключков. СПб., 1913. Блинов неоднократно выступал в качестве издателя "Лекций по русской истории" С.Ф. Платонова.
- 75 РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–2 об.
- 76 Николаев А.С. Главное управление архивным делом: (Апр.–окт. 1918 г.) // Исторический архив. 1919. Кн. 1. С. 4–5.
- 77 РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 126. Л. 7.
- 78 "Развееванием" Пресняков называл вывоз иностранными захватчиками русских архивов в Польшу (откуда они были через много лет возвращены) и Швецию, где они находятся до сих пор.
- 79 Пресняков А. Реформа архивного дела // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 210. Этот номер журнала был напечатан летом 1919 г. Поразительно совпадение опечаток (исправленных нами в данном тексте) в статьях Николаева и Преснякова: в обеих статьях напечатан апрель 1917 г., а не 1918 г.
- 80 ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 8. Л. 1.
- 81 РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.
- 82 Вопрос о дате, разделяющей текущее делопроизводство и законченные архивы (27 февраля или 24 октября 1917 г.), вновь встал на следующем заседании 9 апреля, но не был решен.
- 83 Им подписаны все журналы заседаний комитета и бюро. Рязанов же ни под одним журналом почему-то не подписался, хотя его подпись всегда предусматривалась: "Председатель Комитета...". Когда председательствовал Платонов, он подписывал журналы. На заседании 9 апреля присутствовал некто А.А. Яблонский, вероятно, представитель петроградских партийных или совдеповских властей – для контроля. Больше на заседаниях комитета он не появлялся.
- 84 РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 128. Л. 2.
- 85 Абрамов К.И. Библиотечное строительство в первые годы советской власти. 1917–1920. М., 1974. С. 36, 163.
- 86 Будучи человеком предусмотрительным, Рязанов через несколько дней (перед отъездом в Москву) провел на заседании бюро другое решение: поручить Блинову и Слухоцкому составить "первоначальный проект" положения об управлении архивами (Журнал

- бюро от 22 апреля. РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 128. Л. 4). О библиотеках не упоминалось. Выполнялось ли это поручение, неизвестно. Видимо, опираясь на это решение, Рязанов делал свой доклад Совнаркому 26 апреля.
- 87 Шмидт С.О. Вступительное слово [к Тихомировским чтениям 1978 г.] // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 122.
- 88 Декреты Советской власти. м., 1959. Т. II. С. 385; История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы. 1917–1920. М., 1975. С. 16.
- 89 В.И. Ленин. Биохроника. Т. 5. С. 622.
- 90 Шмидт С.О. Указ. соч. С. 123.
- 91 Автор данной статьи письменно обращался в отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне: Российской национальной библиотеки) с запросом о наличии в этом фонде документов о подготовке и проведении архивной реформы. Фонд оказался необработанным, но сотрудники отдела любезно прислали несколько ксерокопий документов без шифров. В том числе и того документа, о котором здесь сказано.
- 92 10 июня 1918 г. Курдюмов был назначен помощником “заведующего организацией архивов” V (финансовой) секции ЕГАФ, а Габеев – помощником “заведующего организацией” III – военной секции (РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 128. Л. 10).
- 93 Первые редакции записки нам неизвестны. Но мы знаем законченные после принятия декрета 1 июня 1918 г. промежуточные варианты с поправками и дополнениями С.В. Белокурова (по части московских архивов) и окончательный вариант. Сразу ощущается стиль образного мышления Николаева: резкая критика безотрадной картины большинства русских архивов, далеких “от участия в научно-исторической деятельности”, сетования по поводу отсутствия системы управления ими или “хотя бы простого единообразия в их устройстве, управлении и порядках деятельности”, на присущий широким слоям общества “житейский взгляд” на архив как “на свалочное место старых дел и бумаг, обслуживаемое лицами почтенного возраста”, заканчивающими здесь служебную карьеру. Создание ГАФ отвечает давно назревшей потребности упорядочения архивного дела, спасению наиболее угрожаемых архивных фондов путем их концентрации и распределения по большим архивам, оживления научно-исследовательской работы по изданию описаний и изучению отдельных фондов. Далее дана схема ГАФ – семь секций и входящие в них отделения, перечислены 58 петроградских и 90 московских архивов с указанием, к какой части схемы ГАФ они будут отнесены. “Совершенно очевидно, что только охарактеризованная организация секций единого государственного архивного фонда может быть более или менее механически распространена и на всю территорию Республики” (ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 58. Л. 7 об.).
- 94 ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 263.
- 95 Максаков В.В. 35 лет советской централизации архивного дела // Тр. МГИАИ. М., 1954. Т. 5. С. 10–11.

- ⁹⁶ *Максаков В.В.* Архивное дело в первые годы советской власти. М., 1959. С. 21; *Он же.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969. С. 43.
- ⁹⁷ *Полиевктов М.* Реформа архивного дела в России. 1918 г. // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 2. С. 29. (М.А. Полиевктов с 1920 г. жил в Тифлисе.)
- ⁹⁸ *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 15–16; *Он же.* Понятие “архивный фонд” в советском архивоведении 1920-х годов // Там же за 1984 год. М., 1986. С. 45–46.
- ⁹⁹ Ленинградское отделение Архива АН СССР (ныне: Санкт-Петербургское отделение архива РАН). Ф. 929. Оп. 1. Д. 26; листы не пронумерованы. Документ выявлен и частично скопирован Н.И. Химиной.
- ¹⁰⁰ *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопр. истории. 1991. № 11. С. 158.
- ¹⁰¹ Эта лаконичная статья проекта декрета удовлетворила не всех петроградских архивистов. Предстоящее объединение архивов сделало актуальной выработку государственных основ выдачи архивных справок, выписей и копий, а также архивных дел – во временное пользование. До революции в разных ведомствах действовали разные установки, имевшие подчас законодательную силу. Их было желательно свести к некоторому общему порядку. В апреле-мае был подготовлен проект декрета по этим вопросам – “в изменение и дополнение подлежащих установлений”. Статус декрета своим правилам их авторы стремились придать в силу того, что они регламентировали отношение архивов с ведомствами, учреждениями и частными лицами (устанавливалось, кто и каким порядком имел право обращаться в архивы), предусматривалось в ряде случаев взимание гербового сбора (на основании устава о пошлинах 1914 г.) и полистного пошлинного сбора: тем самым проект придавал выдаваемым “справкам и бумагам” силу нотариальных актов. Выдача дел во временное пользование допускалась лишь в исключительных случаях и не более, чем на три месяца. Архивам разрешалось отказывать в выдаче учреждениям некоторых категорий документов: подлинников законов, документов, созданных до 1 марта 1881 г., особо ценных в художественном и историческом отношении. Определение последних возлагалось “на обсуждение” заведующего архивом. В спорных случаях вопросы выдачи справок и дел решались ГУАД и “областными управлениями”. Сознавая, что декрет призван лишь заложить нормативные основы данного направления деятельности архивов, в нем оговаривалось, что в развитие его постановлений совету ГУАД “предоставляется издать особую инструкцию”.
- Это краткое изложение проекта. Он нуждается в дальнейшем изучении. Есть убедительные основания считать, что он возник в кругу архивистов, близком к Платонову, но все же вне официальных рамок рязановского комитета. В нем применяются термины проектов положений о ГУАД и препроводительного декрета: ГУАД, “областные управления”, совет ГУАД, дважды после

- слова "архив" дано уточнение в скобках: "отделение государственного архивного фонда". В то же время о разработке данного проекта декрета нет никаких упоминаний в журналах ЦКУА и его бюро. Мы пользовались стеклографированной копией машинописного текста (старая орфография), предназначавшегося "для 2-го чтения в комиссии" — какой не сказано. Документ отложился в деле, сформированном в 1-м петроградском отделении VII секции ЕГАФ, но среди бумаг 1919 г.: явная ошибка систематизации. Видимо, весной 1918 г. он поступил в Историко-революционный архив для рассмотрения (имеются карандашные пометы) (см.: ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 130. Л. 51–52).
- 102 В начальной редакции проекта декрета вопрос о принципе централизации трактовался, на наш взгляд, слабее: части единого ГАФ "должны быть объединены в группы... для удобства хранения, экономии расходов и лучшего их научного использования". Второстепенные аргументы здесь поставлены выше задачи научного использования. Обращает внимание требование "объединения в группы", отражающее смутное стремление к структуризации ГАФ. Но к данному вопросу авторы реформы реально приблизились только через 2–3 недели. Тогда слово "группы" они убрали из текста.
- 103 *Серебрякова Э.Л.* Областные объединения Советов России. Март 1917 – декабрь 1918 г. М., 1977. С. 90–97.
- 104 В апреле он пытался, как мы видели, испортить результаты обсуждения доклада Рязанова в Совнарком. Добавим, что тогда же он настоячиво высказывался за то, чтобы научный отдел Наркомпроса взял в свои руки подготовку плана реорганизации архивов и библиотек. См.: *Смирнов И.С.* Указ. соч. С. 266.
- 105 *Орановский Е.В.* Указ. соч. С. 151.
- 106 *Жуков Ю.Н.* Становление и деятельность советских органов охраны памятников искусства и культуры. 1917–1920 гг. М., 1989. С. 82. Предполагал ли Грабарь концентрировать архивы в Кремле, нам неизвестно.
- 107 Охрана памятников истории и культуры (1917–1918 гг.) / Подгот. Г.А. Богуславский // СА. 1969. № 3. С. 53; *Бычков Ю.В.* В государственном масштабе: О ленинских декретах и делах партии по сохранению культурно-исторического наследия народа. М., 1980. С. 9–10.
- 108 *Орановский Е.В.* Указ. соч. С. 151.
- 109 *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 177.
- 110 ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1. Л. 21.
- 111 [*Кучин В.Н.*] Предисловие // Из истории строительства советской культуры... С. 5.
- 112 Из истории строительства советской культуры... С. 118–122.
- 113 Это было подтверждено по предложению Малиновского комиссией по охране памятников искусства и старины 4 июня 1918 г.: считать охрану памятников общей задачей комиссии и отдела охраны Комиссариата имуществ; временно они работали слитно (РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 16. Д. 388. Л. 93).
- 114 Прекрасный знаток кремлевской архитектуры, в том числе подземных сооружений, Клейн заплатил за эти знания в 1935 г.

Был осужден по "Кремлевскому делу", умер в тюрьме. О важнейшем открытии Клейна в области архивоведения (1921 г., он работал тогда в Главархиве) – идее пофондового, а не поархивного, как было до этого, учета архивных документов см.: Автократов В.Н. Понятие "архивный фонд..." // АЕ за 1984 год. С. 52. Автор идеи был забыт; ее присвоил М.С. Вишневский.

Видимо, не без влияния Клейна архитектурный отдел записал в середине мая 1918 г. не свойственные своему профилю задачи: "обратить внимание на губернский архив, который в настоящее время находится на попечении служащих губернского правления (т. е. не финансируется никакими властями. – В. А.). Это положение нельзя назвать безопасным. Нужно попутно сделать смотр архивов всех соборов, монастырей и церквей, гражданских учреждений и частных. Если архивы находятся в состоянии, возбуждающем сомнения в их безопасности, то принять самые энергичные меры к перенесению их в Кремль или другое безопасное место" (Из истории строительства советской культуры... С. 155).

¹¹⁵ ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 2306. Оп. 1. Д. 35. Ч. 2. Л. 123–123 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 172.

¹¹⁷ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 158.

¹¹⁸ В указ. статье Пшеничного проставлены инициалы П.Г. (однофамильца) – профессора Московского университета, специалиста по западноевропейскому средневековью. В описываемое время А.К. Виноградов неоднократно представлял свой музей в советских организациях. Ошибку Пшеничного повторили Е.В. Старостин и Т.И. Хорхордина в статье: Декрет об архивном деле 1918 года // Вопр. истории. 1991. № 7/8. С. 41–52. В протоколе 28 мая указано: А. Виноградов.

¹¹⁹ Вероятно, А.И. Станкевич, называвшийся весной 1917 г. как возможный член Союза РАД (ГАРФ. Ф. Р–7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 27). Он являлся заведующим библиотекой Российского исторического музея, секретарем Общества любителей российской словесности (1893 г.).

¹²⁰ См.: Гуковский А.И. Как создавалась "Русская история с древнейших времен М.Н. Покровского": К 100-летию со дня рождения М.Н. Покровского // Вопр. истории. 1968. № 8. С. 189, 132; № 9. С. 131, 135.

¹²¹ Макасов В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). С. 47.

¹²² РГАДА. Ф. 185. (Канцелярия 1-го отделения Госархива РСФСР). Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.

¹²³ В этот период в Москве применялось несколько названий будущего архивного ведомства (кроме ГУАД): Центральное управление архивами, Центральный архив, Центрархив и даже Государственный архив.

¹²⁴ Здесь Рязанов подал реплику, что считает "такое положение идеальным", видимо, из тактических соображений. На следующий день он говорил по-другому. Противоречия, борьба между Рязановым и Покровским, вероятно, снижали впечатления участников совещания.

- 125 Большие архивы стали не секциями, а отделениями секций единого ГАФ. Возможно, в тот момент вопрос о секционном делении не был еще окончательно разработан. Хотя допустима и ошибка протоколистки.
- 126 Это дало повод (Максакову и др.) обвинять Рязанова в том, что он видел в проводимой реформе осуществление дореволюционных проектов централизации. Не только Рязанов, но и другие участники реформы 1918 г., современники, считали так. Мы стараемся показать это.
- 127 Нельзя исключить, что на первое заседание приглашения некоторым из них посылались, но они не желали участвовать в обсуждении. Или получили приглашения с опозданием, как это было с Готье, испытывавшим одновременно и отвращение к мероприятиям "горилл"-большевиков, и интерес к данному вопросу. См.: Готье Ю.В. Указ. соч. С. 158.
- 128 См. прим. 56.
- 129 Новую комиссию Покровский предложил возглавить Сторожеву, но тот отказался. См.: Письмо М.Н. Покровского к С.П. Мельгуну / Публ. Л.П. Балашовой // СА. 1968. № 3.
- 130 Внутренняя ненависть Савина к большевикам известна из дневника Готье.
- 131 После Савина что-то говорили Цветаев и Кононов. Может быть, они ограничились короткими замечаниями. Но протокол этого не отметил.
- 132 ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 8. Л. 7.
- 133 Там же. Л. 8об.
- 134 Готье Ю.В. Указ. соч. С. 158. можно ли эти слова считать свидетельством личного участия А.И. Яковлева в совещании?
- 135 Некоторые из них числились в Союзе РАД: были избраны в его состав "заочно" в апреле 1917 г. (ГАРФ. Ф. Р-7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 27) и лишь потом, ответив согласием (это сделали не все), утверждены в качестве членов Союза. Но они были оторваны от него, не присутствовали на его заседаниях.
- 136 ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 2306. Оп. 1. Д. 35. Ч. 2. Л. 172–172 об.
- 137 Пшеничный А.П. Указ. соч. С. 19; Старостин Е.В., Хорхордина Т.И. Указ. соч. С. 45.
- 138 Цит. по: Пшеничный А.П. Указ. соч.
- 139 В.И. Ленин. Биохроника. Т. 5. С. 497–498. Эту свою отметку Ленин дважды подчеркнул.
- 140 Факты предательства Козловского приводятся, но бездоказательно отвергаются в кн.: Зубов Н. Первый председатель Малого Совнаркома. М., 1975. С. 117–124. См. также: Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. С. 467.
- 141 Они не являлись "археологическими" в современном понимании. Археология была нечетким понятием – "наукой о древностях".
- 142 Пшеничный А.П. Указ. соч. С. 20.
- 143 Городецкий Е.Н. Советская реформа высшей школы 1918 г. и Московский университет // Вестн. Московского университета: Сер. общественных наук. 1954. Вып. 1. С. 123–124; Готье Ю.В. Указ. соч. С. 158. Штернберг – инициатор артиллерийского об-

стрела Кремля, руководил наводкой пушек. См.: Шкляр Э. Профессор астрономии – комиссар фронта (о П.К. Штернберге). М., 1960. С. 20; Подляцук П. Партийная кличка – Лунный: Документальная повесть. М., 1964. С. 170–171.

¹⁴⁴ Смирнов И.С. Указ. соч. С. 266, 300; Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М., 1980. С. 82.

¹⁴⁵ Смирнов И.С. Указ. соч. С. 296–299.

От редакции. Статья осталась незаконченной в связи со смертью автора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Открытие В.Н. Автократова (1922–1992)	5
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АРХИВОВЕДЕНИЯ	
Введение	25
<i>Глава I.</i> Объект, предметы и методологическая характеристика архивоведения	63
Понятия о документной ретроспективной информации и архивной информационной среде	63
Объект архивоведения	70
Предмет архивоведения	75
Методологическая характеристика архивоведения	85
Схема связей архивоведения с другими дисциплинами	91
<i>Глава II.</i> Общая теория архивоведения	108
<i>Глава III.</i> Теория экспертизы ценности документов и практика их от- бора на государственное хранение	133
<i>Глава IV.</i> Теория фондирования	175
<i>Глава V.</i> Теоретические вопросы описания и поиска документной ретроспективной информации	198
Общие понятия, принципы и методы теории описания	198
Основные теоретические вопросы традиционного архивного поиска	211
Надежность архивного описания и поиска	225
Вопросы Единой системы научно-справочного аппарата ...	231
<i>Глава VI.</i> Теоретические вопросы использования документной ретро- спективной информации	253
Основополагающие принципы и понятия теории использо- вания	253
Теоретические вопросы эффективности использования архив- ных документов	268
Заключение	285
СТАТЬИ	
Из истории формирования классификационных представле- ний в архивоведении XIX – начала XX в.	299
Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.)	313

- Автократов В.Н.**
А 22 Теоретические проблемы отечественного архивоведения.
М.: РГГУ, 2001. 396 с.
ISBN 5-7281-0349-9

Исследования выдающегося теоретика и историка архивного дела в России В.Н. Автократа вносят значительный вклад в историографию современной отечественной научной мысли. Впервые публикуется его основополагающий труд по теории науки об архивах, а также переиздаются избранные статьи по истории архивоведческой мысли и архивного строительства.

Для специалистов в области истории и архивоведения, студентов и аспирантов гуманитарных вузов.

Научное издание

АВТОКРАТОВ

Владимир Николаевич

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
АРХИВОВЕДЕНИЯ**

Редактор

С.А. Левина

Художественный редактор

М.К. Гуров

Корректоры

Н.П. Гаврикова, Л.Д. Лихачева

Технический редактор

Г.П. Каренина

Компьютерная верстка

Г.И. Гаврикова

ЛР № 020219, выд. 25.09.96
Подписано в печать 27.03.2001
Формат 60×90 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 25,0
Уч-изд. л. 26,0
Тираж 1000 экз.
Заказ № 1612

Издательский центр РГГУ
125267, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 973-4200
Отпечатано в ППП «Типография «Наука»»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

**ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ:
СОБЫТИЯ И СПОРЫ**

Сборник статей

Отв. ред. П.Ю. Уваров

(Серия “История и память”)

Что произошло в Париже в ночь с 23 на 24 августа 1572 г.?

Каждая эпоха отвечает на этот вопрос по-своему. Насколько сейчас нас могут устроить ответы, предложенные Дюма или Мериме? В книге представлены мнения ведущих отечественных и зарубежных специалистов, среди которых есть как сторонники применения достижений исторической антропологии, микроистории, психоанализа, так и историки, чьи исследования остаются в рамках традиционных методологий.

Одни видят в Варфоломеевской ночи результат сложной политической интриги, другие — мощный социальный конфликт, третьи — столкновение идей, мифов и политических метафор. События дают возможность поставить своеобразный эксперимент, когда не в форме абстрактных “споров о методологии”, а на конкретном примере оценивается существо различных школ и исследовательских методов современной исторической науки.

Для специалистов, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей.

**РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Материалы и исследования
Сборник памяти Г.С. Кучеренко
(Серия *“История и память”*)

Вниманию читателей предлагаются результаты исследований и архивных разысканий по истории русско-французских культурных связей XVIII — начала XIX в. Предпринята попытка на новых материалах показать взаимодействие различных сфер культуры: социально-политических идеалов и практики повседневной жизни, политических и дипломатических маневров и художественного творчества.

В сборник вошли как публикации ценных источников, впервые вводимых в научный оборот и сопровождаемых серьезными комментариями, так и собственно исследования, отражающие определенный этап в подготовке обширных фундаментальных критических публикаций источников. Впервые публикуется множество важных и взаимно дополняющих друг друга документов из российских и иностранных архивов, в том числе неизвестная рукопись Вольтера, послания Ж. Ромма, “осведомительные письма” российской тайной полиции о настроениях в обществе в 1812 г.

Книга посвящена памяти Г.С. Кучеренко (1932–1997), одного из видных отечественных специалистов по истории европейской культуры и общественной мысли XVIII–XIX вв.

Для специалистов и всех интересующихся историей и историей культуры.

В. Н. А В Т О К Р А Т О В

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО АРХИВОВЕДЕНИЯ